

Академия наук Республики Татарстан  
Институт археологии им. А.Х. Халикова

**АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

**ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК  
Материалы круглого стола «Древности Нижнего  
Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского  
могильника»**

**№ 2  
2019**

**АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

**№ 2 2019**

**Главный редактор:**

чл.-корр. АН РТ, док. ист. наук А.Г. Ситдииков

**Ответственный редакторы:**

канд. ист. наук С.В. Кузьминых, канд. ист. наук А.А. Чижевский

**Ответственный секретарь:** А.С. Беспалова

**Редакционный совет:**

**Атанасов Г.**, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

**Редакционная коллегия:**

**Васкул И.О.**, к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Кирюшин Ю.Ф.**, д.и.н. (Барнаул); **Ковтун И.В.** д.и.н. (Кемерово); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

**Адрес редакции:**

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

**E-mail: [archeosteps@gmail.com](mailto:archeosteps@gmail.com)**

**<https://www.evrazstep.ru>**

Индекс 71457, каталог «ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ»

Агентство "Роспечать"

Выход 6 раз в год



**ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES**

**No 2 2019**

**Editor-in-Chief:**

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,  
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

**Executive editor:**

Candidate of Historical Sciences **Sergei V. Kuzminykh**,  
candidate of Historical Sciences **Andrei A. Chizhevsky**

**Executive Secretary:** Antonina S. Bespalova

**Atanasov Georgy**, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunnen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

**Editorial board:**

**Vaskul Igor.O.**, Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Kiryushin Yuri F.** Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Kovtun Igor V.** Doctor of Historical Sciences (Kemerevo); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuzminykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

**Editorial Office Address:**

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation  
Telephone: (843)210-19-76

**E-mail: [archeostepps@gmail.com](mailto:archeostepps@gmail.com)**

**<https://www.evrazstep.ru>**

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие .....	6
-------------------	---

### Древности эпохи поздней бронзы

<b>Усачук А.Н.</b> ( <i>Донецк, Украина</i> ), <b>Бахшиев И.И.</b> ( <i>Уфа, Россия</i> ) Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья .....	10
<b>Лыганов А.В.</b> ( <i>Казань, Россия</i> ), <b>Морозов В.В.</b> , <b>Азаров Е.С.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Луговские I и II стоянки и проблема соотношения черкаскульской, луговской и межов- ской культур в Нижнем Прикамье .....	38
<b>Чижевский А.А.</b> , <b>Лыганов А.В.</b> ( <i>Казань, Россия</i> ), <b>Кузьминых С.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры .....	99
<b>Чижевский А.А.</b> , <b>Галимова М.Ш.</b> , <b>Губайдуллина А.В.</b> ( <i>Казань, Россия</i> ) Казанская стоянка (по материалам исследований 1938 г.) .....	124
<b>Шипилов А.В.</b> ( <i>Казань, Россия</i> ) Кузькинская XVII стоянка (атрибуция и хронология) .....	165

### Проблемы изучения раннего железного века

<b>Новиков А.В.</b> ( <i>Кострома, Россия</i> ) Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов .....	179
<b>Овсянников В.В.</b> , <b>Савельев Н.С.</b> ( <i>Уфа, Россия</i> ) Воинское святилище на Акбердинском II городище .....	201
<b>Черных Е.М.</b> ( <i>Ижевск, Россия</i> ) К 120-летию начала исследований Зуевского (Зуевоключевского I) могильника .....	227
<b>Оруджов Э.И.</b> ( <i>Казань, Россия</i> ), <b>Глушков К.Н.</b> ( <i>Киров, Россия</i> ) Чижевское (Марьин кокош- ник) городище. Итоги археологических исследований за 2017–2018 гг. ....	246
<b>Перескоков М.Л.</b> ( <i>Пермь, Россия</i> ) Ананьинский комплекс Мокинского поселения-могильника .....	259

### История археологии

<b>Воробьёва С.Л.</b> ( <i>Уфа, Россия</i> ) Лесостепная часть Южного Приуралья в эпоху раннего железа: история изучения вопроса и перспективы исследований .....	268
<b>Кузьминых С.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) М.Г. Худяков: из неизданного при жизни .....	292
<b>Резолюция</b> по итогам заседания круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» г. Елабуга, 23–25 мая 2018 г. ....	306
<b>Список сокращений</b> .....	307

## CONTENS

<b>Foreword</b> .....	6
-----------------------	---

### **Antiquities of the Late Bronze Age**

<b>Usachuk A.N.</b> ( <i>Donetsk, Ukraine</i> ), <b>Bakhshiyev I.I.</b> ( <i>Ufa, Russian Federation</i> ) Use of Domestic Animal Astragals in the Settlements of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals .....	10
<b>Lyganov A.V.</b> ( <i>Kazan, Russian Federation</i> ), <b>Morozov V.V.</b> , <b>Azarov E.S.</b> ( <i>Moscow, Russian Federation</i> ) Lugovskaya I and II Sites and the Issue of the Interaction of Cherkaskulskaya, Lugovaya and Mezhovskaya Cultures in the Lower Kama Region .....	38
<b>Chizhevsky A.A.</b> , <b>Lyganov A.V.</b> ( <i>Kazan, Russian Federation</i> ), <b>Kuzminykh S.V.</b> ( <i>Moscow, Russian Federation</i> ) Early (Atabaevo) Stage of Maklashevo Culture .....	99
<b>Chizhevsky A.A.</b> , <b>Galimova M.Sh.</b> , <b>Gubaidullina A.V.</b> ( <i>Kazan, Russian Federation</i> ) Kazanskaya Site (On the Basis of 1938 Study Materials) .....	124
<b>Shipilov A.V.</b> ( <i>Kazan, Russian Federation</i> ) Kuzkinskaya 17 Site (Attribution and Chronology) .....	165

### **Problems of Studing the Early Iron Age**

<b>Novikov A.V.</b> ( <i>Kostroma, Russian Federation</i> ) Current Issues of Studying Early Iron Age Settlements in Eastern Area of the Upper Volga Basin (Kostroma and Ivanovo Volga Regions). Presentation of the Issues .....	179
<b>Ovsyannikov V.V.</b> , <b>Savelyev N.S.</b> ( <i>Ufa, Russian Federation</i> ) Military Sanctuary in Akberdino II Settlement .....	201
<b>Chernykh E. M.</b> ( <i>Izhevsk, Russian Federation</i> ) 120th Anniversary of The Study of Zuevsky (Zuevoklyuchevsky I) Burial Ground .....	227
<b>Orudzhov E.I.</b> ( <i>Kazan, Russian Federation</i> ), <b>Glushkov K.N.</b> ( <i>Kirov, Russian Federation</i> ) “Chizhevskoye (Maryin Kokoshnik) Settlement”. Results of Archaeological Studies in 2017-2018 .....	246
<b>Pereskokov M.L.</b> ( <i>Perm, Russian Federation</i> ) Ananyino Complex of Mokinsky Settlement and Burial Ground .....	259

### **History of Archaeology**

<b>Vorobyeva S.L.</b> ( <i>Ufa, Russian Federation</i> ) Forest-Steppe Part of Southern Urals in Early Iron Period: history of studying the issue and research prospects .....	268
<b>Kuzminykh S.V.</b> ( <i>Moscow, Russian Federation</i> ) M.G. Hudyakov: from unpublished during lifetime .....	292
<b>Resolution</b> following the results of a roundtable meeting "The Antiquities of the Lower Kama Region and the 160th Anniversary of the Archaeological Study of Ananyino Burial Mound", Elabuga, May 23-25, 2018. ....	306
<b>List of Abbreviations</b> .....	307

## ПРЕДИСЛОВИЕ

2018 г. стал годом очередного юбилея начала исследований Ананьинского могильника – исполнилось 160 лет с начала первых археологических раскопок памятника П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным.

В память об этом событии в Елабуге 23–25 мая 2018 г. был организован круглый стол «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника», организованный ГНБУ «Академия Наук РТ» Институтом археологии им. А.Х. Халикова, Институтом международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, Елабужским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником и Елабужским институтом Казанского федерального университета.

В работе круглого стола принимали участие более 20 исследователей из России, Украины и Финляндии.

Заседания открыли выступления директора Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Г.Р. Руденко, директора Елабужского института Казанского федерального университета Е.Е. Мерзон и заведующей Музеем археологии Института археологии им. А.Х. Халикова А.С. Мухаметшиной.

Всего в ходе проведения круглого стола было заслушано 19 докладов, посвященных актуальным вопросам позднего бронзового и раннего железного веков Волго-Уральского региона. Очень скоро стало понятно, что по охвату проблем и масштабу обсуждаемых гипотез круглый стол перерос рамки юбилейного заседания и плавно трансформировался в полноценное совещание, продолжающее серию регулярно проводимых конференций «Ананьинский мир». Особое внимание на нем, как и на предшествующих конференциях (2008, 2012, 2016 гг.), было уделено археологии ананьинской культурно-исторической области.

В процессе работы круглого стола Елабужским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником была организована обширная программа знакомства с музеями и архитектурой купеческой Елабуги XIX – начала XX века. Были организованы выезды на археологические памятники в окрестностях города: эпонимный Ананьинский могильник, Луговской археологический комплекс, а также Чортово городище – ранние укрепления которого были возведены в раннем железном веке.

По итогам работы круглого стола была принята резолюция, которая помещена в заключительной части этого издания.

Большая часть докладов, представленных на круглом столе, выйдет в свет в журнале «Археология евразийских степей» (№2 2019 г.). По тематике статьи разделены на три блока: древности эпохи поздней бронзы, проблемы изучения раннего железного века и история археологии.

В первом из них рассматриваются древности позднего бронзового века. Этот блок открывается статьей **А.Н. Усачука** и **И.И. Бахшиева** с итогами комплексного изучения коллекции костяных и роговых изделий поселения Оло Хаз. Авторы отмечают многочисленные следы разделки туш животных в виде следов резки металлическим лезвием, а также признаки остеофагии. Согласно их данным в коллекции выделяются орудия кожевенного производства и украшения; кроме того, в ней присутствуют предметы, функциональное назначение которых не определено. Однако наибольшее количество изделий относится к астрагалам мелкого и крупного рогатого скота. Трасологический анализ позволил определить назначение этих предметов – астрагалы использовались как лоцила для обработки кожи или игральные и ритуальные кости.

К проблеме взаимодействия черкаскульской, луговской и межовской культур обратились в своей статье **А.В. Лыганов**, **В.В. Морозов** и **Е.С. Азаров**. На основе материалов Луговских I и II стоянок, исследованных А.В. Збруевой в конце 30-х – 40-х гг. XX в., они приходят к выводу, что луговская культура, представленная в основном на Луговской I стоянке, сформировалась позже срубной и федоровской и развивалась одновременно сусканской и черкаскульской. Приводят они и признаки, различающие керамические комплексы черкаскульской и луговской культур. Луговская II стоянка определяется как более поздняя: в ней отмечена керамика раннего (атабаевского) этапа маклашеевской и межовской культур. Авторы приходят к выводу о том,

что «межовская» керамика Луговской II стоянки, возможно, не является собственно межовской приуральской, а относится к позднелуговскому керамическому комплексу, который, согласно стратиграфической ситуации на памятнике, предшествуют атабаевскому. Тем не менее, авторы считают, что керамические комплексы на всем протяжении ареала раннего (атабаевского) этапа маклашеевской и межовской культур одновременны, наблюдаемые различия носят локальную специфику.

В статье **А.А. Чижевского, А.В. Лыганова, С.В. Кузьминых** дана общая характеристика раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры. Эта культура возникает после распада андроновской культурно-исторической общности в результате трансформации луговской культуры. Обширный корпус источников, сформировавшийся в результате активных полевых исследований XX – начала XXI в., позволил авторам дать подробную характеристику материальной культуры, показать вмещающий ландшафт и выявить планиграфию атабаевских поселений. На основании материалов пяти изученных могильников реконструирован погребальный обряд, в основе которого были подкурганные погребения в скорченном или вытянутом на спине положении в сопровождении оружия, украшений, предметов быта и керамики. Время существования атабаевского этапа маклашеевской культуры определяется в границах третьего периода развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Статья **А.А. Чижевского, М.Ш. Галимовой и А.В. Губайдуллиной** вводит в научный оборот материалы раскопок Казанской стоянки, которые были осуществлены в 1938 г. Н.Ф. Калининым. На основании анализа планиграфии селища и коллекций авторы пришли к выводу о том, что набор каменных артефактов, отсутствие котлованов жилых построек, а также наличие открытых кострищ свидетельствуют об использовании памятника в качестве временной охотничьей стоянки, чему способствовало ее размещение на дюне у старичного озера. Материалы стоянки демонстрируют проникновение на территорию Казанского Поволжья носителей средневожской культуры текстильной керамики и их взаимодействие с маклашеевской культурой. Памятник начал функционировать в финале бронзового века на атабаевском этапе маклашеевской культуры и почти без перерывов существовал до конца раннего железного века (ананьинская культурно-историческая область). Самые поздние предметы материальной культуры, найденные здесь, относятся к середине – третьей четверти I тыс. н.э.

В работе **А.В. Шипилова** публикуются коллекция Кузькинской XVII стоянки, которая была сформирована в результате сборов П.Н. Старостина в 1960-е гг. На основе керамических комплексов автор выделяет несколько этапов функционирования памятника, включающих эпохи камня с керамикой позднего неолита, энеолита, поздней бронзы с посудой заосиновской, луговской и маклашевской (атабаевского этапа) культур, а также раннего железного века, к которому относится текстильная керамика аказинско-ахмыловской культуры ананьинской культурно-исторической области.

Во второй блок вошли статьи, рассматривающие проблемы изучения раннего железного века.

Раздел открывается статьей **А.В. Новикова**, который знакомит читателей с современным состоянием изученности раннего железного века восточной части Верхневолжья. Автор рассматривает культурные связи региона и определяет основные направления взаимодействия местного и пришлого населения. Среди проблем, требующих дальнейшей разработки, отмечается необходимость стратификации вещевых комплексов, выделения четких критериев анализа сетчатой керамики раннего железного века, а также разграничения керамики многослойных памятников позднего бронзового и раннего железного веков. Не менее актуальна и проблема верификации керамических комплексов конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

**В.В. Овсянников и Н.С. Савельев** подготовили публикацию остатков интереснейшего археологического объекта – комплекса сооружения на площадке Акбердинского II городища. При его исследовании были выявлены столбовые ямки и разрушенная каменная конструкция. В пределах этого сооружения были выявлены два меча раннескифского и сарматского («ханьского») типов, железный чекан, имеющий аналогии в могильнике Аржан-2, и бронзовая полая статуэтка птицы. Время функционирования объекта авторы относят к рубежу эр и интерпретируют его как воинское святилище.



**Е.М. Черных** представила обзор 120-летней истории изучения Зуевского могильника от момента начала его раскопок в 1898 г. А.А. Спицыным и до современности. В статье вводятся в научный оборот материалы раскопок некрополя конца XX в., а также производится анализ погребального обряда всех изученных за 120 лет погребений. Здесь же приведена общая характеристика погребального инвентаря, разделенного автором на пять функциональных групп предметов.

**Э.И. Оруджов** и **К.Н. Глушков** знакомят читателей с результатами исследований 2017–2018 гг. на Чижевском (Марьин кокошник) городище. В результате этих работ было выявлено два этапа существования памятника. Первый относится ко времени строительства и функционирования городища в раннем железном веке; второй связан с посещением памятника русским населением в XVIII–XIX вв. Кроме того, дополнительно были проанализированы коллекции из предшествующих сборов на городище, которые хранятся в Кировском областном краеведческом музее.

В статье **М.Л. Перескокова** анализируются коллекции ананьинского времени, полученные в результате исследования Мокинского поселения-могильника. Несмотря на то, что объекты первой фазы раннего железного века на памятнике не зафиксированы в силу разрушения культурного слоя пахотой и носителями позднейшей гляденовской культуры, здесь выявлен и вещевой комплекс поселения ананьинского времени. Этот комплекс удалось разделить на два хронологических горизонта: ранний – VIII–VII вв. до н.э. и поздний – V–IV вв. до н.э.

Третий блок статей связан с историей археологической науки. **С.Л. Воробьева** на основе обширного списка публикаций произвела подробный анализ истории изучения кара-абызской культуры Южного Приуралья. Несмотря на некоторую бессистемность изложения, она представила полную картину истории выделения этой археологической культуры предшествующими исследователями. Автором показано развитие отдельных направлений изучения кара-абызской культуры, таких как антропология, археозоология, костюмный комплекс, хронология, погребальный обряд и др. Формирование культуры рассматривается в традиционном ключе как взаимодействие местного оседлого населения, с пришлым кочевым, гафурийским.

В 2019 г. исполняется 125 лет со дня рождения видного российского археолога и историка Михаила Георгиевича Худякова (1894–1936). Этому событию посвящена статья **С.В. Кузьминых** «М.Г. Худяков: из неизданного при жизни». Автор дал обзор огромного и многопланового творческого наследия М.Г. Худякова. Известно, что после расстрела в 1936 г. многие работы ученого остались неопубликованными и оказались в разных архивах страны и зарубежья. Статья вводит читателей в мир рукописей Худякова по истории и этнографии удмуртов и мари, археологии Волжско-Камского края. Многие из них, безусловно, ждут возвращения из небытия и должны быть опубликованы.

Редакторы выражают благодарность всем исследователям, принимавшим участие в круглом столе «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» и в подготовке данного издания. Мы будем рады, если статьи, опубликованные в этом номере журнала «Археология евразийских степей», вызовут интерес у широкого круга специалистов, а проблемы, затронутые в них, получат продолжение при обсуждении на последующих конференциях «Ананьинский мир» и в разного рода публикациях.

*С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский*





**Рис. 1.** Ананьинская дюна, 2018 г.



**Рис. 2.** Участники круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» 23–25 мая 2018 г.



# ДРЕВНОСТИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

УДК 902.01

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АСТРАГАЛОВ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ НА ПОСЕЛЕНИЯХ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БАШКИРСКОГО ЗАУРАЛЬЯ

© 2019 г. А.Н. Усачук, И.И. Бахшиев

Статья посвящена практике использования астрагалов (таранных костей) мелких и крупных копытных населением эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья. В основу положена информация, полученная при трасологическом и технико-технологическом изучении коллекции поселения Оло Хаз. Дана краткая характеристика всей коллекции костяных изделий поселения, затем – более подробно авторы останавливаются на астрагалах, найденных на памятнике. В качестве аналогий приводятся данные еще по двум поселениям Башкирского Зауралья – Ново-Байрамгулово-1 и Олаир.

**Ключевые слова:** поселение, эпоха поздней бронзы, костяные изделия, астрагалы, орудия, ритуальные предметы.

В мае 2018 г. на одном из заседаний Круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника» в г. Елабуге был заслушан доклад А.Н. Усачука «Об использовании астрагалов домашних животных (по материалам некоторых поселений позднебронзового века Башкортостана)». Доклад был построен на материалах коллекций костяных орудий и изделий двух поселений позднего бронзового века Башкирского Зауралья с привлечением аналогий из находок на других поселениях различных регионов позднебронзового мира<sup>1</sup>. Часть доклада была посвящена материалам поселения Ново-Байрамгулово-1, коллекция которого насчитывает целую группу изделий и орудий из астрагалов мелких и крупных копытных. За время, прошедшее после доклада и до подготовки настоящей работы, необходимость в частичном освещении новобайрамгуловских материалов отпала, поскольку статья о всей совокупности костяных орудий и изделий памятника вышла (Рафикова и др., 2019). Таким образом, осталось второе посе-

ление – Оло Хаз, на материалы которого мы и будем опираться в этой статье.

В июне 2017 г. авторами было проведено комплексное изучение коллекции костяных и роговых изделий поселения Оло Хаз (Бахшиев, 2008; Бахшиев, Бахшиев, 2014, с. 41), найденных во время исследования памятника в 2006 г. Изучены как находящаяся в обработке часть коллекции, так и костяные орудия, и изделия, поступившие в фонды Национального Музея Республики Башкортостан. Использовался микроскоп МБС-10-1. Во время работы с коллекцией значительная часть находок была либо нарисована, либо перерисована с учетом выявленных деталей.

Всего было изучено 90 экз. находок, из которых не орудиями/изделиями или их фрагментами было признано 16 экз. Естественное состояние костяных изделий памятника довольно хорошее. В основном, их можно оценить 4-мя баллами по пятибалльной шкале (ср. Антипина, 2003, с. 13; 2016, с. 107). Иногда кости животных из тех, которые оказались без следов изготовления или использования, имеют разрушенный поверхностный слой и набирают не более 2–3-х баллов (Антипина, 2003, с. 13; 2011, с. 167). Некоторые кости имеют интенсивные следы погрызов, оставленных мелкими грызунами. По мнению Е.Е. Антипиной<sup>2</sup>, на одном фрагменте труб-

<sup>1</sup> В частности, был показан интересный комплекс, состоящий из 9 астрагалов мелкого рогатого скота в скоплении и лежащего неподалеку небольшого каменного диска (биты?). Комплекс найден в углу на дне жилища позднебронзового поселения Макрихая (Северо-Восточное Приазовье) в 1982 г. Раскопки О.Я. Приваловой и А.И. Привалова в 1981–1982 гг.

<sup>2</sup> Авторы благодарят Е.Е. Антипину (ИА РАН)



чатой кости со следами легкой залощенности следы погрызов оставлены иными животными (травоядными?) (ср. Евгеньев и др. 2016, с. 93; Витезовић, 2016, s. 58–59; Рассадников, 2017, с. 164, 166). Две кости – с типичными признаками остеофагии – поеданием костей копытными животными (ср. Евгеньев и др., 2016, с. 93, 192, рис. Ж1; Рассадников, 2017). На запястной кости крупного рогатого скота (далее – КРС) (рис. 3: 1) сохранился четкий след резки довольно острым металлическим лезвием – свидетельство разделки туши животного. Такие следы довольно часто встречаются на костях животных в археозологических коллекциях (Binford, 1981, p. 105–125; Davis, 1995 p. 24; Vitezović, Bulatović, 2013, p. 282; Витезовић, 2016, s. 59–60; и др.) и, в частности, в коллекциях с памятников эпохи поздней бронзы (Антипина, 2004, с. 191; 2011, с. 183; Усачук, 1993, с. 144; 2000, с. 92; 2011, с. 207; 2012а, с. 140, 142; 2012б, с. 232; 2013, с. 331; Усачук, Бровендер, 1993, с. 177; Панковский, 2010, с. 42; Панковский 2012а, с. 320; Евгеньев и др. 2016, с. 93; и др.). Кстати, многочисленные следы резки, свидетельствующие о разделке туш животных, в материалах поселения Оло Хаз сохранились и на астрагалах (таранных костях), о чем будет сказано ниже. Еще на одной II фаланге КРС (рис. 6: 8) оказался сточен небольшой участок на проксимальном конце (рис. 7: 8А) и чуть подрезан блок дистального конца (рис. 7: 8Б). Небольшой участок поверхности (рис. 7: 8В) чуть залощен. Характер модификации фаланги неясен, но это явно не орудие.

Таким образом, с вычетом 16 экз. фрагментов костей животных без следов изготовления или использования, довольно представительная коллекция костяных изделий поселения Оло Хаз насчитывает 74 экз. Правда, в это количество входит и большая группа роговых стержней пологовиков животных – 21 экз., которые почти все (20 экз.) можно отнести к отходам, и самая большая группа изделий – астрагалы – 37 экз. Без этих групп находок олохазская коллекция не отличается разнообразием и насчитывает всего 14 экз. (с учетом орудий из астрагалов (о них см. далее по тексту) – 19 экз.).

Найдены обломки 4 экз. тупиков – типичных орудий кожевенного производ-

ства, причем 2 из них сделаны из правых половин нижних челюстей КРС (рис. 1: 1, 2) – сырья, редко применяющегося для изготовления тупиков (Усачук, 1999а, с. 17; 2011, с. 207–208; 2012б, с. 230; 2013, с. 331–332; Кузьмина и др., 2017, с. 168). Традиционно для тупиков использовались левые половины нижних челюстей КРС (Усачук, 1994, с. 63; 1996, с. 68–69; 1997, с. 129–130; 2000, с. 93; 2011, с. 207; 2012а, с. 142; 2012б, с. 230; 2013, с. 331; Панковский, 1999, с. 196; 2010, табл. 2, табл. 2а; Панковский, 2012б, с. 64–67; Килейников, 2000, с. 130; 2003, рис. 2, 7–9; 2009, с. 104; Антипина, 2004, с. 225; Петрова, 2004, рис. 15: 7, 8; Бородовский и др., 2013, с. 248; Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 221; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 128; Букачёва, 2017, с. 254; Барынкин и др., 2017, с. 29; Кузьмина и др., 2017, с. 168; Рафикова и др., 2019, с. 92; и др.).

Помимо тупиков, на поселении найдена единичные орудия для обработки кожи: небольшой фрагмент лощила (рис. 2: 1) из тела ребра и проколка (рис. 2: 9) из фрагмента трубчатой кости крупных копытных.

В единственном экз. в коллекции поселения Оло Хаз представлено изделие из головки проксимального эпифиза бедренной кости КРС – «пряслице» (рис. 3: 2). По отношению к подобным изделиям применяют много иных терминов (Панковский, 2012б, с. 84, 179–180), а сами орудия из головок бедренных костей крупных копытных – полифункциональны (Усачук и др., 2010, с. 171; Панковский, 2012б, с. 84–86; 2012в, с. 86–89; Усачук, 2013, с. 347; 2016а, с. 130; 2016б, с. 28; Сергеева, 2014, с. 154–155; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 140–141; Кузьмина и др., 2017, с. 169; Кузьмина, 2017, с. 293; Васильева и др., 2017, с. 415; Рафикова и др., 2019, с. 96)<sup>3</sup>, а потому термин «пряслице» взят нами в кавычки.

В коллекции костяных изделий поселения Оло Хаз присутствуют 4 экз. трубочек из фрагментов диафизов больших берцовых костей мелкого рогатого скота (далее – МРС) (рис. 2: 5–8).

Назначение подобных трубочек, как правило, неясно, поскольку зачастую кроме залощенности, у изделий отсутствуют ярко выраженные следы (ср. Усачук, 1999б, с. 76;

<sup>3</sup> Особо отметим использование подобных «пряслиц» в качестве лощил-полировальников для обработки каменных изделий (Коробкова, Виноградов, 2004, с. 76, 78).

2012а, с. 150; Ашихмина и др., 2006, с. 59; Забавин, 2015, с. 25–26; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 143; Лбова, Кожевникова, 2016, с. 53; Мусеибли, 2018, с. 112). В олохазской коллекции подобная неясность связывается нами с почти целым (рис. 2: 6) и фрагментированным (рис. 2: 8) изделиями. Трубочка с оставшимся проксимальным концом (рис. 2: 7) весьма удобна в качестве рукоятки небольшого орудия (ср. Усачук, 2012а, с. 150). Наиболее интересной является самая маленькая трубочка (рис. 2: 5). Скорее всего, перед нами костяное горлышко кожаной емкости типа бурдюка, поскольку в таком случае находит объяснение намеренно огрубленная поверхность трубочки, позволяющая увеличить трение при жестком закреплении этой детали.

Некоторые изделия из кости в олохазской коллекции можно отнести к украшениям: пуговицу (рис. 2: 2) (ср. Ромашко, 2013, с. 116) и подвески (рис. 2: 3, 4) из клыков мелких хищников. В корне одного клыка (рис. 2: 3) металлическим лезвием аккуратно прорезан узкий поперечный паз. Паз нужен был для того, чтобы в получившемся углублении было легче просверлить маленькое отверстие. Второй экземпляр (рис. 2: 4) без отверстия и даже без желобка, но с такими же следами сработанности, как и первый клык, очевидно, очень туго захлестывался тонкой петлей (ср. Усачук, 2016а, с. 30). Возможно, этот клык не носился, а долго где-либо висел (ср. Тянина, 2011, с. 160).

Интересной особенностью коллекции костяных изделий и орудий поселения Оло Хаз является значительная группа отходов – костных стержней полорогих животных (рис. 3: 3; 4: 1–4; 5: 1–4). Мы не можем сказать, для каких изделий использовались снятые роговые чехлы животных<sup>4</sup>. Вряд ли в эпоху бронзы из чехла полого рога изготавливалась посуда типа сосудов пазырыкской культуры (Бородовский, 2007, с. 92–95; 2008, с. 45). Вероятно, роговые чехлы расчленились на заготовки-пластины и роговые окончания (Бородовский и др., 2013, с. 241, 247; ср. Абро-

симова и др., 1978, с. 38; Пальцева, 2011а, с. 132; Душенко, 2016а, с. 63; и др.), которые могли идти на изготовление каких-либо рукояток, застежек, пуговиц и иной мелкой фурнитуры, или использоваться в конструкции луков (ср. Бородовский, 2007, с. 39–40). Ситуация усложняется еще тем, что роговые чехлы и изделия из них практически не сохраняются (ср. Сергеева, 2011а, с. 49; 2011б, с. 202; Luik, 2011, р. 36; Бородовский и др., 2013, с. 232).

На многих олохазских стержнях сохранились следы рубки острыми тяжелыми лезвиями. Кроме следов рубки и слома на двух стержнях зафиксирована очень легкая залощенность поверхности, но она не производит впечатления намеренной. Возможно, эти стержни безо всякой обработки использовались как случайные разовые орудия (ср. Усачук, 1993, с. 137; 2012а, с. 140, 142; Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 221; и др.), например, в роли кочедыков – орудий для развязывания узлов. Разовое использование костных стержней-отходов в роли кочедыков можно предположить еще и потому, что в олохазской коллекции присутствует подобное орудие из рога сайгака (рис. 3: 4). По телу этого орудия идет легкая затертость и залощенность, которая у острия немного увеличивается. Аналогичная картина следов – на кочедыках из отростков оленьих рогов (Усачук, 2016в, с. 478).

На поселенческих памятниках эпохи поздней бронзы различных регионов находили костные стержни рогов полорогих (Бородовский, 2007, с. 79; Молодин и др., 2009, с. 193–194; Бейсенов, Ломан, 2009, с. 42; Усачук, 2012б, с. 233; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 133; и др.). Как правило, подобные находки немногочисленны. Однако следует обратить внимание на поселение Кент, где полый рог широко использовался в качестве сырья (Усачук, Варфоломеев, 2013, с. 222) и, особенно, на поселение Олаир, находящееся в непосредственной близости от поселения Оло Хаз. Здесь найдено достаточное количество костных стержней, роговые чехлы с которых были использованы в качестве сырья (Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 86: 6, 7; 93: 7; 99: 1; 105: 5; 106: 8). Как и в случае с коллекцией поселения Оло Хаз, мы не видим на Олаире изделий из роговых чехлов (не сохранились(?), унесены(?) с поселения в качестве сырья или каких-то изделий). Обратим внимание, что олаирский мастер иногда рубил

<sup>4</sup> С подобной ситуацией сталкивались исследователи и при изучении косторезного производства эпохи энеолита: «Полый рог со следами пиления является отходом производства, но цель такой обработки неясна» (Панковский, 2013, с. 472), раннего железного века (Вагон et al., 2016, р. 31) и даже эпохи средневековья (Сергеева, 2011а, с. 48, 50; Пальцева, 2011б, с. 83–84).

и ломал стержень рога у основания (Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 86: 7) точно так же, как его олохазкий «коллега» (рис. 4: 4).

Наиболее представительная группа в олохазской коллекции костяных изделий – подборка астрагалов – таранных костей разных животных. Всего на поселении найдено 37 экз.: 8 экз. – МРС (рис. 6: 1–6), 1 экз. – кабан и 28 экз. – КРС (рис. 6: 7; 8: 1–3; 10: 1–3; 12: 1–3; 14: 1–3). Астрагал кабана – правый. Следы отсутствуют (кроме диагонального свежего следа с металлическим блеском внутри на каудальной стороне – очевидно, полученном во время раскопок (ср. Витезовић, 2016, s. 62). Медиальная сторона астрагала имеет очень легкую залощенность, но она не производит впечатления намеренной. Из астрагалов МРС один правый – без следов сработанности и только с легкой залощенностью локальных участков поверхности. Краниальная сторона этого астрагала срезана лопатой во время раскопок, а на латеральном гребне проксимального блока – продольный свежий след с металлическим блеском – такой же, как и на таранной кости кабана. На остальных 7 астрагалах МРС зафиксированы разнообразные следы, в том числе и современный свежий – с металлическим блеском на горелом экземпляре (рис. 7: 5А). Из 7 астрагалов МРС только 2 – левые (рис. 6: 6), остальные (рис. 6: 1–5) – правые. Вряд ли правые таранные кости МРС выбирались целенаправленно – выборка слишком мала, и мы видим элемент случайности. Обратим внимание на почти поперечные короткие следы резки острым (рис. 7: 4А) и не очень острым (рис. 7: 6А) металлическими лезвиями. Такие следы типичны на таранных костях мелких и крупных копытных<sup>5</sup>, остающиеся от разделки туши и свидетельствующие о целенаправленном вычленении этих костей из конечностей животных (ср. Amandry, 1984, p. 374; Антипина, 2004, с.191; 2011, с. 195–196; Усачук, 2013, с. 347; Подобед и др., 2014, с. 42–43; Евгеньев и др., 2016, с. 139; Кузьмина и др., 2017, с. 173; Рафикова и др., 2019, с. 106; и др.). Боковые грани некоторых астрагалов сточены (рис. 7: 1А,Б; 2А,Б). На одном экземпляре латеральная сторона подточена на локальных участках (рис. 7: 5Б), а медиальная сторона (рис. 7: 5В) уплощена чуть-чуть. Та

<sup>5</sup> Подобные более разнообразные и интенсивные следы резки зафиксированы на таранных костях КРС олохазской коллекции (о них ниже).

же картина, но менее выраженная, на боковых сторонах еще одного астрагала (рис. 6: 4): на медиальной стороне локальные следы абразива (рис. 7: 4Б), а латеральная (рис. 7: 4В) почти не тронута. Сточенность боковых сторон астрагалов достигнута разными путями. Например, на одном астрагале (рис. 6: 2) эти стороны уплощены специально: помимо залощенности, на поверхности сторон нет никаких следов. Отсутствуют следы эксплуатации при небольшом уплощении боковых сторон и сильной залощенности и на другом астрагале (рис. 6: 4). Линейная залощенность фиксируется еще на одном слегка подточенном экземпляре (рис. 7: 5Г). В то же время у весьма сработанного астрагала (рис. 6: 1) на боковых гранях масса разнообразных и разнонаправленных нечетких следов, как длинных (рис. 7: 1В), так и коротких: боковые стороны не уплощались специально, а постепенно сточились во время работы – астрагал использовали в качестве ложила по эластичному материалу. Три астрагала МРС в коллекции (рис. 6: 3, 6) без какой-либо обработки боковых сторон, но следы сработанности разделяют и эту микрогруппу таранных костей. На одном астрагале легкая локальная залощенность участков поверхности. На другом (рис. 6: 6) – сильная залощенность, достигающая до линейной заполировки на гранях (рис. 7: 6Б). Третий экземпляр (рис. 6: 3), напротив, под полировкой, которая сильнее на выступающих участках (рис. 7: 3А), сохранил массу очень тонких разнонаправленных коротких линейных следов. На некоторых участках (рис. 7: 3Б) произошла утрата компакты от трения: астрагал использовался в качестве ложила по мягкому материалу.

Небольшая группа астрагалов МРС на поселении Оло Хаз демонстрирует два вида использования: 2 экз. в качестве небольших ложил по коже (рис. 6: 1, 3) и 5 экз. в качестве игральных/гадальных костей (рис. 6: 2, 4–6). Обратим внимание, что в обеих группах присутствуют как астрагалы с подточеными боковыми сторонами, так и без. В отношении орудий для обработки кожи уточним, что один астрагал (рис. 6: 1) сильнее сработан и сточенность граней – следствие этой работы. Судя по следам, его использовали по более грубому материалу, чем астрагал с очень тонкими разнонаправленными следами (рис. 6: 3). Если «рабочие» астрагалы получали сточенные грани во время использования, то игральные



или гадальные кости намеренно уплощали в большей (рис. 6: 2) или меньшей (рис. 6: 4, 5) степени. Возможно, уплощенные и неуплощенные астрагалы составляли разные игровые/гадальные наборы.

Самая большая группа находок на поселении – астрагалы КРС – 28 экз. (15 правых, 13 – левых). На 22 экз. фиксируются разнообразные следы резки и рубки металлическими орудиями, которые остались от разделки туш животных. Следы могут быть на различных сторонах астрагалов, но чаще всего они сосредоточены на передней (краниальной) стороне. Значительная коллекция таранных костей КРС дала довольно насыщенную и разнообразную картину таких следов<sup>6</sup>. Это могут быть единичные поперечные следы резки (рис. 7: 7А; 9: 2А; 13: 1А; 15: 1А, 3А) и такие же надрезы в небольших группах, параллельные друг другу (рис. 7: 7Б; 9: 1А, 2Б; 13: 2А; 15: 2А). Отметим и вариант подобных параллельных друг другу слабых следов тонкого лезвия в группах, идущих слегка по дуге (рис. 9: 3А). Иногда по одному и тому же месту проводили лезвием дважды. Получались следы, которые накладываются друг на друга, отличаясь только глубиной проникновения в компакту кости. На одном из астрагалов зафиксированы следы разных лезвий на медиальной и краниальной сторонах таранной кости. Помимо поперечных, на астрагалах КРС редко встречаются почти продольные и диагональные следы резки (рис. 15: 1Б, 3Б). Длинный четкий след (рис. 15: 1Б) оставлен очень острым лезвием, в то время, как группа диагональных следов на другом астрагале (рис. 15: 3Б) оставлена довольно тупым лезвием и почти напоминает следы подрубки, зафиксированные на этом же астрагале (рис. 15: 3В). Очевидно, работа не слишком острым металлическим лезвием осуществлялась двумя способами: более или менее интенсивными актами резки и несильными актами рубки. На некоторых других астрагалах КРС остались следы более интенсивной подрубки (рис. 9: 1Б; 11: 2А). Особенно следует обратить внимание на целую серию следов рубки, оставленную на дистальном блоке астрагала (рис. 9: 3Б) и в районе медиального гребня проксимального блока (рис. 9:

<sup>6</sup> На некоторых астрагалах КРС небольшие свежие сколы или уже упоминавшиеся следы с металлическим блеском, появившиеся на таранных костях в процессе раскопок поселения (ср. Витезовић, 2016, s. 62).

3В). Формально эти следы уже нельзя отнести к операции вычленения таранной кости из конечности животного – на этом месте следы рубки возможны по уже отделенному астрагалу. Скорее всего, из цельного астрагала хотели что-то сделать и следы интенсивной рубки показывают начало работы над модификацией кости. В олохазской коллекции астрагалов КРС есть астрагал (рис. 10, 1), который был довольно сильно подрублен чуть ли не на половину с медиальной стороны (рис. 11: 1А). Помимо следов резки и рубки, обратим внимание и на группу следов на краниальной стороне одного из астрагалов (рис. 15: 1В). Эти следы не похожи на оставленные режущим или рубящим лезвием, они менее четкие и, скорее всего, результат скобления поверхности кости.

Из 28 астрагалов КРС 10 экз. не имеют следов сработанности: на 1 экз. – нет вообще никаких следов, на 9 экз. только следы резки и/или рубки. Эти данные мы приводим, исходя из того, что наличие следов резки подразумевает, как уже упоминалось, целенаправленное вычленение астрагалов из конечностей животных. Возможно, мы фиксируем преднамеренное накопление какого-то количества астрагалов КРС – по крайней мере – 9 экз. (6 правых, 3 – левых), которые затем так и остались в роли потенциальных орудий/изделий. Остальные 18 экз. (8 правых, 10 – левых)<sup>7</sup> были по-разному задействованы обитателями поселения Оло Хаз. Астрагал с подружкой (рис. 10: 1) имеет легкую залощенность и только небольшой участок краниальной (передней) стороны (рис. 11: 1Б) залощен немного больше. На этом астрагале нет каких-либо следов сработанности. Не несут следов сработанности и еще 14 экз. астрагалов КРС кроме разной интенсивности залощенности или заполировки. В основном, на таранных костях фоновая залощенность: от едва-едва намечившейся до легкой (рис. 6: 7; 12: 2) или чуть более залощенными участками на разных сторонах (рис. 13: 1Б). На одном астрагале выделявшиеся участки были заполированы (рис. 15: 2Б), а помимо них – фиксировалась еще и интенсивная залощенность на высту-

<sup>7</sup> Подсчет правосторонних и левосторонних астрагалов КРС производился для того, чтобы убедиться – был ли целенаправленный отбор тех или иных таранных костей. Судя по полученным данным, астрагалы КРС, как и астрагалы МРС, выбирались произвольно.

пающих участках обеих гребней проксимального блока (рис. 15: 2В). На двух астрагалах легкая залощенность шла только по медиальной стороне. Кроме того, иногда чуть более на фоне легкой залощенности выделялась линейная – по выступающим граням (рис. 9: 3Г; 13: 1В, 3А; 15: 1Г, 3Г). Из этой группы астрагалов выделяется только один (рис. 10: 2) – со слегка срезанными боковыми гранями и латеральным гребнем проксимального блока (рис. 11: 2Б) и участками чуть большей залощенности на краниальной стороне (рис. 11: 2В) и на срезанной латеральной (рис. 11: 2Г). Здесь же сохранились и слабые следы подрезки (рис. 11: 2Д).

Следы сработанности обнаружены только у 3 экз. астрагалов КРС. У одного из них – левого (рис. 8: 1) на фоне интенсивной залощенности всей поверхности выделяется более сильная линейная заполировка на гранях и локальная заполировка на выступающих (рис. 9: 1В) и не только (рис. 9: 1Г) участках кости. Участок латерального гребня утрачен (рис. 9: 1Д), но слом залощен. По всем выступающим участкам краниальной стороны астрагала сохранилась масса очень мелких коротких и длинных тонких разнонаправленных следов. Особенно эти следы хорошо читаются в районе дистального блока таранной кости (рис. 9: 1Е). Такие же следы сработанности зафиксированы на еще одном – правом астрагале (рис. 10: 3). Здесь на фоне залощенности всей поверхности выделяется более сильная на выступающих участках (рис. 11: 3А), есть линейная заполировка на гранях и заполировка вплоть до начала обесцвеченности на выступающих участках краниальной стороне (рис. 11: 3Б). Под заполировкой на этой стороне астрагала – масса очень мелких коротких тонких разнонаправленных следов. Такая же картина сработанности фиксируется и на втором правом (а в общей сумме – на третьем) астрагале (рис. 8: 2). Заполированные участки на краниальной стороне этого астрагала (рис. 9: 2В) такие же, только мелкие разнонаправленные следы более длинные, чем на первом правом астрагале.

Как и астрагалы МРС олохазской коллекции, астрагалы КРС демонстрирует два вида использования: 3 экз. в качестве лоцил по коже (рис. 8: 1, 2; 10: 3), остальные – в качестве игральные/ритуальные предметы. Обратим внимание, что следы сработанности на лоцилах из астрагалов МРС и КРС совпада-

ют. Рабочей являлась краниальная сторона – так лучше всего удерживать таранную кость в руке, если не работать боковыми сторонами. Как раз наиболее выступающие участки краниальной стороны начали срабатываться на всех экземплярах этих небольших лоцил. Судя по следам, орудиями работали во всех направлениях (ср. Килейников, 2009, с. 111) – очевидно, как было удобно тому, кто разминал таким небольшим лоцилом кожу. Следы по тонкости и заполировке напоминают такие же на скребках из кости для обработки шкур, но работа скребками дает обычно однонаправленные следы (Килейников, 2009, с. 100), здесь же мы видим следы разнонаправленных движений. Небольшая разница в длине следов указывает на привычки того, кто использовал эти орудия: более или менее широкие движения совершала рука, держащее то или иное орудие-астрагал.

Группа не орудий из астрагалов КРС (14 экз.), имеющая следы залощенности без какой-либо сработанности, может быть отнесена к игровым/ритуальным предметам (ср. Подобед и др., 2014, с. 43–44). Если говорить об игре, то обратим внимание на те работы, в которых упоминается использование наряду с астрагалами мелких животных и таранных костей КРС (Пещерева, 1957, с. 65, 66; Черников, 1960, с. 29; Бутанаев, Верник, 1995, с. 21, 22, 40<sup>8</sup>; Рассыхаев, 2002, с. 98, 99; Илебаев, 2007, с. 14; Татаурова, 2008, с. 198; Сатаев, 2008, с. 159; Стрельник та ін., 2009, с. 38, 40, 41, 42; Сергеева, 2011а, с. 99; Любич, 2011, с. 372; Шагапова, 2010, с. 298–299; 2014, с. 115; Подобед и др., 2014, с. 47; Штыхов, 2014, с. 59<sup>9</sup>; Гордеев, 2014, с. 208; Гейко, 2015, с. 82–83; Душенко, 2016б, с. 228; Вітрик, Кузьміщев, 2018, с. 68–70; и др.). Правда, отсутствие следов забитости или хотя бы мелких повреждений от ударов на олохазских астрагалах КРС говорит о том, что эти предметы не использовались в каче-

<sup>8</sup> Обратим внимание, что здесь есть описание игры, в которой используют только астрагалы КРС: их ставят на определенном расстоянии и выбивают стрелами (Бутанаев, Верник, 1995, с. 22). Разумеется, в качестве мишеней таранные кости КРС подходят больше.

<sup>9</sup> Здесь речь идет об использовании астрагалов в качестве бит. Видовая принадлежность таранных костей не указывается, но судя по рисункам, использовались и астрагалы КРС (Штыхов, 2014, рис. 28: 13; 29: 15; 34: 6) и – реже – МРС (Штыхов, 2014, рис. 28: 14).

стве бит (ср. Carè, 2013, p. 93; Подобед и др., 2014, с. 44; Цимиданов, 2015, с. 62; Евгеньев и др., 2016, с. 139)<sup>10</sup>. Выделяется экземпляр со срезанными гранями (рис. 10: 2), который является игровым/ритуальным с большим на то основанием. Неясно, астрагал со срезанной частью (рис. 10: 1) можно ли отнести к этой же группе или это заготовка какого-то орудия? В качестве близкой аналогии укажем на астрагал с такой же срезкой из материалов позднебронзового поселения Безыменное-II в Северо-Восточном Приазовье (Подобед и др., 2014, рис. 1: 4). Еще более срезанный астрагал КРС найден на поселении срубной культуры Раздолье-1 в бассейне Верхнего Дона (Усачук, 2011, с. 207; Подобед и др., 2014, рис. 1: 9). Астрагал из Безыменного-II был интерпретирован в качестве заготовки какого-то изделия (Подобед и др., 2014, с. 42). находка из Раздолья-1 при изучении коллекции памятника была связана с культовой деятельностью со ссылкой на расколотые астрагалы поселения Ляпичев хутор на Дону (Усачук, 2011, с. 208; Подобед и др., 2014, с. 42). Таким образом, олохазский астрагал со срезанной частью может трактоваться двояко: заготовка изделия или предмет даже не игровой, а именно ритуальной сферы. Настораживает тот факт, что олохазский астрагал со срезанной частью практически повторяет такой же безыменский: на разных столь удаленных друг от друга памятниках нашли две одинаковые заготовки? Возможно, версия использования таких астрагалов КРС в ритуальной сфере более приемлема.

Обратим внимание и на такой факт: среди игровых/ритуальных астрагалов КРС найден микрокомплекс – 3 экз. в кв. 3-4, гор. 2 (рис. 12: 1–3) и два возможных микрокомплекса – по 2 экз. в кв. 3-10, гор. 2 (рис. 10: 1, 2) и в кв. Г-6, гор. 4 (рис. 14: 2, 3)<sup>11</sup>. К сожалению, астрагалы в парах не найдены вместе. Например, между двумя находками в кв. Г-6, гор. 4 почти метр. Зато в микрокомплексе из 3-х экз. в кв. 3-4, гор. 2 (рис. 12: 1–3) все астрагалы найдены

<sup>10</sup> В интересной работе (Вітрик, Кузьмішев, 2018), например, ничего о забитости не говорится, хотя астрагалы КРС в найденном наборе, скорее всего, действительно выполняли роль биток (Вітрик, Кузьмішев, 2018, с. 68, 70).

<sup>11</sup> Кстати, 2 астрагала КРС, которые по следам использования оказались орудиями, тоже найдены в одном квадрате и на одном горизонте: кв. Г-2, гор. 3 (рис. 8: 2; 10: 3).

очень близко – между крайними не более 0,8 м. Известно, что на поселениях конца средней – поздней бронзы различных регионов степи и лесостепи зафиксированы культовые комплексы с использованием таранных костей КРС (Подобед и др., 2014, с. 33, 35, 37, 40, 42). Известны и различные обрядовые манипуляции с отдельными астрагалами КРС (Подобед и др., 2014, с. 42–43, 46). Возможно, на поселении Оло Хаз мы сталкиваемся с остатками подобных, если не комплексов, где астрагалы лежат в кучках (ср. Кривцова-Гракова, 1948, с. 125; табл. III; Усачук, 2012б, с. 232; Подобед и др., 2014, с. 40, 42; и др.), то с таранными костями КРС, которые являлись атрибутами различных обрядов.

Выше мы уже обращались к материалам поселения Олаир, находящегося в 5 км от поселения Оло Хаз (Бахшиев, Бахшиев, 2014, рис. 6: Е). На Олаире найдена и небольшая группа астрагалов КРС (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 55) и один из них орнаментирован (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 56). Он точно относится к ритуальной сфере. Из других находок – возможно, найденный в колодце №4 астрагал с отпиленной частью (Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 55: 5) является орудием. В целом же – на двух территориально близких поселениях Башкирского Зауралья мы фиксируем активное использование таранных костей КРС в разных целях.

Что касается поселения Ново-Байрамгулово-1, то в его коллекции костяных изделий и орудий найдена значительная подборка астрагалов МРС (14 экз.) и совсем небольшая – астрагалов КРС (3 экз.). По сравнению с поселением Оло Хаз, на Ново-Байрамгулово-1 разнообразнее использовали таранные кости МРС: ложила по коже, апотропеи или амулеты-обереги, возможные «гуркалы», (они же «брунчалки», «брунчаки», «гудалки», «жужжалки») (Заглада, 1929, с. 122–123, 178; Даль, 1978, с. 131; Завьялов, 2010, с. 340; Сергеева, 2011а, с. 100–101; Мядзведзева, 2013, с. 89; Штыхов, 2014, с. 59; Крупенкова, 2015, с. 161; Душенко, 2015, с. 240; 2016б, с. 228; Лбова, Кожевникова, 2016, с. 48–52), передвижные порошки-подставки для струн щипкового инструмента (ср. Сунчугашев, 1963, с. 150; Флёрова, 2001, с. 110–111; Стоянов, 2008, с. 161; Краснолуцкий, Заика, 2009, с. 270; Молодин, Ефремова, 2010, с. 190; Аравин, 2017, с. 66–67), возможные «намотки для ниток» (ср. Ромашко, 2013, с. 112), игро-



вые/ритуальные приспособления (Рафикова и др., 2019, с. 108–110). Но астрагалы КРС на Ново-Байрамгулово-1 использовались гораздо реже, чем не только на поселении Оло Хаз, но и на поселении Олаир (Рафикова и др., 2019, с. 110–111).

Таким образом, даже на материалах трех близко расположенных поселений эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья мы фикси-

руем разные аспекты использования астрагалов мелких и особенно крупных копытных. Обработка данных по коллекциям костяных и роговых изделий иных памятников региона позволит со временем уточнить и конкретизировать многие положения использования таранных костей мелких и крупных копытных в древности.

#### ЛИТЕРАТУРА

*Абросимова А.А., Каплан Н.И., Митлянская Т.Б.* Художественная резьба по дереву, кости и рогу. М.: Высшая школа, 1978. 132 с.

*Антипина Е.Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред. Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 7–33.

*Антипина Е.Е.* Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы, т. III. Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Научн. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 182–239.

*Антипина Е.Е.* Археозоологические коллекции из поселений эпохи поздней бронзы на территории Тульской области // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. С. 166–201.

*Антипина Е.Е.* Масштабы современных археозоологических исследований // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.

*Аравин Ю.* Казахская инструментальная музыка от кюя к симфонии: Сборник очерков. Алматы: RUAN, 2017. 360 с.

*Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

*Барынкин П.П., Кузьмина О.В., Ластовский А.А.* Поселение Найденное Озеро I // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 7–108.

*Бахшиев И.И.* Хозяйственно-жилищный комплекс поселения Оло Хаз в Башкирском Зауралье // Вестник ЧелГУ. Серия История. Вып. № 26. Научный журнал. № 24 (125) / Гл. ред. А.Ю. Шатин. Челябинск, 2008. С.14–25.

*Бахшиев И.И., Бахшиев Р.И.* Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 40–53.

*Бейсенов А.З., Ломан В.Г.* Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы: «Инжу-Маржан», 2009 264 с.

*Бородовский А.П.* Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. 176 с.

*Бородовский А.П.* Методика исследования древнего косторезного производства. Новосибирск: НГУ, НГПУ, ИАЭ СО РАН, 2008. 104 с.

*Бородовский А.П., Лбова Л.В., Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н., Нохрина Т.И., Сальникова И.В.* Методика обработки коллекций: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2013. 391 с.

*Букачёва А.О.* Тупики из материалов поселений бронзового века южного Зауралья // XLIX Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных. Материалы всероссийской конференции с международным участием / Отв. ред. А.О. Кайсин. Киров ВятГУ, 2017. С. 253–256.

*Бутанаев В.Я., Верник А.А.* Детские игры и спортивные состязания народов Хакасии. Абакан: Олев, 1995. 55 с.

*Васильева И.Н., Салугина Н.П., Кулакова Л.С.* Крогатовское I поселение срубной культуры в Самарском Заволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 391–473.

*Вітрик І., Кузьмищев О.* Кістяний гральний набір з Ольвії // Forum Olbicum II: Пам'яті В.В. Крапівіної (до 150-річчя дослідження Ольвії) / Відп. за вип. О.І. Смирнов. Миколаїв: НДЦ «Лукомор'є», 2018. С. 68–71.

*Гейко А.* Гра «Крем'яхи» як джерело наукових студій. / Українські керамологічні студії, вип.12. Описне: Українське Народознавство, 2015. 320 с.

*Гордеев И.А.* Костяные изделия Водянского городища: общая характеристика (по материалам археологических исследований 2009–2013 гг.) // XLVI Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых: тезисы докладов Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2014. С. 207–210.

*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А – З. М.: Русский язык, 1978. 699 с.

*Душенко А.А.* Предметы из кости и рога из раскопок дворца правителей Феодоро (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XX / Гл. ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Соло-Рич, 2015. С. 233–262.

*Душенко А.А.* Косторезное дело Мангупа. Дис. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2016а. 308 с.

*Душенко А.А.* Игральные принадлежности из кости и рога из раскопок Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XXI. / Гл. ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Соло-Рич, 2016б. С. 222–247.

*Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А.* Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. 196 с.

*Забавин В.О.* Изделия из кости в погребальном обряде племен срубной культуры Северного Приазовья // Проблемы вивчення та охорони пам'яток первісного мистецтва півдня Європи (кам'яний вік – епоха бронзи). Запоріжжя: Дике Поле, 2015. С. 22–31.

*Завьялов В.И.* Игрушки и игры в Переяславе Рязанском в XVI – XVII вв. (по материалам Житного раскопа) // Материалы по истории и археологии России. Т. Первый / Отв. за вып. В.М. Буланкин и др. Рязань: Александрия, 2010. С. 337–348.

*Заграда Н.* Побут селянської дитини. Матеріали до монографії с. Старосілля. / Матеріали до етнології. І. К.: Держтрест «Київ-Друк», 1929. 180 с.

*Илебаев А.К.* Кыргызские игры и развлечения. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2007. 23 с.

*Килейников В.В.* Трасологический анализ орудий труда с Верхнетуровского поселения срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 129–131.

*Килейников В.В.* Трасологическое исследование орудий труда Шиловского поселения доно-волжской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Материалы международной научной конференции / В.С. Бочкарев. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 167–172.

*Килейников В.В.* Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи / Отв.ред. И.Е. Сафонов. Воронеж: Полиграф. центр ВГУ, 2009. С. 96–113.

*Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б.* Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. № 2. С. 57–87.

*Краснолуцкий С.А., Заика А.Л.* Знаковая символика на астрагалах Минусинской котловины (тагаро-таштыкское время) // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4 / Отв. за вып. Н.В. Мартынович. Красноярск: Красноярский краев. краеведч. музей, 2009. С. 263–276.

*Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник / Труды ГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С. 57–164.

*Крупенкова М.Ю.* Археологическая коллекция костяных изделий Томского кремля последней трети XVII – середины XVIII вв. // Материалы LV Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Отв. ред. Г.И. Медведев, Е.А. Липнина. Иркутск: ИГУ, 2015. С. 161–162.

*Кузьмина О.В.* I Шигонское поселение // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 279–390.



*Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А.* Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: Книжное Издательство, 2017. С. 124–278.

*Лбова Л.В., Кожевникова Д.В.* Формы знакового поведения в палеолите: музыкальная деятельность и фоноинструменты. Новосибирск, 2016. 244 с.

*Любич А.А.* Азартные игры населения г. Тобольска конца XVI–XVII вв. // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 372–373.

*Молодин В.И., Ефремова Н.С.* Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 300–309.

*Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Чемякина М.А., Матасова Г.Г., Василевский А.Н., Овчаренко А.С., Гришин А.Е., Ермакова Н.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Некрасова О.А., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Пилипенко А.С., Ромащенко А.Г., Куликов И.В., Кобзев В.Ф., Новикова О.И., Васильев С.К., Шнеевайсс Й., Приват К., Болдырев В.В., Дребущак В.А., Дребущак Т.Н., Деревянко Е.И., Бородовский А.П., Боургарит Д., Реихе И., Кузьминых С.В., Марченко Ж.В.* Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск; Берлин: Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. 248 с.

*Мусеибли Н.А.* Костяные изделия памятников лейлатепинской культуры // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции. Карачаевск, 2018. С. 111–114.

*Мядзведзева В.У.* Касцярызная вытворчасць Полацкай зямлі IX–XIII стст. Мінск: Беларуская навука, 2013. 236 с.

*Пальцева Д.У.* Костяные изделия Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011а. С. 119–135.

*Пальцева Д.У.* Заготовки и отходы косторезного производства Самосдельского городища // Следы веков: Материалы Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы археологии Поволжья и Приуралья», посвященной 65-летию археологического кружка Казанского университета. Казань: Казан. ун-т, 2011б. С. 83–88.

*Панковский В.Б.* Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова) / Отв. ред. П.П. Толочко. Запорожье, 1999. С. 196–201.

*Панковский В.Б.* Новые данные о костяной индустрии тшинецкого культурного круга // Археологічні пам'ятки Фастівщини. Матеріали та дослідження. До 75-річчя від дня народження Надії Михайлівни Кравченко / Гол. ред. Т.В. Неліна. Фастів, 2010. С. 42–50.

*Панковський В.Б.* Доробок лув'ївського кісткоріза // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012а. С. 320–326.

*Панковський В.Б.* Кістяна і рогова індустрії доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї. Дис. ... канд. іст. наук. К., 2012б. 596 с.

*Панковський В.Б.* Лолінсько-бабинська дзига // Донецький археологічний збірник. № 16 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДонНУ, 2012в. С. 77–99.

*Панковский В.Б.* Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. К., Харьков: Майдан, 2013. С. 449–483.

*Петрова Л.Ю.* Поселение эпохи бронзы Лебяжье VI (публикация материалов охранных раскопок) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. 2004. № 2. С. 181–206.

*Пещерева Е.М.* Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVII / Отв. ред. С.П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 22–94.

*Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.* Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2 (10). С. 31–56.

*Рассадииков А.Ю.* Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2(37) / Гл. ред. А.Н. Багашев. Тюмень: ИПСО СО РАН. С. 163–168.

*Рассыхаев А.Н.* Игра с шегами (в бабки) в традиционной культуре коми // Фольклористика коми / Отв. ред. П.Ф. Лимеров. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2002. С. 91–104.

*Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н.* Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7 / Отв. ред. М.А. Турецкий. Самара: СГСПУ, 2019. С. 86–150.

*Ромашко В.А.* Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). К.: КНТ, 2013. 592 с.

*Сатаев Р.М.* Животные в хозяйстве и духовной жизни древнего населения Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2 / Гл. ред. В.И. Сариниди. М.: Старый сад, 2008. С. 143–160.

*Сергеева М.С.* Косторізна справа у Стародавньому Києві. К.: КНТ, 2011а. 256 с.

*Сергеева М.С.* Техніка обробки рогу у Воїнській Греблі // Древности. 2011. Вып. 10. / Гл. ред. В.И. Кадеев. Харьков: ХИАО, ООО «НТМТ», 2011б. С. 191–205.

*Сергеева М.С.* Про один тип середньовічних гудзиків на території Східної Європи // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (13) / Гол. ред. С.А. Скорий. К.: ІА НАНУ, 2014. С. 150–158.

*Стоянов А.К.* Чатхан у хакасов: историко-этнографическое обозрение // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография / Отв. ред. Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев. Новосибирск, 2008. С. 158–164.

*Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А.* Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. № 2. 2009 / Гол. ред. П.П. Толочко. С. 34–49.

*Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И.* Поселение эпохи поздней бронзы Олаир. Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. 200 с.

*Сунчугашев Я.И.* Материалы по народным играм хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. IX / Отв. ред. Д.И. Чанков. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1963. С. 145–155.

*Татаурова Л.В.* Игры и игрушки русского населения Среднего Прииртышья в XVII–XIX вв. (по данным археологии) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 197–200.

*Тянина Е.А.* Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных // Археологические Вести. № 17 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 159–168.

*Усачук А.Н.* Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1 / Отв. ред. С.Н. Санжаров. Луганск: Ред.-издат. отдел облуправл. по печати, 1993. С. 135–147.

*Усачук А.Н.* Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений Северо-Восточного Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов: СарГУ, 1994. С. 63–69.

*Усачук А.Н.* К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Материалы международной научной конференции / Науч. ред. А.В. Кияшко. Волгоград: Перемена, 1996. С. 66–71.

*Усачук А.Н.* Сравнительный анализ использования орудий из кости на Мосоловском и Безыменском поселениях эпохи поздней бронзы // Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10 / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 1997. С. 128–135.

*Усачук А.Н.* Коллекция костяных изделий покровского времени из Подонцовья // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов научной конференции. Харьков: ХНУ, 1999а. С. 17.

Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья / Научн. ред. А.Д. Пряхин. Донецк: Украинский культурологический центр, 1999б. С. 70–87.

Усачук А.Н. Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции / Орг. ком. В.И. Беседин, В.С. Горбунов, Е.Ю. Захарова. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 91–98.

Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ, 2011. С. 202–214.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Бровендер Ю.М. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. Алчевск: ДонГТУ, 2012а. С. 140–156.

Усачук А.Н. Костяные орудия поселения эпохи поздней бронзы Ляпичев хутор в Подонье (по материалам раскопок М.И. Артамонова и М.П. Грязнова) // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова (к 110-летию со дня рождения) / Отв. ред. И.В. Толпеко. Омск: «Амфора», 2012б. С. 226–235.

Усачук А.Н. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Коллективная монография. Челябинск: Абрис, 2013. С. 331–362.

Усачук А.Н. Глава 3. Костяные и роговые изделия из погребений кургана 2 Липецкого могильника // Липецкий курган – памятник элиты Доно-Волжской абашевской культуры / Научные труды ООО НПО «Черноземье». Вып. 4. Липецк, Воронеж: Полигр. предпр. «Новый взгляд», 2016а. С. 23–34.

Усачук А.Н. Костяные «пряслица»: варианты использования // «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. Алматы: Қазақ университеті, 2016б. С. 130–132.

Усачук А.Н. Приложение 2. Трасологический анализ изделий из кости, рога и камня // Гершкович Я.П. Суботовское городище. К.: ИА НАНУ, 2016в. С. 475–486.

Усачук А.Н., Бровендер Ю.М. Изделия из кости поселения поздней бронзы у с. Лиман // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1 / Отв. ред. С.Н. Санжаров. Луганск: Ред.-издат. отдел облуправл. по печати, 1993. С. 175–186.

Усачук А.Н., Варфоломеев В.В. Костяные и роговые изделия поселения Кент (предварительный результат трасологического и функционально-типологического анализа) // Дадалық Еуразияның беғазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Құрманқұловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. Алматы, 2013. С. 218–227.

Усачук А.Н., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Трасологический и функционально-типологический анализ коллекции костяных изделий раскопа IX Мурадымовского поселения (раскопки 2007 г., Республика Башкортостан) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 168–173.

Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 12 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2016. С. 127–148.

Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Цимиданов В.В. Погребения срубной культуры с астрагалами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы? // Теория и практика археологических исследований. 2015. № 1 (11). С. 56–69.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. № 88. М., Л.: АН СССР, 1960. 272 с.

Шагапова Г.Р. Игры в альчики в культуре башкир // Городские башкиры: проблемы языка и демографии: Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (г. Октябрьский, 15 апреля 2010 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 297–302.

Шагапова Г.Р. Обряды перехода (гадания) в играх башкирских мальчиков // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. Вип. 6 / Відп. ред. В.Г. Пищемуха. Одеса, 2014. С. 115–119.

Штыхов Г.В. Лукомль: археологический комплекс железного века и средневековья. Минск: Беларуская навука, 2014. 167 с.

Amandry P. 1984. Chapitre IX: Os et coquilles. BCH. L'antre Corycien II. Supplément 9. 1984. P. 347–380.

Baron J., Diakowski M., Stolarczyk T. 2016. Bone and antler artefacts from an 8–5<sup>th</sup> century BC settlement at Grzybiany, South-Western Poland. In S. Vitezović (ed.) *Close to the bone: current studies in bone technologies*. Belgrade: Institute of Archaeology, P. 28–47.

Binford L.R. 1981. *Bones: ancient men and modern myths*. Orlando, San Diego, New York and others: Academic Press, Inc.

Витезовић С. 2016. *Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija*. Beograd: Srpsko arheološko društvo.

Carè B. 2013. Knucklebones from the Greek Necropolis of Locri Epizefiri, Southern Italy (6<sup>th</sup>–3<sup>d</sup> centuries BC): Typological and Functional Analysis // *The Sound of Bones. Proceedings of the 8th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Salzburg 2011* / Ed. F. Lang. Salzburg, 2013. P. 87–99.

Davis S.J.M. 1995. *The Archaeology of Animals*. London: Routledge.

Luik H. 2011. Material, Technology and Meaning: Antler Artefacts and Antler Working on the Eastern Shore of the Baltic Sea in the Late Bronze age. In *Estonian Journal of Archaeology*. 15(1), (32–55).

Vitezović S., Bulatović J. 2013. Managing raw materials in Vinča culture a case study of osseous raw materials from Vitkovo // *Documenta Praehistorica*. Vol. XL / Ed. M. Budja. Ljubljana: Ljubljana University Press, P. 279–289.

### **Информация об авторах:**

**Усачук Анатолий Николаевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина); doold@mail.ru

**Бахшиев Илшат Интизам оглы**, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологического наследия Южного Урала, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); ibahsh@gmail.com

## **USE OF DOMESTIC ANIMAL ASTRAGALS IN THE SETTLEMENTS OF THE LATE BRONZE AGE IN THE BASHKIR TRANS-URALS**

**A.N. Usachuk, I.I. Bakhshiyev**

The article is dedicated to the practice of using astragals (ankle bones) of small and large hoofed animals by the Late Bronze Age population of the Bashkir Trans-Urals. It is based on the information obtained as a result of a trace evidence, technical and technological study of a collection from Olo Khaz settlement. It features a summary of the entire collection of bone articles from the settlement, and a more detailed description of the astragals discovered at the site. The authors draw an analogy to the data collected at other two settlements of the Bashkir Trans-Urals - Novo-Bairamgulovo-1 and Olair.

**Keywords:** settlement, Late Bronze Age, bone articles, astragals, implements, ritual items.

### **About the Authors:**

**Usachuk Anatoliy N.** Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of Donetsk Regional Museum of Local Lore (Donetsk, Ukraine); doold@mail.ru

**Bakhshiev Ilshat I.** Candidate of historical science, Head of Department of the archaeological heritage of South Ural, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Karl Marx st. 6, Ufa, 450077, Russian Federation; ibahsh@gmail.com



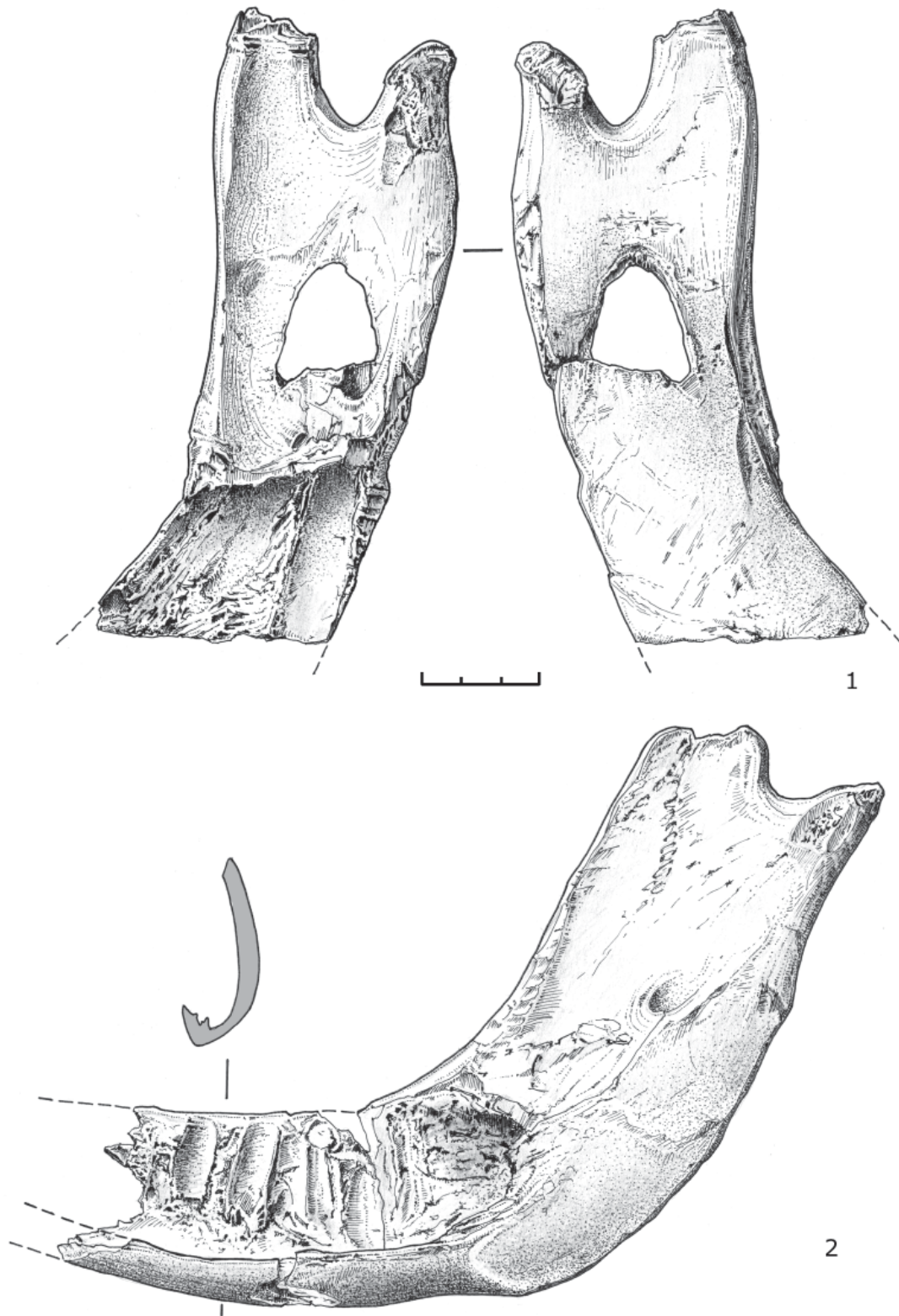
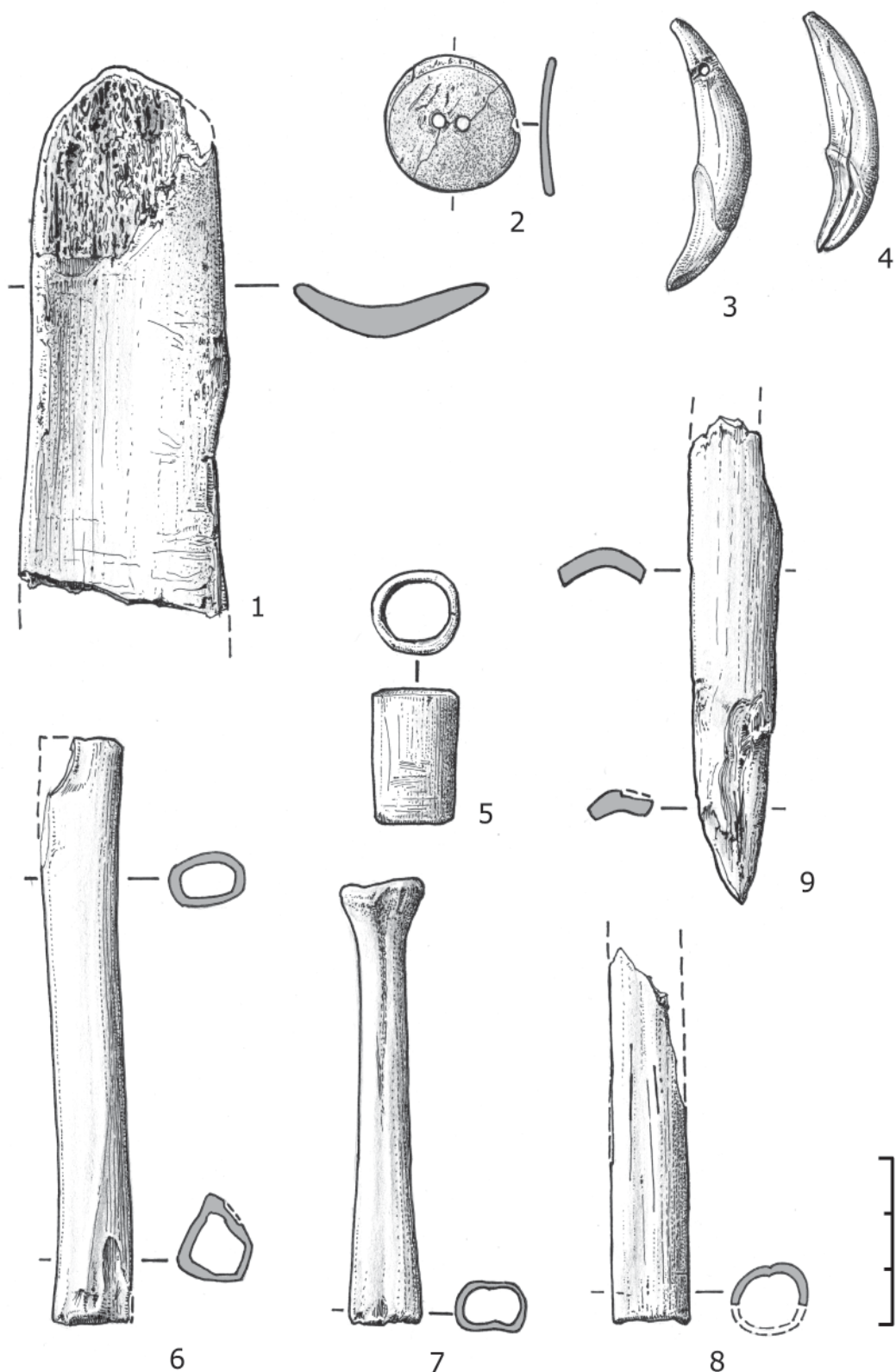
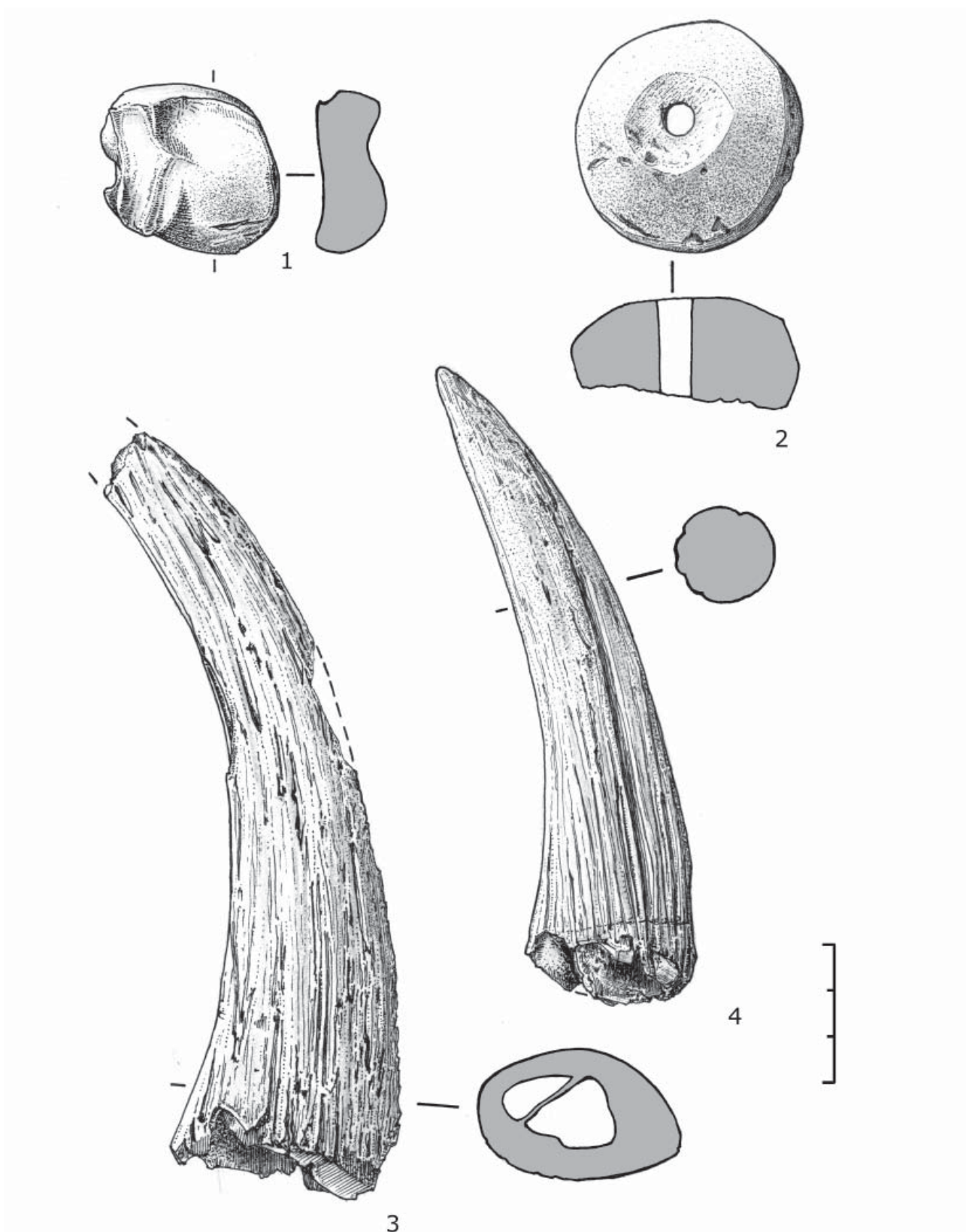


Рис. 1. Поселение Оло Хаз. Костяные орудия. 1 – тупик (фрагмент); 2 – тупик (фрагмент).



**Рис. 2.** Поселение Оло Хаз. Костяные изделия и орудия. 1 – лоцило; 2 – пуговица; 3, 4 – украшения (подвески); 5 – трубочка (горлышко кожаной емкости?); 6 – трубочка; 7 – трубочка (рукоятка); 8 – трубочка; 9 – проколка.



**Рис. 3.** Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты. 1 – запястная кость КРС со следами резки; 2 – «пряслице»; 3 – костный стержень полого рога; 4 – кочедык (рог сайгака).



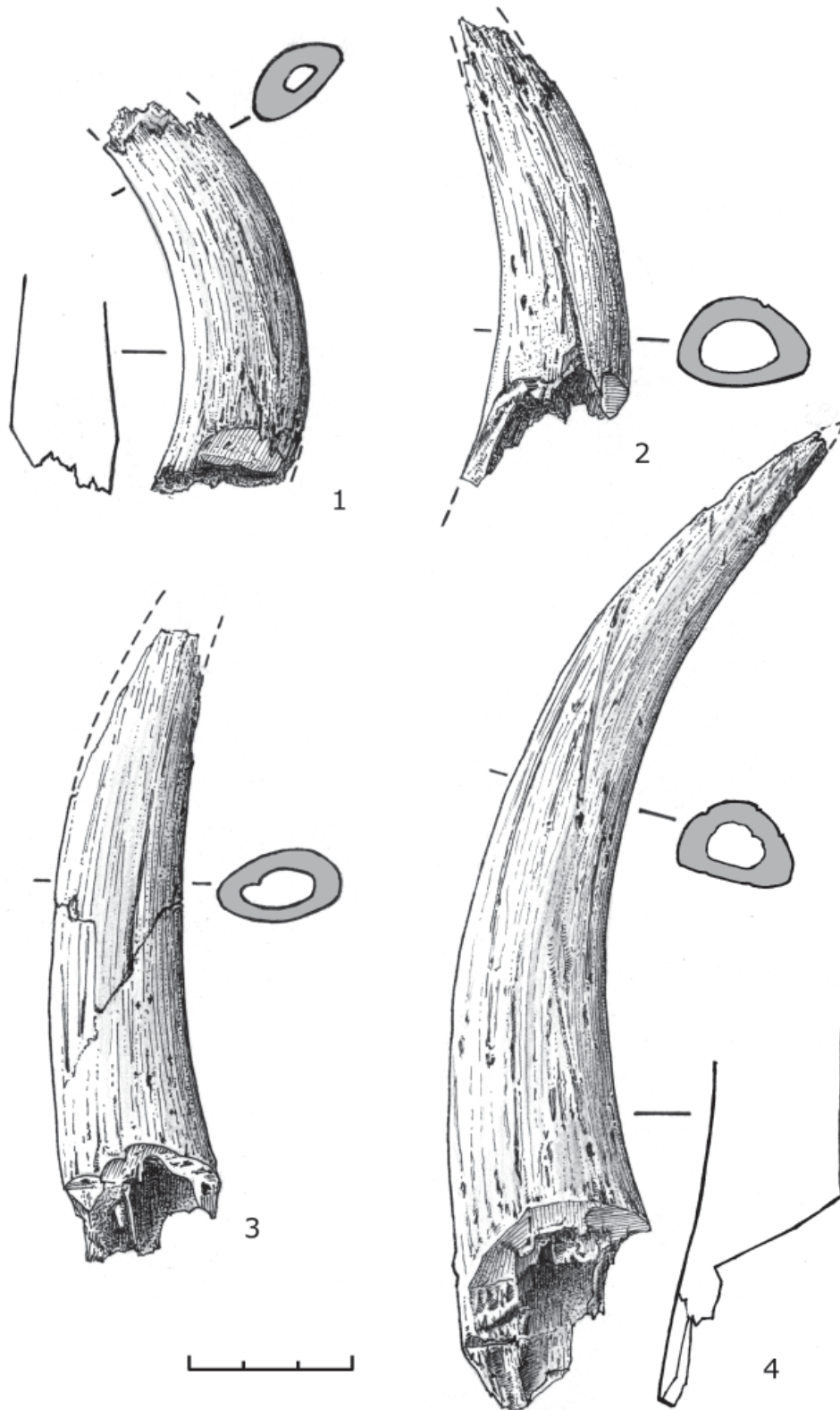


Рис. 4. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты. 1-4 – костные стержни полого рога.



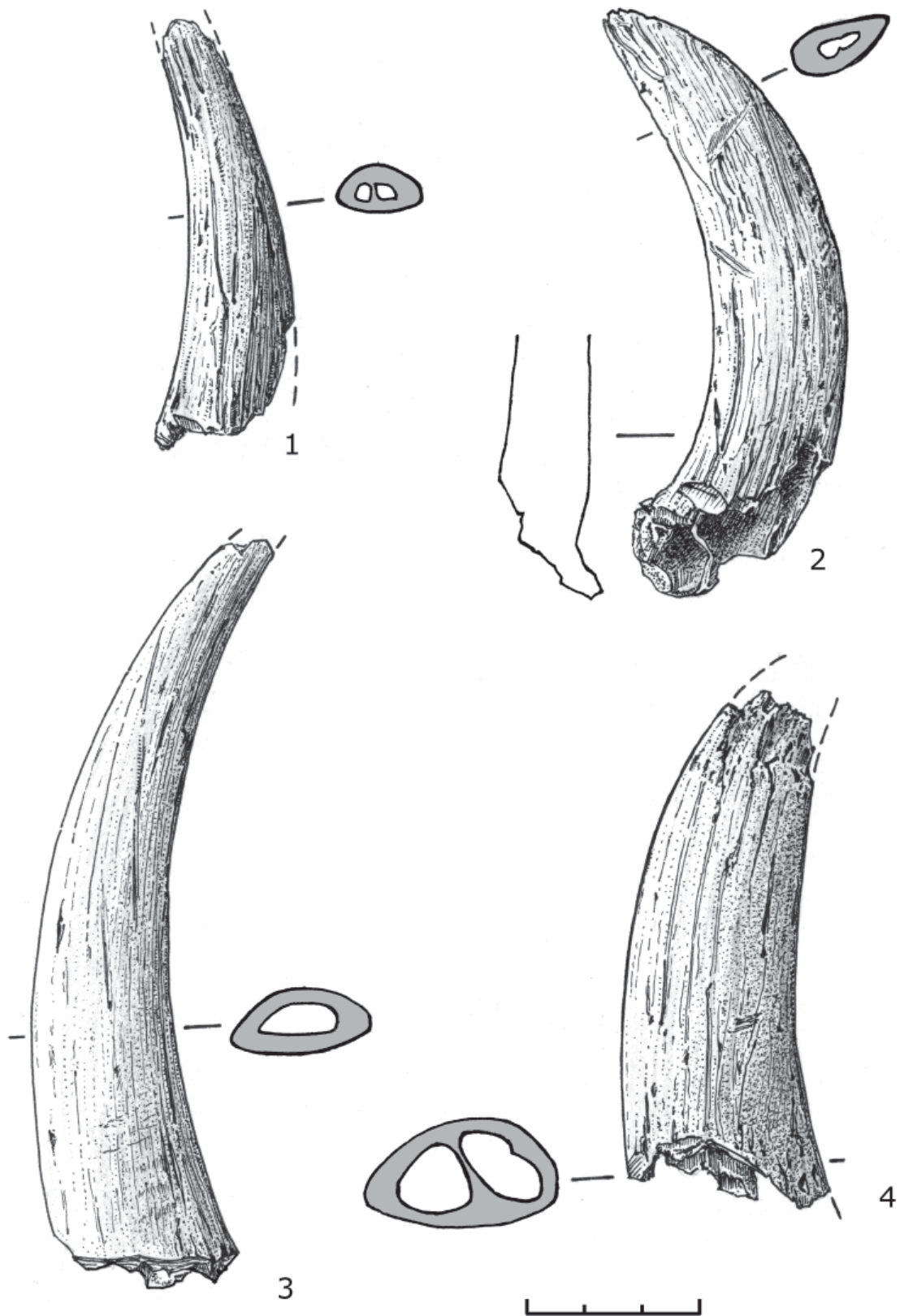


Рис. 5. Поселение Оло Хаз. Костяные артефакты. 1-4 – костные стержни полового рога.

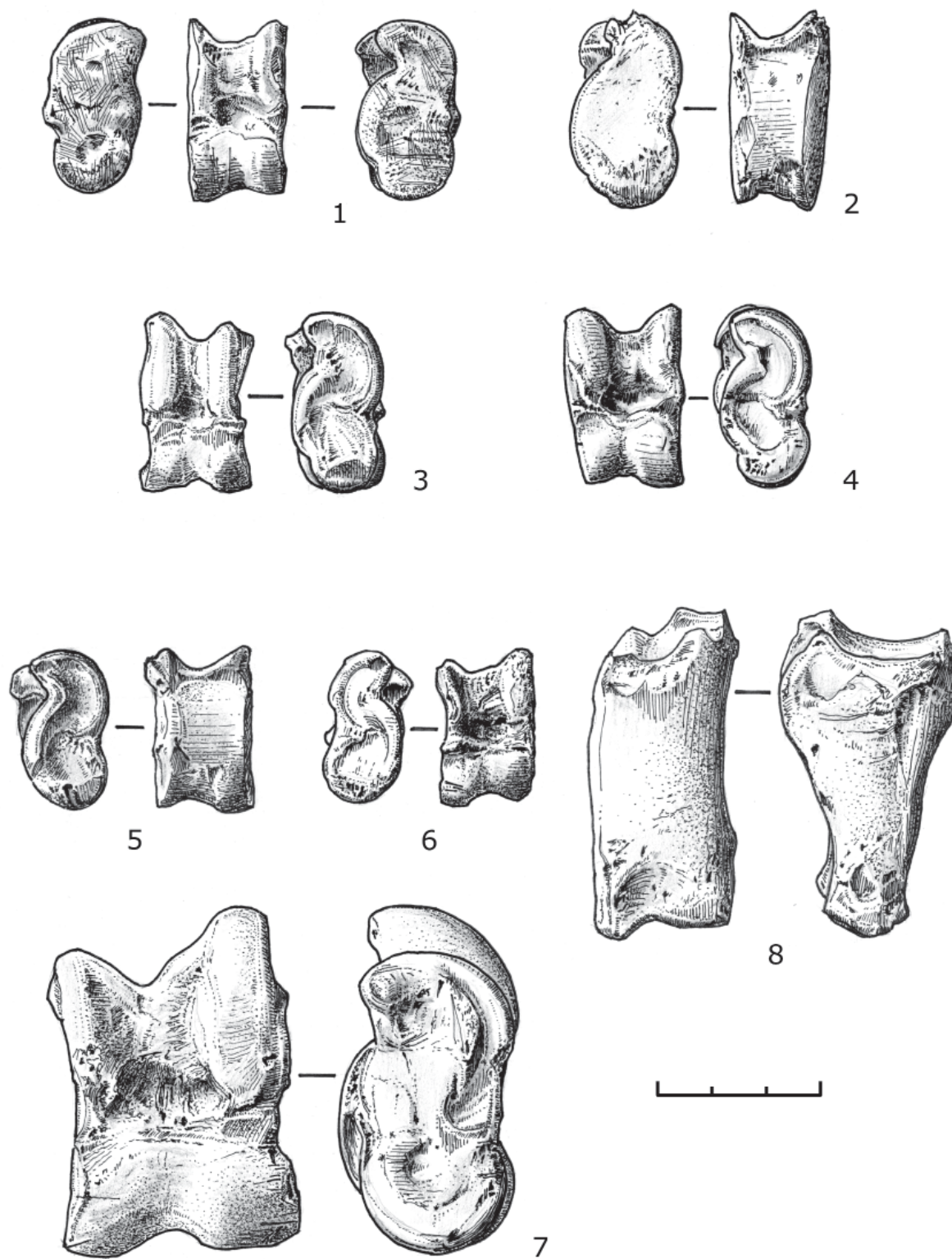


Рис. 6. Поселение Оло Хаз. Костяные изделия. 1-6 – астрагалы MPC; 7 – астрагал KPC; 8 – проксимальная фаланга KPC.

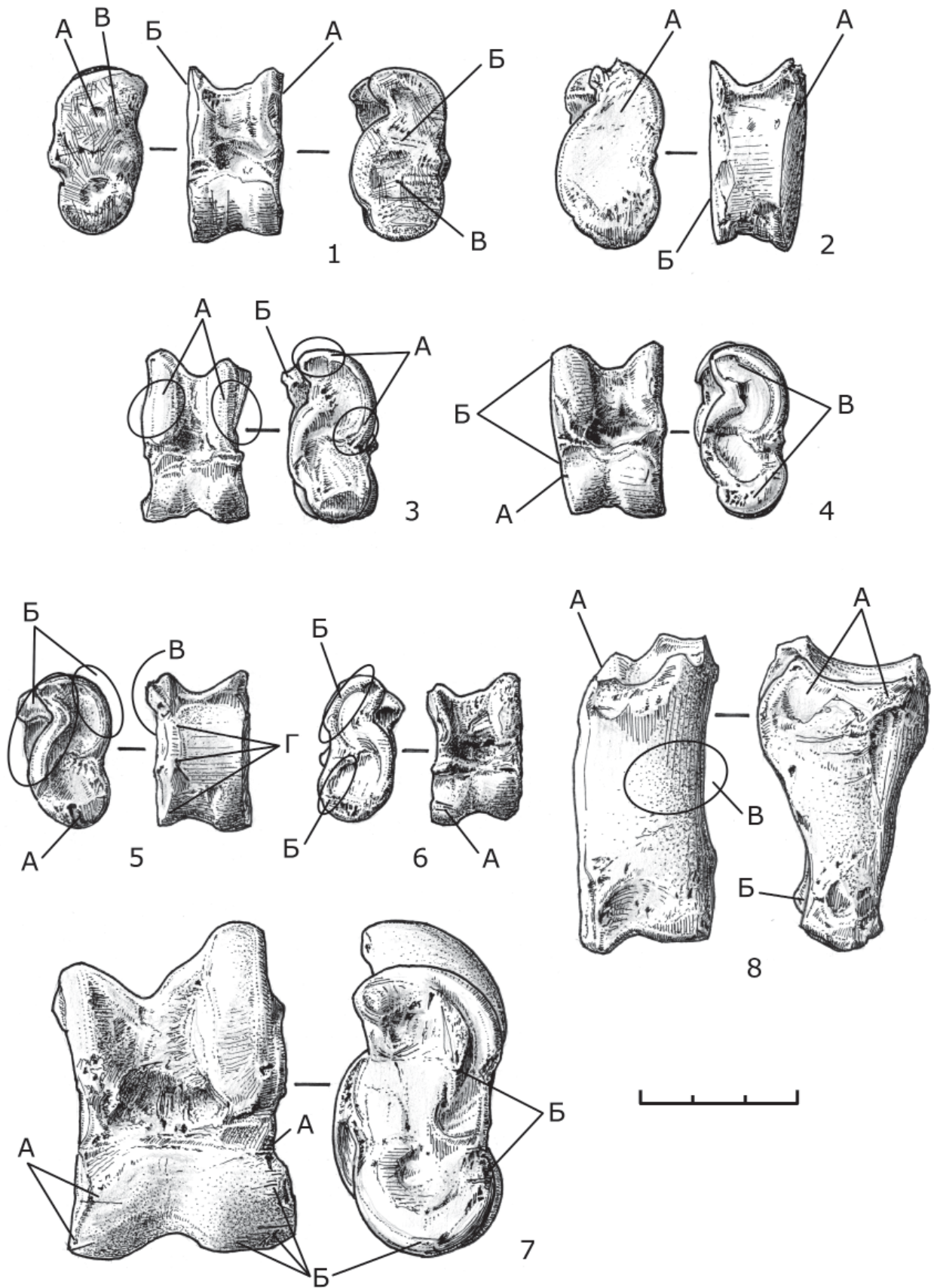


Рис. 7. Поселение Оло Хаз. Схемы следов изготовления/использования на астрагалах МРС (1-6), КРС (7) и проксимальной фаланге КРС (8).



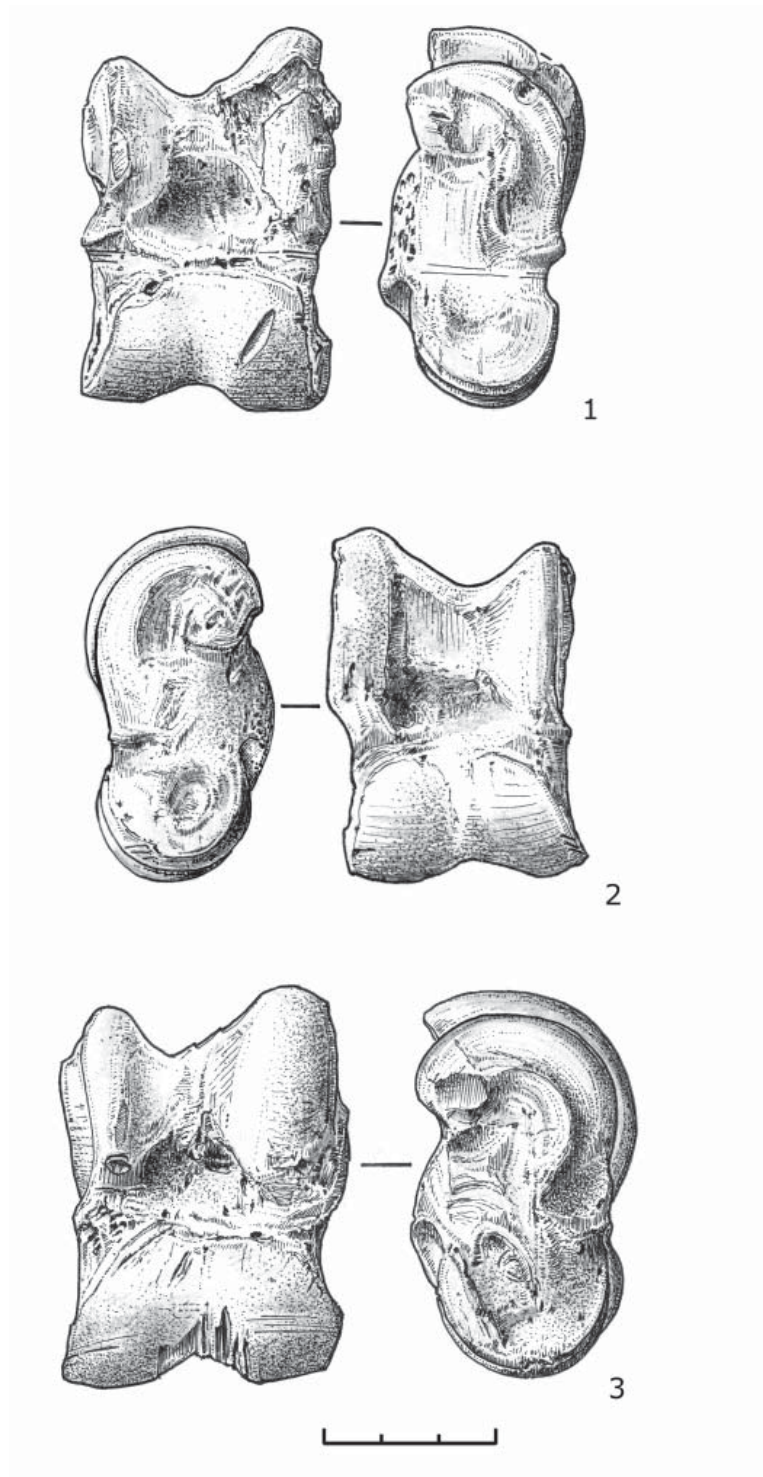


Рис. 8. Поселение Оло Хаз. Костяные изделия. 1-3 – астрагалы КРС.

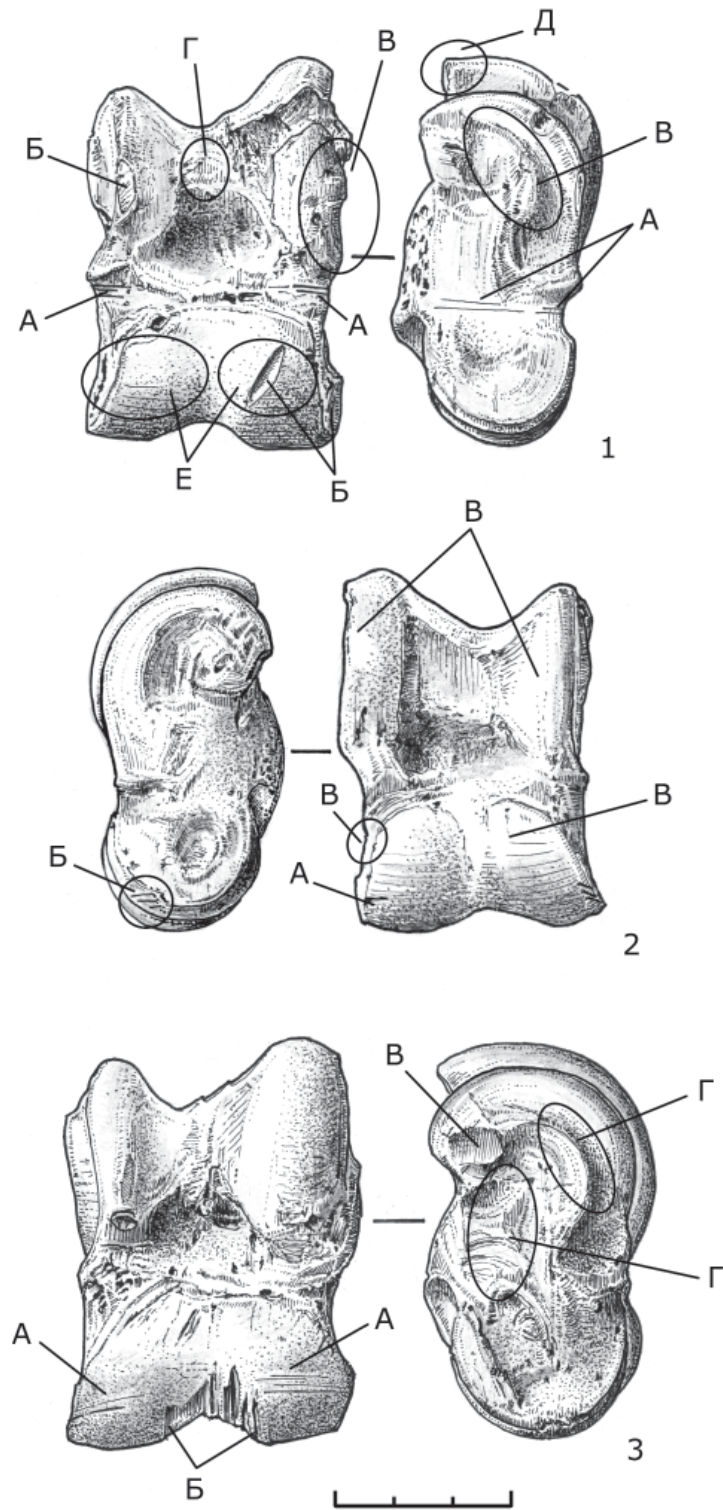


Рис. 9. Поселение Оло Хаз. Схемы следов изготовления/использования на астрагалах КРС.

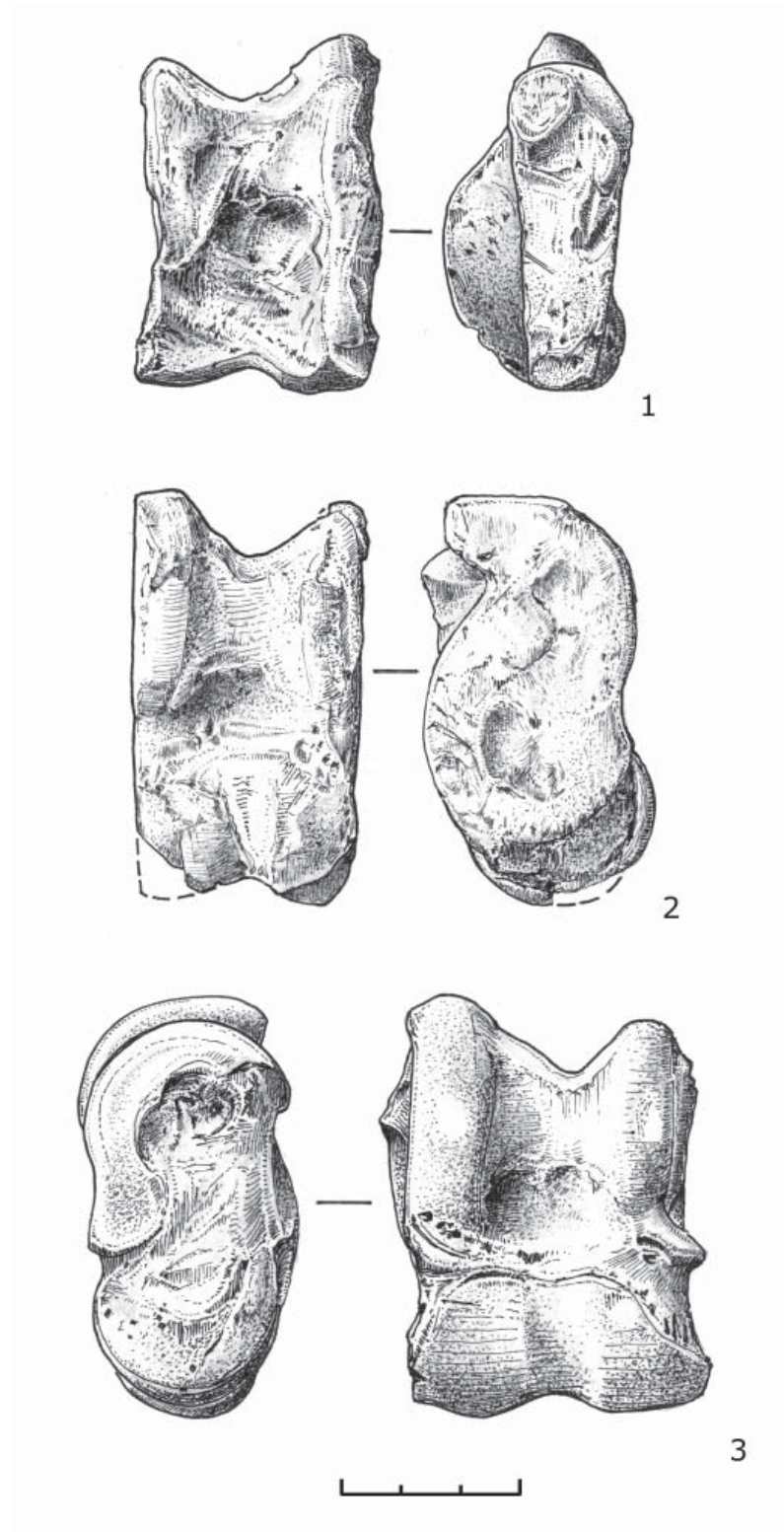


Рис. 10. Поселение Оло Хаз. Костяные изделия. 1-3 – астрагалы КРС (1, 2 – микрокомплекс ?).



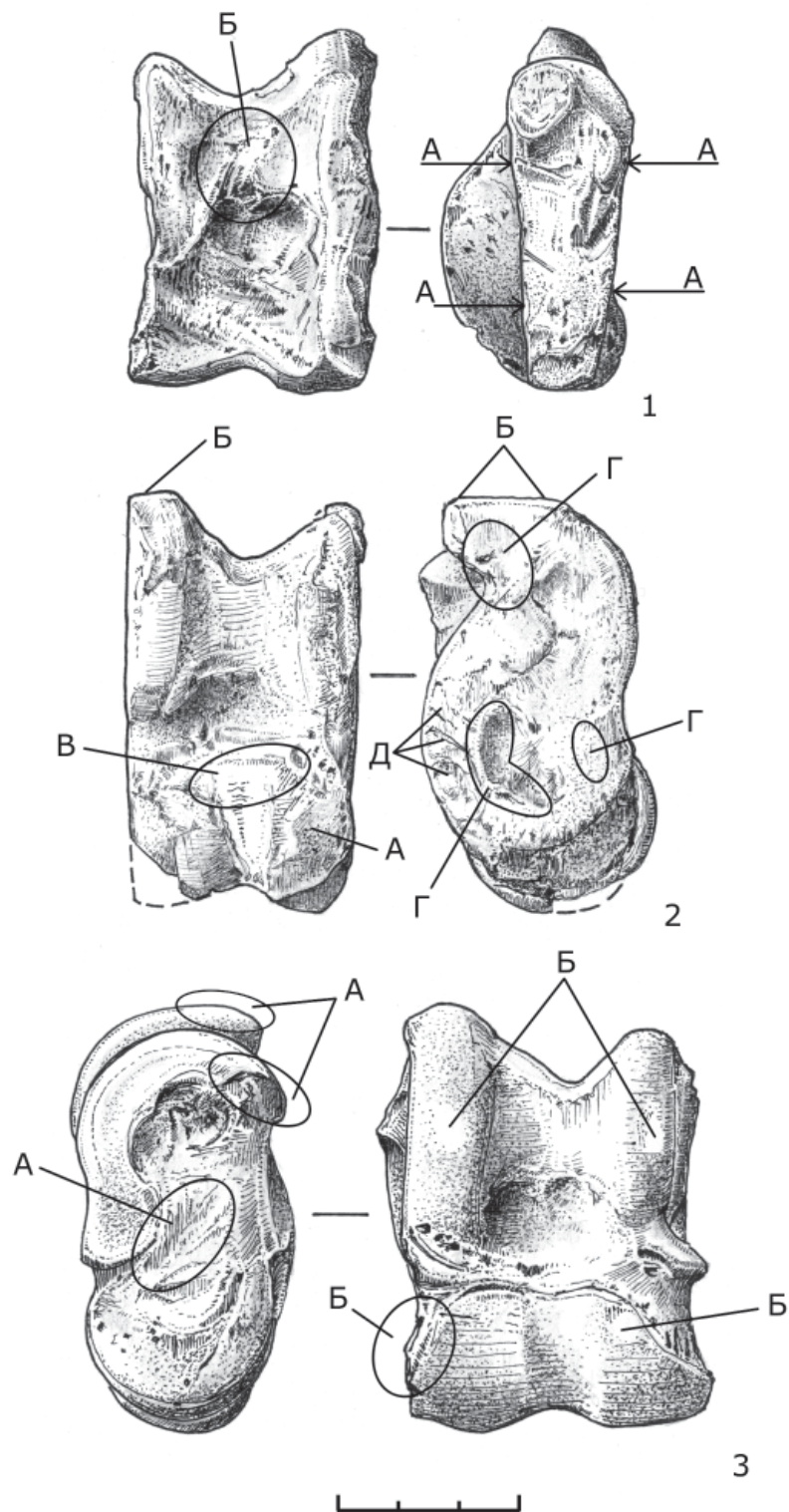


Рис. 11. Поселение Оло Хаз. Схемы следов изготовления/использования на астрагалах КРС.

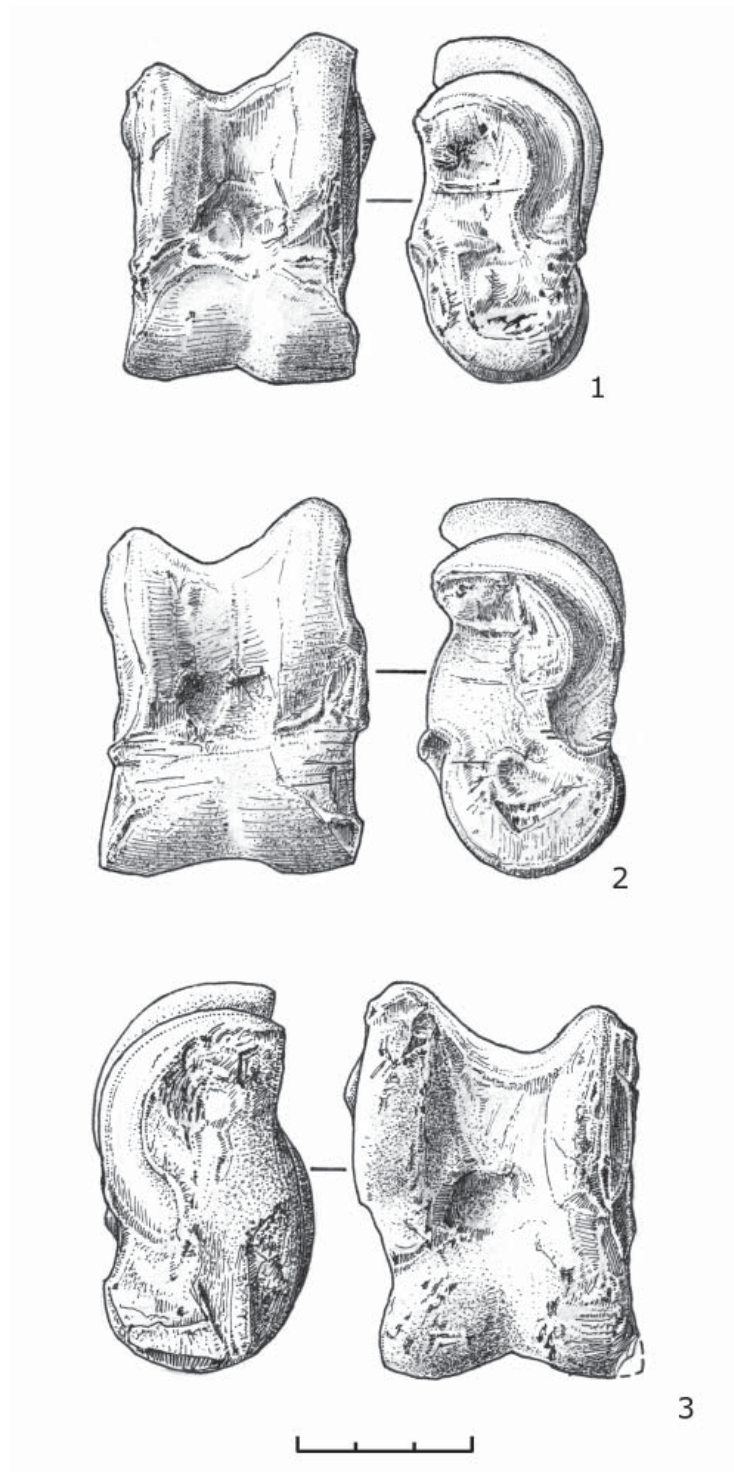


Рис. 12. Поселение Оло Хаз. Костяные изделия. 1-3 – микрокомплекс игровых/ритуальных астрагалов КРС.



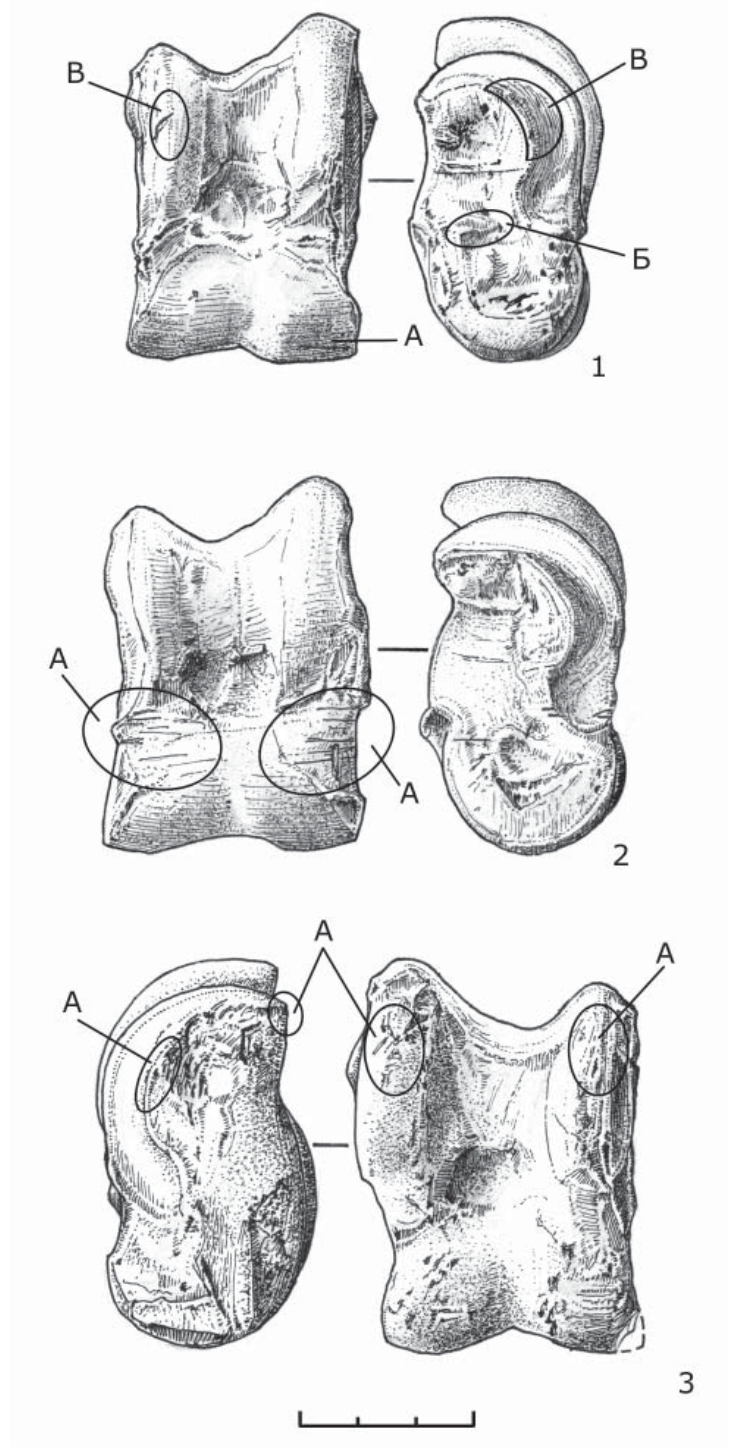


Рис. 13. Поселение Оло Хаз. Схемы следов изготовления/использования на астрагалах КРС.

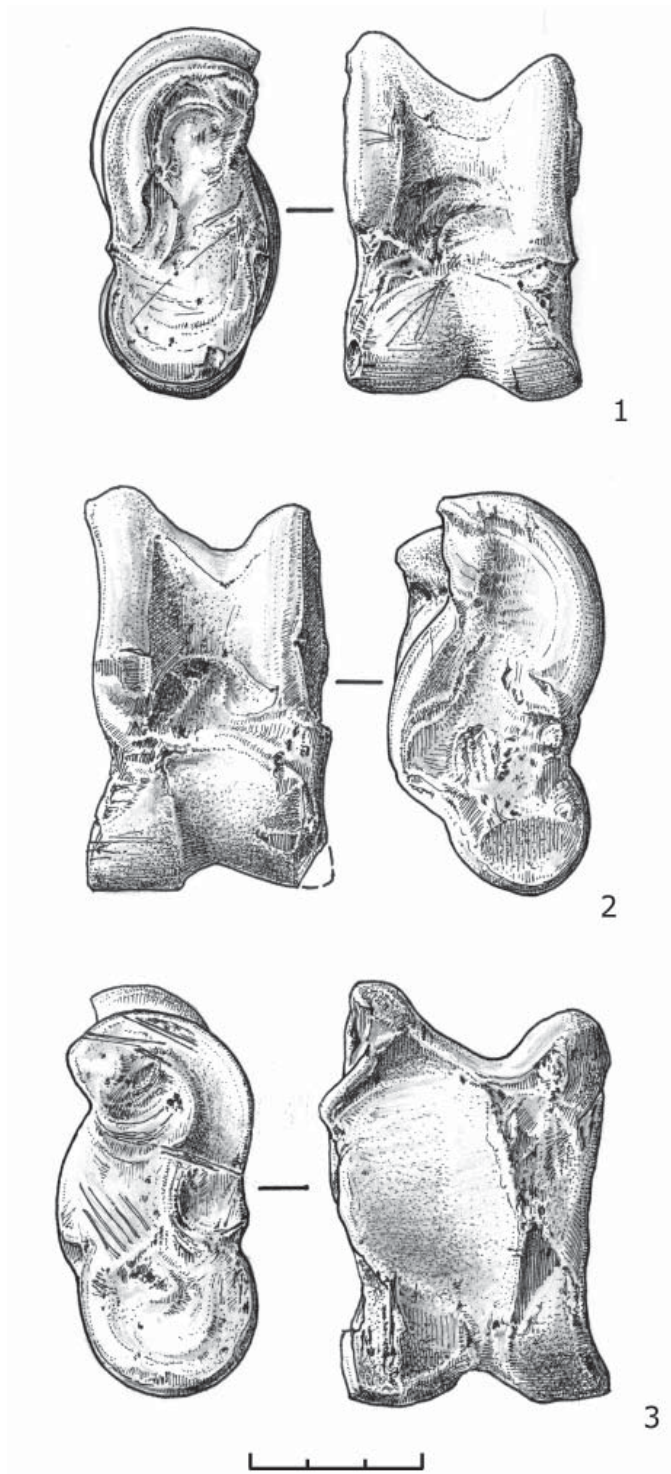


Рис. 14. Поселение Оло Хаз. Костяные изделия. 1-3 – астрагалы КРС (2, 3 – микрокомплекс ?).

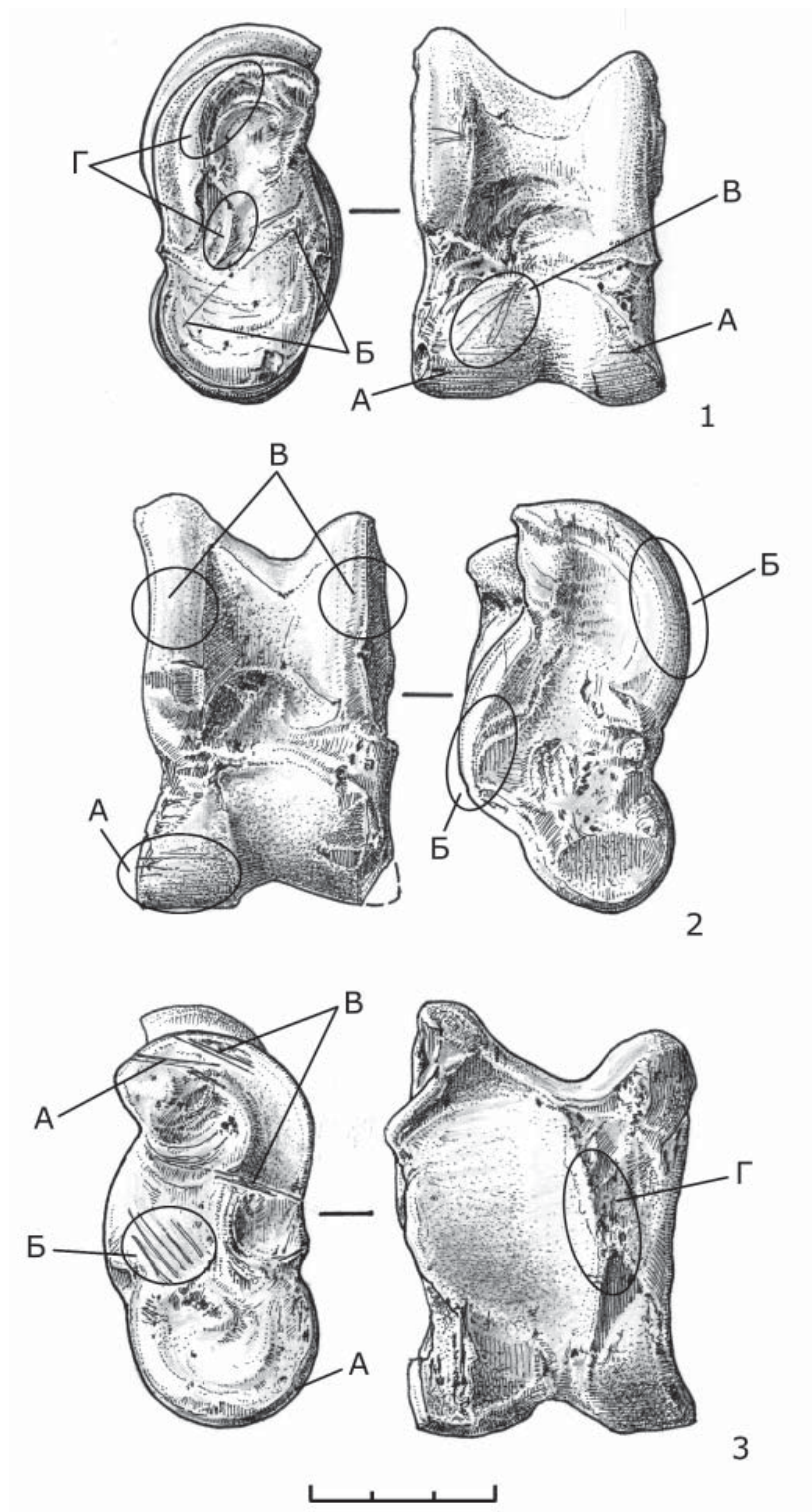


Рис. 15. Поселение Оло Хаз. Схемы следов изготовления/использования на астрагалах КРС.



УДК 902/903

## ЛУГОВСКИЕ I И II СТОЯНКИ И ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ, ЛУГОВСКОЙ И МЕЖОВСКОЙ КУЛЬТУР В НИЖНЕМ ПРИКАМЬЕ

© 2019 г. А.В. Лыганов, В.В. Морозов, Е.С. Азаров

В статье рассматриваются Луговские I и II стоянки, материалы которых, во второй половине XX в, стали основой для выделения ряда культур позднего бронзового века в Волго-Камье. Авторами делается вывод о том, что Луговская I и II стоянки относятся к разным культурам и разным культурно-хронологическим горизонтам позднего бронзового века Волго-Камья. Луговская I стоянка является реперным памятником луговской археологической культуры. По известным калиброванным радиоуглеродным датам и металлическим вещам луговской культуры можно датировать основной комплекс Луговской I стоянки в пределах XVII–XV/XIV вв. до н.э. Сама луговская культура сформировалась позже срубной и федоровской и одновременно сусканской и черкаскульской, что отчасти подтверждается материалами стоянки. На Луговской I стоянке выявлен особый погребальный обряд с кремацией и наиболее ранние в регионе свидетельства земледелия. Луговская II стоянка, более поздняя по времени, чем Луговская I, относится к атабаевскому этапу маклашеевской культуры и межовской (позднелуговской) культуре. Судя по металлическим изделиям, обряду погребения, орнаментации сосудов валиками атабаевский этап маклашеевской культуры и межовская культура синхронны по времени с валиковыми культурами степной зоны Евразии и некоторыми андронидными культурами Зауралья. По аналогиям материал стоянки датируется в пределах XIV–XII вв. до н.э. Судя по незначительному количеству керамики маклашеевского этапа маклашеевской культуры финала бронзы (XI–X вв. до н.э.), Луговская II стоянка в это время запустевает.

**Ключевые слова:** Луговские стоянки, поселение, луговская культура, федоровская культура, черкаскульская культура, позднелуговские памятники, межовская культура, срубная культурно-историческая общность, жилища, зольник, кремация, погребения на поселении, раннее земледелие, керамика.

### Введение

Луговской археологический комплекс памятников расположен в поселке Луговой Елабужского района Республики Татарстан. Территория археологического комплекса вытянута с востока на запад на протяжении около 800 м вдоль надпойменной террасы правого берега р. Кама. У подножья террасы протянулась цепь старичных озер и проток р. Камы. В 1,5 км к северо-западу от Луговского комплекса расположен знаменитый Ананьинский могильник раннего железного века. В комплекс входит 4 стоянки, курганный могильник позднего бронзового века и грунтовый могильник раннего железного века ананьинской культурно-исторической области (рис. 1–4). На сегодняшний день большая часть территории, на которой расположены эти памятники, застроена домами поселка Луговой. В относительной безопасности находятся Луговская II стоянка и Луговской курганный могильник, расположенные на восточной оконечности поселка.

Материалы I и II Луговских стоянок, с момента их открытия и исследования А.В. Збруевой (преимущественно в 40 гг. XX века) являются основополагающими для выделения и характеристики ряда культур позднего бронзового века Волго-Камья. Сама А.В. Збруева, хотя и отмечала, что «памятники близ поселка Лугового принадлежат одной культуре и что ананьинские памятники генетически связаны с поселением луговского типа» (Збруева, 1960, с. 33), нигде не выделяла особую луговскую культуру в археологическом понимании, с определенной территорией, керамикой, инвентарем, погребениям и т.д. Опубликованы материалы стоянок были скупо (приведены фото и рисунки основных типов керамики и целых сосудов), что вполне соответствовало возможностям того времени (Збруева, 1960). Возможно поэтому, в дальнейшем, опираясь на материалы публикации, разные исследователи, в разные годы, материалы стоянок интерпретировали по-разному, но чаще всего относили к разным культурам (черкаскульской, межовской, алакульской, луговской,

приказанской, сусканской, атабаевскому этапу маклашевской культуры). (Сальников, 1967, с. 383–386; Халиков, 1969, с. 228, 269; Колев, 1991; Обыденнов, 1997, с. 64; Ашихмина, 2014; Чижевский, 2012).

В связи с этим актуальным является новое обращение к коллекциям Луговских стоянок, их наиболее полная публикация с привлечением современных аналогий по позднему бронзовому веку Волго-Камья. Помимо полной публикации материала I и II Луговских стоянок целью работы является выявление степени соотношения луговской, черкаскульской и межовской культур в Волго-Камье.

#### Коллекции.

Коллекции Луговской I и II стоянок из раскопок отряда Куйбышевской экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.В. Збруевой поступили в Исторический музей лишь в 1956 г.<sup>1</sup> К данной работе материал коллекций был заново пересмотрен, крупные куски керамики размерами более 5×5 см сфотографированы и зарисованы, произведена атрибуция керамики, согласно современным представлениям о ее культурно-хронологическом статусе.

Очевидно коллекции поступили в музей на постоянное хранение не в полном объеме<sup>2</sup> – некоторые фрагменты керамики, известные по первым публикациям найдены не были (Збруева, 1941; 1946; 1950; 1960, рис. 3: 2, 7; 4: 2, 7; 5: 2, 4, 5; 6: 1, 3, 6). И наоборот – некоторые небольшие фрагменты сосудов известные ранее, были отреставрированы и собраны в целые горшки (Збруева, 1960, рис. 3: 8; 5: 6; 6: 2). На многих фрагментах затерт первоначальный полевой шифр, а в коллекционных описях местонахождение предметов отражено не было. Поэтому, из-за сложностей с идентификацией находок с полевой описью и неполнотой коллекции, в данной публикации

<sup>1</sup> Луговская I стоянка, раскопки в 1939 и 1946 гг. – ГИМ 88679, Описание А1352; Луговская II стоянка, раскопки в 1947–1948 гг. – ГИМ 88681, Описание А1196. Обе коллекции по документам переданы из ИИМК АН СССР вместе с полевыми описями. Материалы раскопок Луговской I стоянки 1940 и 1947 гг. по документам не передавались, но в коллекции присутствуют фрагменты с шифром по полевым описям этих лет.

<sup>2</sup> Остаётся полагать, что в Государственный исторический музей поступила та часть, которая наиболее полно и качественно характеризует материал этих двух стоянок.

мы не даем таблиц с распространением массового материала по глубинам и сооружениям. Такая таблица была бы очень неполна и весьма условна. Большой упор сделан на нахождение фрагментов керамики и развалов сосудов в заполнении и вблизи очагов построек и под сгоревшими конструкциями для соотнесения сооружений с тем или иным культурно-хронологическим пластом. Это еще упрощается и тем, что подавляющее количество находок на каждой из стоянок относится к разным культурам.

#### История изучения (полевые исследования).

Луговская I стоянка была выявлена экспедицией под руководством А.В. Збруевой во время раскопок Луговского грунтового ананьинского могильника в 1938–1940 гг.<sup>3</sup> Тогда был отмечен ряд западин, которые были связаны с древними постройками на этой территории. Стоянка, по А.В. Збруевой, расположена на дюне, заросшей лесом и травой, и тянется примерно на полкилометра к западу и востоку от конца поселка Лугового вдоль края надпойменной террасы (Збруева, 1941). Судя по этому описанию, уже изначально территория, на которой фиксировались жилищные западины, и был выявлен культурный слой, воспринималась как единая стоянка. Впоследствии, при проведении разведок и раскопок, памятник был разделен на четыре стоянки (Луговская I–IV). В 1939 г. А.В. Збруевой в центральной части Луговской стоянки был заложен небольшой разведочный раскоп в 16 м<sup>2</sup>. Раскоп был заложен вне жилищных западин, и вскрыл насыщенный культурный слой стоянки. В дальнейшем, эта территория, исследованная в 1939, 1940, 1946–1947 гг., где были вскрыты 6 полуземлянок, была названа Луговской I стоянкой (рис. 2–4).

В 1940 г. исследования Луговской I стоянки были продолжены и был заложен раскоп в 240 м<sup>2</sup>, в котором были вскрыты три полуземлянки, одна из которых исследована полностью (Збруева, 1941, 1946). В изученной полностью полуземлянке № I выявлен крупный очаг 3,5×5 м, который был как бы пристроен к основной части постройки и приподнят над ее полом, образуя, таким образом, своеобразную нишу. В черном углистом

<sup>3</sup> Материалы раскопок А.В. Збруевой ананьинского грунтового могильника хранятся в Государственном историческом музее: 1939 г. – ГИМ 80975 Описание Б790, 1940 г.; ГИМ 80975 Описание Б791.

слое прокала с мелкими жжеными косточками, мелкими кусочками керамики и не обгорелыми костями были выделены остатки 19 человек разного возраста (13 взрослых и 6 детей) европеоидного и монголоидного облика<sup>4</sup>. Дальнейшие исследования памятника продолжатся только через шесть лет.

В 1946 году была вскрыта площадь около 200 м<sup>2</sup> изучены полностью жилища № II, III, и IV. Жилище № V было исследовано частично – не были изучены северо-западный угол жилища № V и выходы к северу. Также частично изучено жилище № VI (Збруева, 1946). Найдено свыше трех тысяч фрагментов керамики. В землянке № II, рядом с очагом, были зафиксированы зерна спекшегося проса (Збруева, 1960, с. 13). Эта первая находка позволила говорить о раннем земледелии в Прикамье в эпоху бронзы и вообще наиболее раннем в лесной зоне Восточной Европы (Краснов, 1965, с. 68; Краснов, 1971, с. 18).

В 1947 году Луговская I стоянка была доисследована полностью (Збруева, 1947, 1960). Общая вскрытая площадь составила 532 м<sup>2</sup>. За все года вскрыто 6 жилищ-полуземлянок, соединенных переходами друг с другом, с двумя выходами на север и одним на юг. Глубина жилищ составляла до 1 м в средней части. Вдоль краев глубина котлованов различна и колеблется в основном в пределах 80–90 см. О каркасно-столбовой конструкции можно судить по углистым полосам вдоль бортов землянок V и VI, хотя при этом было выявлено лишь небольшое количество столбовых ям (Збруева, 1941; 1948б; 1960, с. 12–22).

Своеобразная керамика являлась самым многочисленной категорией находок, которая в дальнейшем стала опорой для отнесения стоянки к той или иной культуре (выявлено свыше 300 сосудов). Эта керамика состоит из нескольких типов, но в основном (фрагменты от свыше чем 200 сосудов по А.В. Збруевой) – «это своеобразная керамика, оригинальный культурный комплекс, в котором можно проследить влияния андроновских и срубных форм и узоров, но который в то же время представляет собой нечто новое и самобытное» (Збруева, 1947, с. 16). В дальнейшем эта керамика стала основой для выделения луговской культуры.

В 200 м к востоку от Луговской I стоянки расположена Луговская II стоянка (рис. 3–4). Северную и западную оконечность стоянки II занимает Луговской курганный могильник. В 1943 г П.П. Ефименко на восточной оконечности группы луговских памятников, возле нескольких выявленных жилищных западин, на территории, которая потом будет названа как Луговская II стоянка, была проведена шурфовка. Был вскрыт зольный слой с большим количеством костей животных, первоначально названный «костищем». В дальнейшем А.В. Збруева в 1947 г. уточнила характеристику этого слоя и сравнила его с зольниками Сибири позднеандроновского времени (Збруева, 1960, с. 24). В 1947 году, после завершения работ на Луговской I стоянке, на стоянке II под руководством А.В. Збруевой были заложены три раскопа: № 1 – 123 м<sup>2</sup>, № 2 – 64 м<sup>2</sup> и № 3 – 16 м<sup>2</sup>. Раскопом № 1 – было вскрыто жилище, раскопом №3 уточнена характеристика зольника. Вероятно, раскопом № 2, заложенным на вершине небольшого всхолмления, был вскрыт ранее неучтенный А.В. Збруевой курган. В этом раскопе были расчищены четыре безинвентарных погребения, находящихся в культурном слое стоянки. На Луговском курганном могильнике, который располагался на окраине стоянки, в этом же году были вскрыты курганы №1–2 (Збруева, 1947, 1960).

В 1948 году на Луговской II стоянке были заложены раскопы в 132 и 150 м<sup>2</sup>, изучены еще три жилища, соединенные переходами друг с другом, и вскрыты еще три кургана Луговского курганного могильника (Збруева, 1948а)<sup>5</sup>.

В ходе двухлетних работ на Луговской II стоянке А.В. Збруевой было вскрыто 485 м<sup>2</sup> и изучены четыре соединенных переходами жилища полуземлянки глубиной до 0,7–0,8 м. Как и на первой стоянке, в жилищах прослежено очень мало столбовых ямок. Конструкции жилищ первой и второй стоянок весьма похожа. Все жилища – глубокие полуземлянки (глубина от 0,7 до 1 м в средней части), соединенные переходами, с наибольшим количеством столбовых ямок, иногда с обкладкой бортов котлованов деревом и бревнами. Почти все котлованы имеют достаточно правильную подчетыреугольную форму с выраженными

<sup>4</sup> Кости были реставрированы в Музее антропологии МГУ и обработаны Т.А. Трофимовой.

<sup>5</sup> Материалы раскопок А.В. Збруевой курганного могильника хранятся в Историческом музее – ГИМ 89046 Описание А1346.



углами. Эта схожесть двух групп жилищ дало повод предполагать родственность оставившего их населения (Збруева, 1960).

В дальнейшем раскопки на Луговской II стоянке были продолжены А.Х. Халиковым. В 1959 году он вскрыл на северной оконечности стоянки 54 м<sup>2</sup>, попутно изучив незаметный с земли курган №3, и изучил еще два кургана могильника (Халиков, Генинг, 1960). Помимо этого, А.Х. Халиков определил территорию Луговских I и II стоянок, выделил на территории комплекса Луговскую III и IV стоянку, очертил их границы посредством планомерной шурфовки склона террасы. На Луговской III стоянке отметил наличие западин от жилищ (Халиков, Генинг, 1960). Таким образом, благодаря исследованиям А.Х. Халикова, были определены площади памятников, входящих в Луговский комплекс. По А.Х. Халикову расстояние вдоль склона террасы, на котором распространен материал на Луговской стоянке I – 75–80 м, площадь определена не была. Площадь Луговской стоянки II определена в 3800 м<sup>2</sup> (95×40 м), стоянки III – 4900 м<sup>2</sup> (140×30–35 м), стоянки IV – около 4000 м<sup>2</sup> (110×30–40 м).

В 1987–1989 гг., в связи с расширением территории поселка Луговой, Корепановым К.И. проводились исследования на Луговской III и IV стоянках, и грунтового Луговского могильника раннего железного века. Попутно был заложен раскоп на Ананьинской дюне, где был исследован слой позднего бронзового века с керамикой схожей с Луговскими стоянками (Корепанов, 1989, 1991). В 1988 г. на Луговской IV стоянке был заложен раскоп 72 м<sup>2</sup> и было вскрыто жилище позднего бронзового века подпрямоугольной формы, с закругленными углами, со стенками обложенными бревнами и соединенное переходом с другим жилищем. Размер жилища 7,8/7,5×3,75 м (площадь – 29 м<sup>2</sup>), глубина 20 см от уровня материка. Длинной стороной жилища ориентировано по линии запад-восток. На раскопе зафиксировано 103 фрагмента венчиков сосудов. Судя по иллюстрациям из отчета, керамика наиболее схожа с материалами Луговской I стоянки (Корепанов, 1989). В 1989 г. на Луговской III стоянке был заложен раскоп 196 м<sup>2</sup> и вскрыто жилище позднего бронзового века подквадратной формы, с закругленными углами, со стенками обложенными бревнами, соединенное переходом с другим жилищем и с выходом на юг в сторону реки. Жилище

имело размеры 7×6,8 м (площадь около 49 м<sup>2</sup>), углубленное на 80–90 см в материк. Стороны жилища сориентированы по сторонам света, с более длинной стороной по линии запад-восток. Выявлено 253 фрагмента керамики с 72 венчиками. Судя по иллюстрациям из отчета, керамический материал наиболее схож с материалом Луговской II стоянки (Корепанов, 1991). Таким образом, судя по конструкции жилищ и керамическому комплексу, они весьма схожи с постройками на Луговских I и II стоянках. При этом Луговская III имеет больше сходства с Луговской II, а Луговская IV с Луговской I стоянкой.

Наконец в 2008 году А.А. Чижевским на Луговской II стоянке была вскрыта площадь 94 м<sup>2</sup> и исследовано межжилищное пространство юго-западной части стоянки. Керамика с раскопа, в количестве 315 фрагментов, была отнесена к атабаевско-межевскому или к атабаевскому этапу маклашеевской культуры (Чижевский, 2012, с. 299).

Таким образом, всего на Луговской II стоянке было вскрыто в общей сложности 633 м<sup>2</sup>, а также 8 курганов из 14. Хотелось бы отметить, что планы расположения курганов у А.В. Збруевой и А.Х. Халикова не совпадают. Кроме того, у разных авторов приведено их разное количество и разная нумерация (у А.В. Збруевой – 8 курганов, у А.Х. Халикова их 10).

#### **История изучения (кабинетные исследования).**

В обобщающей публикации материалов Луговских стоянок Збруева А.В. выделила несколько типов керамики и отметила разновременность первой и второй стоянки (Збруева, 1960). Для Луговской I стоянки это 9 типов, которые, тем не менее, укладывались в относительно короткий промежуток времени от постройки сооружений и до оставления стоянки людьми. Для Луговской II стоянки это в основном, один тип посуды. Для Луговской I стоянки основным типом являлся, уже отмеченный выше, особый тип керамики с влиянием андроновских и срубных традиций, который на сегодня понимается как керамика луговской культуры. На Луговской II стоянке основной тип керамики, по А.В. Збруевой, это горшки различного размера с отогнутыми краями часто с выпуклым валиком на шейке, с выпуклыми стенками и плоским дном. На основании некоторой схожести в орнаменте, формах сосудов, наличию примеси ракови-

ны в тесте с ананьинской керамикой раннего железного века, этот тип посуды был отнесен к более позднему времени, чем основной тип с первой стоянки. Основные выводы по результатам раскопок А.В. Збруева опубликовала в обобщающей работе следующим образом (Збруева, 1960, с. 33). Они таковы:

1) Прежде всего, несмотря на различия в керамических комплексах, поселенческие памятники близ поселка Луговой были отнесены к одной культуре.

2) Время бытования памятников у поселка Луговой было отнесено к концу II – началу I тыс. до н.э., т.е. уже в основном к постсрубному времени, согласно хронологии срубной культуры в это время. При этом было отмечено влияние андроновской и срубной традиций на культуру Луговских стоянок.

3) Был сделан вывод о генетической преемственности ананьинских памятников от памятников типа поселения Луговское.

4) Несмотря на то, что А.В. Збруева все поселенческие памятники близ поселка Луговое отнесла к одному единому поселению, ею же были выделены отдельные стоянки внутри этого поселения. Такие стоянки, хотя и находились недалеко друг от друга, и были едины в культурном отношении, но имели разную хронологическую датировку. Подобный подход вызвал путаницу у исследователей в соотнесении различных групп керамики Луговских стоянок с уже известными культурами. И в дальнейшем, зачастую, первая и вторая стоянки продолжали относиться исследователями к одной культуре.

5) Был выдвинут тезис о широко развитом скотоводстве и развитии земледелия, наряду с охотой и рыболовством.

6) Население Луговских I и II стоянок было знакомо с металлургией.

7) Выводы о людских жертвоприношениях на основе находок человеческих костей в очаге в полуземлянке I и отдельного черепа в кургане №2 и выводы о родовом обществе у людей, оставивших поселенческие памятники, на основании соединенных переходами жилищ, на наш взгляд, не совсем аргументированы (Збруева, 1960, с. 33).

8) Несмотря на все это, А.В. Збруева не стала выделять луговскую археологическую культуру, в том смысле, что не была определена территория, занимаемая этой культурой с характерными поселениями и могильниками,

не были выделены общие признаки материальной культуры.

В дальнейшем различные исследователи использовали материалы Луговских стоянок в своих построениях по культурогенезу позднего бронзового века в Приуралье и Среднем Поволжье.

Точка зрения А.В. Збруевой о выделении особых памятников типа Луговских стоянок была поддержана А.П. Смирновым во введении к публикации этих памятников (Смирнов, 1960, с. 6). Он отметил, что материал Луговского поселения, отличается от приказанских стоянок, раскопанных Н.Ф. Калинин и А.Х. Халиковым в Приказанском Поволжье и свидетельствует о существовании к востоку от р. Вятки особой культуры, с другими чертами и наличием материала, подчеркивающего влияние андроновской культуры, а также черт свойственным стоянкам этого времени Западной Сибири (Смирнов, 1960, с. 6). С приказанской культурой луговские стоянки сближает только традиция домостроительства жилищ «многокомнатного типа» (Смирнов, 1960, с. 6).

К.В. Сальников, заметил, что на фрагментах собственно андроновской керамики из Луговской I стоянки переплетаются элементы федоровского и черкаскульского орнамента (Сальников, 1967, с. 371). Основную часть керамики, ту которую А.В. Збруева отнесла к особому, оригинальному культурному комплексу, К.В. Сальников определил как близкую посуде межовского этапа черкаскульской культуры, которая, в свою очередь, имеет в то же время общий с сузгунской посудой орнамент в виде пояса глубоких ямок (Сальников, 1967, с. 371). Основной керамический комплекс Луговской II стоянки К.В. Сальников отнес к выделенной им культуре курмантау. В то же время им было отмечено, что памятники культуры курмантау входят в более обширную общность предананьинского времени, наряду с позднеприказанскими памятниками Нижнего Прикамья и Приказанского Поволжья и ерзовскими памятниками Среднего Прикамья (Сальников, 1967, с. 378). Хотелось бы отметить, что керамика самого финала бронзового века, близкая маклашевской или курмантауской культурам, нами в коллекции Луговской II стоянки была зафиксирована в единичном количестве. Поэтому, видимо, с курмантауской керамикой К.В. Сальников отождествил керамику атабаевско-

го этапа приказанской по (Халиков, 1980) или атабаевского этапа маклашеевской культуры по (Кузьминых, Чижевский, 2009а). Этот этап более ранний, нежели курмантауские или маклашеевские комплексы Волго-Камья и скорее соответствует межовской культуре в Приуралье, согласно современной точке зрения.

А.Х. Халиков Луговскую I стоянку по основным типам керамики отнес к алакульской культуре и к балымско-карташихинскому этапу приказанской культуры, а Луговскую II к атабаевскому этапу приказанской культуры (Халиков, 1969). Выделенные им в результате разведочных работ Луговские III и IV стоянки он отнес соответственно к атабаевскому и балымско-карташихинскому этапам приказанской культуры (Халиков, 1980). Критика концепции А.Х. Халикова прозвучала еще в 1960 году в публикациях Збруевой А.В. и Смирнова А.П. и продолжилась в 1967 г на IV Уральском археологическом совещании. На IV Уральском археологическом совещании В.П. Денисов предлагал выделить в бассейне Вятки и низовьев Камы луговскую культуру. В отношении же приказанской культуры он склонялся к точке зрения О.Н. Бадера – не распространять термин «приказанская культура» на все Прикамье, а считать ее территорией Казанское Поволжье и прилегающую к нему часть района Нижней Камы (Денисов, 1967, с. 30). Генинг В.Ф. отмечал материалы Луговской I стоянки как смешанные срубно-андроновские, при этом выделяя луговскую культуру, которая наряду с культурами курмантау, ерзовской и позднеприказанской представляют собой локальные варианты единой общности. (Генинг, Совцова, 1967 с. 58).

В дальнейшем Л.И. Ашихмина очертила круг памятников луговской культуры, включив в нее Луговские стоянки I–IV, при этом отметив только лишь то, что Луговская II стоянка по времени несколько позже Луговской I стоянки (Ашихмина, 2014, с. 29–31). В выделенную Л.И. Ашихминой луговскую культуру была включена разнообразная керамика, как характерная для первой, так и второй Луговской стоянок. Видимо, в связи с этим разнообразием форм и орнаментов на керамике, впервые у Л.И. Ашихминой появляется термин «посуда постлуговского типа» для части комплексов из Икских I, III и Дубовогривской II стоянок, куда, видимо, были включены и характерные горшечные атабаев-

ские комплексы Луговской II стоянки (Ашихмина, 2014, рис. 15, 16, 30, 34).

М.Ф. Обыденнов включил материалы Луговских стоянок вслед за А.В. Збруевой и Л.И. Ашихминой в особую луговскую культуру (Обыденнов, 1992). В луговскую культуру были включены стоянки северной части Нижнего Прикамья и Икско-Бельского междуречья, при этом отмечена схожесть луговских, приказанских, и межовских комплексов на Нижней Каме и трудность их отнесения к той или иной культуре (Обыденнов, 1997, с. 6). Луговская культура, по М.Ф. Обыденнову, оказала влияние на формирование межовской культуры в Прикамье (Обыденнов, 1992, с. 13). В более поздних работах М.Ф. Обыденнов также придерживается концепции об особой луговской культуре с эпонимным Луговским поселением, включая сюда все Луговские стоянки (Обыденнов, 1997, с. 64; 2006, с. 140). Им же было отмечено, что луговская культура, как и материалы Луговских I и II стоянок, явно разбивается на два культурно-хронологических этапа. Ранний этап характеризуется влиянием трех культурных компонентов – срубного, черкаскульского и федоровско-бишкульского. На втором этапе луговской культуры прослеживается влияние межовской культуры, население которой проникает с западных склонов Урала в Нижнее Прикамье и в Бельский район. Нижняя Белая и прилегающие районы Нижнего Прикамья являлись в позднелуговское время зоной смешения луговских и межовских культурных традиций (Обыденнов, 2006, с. 143). С данной точкой зрения и на сегодняшний день трудно не согласится.

Ю.И. Колев, при выделении сусканского типа памятников, включил в него материалы Луговской I стоянки (Колев, 1991, с. 163–165), а вторую стоянку с межовской (позднелуговской) и атабаевской керамикой отнес к выделенной А.В. Збруевой и Л.И. Ашихминой луговской культуре. К сусканскому типу памятников были отнесены и памятники Нижнего Прикамья и Икско-Бельского междуречья (Колев, 1991, с. 170–171).

Схожесть комплексов Сусканского поселения и Луговской I стоянки натолкнула ряд исследователей в XXI в. сделать вывод о существовании единой сусканско-луговской культуры, куда были включены памятники лесного и лесостепного Волго-Камья (Казаков, Рафикова, 1999; Чижевский и др. 2012).



Этого небольшого историографического очерка, достаточно, чтобы понять всю важность материалов Луговских стоянок для выяснения процесса культурогенеза позднего бронзового и раннего железного века. Вместе с тем и по сей день существует разное, зачастую противоположное определение культурной принадлежности стоянок. Эта разногласия мнений исследователей заставила авторов снова обратиться к материалам Луговских стоянок, и рассмотреть их под новым углом, уделяя внимание, прежде всего керамическим комплексам стоянок и поиску их аналогий в Северной Евразии. При этом наибольший интерес вызывают коллекции из раскопок А.В. Збруевой 1939–1948 гг., которые стали реперными при выделении луговской культуры.

**Территориальное расположение и археологическое окружение Луговских стоянок (рис. 1–4).** Луговской комплекс (четыре стоянки, грунтовый и курганный могильник) расположен на низкой (нерасчлененной) террасе, сложенной супесями (Ландшафты, 2007, с. 64, карты). К югу от комплекса памятников расположена широкая пойма р. Кама, на западе и северо-западе расположена пойма р. Тойма. С севера и запада к территории комплекса вплотную примыкает смешанный лес территории Национального парка «Нижняя Кама». В ландшафтном отношении Луговской комплекс расположен в Елабужско-Предкамском возвышенном районе, который характеризуется Приуральскими широколиственнопихтово-еловыми неморальнотравяными, сосново-широколиственными, сосново-травяными лесами с доминированием в настоящее время березняков, осинников и культур сосны и ели, расположенных на светло-серых лесных и дерново-подзолистых почвах (Ландшафты, 2007, с. 133). Район относится к бореальной ландшафтной зоне, подтаежной ландшафтной подзоне региона Восточного Предкамья (Ландшафты, 2007, с. 134). Площадь лесов в данном ландшафтном районе еще в 1800 г. составляла 79,7% от площади района (Ландшафты, 2007, с. 141).

Территория в десяти километровой округе поселка Луговой широко исследована археологически. Помимо Луговского комплекса, где на каждом из входящих в него памятников с 40-х гг. XX в. проведены широкие раскопки, широко исследован, начиная с

XIX века Ананьинский могильник, расположенный в 1,5 км к северо-западу от Луговского комплекса (Кузьминых, Чижевский, 2009б). Помимо могильника раннего железного века на Ананьинской дюне зафиксирована стоянка с керамикой эпохи неолита-энеолита, близкая новоильинской культуре, а также с луговской, атабаевской и маклашеевской керамикой позднего бронзового века (Кузьминых, Чижевский, 2009б, с. 8–9). Раскопками исследована Кумысская стоянка и могильник с материалами новоильинской энеолитической, луговской культур, атабаевского и маклашеевского этапа маклашеевской культуры (Генинг, Старостин, 1972), находящаяся в 6,3 км к востоку от Луговского археологического комплекса. В 2018 г. произведены раскопки на Мальцевской IV стоянке, целиком относящейся к луговской культуре и расположенной в 5 км к северу от Луговских стоянок. Остальные памятники были открыты в результате разведочных работ. Примечательно, что на всех памятниках, исследованных раскопками, зафиксированы представительные материалы луговской культуры позднего бронзового века. Также здесь много памятников, в том числе исследованных разведками, с материалами атабаевского этапа маклашеевской культуры. И наконец, на памятниках, расположенных на террасах правого берега р. Камы, выявлены немногочисленные находки керамики энеолитической новоильинской культуры.

Южнее этой территории, уже на левом берегу Камы, зафиксированы могильники и поселения срубной культурно-исторической общности. При этом, как и на других территориях Предкамья, на археологических материалах округа поселка Лугового нигде не зафиксирован переход носителей срубной культуры на правый берег Камы. По всей видимости, залесенные территории правого берега Камы в древности были непригодны для развития экстенсивного скотоводства носителей срубной культуры. Луговская культура основу хозяйства носителей, которой тоже определяло скотоводство, появилась на этой территории на завершающем этапе существования срубной общности (Колев, 2000, с. 250; Лыганов, 2018, табл. 1).

Таким образом, можно проследить динамику развития культур в округе поселка Луговой с неолита-энеолита до финала бронзового века. Известно несколько фрагментов неолитической керамики с Кумысской и Лугов-

ской II стоянок, но пока нельзя говорить о постоянных поселениях на этой территории в неолите. В энеолите здесь были расселены носители новоильинской и гаринской культур. Немногочисленные фрагменты керамики энеолитических культур присутствуют на ряде памятников до самого финала энеолитической эпохи, но в начале позднего бронзового века и времени становления и существования в Закамье срубной культурно-исторической общности эта территория заустевает. Новое, по-настоящему широкое, хозяйственное освоение этой территории начинается в луговское время (с XVII в. до н.э.). В Закамье, в это время, срубная общность постепенно сменяется луговской и сусканской культурами. В дальнейшем, в финале позднего бронзового и раннем железном веке, эта территория продолжает широко осваиваться носителями маклашеевской культуры и культур ананьинской культурно-исторической области.

#### **Стратиграфия и жилища Луговских I и II стоянок (рис. 5–7).**

Стратиграфия Луговских I и II стоянок одина и достаточно проста (Збруева, 1960, с. 11). Нерасчлененный культурный слой, в виде рыхлой гумусированной серой супеси (или темно-серой гумусированной супеси), залегал сразу под небольшой прослойкой дерна, до глубины 0,35–0,5 см вне жилищ. В профилях раскопов Луговских I и II стоянок А.В. Збруевой была зафиксирована углистая прослойка мощностью 3–10 см. Это прослойка по А.В. Збруевой расположена сразу после дерна и находится в самом верху культурного слоя стоянок (рис. 6). Прослойка автором никак прокомментирована не была, но, по всей видимости, может быть связана с пожаром на памятниках после оставления их людьми. Примечательно, что в раскопе 2009 г. А.А. Чижевского подобной ярко выраженной углистой прослойки на Луговской II стоянке выявлено не было (Чижевский, 2008, с. 298–300). Далее вниз после культурного слоя шел светлый материковый песок. Вне жилищ культурный слой был значительно светлее и содержал в себе очень небольшое количество находок. Основное количество материальных остатков получено из заполнения полуземлянок, в особенности много развалов керамических сосудов, поддающихся реконструкции, получено с пола построек около очагов и сгоревших конструкций.

В западной периферийной части территории Луговской II стоянки этот стратиграфический разрез, схожий на всех стоянках, отличается наличием прослойки белесой супеси мощностью 20–30 см, которая залежала под культурным слоем темно-серой гумусированной супеси на глубине 20–40 см от современной поверхности (Збруева, 1960, с. 24; Чижевский, 2012, с. 298–300). В данном слое содержится большинство находок керамики вне жилищ. Здесь много костей животных в более хорошей сохранности, чем в других слоях (Збруева, 1960, с. 24; Чижевский, 2012, с. 298–300). Аналогии белесой супеси с большим содержанием золы, насыщенной керамикой и костями животных, можно проследить в зольниках Зауралья, которые расположены на периферии поселений андроновских и андронидных культур позднего бронзового века (Корочкова, 2009). Наиболее часто такие золистые слои интерпретируются исследователями как места для утилизации бытовых отходов на окраинах поселений. Именно этим объясняется насыщенность данного слоя золой, костями и керамикой. Наиболее крупные и информативные зольники выявлены на поселениях андронидных (пахомовской, сузгунской, черкаскульской культур) и ирменской культуры (Корочкова, 2009, с. 26).

А.В. Збруева описывала котлованы построек как полуподземные жилища – землянки. Мы предполагаем, что, так как глубина котлованов у бортов лишь изредка достигает 90 см, то эти жилища следует отнести к полуземлянкам (см. Чижевский, 2007, с. 98–99). Сами жилища были подробно описаны А.В. Збруевой в обобщающей работе (Збруева, 1960, с. 12–14, 22–24). По этой причине мы ограничимся лишь их кратким перечислением с указанием площади, глубины и архитектурных особенностей.

**На Луговской I стоянке** вскрыто 6 жилищ-полуземлянок подпрямоугольной формы, соединенные переходами друг с другом, с двумя выходами на север и одним на юг к пойме р. Кама (рис. 5). Очаги располагались во всех жилищах, по одному-два возле борта или в углу жилища. В провалах очагов находились куски керамики, крупные и мелкие камни.

Полуземлянку I с «очагом-крематорием» в западной стене с обожженными и необгорев-

<sup>6</sup> С большим количеством золы по А.В. Збруевой.

лыми костями, остатками от 19 человек (взрослых и детей, европеоидного и монголоидного облика), а также керамикой и обожженными и необожженными камнями, который расположен на возвышении в 15 см над полом полуземлянки, возможно, следует отнести к особому типу культовых построек. В северной части «очага-крематория» зафиксирована столбовая ямка – единственная в этой полуземлянке. В отличие от А.В. Збруевой, которая связывала этот очаг с местом совершения человеческих жертвоприношений, мы все же склонны считать, что это место связано с особым обрядом погребения, вероятно, в финале существования стоянки или же уже после того как люди оставили это место. Погребения, которые совершены на поселениях, чей культурный слой немного предшествовал по времени совершения погребения, известны в Волго-Камье. Кремация тела на стороне, перед помещением праха в погребальную камеру, известна у федоровской (андроновской) культуры (Молодин, 1985, с. 105–108; Кузьмина, 2008, с. 84–86; Зах, 1997, с. 55–56). Наиболее западные памятники федоровской культуры практически не содержат погребений по обряду ингумации (Корочкова, 2011, с. 15). В среде срубной общности, как считают исследователи, редкие кремации появились в результате контактов с «федоровцами» (Кузьмина, 2008, с. 84–86). Трупосожжения и огненные похоронные ритуалы также известны у черкакульской культуры (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 60–61). Огненные ритуалы известны и в погребениях луговской культуры и позднелуговского (межовского) времени в Коминтерновских курганах, Мурзихинском II могильнике, Подгорно-Байларском кургане (Казаков, 1978; Чижевский, Марков, 2003; Чижевский и др., 2011; Лыганов, 2017). Специальные «постройки-крематории» известны в могильнике Бустон VI эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (Аванесова, 2013, с. 19–21). Примечательно, что эти постройки также углублены в материк и схожи по площади и заполнению с «очагом-крематорием» на Луговской I стоянке. На могильнике Бустон VI выявлен небольшой процент керамики федоровского, тазабагыябского и алексеевского-саргаринского облика. (Аванесова, 2013, с. 515). Однако, абсолютно точные аналогии «очагу-крематорию» в постройке I Луговской I стоянки нами на сегодняшний день не выявлены.

Площадь полуземлянки I – 42 м<sup>2</sup> (6×7 м), глубина у стен от уровня выявления 70–80 см, в средней части около 1 м.

Полуземлянка II соединена переходами с полуземлянками I и III. При этом, судя по разрезу (рис. 5), переход в полуземлянку I расположен гораздо выше пола полуземлянок I и II (перепад 20–40 см). Переход из полуземлянки III в полуземлянку II образует пологий спуск, соединяя полы жилищ. Очаг в полуземлянке II выявлен в северо-восточном углу возле перехода в полуземлянку III. В северо-западном и юго-западном углах зафиксированы столбовые ямки. В юго-западном углу выявлены следы хозяйственной ямы глубиной около 40 см. Площадь полуземлянки II – 28 м<sup>2</sup>, глубина у стен от уровня выявления около 90 см в средней части около 1 м.

Полуземлянка III является центральной и соединена переходами на все четыре стороны света с полуземлянками II, IV, V и VI. Выявлены следы очагов в трех углах. Площадь полуземлянки III около 18 м<sup>2</sup> глубина от уровня выявления у стен 70–80 см, в средней части около 90 см.

Полуземлянка IV соединена переходом с полуземлянкой III. Постройка вскрыта не полностью – южный край остался за пределами раскопа. Очага не зафиксировано. Выявлены хозяйственные ямы. Площадь вскрытой части полуземлянки IV – 12 м<sup>2</sup>, глубина у стен 70–80 см, в средней части около 90 см.

Только в полуземлянках V и VI зафиксированы сгоревшие деревянные прямоугольные конструкции по бортам жилищ. Полуземлянка V расположена к северу от жилища III и соединена с ним переходом. Зафиксированы 2 очажных пятна у восточной стенки и северо-восточного угла жилища. Здесь же зафиксирована одна столбовая ямка. Площадь полуземлянки V около 45 м<sup>2</sup> (10×4,5 м), глубина у стен от уровня выявления 80–90 см, в средней части постройки около 1 м.

Полуземлянка VI соединена переходом у северо-западного угла с полуземлянкой III. Прослежено несколько очажных пятен: в переходе, в выходе в сторону реки у южной стенки, и у восточной стенки. Площадь полуземлянки VI около 25 м<sup>2</sup> (7×3,5 м), глубина у стен от уровня выявления – 80 см, в средней части постройки около 1 м.

**На Луговской II стоянке** были вскрыты четыре подчетырёхугольных жилища-полуземлянки, также соединенные переходами



друг с другом (рис. 7). На некоторых из полуземлянок зафиксированы следы сгоревшей деревянной обкладки стен. Очаги здесь тоже фиксируются возле стен жилищ. Как и на первой стоянке, раскопками здесь было зафиксировано малое количество столбовых ямок в жилищах. Особенностью построек Луговской II стоянки является наличие на полу жилищ насыпных песчаных «скамей» или «столиков». Полуземлянки несколько меньше по глубине, чем жилища первой стоянки и большие по размеру. В целом постройки Луговской II стоянки обнаруживают сходство с постройками Луговской I стоянки за небольшими различиями.

Полуземлянка I находится в средней части группы полуземлянок и соединена коридорами-переходами с запада и востока с полуземлянками II и III. Вдоль северной стенки и в северо-западном углу сооружения были зафиксированы следы обгорелого дерева. Очаги располагаются в северо-восточной части полуземлянки, вдоль северной и восточной стенки. В западном углу сооружения и в восточном переходе в полуземлянку II зафиксированы следы столбовых ямок. В средней части жилища выявлена яма  $1,5 \times 1$  м и глубиной до 1,16 м (на плане не отражена). В яме найдено небольшое количество мелкой неорнаментированной керамики. Площадь около  $49 \text{ м}^2$  ( $7 \times 7$  м). Глубина котлована жилища вдоль стенок 60–70 см, в центральной части до 90 см.

Полуземлянка II подчетыреугольной формы вскрыта не полностью. С северо-западного и юго-западного угла коридорами-переходами котлован полуземлянки соединен с полуземлянками I и IV. Выявлен очаг с обкладкой камнями у южной стенки котлована. Площадь вскрытой части полуземлянки около  $55 \text{ м}^2$  ( $8 \times 7$  м). Глубина котлована вдоль стенок 60 см, в центральной части до 70 см.

Полуземлянка III самая западная в группе полуземлянок, с востока соединена переходом с полуземлянкой I и с запада с неясным и небольшим, вероятно, разрушенным объектом. Вскрытая часть имеет правильную подчетыреугольную форму. У северной стенки и в выходах-переходах на запад и восток зафиксированы остатки очагов. У северной стенки, в очагах и на полу полуземлянки зафиксированы крупные развалы сосудов атабаевского типа вместе с небольшим количеством камней. Также в постройке зафик-

сированы столбовая ямка и следы сгоревшей деревянной обкладки западной стенки. В этой полуземлянке на полу были выявлены своеобразные песчаные насыпанные конструкции – «скамьи» или «столики». Площадь вскрытой части полуземлянки около  $64 \text{ м}^2$  ( $8 \times 8$  м). Глубина котлована жилища вдоль стенок 60–70 см, в центральной части до 70–80 см.

Полуземлянка IV с юга соединена коридором-переходом с полуземлянкой II. В центре большой очаг с большим количеством камней. К югу от очага зафиксирован насыпной песчаный «столик». На север продолжается выход или переход длиной около 2-х м. Площадь постройки около  $49 \text{ м}^2$  ( $7 \times 7$  м). Глубина котлована жилища вдоль стенок 60–70 см, в центральной части до 70–80 см.

Хотелось бы остановиться на аналогиях этим жилищам в культурах позднего бронзового века Восточной Европы, Западной Сибири и Северного Казахстана. Следует отметить, что жилища Луговской I стоянки не схожи с жилищами черкаскульской культуры. Только два исследованных жилища из черкаскульских памятников достигают глубины в 0,68–0,8 м, остальные входят в тип наземных построек (на Луговской I стоянке глубина жилищ 0,8–0,9 м). Кроме этого, все известные черкаскульские жилища имеют ярко выраженную столбовую конструкцию, не зафиксированную на Луговских I и II стоянках (Сальников, 1967, с. 354; Стоколос, 1972, с. 54–82; Хлобыстин, 1976; Обыденнов, Шорин, 2005, с. 10–35; Алаева, 2015, с. 475–476). Отмечено, что небольшие размеры ( $22,5 - 30 - 40 \text{ м}^2$ ) имеют черкаскульские жилища, расположенные в лесной зоне, а крупные площадью в  $160 - 180 \text{ м}^2$  тяготеют к лесостепной зоне Зауралья и Северного Казахстана (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 34). На черкаскульских памятниках не была зафиксирована система соединенных переходами жилищ, характерная для Луговских стоянок. Таким образом, несмотря на находки на поселении черкаскульской керамики, нельзя говорить о том, что жилища Луговской I стоянки были возведены носителями этой культуры.

Сложно проследить аналогии таким жилищам и в других поселенческих памятниках луговской и сусканской культур т.к. они тоже в основном неглубокие, небольшие по площади и имеют выраженную каркасно-столбовую основу. Луговские, сусканские,

и межовские жилища тоже обычно не соединены друг с другом переходами (Обыденнов, 1998, с. 7–11; Колев, 2000, с. 247; Колев и др. 1995, Ашихмина, 2014, рис. 3–4, 21–22, Чижевский, 2007, табл. 2). Судя по описаниям А.В. Збруевой, это именно глубокие коридоры-переходы, которые соединяют полы полуземлянок, поэтому достаточно трудно их интерпретировать, как утопанные людьми дорожки между жилищами (Збруева, 1960, с. 13, 23–24). Пока выявлен только один такой переход, который, возможно, образовался в результате естественных процессов – неглубокий переход из полуземлянки I в полуземлянку II. Пол этого перехода был выше полов жилищ I и II как минимум на 20–30 см.

По углубленным в землю коридорам-переходам между жилищами Луговские стоянки имеют аналогии в древностях займищенского, балымско-карташихинского и атабаевского этапов приказанской культуры по А.Х. Халикову (Халиков, 1980, рис. 4,8). А.А. Чижевским было зафиксировано постепенное уменьшение соединенных тамбурными переходами жилищ на протяжении эпохи поздней бронзы Волго-Камья. (Чижевский, 2007, с. 100, табл. 2). Вероятно, соединенные углубленными в землю переходами-тамбурами жилища являются своеобразной надкультурной чертой населения лесной зоны Волго-Камья в позднем бронзовом веке. Истоки традиции сооружения глубоких переходов между жилищами, возможно, следует искать в энеолитических культурах Поволжья.

Интересны некоторые аналогии жилищам Луговской II стоянки в древностях Верхней Волги и Поочья. Такие характерные элементы жилищ стоянки, как наличие насыпных «столиков» из песка на полу жилища, наличие очагов с обкладкой из камней, где концентрируются развалы керамической посуды, имеют некоторые параллели с жилищами культуры текстильной керамики в среднем Поочье (Фоломеев, 1974; Азаров, 2017, с. 65).

### **Материальная культура Луговской I и II стоянок.**

*Кремневый инвентарь Луговских стоянок.*

Кремневый инвентарь на Луговских I и II стоянках весьма немногочислен и был подробно описан А.В. Збруевой в обобщающей работе (Збруева, 1960, с. 15–16, 25). Среди кремневого инвентаря Луговской I стоянки

отмечены: наконечник стрелы необычной ланцетовидной формы, несколько скребков, ножевидная пластина, несколько отщепов и десяток мелких кремневых чешуек, обломками терки и пестов. Коллекция Луговской II стоянки представлена двумя наконечниками стрел, двумя скребками на отщепе, скребковидным орудием на гальке, пестами, найденными возле очагов, частью каменного молота или кирки с выбоинами на противоположных сторонах для привязывания и заполированное орудие, которое служило, возможно, верхним камнем от зернотерки.

Среди хронологически важных вещей необходимо упомянуть находки кремневых наконечников стрел на Луговской II стоянке. Один из них является характерным для начала позднего бронзового века. Это крупный наконечник стрелы вытянуто-подтреугольной формы с прямым основанием (Збруева, 1960, рис. 8: 2). Такие крупные наконечники стрел выявлены в материалах сейминско-турбинского транскультурного феномена, потаповского и займищенского типа памятников, доно-волжской абашевской культуре и др. культур первой фазы позднего бронзового века (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 104, 106; Кузнецов, Семенова, 2000, рис. 11; Лыганов и др. 2012, рис. 2: 11; Липецкий курган..., 2016, рис. 53). Такой тип стрел несколько отличается от зауральских стрел этого времени, которые в основном имеют слегка вогнутое основание (Сериков и др., 2009, рис. 6, 12, 13). Развитие типа стрел вытянуто-подтреугольной формы с прямым основанием продолжается и в более позднее время, хотя они уже становятся меньше по размеру. Эти стрелы известны в памятниках с неразделенным черкаскульско-межовским культурным слоем (Обыденнов, 1998, рис. 38; Обыденнов, Шорин, 2005, рис. 19).

Другой наконечник стрелы с Луговской II стоянки, несмотря на то, что изготовлен из такого же типа кремня, что и первый наконечник, имеет аналогии в древностях атабаевского и маклашеевского этапов маклашеевской культуры (Халиков, 1980, табл. 37: 6; Соловьев, 2000, стр. 82–83, рис. 81). Этот тип вытянуто-листовидных наконечников с прямым или округлым усеченным основанием встречается как на поселениях, так и в могильниках и бытует на протяжении всей второй половины II тыс. до н.э. (Халиков, 1980, табл. 37; Соловьев, 2000, стр. 82–83, рис. 81).

*Металлические изделия.* Известно, что на Луговской I стоянке были найдены только кусочки медного шлака, которые в коллекционных описях Исторического музея не значатся. Хотелось бы отметить, что металлические вещи, традиционно описываемые исследователями, как найденные на территории Луговской II стоянки (долото, пронизь, металлический диск) (Халиков, 1980, табл. 46.6, Обыденнов, 1998, рис. 22; Ашихмина 2014, с. 40) все были найдены в совсем другой части Луговского археологического комплекса, на территории Луговского грунтового могильника ананьинского времени, и, видимо, связаны с культурным слоем стоянки эпохи поздней бронзы (позднее названной Луговской IV стоянкой). Про это упоминает сама А.В. Збруева в работе 1960 г., совместно с описанием раскопов на Луговской II стоянке (Збруева, 1960, с. 14, с. 28, рис. 10: 4, 7, 8). На территории самой Луговской II стоянки ни в раскопах А.В. Збруевой, ни А.Х. Халикова металлических изделий выявлено не было. Бронзовые изделия в этой части Луговского комплекса были найдены только в погребениях Луговского курганного могильника (рыболовный крючок и колечко) расположенного частично на территории Луговской II стоянки (Збруева, 1960, с. 15). В дальнейшем в раскопах К.И. Корепанова и А.А. Чижевского бронзовых изделий также зафиксировано не было.

Датирующим предметом здесь является, уже упоминавшееся выше, долото с территории Луговской IV стоянки. Долото относится по В.С. Бочкареву к типу криволезвийных (желобчатых) долот с литой втулкой, край которых укреплен валиком (Бочкарев, 2017, с. 174). Этот тип изделий обнаружен на многих памятниках в Волго-Камье, три из них происходят с Ананьинской дюны и одно из Луговской IV стоянки (Халиков, 1980, табл. 46). Появляются они с возникновением дербеденевского очага металлообработки. Дербеденевский очаг металлообработки входит в еще более крупный лобойковско-дербеденевский очаг (и одноименную хронологическую группу металлических изделий, по В.С. Бочкареву) который начинает функционировать около середины II тыс. до н.э. и связан с черкаскульско-федоровскими, сусканскими, луговскими, позднесрубными, отчасти с саргаринско-алексеевскими древностями и ранней сабашиновской и ноуа (Бочкарев, 2017, с. 172–173). Судя по встречаемости в закрытых комплексах,

этот тип долот продолжает свое развитие и в последующей по времени красномаяцкой группе металлических изделий, в которой является одним из ведущих типов металлических изделий (Бочкарев, 2017, с. 181). Красномаяцкая группа металлических изделий и одноименный очаг металлообработки характерен для поздней сабашиновской культуры (Бочкарев, 2017, с. 174), а на территории Волго-Камья, по всей видимости, синхронными ей межовскими и атабаевскими памятникам (XIV–XIII вв. до н.э.). Таким образом, датировать металлическое долото, найденное на Луговской IV стоянке можно в широких пределах – XVI/XV–XIII вв. до н.э.

*Керамический материал* (рис. 8–29). Несомненно, самым массовым и культурно диагностирующим материалом на Луговских стоянках является керамика. Так как керамический материал Луговской I и II стоянок значительно различается, то в данной публикации описание его дано отдельно по памятникам, кроме наиболее раннего и небольшого нео-энеолитического комплекса.

*Ранняя керамика эпохи неолита-энеолита* (рис. 8). Самый незначительный и наиболее ранний комплекс представлен мелкими обломками неолитической и энеолитической посуды камской, новоильинской и гаринской культур. Они встречены, в основном на территории Луговской I стоянки и, в незначительном количестве, на территории Луговской II стоянки и курганного могильника (2 экз.).

Вероятно, самый ранний по времени фрагмент зафиксирован на Луговской II стоянке – один венчик, предположительно от неолитического сосуда (рис. 8: 7). Сосуд закрытой формы с толщиной стенок 1–1,1 см. В глиняном тесте визуальное четко фиксируется примесь шамота. Срез венчика скошен во внутреннюю сторону. Орнамент покрывал, судя по аналогиям, всю внешнюю поверхность сосуда гребенчатым, сильно забитым, придающим вид прочерка, штампом – вертикальными и горизонтальными рядами, образующим мотив «плетенки». Такие технико-технологические характеристики фрагмента, безусловно, находят аналогии в материалах камской неолитической культуры (Габяшев, 2003; Морозов и др., 2017).

Наиболее ранние энеолитические комплексы керамики Луговской I стоянки представлены сильно фрагментированными стенками, толщиной 0,8–1,1 см, с примесью



шамота и гребенчатым орнаментом в количестве 27 экз., как минимум от десяти сосудов. Орнамент нанесен средней (длинной) и крупной (короткой, овальной) гребенкой в несколько разреженной манере. Элементы орнамента представлены горизонтальными поясками короткопоставленного овального штампа и длинных вертикальных линий, переходящих в горизонтальные линии гребенки.

По совокупности технико-технологических характеристик, эта серия посуды находит аналогии в материалах новоильинской культуры рубежа неолита и энеолита (рис. 8: 2–5, 6, 8, 9).

Наиболее близкие аналогии данной керамике происходят с Кумысской стоянки, расположенной в 6,3 км восточнее Луговской I стоянки (Генинг, Старостин, 1972, с. 92, рис. 4), где она залегала в схожих стратиграфических и планиграфических условиях – в перемешанном культурном слое с материалами позднего бронзового века.

Функционирование новоильинской культуры, судя по калиброванным радиоуглеродным данным, происходило в пределах последней четверти V тыс. до н. э. – до конца IV тыс. до н. э. (Лычагина, Выборнов, 2009; Лычагина, 2018). Такой длительный (более тысячи лет), промежуток функционирования переходных памятников от неолита к эпохе раннего металла ставится под сомнение исследователями (Мельничук, 2011; Денисов, Мельничук, 2014; Лычагина, 2018). Достоверными, видимо, являются древние даты, которые близки по времени финалу неолитических древностей камской культуры.

Следующая по времени серия ранней керамики с Луговской I стоянки, выделенная типологически, характеризуется керамикой с раковинной примесью, гофрированными и профилированными венчиками и, в некоторых случаях, украшенных наlepными валиками с внешней стороны (рис. 8: 1, 4). В одном случае зафиксирован фрагмент с горизонтальными рядами неглубоко вдавленных ямок, украшенных по всей поверхности сосуда. Аналогии этой серии керамики происходят с памятников позднего энеолита Прикамья – Игимской (Габяшев, Старостин, 1972, с. 62), Бачки-Тау II (Выборнов и др., 1982, с. 195–209), Рычинской II (Денисов, 1972, с. 124), Бор I (Бадер, 1961, с. 56, рис. 27: 7). Еще один венчик финала энеолита был выявлен под насыпью кургана №3 в яме,

которую А.В. Збруева интерпретировала как могила № 2 (Збруева, 1960, рис. 11–12). Мы же предполагаем, что это остатки ямы энеолитического времени, оказавшейся перекрытой курганной насыпью. Этот вывод сделан по находкам в ней собственно энеолитической керамики, нестандартной форме и размерам не соответствующим известным подкурганным могильным ямам (Збруева, 1960, рис. 11. I). Интересен этот фрагмент керамики с наlepным гофрированным валиком (рис. 8: 4). Он находит аналогии в материалах Игимской стоянки Икско-Бельского междуречья и Пермского Прикамья (Габяшев, Старостин, 1971; Шипилов, 2012; Денисов и др., 2012). По мнению исследователей, подобный валик появляется на посуде гаринской культуры в финале энеолита под воздействием западно-сибирской кротовской культуры. Вероятно, появление «валикового» пласта древностей с восточными зауральскими чертами, в культурах позднего энеолита Волго-Камья, скорее всего, происходило в русле распространения сейминско-турбинского феномена (Соловьев, 2000, с. 98; Денисов и др., 2012, с. 120). Исходя из этого, датировать такую керамику можно началом II тыс. до н.э. (Денисов и др., 2012, с. 120). Керамика с валиками встречается на поздних гаринских памятниках всегда в единичном количестве. Эта керамика в материалах Луговской II стоянки является 15-м местонахождением, расположенным на самом юго-западе ареала распространения валиковой керамики в гаринской культуре Прикамья. Ниже по течению Камы такая керамика еще не зафиксирована (Денисов и др., 2012, с. 120).

*Керамический материал Луговской I стоянки* (рис. 9–21).

Согласно полевой описи в коллекции Луговской I стоянки насчитывается 6306 находок. Основу составляет керамика. А.В. Збруевой по венчикам удалось выделить около 300 разнообразных сосудов. Как было отмечено выше, А.В. Збруева на этом материале выделила 9 групп сосудов, причем в разные типы попали как разнокультурные, так и однокультурные керамические комплексы. Так 1 группа это энеолитическая керамика, 2 – группа андроновская (федоровско-черкаскульская керамика), 3–7 группы – керамика луговской культуры, а 8–9 – керамика более поздняя с валиками и воротничками, характерная для атабаевского этапа маклашеевской культу-

ры и межовской культуры (Збруева, 1960, с. 16–20). Керамика залегает преимущественно в заполнениях жилищ, ее очень мало в культурном слое вне сооружений. При этом на дне жилищ встречается как наиболее ранняя керамика эпохи энеолита, так и наиболее поздняя с валиками и воротничками финала бронзы. Более интересно соотношение этой керамики по количественным показателям, потому что наиболее ранние и поздние фрагменты керамики эпохи энеолита и финала бронзы составляют всего около 5% от всей коллекции (1,3% и 3% соответственно). При этом только луговская и федоровско-черкаскульская керамика залегает развалами возле очагов и под обгорелыми стенками жилищ. На сегодняшний день мы можем говорить о выделении по керамике на Луговской I стоянке 4 культурно-хронологических комплекса. Первым типом является, уже описанный выше, немногочисленный комплекс керамики новоильинского и гаринского времени.

*Керамика черкаскульско-федоровско-го облика* (рис. 9–10). Второй тип керамики, выявленный на Луговской I стоянке, это керамика близкая черкаскульской или федоровской культурам. Помимо двух крупных подклеенных развалов, в коллекции зафиксировано сорок четыре венчика как минимум от двадцати пяти разных сосудов, а также характерные стенки (48 шт.), которые составляют около 5% керамической коллекции.

Эта керамика отличается особой тонкостенностью, высоким горлом, зачастую эвидной профилировкой, тщательной отделкой поверхности, в том числе с помощью лощения, орнаментацией мелкозубчатым штампом и широкими каннелюрами (желобками). Диаметры венчиков сосудов этой группы достаточно большие и составляют 20–27 см (5 сосудов). С черкаскульской культурой некоторые фрагменты сближают многочисленные ряды желобков, а с федоровской косоугольные треугольники, нехарактерные в целом для черкаскульской традиции и ровный эвидный профиль на ряде сосудов (Сальников, 1967, с. 356–358). Таким образом, на андроновской керамике Луговской I стоянки на одних и тех же фрагментах можно отметить сосуществование признаков как черкаскульской, так и федоровской традиций. К этой же группе отнесены фрагменты от двух необычных по форме сосудов с длинным узким горлом (диаметр 10 см и высота

горла около 12–14 см) и неясным характером расширения в нижней части (рис.10: 6, 8,) (Збруева, 1960, рис. 4: 6, 7). Несмотря на то, что орнамент на этих сосудах по рядам широких каннелюр и прочерченному орнаменту близок черкаскульской посуде, такие формы для нее не характерны. Эта керамика имеет некоторое сходство с отдельной группой посуды бегазы-дандыбаевской культуры Средней Азии (Маргулан, 1979, с. 116; Варфоломеев, 2013; Ломан, 2013, с. 253).

На Луговской I стоянке, так же была выявлена ножка от кубковидного сосуда (Збруева, 1960, рис. 6.6). Такие сосуды Е.Е. Кузьмина относил к андронидному и постсрубному времени на огромной территории Северной Евразии. Истоки их производства она видела в культуре земледельческих поселений юга Средней Азии, где такая гончарная посуда уже была широко распространена в позднем бронзовом веке (Кузьмина, 1974).

Керамика луговской культуры (рис. 11–20). Большая же часть (более чем от 200 выделенных сосудов по А.В. Збруевой) относится к особому оригинальному типу керамики, определенным на сегодня как древности луговской культуры. При обработке коллекций в ГИМе нами были зафиксированы лишь 4 развала (два от мелких сосудов типа банок и два от крупных сосудов). Около 90% всей керамической коллекции (1870 фрагментов) по своей характеристике твердо относится к луговской культуре.

*Керамика луговской культуры*, встречается по всему заполнению жилищных котлованов возле очагов и под обгорелыми деревянными конструкциями. К луговской культуре относятся пять выделенных А.В. Збруевой групп керамики, которые различаются, прежде всего, по форме сосуда (Збруева, 1960, с. 16–20). (По А.В. Збруевой это группы 3–7 соответственно).

*Первая группа* – фрагменты около десяти сосудов схожих с остросереберными срубными горшками.

Наиболее многочисленная *вторая группа*, которая в свою очередь делится на типы. Первый тип имеет слегка отогнутую шейку и слабовыраженные плечики. Горшки этого типа имеют самые различные размеры. Это самый распространенный тип сосудов на стоянке. Ко второму типу относится сосуд с орнаментом, покрывающим 2/3 поверхности. К третьему типу относятся горшки с отогну-

той шейкой и хорошо выраженными плечиками.

К *третьей группе* относятся крупные горшки с загнутым внутрь краем, выпуклыми стенками и относительно небольшим дном.

К *четвертой группе* относятся небольшое количество банок со слабовыпуклыми стенками и немного загнутыми вовнутрь краями.

К *пятой группе* отнесены низкие небольшие чашки, круглодонные и плоскодонные. Края немного загнуты вовнутрь (Збруева, 1960, с. 16–20).

При современном рассмотрении коллекции с Луговской I стоянки, были найдены все эти группы керамической посуды. Прежде всего, необходимо отметить схожесть орнаментальных мотивов на всех группах керамики, выделенных А.В. Збруевой. На культурное единство описанных форм сосудов указывает как сходный характер их орнаментации, так и одинаковые примеси в глиняном тесте сосудов. Такие же группы керамических сосудов встречаются совместно и на других памятниках луговской культуры в Прикамье (Ашихмина, 2014, рис. 9, 12, 14). На памятниках Среднего Поволжья зафиксированы схожие формы сосудов, которые Ю.И. Колев относит к сусканской культуре (Колев, 1999, с. 252–253). Это такие группы сусканской керамики, как профилированные сосуды с относительно высокой шейкой, устье которой сильно стянуто вовнутрь (форма 1), которой аналогична группа 3 керамических сосудов с Луговской I стоянки; баночные сосуды с почти невыделенной шейкой (форма 2), которой аналогична группа 2, первого типа с Луговской I стоянки; и наконец, группа сосудов с четко выделенной шейкой и чуть намеченным ребром при переходе от шейки к тулову (форма 3), которой аналогична группа 1 с Луговской I стоянки (Збруева, 1960, с. 16–20; Колев, 1999, с. 252–253, рис. 3–7). Другие формы луговских сосудов также находят некоторые параллели в сусканской керамике.

Формы сосудов, происходящих с территории Луговской I стоянки, подробно описала Л.И. Ашихмина. Она отметила, что на Луговской I стоянке преобладают баночные сосуды над горшечными и их соотношение 1,7:1 (Ашихмина, 2014, с. 33). Здесь хотелось бы отметить, что под баночной формой сосудов с Луговской I стоянки Л.И. Ашихмина, видимо, понимает сосуды со слабовыражен-

ной шейкой по А.В. Збруевой. Также следует отметить, что банки Луговской I стоянки и банки со срубных поселений Восточного Закамья (Деуковского, Погорно-Байларского поселения), с которыми Л.И. Ашихмина сравнивает баночные сосуды Луговской и Зуево-Ключевской стоянок, это разные типы посуды, разных культур (Ашихмина, 2014, с. 33).

Орнамент наносился преимущественно на верхнюю часть сосуда и состоял из одной-двух, реже трех орнаментальных зон, разделенных одной-тремя горизонтальными линиями. Орнаментальные мотивы основного комплекса Луговской I стоянки стандартны. Было выделено 126 наиболее крупных фрагментов керамики на которых, как нам представляется, сохранились все орнаментальные зоны, что позволяет определить основные орнаментальные мотивы на луговской керамике Луговской I стоянки. В выборку не попали фрагменты, которые имеют явный федоровско-черкаскульский облик, и более поздние фрагменты керамики с валиками и воротничками. Процентное соотношение мотивов орнамента приведено в табл. 1. Наиболее частые мотивы на луговской керамике это ряды трех и более горизонтальных линий, выполненных протаскиванием гладкой гребенкой и иногда принимающих вид узких каннелюр – выявлены в 35% случаев. Такие ряды выполняли как роль основного орнаментального мотива на сосуде, так и служили в качестве разделительной полосы между рядами орнаментальных зон. Второй по частоте встречаемости орнаментальный мотив – это ряд или ряды горизонтальной елочки, которые чаще всего идут во втором орнаментальном поле (30%). Иногда это единственный орнамент на сосуде. Третий по частоте встречаемости орнаментальный мотив – два ряда горизонтальных линий (21%), которые чаще всего разделяют орнаментальную зону. В 16% на сосуды нанесен орнамент в виде наклонных отрезков, выполненных как гребенчатым отпечатком, так и гладкой гребенкой. Чаще всего этот орнаментальный мотив расположен сразу под срезом венчика. Разнообразные вдавления присутствуют на 12% сосудов. Еще в 10,3% орнамент нанесен в виде горизонтального зигзага (или горизонтальной елочки), оттисками разнонаправлено поставленных наклонных отрезков. На 8% сосудов присутствуют заштрихованные прямоугольные треугольники, на 6,3% заштрихованные ромбы.



Остальные мотивы орнамента присутствуют на луговской посуде в гораздо меньшем количестве. Примечательно, что округлые ямки, характерные для последующих культур позднего бронзового века Волго-Камья, выделены только на 4% сосудов.

Таким образом, орнамент на луговской посуде состоял из нескольких орнаментальных зон. В подавляющем случае первая орнаментальная зона состояла из рядов горизонтальных линий, нанесенных гладкой гребенкой. На втором месте ряды коротких косо поставленных отрезков, нанесенных сразу под венчиком гладкой гребенкой или гребенкой с близко поставленными зубцами. Дальше по частоте встречаемости идут разнообразные вдавления, вертикальные прочерченные отрезки, округлые ямки, елочки. В одном случае зафиксированы косоугольные треугольники с бахромой вершинами вверх.

Вторая орнаментальная зона, разделенная с первой двумя тремя рядами горизонтальных линий, имеет следующие орнаментальные мотивы: горизонтальные елочки, заштрихованные треугольники вершинами вниз, ряды зигзагов, выполненных оттисками гладкой гребенки, заштрихованные ромбы, и заштрихованные треугольники и ромбы с бахромой.

Орнамент по срезу венчика нанесен в восьми случаях в виде рядов косо поставленных оттисков гладкой гребенки (7 экз.) и «сетка» (1 экз.).

Только в четырех случаях встречены орнаментированные днища сосудов. Орнамент днищ представлен отпечатками гладкой гребенки в виде рядов горизонтальной елочки, сетки и вертикальных отпечатков. Также на стоянке выявлено днище сосуда с отверстиями (Збруева, 1960, рис. 6: 5). Зачастую исследователи такие днища связывают с особыми сосудами для отжима творога (Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 59).

Таким образом, для основного комплекса керамики Луговской I стоянки характерны сравнительная тонкостенность (в основном 0,6–0,8 см), в ряде случаев небрежная обработка поверхности, иногда с оставленными расчесами. В форме господствует плавная профилировка тулова сосудов со слабо выраженным горлом. Изредка встречаются сосуды выраженной баночной формы, подобные срубным. Еще одной характеристикой луговской керамики является в большинстве случа-

ев отогнутый наружу край венчика. Такие венчики, по мнению Ю.И. Колева, могли получаться в результате перевертывания сосуда вверх дном при просушке (Колев, 1999, с. 253). Гораздо реже встречается округлый или приостренный венчик. Днища плоские. Сосуды в абсолютном своем большинстве орнаментированы. В коллекции Луговской I стоянки без орнамента оказались только 7 фрагментов от небольших чашеобразных сосудов с округлым дном (5,5%). Орнамент наносился гладким, реже зубчатым штампом. В качестве искусственных добавок в тесто сосудов был использован мелкий шамот, песок и иногда встречается небольшое количество дробленой раковины.

По наиболее крупным фрагментам удалось выявить диаметры венчиков и донцев. По диаметру венчиков сосуды делятся на три группы I группа с диаметром 12–17 см (8 сосудов), вторая группа 19–22 см (5 сосудов), и третья группа с диаметром 27–34 см (11 сосудов). Преобладают крупные хозяйственные сосуды с диаметром венчиков 27–34 см. Диаметры донцев сосудов составляют 6–11 см (9 экз.).

Относительная тонкостенность сосудов, плавная профилировка, преобладание в орнаментальных композициях рядов прочерченных горизонтальных линий, горизонтальной елочки, наклонных оттисков-отрезков, заштрихованных треугольников и ромбов, иногда с бахромой – все эти черты имеют отчетливые параллели в культурах андроновского круга, прежде всего федоровской, и в родственных ей андроновских комплексах Западной Сибири, Центрального и Восточного Казахстана.

*Керамика межовская (позднелуговская) и атабаевская* (рис. 21). В незначительном количестве на Луговской I стоянке встречается более поздняя керамика (60 фрагментов от около 14 сосудов – около 3% керамической коллекции) с валиками и воротничками, которая наиболее характерна для Луговской II стоянки. Эта керамика резко отличается от приведенной выше керамики луговской культуры: в тесте присутствуют примеси дробленой раковины, рельефный орнамент из валиков и воротничков, наличие ямок по горлу сосуда, резной орнамент, отличие в орнаментальных мотивах (которые мы рассмотрим ниже). Уже сама незначительность комплекса, отсутствие крупных фрагментов и развалов,

несмотря на то, что некоторые фрагменты керамики залегают на полу жилищ, говорит о том, что эта керамика попала на территорию стоянки случайно и значительно позже с близлежащих стоянок (Луговской II, III), где такая керамика является основной.

*Керамический материал Луговской II стоянки* (рис. 22–29). На второй стоянке А.В. Збруевой удалось выделить около 150 сосудов. Соотношение типов керамики резко отличается от материалов Луговской I стоянки. Преобладающей здесь является керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (около 50% коллекции), при этом целые развалы выявлены на полу возле очагов построек. Особенно много их в полуземлянке III у северной стенки. Находки такой посуды на полу и у очагов построек свидетельствует о принадлежности всех жилищ Луговской II стоянки носителям атабаевского этапа маклашеевской культуры. Также много здесь валиковой керамики межовского (позднелуговского) облика. Эта керамика не образует заметных развалов и скоплений и рассеяна дисперсно в заполнении сооружений. Некоторые фрагменты встречаются на дне полуземлянок совместно с атабаевской керамикой. Крупных развалов этой керамики на Луговской II стоянке не выявлено. При этом хотелось бы отметить, что наиболее крупные куски встречаются в межжилищном пространстве. Также много такой керамики в раскопе у А.Х. Халикова 1959 г, на северной периферии памятника не занятой полуземлянками, и в раскопе А.А. Чижевского на юго-западном краю стоянки, где фактически вся керамика относится к этому типу (Чижевский, 2012). Зачастую эту керамику, представляющую собой мелкие фрагменты, очень сложно идентифицировать и отделить от атабаевской. Связи с этим вычислить точно суммарно ее долю не представляется возможным. По нашим же приблизительным подсчетам, она составляет около 40 % в коллекции раскопок А.В. Збруевой, и большую часть в коллекции из раскопок А.Х. Халикова и А.А. Чижевского.

Остальные керамические комплексы представлены мелкими фрагментами керамики, что нередко ведет к тому, что их сложно идентифицировать с тем или иным культурно-хронологическим комплексом.

Немногочисленна и фрагментарна здесь керамика *черкакульско-федоровского и луговского типа*, которой на стоянке I преоб-

ладающее большинство (рис. 22.). Уникален кубкообразный сосуд идеальной сохранности, найденный на глубине 30 см в западной части раскопа вне жилищных западин в культурном слое стоянки (рис. 29: 1). Он уже неоднократно публиковался в не совсем точной прорисовке в ряде публикация по кубкообразным сосудам позднего бронзового века Северной Евразии (Кузьмина, 1974, рис. 1: 2; Колев, 2000, рис. 11: 12; Мочалов, 2004, рис. 6: 3). Судя по публикациям, время существования подобного типа посуды приходится на промежуток, начиная с начала второй половины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. (Кузьмина, 1974). Много фрагментов от кубковидных сосудов выявлено на сусканских поселениях (Колев, 2000, с. 246, рис. 11), также как на северных луговских памятниках. Судя по калиброванным радиоуглеродным данным, даты сусканских памятников, как и луговских, ограничиваются XVII–XV вв. до н.э. Известны кубки и ранее, но они отличаются пропорциями и орнаментацией (Мочалов, 2004). Впрочем, О.Д. Мочалов, вслед за Е.Е. Кузьминой, тоже указывает на явные параллели подобного вида посуды в среднеазиатских земледельческих культурах. По времени это происходит уже с конца III – начала II тыс. до н.э. (Мочалов, 2004, с. 132–134). В заполнении сооружений керамика луговской культуры и черкакульско-федоровского облика встречена только в виде мелких фрагментов. Развалы и даже целый кубковидный сосуд выявлены на периферии стоянки с северной и западной стороны. Это свидетельствует об использовании территории стоянки уже в луговское время, что неудивительно, учитывая комплекс жилищ этого времени в 200 м западнее на Луговской I стоянке.

*Межовская (позднелуговская) керамика* (рис. 23–24). Другой достаточно многочисленной группой керамики на Луговской II стоянке является керамика, которая у Л.И. Ашихминой названа как постлуговская или позднелуговская, у М.Ф. Обыденнова как межовская, у А.А. Чижевского как атабаевская или же атабаево-межовская. Эта керамика действительно имеет черты сходства, как с луговской, так и более поздней атабаевской керамикой. Но, с одной стороны, от луговской эта керамика отличается наличием на тулове сосуда валиков и воротничков, резным орнаментом, дальнейшим упрощением орнаментальных мотивов, обильной примесью в тесте

раковины на большинстве сосудов. С другой стороны, от атабаевской керамики она отличается наличием валиков по горлу сосуда, отсутствием ямок, и других типичных атабаевских мотивов орнамента (рядов мелких каплевидных вдавлений, и др.). Этой керамике присуща большая толстостенность и грубость в обработке поверхности, чем у атабаевской посуды. Несомненно ее сходство и с керамикой межовской культуры Приуралья (Обыденнов, 1998).

Для выявления основных орнаментальных мотивов этой керамики были отобраны фрагменты венчиков от 50 сосудов (табл. 2: 1). В большинстве случаев (40%) сосуды полностью не орнаментированы и единственным их украшением является валик, по срезу венчика округлой или приостренной формы. Горизонтальный зигзаг или вертикальная елочка, образованная оттисками разнонаправлено поставленных наклонных отрезков – преобладающий мотив орнамента на тулове сосудов (14%). Наиболее распространенный орнаментальный мотив по валику сосуда – ряд горизонтальной елочка (20%). Далее по частоте встречаемости идут ряды горизонтальных прочерченных линий (8%). В 4% по тулову сосуда проходит ряд косой решетки. В 6% косая решетка зафиксирована по валику. В нескольких случаях совместно с характерными валиками на сосудах встречаются заштрихованные треугольники вершинами вниз, ромбы и т.д. В целом орнамент на межовской (позднелуговской) керамике можно охарактеризовать как сильно упрощенный орнамент луговской культуры.

Не совсем понятны хронологические рамки подобного типа керамики. С одной стороны, видимо, датировки ее укладываются в позднелуговское (или постлуговское) время, т.е. возможно уже с XV в. до н.э. Фактическая схожесть позднелуговской керамики с межовской вроде бы позволяет отнести ее целиком к межовской культуре. Однако сама концепция межовской культуры, в связи с почти полным отсутствием однослойных поселений, малочисленностью могильников, закрытых комплексов, отсутствием радиоуглеродных дат, требует некоторого пересмотра и уточнения основных положений (Обыденнов, 1998; Корочкова, 2011; Алаева, 2015). Поэтому в данной работе предложено этот тип керамики с Луговской II стоянки, с некоторой оговоркой

на его позднелуговской статус, называть керамика межовской (позднелуговской) культуры.

Возможно, позднелуговскую керамику стоит датировать в более широких рамках существования степной общности культур валиковой керамики (ОКВК), так как несомненно, что появление валиков связано с сильным влиянием этой общности. Становление ОКВК было определено Е.Н. Черных XIII/XII вв. до н.э. (Черных, 1983, с. 81), сейчас эти даты удревнены вплоть до XV/XIV вв. до н.э. (Агапов и др., 2012, с. 44; Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3). Видимо, этим временем может быть определено время появления валиковых комплексов на Луговской II стоянке. Верхняя дата основывается на появлении на Луговской II стоянке атабаевской керамики. Время атабаевского этапа маклашеевской культуры в Волго-Камье определено в пределах XIV–XIII вв. до н.э.

*Атабаевский этап маклашеевской культуры* (рис. 25–27, 28: 6). Преобладающим на Луговской II стоянке является тип атабаевской керамики с примесью раковины в тесте, с валиками и воротничками по срезу венчика, с рядами ямок по горлу сосуда. Крупные развалы встречены на полу жилищ и возле очагов, что свидетельствует в пользу соотношения всех построек именно с этой культурой. Некоторые фрагменты атабаевской посуды выделяются наличием рядов веревочных отпечатков, что в целом нехарактерно для атабаевских памятников Поволжья. Как было отмечено выше, эта керамика залегает в жилищах крупными развалами, зачастую возле очагов. Два сосуда были полностью реставрированы.

Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры стандартна. Это горшковидные сосуды, с отогнутой шейкой и валиком (воротничком) округлым или приостренным по срезу венчика. У сосудов широкие диаметры по венчику (преобладают сосуды с диаметрами 27–34 см и 14–18 см) и совсем небольшие донца диаметром 7–11 см. Тесто атабаевских сосудов с Луговской II стоянки характеризуется обильной примесью раковин. Для подавляющего большинства керамики характерно наличие большого числа (3–6) орнаментальных зон с повторяющимися рядами одного из мотивов орнамента. Для выявления основных орнаментальных мотивов этой керамики были отобраны фрагменты венчиков от 50 сосудов (табл. 2: 2). Это горизонтальный зигзаг или вертикальная елочка, образованная



оттисками разнонаправлено поставленных наклонных отрезков – преобладающий мотив орнамента как на тулове (72%), так и на валиках по венчику (40%). На втором месте идут ряды горизонтальных прочерченных линий, разделяющих орнаментальные зоны на тулове сосуда (70%). Ряды не сгруппированных круглых ямок выявлены в 52%. Ямки располагаются под валиком или воротничком сосуда. При этом, только на 22% процентах сосудов, орнаментированных ямками, с внутренней стороны от ямки можно проследить «жемчужину». В большинстве случаев мелкие ямки на атабаевской керамике «жемчужин» на обратной стороне не образуют. В 22 % случаев по тулову сосуда зафиксированы ряды мелких каплевидных вдавлений (насечек) и в 4% по валику. По 14% у рядов косой решетки и горизонтальных оттисков шнура по тулову сосуда. В 12 % косая решетка зафиксирована по валику. Необычным является большой процент (14%) фрагментов керамики, которые орнаментированы рядами из оттисков шнура. Этот орнаментальный мотив более характерен для ананьинской керамики раннего железного века. Однако, наличие на «шнуровой» керамике Луговской II стоянки характерного атабаевского подтреугольного валика и атабаевских орнаментальных мотивов, а также наличие сосуда с плоским днищем, в сочетании со шнуром и с атабаевскими мотивами орнамента – все говорит в пользу того, что мы имеем дело все-таки с керамикой атабаевского этапа маклашеевской культуры позднего бронзового века Волго-Камья.

*Маклашеевский этап маклашеевской культуры* (рис. 27: 4–5). И наконец, на Луговской II стоянке встречено несколько фрагментов керамики самого финала позднего бронзового века маклашеевского этапа маклашеевской культуры (2 или 3 фр.). Керамика характеризуется цилиндрическим горлом, наличием сдвоенных и строенных попарно ямок, образующих выпуклины «жемчужины» с внутренней стороны. Маклашеевская посуда выявлена также в погребениях Луговского курганного могильника, расположенного частично на территории Луговской II стоянки (Халиков, 1980, табл. 10). Примечательно, что посуда маклашеевской культуры выявлена на территории поселенческих памятников Луговского комплекса в единичном количестве. Видимо с этим временем, связан уход людей с территории поселенческих памятников,

расположенных на территории современного поселка Луговой. Продолжает функционировать только Луговской курганный могильник (Халиков, 1980, табл. 10). В дальнейшем, в раннем железном веке, грунтовый могильник ананьинской культурно-исторической области функционирует на западной окраине поселка Луговой. Каких-либо поселенческих артефактов этого времени на территории Луговского комплекса не выявлено.

**Хозяйство Луговских I и II стоянок** (табл. 3).

Несомненно, основой хозяйства населения Луговских стоянок было скотоводство, с преобладанием КРС, что весьма характерно для археологических культур этого времени. Остеологический материал с Луговской I стоянки был описан качественно (Збруева, 1960, с. 20–22). Обозначено преобладание в остеологической коллекции стоянки костей от мелких особей КРС. Остеологические остатки лошади, МРС, и свиньи распределены довольно равномерно на втором месте. Отмечены кости диких животных: лося, кабана, а также бобра и медведя. Для Луговской II стоянки есть количественные данные о соотношении костей из раскопов А.В. Збруевой и А.А. Чижевского (табл. 3). Здесь также зафиксировано преобладание костей КРС и относительно равномерное распределение лошади, МРС, и свиньи. В раскопе А.А. Чижевского также зафиксированы кости рыбы и медведя (Чижевский, 2012, табл. 1).

Такое соотношение домашних животных достаточно типично для луговской культуры и атабаевского этапа маклашеевской культуры. Стабильно здесь достаточно высока доля свиньи (но все равно чаще всего ниже чем других домашних животных) и занижена доля МРС и лошади, если сравнивать с остеологическими коллекциями степных срубных памятников и андроновских памятников Зауралья, где вообще нет костей свиньи (Обыденнов и др., 1994, табл. 30; Петренко, 2007; табл. 9–12; Лыганов, 2011, табл. 1). Примечательно, что черкаскульская культура (черкаскульско-межовская) стала первой культурой в Зауралье, на поселенческих памятниках которой найдены костные остатки свиньи (поселения Черкаскуль II, Березки V). Возможно, начало развития свиноводства в позднем бронзовом веке в Зауралье было положено хозяйственно-культурным взаимодействием с лесостепным-лесным населе-

нием Приуралья и Прикамья, на поселениях которых стабильно высок процент костных остатков свиньи (Обыденнов и др., 1994, табл. 30).

Одним из наиболее интересных открытий на Луговской I стоянке стало обнаружение спекшейся массы проса возле очага на полу полуземлянки II (Збруева, 1960, с. 20), что свидетельствует о наличии земледелия у населения стоянки. Самого проса или же фотографии этой находки не сохранилось. К подобному факту можно было бы относиться с известной долей осторожности, если бы подобного же открытия не произошло на сусканском памятнике Русская Селитьба на р. Сок, Самарской области. Здесь в одной из ям зафиксировано скопление примерно 3 литров зерна. При флотации выявлено 136 зерен (Черных и др., 1991, с. 159–160). На Русской Селитьбе, также как и на Луговской I стоянке, представлено просо и кроме этого ячмень двух видов и пшеница (Черных и др., 1991, с. 160). Появление проса у носителей сусканско-луговской культуры, вероятно, произошло в результате указанного выше, какого-то опосредованного взаимодействия с носителями тазабагыбской культуры Приаралья, которые непосредственно контактировали с земледельческими оазисами Южной Туркмении (Итина, 1977, с. 177–178). Вблизи тазабагыбских поселений зафиксированы следы оросительной системы. Носители этой культуры выращивали предположительно просо, ячмень и пшеницу (Итина, 1977, с. 177). Какие-то определенные аналогии в материальной культуре населения Средней и юга Средней Азии и сусканско-луговских групп населения Среднего Поволжья и Прикамья нами уже были рассмотрены выше по тексту.

#### **Луговская культура и окружающие культуры позднего бронзового века. Проблема соотношения и хронологии.**

*Памятники луговской и сусканской культур.* Наибольшая близость керамика луговской культуры проявляет с керамикой сусканской культуры, выделенной Ю.И. Колевым (1991, 1999, 2000). Выше уже было отмечено сходство керамических форм и орнамента этих культур. Судя по металлическим изделиям, относящимся к дербеденевскому очагу металлообработки, калиброванным радиоуглеродным датам (XVII–XV вв. до н.э.) это одновременные культурные образования

(Лыганов, 2013; Лыганов, 2018). В литературе даже какое-то время существовал термин сусканско-луговская культура (см., например, Чижевский и др., 2012). Нам кажется это наиболее подходящий термин для данного культурного образования.

Разницу между луговской и сусканской культурой можно проследить по некоторым отличиям в орнаменте на керамике этих культур. Так на луговской керамике в небольшом количестве присутствуют ямки на тулове сосудов, нет валиков, на поселениях выявлена керамика близкая к черкаскульской. Далее на север в таежной зоне, в Среднем Прикамье эти отличия керамических комплексов луговской культуры от лесостепных сусканских усиливаются (Митряков, 2011а; 2011б; 2013, рис. 8–13; 2015, рис. 3; Митряков и др., 2010, рис. 2, 3).

Территориально эти культуры расположены в разных природно-климатических зонах. Сусканская культура – южная лесостепь, изначально широко освоенная носителями срубной культуры, луговская – северная лесостепь и таежная зона, куда носители срубных традиций никогда не проникали. На территории лесостепного Поволжья в дальнейшем сусканская культура сменяется редкими памятниками воротничкового типа атабаевского-межовского облика по Ю.И. Колеву. На большей же территории в это время появляются памятники ивановской (хвалынской) валиковой культуры (Колев, 2000). Иную картину мы можем наблюдать на территории северной лесостепи и таежной зоны. Здесь на всей территории памятники луговской культуры сменяются однообразными в культурном плане памятниками атабаевского этапа маклашевской культуры. Очень хорошо эту смену можно проследить на рассмотренных Луговских I и II стоянках.

#### **Памятники черкаскульской и луговской культур. Проблема культурного и хронологического соотношения.**

В литературе достаточно часто памятники, отнесенные нами к луговской культуре, называют черкаскульскими (см., например, Казаков, 2001, с. 62–63; Казаков, 1978). Стоит сравнить материальную составляющую этих двух культур. Первоначально выделенная К.В. Сальниковым черкаскульская культура делилась на несколько этапов. В дальнейшем черкаскульский и межовский этап получили самостоятельный культурный статус. Для

черкакульской керамики характерны ряды широких желобков-каннелюр, резные зигзаги, пояски из насечек, заштрихованные фестоны, резные меандры почти всегда с поперечной штриховкой. В отличие от федоровской, для черкакульской культуры нехарактерны косые треугольники. Для черкакульской керамики в отличие от федоровской характерен резной орнамент, поперечная штриховка полос меандра и некоторые другие элементы и мотивы орнамента (Сальников, 1967, с. 356–358). Все эти особенности классической черкакульской керамики прослежены на одной из групп керамики (черкакульско-федоровской) Луговской I стоянки. Отличает черкакульский комплекс стоянки наличие косых треугольников вершинами вверх, которые более характерны для федоровской культуры. Однако, для основного керамического комплекса Луговской I стоянки, который мы относим к особой луговской культуре, не характерны черкакульские орнаментальные мотивы: 1) нет широких желобков-каннелюр, 2) отсутствуют меандры и насечки, 3) отсутствует прочерченный орнамент, 4) керамика по общему своему облику более грубая, отсутствует лощение, за редкими исключениями. Вместе с тем присутствуют обедненные андроновские (федоровские) мотивы, косугольные треугольники, горизонтальная елочка, заштрихованные ромбы. Вероятно, правы те исследователи, которые связывают происхождение сусканских и луговских памятников именно с федоровской культурой. Кроме этого, на сусканских и луговских памятниках обычно находилось небольшое количество именно федоровской керамики, а не черкакульской (Колев, 1999, рис. 8; 2000, рис. 7–11). Исключение составляют самые северные памятники, находящиеся в подтаежной и таежной зоне в Среднем и на севере Нижнего Прикамья. Здесь зафиксировано все же преобладание черкакульской керамики над федоровской. Это неудивительно, потому что изначально происхождение черкакульской культуры отчасти связывали с лесным населением Зауралья (Сальников, 1967). Кроме уже упомянутой Луговской I стоянки, это такие поселения как Симониha и Партизанское II в Среднем Прикамье. Среди численно преобладающего комплекса луговской керамики на этих поселениях можно выявить керамику с явными черкакульскими чертами: рядами широких желобков-каннелюр, меандрами

(Митряков, 2013, рис. 8–10; 2015, рис. 3: 1, 3). Таким образом, влияние черкакульской культуры на луговскую не стоит преувеличивать. В основном культурное взаимодействие в Нижнем Прикамье и на Средней Волге, видимо, происходило с носителями федоровских традиций.

Интересно и соотношение поселенческой и погребальной керамики луговской культуры. В отличие от федоровской и черкакульской культур здесь нет такого резкого деления на погребальную (нарядную) и поселенческую (с простыми орнаментальными мотивами) посуду (Матвеев, 2007, с. 23). Погребальная керамика луговской культуры из 8 известных могильников (Балымские и Малоотарские погребения, Мурзихинский II могильник, Коминтерновские курганы, Соколовский IV могильник, Маклашеевские курганы на взвозе, Деуковский могильник, Такталачук) формой, орнаментом, примесями в тесте, повторяет поселенческую (Штукенберг, Высоцкий, 1885, табл. XV; Калинин, Халиков, 1954, с. 206–212; Халиков, 1980, табл. 9; Казаков, 1978; Казаков, 1992; Марков, Чижевский, 2003; Чижевский и др. 2011; Лыганов, 2017). Здесь также, как и на поселенческой керамике, в орнаменте преобладают ряды простых горизонтальных линий, заштрихованные треугольники вершинами вниз, горизонтальная елочка, отдельные вдавления, чередование вертикальных и горизонтальных линий и т.д. Поэтому нельзя говорить о том, что керамика луговской культуры в Прикамье и Среднем Поволжье это «упрощенная» поселенческая керамика черкакульской или федоровской культуры. При этом, судя по погребальной обрядности, можно проследить влияние черкакульской на луговскую культуру. Это преобладание ингумаций, скорченных на правом боку, головой на восток и юго-восток, при небольшом проценте кремаций и разнообразных огненных ритуалов в могильниках.

В вопросах взаимодействия черкакульской, федоровской и луговской культур особое место занимает могильник Такталачук, расположенный на высокой террасе на левом берегу р. Белой в Республике Татарстан. Отдельные погребения могильника относились исследователями к черкакульско-абашевскому времени и срубной культуре (Казаков, 1978, с. 104), луговской культуре (Ашихмина, 2014, с. 38–39), сусканской культуре (Колев, 1991,



рис. 1), черкаскульской культуре (Обыденнов, Шорин, 2005, с. 52–54) и др. По нашему мнению, могильник является неоднородным как культурно, так и хронологически. Тут, несомненно, присутствуют срубные погребения, которые располагаются в северной части могильника (погр. 303, 304, 316–318). Погребения близкие к сейминскому и абашевскому времени (с оттисками разряженной гребенки, колоколовидной формой сосудов, с характерными престижными металлическими изделиями сейминско-турбинского облика – погр. 193, 247, 268, 298, 300–302, 322, 323) расположены в центральной части могильника. И наконец, погребения федоровского, черкаскульского и луговского облика расположены по южной периферии могильника, которую удалось выявить раскопами I–IX. Керамика этих погребений во многом схожа, вся она с обильной примесью раковины, схожими орнаментальными мотивами. При этом с трудом угадываются культурно-диагностирующие признаки для каждой из культур. Так на черкаскульской керамике из Такталачука нет таких характерных мотивов орнамента, как ряды широких желобков-канелюр. Сам исследователь, Е.П. Казаков, отмечал своеобразие черкаскульской посуды из Такталачука. Им же отмечено, что вероятно это поздний этап развития черкаскульской культуры, с тем только отличием, что на посуде из Такталачука не выявлены воротнички и валики, характерные для позднего межовского этапа (Казаков, 1978, с. 104–105). Для посуды из некоторых погребений характерен федоровский орнамент – косоугольные треугольники, и меандры, нанесенные оттисками гребенчатого штампа; и форма – сосуд с подквадратным устьем (погр. 170, 190). При этом, на территории могильника не выявлены характерные для «федоровки» трупосожжения. Погр. 219, 222, 260 (правобочные с ориентировкой костяков на восток и юго-восток, с керамикой характерных форм и орнаментов, с обильной примесью раковины в тесте сосудов) относятся, вероятно, к луговской культуре. При всем при этом, большинство погребений могильника Такталачук сочетает в себе признаки нескольких культур – черкаскульской, федоровской, луговской и срубной. Так неорнаментированные банки срубного облика, но только с обильной примесью раковины и органики в тесте, с костяками, ориентированными на восток, северо-восток выявлены в погр. 227, 324, 331, 332,

335. Видимо, могильник Такталачук является своеобразным памятником, характеризующим смешение различных групп населения в контактной территории. Сложно со стопроцентной уверенностью, отнести его к какой-либо из культурных групп этого времени.

Время существования луговской культуры определено по находкам характерных металлических вещей дербеденевского очага металлообработки, который синхронизируется с лобойковским очагом. Изделия лобойковско-дербеденевского типа удревнены сейчас вплоть до XVI в. до н.э. Интересно, что с дербеденевской металлообработкой чаще всего связывают черкаскульскую, луговскую и сусканскую культуру. Действительно и там, и там есть характерные вещи в виде кельтов с лобным ушком и пещеркой и литейных форм к ним, ножей кинжалов с кольцевидным упором, литых долот. О принадлежности луговской культуры к дербеденевскому металлургическому очагу говорит находка ножа с клинком остролистой формы, с кольцевидным упором в основании черешка в погребении № 5 на Балымском поселении. Нож в погребении был обнаружен вместе с характерным луговским сосудом (Калинин, Халиков, 1954, рис. 33). Находки Дербеденевского и Кармановского кладов, в которых сочетаются нож аналогичный происходящему из погребения № 5 на Балымском поселении с серпами и одноушковыми кельтами дербеденевского типа. Пять ножей из упомянутого могильника Такталачук (погр. 49, 70, 145, 190, 282) относятся к группе двулезвийных ножей и кинжалов с клинком остролистной формы, с четко выраженным перехватом и подромбическим плоским перекрестием по В.С. Бочкареву и определены к лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий (Казаков, 1978, рис. 22; Бочкарев, 2017, рис. 9: 43). К дербеденевскому металлургическому очагу относится кинжал с лезвием с тремя ребрами жесткости на клинке из луговского погребения №84 Мурзихинского II могильника (Чижевский, Марков, рис. 2: 7). Лезвие от кинжала подобного же типа происходит из Осиновых ям сусканской культуры (Колев, 1991, с. 198). Интересна находка на полу сусканского жилища поселения Поплавское орнаментированного кельта с лобным ушком с пещеркой (Колев, 2000, рис. 12: 13) того же типа, что и орнаментированный кельт с лобным ушком и пещеркой из Дербеденевского клада

(Кузьминых, 1981, рис. 8: 3); и находка литейной формы от схожего орнаментированного кельта с пещеркой, но без ушка на поселении Чебаркуль III черкакульской культуры (Алаева, 2015, рис. 4: 5). Кельты с пещеркой, но без лобного ушка, характерны только для Зауралья и связаны с черкакульской культурой (Тихонов, 1960, с. 48). С черкакульской культурой в Зауралье и луговской, сусканской в Прикамье и на Среднем Поволжье связано и производство криволезвийных (желобчатых) долот с литой втулкой, край которой зачастую укреплен одним валиком. Это литейная форма из Липовой Курьи черкакульской культуры (Хлобыстина, Хлобыстина, 1967, рис. 1–2). Орнамент долота из Липовой Курьи повторяет орнамент на одном из одноушковых кельтов Дербеденевского клада (Кузьминых, 1981, рис. 8: 1). Кроме этого в составе клада присутствует схожее желобчатое долото, но неорнаментированное и без выраженного валика. Как было отмечено выше, такие долота продолжают свое развитие в межовской культуре и на атабаевском этапа маклашеевской культуры. Перечисленные категории изделий, характеризуют дербеденевский очаг металлообработки, и относятся к лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий Восточной Европы по В.С. Бочкареву (Бочкарев, 2017, с. 171–172, рис. 9, прил. 1). При этом типы изделий луговской и сусканской культур в целом схожи, а черкакульские имеют определенное своеобразие.

Радиоуглеродные калиброванные даты сусканских и луговских памятников укладываются в промежуток XVII–XV вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250; Лыганов, 2018, табл. 1). Черкакульские калиброванные радиоуглеродные даты укладываются в большой промежуток времени (1600–1250 гг. до н.э.) (Матвеев, 2007, табл. 3; Молодин и др., 2014, рис. 2), но во многом синхронны сусканским и луговским, начало их лежит также в XVII/XVI в до н.э. Несколько более ранние даты у федоровских памятников (1880–1670 гг. до н.э. Южное Зауралье, 1980–1510 гг. до н.э. Зауралье (лес-лесостепь), 1800–1500 гг. до н.э. Барабинская лесостепь). Хотя это и не противоречит преобладающим взглядам о временном приоритете федоровских памятников над черкакульскими (Епимахов и др., 2005, с. 100, рис. 3; Молодин и др., 2014, рис. 2).

Таким образом, можно утверждать, что луговская и сусканская культуры формирова-

лись на основе поздних федоровских (федоровско-бишкульских по Ю.И. Колеву) памятников и синхронны черкакульской культуре. Продолжающимся взаимодействием черкакульской культуры является появление на Прикамских поселениях черкакульской керамики и некоторая схожесть в погребальной обрядности этих культур. Это преобладание труположений, скорченных на правом боку, головой на восток и юго-восток, при небольшом проценте трупосожжений и разнообразных огненных ритуалов в могильниках. Однако степень этого влияния не стоит переоценивать. Схожи и типы металлических изделий этих культур при определенном своеобразии металла черкакульской культуры. Дальнейшее развитие сусканской и луговской культуры продолжается в своем русле.

#### **Памятники межовской и луговской культур. Проблема соотношения. Позднелуговские памятники.**

Еще сложнее дело обстоит с выявлением связей луговской и межовской культур. Первоначально выделенная как второй этап черкакульской культуры, межовская культура характеризовалась следующими признаками. Для керамики межовской культуры характерны валики разной степени выпуклости и воротнички. Чаще всего сосуды украшены резным орнаментом, гораздо реже гладким штампом и оттисками гребенки. Среди мотивов орнамента преобладают горизонтальная елочка, наклонные отрезки, горизонтальные резные линии, ромбическая сетка из перекрещивающихся линий, горизонтальный зигзаг, заштрихованные наклонные ленты, небольшие вдавления и др. (Сальников, 1967, с. 359–364; Обыденнов, 1998, с. 23–24).

Существование межовской культуры в Зауралье на сегодняшний день подвергается переосмыслению. Для межовской культуры в Зауралье нет однослойных поселений, нет погребений, нет комплекса специфических, равно как и фоновых, признаков заключительной фазы позднего бронзового века (Корочкова, 2011, с. 19). Чаще всего, в Зауралье поселенческая керамика черкакульской и межовской культур залегает в едином стратиграфически нерасчлененном слое.

В отличие от Зауралья в Приуралье и Прикамье есть погребения и погребальные комплексы, которые целиком и полностью можно отнести к межовской культуре. Речь, прежде всего, о Красногорских курганах в

Приуралье и Подгорно-Байларском кургане в Прикамье (Казаков, 1978; Горбунов, Обыденнов, 1980). На поселениях межовская керамика, которую исследователи традиционно называют в Прикамье постлуговской или позднелуговской, планиграфически зачастую залегает отдельно от луговской и черкаскульско-федоровской. Таким образом, планиграфически, в Прикамье на поселенческом материале удастся разделить керамические комплексы черкаскульской и межовской культур. Рассмотренные Луговская I и II стоянки как раз характеризуют смену одновременных черкаскульской и луговской культур на межовскую (позднелуговскую) и атабаевский этап маклашеевской культуры. Некоторые наблюдения сделаны авторами и на ряде других крупных многослойных поселений Прикамья, где выявлены участки с одной лишь межовской (позднелуговской) керамикой. Интересно соотношение межовской (позднелуговской) керамики и керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры на Луговской II стоянке, где они залегают в одном слое. Хотя при этом межовская керамика концентрируется все же вне территории сооружений и не образует развалов, а атабаевская в виде крупных развалов находится в самом низу построек.

Что касается межовских комплексов Приуралья и атабаевских Прикамья, то, по всей видимости, это культуры одного времени, но расположены на разных территориях – атабаевские комплексы тяготеют к северу лесостепи и таежной зоне Среднего Поволжья и Прикамья, межовские тяготеют к лесостепным районам Прикамья и бассейна р. Белой. В ближайшей округе приустьевой части рр. Белой и Ик встречаются симбиозные памятники обеих родственных культур, что прослежено на материалах Луговской II стоянки.

Погребальные памятники этих культур также демонстрируют схожесть. Погребенные атабаевского этапа маклашеевской культуры, как и межовской культуры расположены, преимущественно, вытянуто на спине, что как раз является одним из признаков третьей фазы позднего бронзового века.

Керамика обоих культурных образований в некоторых чертах сходна, а в некоторых различна. Это можно проследить на материалах Луговской II стоянки. Схожа межовская и атабаевская керамика горшковидной формой сосудов, с четко выделенной, профилиро-

ванной шейкой, наличием характерных для времени ОКВК валиков и воротничков, наличием примеси раковины в глиняном тесте. Атабаевская керамика отличается большей тонкостенностью, обильной примесью раковины в тесте сосудов. В орнаменте – наличием ямок или вдавлений под валиком, которые совсем не характерны для «межовки», наличием рядов мелких овальных или каплевидных вдавлений. Валик на атабаевской керамике всегда расположен под срезом венчика и никогда не спускается на горло.

Немногочисленные металлические вещи из межовских Красногорских курганов (Горбунов, Обыденнов, 1980, рис. 3) можно отнести к краснояцкому очагу металлообработки, который наследует по времени лобойковско-дербеденевскому (Бочкарев, 2017, с. 173–174). Также встреченный в закрытых комплексах (погребениях) атабаевский металл относится к краснояцкой группе металлических изделий Восточной Европы (см. статью в данном журнале). В Зауралье, схожие типы металлических изделий можно проследить в пахомовской культуре (Ткачев Ал. Ал., Ткачев А.А., 2009, рис. 3).

Таким образом, межовская культура, несомненно, существует в Приуралье, что подтверждается наличием погребальных комплексов с характерной керамикой, металлическим инвентарем и вытянутым расположением костяков. В Приуралье, вероятно, развитие межовской культуры происходит по сценарию, предложенному М.Ф. Обыденновым (Обыденнов, 1998). Хотя вопросы по хронологии, происхождению и дальнейшим судьбам «межовки» так и остаются нераскрытыми. Несколько сложнее дело обстоит в Прикамье. Здесь комплексы межовского облика быстро сменяются атабаевским этапом маклашеевской культуры, единой на территории Среднего Поволжья и Прикамья. Межовские комплексы здесь так и остаются как бы в переходном состоянии, не получая своего дальнейшего развития. Поэтому, возможно, права Л.И. Ашихмина, которая не относит эту керамику к межовской культуре, а называет ее позднелуговской (постлуговской), потому что она отражает, с одной стороны, развитие керамических традиций луговской культуры, а с другой – появление новых признаков, характерных уже для общности культур валиковой керамики. Однако отнести эту керамику целиком к луговской культуре, на ее позднем



этапе, мы тоже не можем. Помимо характерной керамики, встреченной на многослойных поселениях в Нижнем Прикамье, других характеристик этого этапа мы не имеем, т.о. получается ситуация сходная с выделением межовской культуры в Зауралье (Корочкова, 2011, с.19).

Поэтому в данной работе, мы все же, предлагаем называть керамику этого типа межовской (позднелуговской), что отражает ее культурно-хронологический статус и территориальное распространение в ареале луговской культуры в Прикамье.

### **Памятники срубной культурно-исторической общности и луговская культура.**

Зачастую в литературе можно услышать вывод о схожести сусканской и луговской керамики с керамикой срубной общности. При этом, характеризуя сусканскую и луговскую керамику, исследователи ее часто описывают, как симбиоз срубно-андроновских традиций (Збруева, 1960). Такой подход не совсем верен. Во-первых, это уже отмеченная выше территория распространения луговской культуры, на большей части которой срубных памятников никогда не было. Не зафиксированы симбиозные закрытые комплексы (погребения) сусканско-луговской и срубной культур, о чем неоднократно упоминалось. Обряд погребения разный: у срубников на левом боку с ориентировкой преимущественно на север и северо-запад, а у носителей луговской культуры на правом боку с ориентировкой преимущественно на восток и юго-восток. Металлические изделия срубной общности и луговской культуры относятся к разным хронологическим группам металлических изделий позднего бронзового века (Бочкарев, 2017). Судя по радиоуглеродным датам, памятники срубной общности предшествуют луговским.

Однако, на позднем этапе развития срубной общности и раннем этапе луговской культуры, несомненно, носители данных культурных образований сосуществовали. Этому свидетельствуют то, что на ряде поселений Закамья срубная и луговская керамика залегают в едином слое. Луговские погребения выявлены на отдельной территории в, вероятно, более ранних срубных могильниках (могильник Такталачук, Соколовские III и IV могильники) и поселениях (Деуковское поселение и могильник). Отдельные насыпи сусканской культуры выявлены в составе курганных

могильников срубной культуры (Колев, 2000, с. 250). Видимо под воздействием носителей срубной культуры на памятниках луговской культуры появляются нехарактерные для андроновидных древностей небольшие баночные сосуды, при этом с примесью раковины и со скошенным внутри срезом венчика.

### **Памятники луговской культуры и андроновидные культуры Западной Сибири и Средней Азии**

Черкаскульской и федоровской культурами не исчерпывается круг аналогий носителей луговской материальной культуры. Однако другие, так называемые, андроновидные культуры Зауралья имеют меньшее сходство с луговскими древностями. Прежде всего, можно было бы говорить о сходстве с древностями пахомовской культуры. Однако, судя по орнаменту на сосудах, с поясками ямок, глубоких каплевидных вдавлений, наличию зольников на окраинах поселений, вытянутых на спине погребений, группе металлического инвентаря (Ткачев Ал. Ал, Ткачев А.А., 2009, рис. 3; Корочкова и др., 1991, с. 81–85; Корочкова 2011, с. 16–18), пахомовская культура все же ближе по времени межовской (позднелуговской) и атабаевскому этапу маклашеевской культуры, то есть материалу Луговской II стоянки. Другие еще более восточные андроновидные культуры – сузгунская, еловская и т.д. – тоже ближе материалу Луговской II стоянки (Корочкова и др., 1991, с. 81–85).

Очень интересна выявленная схожесть керамических комплексов и построек сусканско-луговской группы памятников и тазабагыябской культуры Южного Приаралья. Здесь, наряду с андроновскими (алакульскими) горшками, можно выделить горшки собственно тазабагыябские с упрощенными орнаментальными мотивами схожими с сусканско-луговскими. Некоторые горшки имеют характерный для сусканско-луговских керамических комплексов отогнутый наружу край венчика (Итина, 1977, рис. 33–40). При определении тазабагыябской керамики исследователи говорят о присутствии в ней черт срубной и андроновской культур. Таким же образом исследователи зачастую характеризуют и сусканско-луговские комплексы. Обращают на себя внимание выходы-тамбуры с расширением в напольной части, выявленные на сусканских поселениях Нижняя Орлянка II и Русская Селитьба II (Колев и др., 1995, рис. 2). Сходство построек в Русской Селитьбе II

и Нижней Орлянке II определяется кроме прочего наличием овального расширения с внешней стороны тамбура. Нельзя не обратить внимание на некоторое сходство этих тамбуров с айванами тазабагьябских построек (Итина, 1977, рис. 8–12, 30, 31). Кроме этого, наличие сосудов-кубков на Луговских стоянках, специального очага «крематория» в полуземлянке I и находки зерен проса на некоторых памятниках сусканской и луговской культур – все это находит некоторые аналогии в древностях юга Средней Азии (Итина, 1977; Аванесова, 2013).

На наш взгляд, все эти сходства столь удаленных друг от друга культур является конвергентным развитием и ни в коей мере не свидетельствуют о крупных миграциях различных групп населения.

#### **Выводы.**

1. Луговская I и II стоянки, хотя и относятся к единому комплексу памятников и отстоят друг от друга не более чем на 200 м, относятся к разным культурно-хронологическим горизонтам позднего бронзового века Волго-Камья. Стоянки относительно однослойны, т.е. керамика луговской культуры на Луговской I стоянке составляет около 90 %, керамика одновременных межовской и атабаевской культур на Луговской II стоянке не менее 90 %

2. Луговская I стоянка является реперным памятником для выделения луговской археологической культуры позднего бронзового века Волго-Камья. Жилищные котлованы и не менее 80 % находок с территории стоянки характеризуют луговские традиции домостроения и особенности керамического комплекса.

3. Керамика луговской культуры характеризуется следующими признаками. Орнамент покрывает верхнюю треть сосуда и состоит в большинстве случаев из одной-двух, реже трех зон, разделенных одной-тремя горизонтальными линиями. Каждая из орнаментальных зон характеризуется особым орнаментальным мотивом. Господствующие мотивы орнамента в верхней орнаментальной зоне это ряды горизонтальных линий проведенных гладкой гребенкой и ряды косо поставленных отпечатков гладкой или иногда разреженной гребенки, разнообразных вдавлений. Во второй и третьей орнаментальной зоне преобладающими мотивами являются один или несколько рядов горизонтальной елоч-

ки, горизонтальные зигзаги, заштрихованные треугольники вершинами вниз и ромбы иногда с бахромой из мелких вдавлений. В качестве искусственных добавок в тесто сосудов использован мелкий шамот, песок и иногда встречается небольшое количество дробленой раковины. Сосуды плоскодонные, кроме некоторых небольших чашеобразных сосудов. Еще одной характерной особенностью керамики луговской культуры является отогнутый наружу край венчика.

4. Судя по известным калиброванным радиоуглеродным датам и металлическим вещам луговской культуры, относящимся к дербеденевскому очагу металлообработки и лобойковско-дербеденевской группе металлических изделий Восточной Европы, датируется основной комплекс Луговской I стоянки в пределах XVII–XV/XIV вв. до н.э.

5. Луговская культура сформировалась позже срубной и федоровской, но одновременно черкаскульской. В общем облике керамики и погребального инвентаря прослеживается влияние федоровской и черкаскульской культур. Луговская культура, совместно с сусканской, образуют единый пласт памятников с некоторыми локальными различиями, что позволяет выделить их в единую сусканско-луговскую культуру.

6. На Луговской I стоянке выявлен особый обряд погребения в «очаге-крематории» полуземлянки I. По всей видимости, это коллективное захоронение с использованием, огненного обряда погребения, который характерен в первую очередь для федоровской культуры. Погребения с применением огня известны также в среде других андроновских и андронидных культур. Однако, прямых аналогий такому обряду погребения на Луговской I стоянке не найдено.

7. На Луговской I стоянке выявлены зерна проса. Это одно из самых северных и ранних свидетельств земледелия в Волго-Камье и в целом в Северной Евразии. Подтверждением тому, что носители луговской и родственной сусканской культур были знакомы с земледелием, является находка большого количества зерен культурных злаков (в том числе и проса) в яме-хранилище поселения Русская Сельдьба в Самарском Поволжье.

8. Луговская II стоянка, более поздняя по времени, чем Луговская I, относится к атабаевскому этапу маклашеевской культуры и межовской (позднелуговской) культу-

ре. Появление на атабаевской и межовской керамике валиков и воротничков определяется временем распространения в степной зоне общности культур валиковой керамики (XV–XIII вв. до н.э.).

9. Судя по металлическим изделиям, обряду погребения, орнаментации сосудов валиками и воротничками атабаевский этап маклашеевской культуры и межовская культура одновременны и синхронны с ивановской, алексеевско-саргаринской культурой степной зоны Евразии и некоторыми

андроноидными культурами Зауралья, например, пахомовской.

10. Судя по незначительному количеству керамики маклашеевского этапа маклашеевской культуры финала бронзового века (XI–X вв. до н.э.) на территории Луговской II стоянки, в это время поселенческие памятники в округе поселка Луговой перестают существовать. Но вместе с тем еще продолжает функционировать Луговской курганный могильник, расположенный частично на территории Луговской II стоянки.

## ЛИТЕРАТУРА

*Аванесова Н.А.* Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии / Отв. ред. акад. А.А. Аскарлов. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.

*Аганов С. А., Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.* Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2012. №3. С. 44–59.

*Азаров Е.С.* К планиграфии поселений культуры «текстильной» керамики позднего бронзового века Поочья. Жилые постройки. // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С.63–79.

*Алаева И.П.* Культурно-хронологическая позиция черкаскульско-межовских комплексов Южного Зауралья (по материалам поселения Чебаркуль III) // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое (Сборник статей, посвященный 70-летию юбилею Виктора Николаевича Логвина) / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Костанай – Алматы, 2015. С. 474–484.

*Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АНРТ, Отечество, 2014. 298 с.

*Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА №99. М: АН СССР, 1961. 199 с.

*Бочкарев В.С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. №2. С.159–204.

*Варфоломеев В.В.* Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С.167–197.

*Выборнов А.А., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Поселение Бачки-Тау II – Новый памятник неолита – энеолита Нижнего Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Межвузовский сборник научных трудов. Куйбышев, 1982. С. 195–209.

*Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. Казань: ФЭн, 2003. 222 с.

*Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Итоги раскопа Игимской стоянки и могильника // Отчет Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР. Том.1. Казань, 1971 / Архив ИА РАН. Р-1, №4121. С. 15–78.

*Габяшев Р.С., Старостин П.Н.* Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Наб. - Челнинского районов ТАССР // Отчет о полевых исследованиях Татарского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1971 г. Том. 1. Казань, 1972. / Архив ИА РАН. Р-1, №4601. С. 27–133.

*Генинг В.Ф., Совцова Н.И.* О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 51–71.

*Генинг В.Ф., Старостин П.Н.* Кумысские стоянка и могильник // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. Вып. 1. М.: Наука, 1972. С. 87 – 104.

*Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Курганный могильник эпохи поздней бронзы в Южной Башкирии // СА. 1984. №4. С. 150–162



*Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 29–50.

*Денисов В.П.* Отчет об археологических раскопках, проведенных Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1971 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4641. 137 с.

*Денисов В.П., Мельничук А.Ф.* Поселение Гагарское III в системе новоильинских древностей Пермского Приуралья // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (24). Пермь, 2014. С. 44–59.

*Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Тресков С.А.* Поселение Рычино III в Удмуртском Прикамье и валиковая керамика в позднегаринском культурном пространстве. // Труды КАЭЭ. Вып. 8. Пермь, 2012. С. 115–120.

*Зах В.А.* Эпоха бронзы Присалаирья. (По материалам Изылинского археологического микрорайона) / Отв. ред. А.В. Матвеев. Новосибирск: Наука Сибирское предприятие РАН. 1997. 132 с.

*Збруева А.В.* Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИИМК. М.: ИА АН СССР, 1941. Вып. 10. С. 108–111.

*Збруева А.В.* Отчет о работах Камской экспедиции ИИМК в 1946 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 60. 20 с.

*Збруева А.В.* Отчет о полевых работах Камской экспедиции в июне-августе 1947 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 129. 24 с.

*Збруева А.В.* Отчет о раскопках Камской экспедиции ИИМК в 1948 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 231. 26 с.

*Збруева А.В.* Камская экспедиция 1946 г. // КСИИМК. М.: ИА АН СССР, 1948. Вып.20. С. 50–57.

*Збруева А.В.* Памятники поздней бронзы в Прикамье // КСИИМК. М.: ИА АН СССР, 1950. Вып. 32. С. 70–84.

*Збруева А.В.* Памятники поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. №80. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 10–95.

*Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К.* Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

*Итина М.А.* История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977. 246 с.

*Казаков Е.П.* Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.

*Казаков Е.П.* Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 67–108.

*Казаков Е.П.* Подгорно-Байларский курганный могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН СССР, 1978. С. 121–125.

*Казаков Е.П.* Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 35–44.

*Казаков Е.П., Рафикова З.С.* Очерки древней истории Восточного Закамья. Казань: РИЦ Дом печати, 1999. 120 с.

*Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. №42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954. С. 157–246.

*Колев Ю.И.* Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991. С. 162–206.

*Колев Ю.И.* Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999. Вып. 1. С. 249–269.

*Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.

*Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок. (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СамГПУ, 1995. С. 50–110.

*Корепанов К.И.* Научный отчет об археологических исследованиях Луговского раннеананьинского могильника и Луговской IV стоянки в 1988 году. Елабужский район ТАССР. Елабуга, 1989 / Архив ИА РАН. Р-1. № 13294. 80 с.

*Корепанов К.И.* Научный отчет об археологических исследованиях Луговской III и Ананьинской стоянок в Елабужском районе Татарской АССР в 1989 году. Елабуга, 1991 / Архив ИА РАН. Р-1. № 15861. 80 с.

*Корочкова О.Н.* О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. 2009. №1. С. 25–35.

*Корочкова О.Н.* Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртышье: Факторы, механизмы, динамика: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. 37 с.

*Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К.* Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 70–92.

*Краснов Ю.А.* К истории раннего земледелия в лесной полосе Европейской части СССР // СА. 1965. № 2. С. 57–74.

*Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы / МИА. № 174. М.: Наука, 1971. 166 с.

*Кузьмина Е.Е.* Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков. Археологический сборник / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 16–24.

*Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности / Отв. ред. А.А. Ткачев. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

*Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ. / Ред. О.П. Ермолаев / Ермолаев О.П., Игонин М.Е., Бубнов А.Ю., Павлова С.В. Казань: Слово, 2007. 411 с.

Липецкий курган – памятник элиты доно-волжской абашевской культуры: монография / А.Н. Голотвин и др. – Липецк, Воронеж: ПП Новый взгляд, 2016. 160 с.

*Ломан В.Г.* О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: ТОО НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 247–259.

*Лыганов А.В.* Скотоводство у населения Волго-Камья в позднем бронзовом веке // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2011. Вып.4 (26). С. 126–132.

*Лыганов А.В.* Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

*Лыганов А.В.* Коминтерновский курган №1 луговской культуры в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2017. №3(21). С. 97–116.

*Лыганов А.В.* Андронидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 128–130.

*Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисьяметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. / Общ. ред. А.М. Белавин. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т., 2012. С. 134–142.

*Лычагина Е.Л.* Хронологические рамки неолитических и постнеолитических культур Среднего Предуралья // Уральский исторический вестник. Выпуск 3 (60). Екатеринбург, 2018. С. 87–96.

*Лычагина Е.Л., Выборнов А.А.* К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры // Научный Татарстан. Казань, 2009 (2). С. 33–36.

*Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. 360 с.

*Марков В.Н., Чижевский А.А.* Погребения эпохи бронзы Мурзихинского II могильника // Древности. Вып. 36 / Отв. ред. А.А. Бурханов. М. Казань: РАО, 2003. С. 125–133.

*Матвеев А.В.* Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / под. ред. Н.П. Матвеевой. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.

*Мельничук А.Ф.* Поселение Усть-Очер I – энеолитический памятник в Оханском Прикамье и проблемы изучения поселений новоильинского культурного круга // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (15). Пермь, 2011. С. 22–36.

*Митряков А.Е.* Керамические комплексы эпохи бронзы Удмуртского Прикамья: Морфологические и орнаментальные традиции: автореф. дис. .. канд. ист. наук. Ижевск, 2011а. 26 с.

*Митряков А.Е.* Проблемы функционирования поселений эпохи бронзы Удмуртского Прикамья (по материалам керамического комплекса Зуевключевского II поселения) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2011б. № 1. С. 50–54.

*Митряков А.Е.* Керамический комплекс Партизанского II поселения в Среднем Прикамье // Вестник Удмуртского Университета. Серия: История и филология. 2013. №1. С. 74–78.

*Митряков А.Е.* Поселение Симониха I – памятник эпохи бронзы в Удмуртском Прикамье // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. № 1 (28). С. 31–36.

*Митряков А.Е., Решетников Н.Л., Черных Е.М.* Усть-Нечкинское I поселение – новый памятник позднего бронзового и раннего железного века в Среднем Прикамье // УАВ. 2010. № 10. С. 2–35.

*Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

*Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

*Морозов В.В., Лыганов А.В., Капленко Н.М.* Позднеэнеолитический комплекс Гулюковской I стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2017. №3. С. 70–88.

*Мочалов О.Д.* Ранние кубковидные сосуды эпохи бронзы в Поволжье и на Урале // РА. 2004. № 2. С. 123–135

*Обыденнов М.Ф.* Урал и Прикамье в позднем бронзовом веке. автореф. дисс. докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. 40 с.

*Обыденнов М.Ф.* У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа: Восточный университет, 1997. 205 с.

*Обыденнов М.Ф.* Межевская культура. Уфа: БЭК, 1998. 201 с.

*Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара: Саратов. ун-т, Самарск. Филиал. 1992. 172 с.

*Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Черкаскульская культура. Учебное пособие. Уфа: Юридический колледж, 2005. 138 с.

*Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А.* Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала поздней бронзы. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 116 с.

*Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 144 с.

*Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

*Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №2 (38). С.67–78.

*Смирнов А.П.* Введение // Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье / МИА; № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. 1960. С. 5–9.

*Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

*Стоколос В.С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М.: Наука, 1972. 168 с.

*Тихонов Б.Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / МИА. №90 / Отв. ред. О.Н. Бадер, С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1960. С. 5–115.

*Ткачев А.А., Ткачев, Ал.Ал.* Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №11. С.81–89.



Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фефелов Бор I // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236-252.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Халиков А. Х., Генинг В. Ф. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. Казань, 1960 / Архив ИА РАН. Р–1. № 1951. 168 с.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 65 с.

Хлобыстина М.Д., Хлобыстин Л.П. Литейная форма из Южного Зауралья // СА. 1967. №2. С. 236–240.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н. Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М: Наука, 1989. 320 с.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Кравцов А.Ю., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Моргунова Н.М., Орловская Л.Б., Тонейшвили Т.О. О работах Волго-Уральской комплексной экспедиции в 1989–1990 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв. ред. Наговицын Л.А. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С.159–162.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский А.А. Исследования Луговской II стоянки в 2008 г. // Филология и культура. Казань, 2012. №2. С. 297–302.

Чижевский А.А., Губин А.С., Лыганов А.В. Коминтерновский курган №2 // Урало-Поволжье в древности и средневековье: мат. междунар. науч. конф. V Халиковские чтения / Археология Евразийских степей. Вып. 11. Казань, 2011. С. 261–271.

Шипилов А.В. Валиковая керамика эпохи финального энеолита Икско-Бельского междуречья (по материалам Игимской стоянки) // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 308–311.

Штукенберг А.А., Высоцкий Н.Ф. Материалы для изучения каменного века в Казанской губернии // Тр. ОЕКУ. Казань: Типография Императорского Университета, 1885. Т. XIV, вып. 5. 133 с.

### Информация об авторах:

**Лыганов Антон Васильевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); [liganov.anton@yandex.ru](mailto:liganov.anton@yandex.ru)

**Морозов Виктор Владимирович**, независимый исследователь (г. Москва, Россия); [vikromolot@mail.ru](mailto:vikromolot@mail.ru)

**Азаров Евгений Сергеевич**, младший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); [hazari4@yandex.ru](mailto:hazari4@yandex.ru)

## LUGOVSKAYA I AND II SITES AND THE ISSUE OF THE INTERACTION OF CHERKASKULSKAYA, LUGOVAYA AND MEZHOVSKAYA CULTURES IN THE LOWER KAMA REGION

**A.V. Lyganov, V.V. Morozov, E.S. Azarov**

The article considers Lugovskaya I and II sites, the materials of which formed the basis for identification of a number of cultures of the Late Bronze Age in the Volga-Kama region in the second half of the 20<sup>th</sup> century. The authors conclude that Lugovskaya I and II sites belong to different cultures and different cultural and chronological horizons of the Late Bronze Age of the Volga-Kama region. Lugovskaya I site is a reference monument of Lugovo archaeological culture. According to the known calibrated radiocarbon dates and metal articles of Lugovskaya culture, the main complex of Lugovskaya I site dates back to the 17<sup>th</sup>-15<sup>th</sup> / 14<sup>th</sup> centuries B. C. Lugovskaya culture itself was formed in a later period than Srubnaya and Fedorovo, and coincides with Suskanskaya and Cherkaskulskaya cultures, which is partly confirmed by site materials. A special fire burial rite was revealed at Lugovskaya I site in the settlement area, and its earliest traces were discovered in an agricultural activity area. Lugovskaya II site corresponding to a later period than Lugovskaya I, belongs to the Atabaevo stage of Maklasheevo culture and Mezhovskaya (Late Lugovskaya) culture. According to the metal articles, funeral rite, ornamentation of the vessels with rollers, the Atabaevo stage of Maklasheevo culture and Mezhovskaya culture are synchronous with the roller cultures of the Eurasian steppe area and certain Andronoid cultures of the Trans-Urals. Based on the counterparts, the material of the site dates back to the 14<sup>th</sup>-12<sup>th</sup> centuries B.C. According to the insignificant amount of ceramics of the Maklasheevo stage of Maklasheevo culture of the Final Bronze age (11<sup>th</sup>-10<sup>th</sup> centuries B.C.), Lugovskaya II site is deserted in the specified time period.

Keywords: Lugovskaya sites, settlement, Lugovskaya culture, Fedorovo culture, Cherkaskulskaya culture, Late Lugovskaya sites, Mezhovskaya culture, Srubnaya Cultural and Historical Community, dwellings, ash pit, cremation, settlement burials, early agriculture, ceramics.

### **About the Authors:**

**Lyganov Anton V.** Candidate of Historical Sciences, Senior Research Associate of the Primeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia); [liganov.anton@yandex.ru](mailto:liganov.anton@yandex.ru)

**Morozov Viktor V.** Independent Researcher (Moscow, Russia); [vikromolot@mail.ru](mailto:vikromolot@mail.ru)

**Azarov Evgeny S.** State Historical Museum (Moscow, Russia); [hazari4@yandex.ru](mailto:hazari4@yandex.ru)

Таблица. 1.  
Основные орнаментальные мотивы на керамике луговской культуры Луговской I стоянки.

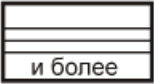










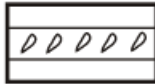
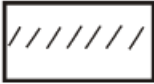
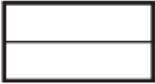




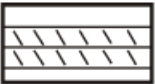

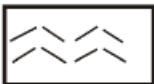

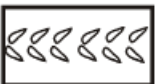
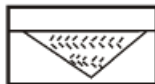
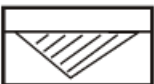


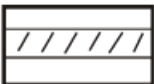



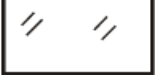

 и более	-35%	 вдавления	-5,5%		-3,1%		-0,7%
	-30%		-5,5%		-3,1%		-0,7%
	-21%		-5,5%		-2,3%		-0,7%
	-16%		-5,5%		-2,3%		-0,7%
 вдавления	-12%	 неорнаментирован	-5,5%		-2,3%		-0,7%
	-10,3%		-4%		-1,5%		-0,7%
	-8%	 ямки	-4%		-1,5%		
	-7,1%		-4%		-1,5%		
	-6,3%		-3,1%		-1,5%		



Таблица. 2.  
Основные орнаментальные мотивы на керамике Луговской II стоянки. 1 – Межовская (постлуговская) культура, 2 – Атабаевский этап маклашеевской культуры.

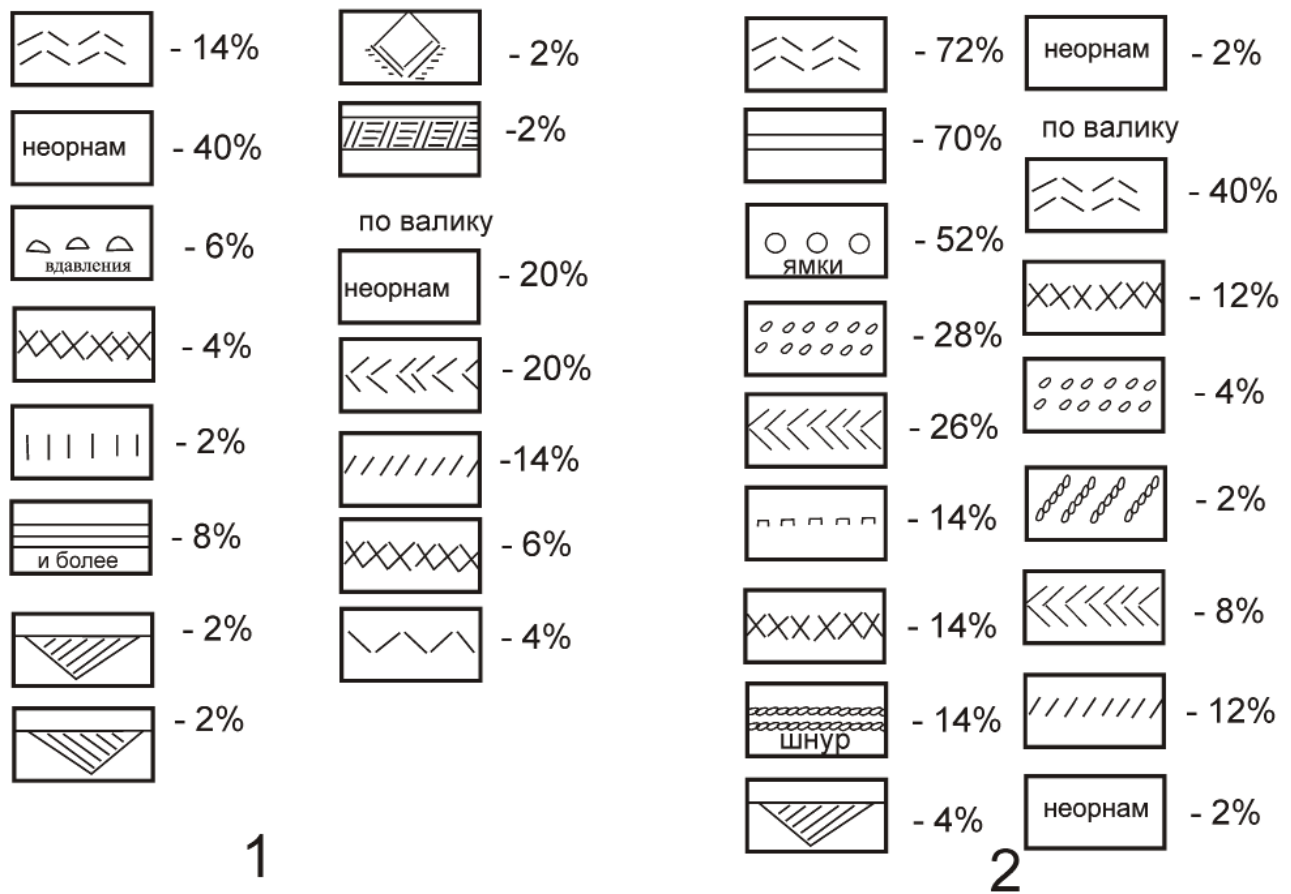


Таблица. 3.  
Видовой состав домашних животных из раскопов на Луговской II стоянке по остеологическим данным..

Луговская II стоянка	Всего ко-стей от с/х. животных	Число костей в%			
		КРС	МРС	Лошадь	Свинья
А.В. Збруева, 1947-48 гг	128	48,4	14,1	20,5	17
А.А. Чижевский, 2008 г	312	76,6	8,7	8,7	6,0

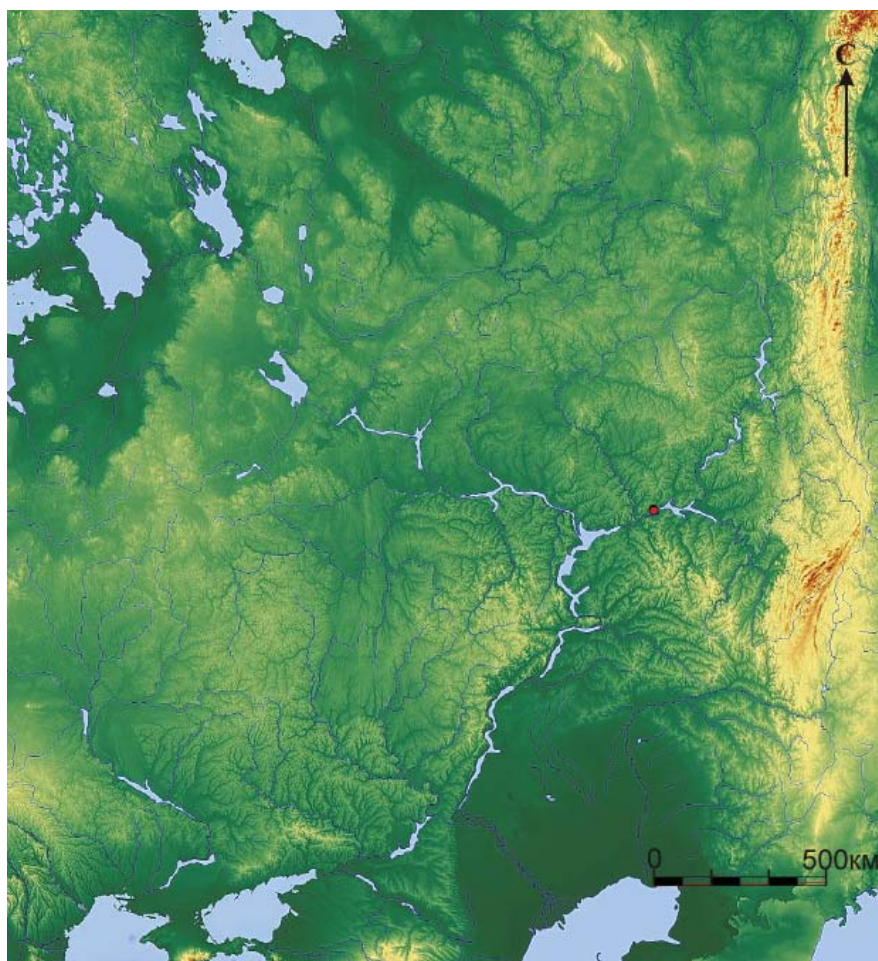


Рис. 1. Луговские стоянки на карте Европейской части России.

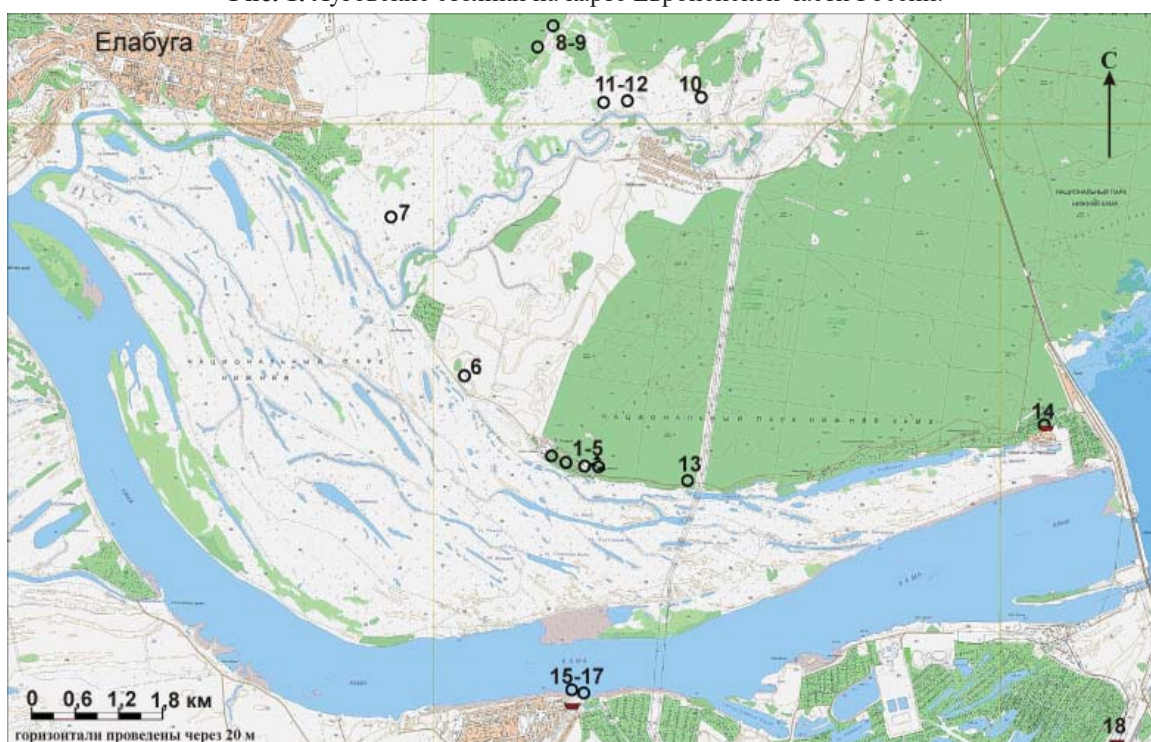
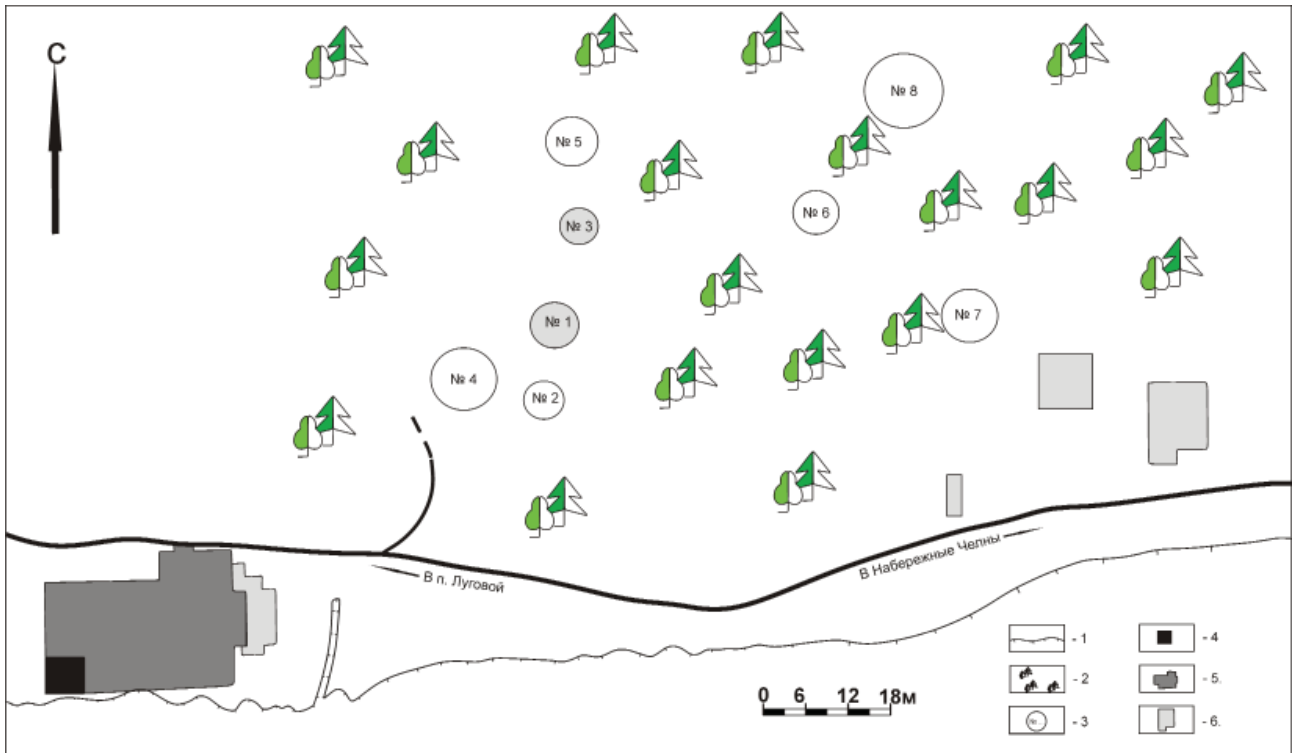
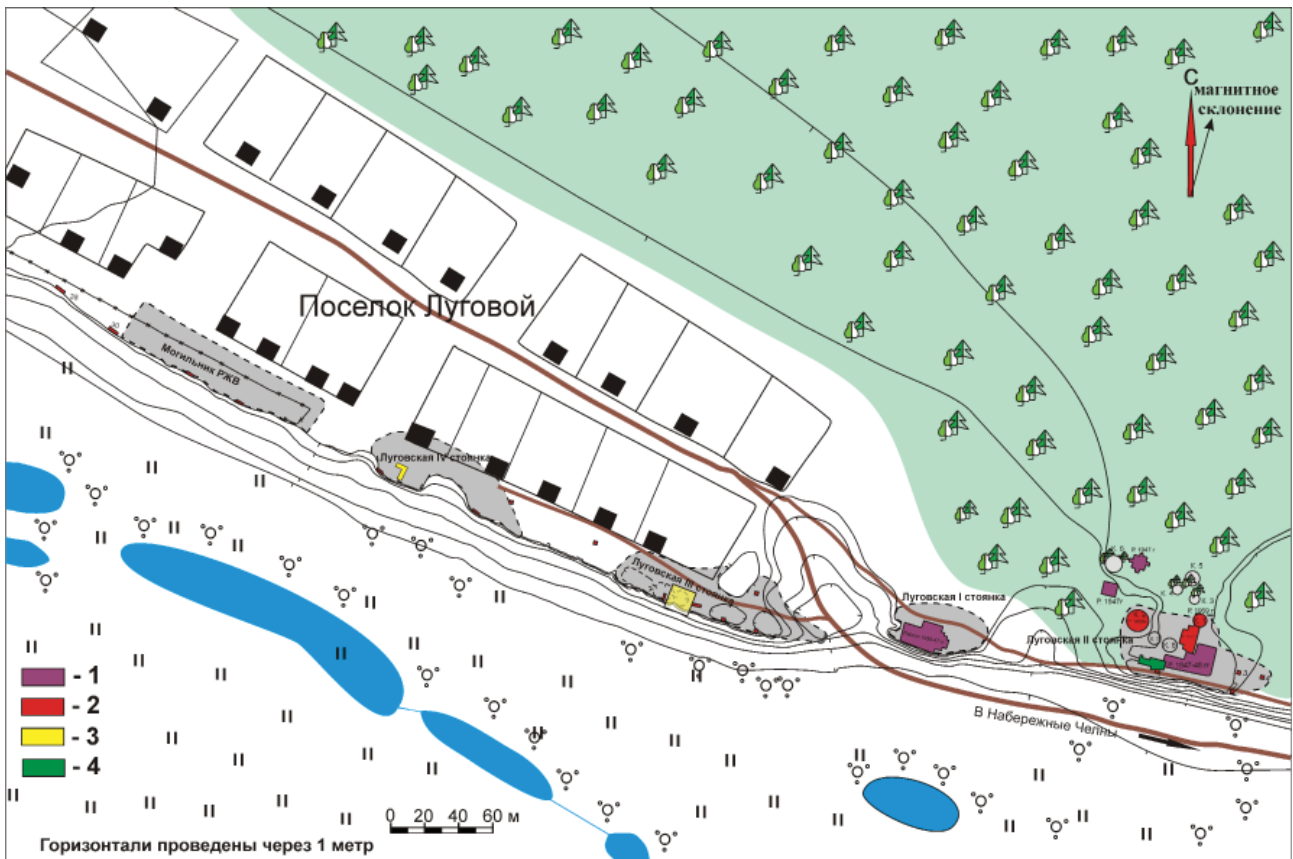


Рис. 2. Ситуационный план Луговских стоянок и ближайшей округи с памятниками позднего бронзового века: 1–5 – Луговские I–IV стоянки и Луговской курганный могильник; 6 – поселение на Ананьинской дюне; 7 – Елабужские стоянки; 8–12 – Мальцевские I–V стоянки; 13 – Отарнинская стоянка; 14 – Кумысская стоянка и могильник; 15–17 – Бетькинские стоянки и могильник; 18 – Набережночелнинский могильник.



**Рис. 3.** План Луговской I и II стоянок и Луговского курганного могильника (по А.В. Збруевой, 1947). 1 – обрыв, 2 – лес, 3 – курган и номер по порядку, 4 – раскоп 1939 г. 5 – раскопы 1940 и 1946 г. 6 – раскопы 1947 г.



**Рис. 4.** Общий план памятников Луговского комплекса (по А.Х. Халикову, 1959 с дополнениями по К.И. Корепанов, 1989, 1991; А.А. Чижевский 2012). 1 – Раскопы Збруевой А.В. 1939, 1940, 1946–48 гг; 2 – раскопы и шурфы А.Х. Халикова 1959 г; 3 – Раскопы К.И. Корепанова 1989 и 1991 г; 4 – Раскоп А.А. Чижевского 2008 г.



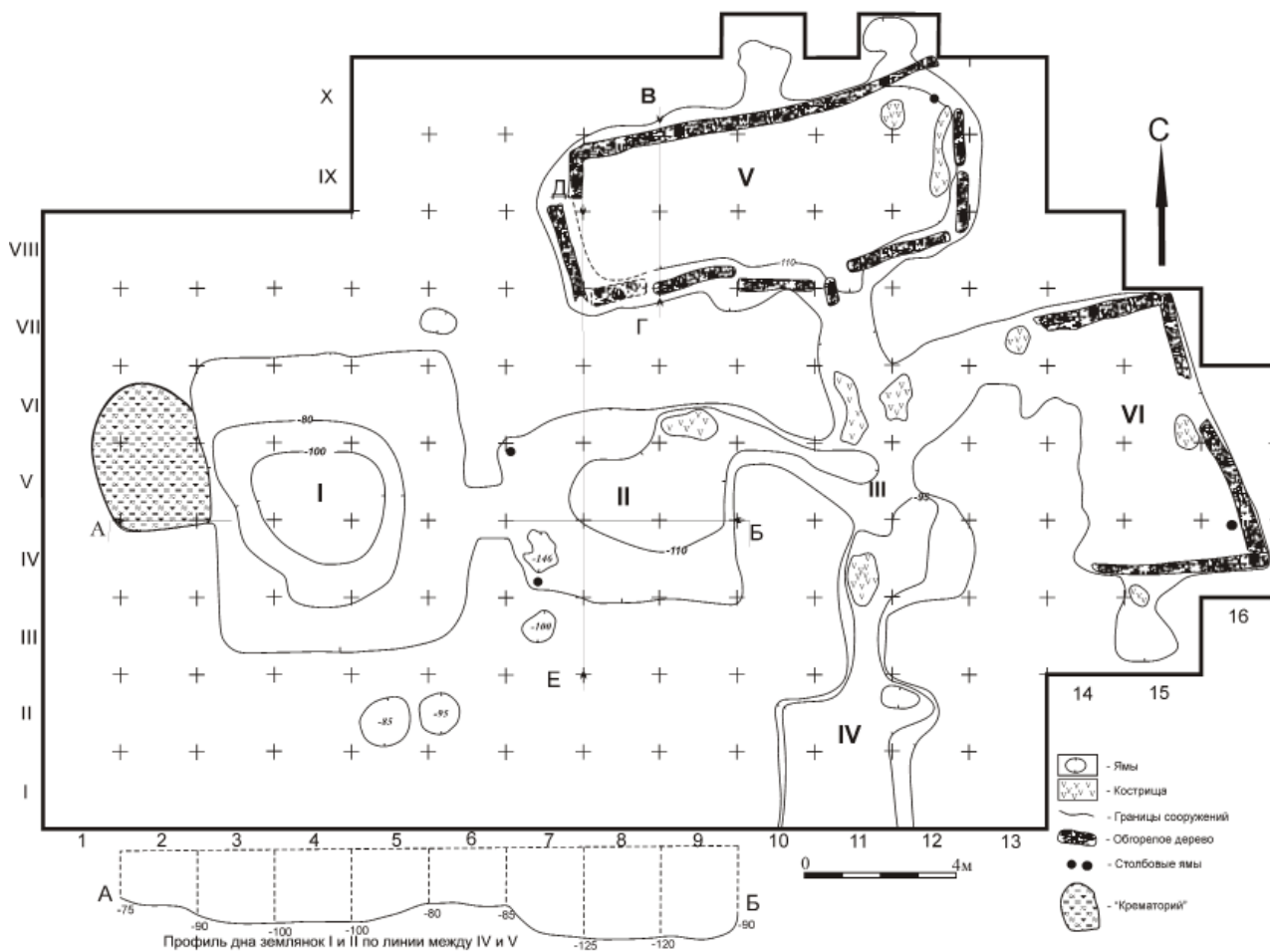


Рис. 5. План раскопа Луговской I стоянки.

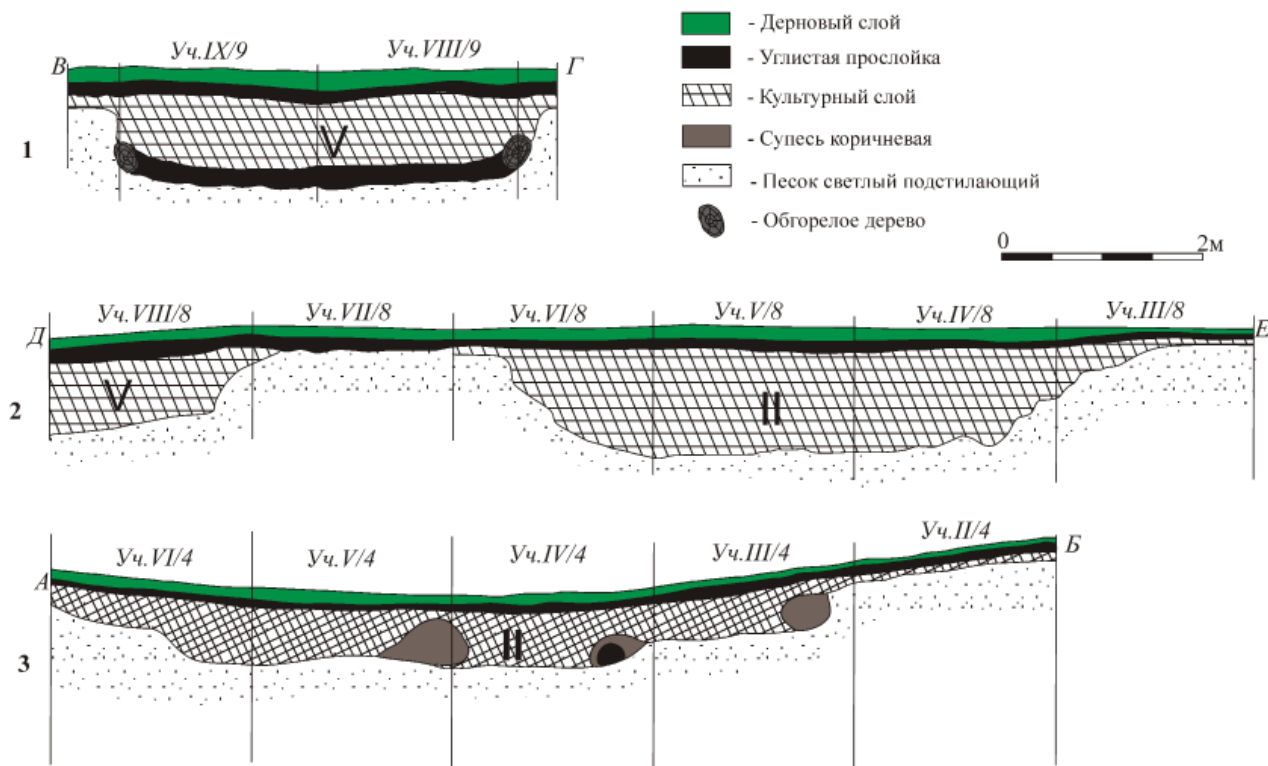


Рис. 6. 1 – Луговская I стоянка. Разрез западной стенки землянки V на участках IX–VIII/9; 2 – Луговская I стоянка. Разрез западной стенки раскопа 1946 г по линии VIII – III/8; 3 – Луговская II стоянка. Разрез землянки II по линии VI–II/4.



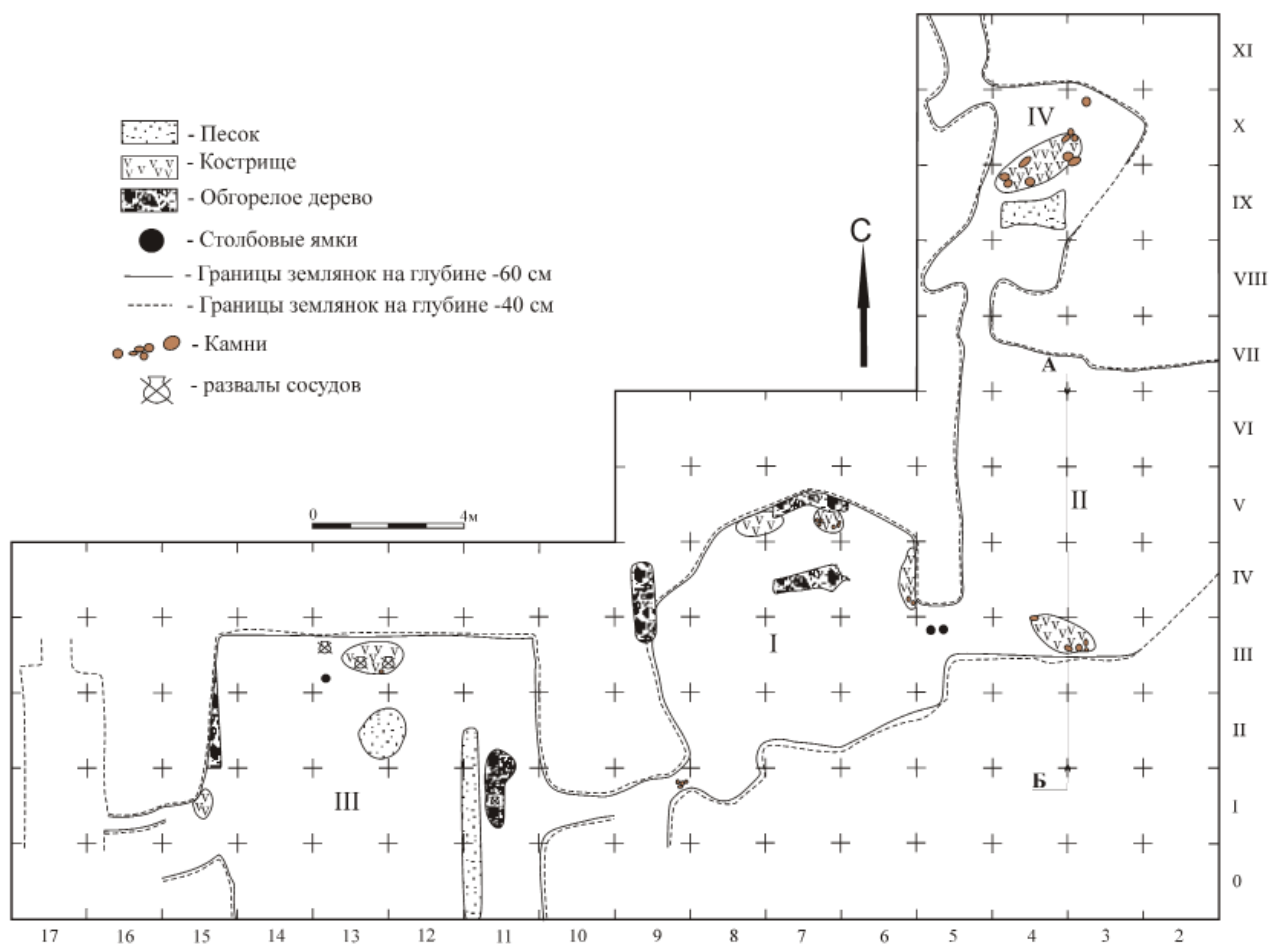
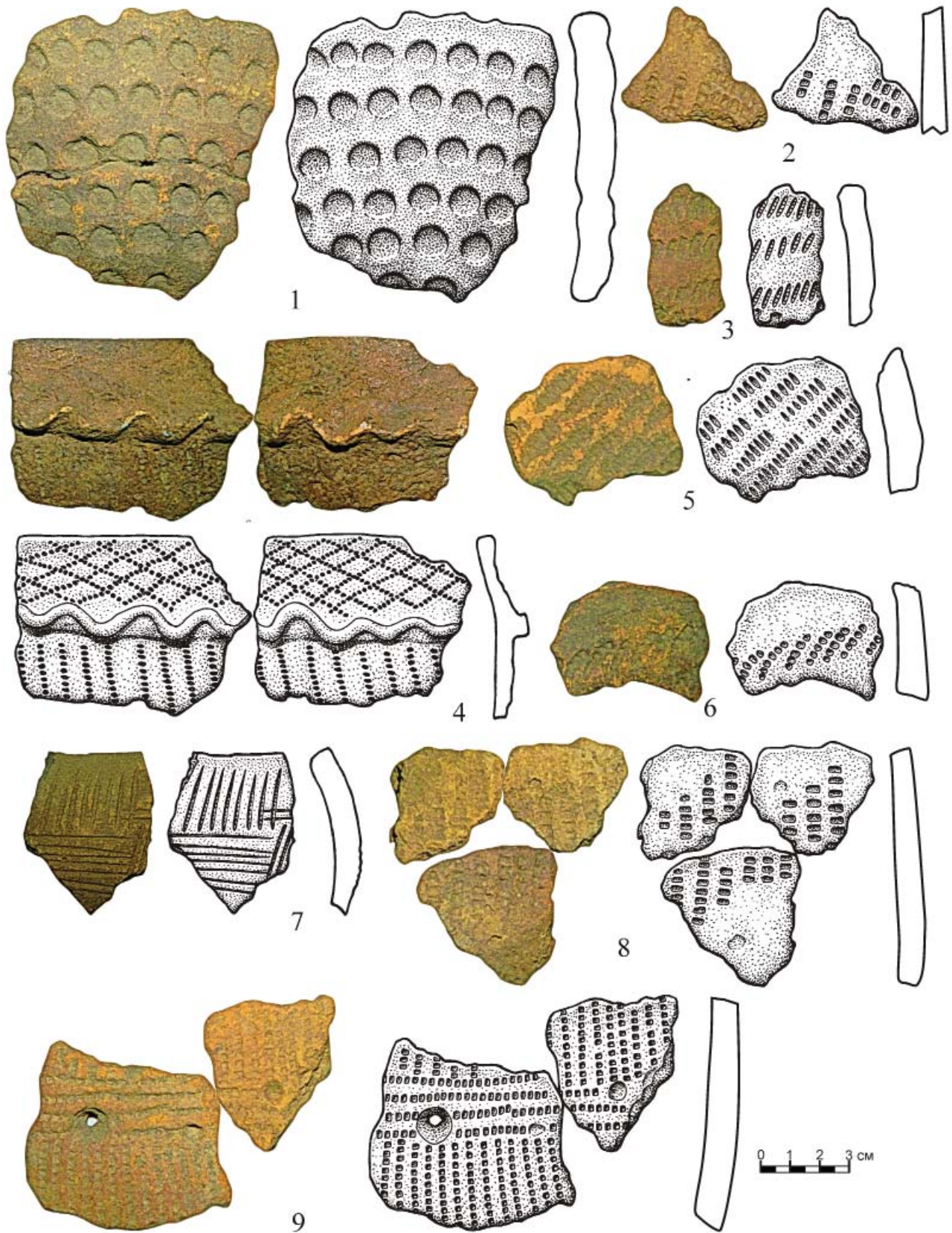


Рис. 7. План раскопа Луговской II стоянки.



**Рис. 8.** Керамика эпохи неолита–энеолита Луговской I (1–3, 5–6, 8–9) и II (4,7) стоянок: 1 – Уч. II/12, гл. 60 см; 2 – Уч. II/3, гл. 20–50 см; 3 – Уч. III/10, гл. 40 см; 4 – Луговской курган №3. Засыпка погребения 2; 5 – Уч. IV/9, гл. 20 см; 6 – Уч. IV/11, гл. 20 см; 7 – Уч. VI/3, гл. 30–40 см; 8 – Уч. V/8, гл. 100–120 см; 9 – Уч. IV/8, гл. 100–120 см.



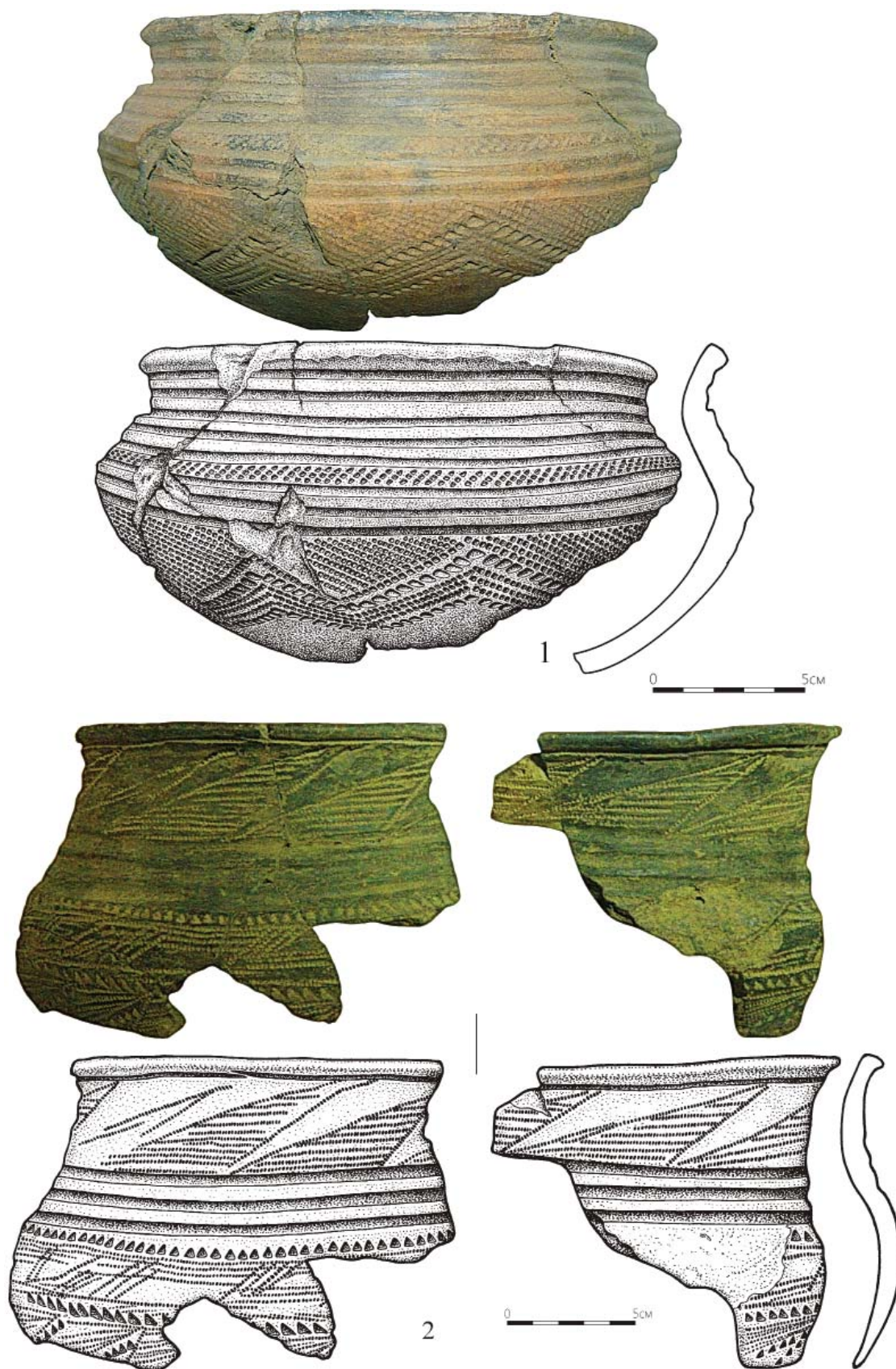


Рис. 9. Керамика черкаскульской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. Х/17–18, гл. 40 см; 2 – Уч. VIII/12, гл. 90–100 см (подошва сооружения) в комплексе с обгоревшими бревнами (стенками) сооружения.





**Рис. 10.** Керамика черкаской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. I/5, гл. 40-60; 2 – Уч. IX/10, гл. 100-110 (сооружение 5); 3 – Уч. VIII/12, гл. 90-100 см (сооружение 5 на бревнах); 4 – Уч. VI/7 гл. 40-60 см (черный слой); 5 – Уч. VII/14, гл. 100-110 см (сооружение 6); 6 – Полевой шифр не читаемый; 7 – Уч. IV/6, гл. 40-60 см; 8 – Уч. II/7, гл. 20 см.





**Рис. 11.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. I/5, гл. 10–20 см; 2 – Уч. III/14–15, гл. 100 см (подошва сооружения 6); 3 – Уч. VII/15, гл. 20–40 см; 4 – Уч. VIII/12, гл. 50 см; 5 – Уч. III/14–15, гл. 60–65 см (подошва сооружения 2); 6 – Уч. VII/14, гл. 100–110 см. (подошва сооружения 6); 7 – Уч. VI/2, гл. 20–45 см, уч. X/2, гл. 50 см; 8 – Уч. VII/13, гл. 40–60 см; 9 – Уч. II/9, гл. 60 см; 10 – Уч. VI/7, гл. 130 см.





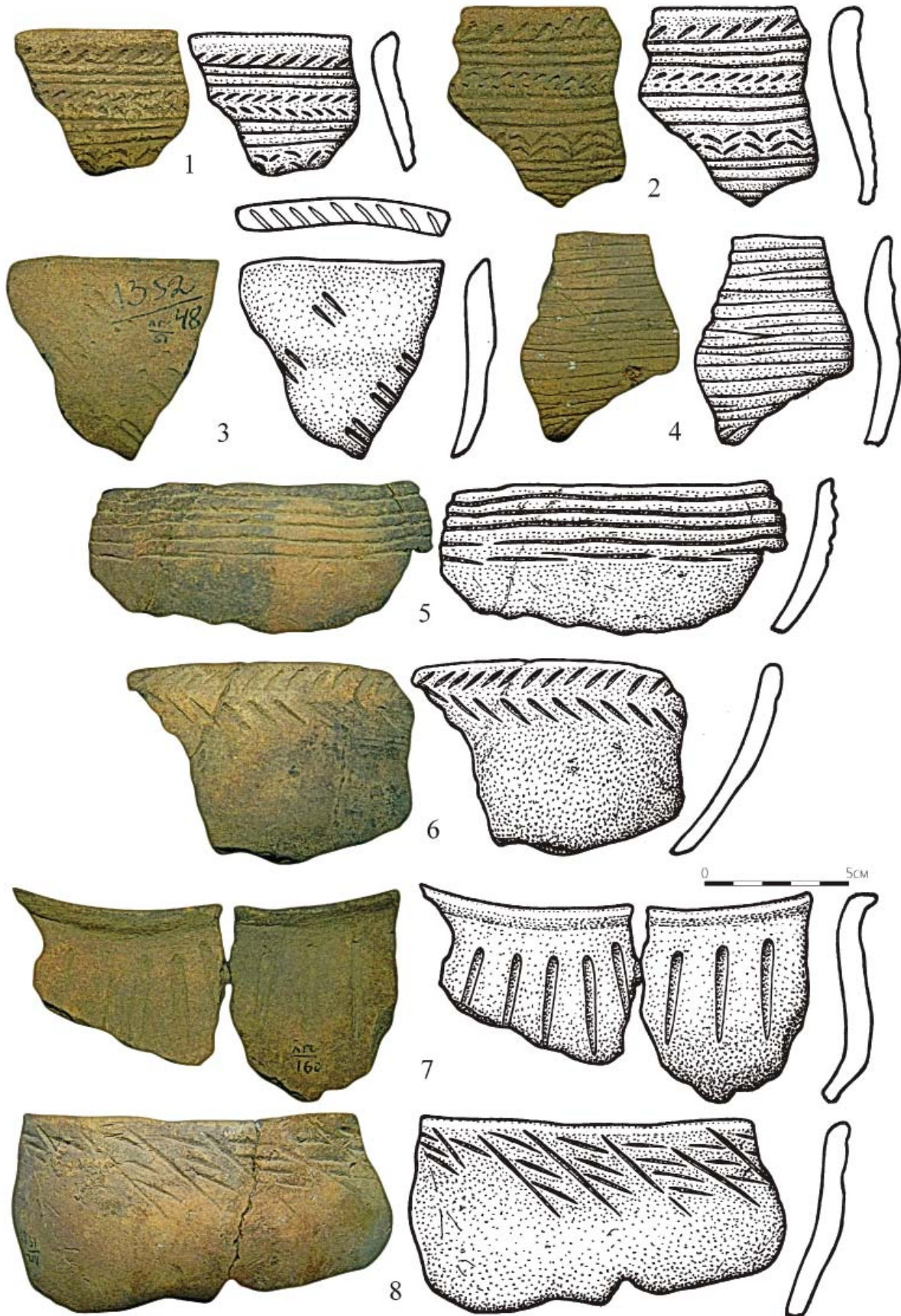
**Рис. 12.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. VII/14, гл. 40–60 см; 2 – Уч. VI/11, гл. 50 см; 3 – Уч. VI/3, гл. 50–60 см; 4 – Уч. I/8, гл. 10–50 см; 5 – Уч. IX/12, гл. 90–100 см (подошва сооружения 5); 6 – (полевой шифр не читаем); 7 – Уч. VII/15, гл. 0–20 см; 8 – Уч. VII/13, гл. 40–60 см; 9 – Уч. VI/2, гл. 45–57 см; 10 – Уч. VII/14, гл. 80–90 см (соор. 6) и правый – дно землянки (соор. 6).





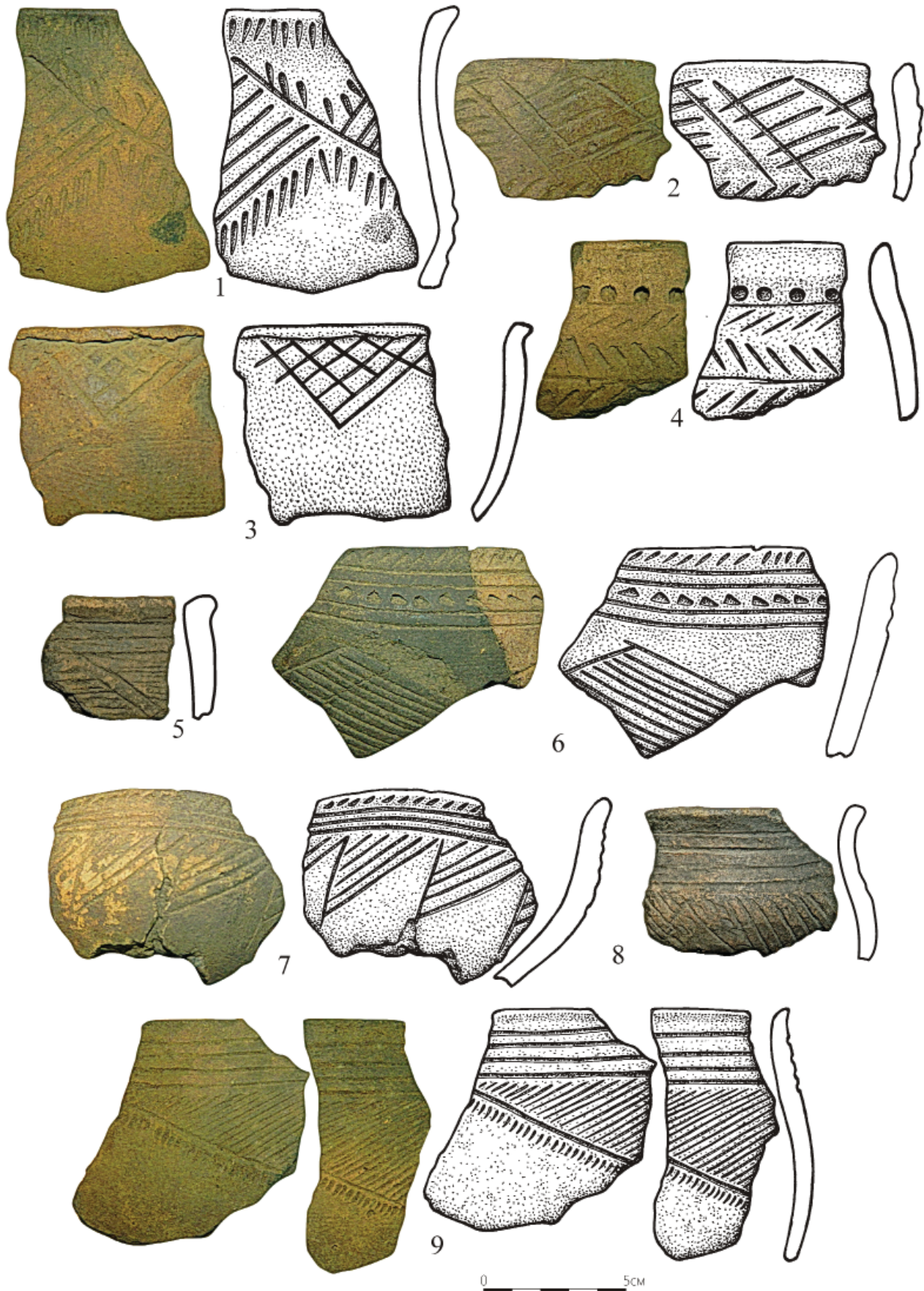
**Рис. 13.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – 2 – (полевой шифр не читается); 3 – Уч. VI/12, гл. 40 см; 4 – Уч. I/7, гл. 40–60 см; 5 – Уч. I/6, гл. 40–60 см; 6 – Уч. VI/2, гл. 20–45 см; 7 – Уч. VII/14 (дно сооружения 6).





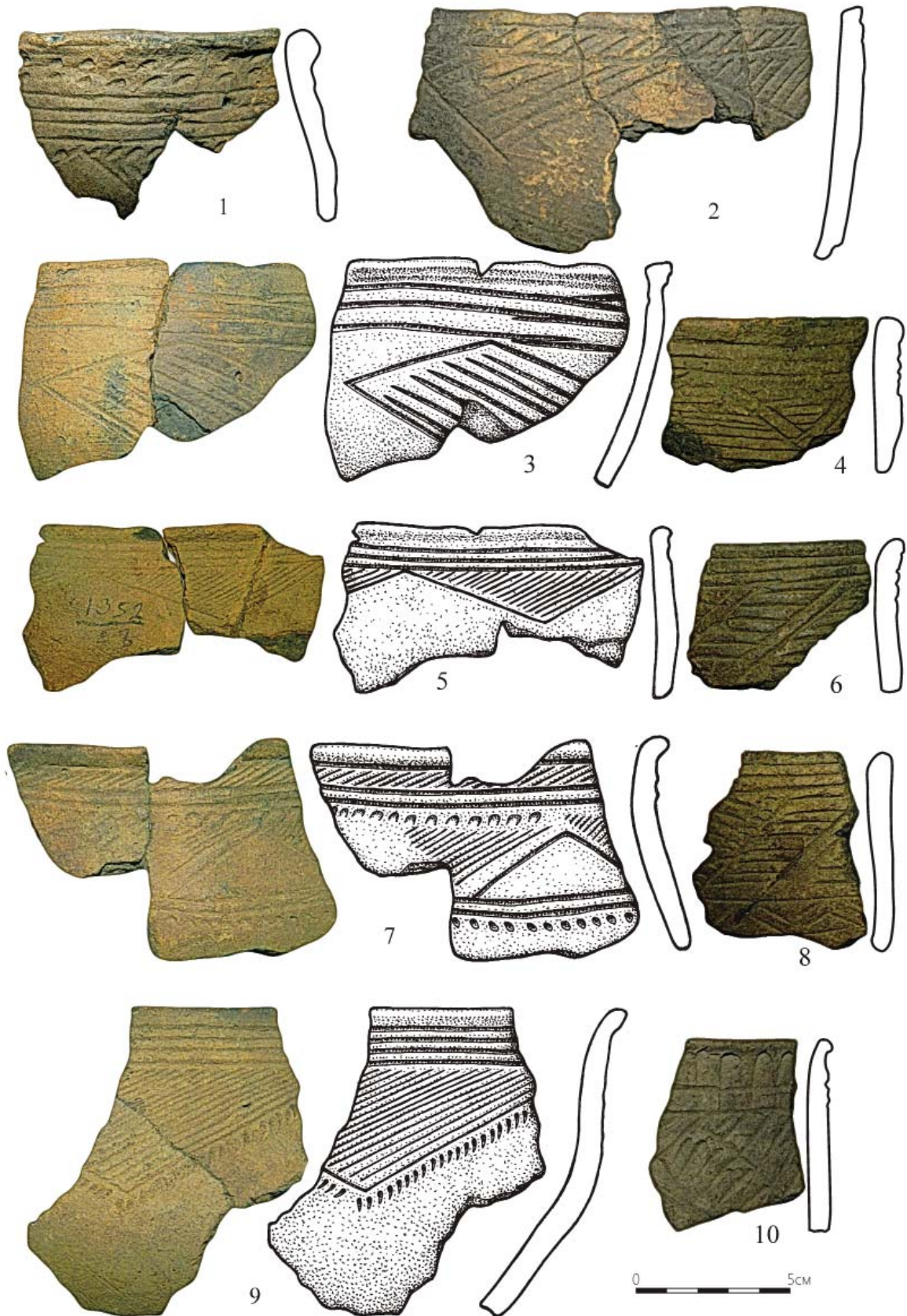
**Рис. 14.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. VI/12, гл. 40 см; 2 – Уч. VI/13, гл. 25–35 см; 3 – Уч. II/1, гл. 20–30 см; 4 – Уч. IX/12, гл. 60–70 см; 5 – Уч. VIII/8, гл. 50 см; 6 – Уч. IX/12, гл. 100–110 см (подошва сооружения 5); 7 – Уч. I/6, гл. 40–60 см; 8 – Уч. VI/2, гл. 70 см.





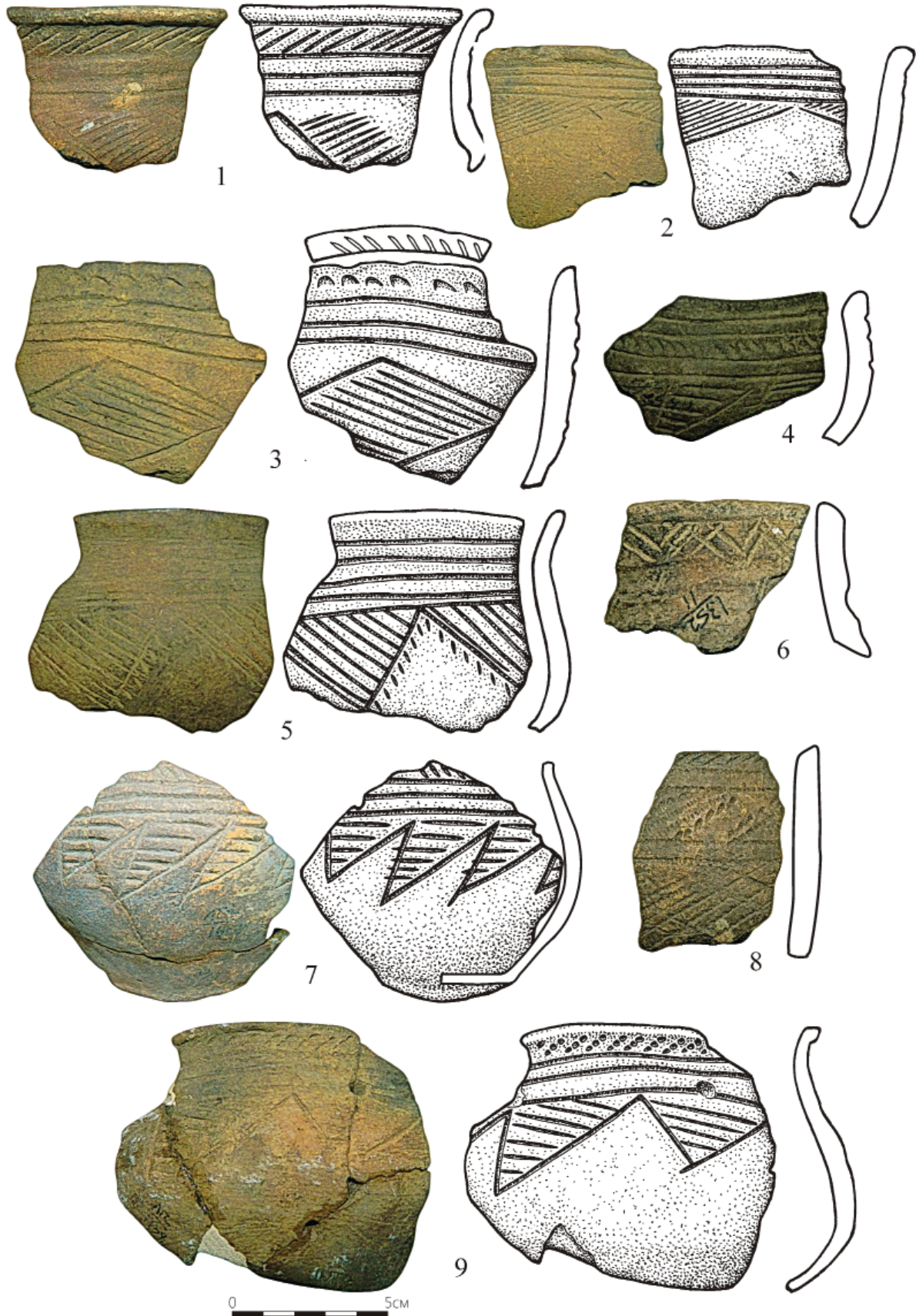
**Рис. 15.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. VIII/13, гл. 20–40 см; 2 – Уч. VI/11, гл. 50 см; 3 – Уч. V/2, гл. 60 см; 4 – Уч. VIII/9, гл. 30 см; 5 – Уч. IV/11, гл. 80 см (сооружение 3); 6 – Уч. IV/14, гл. 35–45 см; 7 – Подъемный материал; 8 – Уч. VII/14, гл. 80–90 см (дно сооружение 6); 9 – Уч. VII/14, гл. 80–90 см (дно сооружение 6).





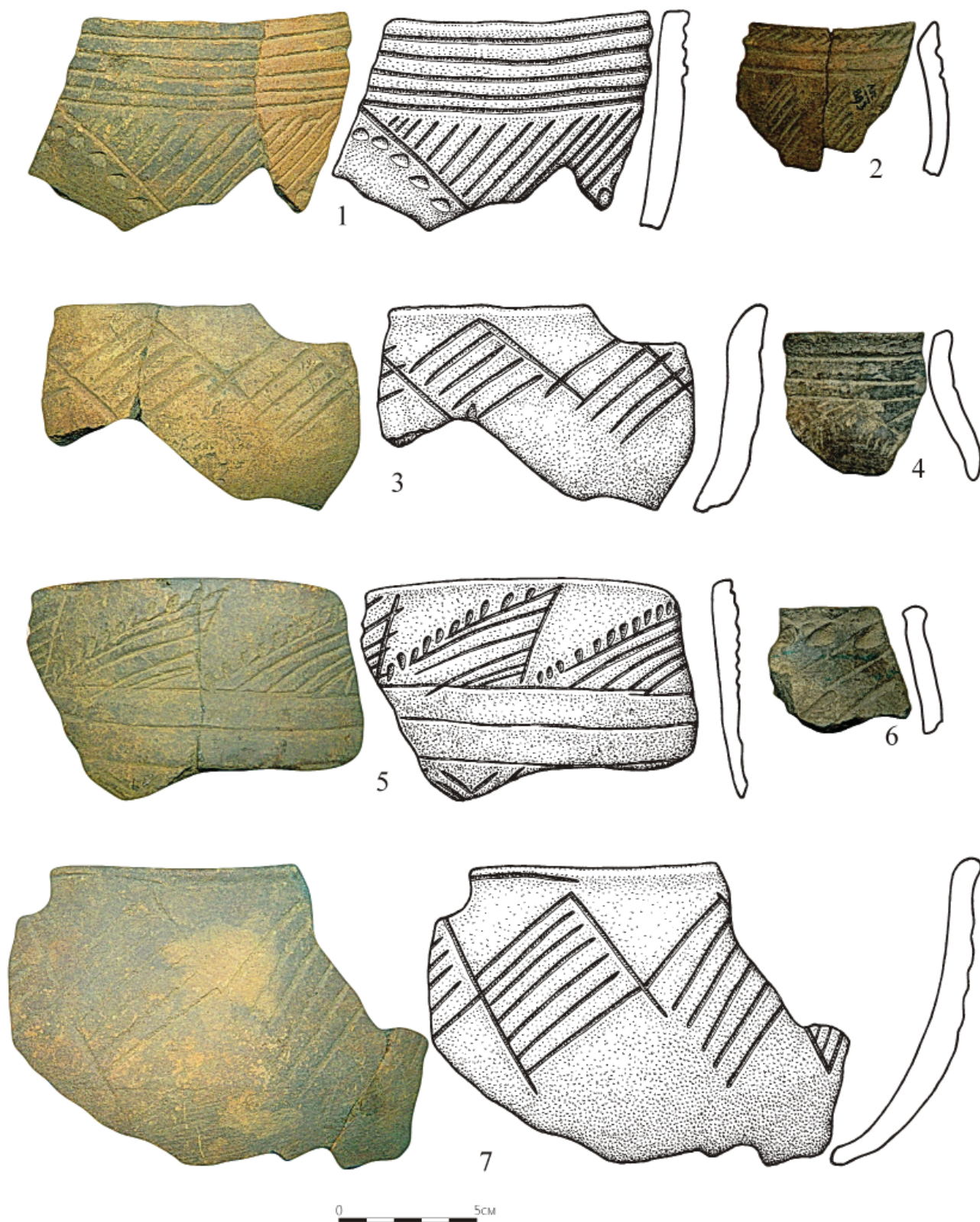
**Рис. 16.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. II/11, гл. 60–70; 2 – Уч. V/2, гл. 80–90 (над крематорием или в крематории); 3 – Уч. VII/13, гл. 60–90 см; 4 – Уч. III/5, гл. 40–60 см; 5 – Уч. V/9, гл. –110–120 (сооружение 2), уч. VII/10, гл. 60–70 см, уч. VII–VIII/11, гл. 40–50 см; 6 – Уч. VII/13, гл. 0–20 см; 7 – Уч. V/13, гл. –45–50 см; 8 – Уч. III/5, гл. 40–60 см; 9 – Уч. IX/9, гл. 90–100 см (Сооружение 5); 10 – Уч. VI/11, гл. 35 см.





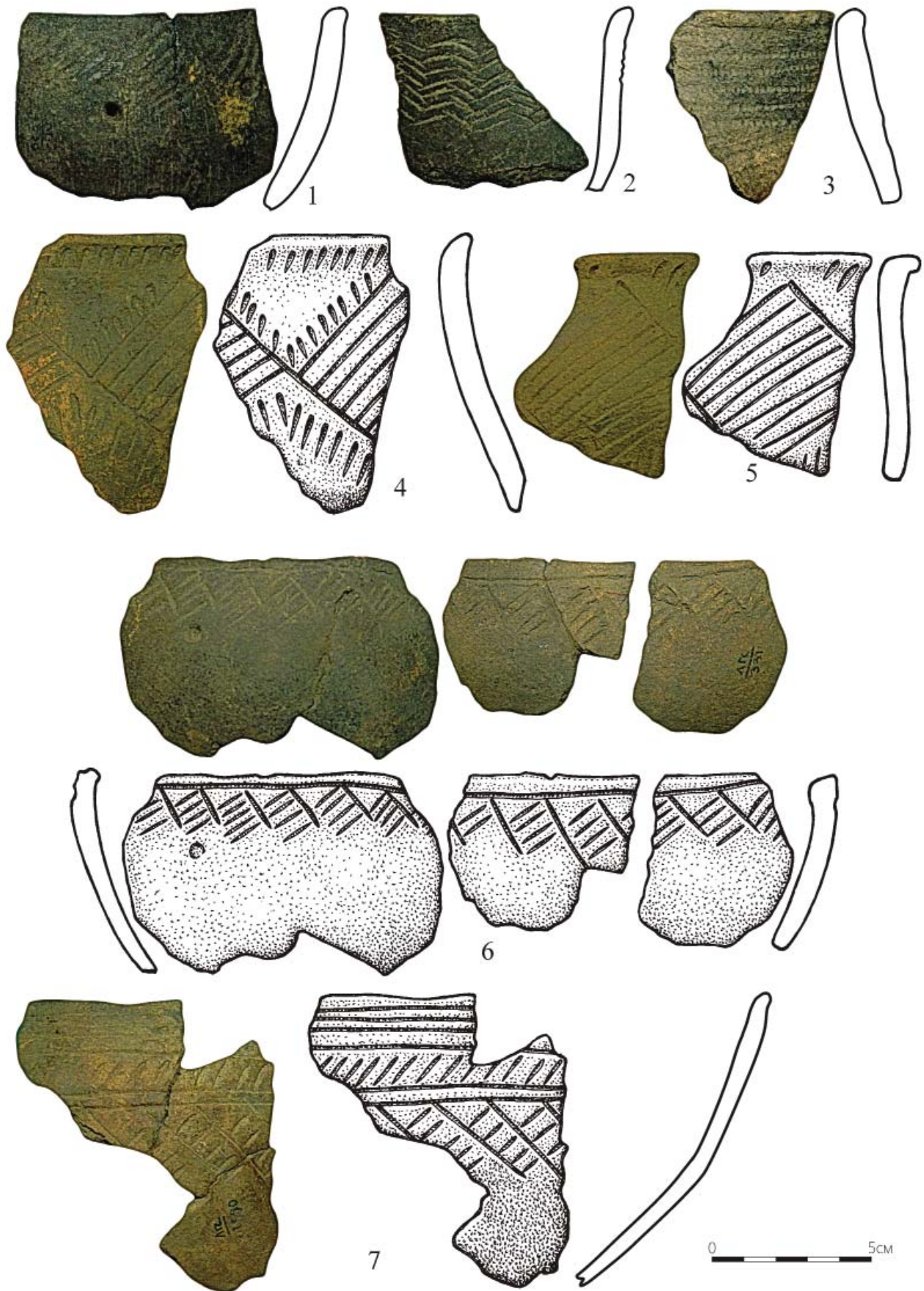
**Рис. 17.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Отвал; 2 – Уч. IV/6, гл. 20–40 см; 3 – Уч. VII/13, гл. 80–90 см; 4 – 5 – Полевой шифр стерся; 6 – Уч. VII/15, гл. 20–40 см; 7 – Уч. IV/5, гл. 56–60 см, уч. V/6, гл. 60–80 см; 8 – Уч. VII–VIII/12, гл. 45–50 см; 9 – Уч. III/12, гл. 60–70 см.





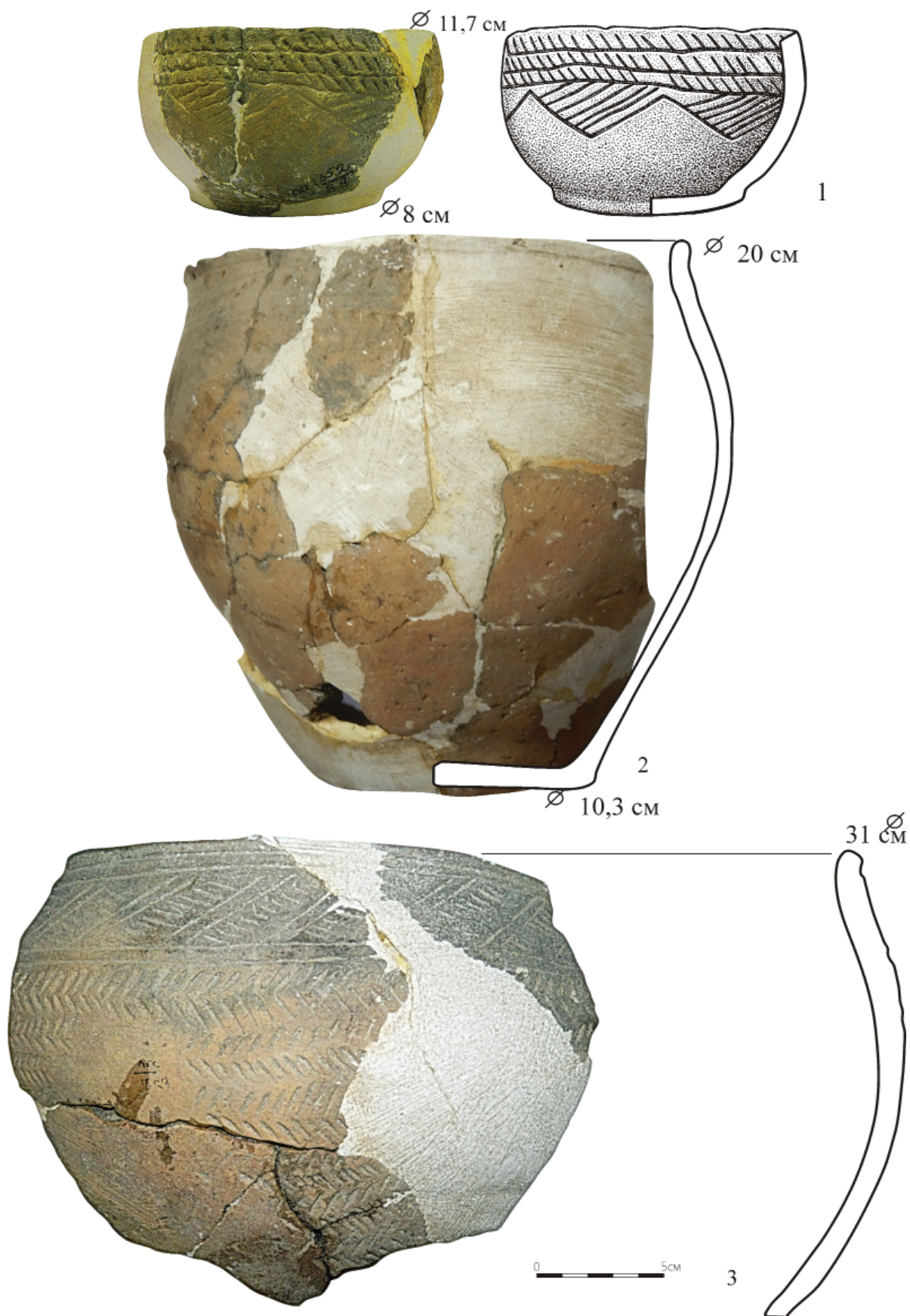
**Рис. 18.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. IV/14, гл. 35–45 см; 2 – Уч. IV/5, гл. 50–60 см; 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. I/6, гл. 40–60 см; 5 – Уч. I/3, гл. 20–40 см; 6 – Уч. I/3, гл. 20–40 см; 7 – Уч. IV/14, гл. 25–35 см.





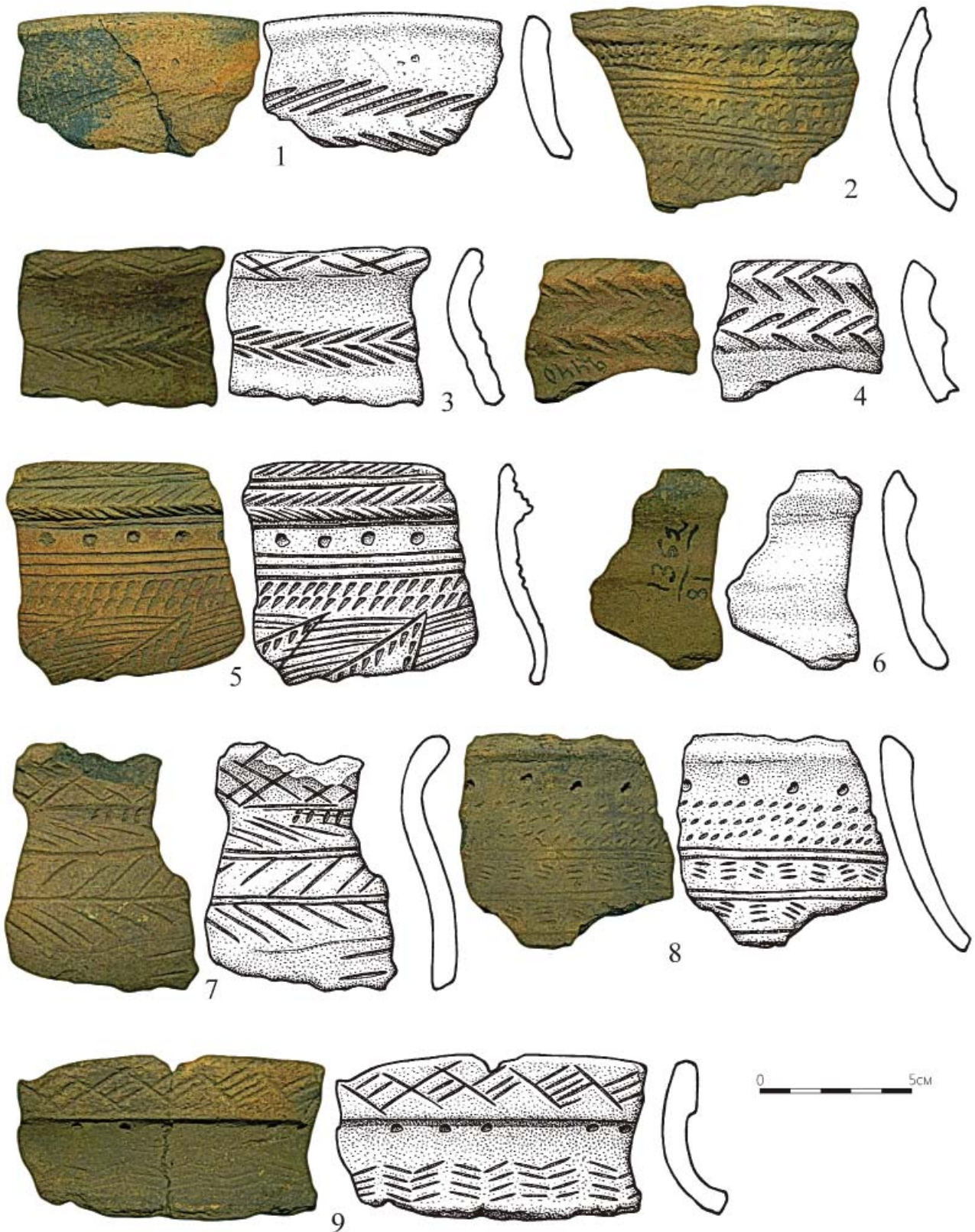
**Рис. 19.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Полевой шифр стерся; 2 – Уч. I/10, гл. 70 см; 3 – Уч. VII–VIII/12, гл. 50 см; 4 – Уч. V/13, гл. 80 см; 5 – Уч. VI/11, гл. 50 см; 6 – Уч. V/4, гл. 60–80 см; 7 – Уч. VI/2, гл. 45–57 см.





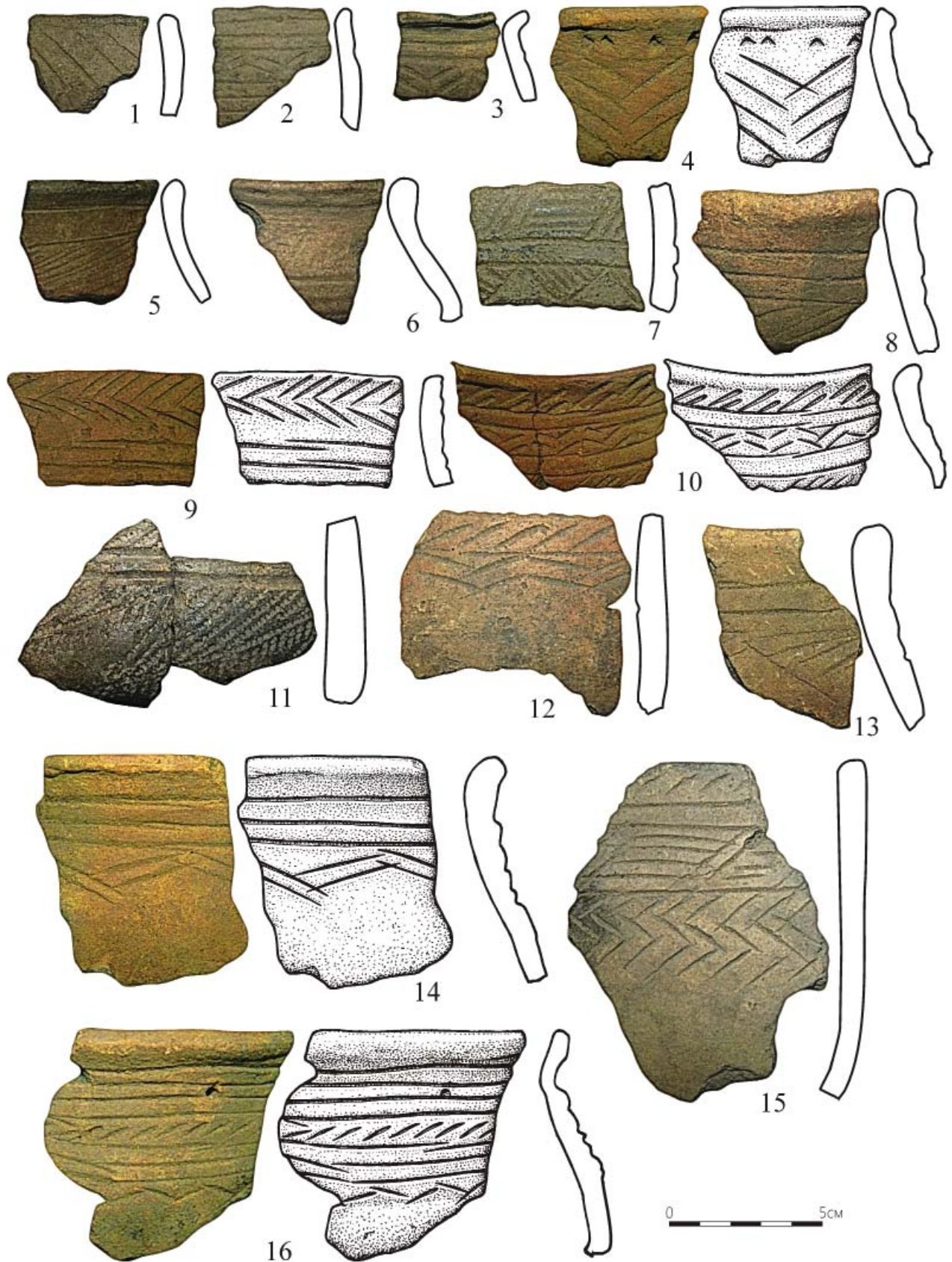
**Рис. 20.** Керамика луговской культуры с территории Луговской I стоянки. Целые формы. 1 – Отсутствует полевой шифр; 2 – Уч. III/4, гл. 81 см (при зачистке дна сооружение 1); 3 – Уч. VII/14, гл. 100–120 см (сооружение 6).





**Рис. 21.** Керамика межовской (постлуговской) и атабаевского этапа маклашеевской культуры с территории Луговской I стоянки. 1 – Уч. III/4, гл. 80 см (сооружение 2); 2 – Уч. IX/12, гл. 60–70 см; 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. X/8, гл. 60–80 см; 5 – Уч. V/8, гл. 80–100 см (сооружение 2); 6 – Уч. X/7, гл. 70–80 см; 7 – Уч. X/10, гл. 40–50 см; 8 – Уч. IX/11, гл. 110–120 см; 9 – Уч. III/4, гл. 80 см (сооружение 1).





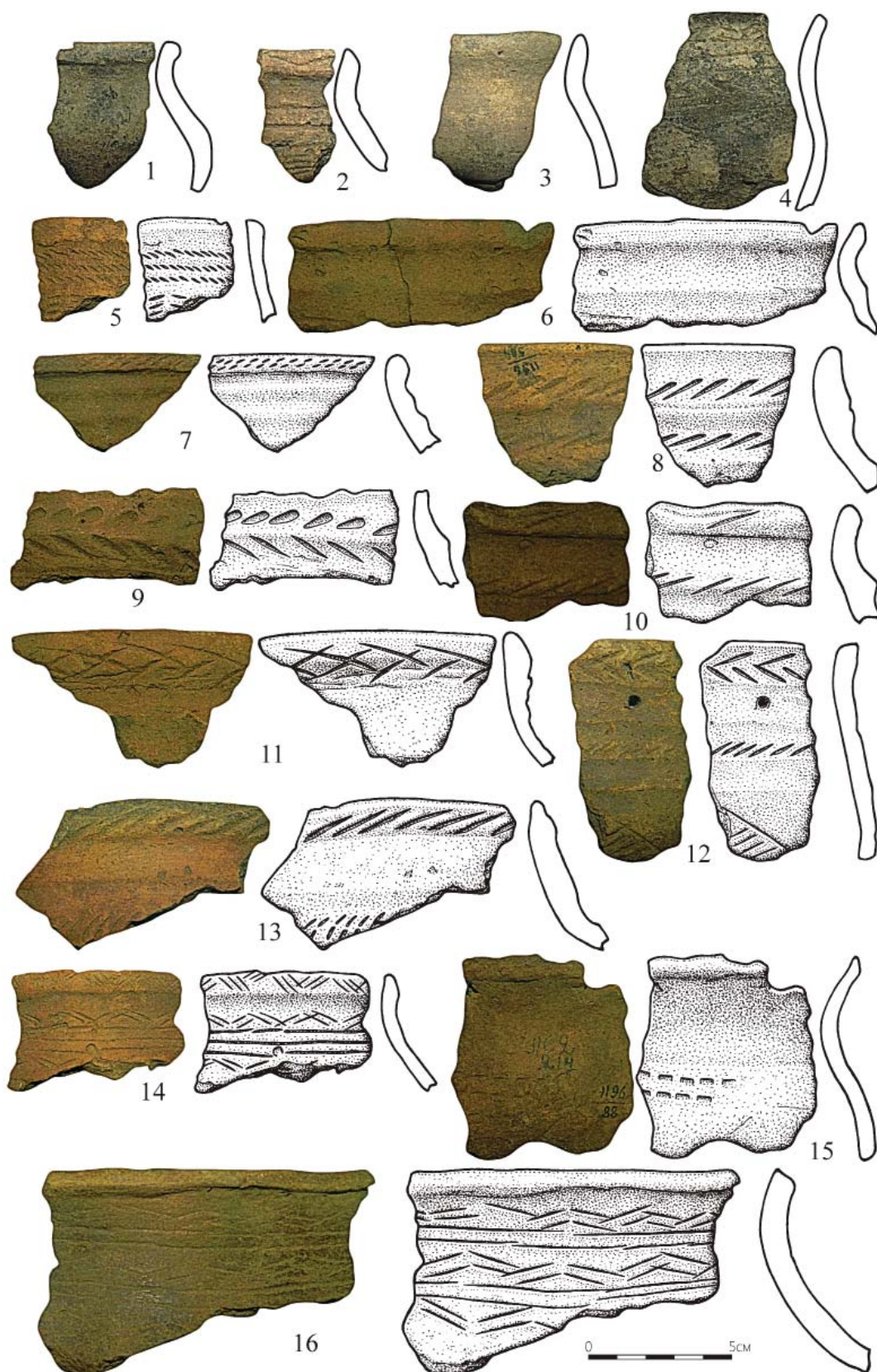
**Рис. 22.** Керамика луговской и черкасульской культур с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. VI/3, гл. 30–40 см; 2 – 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. X/4, гл. 70–80 см; 5 – Уч. III/12, гл. 60–70 см; 6 – Полевой шифр стерся; 7 – Уч. II/21, гл. 0–20 см; 8 – Уч. II/10, гл. 20–40 см; 9 – Уч. III/12, гл. 20–40 см; 10 – Уч. III/16, гл. 20–40 см; 11 – Полевой шифр стерся; 12 – Уч. V/4, гл. 60–80 см; 13 – Уч. 0/16, гл. 40–50 см; 14 – Уч. II/20, гл. 0–20 см; 15 – Уч. I/17, гл. 20–40 см, Уч. III/17 гл. 40–60 см; 16 – Уч. I/17, гл. 20–40 см.





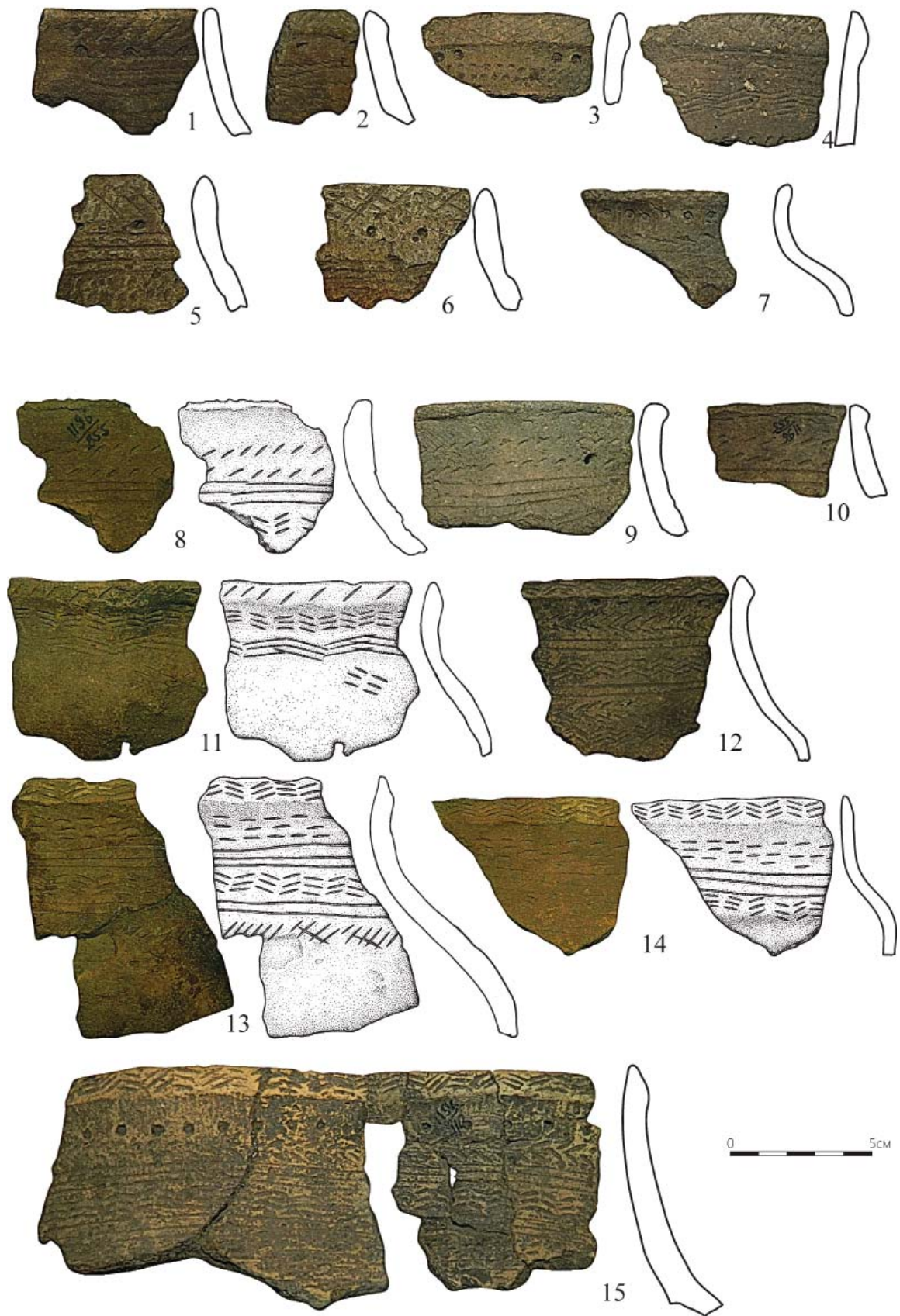
**Рис. 23.** Керамика межовской (постлуговской) культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. III/13, гл. 80–90 (сооружение 3); 2 – Уч. VI/3, гл. 30–40 см; 3 – Уч. VI/4, гл. 40–50 см; 4 – Уч. I/13, гл. 60–70 см; 5 – Уч. III/3, гл. 30–40 см; 6 – Уч. II/17, гл. 20–40 см; 7 – Уч. XI/4, гл. 60–80 см.





**Рис. 24.** Керамика межовской (постлуговской) культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. XI/4, гл. 100 см (сооружение 4); 2 – Уч. III/12, гл. 60–70 см; 3 – Уч. III/3, гл. 30–40 см; 4 – Луговской 2 курган насыпь Уч. 3 гл. 60–80 см; 5 – Уч. I/12, гл. 20–40 см; 6 – Уч. III/3, гл. 20–30 см, уч. III/3 гл. 30–40 см; 7 – Уч. II/20, гл. 0–20 см; 8 – 9 – Полевой шифр стерся; 10 – Уч. X/3, гл. 0–20 см; 11 – Уч. IX/4, гл. 40–60 см; 12 – Уч. III/16, гл. 20–40 см; 13 – Уч. IX/3, гл. 20–40 см; 14 – Уч. VII/4, гл. 30–40 см; 15 – Уч. XI/3, гл. 40–60 см; 16 – Уч. XI/4, гл. 100 см (сооружение 4).





**Рис. 25.** Керамика атабаевского этапа маклашевской культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. II/12, гл. 40–60 см; 2 – Уч. II/12, гл. 70–80 см; 3 – Полевой шифр стерся; 4 – Уч. 0/11, гл. 60–70 см; 5 – Уч. II/11, гл. 60–70 см; 6 – Уч. II/11, гл. 60–70 см; 7 – Уч. XI/3, гл. 40–60 см; 8 – Полевой шифр стерся; 9 – Уч. I/11, гл. 80–90 см (сооружение 3); 10 – 12 – Полевой шифр стерся; 13 – Уч. II/11, гл. 60–70 см, уч. III/11 гл. 50–60 см; 14 – Уч. I/12, гл. 40–60 см; 15 – Уч. III/12, гл. 60–80 см.

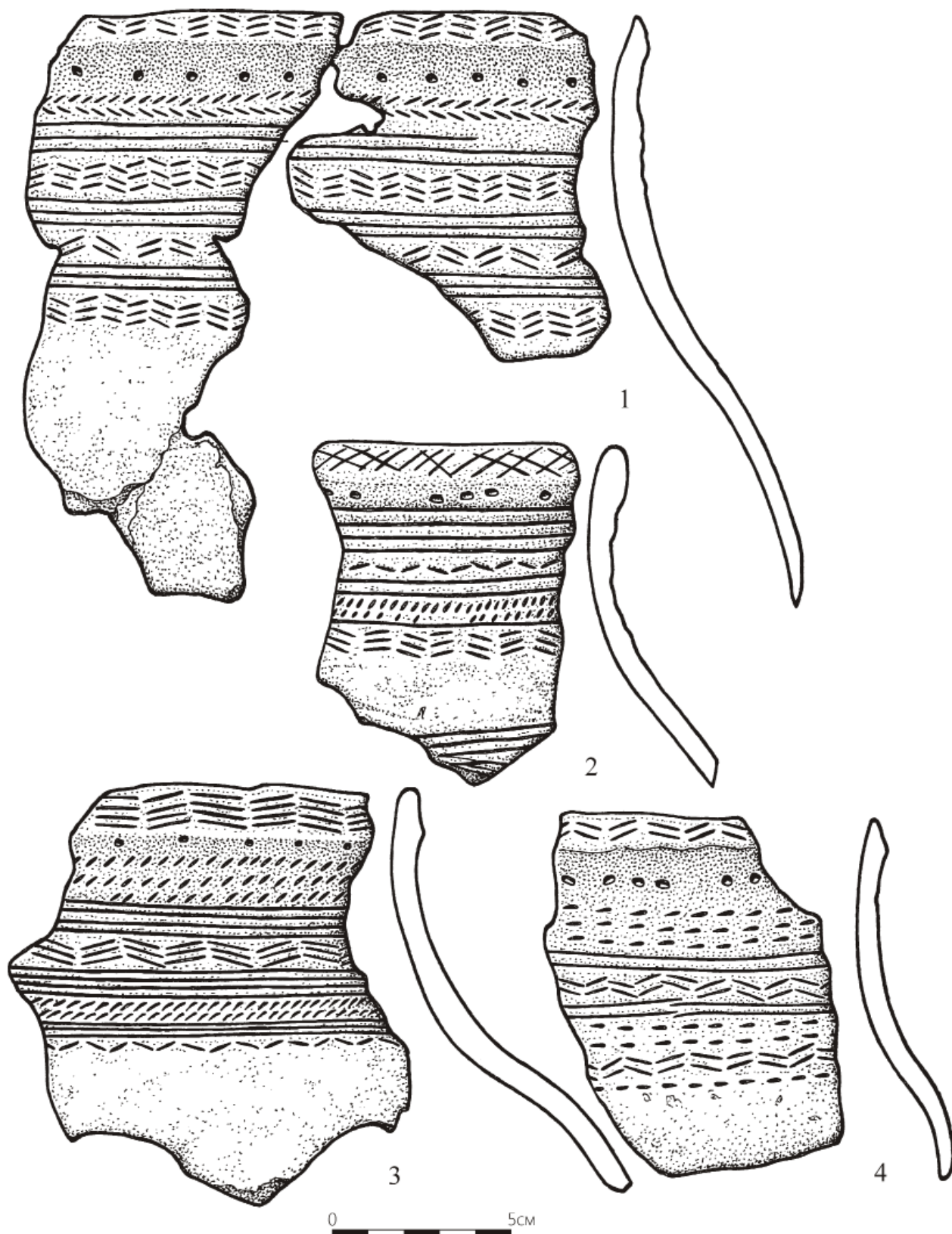
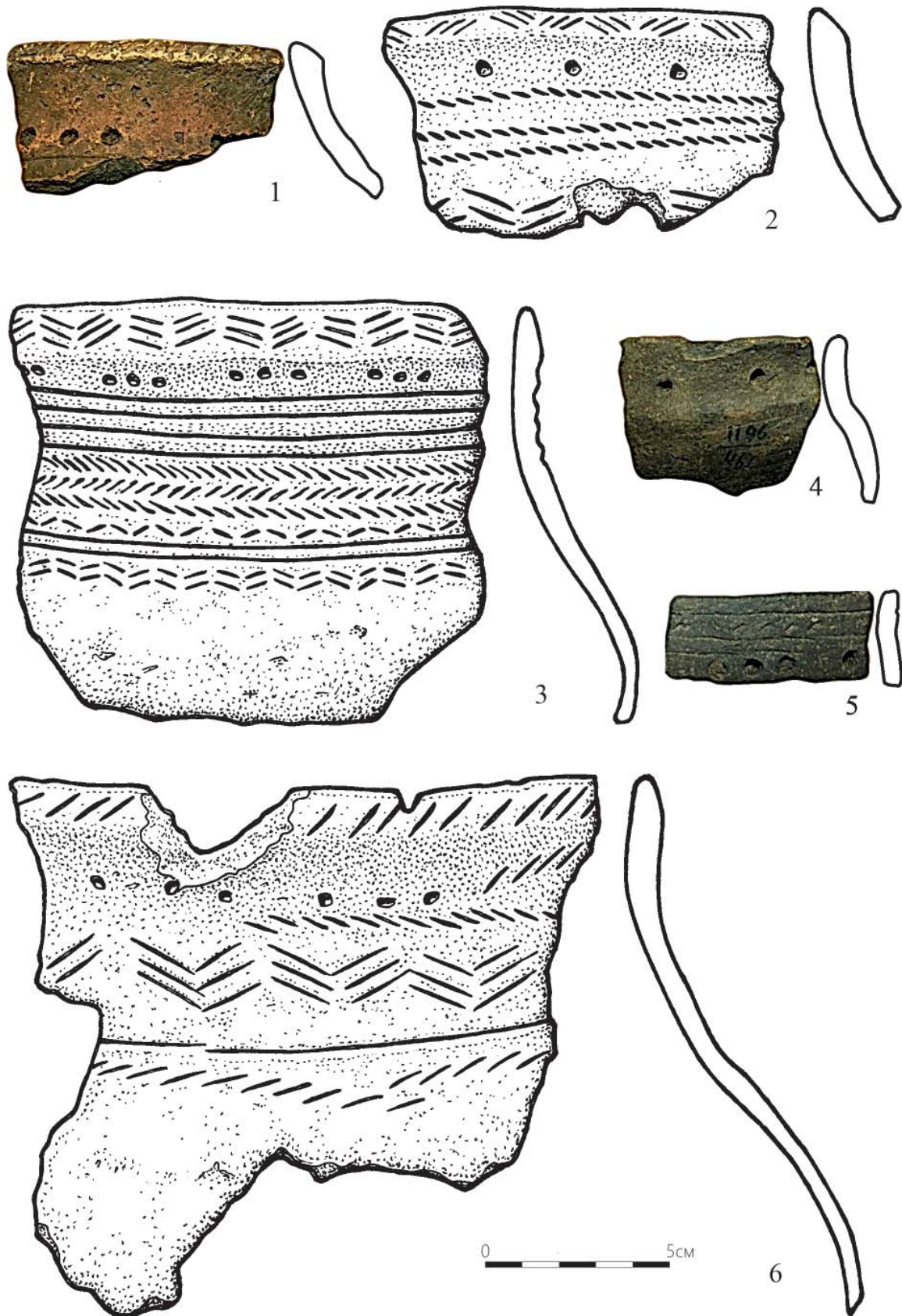


Рис. 26. Керамика атабаевского этапа маклашевской культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. IX/3 гл. 60-80 см; 2 – 4 – Полевой шифр не читаемый





**Рис. 27.** Керамика атабаевского этапа (1-3, 6) и маклашеевского этапа (4-5) маклашеевской культуры с территории Луговской II стоянки. 1 – Уч. V/3, гл. 20-40 см; 2 – Уч. IX/3, гл. 40-60 см; 3 – Уч. III/12, гл. 40-50 см; 4 – Уч. 0/12, гл. 40-60 см; 5 – Уч. I/12, гл. 40-60 см; 6 – Уч. V/4, гл. 60-80 см, уч. IX/4, гл. 60-70 см.



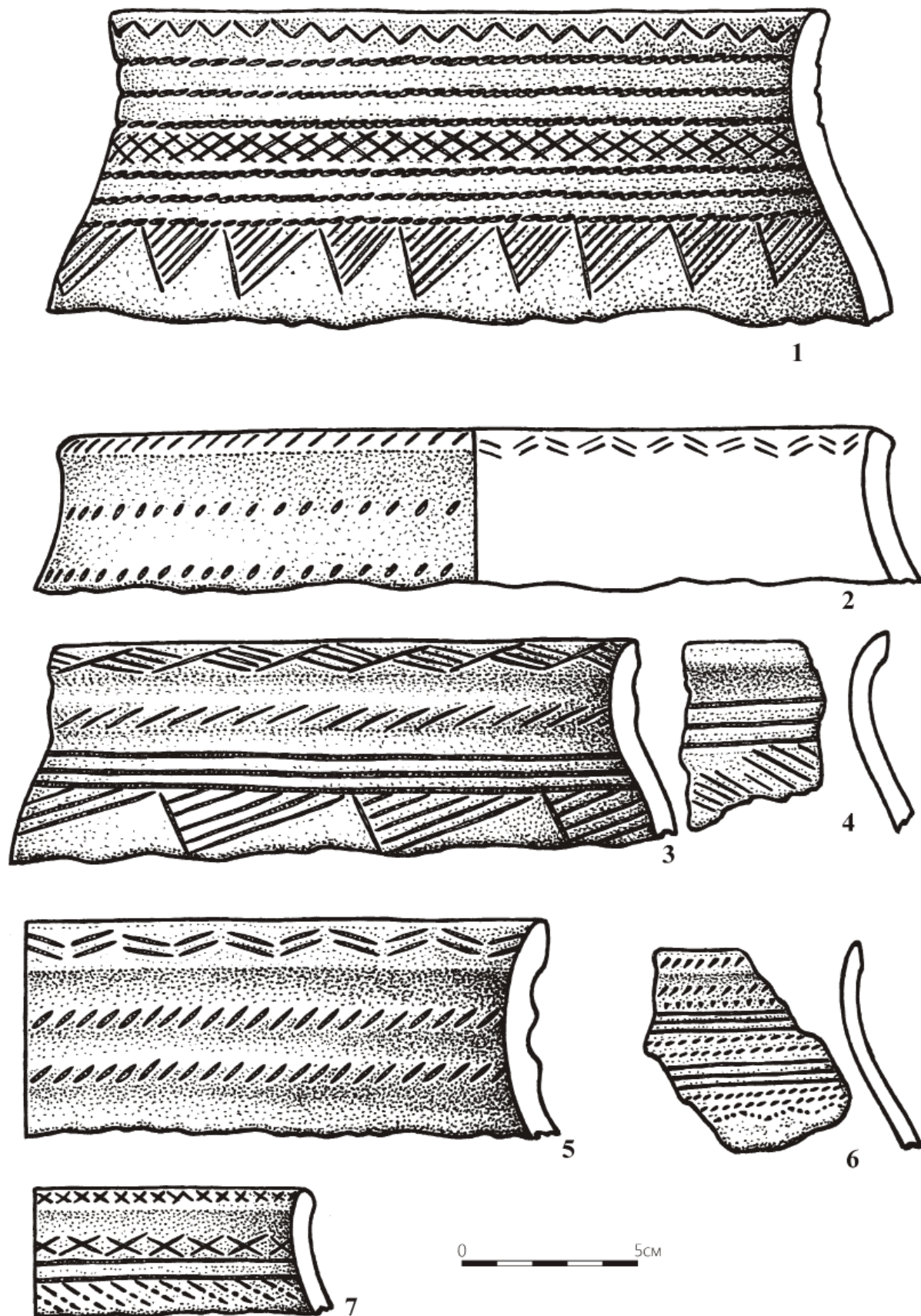
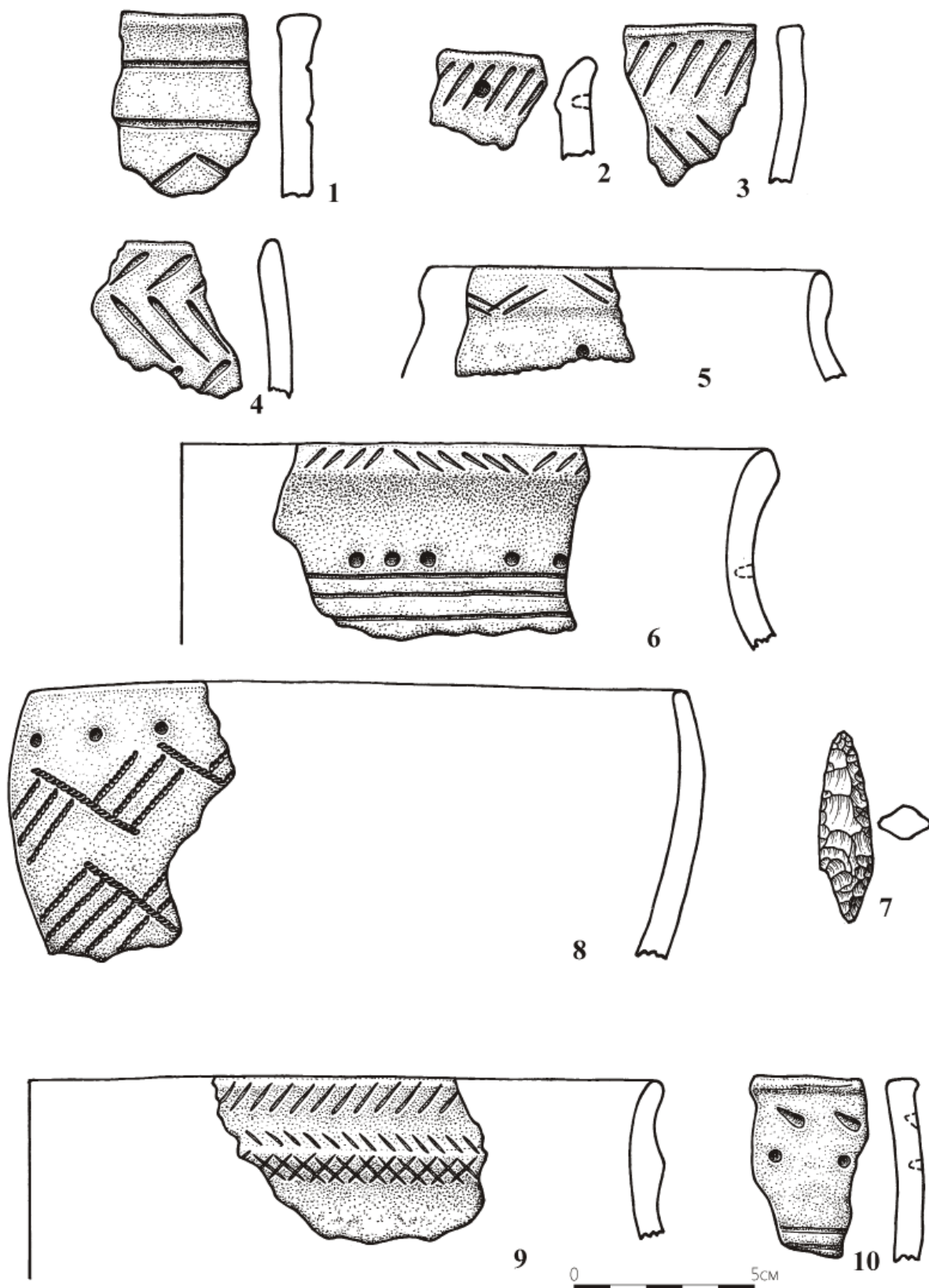


Рис. 28. Керамика межовской (постлуговской) культуры (1-5, 7) и атабаевского этапа маклашеевской культуры (6) с территории Луговской II стоянки и из насыпей Луговских курганов №1-2 (раскопки А.Х. Халикова, 1959 г).



**Рис. 29.** Целые формы сосудов с территории Луговской II стоянки. 1 – кубкообразный сосуд уч.Ш/17, гл. 30 см (раскопки А.В. Збруевой, 1948 г.); 2 – сосуд луговской культуры в насыпи кургана 1; 3 – сосуд межовской (постлуговской) культуры? (раскопки А.Х. Халикова, 1959 г).





**Рис. 30.** Керамика и кремневый наконечник стрелы с территории – 1–4 –Луговской IV стоянки луговской культуры; 5–7 –Луговской III стоянки атабаевского этапа маклашевской культуры; 8–10 – Луговской I стоянки луговской культуры (разведки А.Х. Халикова, 1959 г).



УДК 902/904

## РАННИЙ (АТАБАЕВСКИЙ) ЭТАП МАКЛАШЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2019 г. А.А. Чижевский, А.В. Лыганов, С.В. Кузьминых

Маклашеевская культура завершает эпоху бронзы в Волжско-Камском регионе. Она возникает после распада андроновской культурно-исторической общности в результате трансформации луговской культуры. На раннем – атабаевском – этапе она распространяется в Среднем Поволжье, Нижнем и южной части Среднего Прикамья. Широкие полевые работы на памятниках атабаевского этапа позволили авторам дать подробную характеристику материальной культуры, показать вмещающий ландшафт и выявить планиграфию поселений. Несмотря на недостаточную изученность могильников, удалось реконструировать погребальный обряд, в основе которого были подкурганые погребения в скорченном или вытянутом на спине положении; среди погребального инвентаря – оружие, украшения, предметы быта и керамика. Хронология атабаевского этапа маклашеевской культуры основывается на аналогиях с опорой на предметы-хроноиндикаторы: кельты двуушковые и с лобным ушком, втульчатые тесла-долота, желобчатые височные подвески. Время существования атабаевского этапа определяется в пределах XIV–XIII вв. до н.э. Его развитие приходится на третий период Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

**Ключевые слова:** археология, Волго-Камье, поздний бронзовый век, атабаевский этап маклашеевской культуры, материальная культура, погребальный обряд, хронология.

Начало изучения маклашеевской культуры связано с раскопками Ананьинской дюны П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным, когда при раскопках Ананьинского могильника были найдены керамика, двуушковые и одноушковые кельты, кельт с лобным ушком и другие находки (Алабин, 1860, с. 87–120), позднее выделенные в отдельный памятник – Ананьинскую стоянку (Уваров, 1881, № 168–170; Збруева, 1937, с. 104–109; Халиков, 1980, табл. 40; 46: 1, 4; 49: 1; Чижевский, 2013, с. 43).

На протяжении XIX – начала XX в. шел активный процесс накопления данных, производилась закупка находок у населения, осуществлялись полевые исследования поселений и могильников. Раскопки Маклашеевского 1 и 2 могильников П.А. Пономаревым (1882 и 1897 гг.) и А.Ф. Лихачевым (1886 г.) позволили зафиксировать погребальный обряд и выявить материальную культуру населения, оставившего эти памятники (Худяков, 1923, с. 83, 84; Chudjakov, 1926, s. 14–26; Халиков, 1980, № 470).

Отгалкиваясь от данных этих и других исследований М.Г. Худяков в рукописи монографии «Маклашеевская культура», написанной в первой половине 1920-х гг., но так и неизданной<sup>1</sup>, обосновывает выделение макла-

шеевской культуры. В первом варианте рукописи (1923 г.) эта культура рассматривалась как переходная от камня к металлу и одновременно фатьяновской культуре Средней России. Фактически в ее рамках исследователь объединял все те материалы, которые в 1950-е гг. А.Х. Халиков отнесет к приказанской культуре. Но часть древностей маклашеевской культуры (могильник Маклашеевка 2) М.Г. Худяков отнес к ранней стадии ананьинской культуры и датировал XI–IX вв. до н.э. (Худяков, 1920, с. 117–118; 1923; 1930; 1935)

Несколько позже к этой проблеме обратился А.В. Шмидт, который датировал маклашеевские некрополи 1200–1000 гг. до н.э. (Шмидт, 1935, с. 63–71).

В 1920–1950-е гг. работами В.Ф. Смолина, А.В. Збруевой, Е.И. Горюновой, Н.Ф. Калинина, Н.А. Прокошева, А.Х. Халикова, В.Ф. Генинга и др. были исследованы базовые поселения маклашеевской культуры как раннего атабаевского, так и позднего маклашеевского этапов (Смолин, 1933, с. 15–32; Горюнова, 1934, с. 173; Збруева, 1937, рис. 9: 1, 2, 7–9, 11, 12; 1941, с. 111; 1960, с. 22–33, 61–67; Калинин, 1948, рис. 4; Прокошев, 1949, с. 66, рис. 20; Калинин, Халиков, 1954, с. 11–34; Халиков, 1960; Генинг и др., 1962, табл. III, с. 9–11; Генинг, Старостин, 1972; Ашихмина, Генинг, 1977, с. 93–138; и др.).

Эти исследования позволили А.Х. Халикову выйти на ряд обобщений, касающихся

<sup>1</sup> Хранится в рабочем архиве А.М. Тальгрена в археологическом отделе Музейного ведомства Финляндии.

периодизации и хронологии, и сформулировать стройную концепцию позднего бронзового века Волго-Камья (Халиков, 1967; 1969, с. 240–329, рис. 55). Согласно этой концепции, автохтонная культура эпохи бронзы, названная приказанской, датировалась А.Х. Халиковым по аналогиям XVI–IX вв. до н.э.

Аналогичную работу по памятникам Среднего Прикамья проделал В.П. Денисов, выделивший ерзовскую культуру; некоторые памятники этой культуры также можно связать с маклашеевскими древностями (Денисов, 1967, с. 29–50).

Часть памятников маклашеевской культуры, расположенных в бассейне р. Белой, была отнесена К.В. Сальниковым к культуре курмантау; в дальнейшем он предложил перенести это название на все маклашеевские древности (Сальников, 1954, с. 15–24; 1967, с. 376–386).

В 1967 г., осознавая неоднородность объединенных в приказанскую культуру памятников, В.Ф. Генинг предложил для финала этой культуры ввести термин преданьянская культурно-историческая общность (Генинг, Совцова, 1967, с. 58–61).

В 1980–1990-е гг. разворачивается дискуссия о правомерности выделения приказанской культуры, её хронологии и культурного единства. Работы Н.Л. Членовой, В.А. Иванова, С.В. Кузьминых, Л.И. Ашихминой, позднее В.Н. Маркова, Б.С. Соловьева, М.Ф. Обыденнова способствовали ревизии концепции единой приказанской культуры и выделению самостоятельных луговской и маклашеевской культур (Членова, 1981, с. 21–36; Иванов, 1982, с. 53–55, 73; Кузьминых, 1982, с. 21, 22; Ашихмина, 1984, с. 45–188; Марков, 1996, с. 10, 11; Обыденнов, 1998, с. 43–72; Соловьев, 2000, с. 73–96, 134–149). Памятники наиболее раннего – займищенского – этапа рассматриваются в настоящее время как отдельный культурный тип (Лыганов, 2014).

Происхождение маклашеевской культуры связано с кругом автохтонных культур Волго-Уралья и Западной Сибири (их еще называют «андроноидными»), которые, начиная со второй четверти II тыс. до н.э., были частью огромного андроновского мира, заимствуя орнаментальные традиции в украшении глиняной посуды и характерные типы металлических изделия. Носителями андроновских традиций на территории Волго-Камья были луговская, а в Приуралье – черкаскульская

культуры. В середине II тыс. до н.э., вероятно, под влиянием природно-климатического фактора происходит трансформация этих культур, упрощается орнамент на керамике, на венчике или шейке сосудов появляются валики.

Распад культур андроновского мира привел к возникновению маклашеевской культуры на западе (рис. 1: 1) и межовской – на востоке (рис. 1: 2) (Обыденнов, 1998, С. 42; Колев, 2000, с. 250; Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23). Объединяет их наличие валиковой керамики, однако орнаментальные мотивы отличаются. Для атабаевской (раннемаклашеевской) керамики характерен ямочный орнамент по шейке, иногда в сочетании с горизонтальной «елочкой»; для межовской – отсутствие ямок и вертикальная «елочка». Остальные орнаментальные мотивы могут присутствовать на керамике обеих культур, но, как правило, межовский орнамент более богат, чем атабаевский. Впрочем, уже к рубежу II–I тыс. до н.э. формы и декор атабаевской и межовской керамики сближаются и приобретают близкие черты, характерные для маклашеевского керамического комплекса; на территории Башкирского Приуралья такую керамику часто относят к культуре курмантау.

Большую близость с атабаевской имеет керамика памятников атабаевско-кайбельского типа (рис. 1: 3), расположенных в Самарском и Ульяновском Поволжье (Колев, 2000, с. 250, 251, рис. 284–286).

Памятники Посурья и Помокшанья с керамикой аким-сергеевского типа также тяготеют к атабаевским (рис. 1: 4) (Ставицкий, 2008, С. 200–201, рис. 263–271), однако, в отличие от собственно атабаевских, межовских и атабаевско-кайбельских, в финале бронзового века их сменяет не маклашеевские, а текстильные древности (Ставицкий, 2008, с. 205); последнее, с учетом некоторого отличия в орнаментации от остальных культур атабаевского круга, может указывать на их различный генезис.

Ареал маклашеевской культуры охватывает поймы крупнейших рек Восточной Европы: Волги с притоками (Свияга и Сок) – на севере от рр. Цивиль и Большая Кокшага и на юге до Самарской Луки (то есть в географических границах Среднего Поволжья) и Камы – от р. Чусовой до камского устья, включая притоки Белую и Вятку (рис. 2). Согласно данным географического районирования, эти

территории относятся к Нижнему и южной части Среднего Прикамья.

В Среднем Поволжье носители маклашеевской культуры занимали территории на стыке бореальной и суббореальной ландшафтных зон: в Марийском, Нижегородском и частично Казанском Поволжье – подтаежную ландшафтную подзону; в Казанском, Марийском, Нижегородском и частично Ульяновском Поволжье – широколиственно-лесную ландшафтную подзону, постепенно переходящую в Казанском, Ульяновском и Самарском Поволжье в лесостепную ландшафтную подзону (Мильков, 1953, с. 202; Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Дедков, 1978, с. 73–93; 2008, с. 401–406, рис. 141; Ермолаев и др., 2007).

В Прикамье носители маклашеевской культуры также располагались на стыке ландшафтных зон. В Нижнем Прикамье и в бассейне р. Белой (вплоть до г. Уфа по левому берегу) они занимали территории лесостепной ландшафтной подзоны, переходящей в степную подзону Высокого Заволжья, а на правом берегу р. Кама располагались в подтаежной ландшафтной подзоне, в то время как на правом берегу р. Белой занимали ландшафтную подзону широколиственных лесов (Ермолаев и др., 2007; Дедков, 2008, с. 403, 404, рис. 141). В Среднем Прикамье, севернее устья р. Белой, носители маклашеевской культуры обитали в широколиственно-лесной и подтаежной ландшафтных подзонах, не заходя в подзону южной тайги (Исаченко, 1985; Исаченко, Шляпников, 1989; Раковская, Давыдова, 2001).

В пределах ареала памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры выделяются четыре локальные территориальные группы: 1 – средневожская; 2 – нижекамская; 3 – вятская; 4 – среднекамская, в которых насчитывается 200 поселений (рис. 2) (Халиков, 1980, с. 9). Все они являются селищами, городища отсутствуют. 172 памятника располагаются на первой и второй надпойменных террасах, 16 – в пойме на останцах первой/второй террас на дюнах, 12 – на высоких мысах коренного берега (Соловьев, 2000, с. 76, табл. 5; Чижевский, 2007, с. 96). Судя по данным полевых исследований, площадь поселений варьирует от 1 000 до 15 000 кв.м, но большая часть памятников – в пределах от 1 000 до 4 500 кв.м.

Все исследованные поселения относятся к местам постоянного обитания со значительным – до метра – культурным слоем. Практически на всех памятниках встречены слески меди, заготовки костяных и каменных орудий, кости домашних животных. Все это свидетельствует об отсутствии производственной специализации поселений, обитатели которых изготавливали все необходимое самостоятельно.

Стационарно исследовались 19 селищ. Судя по данным разведочных обследований и раскопок, на поселениях фиксируются котлованы жилых сооружений – от одного до 14. Как правило, жилища размещаются в один-два ряда параллельно реке, но бывают и другие способы застройки: в виде угла, полукруга, группы, неупорядоченной застройки (Халиков, 1980, с. 9; Соловьев, 2000, с. 76). Жилая застройка очень плотная, сооружения размещались в непосредственной близости друг от друга.

На поселениях атабаевского этапа маклашеевской культуры учтено 176 котлованов сооружений, 19 из которых исследовались раскопами (рис. 3). Выделяется три типа построек: 1) сооружения с заглубленным полом (22,2%) с глубиной котлована 1–20 см; 2) полуземлянки (55,6%), глубина котлована этих сооружений составляла 20–90 см; 3) землянки (22,2%) у которых глубина котлована превышала 90 см. Часто жилища соединялись тамбурными переходами; они зафиксированы в 55,3% случаев (Чижевский, 2007, табл. 2). А.Х. Халиков подчеркивал, что характерной особенностью атабаевских памятников является наличие жилых двукамерных построек, состоящих из двух котлованов, соединенных тамбуром (Халиков, 1980, с. 10).

Площадь построек разная: от 20 кв. м (Луговская II, жилище IV) до 100–150 кв. м (Мало-Кокузинская I), но наиболее часто встречаются постройки размером от 50 до 90 кв.м. Б.С. Соловьев отмечает, что в среднем размеры построек с углубленным полом несколько меньше, чем у сооружений с более глубоким котлованом (Соловьев, 2000, с. 77). Форма котлованов подчетыреугольная, причем встречаются как подквадратные, так подпрямоугольные постройки. Выявленные у стенок котлованов столбовые ямки в сочетании с параллельными им углистыми канавками свидетельствуют о каркасно-столбовой конструкции стен большей части построек,



однако не исключено наличие в отдельных котлованах введенных в них срубов. Столбовые ямы от опорных столбов в центре или около противоположных стенок котлована говорят о существовании различных типов перекрытия крыши: двускатного, наклонного односкатного и шатрового (Соловьев, 2000, с. 78).

В большей части построек (83,3%) отмечены очаги простой конструкции (от 2 до 5), либо в виде открытого очага, расположенного прямо на полу, либо в очажной яме; очень редко очаг дополнительно обкладывался кусками песчаника, обломками известняка или обмазывался глиной (Соловьев, 2000, с. 77; Чижевский, 2007, табл. 2). Наличие в заполнении большей части кострищ кухонных остатков (пережженной керамики и костей) свидетельствует об использовании их для приготовления пищи. Очаги не имели постоянного местоположения и могли размещаться как в центральной части постройки, так и возле входа или у стен котлована.

Керамический комплекс атабаевского этапа маклашеевской культуры еще во многом продолжает традиции луговской культуры. Это проявляется в использовании тех же элементов орнамента (ямки, резные линии и гребенчатый штамп), одинаковых мотивов декора (горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники и четырехугольники, горизонтальные линии), размещении орнамента на шейке и плечиках сосудов (рис. 4). Таковы же, как и ранее, примеси в глиняном тесте (шамот, дресва, песок), но резко возрастает количество сосудов с раковиной, достигая на некоторых памятниках почти 90% (Халиков, 1980; Соловьев, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Атабаевская керамика в основном плоскодонная (рис. 5: 2, 6, 7, 10, 13, 17, 20), хотя начинают распространяться и круглодонные формы (рис. 5: 1, 5, 8, 9, 14, 18, 19), причем по сравнению с луговскими сосудами у атабаевских значительно уменьшается диаметр дна относительно горловины; по всей вероятности, это явление связано с появлением круглодонной посуды. Широко распространенные ранее баночные формы керамики почти повсеместно исчезают, уступая место горшковидным сосудам (до 98%). Горловина типичного атабаевского сосуда, как правило, блоковидная, но встречаются и формы с низкой цилиндрической шейкой (до 17%). Ярким отличием атабаевской керамики явля-

ется налепной валик с острым или каплевидным краем, располагающийся у края венчика (до 78%), однако начинают распространяться и сосуды с узким воротничком (до 5–7% на отдельных памятниках).

Наиболее типичными орнаментальными мотивами были горизонтальные ряды небольших по размерам и неглубоких ямок или столь же небольших клиновидных углублений, расположенных в месте перехода шейки в тулово, иногда сгруппированных по три; горизонтальный зигзаг, выполненный гребенкой или резными линиями, который размещался на валике под срезом венчика или на плечиках; на части сосудов он заменялся косой сеткой, горизонтальными рядами перекрещивающихся отпечатков штампа или флажковым орнаментом; на плечиках часто присутствуют ряды горизонтальных линий, выполненных прочерчиванием, гребенчатым штампом или шнуром (Халиков, 1980; Соловьев, 2000). В целом атабаевский керамический комплекс отличается весьма характерными отличительными чертами как в форме сосудов, так и в орнаментации и заметно выделяется на фоне синхронных археологических культур. Некоторые локальные отличия в орнаментации проявляются при сравнении керамики Среднего и Нижнего Прикамья со средневожской и усть-камской: первая украшена богаче; сильны отличия с аким-сергеевской керамикой, в декоре которой доминировала гребенка.

В конце атабаевского этапа в западных районах распространения маклашеевской культуры появляется керамика с текстильными отпечатками поверхности, но с атабаевским орнаментом и характерным оформлением среза венчика в виде валика с острым краем.

Поселения атабаевского этапа маклашеевской культуры часто располагались на местах поселений луговской культуры; позднее здесь же селились носители маклашеевского этапа маклашеевской культуры, а затем и ананьинской КИО, поэтому культурный слой этих памятников сильно перемешан, что затрудняет верификацию той или иной вещи.

Тем не менее, ряд артефактов удалось надежно связать с атабаевским этапом маклашеевской культуры. Это, прежде всего, изделия из камня. На поселениях они представлены скребками различной формы (овальные с высокой спинкой, треугольные, концевые); одно- и двулезвийными ножами, изготовлен-

ными на массивных пластинах и отщепах; проколками; наконечниками стрел листовидной формы с округлым, прямым или приостренным основанием без выделенного черешка, редки наконечники с треугольным пером и выделенным черешком (Крижевская, Халиков, 1959; Халиков, 1980, табл. 35, 36; Соловьев, 2000). Характерно отсутствие крупных каменных орудий, связанных с деревообработкой, однако встречены фрагменты каменных молотов, массивные подтрапециевидной формы терочные плиты из сливного песчаника (длиной до 50 см и шириной до 13–25 см), овальные или дисковидные терочки.

Изделия из глины представлены линзовидными пряслицами двояковыпуклой, плоско-выпуклой и вогнуто-выпуклой форм, есть также пряслица в виде волчка, шаровидной формы и выточенные из стенок сосудов диски-пряслица (рис. 6). Способ использования дисков из стенок сосудов без отверстий, которые являются характернейшим элементом материальной культуры атабаевского этапа, до конца не понятен; возможно, они могли использоваться как ложила или игральные фишки.

Изделий из меди и бронзы на атабаевских памятниках известно немного – в основном это оружие, орудия, украшения, предметы быта, рыбной ловли, остатки металлообработки. В то же время к атабаевскому этапу можно отнести значительную серию случайных металлических находок, особенно из коллекции В.И. Заусайлова.

А.Х. Халиков связывал с этим этапом двуушковые кельты так называемого киммерийского типа (14 экз.) (рис. 7). Они в большинстве найдены вне комплексов поселений, могильников и кладов, однако территория их распространения совпадает с ареалом атабаевских памятников (Халиков, 1980, табл. 43), а одно из орудий происходит из размытого слоя Каентубинской островной стоянки (рис. 7: 2), содержащего атабаевскую керамику (Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 6: 9). От более поздних маклашеевских эту серию двуушковых кельтов отличает массивный валик-ободок по устью втулки и петли, выходящие непосредственно на край втулки.

Другая группа кельтов того времени представлена орудиями с лобным ушком, валиком-ободком по венчику втулки, зауженным лезвием, разноформатной (чаще вогну-

то-линзовидной) конфигурацией фасок, с орнаментом и без орнамента. Они известны в двух вариантах: массивные с симметричным клином и более грацильные с разноформатными фасками и асимметричным клином (25 экз.) (рис. 8). В первом случае имеется находка из комплекса – кельт из жилища 5 поселения Забойное на Средней Каме с керамикой близкой к атабаевской (рис. 8: 8) (Бадер, 1959, рис. 31, 32). Орудия с асимметричным клином известны по случайным находкам, но в пределах ареала памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры.

Кельты с лобным ушком и «пещеркой» появились в Волго-Камье в более раннее время – Дербеденевский клад, памятники сусканской культуры (Булычев, 1902, табл. VI, 3; Колев, 2000, рис. 12: 13). Дальнейшее их развитие связано с поздним (маклашеевским) этапом маклашеевской культуры, когда распространились грацильные кельты без валика-ободка по устью втулки и с симметричным клином; они становятся более короткими и широкими, приближаясь по своим параметрам к орудиям последующей – ананьинской – эпохи (Халиков, 1980, табл. 49: 8, 9).

Все относимые к раннему (атабаевскому) этапу маклашеевской культуры наконечники копий (12 экз. и литейная форма) найдены случайно (рис. 9, 10). Соотнесение их с ранним этапом базируется на находках этих изделий на территории атабаевских поселений, а также исходя из морфологических деталей оформления данной категории оружия и ее евразийских аналогов. Одной из культуропределяющих находок для атабаевской серии наконечников копий стала литейная форма с негативом непрорезного наконечника копья и ножа на стоянке Старый Стекольный завод (рис. 9: 2) (Tallgren, 1916, Pl. VII: 7; Халиков, 1980, с. 46, табл. 41: 3).

Типология наконечников копий основывается на разработках А.Х. Халикова и С.В. Кузьминых, которая была адаптирована к ПБВ (Халиков, 1977, с. 183, рис. 71; Кузьминых, 1983, с. 91). В основу начального типологического деления положено отсутствие или наличие прорезей на пере; далее учитывалось соотношение длины пера к расположению его наибольшего расширения, соответственно выделялись экземпляры с пером лавролистной и листовидной формы; другие детали и пропорции (длины пера к его наибольшей

ширине, длины пера и длины втулки, длина и ширина прорезей, наличие укрепляющего ободка вокруг прорезей и др.) учитывались при выделении конечных типологических разрядов.

Выделяются два блока наконечников копий.

I – со сплошным широким пером (0,41–0,67), втулка средней длины – 0,49–0,52; по форме пера выделяются две группы: I.1 – с лавролистным пером; наибольшее расширение пера приходится на середину или близ нее (0,54–0,6); I.2 – с листовидным пером; наибольшее расширение приходится на нижнюю часть пера (0,68–0,71) (рис. 9).

II – с прорезными крыльями пера (ширина отверстия 0,28–0,39, как исключение – 0,21), несколько более узким, чем у непрорезных копий, листовидным пером (0,34–0,53), короткой втулкой (0,11–0,26). Наибольшее расширение пера расположено несколько выше (0,6–0,68), чем у непрорезных экземпляров (рис. 10). Прорезы атабаевских наконечников несколько короче и уже, нежели у более ранних копий типа Кармановского клада (Кузьминых, 1981, рис. 5: 3), но длиннее и шире в отличие от более поздних собственно маклашеевских экземпляров. У большинства наконечников атабаевского этапа еще сохраняется укрепляющий валик вокруг прорезей; маклашеевские и ананьинские копыя его «теряют». Как реликтовая черта, он сохраняется в эпоху раннего железа лишь у некоторых типов наконечников копий иткульской культуры.

При раскопках атабаевских поселений и сборах на них выявлена серия бронзовых втульчатых (Ананьинское, Луговское II, Степное Озеро II и др.) и стержневидных (Малококузинское I) тесел и долот. Наиболее ранние тесла-долота со «слепой» (не раскованной) втулкой появляются в ПБВ в памятниках сейминско-турбинского типа (Матющенко, Синицына, 1988, рис. 38: 3; Черных, Кузьминых, 1989, с. 130). В Волго-Уралье они бытуют вплоть до начала раннего железного века (Кузьминых, 1983, рис. 80; табл. XLI: 10, 13). Атабаевская серия отличается от самых ранних (сейминско-турбинских) и поздних (ананьинских и иткульских) орудий массивным валиком-ободком по венчику втулки. Эта морфологическая деталь сближает их с более ранними втульчатыми криволезвийными (желобчатыми) долотами из Дербеденевского клада (Булычев, 1902, табл. VI, 3) и других

евразийских комплексов (Черных, 1976, табл. XXIX; Бочкарев, 2017, с. 192, № 92).

Украшения представлены круглыми бляхами со стержневидной, согнутой к ободу диска петлей на обороте (2 экз.) (рис. 11: 2), пронизками, свернутыми из тонкой листовой меди, височными подвесками из раскованной и подогнутой по краям узкой пластины<sup>2</sup> (рис. 11: 4, 5, 7). При изготовлении пластина сгибалась пополам, затем еще раз, в результате чего формовалась изящная желобчатая подтреугольная подвеска. Благодаря своей конструкции она могла надежно крепиться на налобном венчике и других элементах одежды. Такие украшения происходят из четырех поселений: Заюрчимского I, Балахчинского (Кузьминых, 1981, рис. 4: 4), Каентубинского островного, Карташихинского I. Бляхи со стержневидной петлей сравнительно редки в восточноевропейских памятниках, но они широко распространены в древностях азиатской зоны этого времени и финала поздне-бронзовой эпохи (Агапов, 1990, с. 183, 184).

К предметам быта можно отнести четырехгранные в сечении шилья (6 экз.) и ножи. С поселений и из случайных сборов с памятников атабаевского этапа маклашеевской культуры происходит 23 двулезвийных ножа, в основном с покатыми плечиками в основании клинка (рис. 12) (Халиков, 1980, табл. 42: 2, 3, 8, 9; и др.). Большая часть из них – с плоским черенком, без упора в виде перекрестья и перехвата, характерного для ножей более ранних археологических культур (абашевская, сейминско-турбинская, срубная и др.), и рельефного кольца или овала, который появился на ножах и кинжалах «андроноидных» культур и общности культур с валиковой керамикой. Лишь на изделии из Шаябинского поселения в профиле заметно отчетливое утолщение-упор; по всей вероятности, этот нож один самых ранних в атабаевской серии.

Ножи раннего этапа маклашеевской культуры имели узкие раскованные рукояти (0,33–0,54)<sup>3</sup> и широкий клинок (0,24–0,49)<sup>4</sup>; его наибольшее расширение приходится на

<sup>2</sup> Таких украшений всего 8 экз. с учетом находок из погребений.

<sup>3</sup> Относительная ширина рукояти рассчитывается как соотношение ширины черена в средней части к наибольшей ширине клинка.

<sup>4</sup> Относительная ширина клинка рассчитывается как соотношение ширины полотна в месте его наибольшего расширения к длине клинка.



нижнюю треть, прилегающую к плечикам (0,05–0,3)<sup>5</sup>. Выделяется два типа ножей: 1) с крутыми хорошо выраженными плечиками и прямыми лезвиями (7 экз.) и 2) с покатыми плечиками и эллипсовидными лезвиями (16 экз.) (рис. 12). Именно ножи второго типа являются классическими атабаевскими ножами.

Орудия рыболовства – крючки разных размеров найдены на ряде атабаевских поселений. Выделяются крючки с прямым и изогнутым цевьем, с кольцом или отверстием для крепления лески в верхней части и жальцем с рельефной бородкой; ширина и высота поддева различна, что свидетельствует о широком спектре отлавливаемых рыб.

Медные и бронзовые широкие слабоизогнутые серпы-секачи (типа орудий из Дербеденевского клада) с крюком-рукоятью и им подобные, а также узкие слабоизогнутые серпы с прямой рукоятью и отверстием для крепления (2 группа, по Б.Г. Тихонову), относимые А.Х. Халиковым к атабаевскому этапу, по современным представлениям относятся к культурам более раннего времени (Тихонов, 1960, с. 69; Халиков, 1980, табл. 46: 8–12; Кузьминых, 1981, рис. 4: 1, 2; 5: 1, 2; 7; 9; 10: 3, 4; Бочкарев, 2017, с. 190, № 54).

Начавшееся на атабаевском этапе маклашеевской культуры похолодание и увлажнение климата вызвали существенное сокращение земледелия по сравнению с луговским временем<sup>6</sup>. Это привело к увеличению роли скотоводства; в мясном потреблении доминировал крупный рогатый скот. Для примера, состав стада Гулюковской III стоянки представлен крупным рогатым скотом – 51,3%, лошадьми – 19,9%, мелким рогатым скотом – 15,6%, свиньями – 13,2% (Чижевский, 2010, с. 28).

В жизнеобеспечении атабаевского населения присваивающие отрасли хозяйства не играли заметной роли. По данным остеологии, охота была мало распространена, так как кости диких животных на поселениях едва превышают один процент (1,4%) при пода-

<sup>5</sup> Высота размещения наибольшего расширения клинка рассчитывается как отношение высоты плечика (т.е. длины расстояния от места перехода черена в клинок до наибольшего расширения клинка) к длине ножа.

<sup>6</sup> Один из авторов (С.В. Кузьминых) считает, что имеющихся доказательств наличия земледелия в Прикамье в эпоху поздней бронзы недостаточно.

вляющем преобладании домашних животных (Чижевский, 2010, с. 28). На основании немногочисленных находок бронзовых рыболовных крючков и костей рыбы (0,6%) трудно судить об истинном развитии рыболовства. Само топографическое положение атабаевских поселений на берегах и в поймах крупнейших европейских рек может свидетельствовать о его заметной роли.

На поселениях атабаевского этапа найдены многочисленные следы металлопроизводства (медная руда, шлаки, сплески, отходы литья иковки, чашевидные тигли, ложковидные льячки и др.). Однако ни на одном из селищ пока что не выявлены специализированные сооружения, связанные с металлургией и металлообработкой.

Сохранность немногочисленных изделий из кости очень плохая и позволяет лишь констатировать наличие косторезного ремесла, хотя отдельные сохранившиеся изделия, такие как рыболовный крючок из Мало-Кокузинского I поселения, свидетельствуют о высоком уровне развития обработки кости в это время.

Могильники раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры немногочисленны: Большеотарский I (1 погр.), могильник на Гулюковском III поселении (1 погр.), Луговской курганный (4 погр.), Рождественский I (4 погр.), Тураевский II (5 погр.), остатками разрушенного некрополя были находки на Лебединском VII поселении (2 погр.) (Збруева, 1960, с. 29–33; Генинг и др., 1962, табл. III, с. 9–11; Халиков, 1980, табл. 8; 9; Арматынская, 2007, с. 120, рис. 3: 5; 4: 7, 10).

Все шесть некрополей располагались на второй надпойменной террасе рр. Волга (Большеотарский I) и Кама (могильник на Гулюковском III поселении, Лебединский, Луговской курганный, Рождественский I, Тураевский II), а также на останце песчаной дюны (Большеотарский I).

Большеотарский I, могильник на Гулюковском III поселении, Лебединский, Луговской курганный и Тураевский II некрополи располагались на окраинах селищ; его размещение в окрестностях Рождественского I могильника не удалось установить.

Для атабаевского этапа маклашеевской культуры известно 10 погребений, у всех зафиксированы очертания могильных ям. Выделяются два типа<sup>7</sup> могильных ям: тип I

<sup>7</sup> Анализ погребального обряда произведен по

– подпрямоугольной формы средних пропорций с соотношением длины и ширины от 1,7 : 1 до 2,3 : 1 (8 экз.); тип II – широкие и короткие подчетырёхугольной, близкой к подквадратной формы с соотношением длины и ширины 1,3 : 1 (2 экз.).

Все могилы – простые грунтовые ямы без дополнительных элементов конструкции; перекрытия и настил не зафиксированы. Элементы обкладки стенок сохранились лишь в Луговском могильнике (кург. 2, погр. 2-3) в виде камней; в остальных ямах такую роль, вероятно, играла обкладка из органических материалов.

Во всех могилах выявлено десять скелетов людей разной сохранности; половозрастные определения не производились, хотя на Тураевском II могильнике зафиксировано детское погребение (№ 51). Все захоронения – одиночные; в шести случаях определена поза погребенных: поровну вытянутое на спине и скорченное (в разной степени скорченности) на правом боку. Необходимо отметить, что погребения в вытянутом положении размещались в ямах I типа, а в скорченном – в ямах II типа. Таким образом, можно утверждать, что могильные ямы рылись по длине тела с небольшим превышением длины.

Кости рук погребенных в ямах I типа были вытянуты вдоль тела или лежали на тазовых костях, в ямах II типа согнуты в локтях и располагались перед грудью.

Ориентировка определена для 9 погребений; она неустойчива: головой на В ориентировано 2 костяка, на ЮВ – 5, на С – 1, на З – 1. Речная ориентация не характерна: 2 погребения расположены параллельно реке (озеру), 5 – головой к реке, 2 – ногами к реке.

Только в четырех погребениях сопровождающий инвентарь отсутствовал, в остальных зафиксировано семь категорий инвентаря, которые относятся к оружию, украшениям, предметам быта и керамике.

Предметы вооружения, представленные кинжалом и двумя кельтами, были найдены на территории разрушенного Лебединского могильника. Двулезвийный кинжал имеет широкое лезвие, узкую рукоять и является увеличенной в размерах копией ножа атабаевского типа. Кроме того, здесь были найдены два кельта: двуушковый и с лобным ушком.

методике В.С. Ольховского (1991), адаптированной для культур предананьинского и ананьинского времени А.А. Чижевским (2008).

Характер размещения предметов в могильной яме не выявлен.

Украшения, известные в погр. 1 Большеотарского I, погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении, погр. 2-3 кург.2 Луговского курганного, погр. 10 Тураевского II могильников, представлены круглыми бляхами с петлей на обороте; полушарными бляшками-обоймицами без петли (60 экз.) от кожаного нагрудника (они крепились к основе треугольными выступами по краю), височными желобчатыми подвесками подтреугольной формы (погр. 1 Большеотарского I могильника, 2 экз.; погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении; возможно, остатки таких же подвесок выявлены в погр. 10 Тураевского II могильника). В погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении, кроме того, расчищена пронизь из трубчатой кости животного.

Из погр. 1 Большеотарского I могильника происходят двулезвийный нож атабаевского типа и проколка с рукояткой из трубчатой кости барана. В погр. 1 могильника на Гулюковском III поселении выявлен фрагмент конкреции кварцита и днище круглодонного сосуда.

В остальных погребениях и в насыпи кург. 1 Луговского курганного могильника выявлена лишь глиняная посуда, представленная круглодонными и плоскодонными сосудами с характерным атабаевским острым или круглым каплевидным валиком, или узким воротничком. Керамика украшена типичным для атабаевского этапа орнаментом (горизонтальные ряды ямок или клиновидных углублений, двойные оттиски наклонного штампа, горизонтальный зигзаг, флажки и т.д.).

Для раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры характерен подкурганый обряд захоронения. Он зафиксирован на Луговском курганном могильнике и реконструируется для Большеотарского I, Рождественского I и Тураевского II. На основании данных Луговского могильника можно утверждать, что умерших хоронили под небольшими курганами диаметром 7–11 м и высотой насыпи 0,5–1 м, которые располагались на расстоянии 8–40 м друг от друга. Под курганной насыпью размещались одиночные погребения. На таком же расстоянии размещались одиночные погребения на могильниках с не выявленными курганными насыпями: Рождественском I и Тураевском II (от 7 до

22 м и более)<sup>8</sup>. Курганная насыпь не выявлена и у одиночного погр. 1 Большеотарского I могильника.

Судя по находкам на поверхности погребенной почвы под курганной насыпью фрагментов керамики и целых сосудов, погребения умерших людей сопровождались поминальными обрядами.

Хронология атабаевского этапа базируется на аналогиях вещам и стратиграфии комплексов поселенческой керамики. Исследование селищ конца бронзового века позволило установить относительную хронологию атабаевского этапа маклашеевской культуры, которому предшествуют керамические комплексы луговской культуры (14 поселений) и перекрывают слои, содержащие керамику маклашеевского этапа (69 поселений) (Халиков, 1969; 1980, с. 9; Габяшев и др., 1976).

Комплексы с керамикой атабаевского типа традиционно датируют XII–XI вв. до н.э. или XIII–XII вв. до н.э. (Халиков, 1967, с. 13, рис. 1; Колев, 2000, с. 251), однако в последние годы проявилась тенденция к удревнению атабаевского этапа вплоть до XIV–XIII вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Для датировки в системе абсолютной хронологии нами использовался сравнительно-типологический анализ с опорой на предметы-хроноиндикаторы. В качестве датирующих предметов привлекались металлические изделия: кельты – двуушковые и с лобным ушком, втульчатые тесла-долота, желобчатые височные подвески.

Большая часть предметов относится к выделенной В.С. Бочкаревым V группе металлических изделий ПБВ Восточной Европы, куда входят кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и валиком-ободком по его венчику – типы П.5.1, П.5.2 (по: Ушурелу, 2010, с. 35, рис. 8: 4–8, 10, 13), а также массивные кельты с лобным ушком, разноформатными фасками и таким же укрепляющим валиком по устью втулки – варианты Лебедино и Крестище (по: Гершкович и др., 2013) и криволезвийные тесла-долота с валиком-ободком по венчику втулки (Бочкарев, 2017, с. 173, 174, рис. 10).

Время существования кельтов с двумя ушками, петли которых примыкают к краю

<sup>8</sup> Погребения взрослого человека (№45) и детского (№51) в Тураевском II могильнике были разделены расстоянием 3 м.

втулки, определяется в промежутке между лобойковско-головуровскими и кардашинскими типами кельтов, то есть XIV–XIII вв. до н.э. (Гершкович и др., 2013, с. 191).

Втульчатые тесла-долота появляются в начале позднебронзовой эпохи. Они известны еще в сейминско-турбинских комплексах (Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 38: 3; Черных, Кузьминых, 1989, рис. 23: 3–5), но без упрочняющего валика по устью втулки. Эта деталь появляется на постсейминских кельтах в комплексах типа Дербеденевского клада (XVI–XV вв. до н.э.), который соотносится с горизонтом андронидных культур Волго-Камья (луговской, сусканской, черкаскульской) (Кузьминых, 1981, с. 60, прим. 58; Ушурелу, 2010, с. 54; Uşurelu, 2011, p. 50, n. 5; Бочкарев, 2017, с. 172, 173), но наибольшее распространение такие тесла-долота получают уже на атабаевском этапе маклашеевской культуры.

Аналогии втульчатым теслам-долотам и двуушковым кельтам типа П.5.1 и П.5.2 присутствуют в материалах периода IV и, частично, IA северо-западного Причерноморья, где они датируются XIV–XIII вв. до н.э. (Дергачев, 2011, с. 249, 251, 253, 255, рис. 157: 8, 20, 92, 94, 99, 100).

Кельты с лобным ушком являются, по всей видимости, продукцией местного – волгокамского – производства (Халиков, 1980, с. 45; Гершкович и др., 2013, с. 193), поэтому аналогии им вне Волго-Камья малочисленны. Тем не менее, находки этих изделий совместно с двуушковыми кельтами, петли которых примыкают к краю втулки, в составе клада в Крестище (Гершкович и др., 2013, рис. 1, 3) и на размытом Лебединском могильнике (Халиков, 1969, рис. 57: 7–9) позволяют распространить время бытования двуушковых кельтов данного типа на массивные кельты с лобным ушком и валиком-ободком по устью втулки.

Важное значение имеют материалы погр. 1 Балымского могильника, которое содержало в составе своего погребального инвентаря желобчатые височные подвески. В отличие от подвесок, распространенных в более ранних культурах (абашевская, синташтинская, петровская, срубная, алакульская, федоровская и др.) и сделанных из одинарной раскованной пластины, они изготавливались из сложенной вдвое и раскованной пластины. Подобные украшения найдены также на четырех поселениях, поэтому могут рассматри-



ваться как типичные для атабаевского этапа маклашеевской культуры, и их датировка может объективно отражать время существования памятников этапа в целом.

К сожалению, круг аналогий подвескам балымского типа невелик, в настоящее время известна только одна находка такого типа в Зауралье на поселении Оськино Болото пахомовской культуры (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009, рис. 3). Следует отметить, что на данном поселении была выявлена и бляшка с вытянутой и загнутой внутрь петель, аналогичная находке из погр. 1 Балымского могильника (Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал., 2009, рис. 3). Нижняя дата существования пахомовской культуры XIV в. до н.э. не вызывает дискуссии, а вот оценки верхнего горизонта её существования у разных исследователей разнятся – от XIII в. до н.э. (Корочкова, 2009, с. 83) до XI в. до н.э. (Ткачев Ал.Ал., 2017, с. 14–15).

Таким образом, по совокупности датировок предметов-хроноиндикаторов время существования атабаевского этапа маклашеевской культуры определяется в границах XIV–XIII вв. до н.э., в рамках третьего периода развития Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Кузьминых,

Дегтярева, 2006, с. 251–254; Агапов, Дегтярева, Кузьминых, 2012, с. 44).

Изменение вещевого комплекса маклашеевской культуры на следующем – позднем (маклашеевском) – этапе (XII–X вв. до н.э.) было обусловлено миграцией носителей средневожской культуры текстильной керамики (СКТК) с запада – из Нижегородско-Марийского Поволжья. Взаимодействие СКТК с носителями атабаевского керамического комплекса привело к оформлению классического стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической или блоковидной горловиной, орнаментированной по шейке ямками, размещенными группами от двух до пяти, а также оттисками гребенчатого штампа и резными линиями. Одновременно с этим происходит полное вытеснение скорченного обряда погребения вытянутым на спине и массовое распространение грунтовых могильников, меняется погребальный и поселенческий инвентарь. Однако в декоре керамики по-прежнему присутствуют атабаевские мотивы и композиции, а значительная часть поселений и некоторые маклашеевские могильники продолжают существовать на месте более ранних – атабаевских.

## ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Дис. ... канд. ист. наук. Т. 1–2. М.: ИА АН СССР, 1990 / Архив ИА РАН, Р–2, №№ 2336, 2337.
- Агапов С.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Металлопроизводство восточной зоны общности культур валиковой керамики // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 44–59.
- Алабин П.В. Ананьинский могильник // ВРГО. Ч. XXIX. № 6. 1860. С. 87–120.
- Арма́тынская О.В. Тураевский II могильник и Икское III поселение // УАВ. Вып. 6–7 / Отв. ред. Г.Н. Гарустович. Уфа: Гилем, 2007. С. 121–130.
- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная культура финно-угров Приуралья. Ижевск: Удм ГУ, 1977. С. 93–138.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ). Т. 1. канд. дисс. Сыктывкар, 1984. 211 с.
- Бадер О.Н. Поселение Забойное I // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: ИА АН СССР, 1959. С. 25–62.
- Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.
- Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1902. 33 с., XIII табл.
- Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1976. С. 3–34.
- Генинг В.Ф., Старостин П.Н. Кумысские стоянки и могильник // ОНКАЭ. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 87–104.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: КГУ, 1962. 128 с.

*Генинг В.Ф., Совцова Н.И.* О западносибирском компоненте в сложении ананьинской этнической общности // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 51–71.

*Гершкович Я.П., Панковский В.П., Шамрай А.В.* Клад бронзовых изделий из леса у села Крестище (Славянский р-н Донецкой области, Украина) // Revista Arheologică. Serie nouă. 2013. Vol. IX. Nr. 1. Pp. 188–197.

*Горюнова Е.И.* Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. № 9–10. С. 171–179.

*Дедков А.П.* Рельеф // Природные условия Ульяновской области. Казань: КГУ, 1978. С. 73–101.

*Дедков А.П.* Основные черты развития рельефа [Поволжья и Прикамья]. Геоморфологическое районирование // А.П. Дедков. Избранные труды. Казань: КГУ, 2008. 397–409.

*Денисов В.П.* Культуры эпохи бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 29–50.

*Дергачев В.А.* Кельты и серпы Нижнего Подунавья / Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Задунья. Вып. 2. Кишинев: ИКН АНМ, 2011. 460 с.

*Ермолаев О.П., Игонин М.Е., Бубнов А.Ю., Павлова С.В.* Ландшафты Республики Татарстан. Региональный ландшафтно-экологический анализ. Казань: Слово, 2007. 411 с.

*Збруева А.В.* Ананьинский могильник // СА. 1937. Т. II. С. 95–111.

*Збруева А.В.* Из работ Куйбышевской экспедиции // КСИИМК. 1941. Вып. X. С. 108–111.

*Збруева А.В.* Памятники поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. №80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 10–95.

*Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ, 1982. С. 52–77.

*Исаченко А.Г.* Ландшафты СССР. Л.: ЛГУ, 1985. 320 с.

*Исаченко А.Г., Шляпников А.А.* Ландшафты. М.: Мысль, 1989. 504 с.

*Калинин Н.Ф.* Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. М.: НИИ КИМР, 1948. С. 179–186.

*Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 / Труды КФАН СССР. Серия исторических наук. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.

*Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1954а. С. 157–246.

*Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев, А.Е. Мамонов, М.А. Турецкий. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242–301.

*Корочкова О.Н.* Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 75–84.

*Крижевская Л.Я., Халиков А.Х.* Каменный инвентарь поселений эпохи бронзы в Казанском Поволжье (по материалам работ Куйбышевской экспедиции ИИМК и археологических экспедиций КФАН СССР) // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. Вып. 2 / Отв. ред. Х.Ф. Хайруллин. Казань: КФАН СССР, 1959. С. 119–156.

*Кузьминых С.В.* Некоторые итоги спектроаналитического изучения цветного металла ананьинской культурно-исторической общности // Материалы IV конференции молодых научных работников [ИЯЛИ КФАН]. Казань: КФАН СССР, 1976. С. 58–60.

*Кузьминых С.В.* Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1981. С. 41–70.

*Кузьминых С.В.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ, 1982. С. 13–28.

*Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

*Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д.* Поздний бронзовый век // Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М.: МГУ, 2006. С. 219–270.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

Лыганов А.В. К проблеме выделения займищенского культурного типа начала позднего бронзового века в Среднем Поволжье // Актуальные вопросы российской археологии / Науч. ред. В.А. Шаталов. Казань: ЦИАИ, 2014. С. 8–16.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья: ТД. Казань: НЦАИ АН РТ, 1996. С. 10–12.

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание. М.: АН СССР, 1953. 263 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / ТМАЭ. Т. VII. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Прокошев Н.А. Памятники эпохи бронзы в устье Камы // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 59–66.

Раковская Э.М., Давыдова М.И. Физическая география. Ч. 1. М.: ВЛАДОС, 2001. 288 с.

Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. № 4. С. 11–24.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Смолин В.Ф. Археологические разведки в ЧАССР // ИОАИЭ. 1933. Т. 33. С. 15–32.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Ставицкий В.В. Бронзовый век // Археология Мордовского края: каменный век, эпоха бронзы / Общ. ред. В.В. Ставицкий, В.Н. Шитов. Саранск: НИИГНПРМ, 2008. С. 134–209.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа / МИА. № 90 / Отв. ред. О.Н. Бадер, С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1960. С. 5–115.

Ткачев Ал.Ал. Культурно-исторические процессы в эпоху поздней бронзы на территории лесостепного и южнотаежного Тоболо-Иртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул: АГУ, 2017. 26 с.

Ткачев А.А., Ткачев, Ал.Ал. Пахомовский комплекс поселения Оськино Болото // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 81–89.

Ушурелу Е. Генезис и эволюция двушковых топоров-кельтов Восточной Европы эпохи поздней бронзы // Revista Arheologică. Serie nouă. 2010. Vol. X. Nr. 1. Pp. 22–67.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы / ТМАЭ. Т. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 188 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь, 1967. С. 7–28.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 263 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Худяков М.Г. К посещению Казани В.А. Городцовым // КМВ. 1920. № 7–8. С. 117–118.

Худяков М.Г. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. Казань: Тип. Комбината изд-ва и печати «Восток», 1923. С. 72–126.

Худяков М.Г. Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея Татарской АССР / Ред. кол. Н.И. Воробьев и др. Казань: 1-я гос. тип. «Красный печатник», 1930. С. 11–14.



Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области. Введение в историю народа мари / ИГАИМК. Вып. 141. М.-Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935. 132 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Чижевский А.А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II – начала I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 3 / Отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: Алма-Лит, 2007. С. 93–112.

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013. № 2. С. 40–63.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. 2010. № 2 (27). С. 25–30.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. Т. II: Приложение. М.: Синодал. тип., 1881. 125 с.

Chudjakov M. Die Ausgrabungen von P.A. Ponomarev in Maklašeevka im Jahre 1882 // FUF. 1926. Bd. XVII. S. 14–26.

Uşurelu E. Apariția și evoluția topoarelor-celt cu urechiușă frontală în epoca bronzului din Europa de Est // Revista Arheologică. Serie nouă. 2011. Vol. VII. Nr. 1–2. Pp. 47–54.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p., XVI pl.

### Информация об авторах:

**Чижевский Андрей Алексеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); [chizhevski@mail.ru](mailto:chizhevski@mail.ru)

**Лыганов Антон Васильевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); [ligaant@ Rambler.ru](mailto:ligaant@ Rambler.ru)

**Кузьминых Сергей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), чл.-корр. Германского археологического института (г. Берлин, Германия), зарубежный член Финского общества древностей (г. Хельсинки, Финляндия); [kuzminykhsv@yandex.ru](mailto:kuzminykhsv@yandex.ru)

## EARLY (ATABAEVO) STAGE OF MAKLASHEEVO CULTURE

**A.A. Chizhevsky, A.V. Lyganov, S.V. Kuzminykh**

Maklasheevo culture corresponds to the end period of the Bronze Age in the Volga-Kama region. It established after the collapse of Andronovo Cultural and Historical Community as a result of a transformation of Lugovskaya culture. At the early Atabaevo stage of Maklasheevo culture it spreads across the territory of the Middle Volga region, and the Lower and the Southern parts of the Middle Kama. Extensive field work at the monuments of the Atabaevo stage have allowed the authors provide a detailed description of the material culture and identify the boundaries and planigraphy of the settlements. Despite the insufficient knowledge of the burial grounds, they could reconstruct the funeral rite on the basis of under-barrow burials with the deceased located in a crouched or stretched positions on their backs with a scarce funerary inventory, including weapons, jewelry, household items and ceramics. The chronology of the Atabaevo stage of Maklasheevo culture is based on a comparative typological analysis with a focus on chronological indicators: the Celtic “Cimmerian” double-lug and front-lug socketed adzes-chisels, and grooved temple pendants. Based on the available counterparts, the existence period of the Atabaevo stage of Maklasheevo culture has been identified as the 14<sup>th</sup>-13<sup>th</sup>

centuries B.C. within the framework of the third development period of Western Asian (Eurasian) metallurgical province.

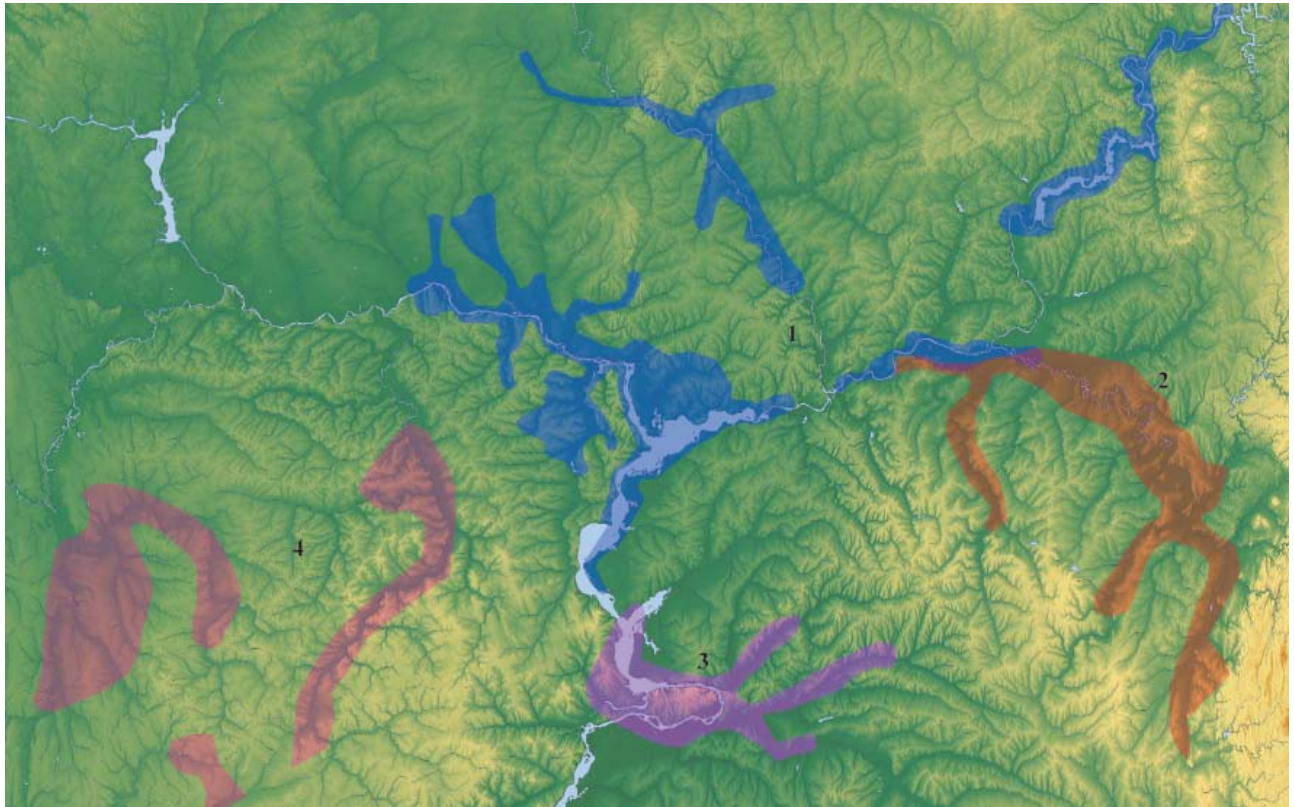
**Keywords:** archaeology, Volga-Kama region, Late Bronze Age, Atabaevo stage of Maklashevo culture, material culture, burial rite, chronology

**About the Authors:**

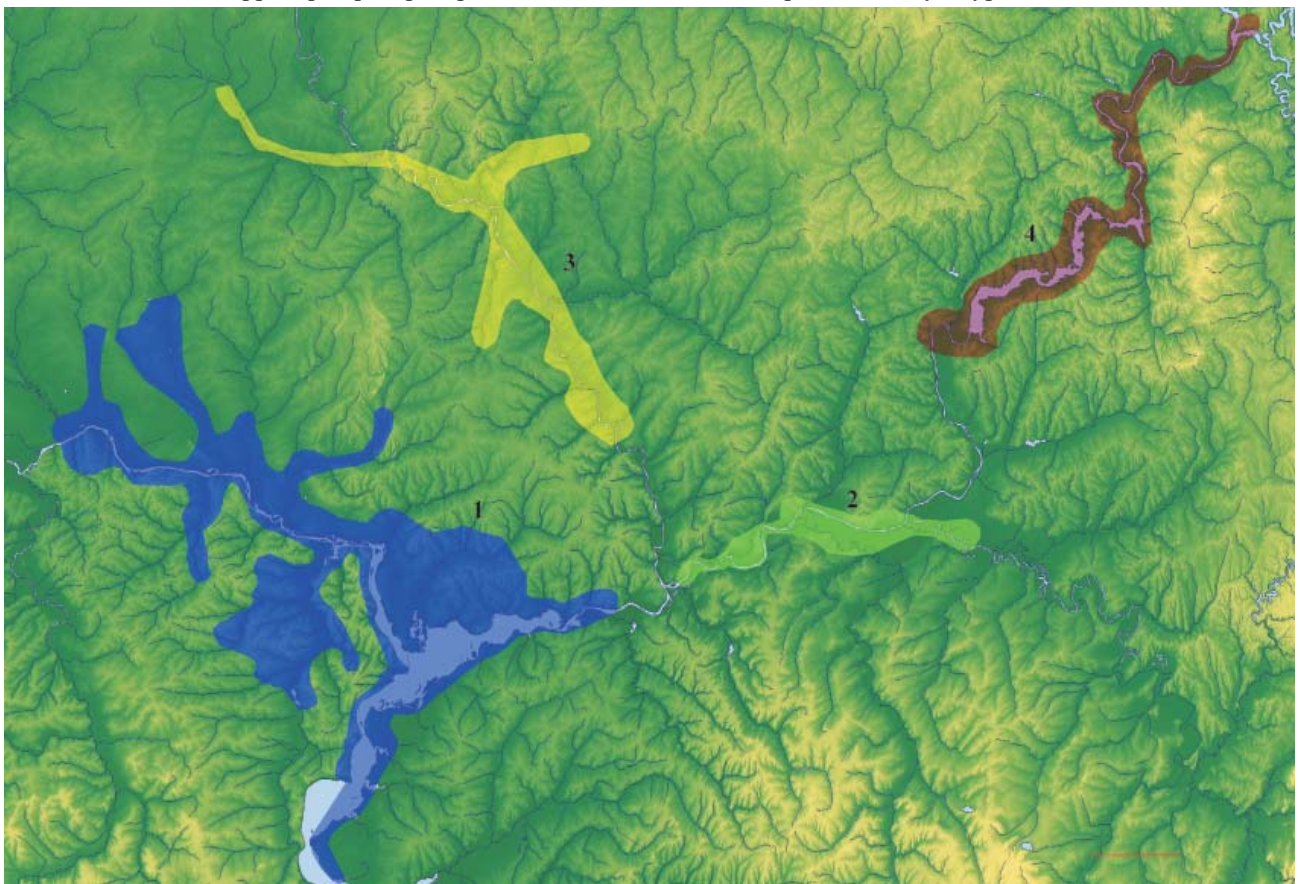
**Chizhevsky Andrei A.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

**Lyganov Anton V.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ligaant@rambler.ru

**Kuzminykh Sergei V.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

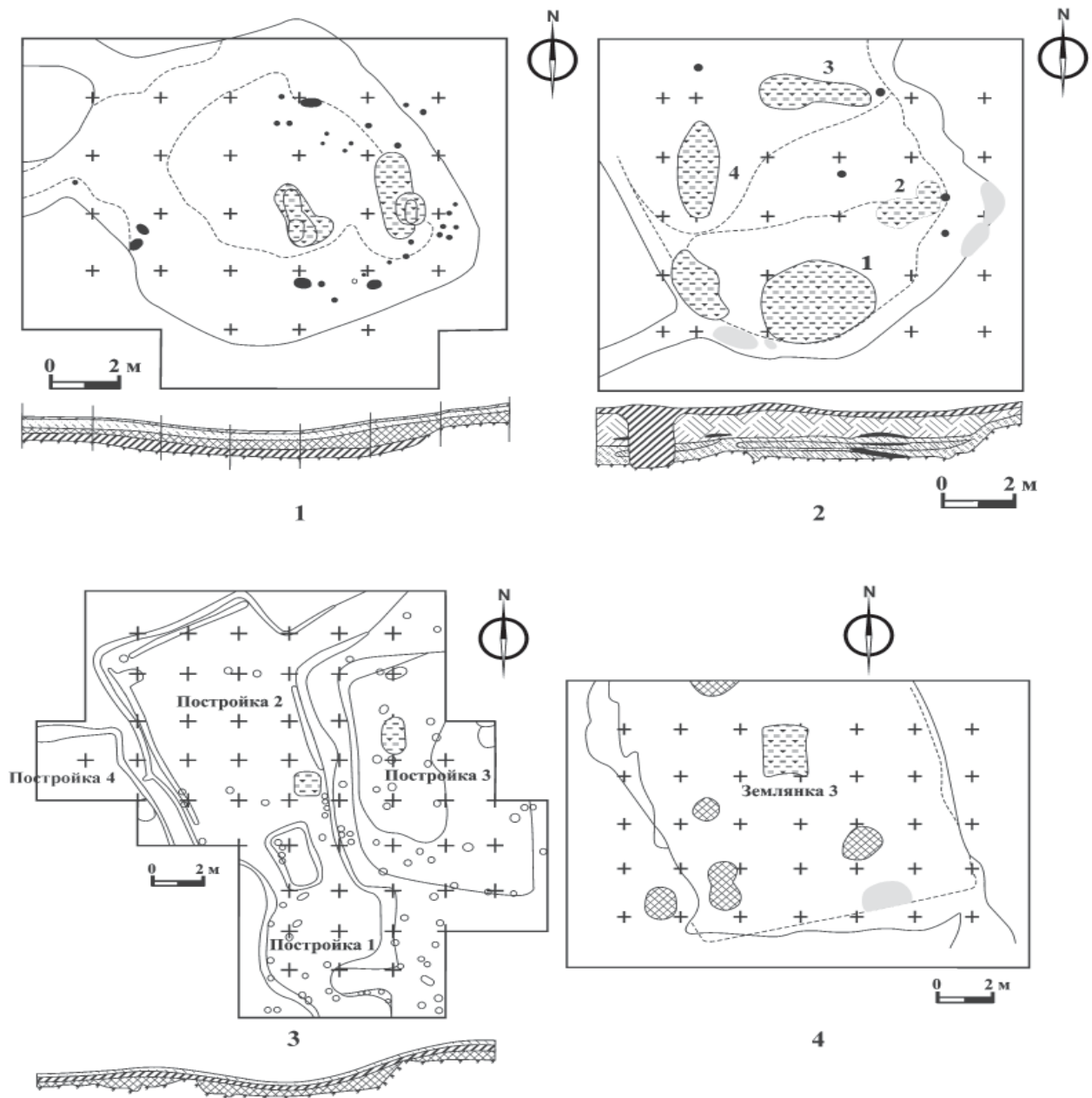


**Рис. 1.** Ареалы культур постандроновского времени в Волго-Камье: 1 – территория распространения памятников раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры; 2 – территория распространения памятников межовской культуры; 3 – территория распространения памятников атабаевско-кайбельского культурного типа; 4 – территория распространения памятников аким-сергеевского культурного типа.

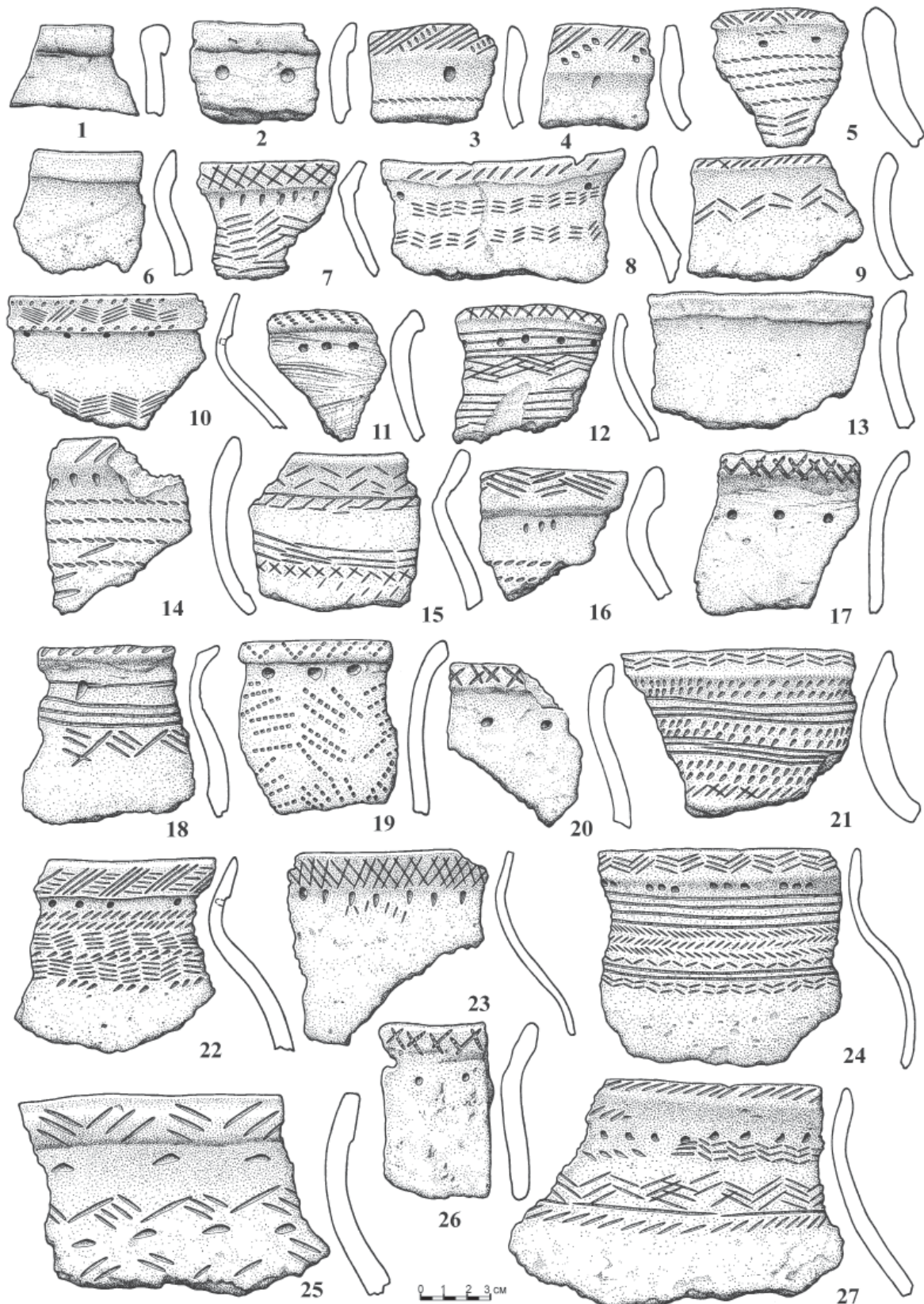


**Рис. 2.** Локальные территориальные группы памятников раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры: 1 – средневожская; 2 – нижекамская; 3 – вятская; 4 – среднекамская.



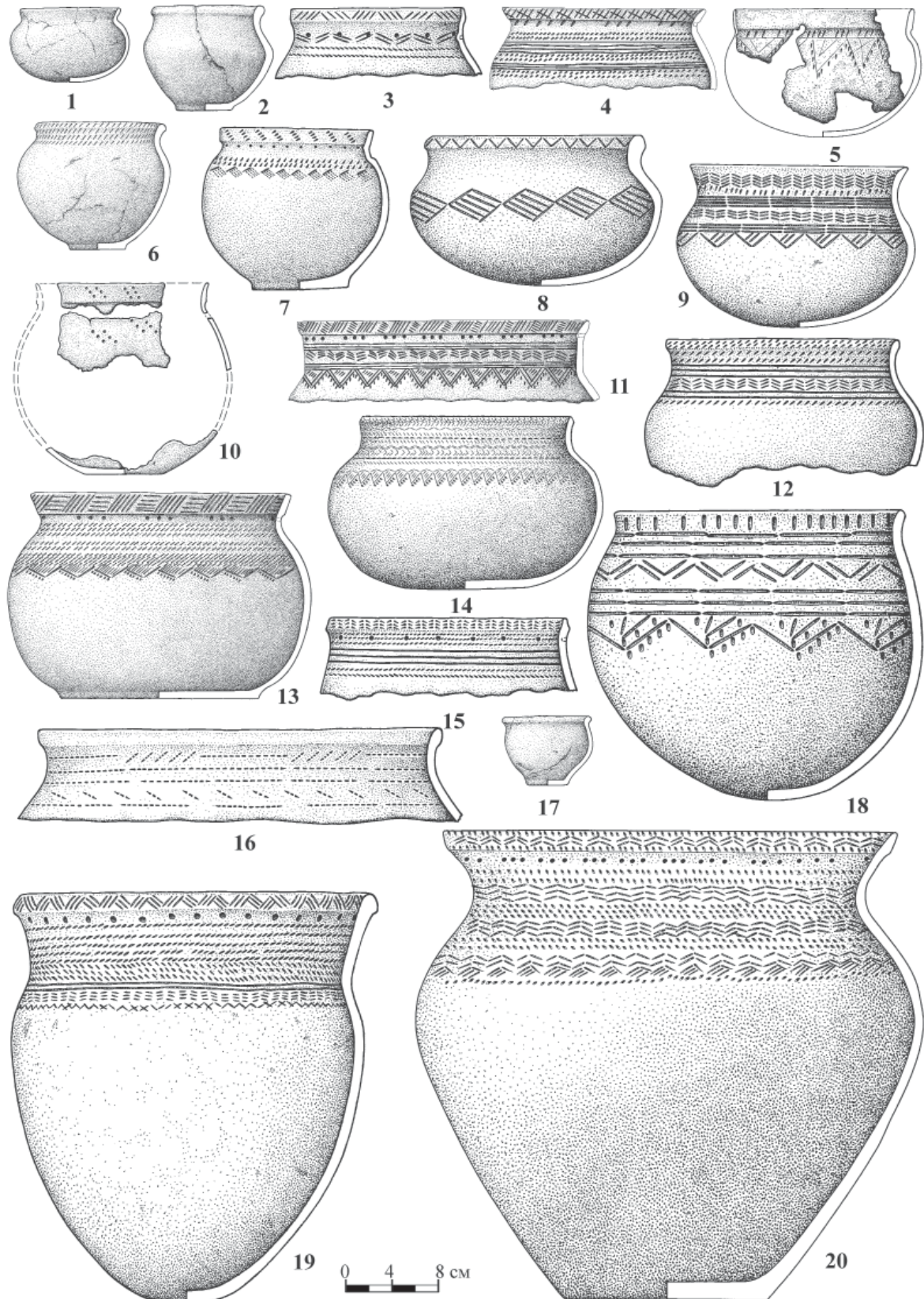


**Рис. 3.** Котлованы жилых сооружений на поселениях раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – Займищенская II стоянка, соор. 1, по Калинин, Халиков, 1954а; 2 – Атабаевская стоянка I, по Калинин, Халиков, 1954а; 3 – Ошутьяльское III поселение, соор. 1–4, по Никитин, Соловьев, 2002; 4 – Гулькинская I стоянка, землянка 3, по Збруева, 1960.



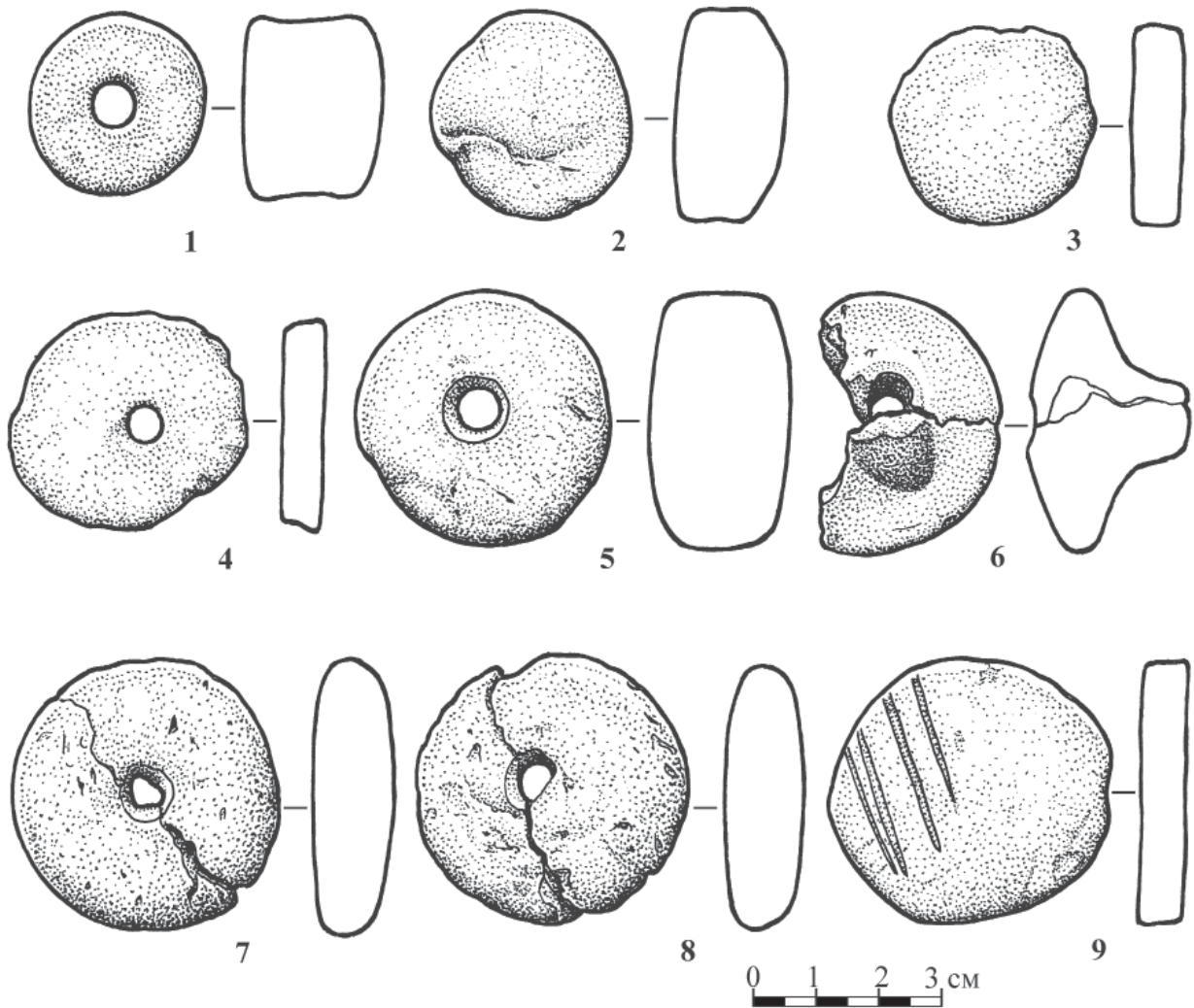
**Рис. 4.** Поселенческая керамика раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры: 1 – Карташихинская I стоянка; 2 – Карташихинская I стоянка; 3 – Гулькинская I стоянка; 4 – Карташихинская I стоянка; 5 – Луговская II стоянка; 6 – Каентубинская островная ст.; 7 – Курманаковская IV стоянка; 8 – Луговская II стоянка; 9 – Луговская II стоянка; 10 – Каентубинская островная ст.; 11 – Карташихинская I стоянка; 12 – Карташихинская II стоянка; 13 – Луговская I стоянка; 14 – Гулькинская I стоянка; 15 – Гулькинская I стоянка; 16 – Гулькинская I стоянка; 17 – Карташихинская I стоянка; 18 – Гулькинская I стоянка; 19 – Карташихинская I стоянка; 20 – Карташихинская I стоянка; 21 – Луговская I стоянка; 22 – Каентубинская островная ст.; 23 – Курманаковская IV стоянка; 24 – Луговская II стоянка; 25 – Гулькинская I стоянка; 26 – Карташихинская I стоянка; 27 – Луговская II стоянка.



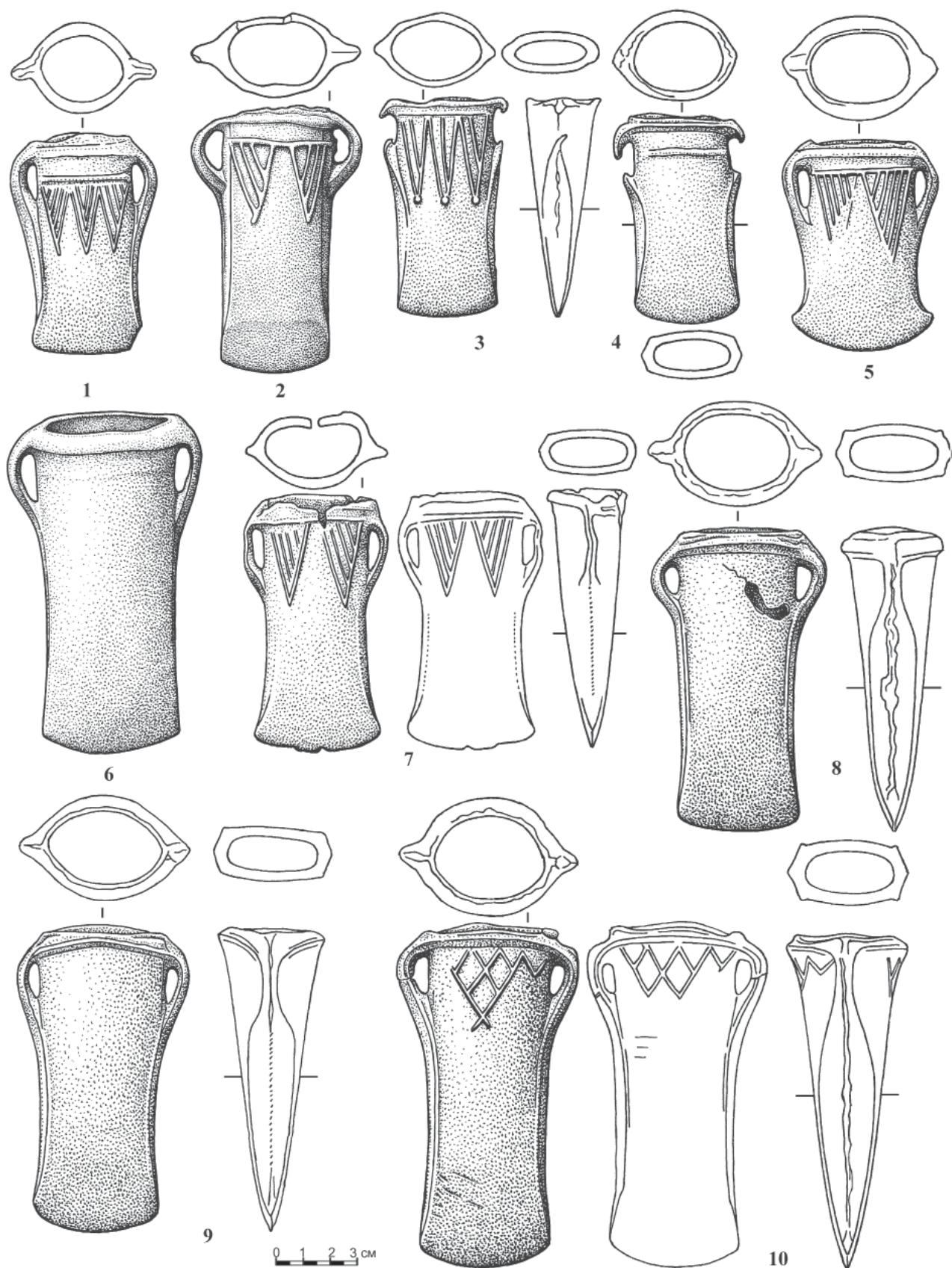


**Рис. 5.** Целые и реконструируемые формы керамики раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – Луговские курганы, 1947, к.1, погр.2; 2 – Луговская II стоянка; 3 – Луговская II стоянка; 4 – Каентубинская островная стоянка; 5 – Рождественский могильник погр.2; 6 – Луговские курганы, кург. 3, погр.1; 7 – Луговские курганы, кург. 1; 8 – Рождественский I, погр. 1; 9 – Балымский могильник погр.1; 10 – Тураевский могильник, погр. 10; 11 – Каентубинская островная стоянка; 12 – Луговская II стоянка; 13 – Гулюковская III стоянка; 14 – Гулюковская III стоянка; 15 – Луговская II стоянка; 16 – Луговская II стоянка; 17 – Луговская IV стоянка; 18 – Большеотарская (Балымская) I стоянка; 19 – Луговская II стоянка; 20 – Ильичевская стоянка.



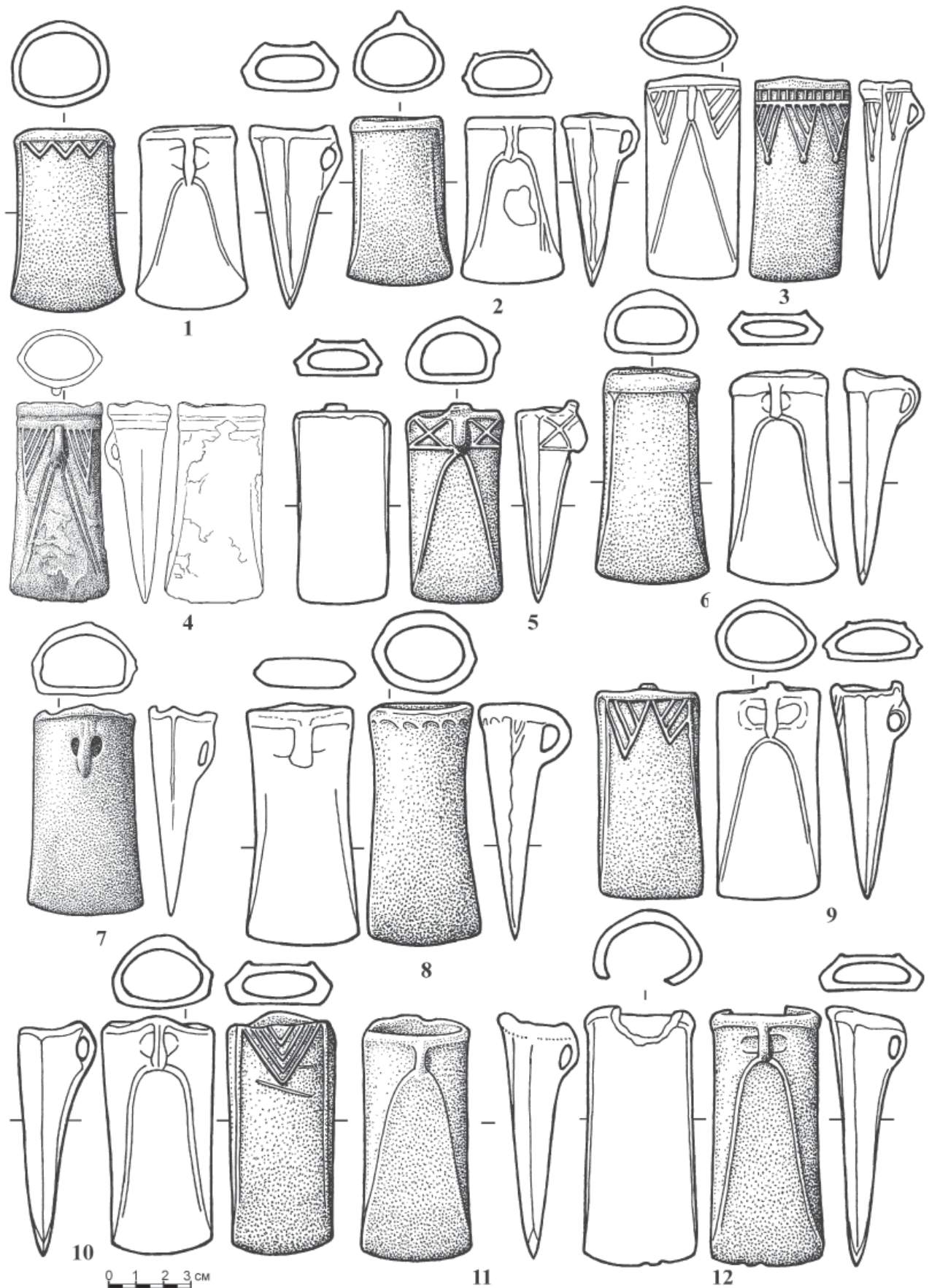


**Рис. 6.** Пращица раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры: 1 – Луговская I стоянка; 2 – Карташихинская I стоянка; 3 – Гулькинская I стоянка; 4 – Гулькинская I стоянка; 5 – Карташихинская I стоянка; 6 – Карташихинская I стоянка; 7 – Карташихинская I стоянка; 8 – Карташихинская I стоянка; 9 – Гулькинская I стоянка.



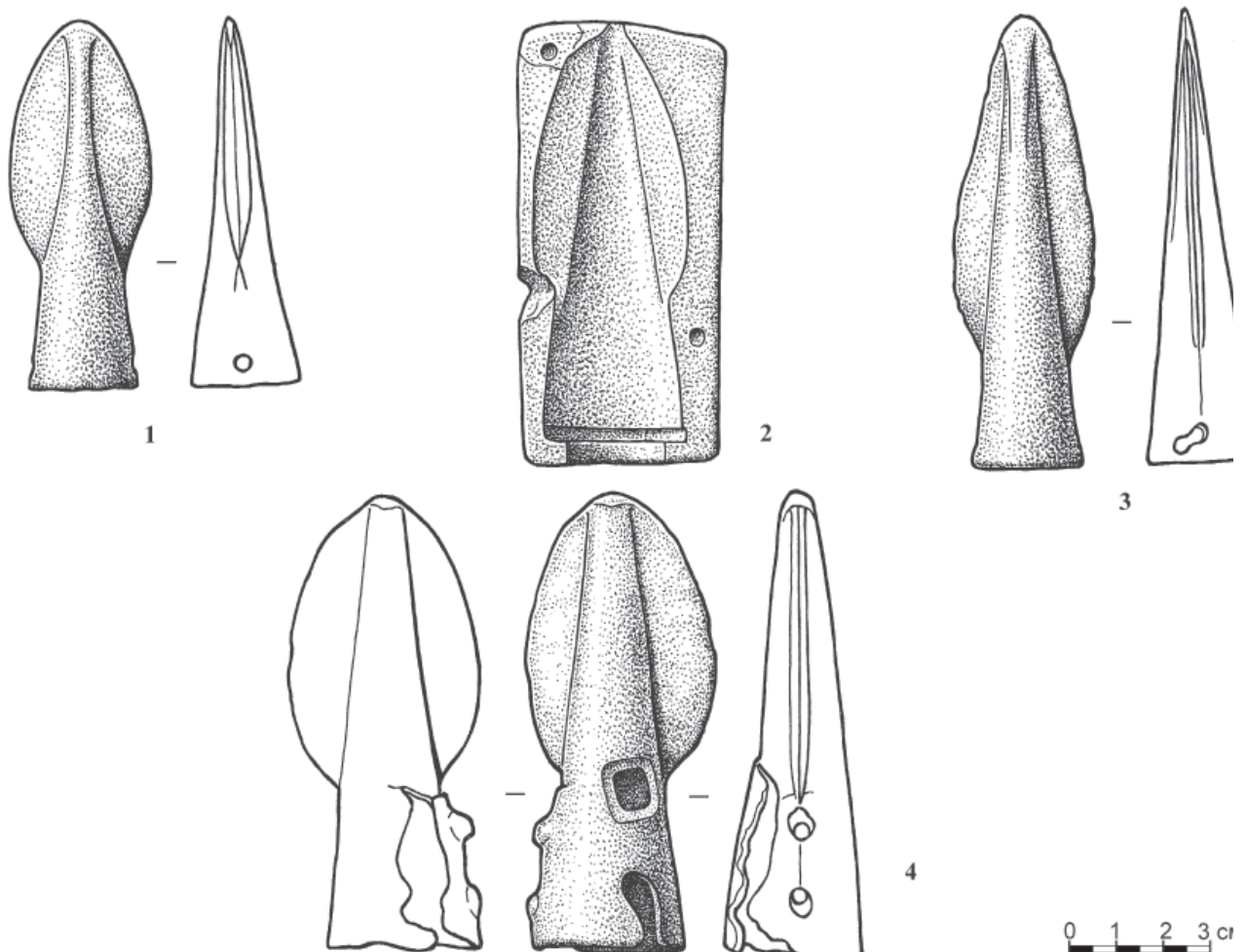
**Рис. 7.** Кельты двушковые: 1 – Ивановское; 2 – Каентубинская островная стоянка; 3 – Большое Фролово; 4 – Малые Болгояры; 5 – с. Черемшан; 6 – Лебединская VII, 7 – Девликеево; 8 – Болгары; 9 – Большие Кокузы; 10 – б. Казанская губерния.



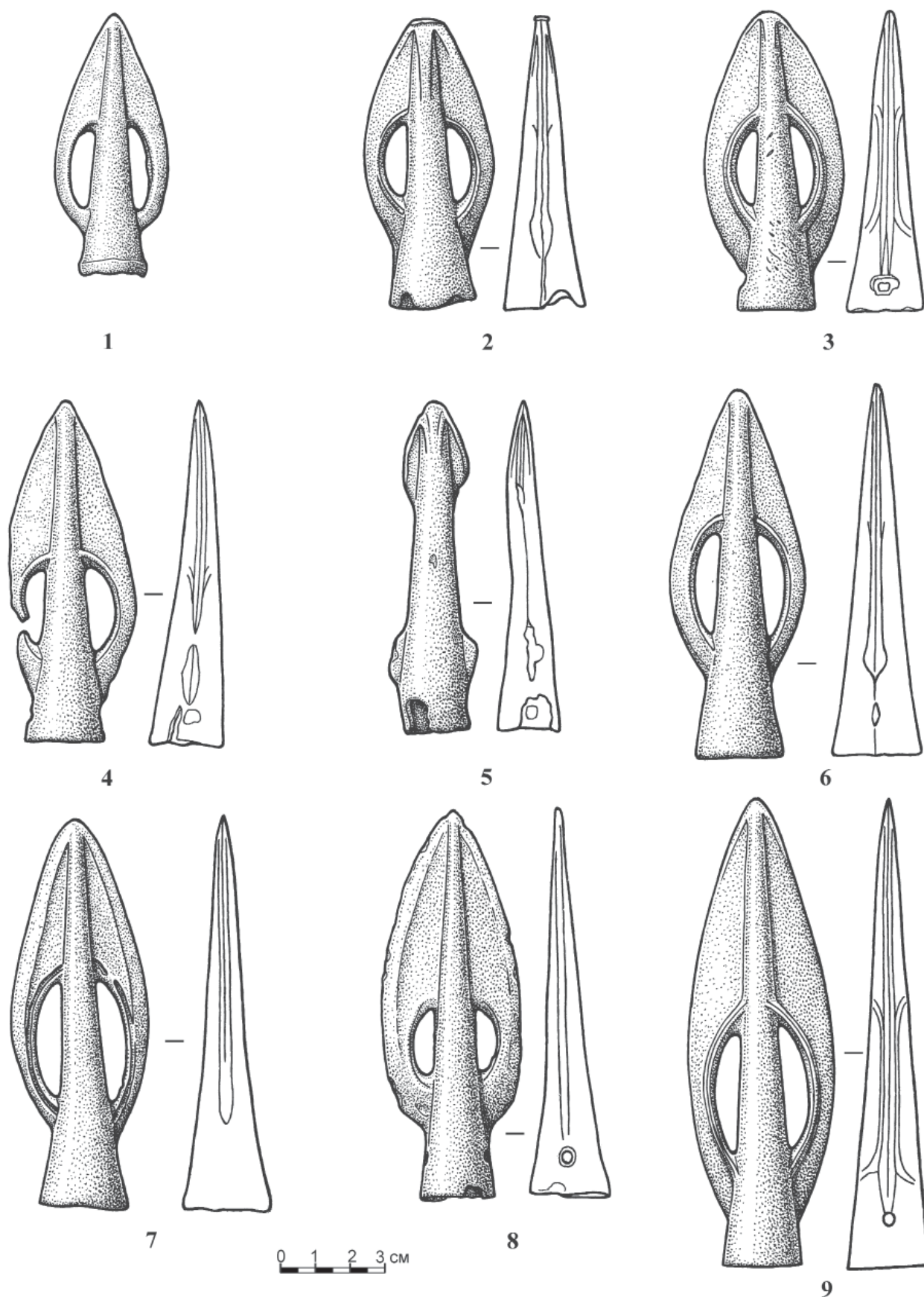


**Рис. 8.** Кельты с лобным ушком: 1 – Сюкеево; 2 – б. Лаишевский уезд Казанской губ.; 3 – Ананьино; 4 – Епанчино; 5 – Девликеево; 6 – Кузькинское III селище; 7 – Дубовая грива II стоянка; 8 – Забойное I поселение, жилище 5; 9 – Нижний Биябаш; 10 – Таяйка; 11 – Лебединская VII стоянка; 12 – Турминское.

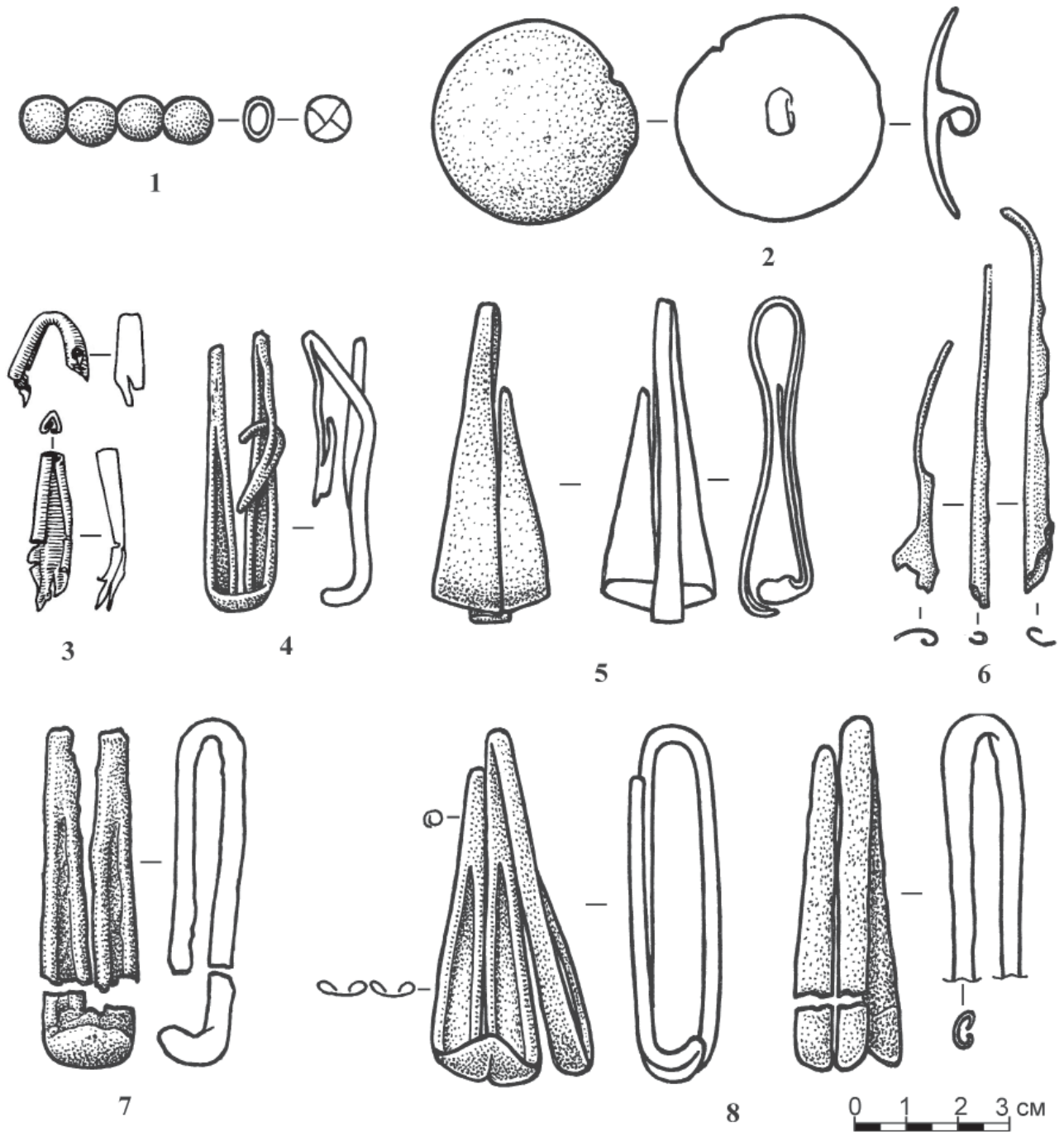




**Рис. 9.** Наконечники копий и литейная форма, тип I: 1 – Болгояры; 2 – Старый стекольный завод; 3 – б. Буинский уезд; 4 – Тат. Бурнашево. 1, 3, 4 – бронза; 2 – камень.

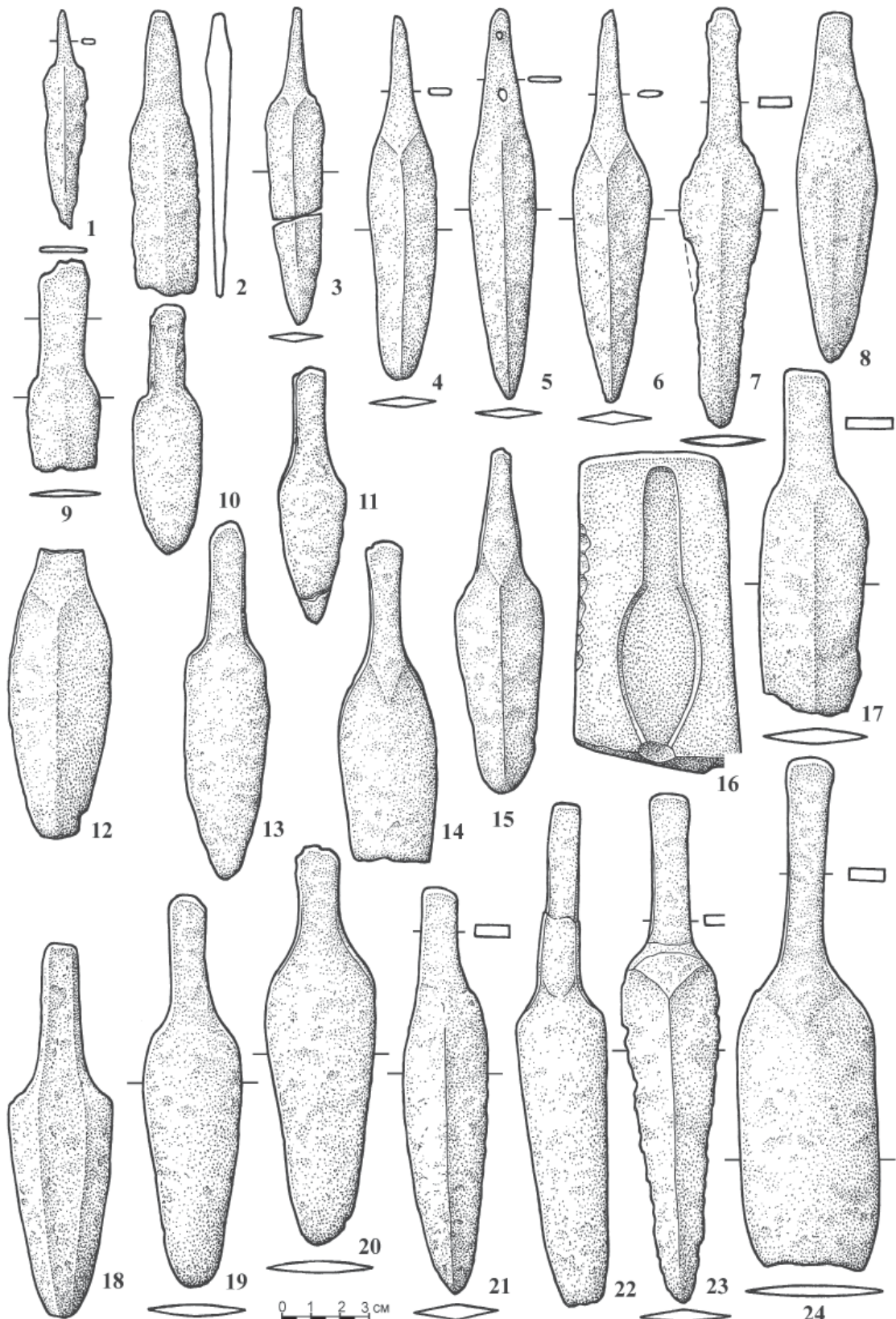


**Рис. 10.** Наконечники копий, тип II: 1 – Гулюковская III стоянка; 2 – Апастово; 3 – Малые Турми; 4 – Ломча, б. Тетюшский уезд; 5 – Байрамово; 6 – б. Лаишевский уезд; 7 – левый берег р. Волга напротив с. Теньки; 8 – Холодный ключ; 9 – Старые Курбаши.



**Рис. 11.** Украшения раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – бусы-обоймочки, погр. 1 Большеотарский I могильник; 2 – круглая бляха с петлей на обороте, погр. 1 Большеотарский I могильник; 3 – височная подвеска, погр. 1 могильник на Гулюковской III стоянке; 4 – височная подвеска, Каентубинская островная стоянка; 5 – височная подвеска, Заюрчимское I поселение; 6 – височная подвеска, погр. 10, Тураевский II могильник; 7 – височная подвеска, Карташихинская I стоянка; 8 – височные подвески, погр. 1 Большеотарский I могильник.





**Рис. 12.** Ножи раннего (атабаевского) этапа маклашевской культуры: 1 – Семеновский остров; 2 – Рождествено; 3 – Подгорное Тимяши (Янтиково); 4 – б. Казанская губерния; 5 – Федяево; 6 – Лебединская XIII стоянка; 7 – Сентяки; 8 – Бакалда; 9 – Каентубинская островная стоянка; 10 – Гулькинская стоянка; 11 – Гулькинская стоянка; 12 – Усть-Брыска; 13 – происхождение неизвестно, по Tallgren, 1916; 14 – Семеновский остров; 15 – Алексеевск; 16 – Старый стекольный завод; 17 – погр. 1 Большеотарский I могильник; 18 – Гулькинская стоянка; 19 – Сорочьи горы; 20 – Ананьинская дюна; 21 – Косяково; 22 – Патрикеево; 23 – Шаябинская стоянка; 24 – разрушенное погребение на Лебединской VII стоянке.

УДК 902/904

## КАЗАНСКАЯ СТОЯНКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 1938 Г.)

© 2019 г. А.А. Чижевский, М.Ш. Галимова, А.В. Губайдуллина

Казанская стоянка – одна из немногих стоянок позднего бронзового и раннего железного веков в пределах г. Казани, которая исследовалась стационарно. Раскопки на памятнике производились Н.Ф. Калининым в 1938 г., но коллекции, полученные в ходе полевых работ, были опубликованы лишь частично. Данная статья вводит в научный оборот материалы, полученные в ходе этих исследований. В результате анализа полевых дневников и коллекций памятника, авторы пришли к выводу о том, что набор каменных артефактов, отсутствие котлованов жилых построек, а также наличие открытых кострищ свидетельствуют об использовании поселения в качестве временной охотничьей стоянки, чему способствовало ее размещение на дюне у старичного озера. Стоянка функционировала с раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры (XIV–XIII вв. до н.э.) и вплоть до конца существования ананьинской культурно-исторической области (IV–III вв. до н.э.).

**Ключевые слова:** археология, Среднее Поволжье, поздний бронзовый век, ранний железный век, средневожская культура текстильной керамики, маклашеевская культура, ананьинская культурно-историческая область, аозинская культура, постмаклашеевская культура.

Казанская стоянка находится в Ново-Савиновском районе г. Казани, в 250 м к востоку – юго-востоку от моста «Миллениум» и в 75 м к юго-западу от «Дворца единоборств АК Барс», на южной оконечности засыпанной берегоукрепительными работами дюны (17–43×193 м), располагавшейся на останце первой террасы, на правом берегу р. Казанка (рис. 1).

До наполнения Куйбышевского водохранилища и последующего обустройства поймы р. Казанка (рис. 2) памятник располагался на берегу старичного озера, в окружении болот и озер, возвышаясь над уровнем воды на 4,3 м. Рядом со стоянкой проходила проселочная дорога от Коровьего моста к с. Савиново (рис. 3).

В начале XX в. на этом месте располагалось подворье лесника, в 20-е гг. оно было заброшено, а на месте дома образовалась яма, в которой в ноябре 1937 г. один из местных жителей собрал лепную керамику и кремневые изделия и передал в центральный краеведческий музей ТАССР.

В конце июля 1938 г. памятник был осмотрен научными сотрудниками музея А.М. Ефимовой и Н.Ф. Калининым (рис. 4), а также представителем Государственного исторического музея г. Москвы А.П. Смирновым, которые в обнажении стенок ямы, образовавшейся на месте дома, зафиксировали наличие культурного слоя мощностью до 70 см. Наибольшее количество находок

было обнаружено на южной оконечности дюны. Площадь стоянки по распространению подъемного материала была определена в 3000 кв.м. Вследствие угрозы разрушениями памятника в результате дефляционных и эрозионных процессов, а также планируемого строительства Куйбышевского гидроузла было принято решение произвести здесь стационарные исследования (Калинин, 1941, с. 4).

Работы под руководством Н.Ф. Калинина, который получил открытый лист на право производства исследований, и А.М. Ефимовой начались в сентябре 1938 г. (рис. 5). Были заложены два раскопа («А» и «Д»)<sup>1</sup> общей площадью 92 кв.м.<sup>2</sup> на южной оконечности дюны у ямы, оставшейся от дома лесника (рис. 6; 7; 8: 1А, 1Д). Для определения площади распространения культурного слоя на дюне были заложены еще два раскопа («В» и «Г») и один шурф («Б») общей площадью 44 кв.м. (рис. 5; 8: 1Б, 1В, 1Г) (Калинин, 1948, с. 179).

По окончании раскопок в 1938–1941 гг. материалы полевых исследований были обработаны, переписан набело полевой дневник, напечатан на печатной машинке текст, обработаны коллекции, однако к началу 1941 г. в законченном виде отчет так и не был подготов-

<sup>1</sup> Буквенная нумерация введена авторами, у Н.Ф. Калинина нумерация раскопов отсутствует.

<sup>2</sup> По подсчетам авторов площадь двух раскопов А и Д составляет 68 кв.м. (17 уч. × 4 кв.м.).

лен, в дальнейшем его написанию помешала вторая мировая война. К сожалению, информация о полевых исследованиях, изложенная в отчете, неполна, отсутствуют упоминаемые в дневнике фотографии раскопа, неполны описания и чертежи. Тем не менее, он является единственным источником, который дает представление об исследовании Казанской стоянки, так как статья о раскопках памятника, опубликованная в 1948 г., написана очень лапидарно и не отражает все материалы, представленные в отчете (Калинин, 1948).

Стратиграфия Казанской стоянки несложна (рис. 8: 2), на памятнике было выделено пять напластований:

- первый слой, состоял из песка, накопившегося в результате дефляционных процессов;

- второй являлся современным дерновым покровом, перекрытым надувным песком;

- третий содержал отложения XVIII–начала XX вв., причем информация о составе и окрасе почвы в отчете отсутствует;

- четвертый слой залегал на глубине 20–30 см, он состоял из темной гумусированной супеси с включениями мелких углей мощностью от 18 до 67 см, в которой содержались отложения собственно Казанской стоянки (Калинин, 1941, с. 6);

- в пятый был выделен подстилающий материковый песок.

Исследование памятника осуществлялось послойно, но в тех случаях, когда мощность слоя превосходила длину штыка лопаты, он выбирался по пластам на глубину одного штыка каждый (Калинин, 1941, с. 3, 6; 1948, с. 180, 182).

Территория Казанской стоянки к 1938 году в результате антропогенной деятельности, дефляционных и эрозионных процессов была уже сильно разрушена. Тем не менее, проведенные на памятнике исследования позволили выявить зоны с неповрежденным культурным слоем, который на уч. 1–4, 7, 8, 14, 15 достигал максимальной толщины 67 см, занимая площадь 13 кв.м<sup>3</sup>. На других участках мощность культурного слоя уменьшается, и он постепенно исчезает к югу от раскопов «А» и «Д». Размеры площадки со значительным (более 16 см) культурным слоем, по данным Н.Ф. Калинина, составляли 100 кв.м., за ее пределами слой слабо насыщен гумусом и содержит малое количество артефактов.

<sup>3</sup> По Н.Ф. Калинину.

Исключение составляет раскоп «В», на котором, несмотря на «незначительную» (4–16 см) толщину слоя, выявлено большое количество керамики и кремня.

В результате работ 1938 г. на раскопе «А» были исследованы два кострища.

**Кострище** (уч. 2) (рис. 6). Очертания овального в плане кострища диаметром 50–70 см зафиксированы на глубине 85 см от поверхности раскопа. Заполнение состояло из красной прокаленной глины, золы и угольков (Калинин, 1941, с. 5; 1941а, с. 5).

**Кострище** (уч. 8, 10, 11) (рис. 8: 3) неправильных в плане очертаний размером 192×95×27 см выявлено на глубине 58 см от поверхности раскопа. В разрезе прослежена чашевидной формы костровая яма, дно ее зафиксировано на глубине 75 см от поверхности раскопа. Заполнение мощностью до 17 см состояло из прокала желтого цвета с включением мелких угольков (Калинин, 1948, с. 182; 1941а, с. 18, 1941б, с. 19).

На остальных раскопах сооружения и кострища выявлены не были.

В результате исследований Казанской стоянки была получена коллекция из 1537 предметов, в ее состав вошла керамика, изделия из камня и кости животных<sup>4</sup>.

#### **Керамический комплекс.**

В коллекции имеется 1306 фрагментов керамики: венчиков (204), стенок (1088), доньев (14); из них 828 (63,4%) с текстильным раппортом и 478 (36,6%) с гладкими стенками. Культурную принадлежность удалось определить для 141 из них, далее анализу подвергались только эти сосуды. Большая часть неопределенных фрагментов относится к стенкам как «текстильных» сосудов с неорганическими примесями (рис. 12: 20), так и сосудов с гладкой поверхностью с примесью раковины в глиняном тесте. Невозможность определения культурной принадлежности значительной части глиняной посуды обусловлена тем, что культуруопределяющими признаками для керамики финала бронзового и раннего железного веков является орнамент верхней части сосуда и форма шейки.

Судя по материалам отчета и полевого дневника, четвертый слой (непосредственно культурный слой Казанской стоянки) выбирался двумя пластами.

<sup>4</sup> Кости животных (13 экз.) не подвергались остеологическому анализу.



Керамика первого пласта представлена 87 фрагментами, из них 57 венчиков, 9 донцев и 21 стенка. По примесям в глине выделены три группы: 1. с примесью мелкого шамота (14 экз.) и известняка (1 экз.), 2. с примесью песка и мелкого шамота (30 экз.), 3. с примесью раковины (45 экз.).

К первой группе принадлежат стенки (6 экз.) и плоскодонные донца (9 экз.) сосудов без орнамента, лепные и подправленные на гончарном круге (рис. 13: 1–3, 5–9). Они плоские и, как правило, толще стенок. Окончания донцев ровные, иногда имеются закраины (рис. 13: 8, 9). На отдельных экземплярах присутствуют следы срезания сосуда веревкой с гончарного круга (рис. 13: 5). Толщина стенок от 0,7 до 1,5 см. Внешняя поверхность сосудов заглажена или обработана щепкой.

Ко второй группе относятся фрагменты глиняной посуды, покрытые текстильным раппортом и без него с минеральными примесями в глиняном тесте. Так как горшковидные сосуды часто украшались раппортом только до шейки (Соловьев, 2000, с.85), определить принадлежность фрагмента к текстильной керамике можно либо по размещению орнамента (ямки в верхней части шейки под срезом венчика и на тулове), либо по наличию минеральных примесей в глиняном тесте. Необходимо отметить, что керамика маклашеевской и постмаклашеевской культур АКЦИО в Казанском Поволжье всегда имеет примесь раковины в глиняном тесте, а культуры текстильной керамики – примеси песка и мелкого шамота. Об этом писал еще А.Х. Халиков, упоминая о наличии двух групп керамики на памятниках выделенных им вариантов Волга I, Волга II и Кама I (Халиков, 1977, с. 229, 233, 234).

Фрагменты сосудов второй группы разновременны, они подразделяются на керамику финала бронзового века средневожской культуры текстильной керамики (15 экз.) и раннего железного века – аозинской культуры ананьинской культурно-исторической области (АК АКЦИО) (15 экз.). Кроме того, к этой группе можно причислить донце от круглодонного сосуда, покрытое текстильным раппортом, культурную принадлежность которого определить не представляется возможным (рис. 13: 11).

Глиняная посуда (13 венчиков и 2 стенки) средневожской культуры текстильной керамики (СКТК) представлена исключительно горшковидными сосудами (рис. 10: 1–3, 6–10;

табл. 1а). В данной серии керамики на шейках сосудов зафиксированы широкие воротнички маклашеевского типа – 9 фрагментов (табл. 1а). Основным элементом орнамента была ямка, присутствующая на всех рассматриваемых сосудах. Ямки глубокие, с выпуклиной на внутренней стороне сосуда. Учтено три зоны размещения ямок: в верхней части шейки у среза венчика (3 фр.), в нижней части шейки у плечика (14 фр.), на тулове сосуда (3 фр.) (табл. 1б). Ямки, расположенные в этих зонах, рассматриваются как отдельные элементы орнамента. Необходимо отметить, что на значительной части неатрибутированных фрагментов также были отмечены ямки на тулове, поэтому данная статистика неточна, так как отражает, в основном, ситуацию в верхней части сосудов.

Текстильный раппорт учитывался как повторяющийся элемент орнамента и также использовался при расчетах.

Сочетание ямки с другими элементами орнамента образует несложные орнаментальные мотивы, состоящие из одного (1 экз.), двух (10 экз.) (рис. 10: 1, 2, 6, 7, 9, 10), трех (1 экз.) (рис. 10: 10), четырех (2 экз.) (рис. 10: 3) и пяти (1 экз.) (рис. 10: 8) элементов (табл. 2а, 3а).

Орнамент с двумя элементами встречается по одному и сериями из трех и пяти сосудов, орнаментальные мотивы из 3–5 элементов не повторяются (табл. 3а).

Композиции, присутствующие на керамике СКТК, не отличаются большой сложностью, в основном это ряды ямок, сгруппированных по две–три, дополненные орнаментом из зубчатого или гладкого штампа на шейке сосуда (на воротничке) в виде многрядного зигзага или косой решетки, часто окаймленных горизонтальными линиями.

Керамика аозинской культуры АКЦИО (рис. 12: 1, 4, 5, 8, 12, 15, 25, 27) – 15 венчиков, представлена фрагментами горшков (13 экз.) и чаш (2 экз.) (табл. 1а). Дополнительные детали оформления шейки, такие как валик и воротничок, отсутствуют (табл. 1а). Основным элементом орнамента также была ямка с выпуклиной на внутренней стороне сосуда, она зафиксирована на всех фрагментах. Ямки размещались под срезом шейки (3 фр.), в нижней ее части (11 фр.) и на тулове сосуда (1 фр.) (табл. 1б).

Ямка сочеталась со всеми остальными элементами орнамента, зубчатым и глад-

ким штампом, ногтевидными отпечатками, однорядным шнуром, а также текстильным раппортом (табл. 2б). Сложные орнаментальные мотивы на керамике акзинской культуры на уровне первого пласта отсутствуют, в абсолютном большинстве использовалось сочетание двух элементов орнамента (10 фр.) (рис. 12: 1, 8, 12), два раза один элемент (рис. 12: 5) и трижды – три элемента (рис. 12: 15) (табл. 3б).

Орнаментальные композиции просты, ямки располагались рядами, как на горловине, так и на тулове. Зубчатый штамп образует на шейке и тулове ряды многорядного горизонтального зигзага или наклонных линий.

Третья группа керамики представлена фрагментами сосудов с примесью раковины в глиняном тесте, которые насчитывают 29 венчиков и 13 стенок. По форме шейки и орнаменту они подразделяются на керамику маклашеевской культуры позднего бронзового и постмаклашеевскую раннего железного веков. Фрагменты глиняной посуды маклашеевской культуры, в свою очередь, относятся к двум этапам: раннему – атабаевскому и позднему – маклашеевскому.

Керамика раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры (Атаб) немногочисленна (1 фр. венчика и 3 стенки), вся она относится к горшковидным сосудам (рис. 9: 3, 6, 8, 9). На двух фрагментах отмечены остатки воротничка (рис. 9: 8, 9; табл. 1а). К сожалению, состояние фрагментов таково, что сложно делать какие-либо окончательные выводы об орнаменте этих сосудов. Так, ямка, и то не полностью, зафиксирована только на одном фрагменте венчика (рис. 9: 9), что обусловлено наличием в коллекции в основном плечиков сосудов, на которых ямки просто не размещали. На всех фрагментах присутствует гладкий штамп (табл. 1б).

Основой выделенных орнаментальных мотивов был гладкий штамп, который лишь один раз сочетался с ямкой (табл. 2в, 3в). Те орнаментальные композиции, которые удалось выявить, несложны – ямки, по всей вероятности, организованные в группы, размещались на воротничке (рис. 9: 9), ниже на плечике располагался орнамент, состоящий из оттисков гладкого штампа и образующий заштрихованные треугольники (двойной горизонтальный зигзаг и ряд наклонных линий). Такой же орнамент присутствует и на фрагментах плечиков сосудов, возможно,

выше него на шейке также располагались ямки (рис. 9: 3, 6, 8).

Глиняная посуда позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры (Мак) (16 экз.) на глубине первого пласта представлена 12 венчиками и четырьмя стенками (фрагментами плечиков), все сосуды являются горшками (рис. 9: 10, 12, 13, 15–18; табл. 1а). Характернейшим признаком керамики маклашеевского этапа являются широкие воротнички в верхней части шейки, присутствующие на восьми сосудах (рис. 9: 10, 13, 15, 16–18; табл. 1а).

Как и на других группах керамики Казанской стоянки, основным элементом орнамента были ямки с выпуклиной на внутренней стороне сосуда (12 фр.) (табл. 1б).

Ямки входили в состав большинства орнаментальных мотивов (табл. 2г) на керамике, за исключением сосуда с вдавлениями (рис. 9: 12) и горшка с зубчатым штампом на воротничке. Орнаментальные мотивы состояли из одного (6 фр.) (рис. 9: 10), двух (7 фр.) (рис. 9: 13, 15) и трех (3 фр.) (рис. 9: 16–18) элементов (табл. 3г).

Орнаментальные композиции состояли из ямок, которые размещались в нижней части шейки по горизонтали в один ряд и были сгруппированы по две–три, зубчатый и гладкий штамп на шейке составляли: ряды многорядного горизонтального зигзага, наклонных линий, косую решетку, горизонтальные линии, флажки. Часть элементов орнамента размещалась на плечике, здесь гладкий штамп образует многорядный зигзаг и флажковый орнамент. Вдавления иногда выступали в качестве отдельного орнаментального мотива и образовывали композиции из рядов треугольных фартучков на шейке.

Вся керамика постмаклашеевской культуры (ПМК) АКИО (рис. 11: 1, 3–5, 7–9, 12, 14, 17, 19, 21) – 16 венчиков и 6 стенок, относится к горшковидным сосудам, валики и воротнички отсутствуют (табл. 1а). Основным элементом орнамента были ямки с выпуклиной на внутренней стороне сосуда и без нее, размещавшиеся в нижней части шейки, они были зафиксированы на 17 сосудах (табл. 1б).

Орнаментальные мотивы керамики постмаклашеевской культуры АКИО несложны, они состояли из одного (7 экз.) (рис. 11: 3, 7, 12), двух (11 экз.) (рис. 11: 1, 4, 5, 8, 9, 11, 17, 19) и трех (4 экз.) (рис. 11: 14, 21) элементов орнамента (табл. 2д, 3д).

Все орнаментальные мотивы из одного элемента повторяющиеся: ямки в нижней части шейки отмечены на двух фрагментах, зубчатый штамп на трех, вдавления треугольные также на двух фрагментах. Орнаментальные мотивы с двумя элементами встречены как в одном экземпляре, так и сериями на двух и четырех сосудах. Относительно сложные мотивы из трех элементов не повторялись (табл. 3д).

Орнаментальные композиции на постмаклашеевской керамике просты, чаще всего это ямки, располагающиеся в один ряд в нижней части шейки, причем ямки не образуют группы, а размещаются на одинаковом расстоянии друг от друга. Иногда вместо ямок в качестве основного элемента орнамента использовалось вдавление или зубчатый штамп. Чаще всего ряды ямок дополнялись оттисками гладкого или зубчатого штампа на шейке и/или плечике сосуда, они образовывали ряды многорядного горизонтального или вертикального зигзага. На одном фрагменте зубчатый штамп не сопровождался другими элементами, орнаментальные композиции на нем состояли из рядов длинных горизонтальных линий, выше и ниже которых размещались наклонные оттиски короткого зубчатого штампа.

В редких случаях использовался однорядный или двойной шнур, который образовывал горизонтальный зигзаг, окаймленный горизонталями, или наносился в виде простых горизонтальных линий.

Керамика второго пласта представлена 54 атрибутированными фрагментами, из них 48 венчиками, 1 донце и 5 стенок. По примесям также выделяются три группы: 1. с примесью мелкого шамота (2 экз.), 2. с примесью песка и мелкого шамота (32 экз.), 3. с примесью раковины (23 экз.).

К первой группе относятся фрагменты лепных или подправленных на гончарном круге сосудов: стенка (1 экз.) и плоскодонное донце (1 экз.) (рис. 13: 4). Закраины на донце отсутствуют, внешняя поверхность на фрагментах заглажена, местами обработана щепкой.

Во вторую группу включена текстильная и гладкая керамика с минеральными примесями в глиняном тесте. Эта группа глиняной посуды включает керамику средневожской культуры текстильной керамики (8 экз.) и аказинской культуры ананьинской культур-

но-исторической области (21 экз.). Сюда же относятся три донца от круглодонных сосудов, покрытых текстильным раппортом (рис. 13: 10, 12, 13), культурную принадлежность которых определить не удалось.

Атрибутированная керамика средневожской культуры текстильной керамики немногочисленна, она представлена восемью венчиками от горшковидных сосудов (рис. 10: 4, 5, 11–13, 14), на пяти из них отмечен широкий воротничок (табл. 1а). Ямки с выпуклой на обратной стороне были на всех сосудах, они отмечены в верхней части шейки у среза венчика (2 фр.) и в нижней части шейки у плечика (8 фр.) (табл. 1б).

Сочетание ямок с другими элементами орнамента образует орнаментальные мотивы из одного (рис. 10: 5), двух (рис. 10: 13, 14), трех, четырех (рис. 10: 11, 12) и пяти элементов (рис. 10: 4) (табл. 2а). Все орнаментальные мотивы не повторяются (табл. 3а).

Орнаментальные композиции несложны, они состоят из ямок, сгруппированных по две–четыре, которые сопровождаются гладким штампом, образующим на шейке многорядный зигзаг, косую решетку, окаймленную горизонтальными линиями и т.д. Гребенчатый штамп зафиксирован исключительно на срезе венчика, как и ногтевые вдавления.

На глубине второго пласта выявлена и керамика аказинской культуры АКЮ (рис. 12: 2, 3, 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 16–19, 21–24, 26, 28) – 19 венчиков и 2 стенки, которая представлена горшками (18 экз.) и чашевидными (3 экз.) сосудами. Дополнительные детали оформления шейки, такие как валик и воротничок, отсутствуют (табл. 1а). Ямка с выпуклой на внутренней стороне сосуда присутствовала на 18 сосудах. Ямки располагались под срезом шейки (5 фр.), в нижней ее части (13 фр.) и на тулове сосуда (2 фр.) (табл. 1б).

Сочетание ямки с другими элементами орнамента задавало основные орнаментальные мотивы керамики аказинской культуры второго пласта, здесь использовались мотивы, состоящие из двух (рис. 12: 6, 7, 11, 13, 21, 23, 24, 26, 28) и трех элементов (рис. 12: 3, 9, 14, 16, 17, 19) (табл. 2б, 3б). Орнаментальные мотивы без применения ямок встречены лишь на двуэлементных орнаментах (текстильный раппорт + ногтевые и овальные вдавления на срезе венчика и на шейке) (рис. 12: 2, 5, 18, 22) (табл. 3б).



Орнаментальные композиции состояли из ямок, расположенных горизонтальными рядами, иногда на двух уровнях (верх и низ шейки), зубчатый и гладкий штамп в редких случаях образует многорядный зигзаг на шейке или тулове. Редким типом орнаментальной композиции был горизонтальный зигзаг, выполненный ямочными вдавлениями (рис. 12: 2).

Третья группа керамики пласта 2 представлена фрагментами сосудов с примесью раковины в глиняном тесте, которые включают 21 венчик и 2 стенки. По форме шейки и орнаменту на глубине второго пласта они так же, как и на глубине первого пласта, подразделяются на керамику раннего и позднего этапов маклашеевской культуры позднего бронзового и постмаклашеевскую раннего железного веков.

Глиняная посуда раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры насчитывает пять фрагментов (венчик – 4 экз., стенка – 1 экз.) от горшковидных сосудов (рис. 9: 1, 2, 4, 5, 7; табл. 1а).

Керамика разбита на мелкие фрагменты, поэтому развернутый анализ орнамента невозможен. Валик зафиксирован на двух сосудах (рис. 9: 1, 2), узкий воротничок также на двух (рис. 9: 4, 5) (табл. 1а).

На двух венчиках в нижней части шейки сохранились неглубокие ямки небольшого диаметра, ввиду небольших размеров фрагментов судить о группировке их невозможно. Кроме того, на фрагментах встречается гладкий штамп (3 раза) и ногтевые вдавления по венчику (2 раза) (табл. 1б, 2в).

Орнаментальные композиции, по всей вероятности, неполные, представлены сочетанием гладкого штампа и, дополнительно, ямок в первом случае, и ногтевых вдавлений во втором (табл. 2в, 3в). Ногтевые вдавления всегда располагались по срезу венчика, гладкий штамп на плечике, где он образует ряды многорядного зигзага или заштрихованных треугольников.

Керамика маклашеевского (позднего) этапа маклашеевской культуры (рис. 9: 11, 14), выявленная на глубине второго пласта, немногочисленна, она представлена двумя фрагментами венчиков горшковидных (?) сосудов. На фрагментах отмечен широкий воротничок (табл. 1а), в нижней части которого был выявлен орнамент в виде ряда ямок с выпуклиной на обратной стороне (табл. 1б).

Орнаментальные мотивы состояли из двух (рис. 9: 14) и трех (рис. 9: 11) элементов (табл. 2г, 3г).

Композиции состояли из сгруппированных по две ямок и штампа зубчатого или гладкого, который образовывал в первом случае многорядный горизонтальный зигзаг, окаймленный горизонталями, также выполненными штампом, а во втором случае флажки, расположенные двумя рядами на шейке сосуда (табл. 3г). Возможно, данный фрагмент относится к сосуду с аналогичным орнаментом, фрагменты которого были выявлены на глубине первого пласта (рис. 9: 17).

Глиняная посуда постмаклашеевской культуры АКИО (14 венчиков и 2 стенки) представлена только горшковидными сосудами (рис. 11: 2, 6, 10, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 23; табл. 1б). Основным элементом орнамента были ямки с выпуклиной на внутренней стороне сосуда, размещавшиеся в нижней части шейки, они были зафиксированы на 14 фрагментах (табл. 1а).

Орнаментальные мотивы керамики постмаклашеевской культуры на глубине второго пласта состояли из одного (4 экз.) (рис. 11: 15, 16), двух (10 экз.) (рис. 11: 2, 6, 10, 13, 18, 20, 22, 23) и трех элементов орнамента (табл. 2д, 3д).

Половина одиночных мотивов и все двуэлементные – повторяющиеся, орнаментальные мотивы с тремя элементами и часть с одиночными встречены только в одном экземпляре (табл. 3д).

Орнаментальные композиции несложны, чаще всего это не сгруппированные ямки, располагавшиеся в один ряд в нижней части шейки. В композиции с двумя и тремя элементами, кроме ямок, могли входить ногтевые вдавления по срезу венчика, а также зубчатый и гладкий штамп по шейке, иногда плечико сосуда. Они образовывали многорядный горизонтальный зигзаг и ряды заштрихованных ромбов. Вдавления могли входить в состав композиций из двух и трех элементов или выступать в качестве единственного элемента орнаментальной композиции, во всех случаях они образуют многолинейные горизонтальные ряды по шейке.

#### **Каменный инвентарь.**

Коллекция каменного инвентаря насчитывает 218 экземпляров, в рамках данного исследования удалось изучить 185 артефактов из камня, в том числе из кремня – 113,

окремнелого известняка – 40, кварцита – 26, опоки – 4, из галек – 2. Таким образом, обитатели стоянки использовали в хозяйственной деятельности разнообразное каменное сырье: преимущественно кремнистые породы разного качества (82,7%), в гораздо меньшей степени кварцит (14,1%) и в редких случаях опоку (2,2%) и мелкокристаллические породы камня (1,0%) (табл. 4).

Наиболее многочисленную категорию образуют технологические отходы – 113 штук (60%). К ним относятся: отщепы и аморфные сколы-отходы (70 шт.) (рис. 18: 2), осколки (28 шт.), фрагменты сколов (7 шт.), пластины случайных форм (5 шт.) (рис. 18: 1, 3), а также фрагмент микронуклеуса, оставленного в начальной стадии расщепления. Вторую категорию составляют заготовки для изготовления бифасов и неудачные экземпляры таких бифасов, брошенные на разных стадиях формирования, этих артефактов насчитывается 40 штук (21,6%). В категорию орудий (17,3%) входят 32 изделия из камня, которые использовались в разных трудовых операциях. В их числе не только морфологически выраженные орудия (скребки, долотца, ложкари), изготовленные из отщепов и массивных пластин с помощью намеренного ретуширования или подтески (16 шт.), но и отщепы, которые использовались в качестве скобелей, резцов и ножей без вторичной обработки (15 шт.), а также абразивы – гальки (3 шт.).

Заготовки бифасов подразделяются (с точки зрения исходной формы камня и технологической стадии, на которой была оставлена данная заготовка) на две группы. Первую группу образуют заготовки бифасов (наконечников стрел?) в начальной стадии (22 экз.) (рис. 14). Они представляют собой преформы трех видов: 1) небольшие массивные фрагменты конкреций, подпрямоугольные и треугольные в сечении, с «намеченными» площадками и «ребрами» для дальнейшего утоньшения (рис. 14: 1, 4, 5, 8, 9); 2) массивные отщепы и аморфные сколы, часто с подготовленными «рёбрами» (рис. 14: 6, 7); 3) массивные пластины и фрагменты нуклеусов, края которых являлись необходимыми рёбрами без дополнительной подправки, с которых затем начинался процесс бифасиального утоньшения (рис. 14: 2, 3).

Заготовки тонких бифасов (18 экз.) выделены во вторую группу на основании того, что их форма и технологические особенности

обработки ясно указывают на наконечники стрел (рис. 15). К ним относятся: 1) заготовки листовидных наконечников, оставленные в средней стадии бифасиального утоньшения, еще довольно массивные в сечении (рис. 15: 1, 4, 5); 2) заготовки наконечников в начальной стадии, основой для которых стали отщепы или пластины подходящей формы, которые не требовали длительного утоньшения и оформления в несколько этапов (рис. 15: 2, 3, 6).

Среди орудий, которые имеют достаточно выраженную форму и признаки вторичной обработки, наиболее представительны скребки (8 экз.), которые относятся к трем типам (рис. 16: 5–10). Это четыре округлых скребка на отщепе с лезвием на  $\frac{3}{4}$  периметра (рис. 16: 4, 6–8), три скребка с концевыми и боковыми лезвиями на отщепе (рис. 16: 9, 10), а также концевой скребок на аморфной массивной пластине, лезвие которого не нуждалось в специальной скребковой ретуши (рис. 16: 5). В числе вышеупомянутых скребков выделяются своей «правильной» формой и тщательностью скребковой ретуши два орудия: скребок округлой формы с ретушированным краевым лезвием на  $\frac{3}{4}$  периметра, оформленный на отщепе качественного красно-коричневого кремня (рис. 16: 8), а также так называемый «скребок высокой формы» – овальное орудие с тремя «высокими» скребковыми лезвиями (двумя концевыми и одним боковым), оформленными крупнофасеточной ретушью на массивном отщепе (рис. 16: 10).

В отдельную группу выделяются так называемые ножи – «ложкари» (3 экз.) – многофункциональные орудия резьбы по дереву (резцы, скобели, строгальные ножи и т.д.). В данном случае это пластины с изогнутым или скругленным концом и нерегулярной ретушью по краю. К ним относятся: нож с двумя боковыми лезвиями и округлым концом, которые были оформлены приостряющей ретушью (рис. 16: 3), а также две рабочие части сломанных ножей – пластин с изогнутым или концом и нерегулярной ретушью по краю (рис. 16: 1, 2).

Подгруппа долотовидных орудий с подтеской рабочей части (либо ретушью утилизации на ней) насчитывает 5 экземпляров. К ним отнесены три небольших долота (т.н. «долотца») с отломанной в ходе работы рукояточной частью, выполненные на отщепе: это долотце с подтесанной прямой рабочей частью (рис. 17: 1) и два долотца с

выпуклым лезвием (рис. 17: 2, 3). Также в эту подгруппу вошли стамеска на аморфном кремневом сколе с подтесанным вогнутым рабочим краем (рис. 17: 4) и долото, в качестве которого использовалась неудачная заготовка мелкого бифаса (рис. 17: 6).

Также в коллекции имеются небольшие абразивные орудия (3 экз.), которые представляют собой гальки средних размеров: две из мелкокристаллических пород камня (рис. 17: 7, 8) и одна – из кварцита (рис. 17: 5).

На основании присутствия на краях некоторых отщепов мелких фасеток нерегулярной ретуши утилизации, нами выделена особая группа орудий (15 экз.) случайных форм – «подручных» сколов с острыми ровными краями, которые служили скобелями, резцами, ножами недолгое время, в том числе:

- массивные скобели с зубчатым рабочим краем – 3 отщепа (рис. 18: 4) и 1 треугольный скол;

- скобели с довольно ровными краями – 5 отщепов разных размеров (в том числе один кварцитовый);

- ножи – 3 отщепа с ровными и достаточно тонкими краями;

- строгальные ножи – 2 отщепа (рис. 18: 6);

- резец – крупный отщеп с характерной ретушью утилизации на прямом крае – резец (рис. 18: 7).

Таким образом, технико-типологический облик каменной индустрии Казанской стоянки сформировался в результате применения технологии производства двусторонне обработанных изделий – бифасов, а именно тонких бифасов – наконечников стрел. Об этом говорит состав находок – преобладание отходов расщепления каменного сырья в процессе первичного оформления заготовок, а затем – в ходе бифасиальной технологии изготовления наконечников. Технология изготовления тонких бифасов – наконечников из массивных заготовок представляет собой многоступенчатое круговое утоньшение обеих поверхностей путем создания промежуточных (стадиальных) форм, которые постепенно становятся все более тонкими и правильными по форме. В ходе этой сложной процедуры образуется множество сколов-отходов, некоторые имеют довольно правильную форму отщепов и пластин. Такие технологические отщепы и

сколы составляют 60% изученной коллекции (табл. 4).

Технология производства наконечников – тонких бифасов, заключающаяся в снятии плоских сколов с поверхностей заготовки по ее периметру, на Казанской стоянке осуществлялась в двух вариантах: 1) стадийное (постепенное) утоньшение массивных заготовок; 2) ситуационное утоньшение сравнительно тонких отщепов и пластин подходящей для наконечника формы. В этой связи сами эти заготовки, оставленные в начальной стадии обработки и в средней стадии, играют существенную роль, составляя 40% находок из камня. Орудия, в числе которых не только намеренно оформленные (морфологически выраженные) скребки, долотца и ножи-ложкари, но и отщепы и сколы с участками ретуши утилизации, составляют 18,4 %.

Опираясь на результаты функционального изучения орудийного комплекса Казанской стоянки, можно выдвинуть предположение, что данное поселение было охотничьим лагерем, который многократно использовался носителями культур, обитавших на ее территории, на всем протяжении ее существования.

Аналогии некоторым технологическим и функциональным особенностям каменного инвентаря Казанской стоянки просматриваются среди находок из раскопок, расположенной на этом же берегу р. Казанка (несколько выше по течению) Борисоглебской стоянки эпохи финальной бронзы – раннего железа, исследованной авторами в 2009 г. (Чижевский, Галимова, 2010). Культурные напластования Борисоглебской стоянки содержат находки средневожской культуры текстильной керамики, маклашеевской (атабаевского этапа) и постмаклашеевской керамики. Несмотря на разный в хронологическом и культурном отношении керамический материал, каменные артефакты, найденные на Борисоглебской стоянке, представляют собой однородный комплекс. Одной из особенностей этого комплекса, сближающей его с Казанской стоянкой, можно считать невысокое качество сырья – кремневых плиток, связанный с этим непластинчатый характер его расщепления, а также использование кварцита (в меньшей степени, чем кремнистых пород) и эпизодически – других пород камня. Также выявляются и технико-типологические аналогии. Так, в числе кремневых изделий на Борисоглебской стоянке найдены: заготовка бифасиального



изделия, фрагмент (рабочая часть) скребка, а также отщепы, технические сколы и фрагменты аморфных сколов с участками ретуши утилизации, в том числе проколка на углу отщепа и стамеска на конце отщепа (Чижевский, Галимова, 2010, рис. 6). Авторы сочли возможным отнести каменный инвентарь Борисоглебской стоянки к средневолжской культуре текстильной керамики и к атабаевскому (раннему) этапу маклашеевской культуры.

Следует также обратиться к каменному инвентарю стоянки, обнаруженной в ходе исследований городища Казанка II эпохи раннего металла и раннего железа, расположенного на высокой террасе р. Казанка напротив Казанской стоянки. Комплекс каменных артефактов, отнесенных к нижнему культурному слою памятника по результатам рекогносцировочных раскопок 2004 года, свидетельствует о применении обитателями стоянки не только бифасиальной, но и пластинчатой технологий (Галимова, Руденко, 2006). В орудийный набор входят не только кремневые орудия на пластинах и наконечники стрел, но и шлифованные бифасы – рубящие орудия, что отличает его от орудийного комплекса Казанской стоянки. Вместе с тем, сходство каменной индустрии стоянки на городище Казанка II и Казанской стоянки заключается в применении технологии расщепления плиточного кремня для изготовления бифасов, а также использование оригинального кремневого сырья – полосчатого (слоистого) кремня низкого качества.

Сходные в технико-типологическом и функциональном аспектах артефакты из камня были найдены в 2017 году при исследовании Исаковского городища, расположенного в устье р. Свяга (правого притока Волги), в буферной зоне достопримечательного места «Остров-град Свяжск». Разновременные керамические комплексы, отнесенные к волосовской культурно-исторической общности позднего энеолита, атабаевскому этапу маклашеевской культуры, аозинской культуры АКЮ, залегали в сопровождении 45 каменных артефактов, большинство из них (35 предметов), являлось разными орудиями, в том числе и без какого-либо намеренного оформления ретушью или резцовыми сколами (Лыганов, Хамзин, Галимова, 2018). Каменным сырьем были кремни, разнообразные по качеству и цвету, в отдельных случаях

– кварцит и галька. Также как в инвентаре Казанском стоянки, здесь найдены заготовки микронуклеусов (5 экз.), а среди морфологически выраженных орудий присутствуют нож-ложкарь, серия ножей на отщепах без специального оформления лезвий, заготовки бифасов – наконечников стрел, завершенные наконечники – бифасы, скребки на отщепах с боковым и округлым лезвиями, скобели на массивных отщепах и сколах (в том числе зубчатые), стамески в сочетании со скобелями на одном орудии, резцы и резчики, галька – абразив (орудие интенсивно сработано) (Лыганов, Хамзин, Галимова, 2018, рис. 6, 7).

#### **Хронология и этапы существования.**

В виду отсутствия датирующих предметов в коллекции Казанской стоянки и радиоуглеродных дат, для определения хронологии памятника необходимо обратиться к керамическому комплексу.

К сожалению, проживание разновременных коллективов на одной локальной территории с нестойким песчаным грунтом обусловило сильную турбацию культурного слоя Казанской стоянки и, соответственно, перемещение ранних фрагментов керамики наверх, а поздних – в нижние горизонты культурных напластований. К тому же значительная часть площади стоянки выбиралась одним пластом, в виду малой мощности культурного слоя. По существу выборка двумя пластами производилась только на уч. 1–4, 7, 8, однако и здесь отмечена сильная перемешанность культурного слоя. По этой причине построение относительной хронологии керамики на памятнике невозможно. Единственным способом определения хронологии существования стоянки и этапов ее заселения является сравнительно-типологический метод, позволяющий выявить аналогии имеющейся на Казанской стоянке керамики и очертить диапазон ее существования.

Судя по аналогиям, наиболее древнюю группу керамики Казанской стоянки представляет глиняная посуда раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры. Фрагменты керамики с каплевидным валиком или узким воротничком встречены на атабаевской керамике Атабаевской I, Гулькинской, Ерзовской, Каентубинской, Луговской II, Старо-Кобановской, Старо-Язигитовской и др. стоянках, а также Луговском курганном могильнике (Збруева, 1960, рис. 10: 2, 6; Халиков, 1980, табл. 9; 10; 28: 2–4; 29: 1, 10; 30: 4, 7;

58; Чижевский и др., 2012, рис. 5: 9, 12, 16; 6: 1–4; Они же, 2017, рис. 5: 20, 27; 8: 1–11, 13–15, 18–20; Ашихмина, 2014, рис. 15: 1, 6; 30: 3–7, 14; 34: 3, 4, 10). Характерным признаком атабаевской керамики является орнаментация плечиков сосудов с использованием гладкой и зубчатой гребенки и орнаментальные композиции в виде заштрихованных и незаштрихованных треугольников, многорядного горизонтального зигзага и т.д. (Збруева, 1960, рис. 9: 1, 3–6; 12: 1, 3; Халиков, 1980, табл. 8; 28: 5; 29: 2, 5, 6, 12; 30: 1–3, 6, 11; 58; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 3: 1–6; Чижевский и др., 2012, рис. 5: 12, 14, 16; 6: 2–4; Они же, 2017, рис. 5: 21, 24, 27; 8: 2, 8, 10, 13; Ашихмина, 2014, рис. 15; 30: 2–4, 11, 13–15; 34: 2–6, 11).

Памятники атабаевского этапа маклашеевской культуры датируются XIV–XIII вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23), в этих рамках следует датировать и атабаевскую керамику Казанской стоянки.

Таким образом, первоначальное заселение поселения происходило в рамках раннего (атабаевского) этапа маклашеевской культуры. Относительная малочисленность (9 экз.) атабаевской керамики свидетельствует о слабой интенсивности жизни на поселении в это время.

Второй этап функционирования стоянки оконтуривается находками фрагментов глиняной посуды средневожской культуры текстильной керамики (23 экз.) и позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры (18 экз.). Многочисленные аналогии данной керамики на десятках поселений и могильников не нуждаются в дополнительных ссылок и комментариях, упомянем лишь некоторые из них: эпонимный Маклашеевский II, Мурзихинский II, Полянский II могильники, Быргындинская, Гулькинская, Дубовогривская, Икская I стоянки, поселения Бирское, Борисоглебское, Курган, Мольбище и др. (Худяков, 1930, рис. III; IV; Збруева, 1960, рис. 24: 7; Ишмуратова, 1967, с. 102–104, табл. I; Халикова, 1967, с. 118–125; Халиков, 1980, табл. 32, 59; Соловьев, 2006, с. 73–100, 134–149, рис. 71, 77–80; Марков, 2007, рис. 39–42; Чижевский, 2008, с. 12–23, рис. 5 и др.; Чижевский, Галимова, 2010, рис. 3; 4; Ашихмина, 2014, рис. 23: 1–11; 24: 4; 25: 4, 9, 10; 27: 1–3, 5, 6; 35; Иванов, Чичко, 2019, рис. 3, 1–3, 6).

Данная керамика в массе своей однородна и не является предметом дискуссии. Однако есть среди этой посуды группа, принадлежность которой к позднему этапу маклашеевской культуры вызывает дискуссию. Речь идет о сосудах, орнаментированных по шейке и плечу многорядным горизонтальным зигзагом и флажками (рис. 9: 11, 16, 17), их В.Н. Марков отнес к постмаклашеевской керамике раннего железного века (Марков, 2007, рис. 12: 5, 7). Это предположение было обусловлено тем, что флажковый мотив орнамента определяется как характерная принадлежность курмантаусских памятников бассейна р. Белой. На эталонной стоянке данного культурного типа – Касьяновском поселении – мотив «флажка» присутствует на трети фрагментов глиняной посуды, а на маклашеевской керамике он встречается значительно реже (Иванов, 1982, с. 55). Распространена на курмантаусской керамике и орнаментация плечика сосуда, не типичная для позднего этапа маклашеевской культуры (Иванов, 1982, рис. 1: 3; 4: 2).

Датируется курмантаусская керамика VIII–VI вв. до н.э. (Иванов, 1977, с. 98, 100) или X–VI вв. до н.э. (Марков, 2007, с. 50). Обоснование хронологии было сделано по материалам стоянки им. Касьянова. Судя по опубликованным данным, хронология памятника построена на соотношении керамики, выявленной в культурном слое поселения, в котором совместно встречается раннеананьинская и курмантаусская керамика. Указаний на полузакрытые и закрытые комплексы, по которым устанавливалась относительная хронология поселения, нет. Таким образом, дата поселения, основанная на находках металлических предметов раннего железного века, распространена и на керамику культуры курмантау (Иванов, 1977, рис. 2, табл. I). Необходимо отметить, что культурные слои многослойных стоянок Нижнего Прикамья дают именно такие, смешанные комплексы, когда в одном слое встречается как керамика энеолита, эпохи поздней и средней бронзы, так и керамика раннего железного века. Надежной опорой для хронологии курмантаусского культурного типа могли бы быть находки керамики в составе погребального инвентаря могильников, но таковые на данный момент неизвестны.

Теперь вновь обратимся к керамике Казанской стоянки. Такие признаки как широ-

кие воротнички и ямки, сгруппированные по две–три и располагающиеся в нижней части шейки, являются характерными признаками позднего этапа маклашеевской культуры (Ишмуратова, 1967, с. 102; Халиков, 1980, с. 38). Встречена керамика с широким воротничком и на могильниках позднего этапа маклашеевской культуры: Кумысском (погр. 3, 4), Маклашеевском III (курган 1, насыпь), Мурзихинском II (погр. 70, 185, 221) и Тетюшском (погр. 140) (Генинг, Старостин, 1972, рис. 10: 1, 2; Халиков, 1977, рис. 22: 9; 1980, табл. 20; Чижевский, 2008, рис. 5: 1).

Дата  $^{14}\text{C}$ , полученная для такого сосуда (погр. 221, Мурзихинского II могильника)  $-2863 \pm 70$  л.н. (1130–920 кал. л. до н.э. (68,2%))  $\text{SPb-762}$ , также свидетельствует в пользу существования керамики с широким воротничком и маклашеевской орнаментацией в эпоху финала бронзового века.

Размещение флажков и многорядного горизонтального зигзага на плечике сосуда характерно для более ранней – атабаевской керамики. Такое сочетание встречено на поселениях атабаевской культуры: Атабаевской I, Гулькинской, Ерзовской, Каентубинской, Луговской II, Мало-Кокузинской и др. стоянках (Збруева, 1960, рис. 25: 7, 8; Халиков, 1980, табл. 29: 1, 2, 6, 9, 12; 30: 1–3, 5, 6; 58; Чижевский и др., 2012, рис. 5: 16; 6: 2–4; 2017, рис. 5: 17, 24, 27; 8: 8, 13, 17); а также на могильниках: Луговском курганном (кург. 1), Балымском (Большеотарском) (погр. 1) и Рождественском I (погр. 3, 4) (Халиков, 1980, табл. 8, 9; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 8: 6).

Таким образом, серия керамики Казанской стоянки, сочетающая широкий маклашеевский воротничок и атабаевские орнаментальные мотивы, может рассматриваться как одна из самых ранних среди маклашеевских глиняных сосудов.

Памятники позднего (маклашеевского) этапа маклашеевской культуры датируются в пределах XII–X вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2017, с. 23), в этих пределах мы склонны датировать и второй этап заселения Казанской стоянки.

Появление текстильного раппорта на поверхности сосудов второго этапа заселения Казанской стоянки свидетельствует о начале экспансии СКТК в Казанское Поволжье. С этого времени на данном поселении достигает тотального превосходства традиция нане-

сения текстильного раппорта на керамику с минеральными примесями в глиняном тесте. В то же время наличие здесь гладкой керамики с органическими (раковинными) примесями свидетельствует о сложных процессах взаимодействия двух групп населения, связанного со СКТК и маклашеевской культурой позднего этапа. О том, что этот процесс шел активно, свидетельствует появление маклашеевских орнаментальных композиций на текстильной керамике стоянки.

Третий этап связан с функционированием поселения в раннем железном веке, свидетельством тому служат находки керамики аозинской (36 экз.) и постмаклашеевской (38 экз.) культур АКЮ<sup>5</sup>. Керамика аозинской культуры АКЮ, распространенной в Нижегородском, Марийском, Казанском и Ульяновском Поволжье, известна исключительно по поселенческим материалам. Несмотря на значительные работы, осуществлявшиеся во второй половине XX в. на памятниках аозинской культуры или смешанных аозинско–постмаклашеевских поселениях, число опубликованных с той или иной степенью полноты коллекций, характеризующих керамический комплекс, невелико. Мы располагаем материалами нескольких городищ: Ардинского, Васильсурского II, Казанки I, Казанки II, Копаньского, Маклашеевского II, и поселений: Гулькинского, Зольного, Курган, Токаревского и Сиухинского (Збруева, 1960, рис. 26: 5, 6; Халиков, 1962, табл. XV: 10; XX: 5–7; XXX; Ишмуратова, 1967, табл. II: 4; Патрушев, 1984, рис. 67; Марков, 2007, рис. 14; 32: 2–7, 9; 33: 1, 3, 11; 35: 2; 36: 11; 37; Ефремова, Соловьев, 2014, рис. 13). Текстильная керамика третьего этапа имеет прямые аналогии с посудой вышеперечисленных памятников, ее отличительными чертами, кроме текстильного раппорта, является ямочный орнамент, покрывающий поверхность сосуда (под обрезом венчика, в нижней части шейки и на тулове) рядами не сгруппированных ямок. Кроме того, на многих сосудах имеются постмаклашеевские орнаментальные мотивы и композиции, а на шейках отсутствуют воротнички и валики.

<sup>5</sup> Общее количество текстильных сосудов на Казанской стоянке составляет 63,4%, что существенно превышает гладкую посуду, ее на памятнике 36,6%, проблема заключается в определении хронологической позиции фрагментов.



Время существования аозинской культуры АКИО в пределах региона – IX–VI вв. до н.э. (Чижевский, 2008, с. 24). Нижняя граница бытования культуры определена по кинжалу типа К-18 из погр. 55 Старшего Ахмыловского могильника, который одновременно использовался носителями аозинской и постмаклашевской культур АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102, 103, рис. 1: 8). Верхняя граница по материалам Антоновского городища, отсутствие текстильной керамики в коллекции которого позволило В.Н. Маркову утверждать, что носители аозинской культуры покинули пределы региона к VI в. до н.э. (Марков, 1992, с. 106). В свою очередь мы расширяем эту дату до VI в. до н.э. в целом в виду отсутствия датирующих предметов, которые могли бы уточнить эту датировку.

Керамика постмаклашевской культуры АКИО представлена в публикациях очень широко, известны как поселенческие, так и погребальные сосуды. Наиболее полно опубликованы керамические комплексы могильников: Мурзихинского I, Старшего Ахмыловского, Пустоморквашинского, Тетюшского и др. (Халиков, 1977; Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 1990; Беговатов, Марков, Патрушев, 1991; Беговатов и др., 1993; Чижевский, 2008), а также ряда городищ: Гремячий Ключ, Макарьевского, Маклашевского II, Сорочьегогорского, поселения Курган и др. (Ишмуратова, 1975; Марков, 2007; Чижевский, 2008а). Глиняная посуда раннего железного века с примесью раковины из коллекции раскопок Казанской стоянки обладает всеми признаками керамического комплекса постмаклашевской культуры. Данная керамика в массе своей горшковидная, основой орнамента являются несгруппированные ямки, располагающиеся в нижней части шейки в один ряд, и вдавления в различных сочетаниях (Кузьминых, Чижевский, 2009, С. 33). Воротнички и валики встречаются исключительно редко.

Сложившаяся под влиянием идей А.Х. Халикова традиция, заставляет исследователей определять время окончания существования ананьинских (постмаклашевских) памятников Казанского Поволжья VI в. до н.э. (Халиков, 1977). Однако появившиеся в последние годы данные свидетельствуют о продолжении существования постмаклашевских поселений и могильников вплоть до IV–III вв. до н.э. (Чижевский, 2017, с. 227–230).

Казанская стоянка, судя по единичному фрагменту сосуда с орнаментом конецгорского типа (рис. 11: 9), основой которого является короткий наклонный двузубый или трехзубый штамп, также может датироваться вплоть до IV–III вв. до н.э. (Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, с. 50; Чижевский, 2017, с. 201, 205). Об этом же свидетельствует и фрагмент сосуда с подтреугольными вдавлениями (рис. 9: 21), который можно датировать в пределах VI–III вв. до н.э. (Чижевский, 2014, с. 216, 222, рис. 5: 4).

Судя по наличию фрагментов, украшенных ямками с выпуклинами на внутренней поверхности, здесь присутствует и раннеананьинская керамика.

Датируется постмаклашевская культура АКИО в рамках всего времени существования ананьинской культурно-исторической области (IX–III вв. до н.э.) (Чижевский, Кузьминых, 2014, с. 102; 2017, 24, 27), в этих же пределах, по всей вероятности, следует датировать и постмаклашевскую керамику Казанской стоянки.

На третьем этапе продолжается сосуществование на поселении двух групп керамики: с текстильным раппортом и без него. По мнению ряда исследователей, это явление, проявляющееся и на других памятниках региона, связано с процессом активной взаимной ассимиляции носителей двух традиций – текстильной и ананьинской (Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993, с. 41). Процесс этот к югу от устья р. Кама завершился, согласно гипотезе В.Н. Маркова, образованием белогорского типа керамики (Марков, 2007, с. 42, 61). Мы, в свою очередь, связываем данный тип керамики с особым белогорским вариантом постмаклашевской культуры на заключительном этапе ее существования (Чижевский, 2014, с. 222).

К четвертому, заключительному этапу существования Казанской стоянки относится плоскодонная лепная и подправленная на круге керамика с примесью мелкого шамота и известняка. Всего таких фрагментов насчитывается 17 экземпляров. Ближайшие аналогии этой керамике прослеживаются на памятниках Марийского Поволжья – Васильсурском II, Кубашевском и Сомовском II городищах, которые датированы серединой – третьей четвертью I тыс. н.э. (Халиков, 1962, с. 154, 156, табл. XXXII: 15–17; Архипов, 1962,

с. 219, 221, табл. XLIII; Никитина, 1994, с. 76; 2002, с. 110–111, рис. 30, 31).

Подводя итоги, можно констатировать, что территория Казанской стоянки на протяжении всего времени ее существования использовалась как временная стоянка, об этом говорит отсутствие котлованов жилых построек и наличие открытых кострищ. Судя по исследованной коллекции каменных изделий, люди занимались здесь

производством средств охотничьего снаряжения, в том числе изготовлением каменных наконечников стрел из принесенных с собою заготовок. По всей вероятности, поселение, размещавшееся на дюне у старичного озера, использовалось как охотничья стоянка. Добычу, видимо, охотники уносили на стационарное поселение, что подтверждается малым числом костных остатков в раскопе 1938 г.

### ЛИТЕРАТУРА

*Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология Евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АНРТ, Отечество, 2014. 300 с.

*Архипов Г.А.* Городища первой половины I тыс. н.э. в Марийской АССР / Железный век Марийского края / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1962. С. 206–231.

*Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С.* Первый Мурзихинский могильник // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: КГУ, 1991. С. 20–39.

*Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А.* Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. с. 126–157.

*Галимова М.Ш.* Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20. / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 187–191.

*Галимова М.Ш., Руденко К.А.* Новые находки с городища Казанка II // Историко-археологические исследования Урало-Поволжья. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.) / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 87–99.

*Генинг В.Ф., Старостин П.Н.* Кумысские стоянки и могильник // ОНКАЭ. Вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Знание, 1972. С. 87–104.

*Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С.* Сиухинское поселение (предварительные итоги исследования 2009–2010 гг.) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.

*Збруева А.В.* Памятники поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. III / МИА. № 80. М.: ИА АН СССР, 1960. С. 10–95.

*Иванов В.А.* Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / ред. Г.И. Матвеева, И.Б. Васильев. Куйбышев, 1977. С. 94–102.

*Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / ред. В.А. Иванов, А.Х. Хузин. Уфа, 1982. С. 52–77.

*Иванов В.А., Чичко Т.В.* Статистико-типологический анализ керамики с поселений эпохи поздней бронзы в низовьях р. Белой (еще раз о проблеме генезиса ранней ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК) // Поволжская археология. 2019. № 1(27). С.121–135.

*Ишмуратова Г.Р.* Приказанская и ананьинская керамика поселения Курган // УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин Пермь, 1967. С. 101–109.

*Ишмуратова Г.Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51–73.

*Калинин Н.Ф.* Отчет о раскопках Казанской стоянки 18–23 сентября 1938 г. Казань, 1941 / Личный архив А.А. Чижевского. 19 с. 11 рис.

*Калинин Н.Ф.* Дневник. Раскопки стоянки у г. Казани. Раскопки 19–23. IX. 1938 г. Казань, 1941а / Личный архив А.А. Чижевского. 28 с.

*Калинин Н.Ф.* Дневник (беловой) археологических работ 19–23 сентября 1938 г. на «Казанской стоянке». Казань, 1941а / Личный архив А.А. Чижевского. 38 с.

*Калинин Н.Ф.* Казанская стоянка // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. Казань: НИИ КИМР, 1948. С. 179–186.

*Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточно-европейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. ТД / Отв. ред. Ю.Г. Екимов. Тула: ТОКМ, 1993. С. 39–43.

*Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА АН РТ, 2009. С. 29–55.

*Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. 2017. № 3. С. 22–36.

*Лыганов А.В., Хамзин Р.Н., Галимова М.Ш.* Материалы эпохи раннего металла Исаковского городища на р. Свяяга // Поволжская археология. 2018. № 3(25). С. 242–257.

*Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология Евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АНРТ, 2007. 136 с.

*Никитина Т.Б.* Средневековые городища Волго-Вятского междуречья: проблемы и перспективы изучения // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / АЭМК. Вып. 23 / Науч. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 67–85.

*Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

*Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1984. 230 с.

*Патрушев В.С.* Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленева. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 25–74.

*Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 280 с.

*Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

*Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа / Железный век Марийского края / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1962. С. 7–187.

*Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

*Халиков А.Х.* Приказанская культура. // САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

*Халикова Е.А.* Второй Полянский могильник // УЗ ПГУ. №148 / Отв. ред. В.А. Оборин Пермь, 1967. С. 116–132.

*Худяков М.Г.* Могильник Маклашеевка II // Материалы центрального музея Татарской АССР / Ред. кол. Н.И. Воробьев и др. Казань, 1930. С. 11–14.

*Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология Евразийских степей. Вып.5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

*Чижевский А.А.* Исследования Сорочьегорского городища в 2007 г. // УАВфимский археологический вестник. Вып.8. Уфа, 2008а. С. 91–98.

*Чижевский А.А.* Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

*Чижевский А.А.* Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

*Чижевский А.А., Галимова М.Ш.* Результаты исследований Борисоглебской стоянки на р. Казанке // Научный Татарстан. Сер Гуманитарные науки. №4. Казань, 2010. С.127–136.



*Чижевский А.А., Лыганов А.В.* Исследование памятников эпохи бронзы в Приустьевом Закамье // Поволжская археология. 2015. №2(12). С.52–82.

*Чижевский А.А., Шпилов А.В., Капленко Н.М.* Исследования Каентубинской островной стоянки // УАВ. Вып.12 / редколлегия УАВ. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 71–80.

*Чижевский А.А., Шпилов А.В., Капленко Н.М.* Итоги исследования Каентубинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. №1(19). С.50–70.

### **Информация об авторах:**

**Чижевский Андрей Алексеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); [chijevski@mail.ru](mailto:chijevski@mail.ru)

**Галимова Мадина Шакировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); [mgalimova@yandex.ru](mailto:mgalimova@yandex.ru)

**Губайдуллина Антонина Викторовна**, научный сотрудник отдела вещевых источников ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан» (НМРТ), (г. Казань, Россия); [antonina.gubaidullina@mail.ru](mailto:antonina.gubaidullina@mail.ru)

## **KAZANSKAYA SITE (ON THE BASIS OF 1938 STUDY MATERIALS)**

**A.A. Chizhevsky, M.Sh. Galimova, A.V. Gubaidullina**

Kazanskaya site is one of the few sites of the Late Bronze and Early Iron Ages within the boundaries of Kazan, which have been subjected to stationary research. Excavations were conducted at the site by N.F. Kalinin in 1938, but the collections obtained as a result of field work have only been partially published. The article introduces into scientific discourse the materials obtained in the process of these studies. As a result of the analysis of field diaries and collections from the site, the authors conclude that the set of stone artifacts, the absence of residential building pits, and the presence of open fireplaces indicate the use of the settlement as a temporary hunting site, which was facilitated by its location on a dune near a bayou lake. The site operated since the early (Atabaevo) stage of Maklasheevo culture (14th-13th centuries B.C.) until the end of the existence of Ananyino Cultural and Historical Area (4th-3rd centuries B.C.).

**Keywords:** archaeology, Middle Volga region, Late Bronze Age, Early Iron Age, Middle Volga textile ceramics culture, Maklasheevo culture, Ananyino Cultural and Historical Area, Akozino culture, Post-Maklasheevo culture.

### **About the Authors:**

**Chizhevsky Andrei A.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; [chijevski@mail.ru](mailto:chijevski@mail.ru)

**Galimova Madina Sh.** Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences. Butlerova st., 18, Kazan, 420014, Russian Federation; [mgalimova@yandex.ru](mailto:mgalimova@yandex.ru)

**Gubaidullin Antonina V.** National Museum of the Republic of Tatarstan. Kremlyovskaya St., 2, Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; [antonina.gubaidullina@mail.ru](mailto:antonina.gubaidullina@mail.ru)

Таблица 1а.

Распределение категорий керамики и  
дополнительных деталей оформления шейки по глубинам

Культура	Форма сосуда				Дополнительные детали шейки				
	глубина	горшок	чаша	Итого	валик	воротничок узкий	воротничок широкий	Без дополнительных деталей	Итого
КТК	1 пл.	15		15			9	6	15
	%	100		100			60	40	100
КТК	2 пл.	8		8			5	3	8
	%	100		100			62,5	37,5	100
АК	1 пл.	13	2	15				15	15
	%	86,7	13,3	100				100	100
АК	2 пл.	18	3	21				21	21
	%	85,7	14,3	100				100	100
Агаб	1 пл.	4		4		2		2	4
	%	100		100		50		50	100
Агаб	2 пл.	5		5	2	1		2	5
	%	100		100	40	20		40	100
Мак	1 пл.	16		16			8	8	16
	%	100		100			50	50	100
Мак	2 пл.	2		2			2		2
	%	100		100			100		100
ПМК	1 пл.	22		22				22	22
	%	100		100				100	100
ПМК	2 пл.	16		16				16	16
	%	100		100				100	100

Таблица 16.

## Распределение элементов орнамента по грубинам

Культура	глубина	Раппорт	Орнамент										Итого	
			ямка			вдавление			шнур		штамп			ногтевой
			под срезом венчика	внизу шейки	на тулове	круглое	овальная	треугольн	однорядный	многорядный	гладкий	зубчатый		
КТК	1 пл.	9	3	14	3		1	1			1	8		40
	%	22,5	7,5	35	7,5		2,5	2,5			2,5	20		100
КТК	2 пл.	5	2	8				1			3	2	3	24
	%	21	8,3	33				4,2			12,5	8,3	12,5	100
АК	1 пл.	9	3	11	1				1		2	3	1	31
	%	29	9,7	35,5	3,2				3,2		6,5	9,7	3,2	100
АК	2 пл.		5	13	2		1				1	1	7	30
	%		16,7	43,4	6,7		3,3				3,3	3,3	23,3	100
Атаб	1 пл.			1							4			5
	%			20							80			100
Атаб	2 пл.			2							3		2	7
	%			28,6							42,8		28,6	100
Мак	1 пл.			12			2				8	5	4	31
	%			38,7			6,5				25,8	16,1	12,9	100
Мак	2 пл.			2									1	3
	%			66,7									33,3	100
ПМК	1 пл.			17			2	4		1	3	9	4	40
	%			42,5			5	10		2,5	7,5	22,5	10	100
ПМК	2 пл.			14			3	1			3	5	4	30
	%			46,7			10	3,3			10	16,7	13,3	100

**Примечание.** Проценты рассчитываются от общего количества фрагментов (форма) или элементов орнамента в керамике каждой археологической культуры пласта.



Таблица 2а.

Общая характеристика сочетания элементов орнамента

Пласт 1. Средневожская культура текстильной керамики (СКТК)																
		раппорт		ямка			шнур			штамп		вдавления			ногтевые	Без др. элементов
		есть	нет	под срезом венчика	внизу шейки	на тулове	одинарный	двойной	тройной	зубчатый	гладкий	круглое	овал.	треуг.		
ямка	под срезом венчика	2	1		2	1				1			1		1	
	внизу шейки	9	5	2		2				5	1		1	1	4	
	на тулове	1		1	2					1						1
ногтевые		2	2	1	4											
Без др. элементов				4	1											
Итого		14	8	4	12	4				7	1		2	1	5	1
Пласт 2. Средневожская культура текстильной керамики (СКТК)																
ямка	под срезом венчика	2			2						1				1	
	внизу шейки	5	3	2						2	3			1	2	1
	на тулове															
ногтевые		2	1	1	2											
Без др. элементов															2	
Итого		9	4	3	4					2	4			1	5	1

Таблица 26.

## Общая характеристика сочетания элементов орнамента

Пласт 1. Акозинская культура (АК)																
		раппорт		ямка			шнур			штамп		вдавления			ногтевые	Без др. элементов
		есть	нет	под срезом венчика	внизу шейки	на тулове	одинарный	двойной	тройной	зубчатый	гладкий	круглое	овал.	треуг.		
ямка	под срезом венчика	1	2							1						1
	внизу шейки	7	3							3	1				1	6
	на тулове		1								1					
ногтевые		1	1		1											
Без др. элементов				1	6										1	
Итого		9	7	1	7					4	2				2	7
Пласт 2. Акозинская культура (АК)																
ямка	под срезом венчика	5			1										1	4
	внизу шейки	11	2	1		1				1	1				4	5
	на тулове	2			1											1
ногтевые		6	1	1	4											2
Без др. элементов				4	5	1							1		2	
Итого		24	3	6	11	4				1	1		1		7	12

Таблица 2в.

Общая характеристика сочетания элементов орнамента

Пласт 1. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры (Атаб)																
		раппорт		ямка			шнур			штамп		вдавления			ногтевые	Без др. элементов
		есть	нет	под срезом венчика	внизу шейки	на тулове	одинарный	двойной	тройной	зубчатый	гладкий	круглое	овал.	треуг.		
ямка	под срезом венчика															
	внизу шейки		1								1					
	на тулове															
ногтевые																
Без др. элементов											3					
Итого			1								4					
Пласт 2. Ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры (Атаб)																
ямка	под срезом венчика															
	внизу шейки		2							1	1					1
	на тулове															
ногтевые											1					
Без др. элементов			1								1					
Итого			3							1	3					1



Таблица 2г.

## Общая характеристика сочетания элементов орнамента

Пласт 1. Поздний (маклашеевский) этап маклашеевской культуры (Мак)																
		раппорт		ямка			шнур			штамп		вдавления			ногтевые	Без др. элементов
		есть	нет	под срезом венчика	внизу шейки	на тулове	одинарный	двойной	тройной	зубчатый	гладкий	круглое	овал.	треуг.		
ямка	под срезом венчика															1
	внизу шейки		12						4	6		1		4		2
	на тулове															
ногтевые			4		4											
Без др. элементов							1			1	2		1			
Итого			16		4		1		4	7	2	1	1	4		3
Пласт 2. Поздний (маклашеевский) этап маклашеевской культуры (Мак)																
ямка	под срезом венчика															
	внизу шейки		2						1	1	1			1		
	на тулове															
ногтевые			1		1											
Без др. элементов																
Итого			3		1				1	1	1			1		

Таблица 2д.

Общая характеристика сочетания элементов орнамента

Пласт 1. Постмаклашеевская культура (ПМК)																
		раппорт		ямка			шнур			штамп		вдавления			ногтевые	Без др. элементов
		есть	нет	под срезом венчика	внизу шейки	на тулове	одинарный	двойной	тройной	зубчатый	гладкий	круглое	овал.	треуг.		
ямка	под срезом венчика															
	внизу шейки		14					1		4	3		2	2	4	2
	на тулове															
ногтевые			4		4											
Без др. элементов					2					1				2		
Итого			18		6			1		5	3		2	4	4	2
Пласт 2. Постмаклашеевская культура (ПМК)																
ямка	под срезом венчика															
	внизу шейки		14							4	3		2	1	4	
	на тулове															
ногтевые			4		4											
Без др. элементов										1						
Итого			18		4					5	3		2	1	4	

Таблица 3а.

## Орнаментальные мотивы с двумя и более элементами

№	СКТК	1 пласт		2 пласт		Итого
		количество	проценты	количество	проценты	
1	ТР+ЯШ	5	33,1			5
2	ТР+ЯТ	1	6,7			1
3	ЯС+ЯШ	1	6,7	1	12,5	2
4	ЯШ+ЗШ	3	20			3
5	НВ+ЯШ			1	12,5	1
6	ТР+ЯШ+ЗШ			1	12,5	1
7	ТР+ЯШ+НВ			1	12,5	1
8	ТР+ЯШ+ЯТ	1	6,7			1
9	ТР+ЯС+ЯШ+ГШ			1	12,5	1
10	ТР+ЯШ+ВТ+ГШ	1	6,7			1
11	ЯС+ЯШ+ВО+ЗШ	1	6,7			1
12	ТР+ЯШ+ГШ+ЗШ			1	12,5	1
13	ТР+ЯШ+ВТ+ГШ+НВ			1	12,5	1
14	ТР+ЯС+ЯШ+ЯТ+ЗШ	1	6,7			1
15	С одним элементом	1	6,7	1	12,5	2
Итого		15	100	8	100	23

**Условные обозначения:** ТР – текстильный раппорт, ЯС - ямка под срезом, ЯШ - ямка в нижней части шейки, ЯТ - ямка на тулове, ГШ - гладкий штамп, ЗШ - зубчатый штамп, НВ - ногтевые вдавления, ОШ - однорядный шнур, ДШ - двойной шнур, ВТ - вдавления треугольные, ВО - вдавления овальные



Таблица 36.

Орнаментальные мотивы с двумя и более элементами

№	АК	1 пласт		2 пласт		Итого
		количество	проценты	количество	проценты	
1	ТР+ЯС	1	6,7	3	14,2	4
2	ТР+ЯТ			1	4,8	1
3	ТР+ЯШ	6	40	5	23,7	11
4	ЯС+ЗШ	1	6,7			1
5	ЯШ+ГШ	1	6,7			1
6	ЯШ+ЗШ			1	4,8	1
7	ЯШ+НВ			1	4,8	1
8	ЯТ+ГШ	1	6,7			1
9	ТР+НВ			2	9,5	2
10	ОВ+ОВ			1	4,8	1
11	ТР+ЯС+НВ			1	4,8	1
12	ТР+ЯС+ЯШ			1	4,8	1
13	ТР+ЯШ+ЯТ			1	4,8	1
14	ТР+ЯШ+НВ	1	6,7	3	14,2	4
15	ТР+ЯШ+ГШ			1	4,8	1
16	ТР+ЯШ+ЗШ	1	6,7			1
17	ЯШ+ОШ+ЗШ	1	6,7			1
18	С одним элементом	2	13,1			2
Итого		15	100	21	100	36

Таблица 3в.

## Орнаментальные мотивы с двумя и более элементами

№	Атаб.	1 пласт		2 пласт		Итого
		количество	проценты	количество	проценты	
1	ЯШ+ГШ	1	25	1	20	2
2	НВ+ГШ			1	20	1
3	С одним элементом	3	75	3	60	6
Итого		4	100	5	100	9

Таблица 3г.

## Орнаментальные мотивы с двумя и более элементами

№	Мак	1 пласт		2 пласт		Итого
		количество	проценты	количество	проценты	
1	ЯШ+ЗШ	3	17,6	1	50	4
2	ЯШ+ГШ	2	11,8			2
3	ЯШ+ЗШ+НВ	1	5,9			1
4	НВ+ЯШ+ГШ	1	5,9	1	50	2
5	ЯШ+ГШ+ОВ	1	5,9			1
6	ЯШ+ГШ+НВ	3	17,6			3
7	С одним элементом	6	35,3			6
Итого		17	100	2	100	19

Таблица 3д.

## Орнаментальные мотивы с двумя и более элементами

№	ПМК	1 пласт		2 пласт		Итого
		количество	проценты	количество	проценты	
1	НВ+ЯШ	2	9,1	2	12,5	4
2	ЯШ+ГШ	2	9,1	3	18,8	5
3	ЯШ+ЗШ	4	18,3	3	18,8	7
4	ЯШ+ОШ	1	4,5			1
5	ЯШ+ВО	1	4,5	2	12,5	3
6	ЯШ+ВТ	1	4,5			1
7	НВ+ЯШ+ЗШ	1	4,5	1	6,2	2
8	НВ+ЯШ+ВО			1	6,2	1
9	НВ+ЯШ+ВТ	1	4,5			1
10	ЯШ+ВО+ГШ	1	4,5			1
11	ЯШ+ДШ+ГШ	1	4,5			1
12	С одним элементом	7	32	4	25	11
Итого		22	100	16	100	38

Таблица 4.

Состав коллекции изученных каменных артефактов

	кре- мень	окремне- лый из- вестняк	квар- цит	опока	про- чие	Всего
Отщепы и сколы-отходы производства бифасов	40	22	6	2		70
Осколки	18	4	5	1		28
Фрагменты сколов	4	3				7
Пластины (случайные)	2		2	1		5
Фрагмент микронуклеуса в начальной стадии расщепления	1					1
Всего сколов-отходов	65	29	13	4		111 60,0%
Заготовки бифасов						
Заготовки бифасов в начальной стадии: куски и фрагменты конкреций, массивные отщепы и пластины, зачастую с подогнутыми «ребрами»	12	2	8			22
Заготовки тонких бифасов – наконечников стрел в средней стадии (отщепы уплощенные)	13	2	3			18
Всего заготовок бифасов	25	4	11			40 21,6%
Орудия						
Абразивы (гальки))			1		2	3
Скребки (на отщепах и аморфной пластине)	8					8
Долотовидные орудия с подтеской рабочей части (долотце и стамеска)	3	2				5
Ножи-ложжари на пластинах и изогнутым или скругленным ретушью концом	3					3
Отщепы с ретушью утилизации (скобели, резцы, ножи)	9	5	1			15
Всего орудий	23	7	2		2	34 18,4%
<b>ВСЕГО</b>	<b>113</b> 61,1%	<b>40</b> 21,6%	<b>26</b> 14,1%	<b>4</b> 2,2%	<b>2</b> 1,0%	<b>185</b> 100%





Рис. 1. Казанская стоянка, современная карта расположения памятника.



Рис. 2. Акварель Н.Ф. Калинина «На Казанке» 16.VII.23.

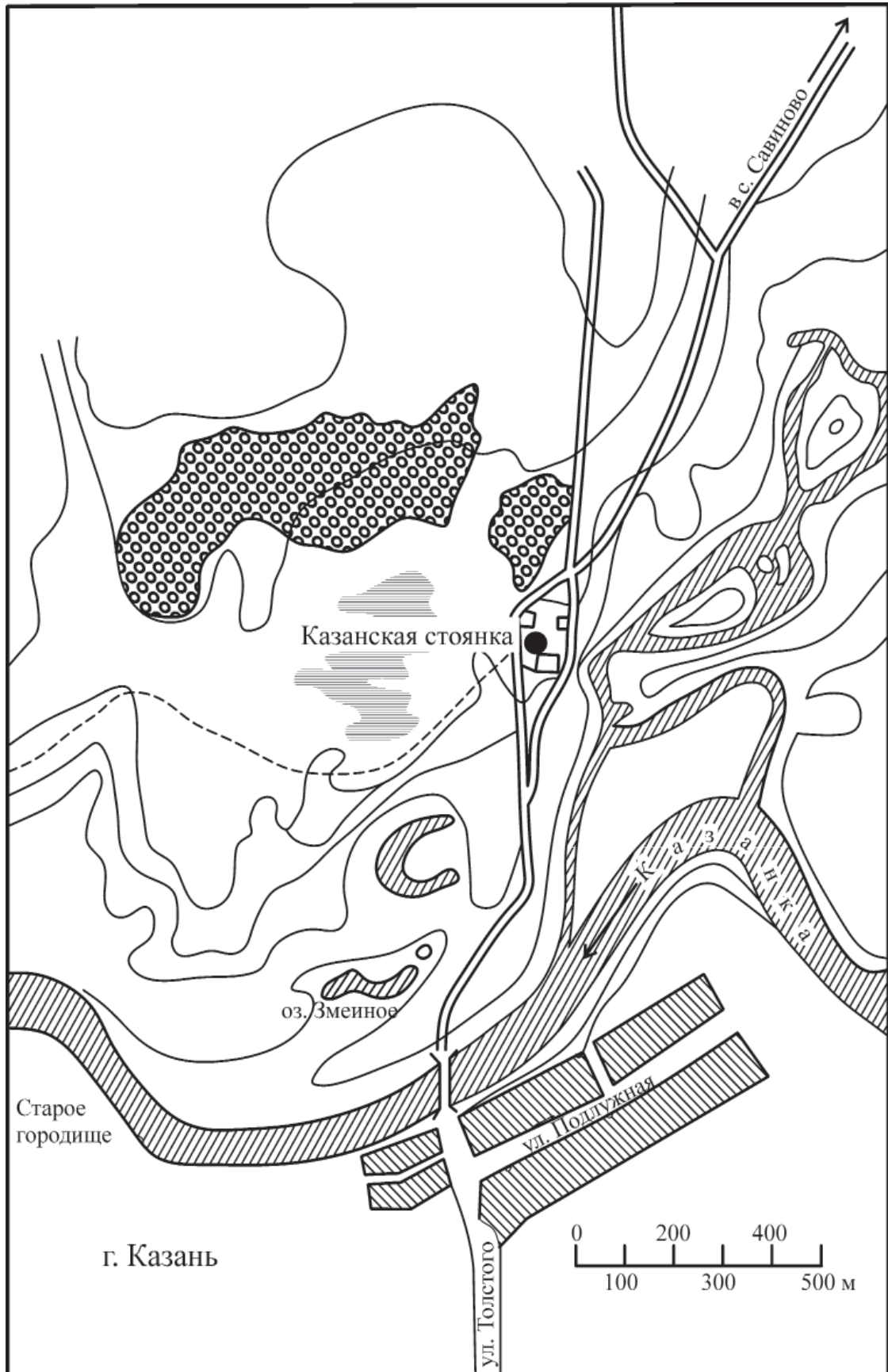
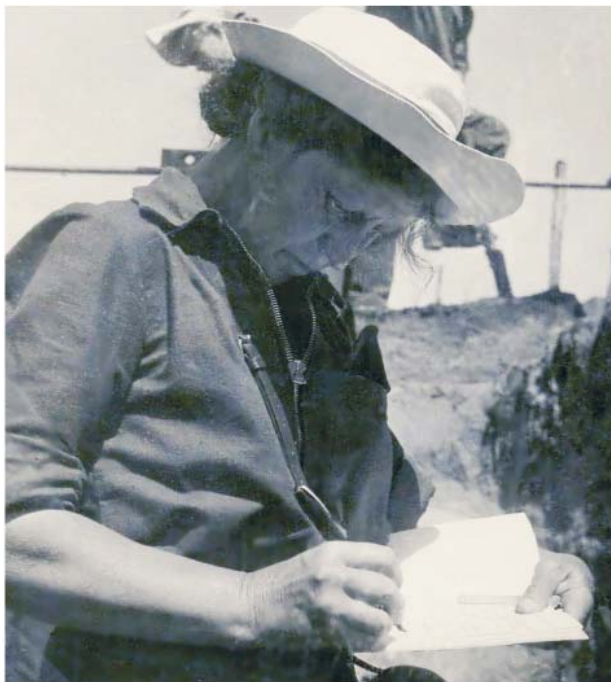
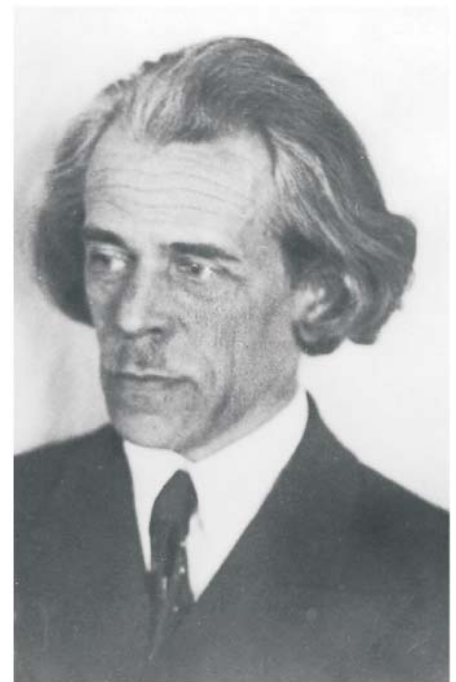


Рис. 3. Казанская стоянка, схема расположения памятника в 1938 г. По Н.Ф. Калинину, 1948 г.



1



2

Рис.4. 1 – А.М. Ефимова, фотография 1949 г., 2 – Н.Ф. Калинин, фотография 1930–1931 гг.

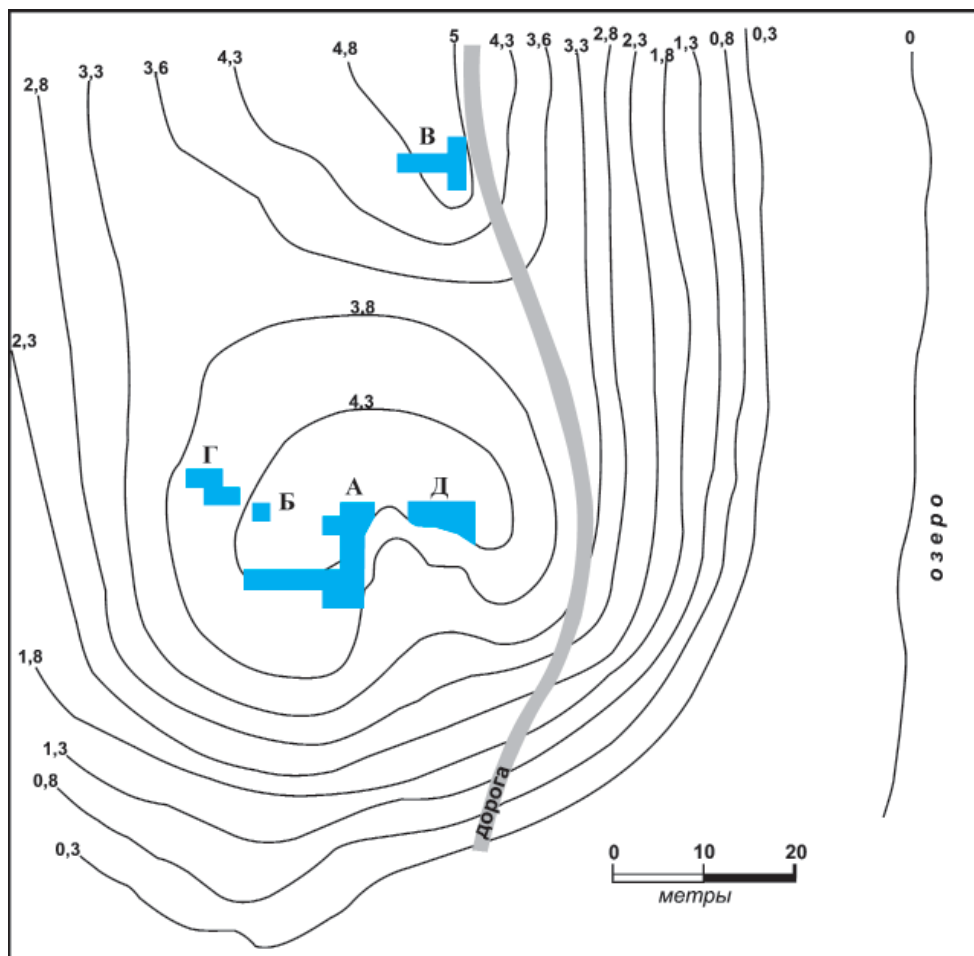
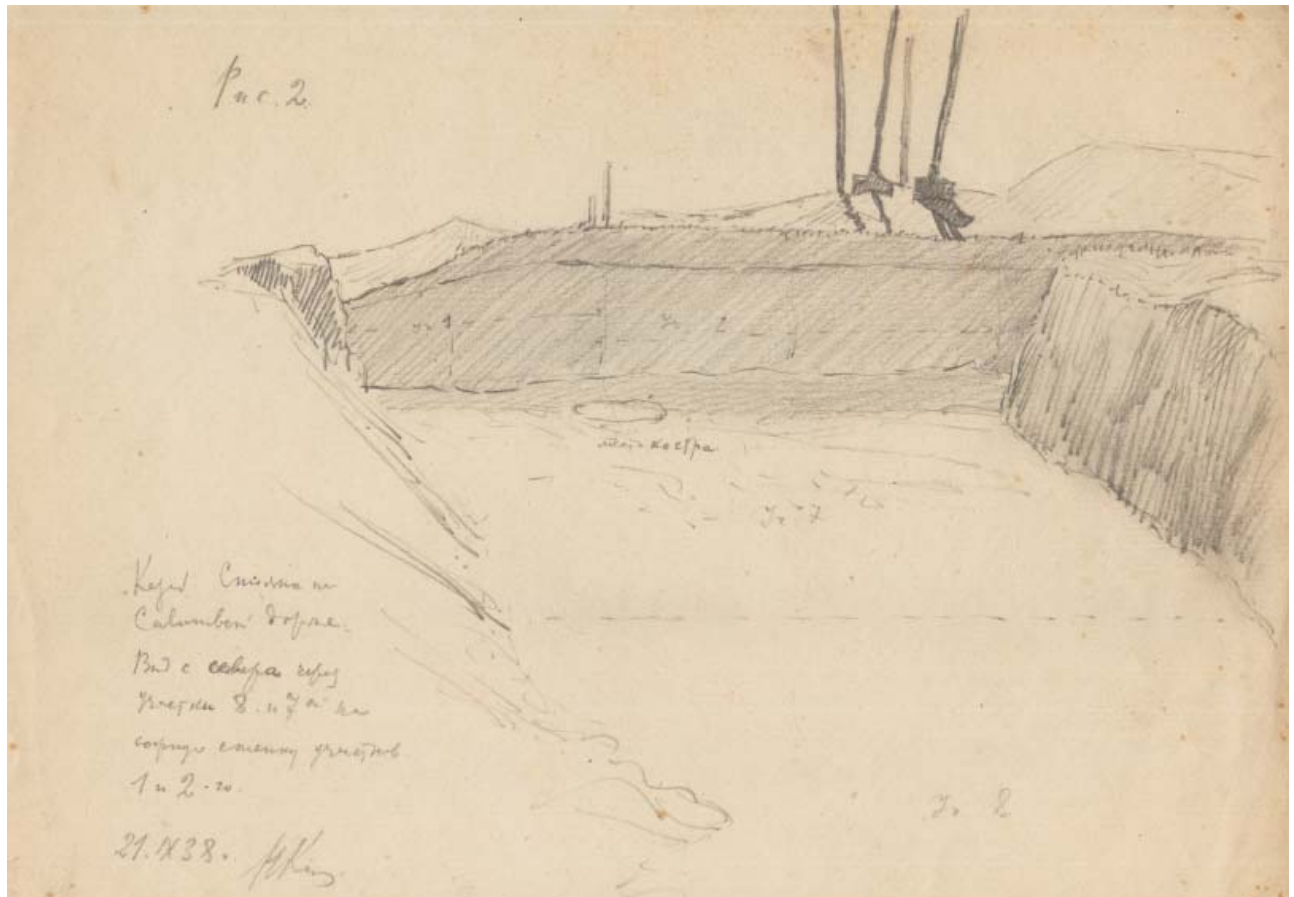


Рис. 5. Казанская стоянка, ситуационный план.

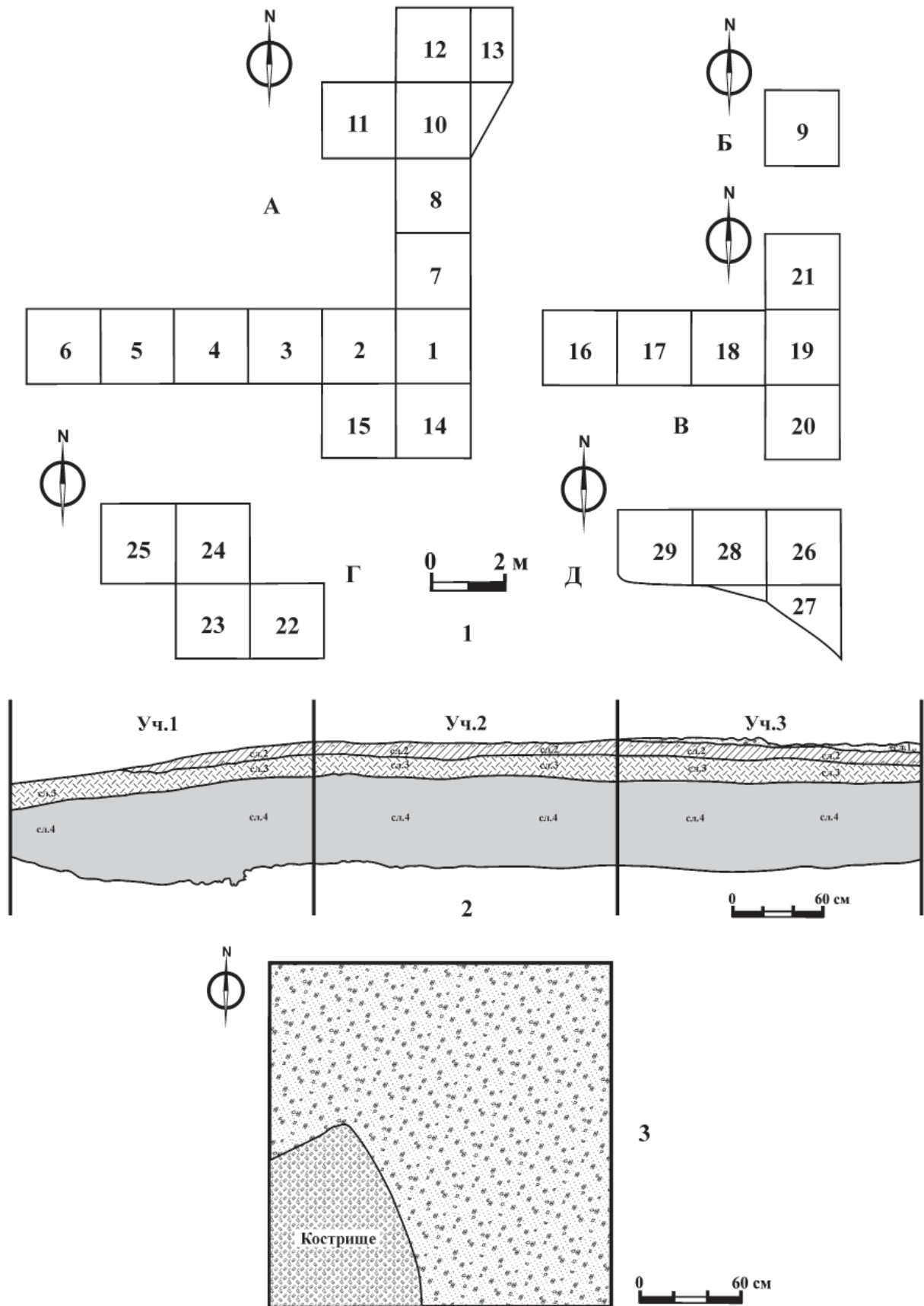




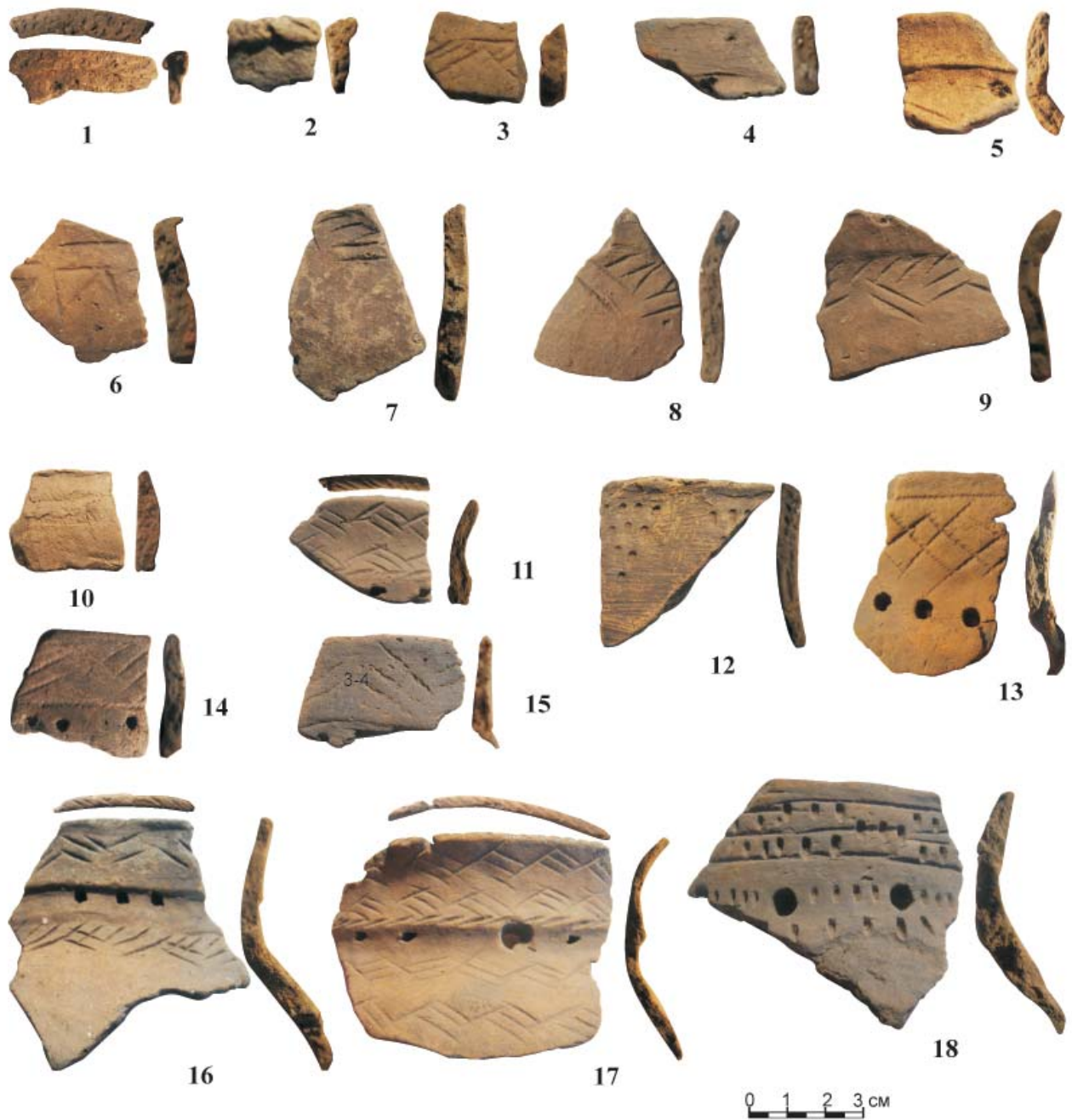
**Рис. 6.** Казанская стоянка на Савиновской дороге, вид с севера через участки 8 и 7 на южную стенку участков 1 и 2-го. Рисунок Н.Ф. Калинина 21.IX.38 г.



**Рис. 7.** Казанская стоянка, вид с запада на участки 26 и 27. Рисунок Н.Ф. Калинина 23.IX.38 г.

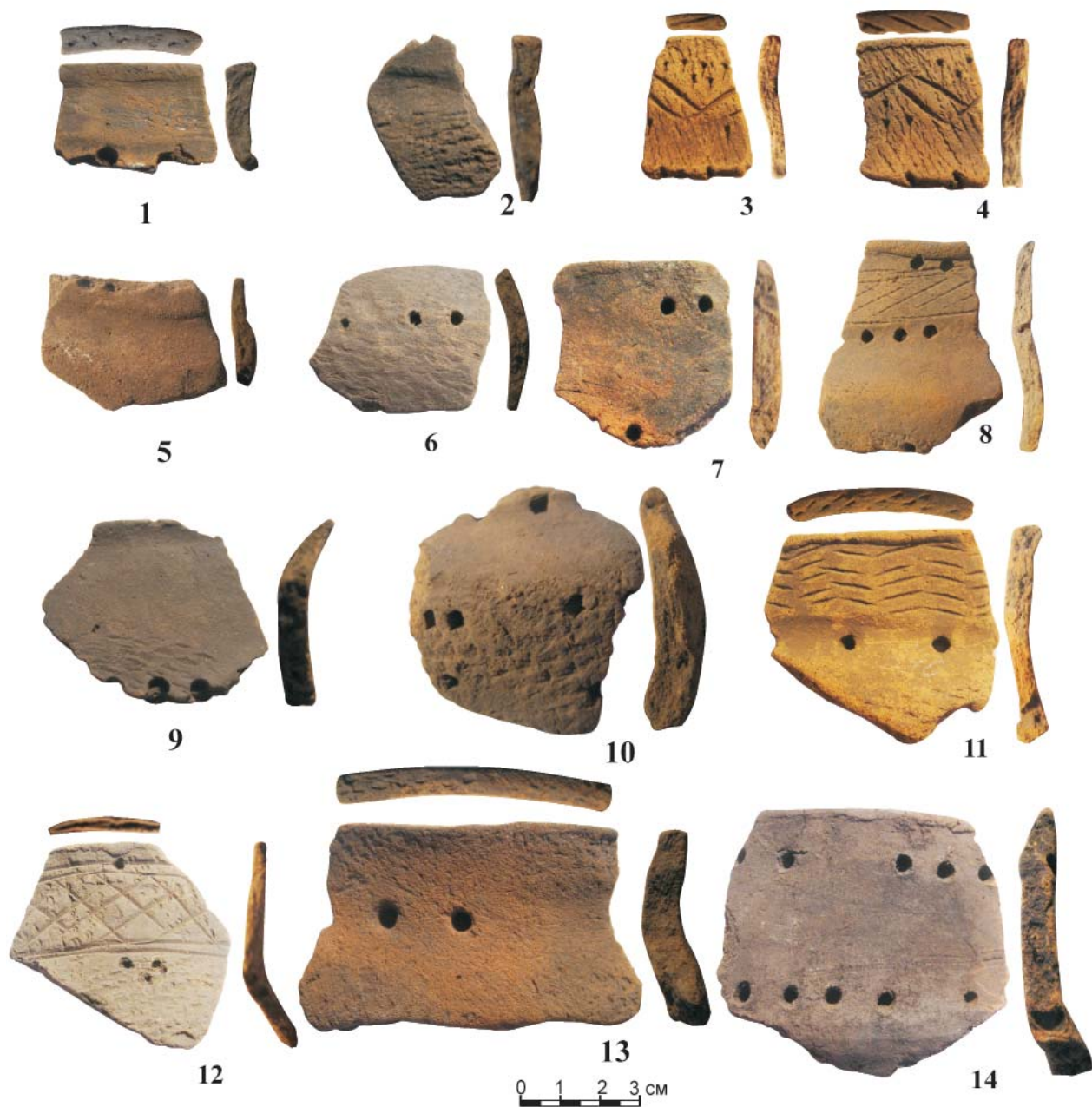


**Рис. 8.** Казанская стоянка. 1А – план раскопа А (уч.1–8, 10–15), 1Б – план раскопа Б (уч. 9), 1В – план раскопа В (уч. 16–21), 1Г – план раскопа Г (уч. 22–25), 1Д – план раскопа Д (уч. 26–29); 2 – профиль южной стенки уч.1–3 (по чертежу Н.Ф. Калинина 1938 г.); 3 –фрагмент плана кострища на уч.10 (по Н.Ф. Калинину 1941а).

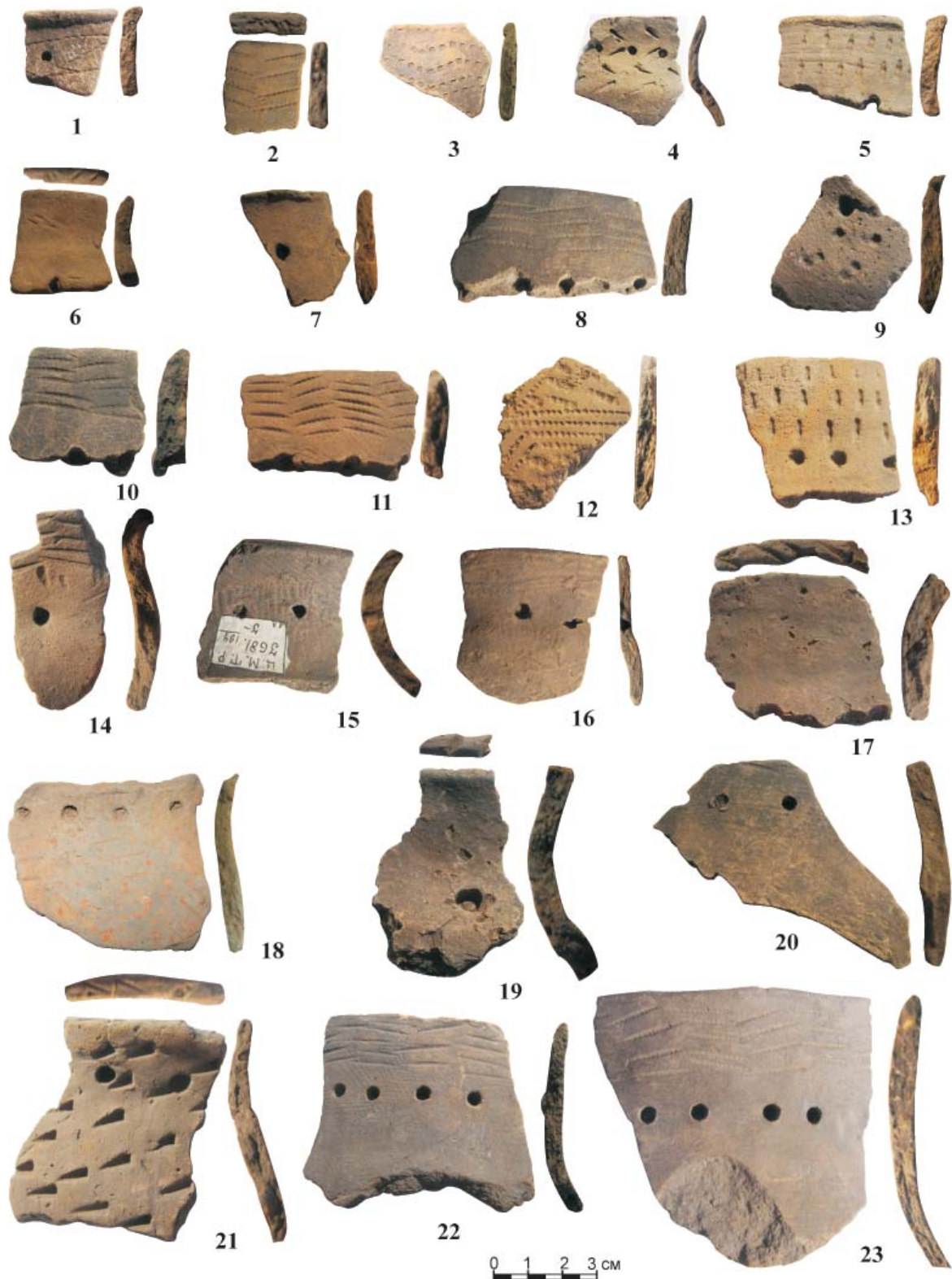


**Рис. 9.** Казанская стоянка, керамика с примесью раковины: атабаевского (1–9) и маклашеевского (10–18) этапов маклашеевской культуры. 1 – уч. 3, пл. 2; 2 – уч. 3, пл. 2; 3 – уч. 29, пл. 1; 4 – уч. 2, пл. 2; 5 – уч. 2, пл. 2; 6 – уч. 26, пл. 1; 7 – уч. 1, пл. 2; 8 – уч. 14, пл. 1; 9 – уч. 14, пл. 1; 10 – уч. 29, пл. 1; 11 – уч. 1, пл. 2; 12 – уч. 7, пл. 1; 13 – уч. 29, пл. 1; 14 – уч. 1, пл. 2; 15 – уч. 14, пл. 1; 16 – уч. 14, пл. 1; 17 – уч. 14, пл. 1; 18 – уч. 26, пл. 1.



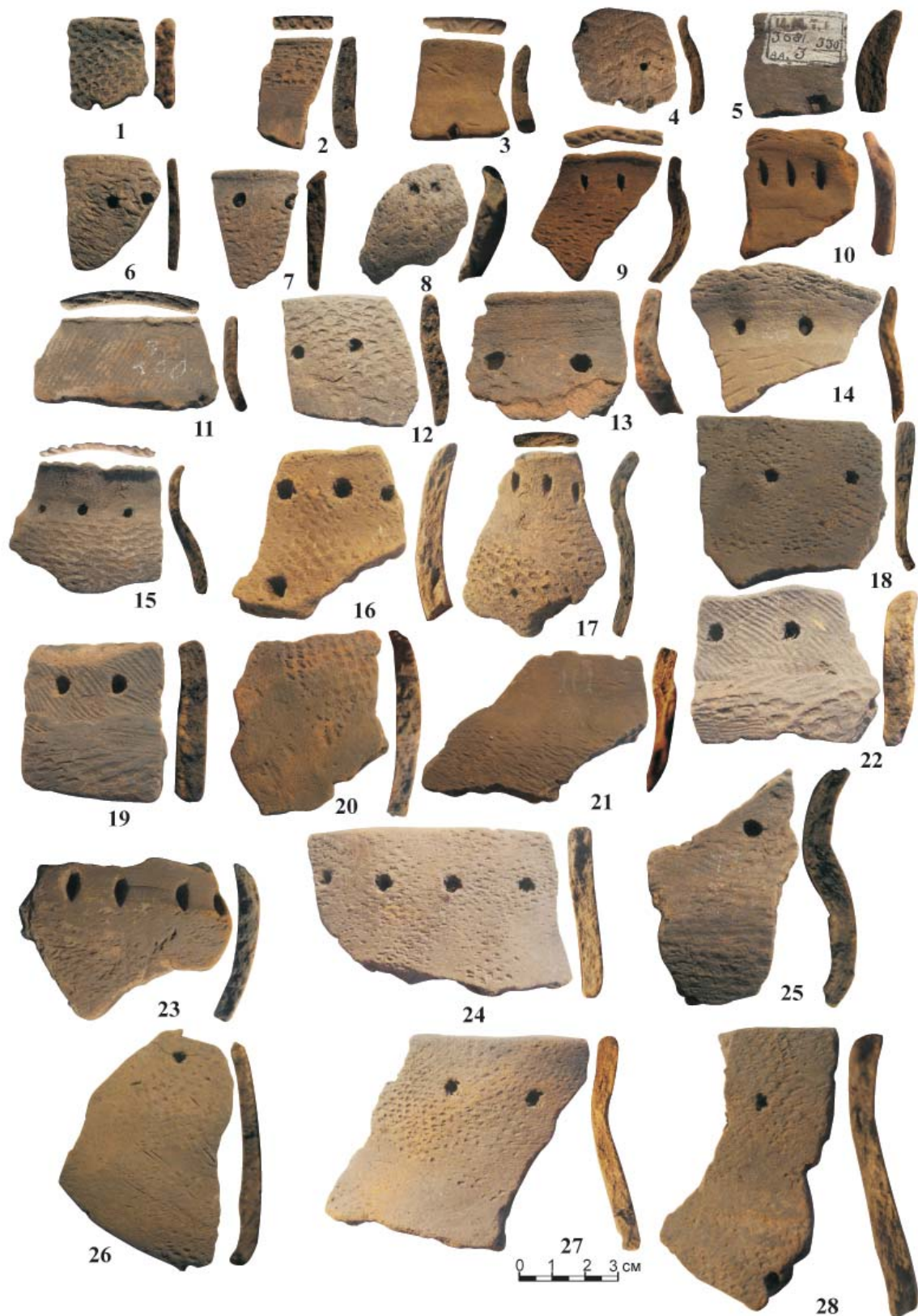


**Рис. 10.** Казанская стоянка, керамика с примесью песка маклашеевского этапа маклашеевской культуры и средневожской культуры текстильной керамики. 1 – уч. 27, пл. 1; 2 – уч. 27, пл. 1; 3 – уч. 15, пл. 1; 4 – уч. 3, пл. 2; 5 – уч. 7, пл. 2; 6 – уч.7, пл. 1; 7 – уч. 7, пл. 1; 8 – уч. 29, пл. 1; 9 – уч. 3, пл. 1; 10 – уч. 14, пл. 1; 11 – уч. 1, пл. 2; 12 – уч. 1, пл. 2; 13 – уч. 7, пл. 2; 14 – уч. 2, пл. 2.



**Рис. 11.** Казанская стоянка, керамика с примесью раковины ананьинской культурно-исторической области.  
1 – уч. 18, пл. 1; 2 – уч. 8, пл. 2; 3 – уч. 3, пл. 1; 4 – уч. 7, пл. 1; 5 – уч. 3, пл. 1; 6 – уч. 2, пл. 2; 7 – уч. 8, пл. 1;  
8 – уч. 1, пл. 1; 9 – уч. 7, пл. 1; 10 – уч. 1, пл. 2; 11 – уч. 14, пл. 1; 12 – уч. 14, пл. 1; 13 – уч. 3, пл. 2; 14 – уч. 15,  
пл. 1; 15 – уч. 3, пл. 2; 16 – уч. 2, пл. 2; 17 – уч. 8, пл. 1; 18 – уч. 3, пл. 2; 19 – уч. 3, пл. 1; 20 – уч. 27, пл. 2;  
21 – уч. 18, пл. 1; 22 – уч. 1, пл. 2; 23 – уч. 1, пл. 2.



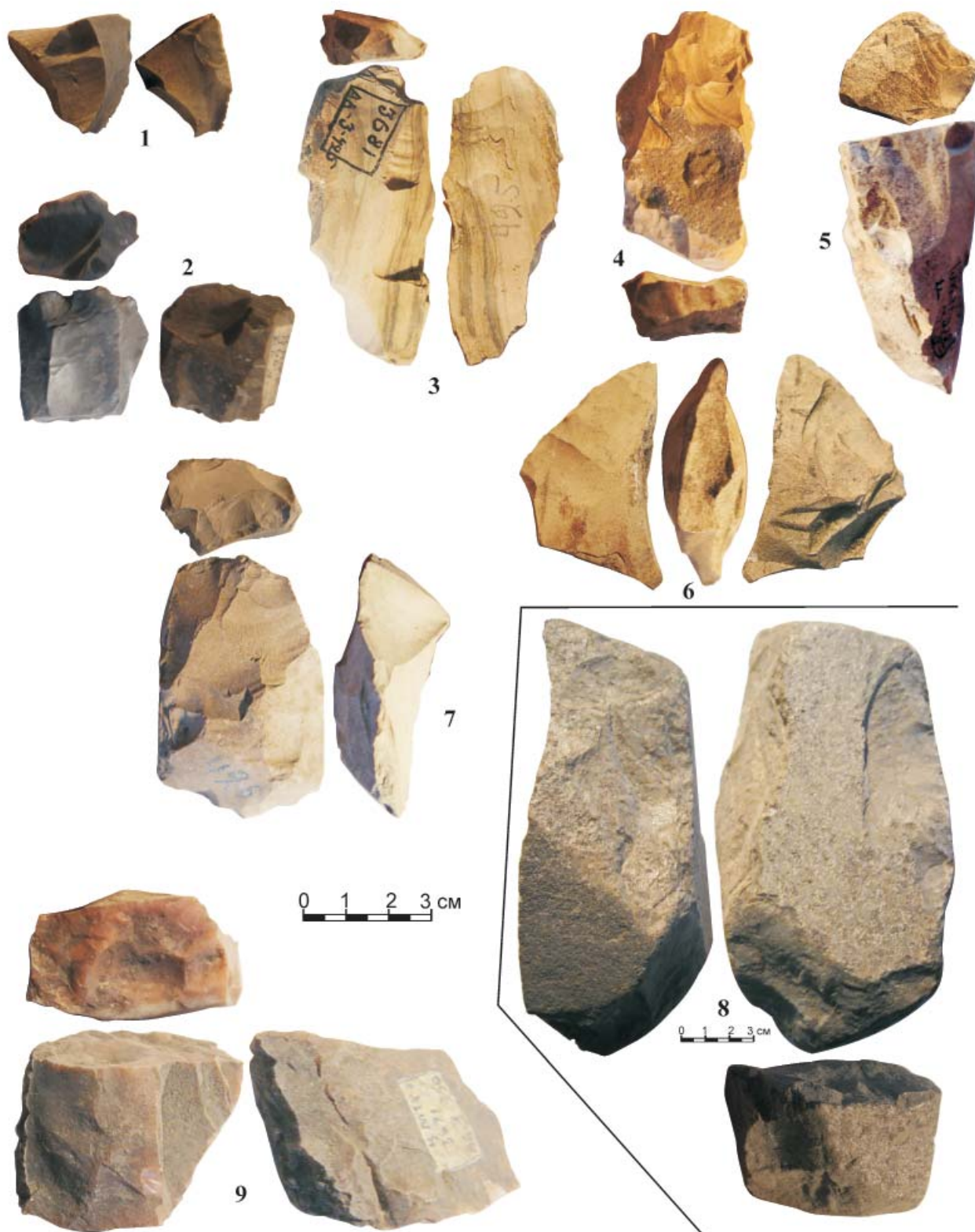


**Рис. 12.** Казанская стоянка, керамика с текстильным рапортом ананьинской культурно-исторической области.  
 1 – уч. 14, пл. 1; 2 – уч. 7, пл. 2; 3 – уч. 8, пл. 2; 4 – уч. 26, пл. 1; 5 – уч. 7, пл. 1; 6 – уч. 8, пл. 2; 7 – уч. 7, пл. 2;  
 8 – уч. 15, пл. 1; 9 – уч. 1, пл. 2; 10 – уч. уч. 7, пл. 2; 11 – уч. 2, пл. 2; 12 – уч. 8, пл. 1; 13 – уч. 3, пл. 2; 14 – уч. 1,  
 пл. 2; 15 – уч. 3, пл. 1; 16 – уч. 1, пл. 2; 17 – уч. 1, пл. 2; 18 – уч. 2, пл. 2; 19 – уч. 1, пл. 2; 20 – уч. 8, пл. 2; 21 –  
 уч. 1, пл. 2; 22 – уч. 2, пл. 2; 23 – уч. 7, пл. 2; 24 – уч. 1, пл. 2; 25 – уч. 4, пл. 1; 26 – уч. 2, пл. 2; 27 – уч. 14, пл. 1;  
 28 – уч. 1, пл. 1.



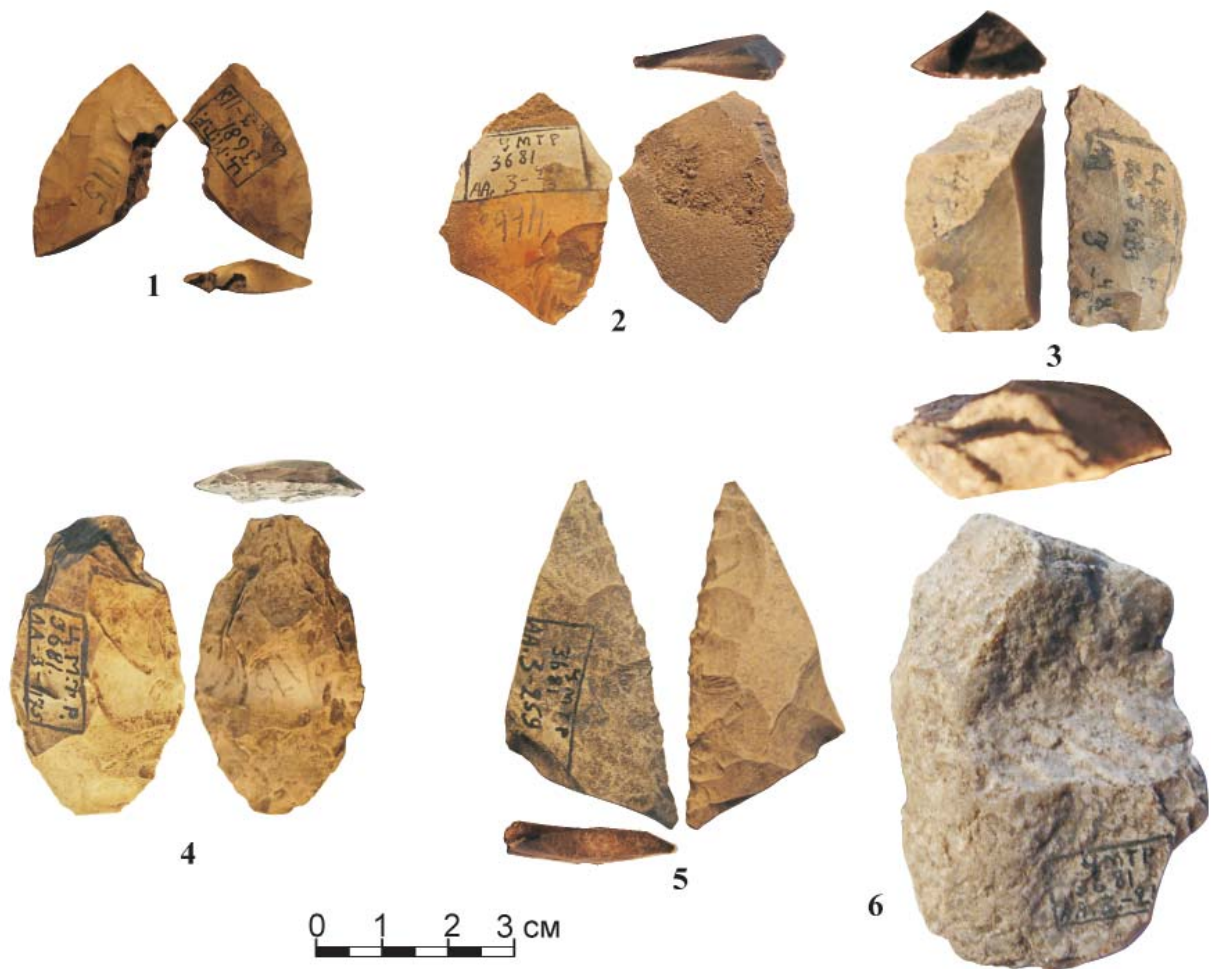


**Рис. 13.** Казанская стоянка, керамика – донья сосудов. 1–9 – плоскодонные, конец I – начало II тыс. н.э.; 10–13 – круглодонные с текстильным раппортом, финал бронзового – ранний железный век. 1 – уч. 14, пл. 1; 2 – уч. 14, пл. 1; 3 – уч. 15, пл. 1; 4 – уч. 1, пл. 2; 5 – уч. 27, пл. 1; 6 – уч. 14, пл. 1; 7 – уч. 1, пл. 1; 8 – уч. 14, пл. 1; 9 – уч. 1, пл. 1; 10 – уч. 2, пл. 2; 11 – уч. 7, пл. 1; 12 – уч. 2, пл. 2; 13 – уч. 2, пл. 2.



**Рис. 14.** Казанская стоянка, каменный инвентарь: нуклеусы и заготовки бифасов в начальной стадии. 1 – уч. 20–21, пл. 1; 2 – уч. 28, пл. 1; 3 – уч. 7, пл. 1; 4 – уч. 7, пл. 2; 5 – уч. 7, пл. 1; 6 – уч. 3, пл. 2; 7 – уч. 1, пл. 2; 8 – уч. 7, пл. 2; 9 – уч. 7, пл. 2.





**Рис. 15.** Казанская стоянка, каменный инвентарь. Заготовки тонких бифасов в средней стадии. 1 – уч. 19, пл. 1; 2 – уч. 8, пл. 2; 3 – уч. 14, пл. 1; 4 – уч. 14, пл. 1; 5 – уч. 1, пл. 2; 6 – уч. 29, пл. 1.





**Рис. 16.** Казанская стоянка, каменный инвентарь: скребки и ложки. 1 – уч. 1, пл. 2; 2 – уч. 20–21, пл. 1; 3 – уч. 1, пл. 2; 4 – уч. 8, пл. 2; 5 – уч. 8, пл. 2; 6 – уч. 10, пл. 1; 7 – уч. 27, пл. 1; 8 – уч. 14, пл. 1; 9 – уч. 20, 21, пл. 1; 10 – уч. 14, пл. 1; 11 – уч. 14, пл. 1.



Рис. 17. Казанская стоянка, каменный инвентарь: долота и абразивы. 1 – уч. 7, пл. 2; 2 – уч. 19, пл. 1; 3 – уч. 19, пл. 1; 4 – уч. 4, пл. 1; 5 – уч. 14, пл. 1; 6 – уч. 7, пл. 2; 7 – уч. 7, пл. 2; 8 – уч. 2, пл. 2.



**Рис. 18.** Казанская стоянка, каменный инвентарь: отщепы и пластины. 1 – уч. 19, пл. 1; 2 – уч. 8, пл. 1; 3 – уч. 1, пл. 2; 4 – уч. 19, пл. 1; 5 – уч. 7, пл. 1; 6 – уч. 1, пл. 2; 7 – уч. 15, пл. 2.



УДК 902/904

## КУЗЬКИНСКАЯ XVII СТОЯНКА (АТРИБУЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ).

© 2019 г. А. В. Шипилов

Статья посвящена публикации и анализу материалов одного из многослойных поселенческих памятников Нижнего Прикамья – Кузькинской XVII стоянке. В материалах поселения прослеживаются несколько этапов функционирования. Наиболее ранний этап относится к позднему неолиту. Керамический инвентарь данного этапа по технико-типологическим признакам соответствует камской культуре. Помимо этого в финале неолита на стоянке отмечается присутствие носителей керамики русско-азибейского типа и керамики с насечками. В эпоху позднего энеолита площадку стоянки занимают носители гаринской культуры.

Функционирование стоянки в эпоху поздней бронзы связано с носителями керамики заосиновской, срубной, луговской и маклашевской атабаевского этапа культур. Финал функционирования стоянки, вероятно, следует связывать с присутствием на рассматриваемой территории населения ананьинской КИО. К раннему железному веку относятся и единичные фрагменты текстильной керамики.

Каменный инвентарь по совокупности технико-типологических характеристик соответствует параметрам камской культуры. Функционирование стоянки, вероятно с некоторыми перерывами, происходило с середины V – до I тыс. до н.э.

**Ключевые слова:** Нижнее Прикамье, Куйбышевское водохранилище, стоянка, неолит, энеолит, гаринская культура, эпоха бронзы, ананьинская КИО.

Стоянка расположена в Алексеевском районе Республики Татарстан, в 5,5 км к юго-западу от б. с. Кузькино и в 10,5 км к югу от с. Шуран Рыбнослободского района РТ. До повышения уровня Куйбышевского водохранилища она размещалась на второй надпойменной террасе левого берега р. Камы.

Памятник был открыт П.Н. Старостиным в 1965 году. В результате проведенных археологических изысканий на памятнике был получен богатый, и выразительный массив артефактов по которому прослеживается несколько этапов заселения в рамках рассматриваемой территории.

Наиболее ранний этап заселения Кузькинской XVII стоянки относится к эпохе неолита и имеет принадлежность к камской неолитической культуре. Судя по фрагментам (32 экз.), сосуды имели прикрытую профилировку с примесью песка и шамота в тесте. На одном венчике сосуда с внутренней стороны присутствует наплыв (рис. 1: 2). Толщина стенок укладывалась в пределы от 0,8 до 1,2 см. По всей поверхности сосуды имели сплошную орнаментацию. Орнаментация наносилась различными видами гребенчатого штампа. Орнаментальные композиции преимущественно состоят из оттисков длинных и короткого овального гребенчатых штампов

расположенных вертикально или под наклоном (рис. 1: 4 – 6; 2: 1 – 2). Помимо этого орнаментация наносилась, вероятно, углом гребенчатого штампа в сочетании с оттисками длинного гребенчатого штампа (рис. 1: 3; 2: 5). Ближайшие аналоги данной керамики прослеживаются в керамике камской неолитической культуры, полученной в результате археологических изысканий на Мурзихинской IV стоянке (Шипилов, 2015, рис. 4: 6). Черты сходства проявляются также с керамикой, обнаруженной на Каентубинской островной стоянке (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 3: 6; 5: 13, 14). В свете имеющихся радиоуглеродных датировок (Выборнов, 2008, с. 243), керамический комплекс камской неолитической культуры Кузькинской XVII стоянки следует датировать первой половиной V тыс. до н. э.

К финалу неолита – раннему энеолиту следует отнести небольшую группу керамики (5 экз.) русско-азибейского типа. В данной группе присутствует всего один фрагмент с воротничковым оформлением венчика. В формовочной массе сосудов русско-азибейского типа Кузькинской XVII стоянки присутствует обильная примесь песка с добавлением шамота. Судя по фрагментам, они имели полуяцевидную форму с прикрытой

профилировкой. По всей поверхности посуды присутствует орнаментация, выполненная преимущественно оттисками длинного и короткого овального гребенчатыми штампами (рис.3: 2–5). Лишь на внешней поверхности воротничкового венчика присутствует орнаментация, выполненная ямочными вдавлениями (рис.3: 1).

Ближайшие аналоги керамике русско-азийского типа Кузькинской XVII стоянки прослеживаются в материалах Русско-Азийского I стоянки (Габышев, 1978, рис. 3–7). Принимая во внимание известные радиоуглеродные датировки (Выборнов, 2008, с. 243), данная керамика в Нижнем Прикамье датируется серединой V – началом IV тыс. до н. э.

Вероятно синхронной (Выборнов, 2008, с. 243), с керамикой русско-азийского типа, является весьма малочисленная группа керамики, обнаруженная на Кузькинской XVII стоянке, орнаментированная преимущественно по внешней стороне насечками (рис. 4). В формовочной массе данной керамике также присутствует примесь песка и шамота.

Следующий этап заселения стоянки относится к позднему энеолиту и связан с гаринской культурой. Керамика гаринской культуры (3 экз.) найденная в ходе раскопок стоянки обладает бурым цветом, банковидной профилировкой, в глиняном тесте присутствует примесь толчёной раковины. Венчики обладают Г и Т образным утолщением (рис. 5: 1–3). По внешней стороне сосудов присутствует орнаментация выполненная оттисками гребенчатых штампа. Керамика гаринского типа, выявленная на стоянке, обладает широким кругом аналогий, как в Нижнем Прикамье, так и в сопредельных территориях. Наиболее близкие аналогии прослеживаются с гаринской керамикой стоянки Золотая Падь II (Шипилов, 2007, рис. 3). Более широкие аналогии прослеживаются в керамических комплексах гаринской культуры выявленных на поселенческих памятниках Среднего и Верхнего Прикамья (Бадер, 1961).

В свете имеющихся радиоуглеродных датировок керамику гаринской культуры в Нижнем Прикамье (Бушуев, Чижевский, Шипилов, 2010, с. 27) в том числе Кузькин-

ской XVII стоянки следует относить к концу или рубежу III - II тыс. до н.э.

Более поздний этап заселения стоянки приходится на эпоху поздней бронзы, который включает в себя находки составляющий весьма стройный ряд культурно-хронологических групп.

Наиболее ранняя из них имеет принадлежность к носителям керамики срубной КИО (рис. 5: 4). Керамика срубной КИО Кузькинской XVII стоянки (рис. 5: 4) имеет небрежно заглаженную, неровную поверхность. В качестве основной примеси к глиняному тесту использовался шамот. Судя по профилировке венчика сосуд, обладал банковидной формой. В орнаментации по внешней поверхности сосуда применялись оттиски линзовидный и длинный гладкие штампы.

Подобная керамика широко известна на памятниках срубной КИО Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, таких как могильники Набережно-Челнинский (Казаков, 1972, рис.2: 10), Маклашеевский III (Збруева, 1948, рис. 9: 5) и др. Аналогии прослеживаются также с керамикой срубной КИО полученной в результате исследований Игимской (Шипилов, 2017, рис. 4: 4, 6; 5: 4, 6) и Дубовогивской II стоянки в 2009-2100 гг. (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 4: 26, 31).

В хронологическом отношении керамика срубной культурно-исторической общности Кузькинской XVII стоянки, вероятно, следует датировать XVII – XV вв. до н.э. которая именно так и датируется в Поволжье (Черных и др., 2002, с. 127).

Синхронной со срубной керамикой представляется группа керамики, включающая венчик сосуда заосиновского типа (рис. 5: 5). Он характеризуется пористой структурой и примесью раковины к глине. Судя по профилировке венчика сосуд, имел банковидную форму. Орнаментация наносилась небольшими ямками овальной или подтреугольной формы в сочетании с оттисками гладкого штампа (рис. 5: 5). Орнаментальная композиция состоит из наклонных и горизонтальных линии.

Керамика заосиновского типа обнаруженная на Кузькинской XVII стоянке имеет аналогии в материалах Дубовогивской II

стоянки (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, рис. 6: 4, 5) и может рассматриваться в рамках заосиновского типа керамики, который сформировался в Среднем и Нижнем Прикамье в начале позднего бронзового века. Время бытования этой керамики определено в рамках XVI–XV вв. до н.э. (Денисов, Мельничук, 1991, с. 102–113).

Третья культурно-хронологическая группа находок эпохи поздней бронзы представлена поздней керамикой луговской культуры (рис. 5: 6–8; 6).

Луговской комплекс характеризуется керамикой с хорошо заглаженной поверхностью. Основными примесями в тесте были раковина и органика. Абсолютно преобладают горшковидные сосуды, баночные единичны. Значительная часть сосудов луговской культуры орнаментирована отпечатками сплошного штампа, реже гладкого, кроме того используются в орнаментации узкие каннелюры. Композиция орнамента представлена как простыми композициями, такими как горизонтальный зигзаг (рис. 5: 6, 7; 6: 4–6) наклонные и горизонтальные линии (рис. 6: 2, 4).

Наиболее близкие параллели луговской керамике Кузькинской XVII стоянки обнаруживаются в материалах нижекамских памятников: могильника Такталачук (Казак, 1978, с. 67–108), эпонимных Луговской I и II (Збруева, 1960, с. 12–29), Уразаевской II (Старостин, Багаутдинов, 1981, рис. 13: 1–10), Игимской и Каентубинской островной стоянок (Шипилов, 2017, рис. 7: 6, 7, 8; Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 5: 3; 8: 16). В хронологическом отношении комплекс содержащий керамику позднелуговского типа следует помещать в пределы XV–XIV вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250–251)

Весьма интенсивно эксплуатировался рассматриваемый участок поселения на следующем этапе, когда на Кузькинской XVII стоянке появляются носители керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры. Керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры обнаруженная на Кузькинской XVII стоянке (рис. 7) характеризуется преобладанием горшковидной формы сосудов. Венчики сосудов преимущественно оформлены в виде воротивника. В составе формовочной массы

присутствует примесь песка и шамота. По всей внешней поверхности сосудов присутствует орнаментация. Среди орнаментальных мотивов присутствуют вертикальный и горизонтальный зигзаг, господствуют ряды горизонтальных линий (рис. 7: 2, 3). Единично присутствует мотив сетки (рис. 7: 2, 4). Аналогии данной керамике прослеживаются широко. Так подобная керамика была встречена при исследовании Каентубинской островной (Чижевский, Шипилов, Капленко, 2017, рис. 8: 1, 2, 5, 6, 9–11, 17) и Игимской (Шипилов, 2017, рис. 9) стоянок. В хронологическом отношении данный комплекс находок датируется XIV–XIII вв. до н.э. (Чижевский, 2007, с. 173–176; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

Заключительный этап функционирования стоянки относится к эпохе раннего железного века. С этим периодом следует связать единичные фрагменты керамики ананьинской КИО. Керамика ананьинской культуры представляет собой одну из малочисленных групп в коллекции Кузькинской XVII стоянки. Тем не менее, можно утверждать, что большинство фрагментов принадлежат круглодонным сосудам горшковидной формы. Основным элементом орнамента были линзовидный штамп или ямка (Рис. 8: 3–4). Ямки располагались на шейке сосуда в один ряд. Аналогии керамике Ананьинской КИО прослеживаются среди фрагментов посуды ананьинской обнаруженных на Кузькинской XX стоянке (Шипилов, 2013, рис. 7: 7, 9). В хронологическом отношении данная культурно-хронологическая группа находок датируется VII–V вв. до н.э. (Чижевский, Лыганов, Морозов, 2012, с. 113).

Вероятно, в хронологическом отношении с керамикой ананьинской КИО синхронные позиции занимают два фрагмента текстильной керамики (рис. 8: 1, 2). Текстильная керамика, происходящая с рассматриваемой стоянки, обладает ребристой внешней поверхностью с включением в виде элементов орнамента круглых ямочных вдавлений. В формовочной массе присутствует примесь песка.

Вероятнее всего комплекс находок раннего железного века отражает заключительный этап существования памятника.



Индивидуальные находки представлены набором фелитовых подвесок (рис. 9) обладающие каплевидной и округлой формами. Аналогичные подвески весьма представительны в погребальных памятниках эпохи энеолита Усть-Камья (Чижевский, Шипилов, 2018, рис.1: 1–13).

Не менее выразителен в этом отношении также и набор кремневых наконечников, в составе которого находится как наконечники стрел, так и дротиков (рис. 10). Данные орудия находят широкий круг аналогий в материалах позднеэнеолитических поселенческих памятников и по своим формально типологическим признакам, вероятно, относятся к позднему энеолиту (Шипилов, 2018, рис. 9) К этому же времени, возможно, следует отнести нож, обладающий подтреугольными очертаниями, изготовленный на кремнёвой плитке светлорыжевого цвета (рис. 11: 8).

Помимо этого, в массиве находок Кузькинской XVII присутствуют кремнёвые ножи (рис.11: 4-7), скребки (рис. 11: 1-3), тёсла и долота (рис. 12: 1–3, 5) имеющие широкий хронологический диапазон бытования от эпохи неолита до позднего бронзового века. Вероятно, с носителями маклашевской культуры следует связать каменную булаву (рис. 12: 4).

Вероятнее всего принадлежность к раннему железному веку имеет костяное остриё (рис. 11: 10). Так подобные острия широко распространены на городищах ананьинской КИО на территории Вятского края (Ашихмина, Черных, Шаталов, 2006, рис. 33; 34: 2–9; 35).

Таким образом, в рассмотренном массиве находок Кузькинской XVII стоянки удалось

выделить археологические источники, соотносимые с несколькими археологическими эпохами и, соответственно, с разными этапами существования памятника.

Начало существования Кузькинской XVII стоянки связано с эпохой неолита. Немногочисленность керамики более поздней энеолитической гаринской культуры свидетельствует о слабой эксплуатации площадки поселения в энеолитическую эпоху, а так же в начале эпохи поздней бронзы. Более интенсивно площадка поселения эксплуатировалась в эпоху носителями луговской культуры на позднем этапе её развития, а также носителями керамики атабаевского этапа маклашевской культуры.

В раннем железном веке интенсивность жизни на месте расположения стоянки падает, что выразилось в находках незначительного количества керамики ананьинской КИО, а также группы с текстильной керамикой которые собственно и отражают заключительный этап существования стоянки.

Изучение рассматриваемого многослойного археологического памятника даёт возможность для построения относительной стратиграфии, типологизации вещевого комплекса, определения преемственности отдельных культур, их связей и контактов, а так же остро ставит вопросы об абсолютном датировании вещевых комплексов отдельных культурных групп, их хронологических реперах не только в рамках рассматриваемой территории, но и всего круга памятников археологии расположенных в пределах Волго-Камского региона.

#### ЛИТЕРАТУРА.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: Костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н.э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. 1961. №99. 198 с.

Бушуев А.С., Чижевский А.А., Шипилов А.В. Возможности кластерного метода анализа орнамента керамики и оценки сходства археологических памятников // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152. Книга 3. Часть 1. Казань. 2010. С. 19–29.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.

Габяшев Р.С. Русско-Азиебейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФ АН СССР, 1978. С. 22–39.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Заосиновское VII поселение и проблемы формирования культуры эпохи бронзы в Среднем Прикамье // АЭМК. Вып. 19. Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР / Отв. ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 102–113.

Збруева А.В. Маклашеевские могильники // КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 22–30.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. № 80. С. 10–95.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник // ОНАЭ / Отв. ред. О.Н. Бадер. 1972. Вып. 1. С. 78–86.

Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Иско-Бельского междуречья / Отв. ред. О.Н. Бадер. Казань: КФАН, 1978. С. 67–108.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век / Глав. ред. П. С. Кабытов. Самара: Самарский научный центр РАН, 2000. 336 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, 2009. С. 29–55.

Старостин П.Н., Багаутдинов Р.Н. Иманлейская и Уразаевские стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: КФАН, 1981. С. 25–40.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х.А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы. Том II / Горный – поселение эпохи поздней бронзы: топография, литография, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения: относительная и абсолютная хронология / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты и проблемы // XVII Уральское археологическое совещание / Отв. ред. В.Т. Ковалева, А.Я. Труфанов. Шаманаев. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 174–176.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Морозов В.В. Исследования памятников археологии на острове Дубовая грива в 2009–2010 гг. // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 94–115.

Чижевский А.А., Шпилов А.В., Капленко Н.М. Итоги исследования Каентубинской островной стоянки в 2004 году // Поволжская археология. 2017. № 1. С. 50–70.

Чижевский А.А., Шпилов А.В. Ранние энеолитические могильники Усть-Камья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов. Самара: Порто-Принт, 2018. С. 80–84.

Шпилов А.В. Итоги исследования стоянки Золотая Падь II // Влияние природной среды на развитие древних сообществ / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2007. С. 220–228.

Шпилов А.В. Культурно-хронологические комплексы Мурзихинской IV стоянки в Нижнем Прикамье // Поволжская археология. 2015. №2. С. 313–325.

Шпилов А.В. Материалы эпохи бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье) // Археология Евразийских степей. 2017. №3. С. 111–119.

### **Информация об авторе:**

**Шпилов Антон Валентинович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov\_anton@mail.ru

## KUZKINSKAYA 17 SITE (ATTRIBUTION AND CHRONOLOGY)

**A.V. Shipilov**

The article is dedicated to the publication and analysis of materials from one of the multi-layered monuments of the Lower Kama region - Kuzkinskaya XVII site. The settlement materials feature traces of several stages of operation. The earliest stage is related to the late Neolithic. In terms of the technical and typological attributes, the ceramic inventory of this stage corresponds to Kama culture. In addition, in the Final Neolithic the site is characterized by the presence of the carriers of Russian-Azibey ceramics and incised ceramics. In the Late Eneolithic the site was populated by the representatives of Garino culture.

The operation of the site in the Late Bronze Age is associated with the carriers of ceramics belonging to Zaosinovskaya, Lugovskaya and the Atabaevo stage of Maklashevo cultures. The final period of site operation should probably be attributed to the presence of the population of Ananyino Cultural and Historical Area in the territory in question. Single fragments of textile ceramics also correspond to the Early Iron Age.

In terms of the overall technical and typological attributes, the stone inventory corresponds to the characteristics of Kama culture. The operation of the site, probably with interruptions, continued from the mid-5<sup>th</sup> to the 1<sup>st</sup> millennia B.C.

**Keywords:** Lower Kama region, Kuibyshev reservoir, site, Neolithic, Eneolithic, Garino culture, Bronze Age, Ananyino Cultural and Historical Area.

### **About the Author:**

**Shipilov Anton V.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov\_anton@mail.ru





Рис. 1. Кузькинская XVII стоянка. Керамика камской неолитической культуры.



Рис. 2. Кузькинская XVII стоянка. Керамика камской неолитической культуры.

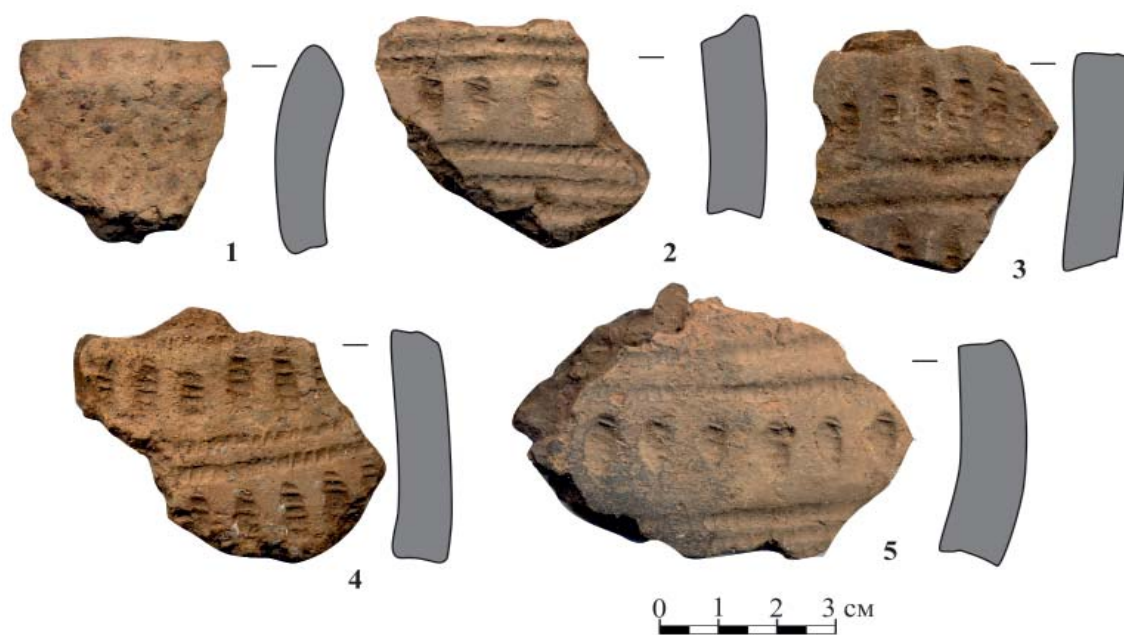


Рис. 3. Кузькинская XVII стоянка. Керамика русско-азибейского типа.

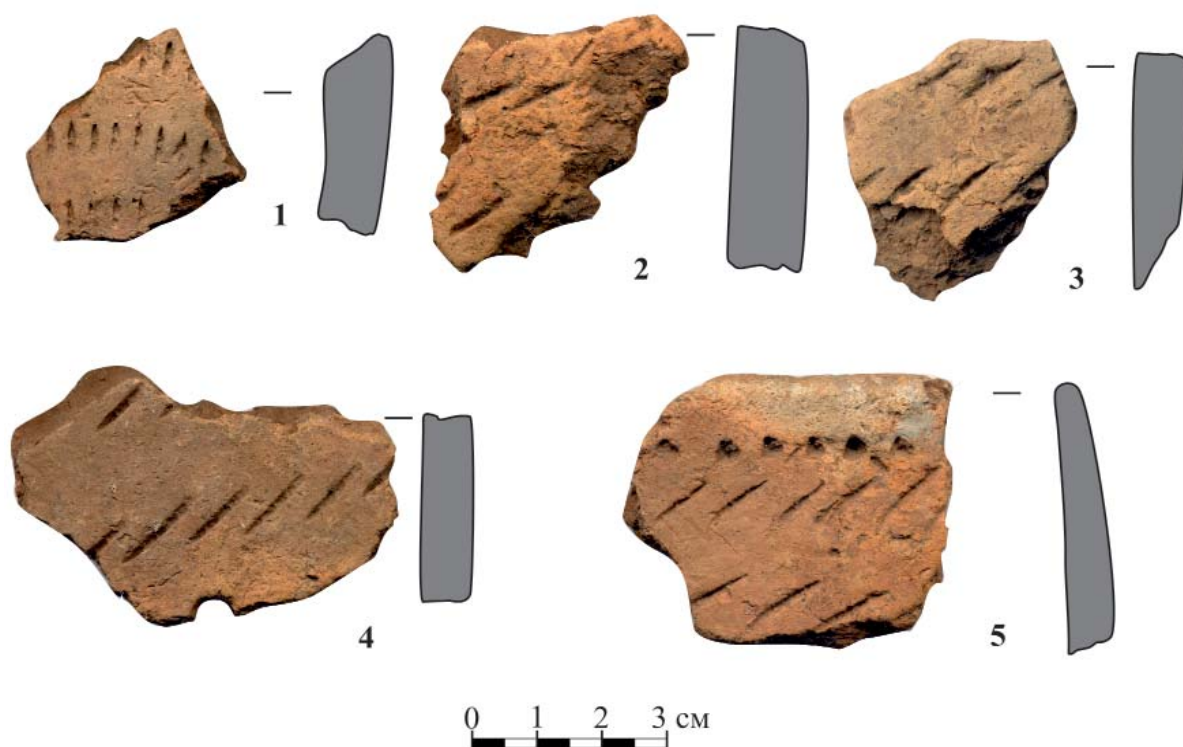


Рис. 4. Кузькинская XVII стоянка. Керамика с насечками.





**Рис. 5.** Кузькинская XVII стоянка. Кузькинская XVII стоянка, керамика: 1–3 – гаринская культура; 4 – срубная КИО; 5 – заосиновский культурный тип; 6–8 – луговская культура.



Рис. 6. Кузькинская XVII стоянка. Керамика луговской культуры (позднелуговской тип).



Рис. 7. Кузькинская XVII стоянка, керамика: 1 – культурная принадлежность не определена; 2–4 – атабаевского этапа маклашевской культуры.



Рис. 8. Кузькинская XVII стоянка. Керамика раннего железного века.



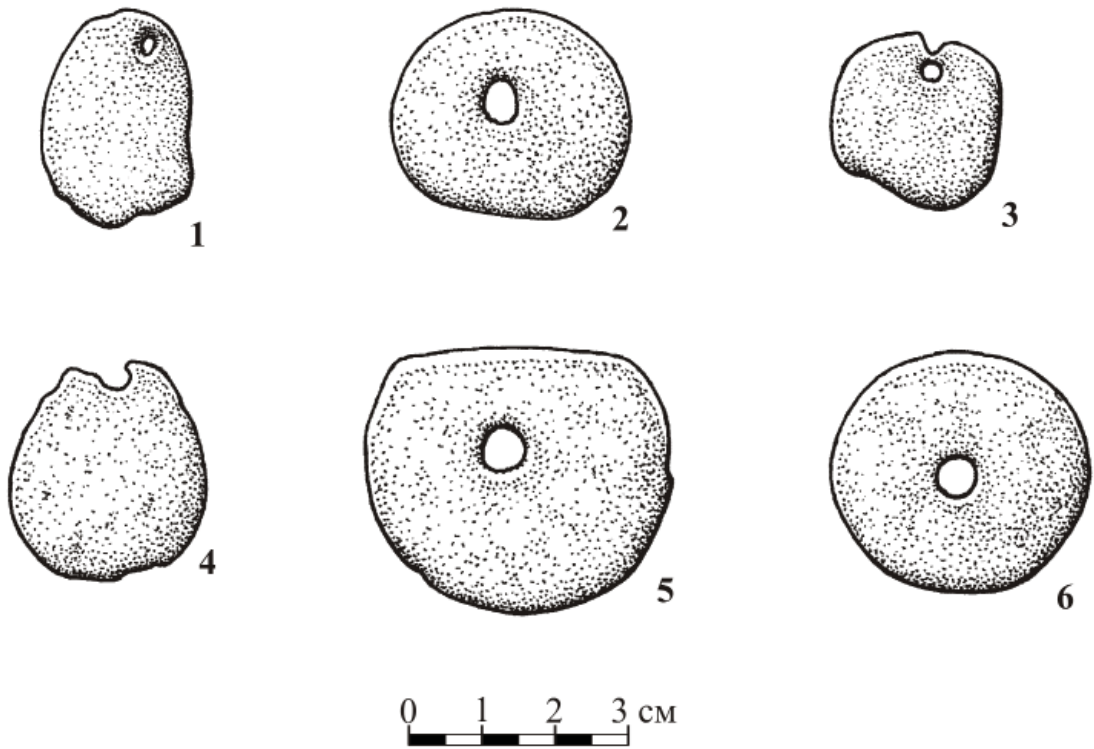


Рис. 9. Кузькинская XVII стоянка, каменные подвески.

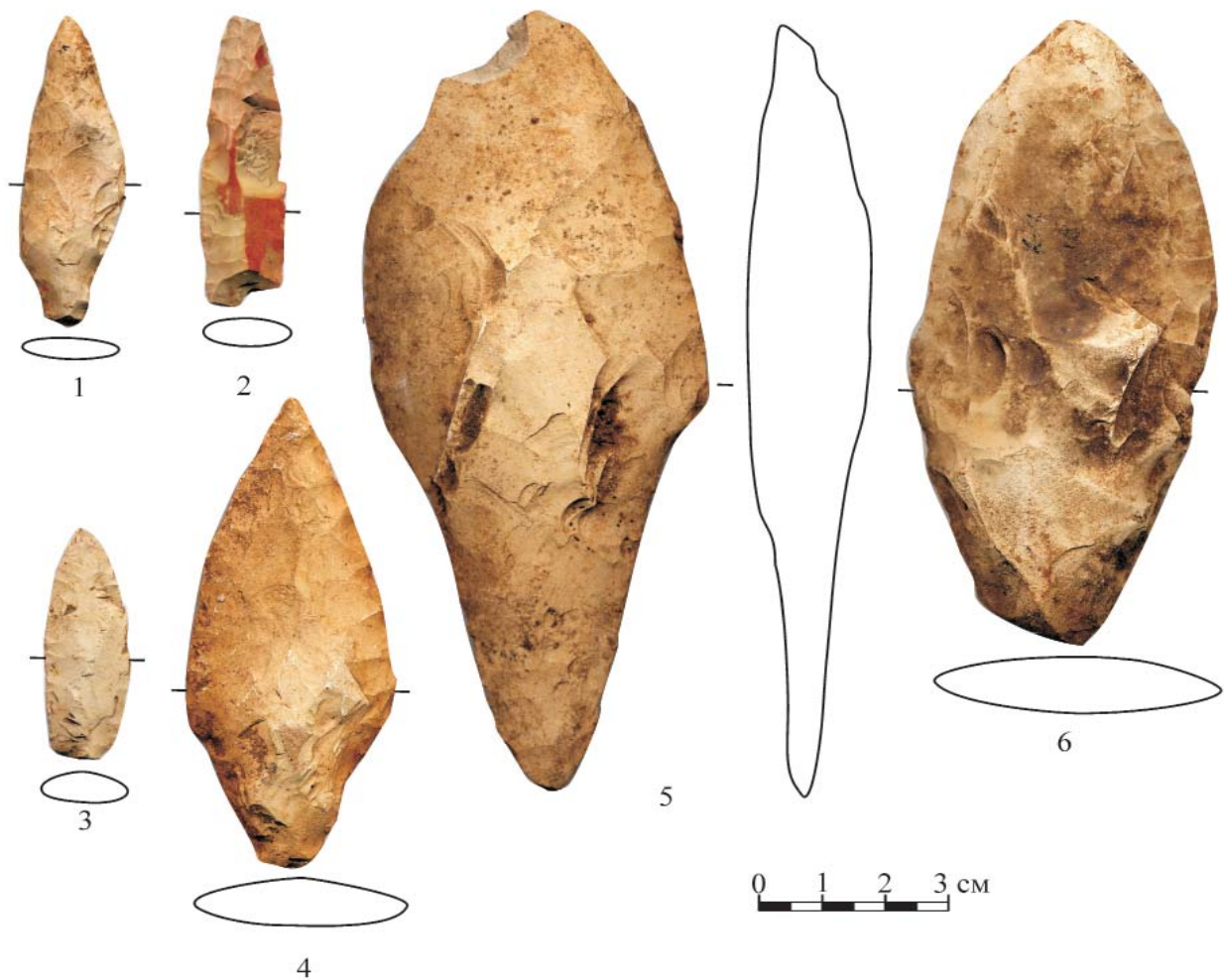


Рис. 10. Кузькинская XVII стоянка, каменный инвентарь.

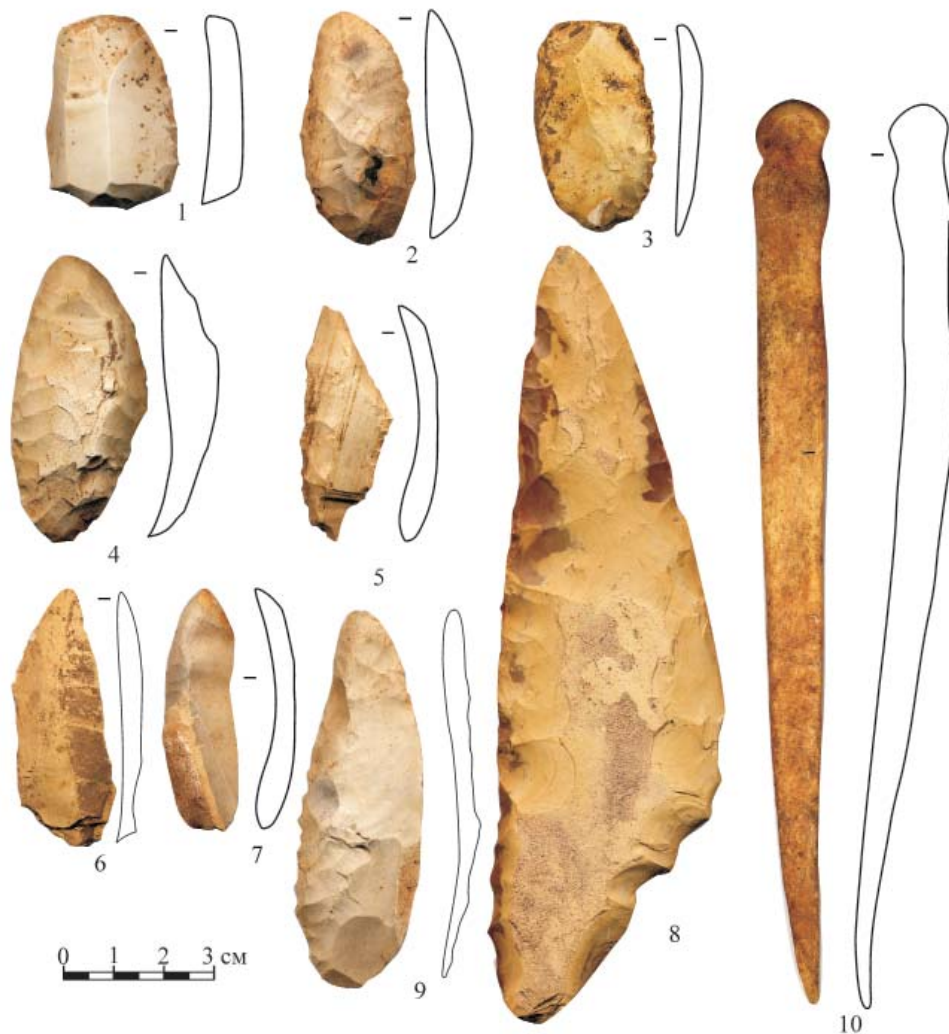


Рис. 11. Кузькинская XVII стоянка, каменный и костяной инвентарь.

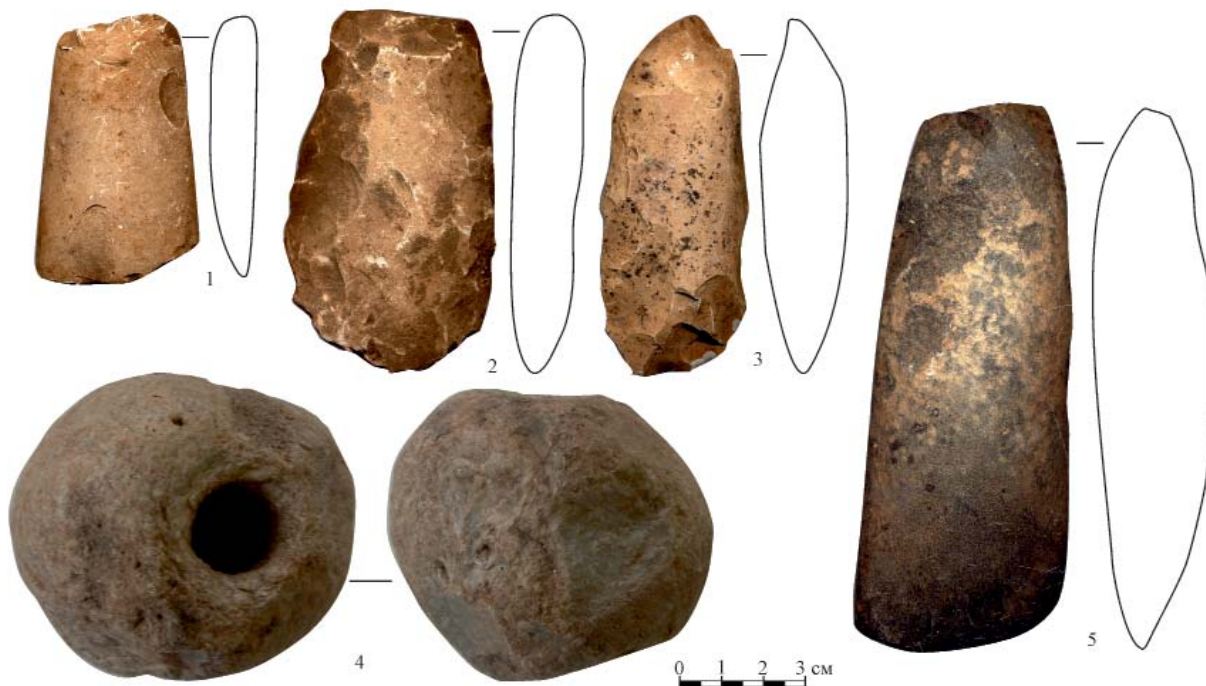


Рис. 12. Кузькинская XVII стоянка: Каменный инвентарь.

## ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

УДК 902/904

### АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ РЖВ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ БАСЕЙНА ВЕРХНЕЙ ВОЛГИ (КОСТРОМ- СКОЕ И ИВАНОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ). К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСОВ

© 2019 г. А.В. Новиков

В статье рассматриваются современное состояние проблемы, перспективы изучения поселений РЖВ восточной части Верхневолжского бассейна. Отмечается необходимость разработки стратификации вещевых комплексов, систематизации и разграничения, детальной проработки, выделения типов керамики, определения культурных традиций и развития в регионе, затрагиваются вопросы культурных связей, определяются их основные направления.

**Ключевые слова:** ранний железный век, бассейн Верхней Волги, сетчатая керамика, ананьинская культурно-историческая область.

Поселения РЖВ Костромского и Ивановского Поволжья – как правило, многослойные памятники, содержащие наряду с материалами раннего железного века культурные комплексы мезолита, неолита, бронзы, раннего средневековья, иногда и более позднего времени. Вопросы периодизации, определения культурного статуса, стратификации многих поселений остаются пока открытыми и не могут быть до конца решены без проведения специальных полевых археологических исследований. В таких условиях будет правильным обратиться к уже имеющемуся, ранее полученному при раскопках и разведках, материалу, детально рассмотреть его с разных ракурсов. Для исследуемой территории пока нет выразительных стратиграфических наблюдений, оценка керамики зачастую обобщена. Практически все поселения находятся на стыке культурных областей РЖВ, культурная ситуация запутана.

На сегодняшний день на территории Костромского и Ивановского Поволжья насчитывается 70 поселений с типологически выделяемыми материалами РЖВ (АКР ИО, 1994; АКК, 1997; АКР КО, 1997; Патрушев, 1989а; Гурина, 1963; Крайнов, Гадзяцкая, Ерофеева и др., 1967; Сыроватко, 2007; Новиков, 2018). Исследования таких поселений начинаются еще в середине XIX в., однако активизация процесса изучения памятников первобытной эпохи в этих областях происходит в 40 – 70 гг. XX века и связана с

именами Н.Н. Гуриной, Д.А. Крайнова, М.Е. Фосс, Е.Н. Ерофеевой, Е.И. Горюновой, И.В. Гавриловой, Е.М. Молодцовой, А.Д. Столяра, О.С. Гадзяцкой (АКР ИО, 1994; АКК, 1997; Костылева, Уткин, Энговатова, 2005; Новиков, 2017; Новиков, 2018). При археологических раскопках таких важных памятников как Серюптинское городище, поселение Сахтыш I–II, VII–VIII, Минское городище, поселение Ватажка, Быки (Пуп), Умиление, Станок I–II, городище в Костроме, городища Пушкариха и Брюхово, Пеньковское городище (или Городище Городок) и др. получены представительные комплексы находок финала бронзы – РЖВ (Фосс, 1946; 1947; 1949; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Столяр, Хлобыстин, 1963; Крайнов, Гадзяцкая, Ерофеева и др., 1967; АКР ИО, 1994; Патрушев, 1991; 1992; Новиков, 2018). Раскопки на Пеньковском городище в 1989–1997 гг. проведены П.Н. Травкиным, материалы хранятся в Плесском государственном историко-архитектурном и художественном музее заповеднике.

Характеристика поселений РЖВ Костромского Поволжья давалась ранее (Гурина, 1963; АКК, 1997; Новиков, 2018). Не вдаваясь сейчас в подробности и внутрирегиональные сравнения, отметим, что в Ивановском Поволжье поселения располагаются на дюнных всхолмлениях, мысовидных площадках, в низких местах по берегам рек. Городища, как правило, находятся на высоких мысовидных выступах площадки, чаще



подтреугольной (встречаются и подпрямоугольной и подтрапециевидной) формы (АКР ИО, 1994). Ряд поселений поздние и содержат материалы I–V вв. н.э., в частности, заглаженную керамику, (городища Лукино, Пеньковское 2, Давыдовское Малое) (АКР ИО, 1994, с. 80–81, 182; паспорт памятника археологии Пеньковское городище 2), Рапоновское городище на р. Унже (Архипов, 1979). Культурная ситуация, сложившаяся в РЖВ на данных территориях, изначально своими корнями уходит в предшествующую эпоху поздней бронзы и связана с носителями традиций изготовления сетчатой керамики.

Проблемы, связанные с декорированием керамики сетчатыми отпечатками, своеобразием и различной структурой отпечатков, классификацией и терминологией (рябчатые или ложнотекстильные, нитчатые (текстильные, овально-ячеистые, веревочные, стежковые), ниточно-жгутовые, гребенчатая сетка, ниточно-рябчатые и др.), развитием и особенностями такой посуды, территорией распространения, различными технологическими приемами нанесения таких отпечатков, устойчивостью традиции подобного декорирования поверхности горшка у населения как в эпоху бронзы, так и в РЖВ, исследователями поднимаются давно и рассматриваются разносторонне и достаточно подробно начиная с конца XIX в. (Городцов, 1900; 1910; Артюзов, 1926; Третьяков, 1941; 1947; Фосс, 1947; 1948; Брюсов, 1950; Трубникова, 1952; Семенов, 1955; Халиков, 1962; 1980; Гурина, 1963; Бадер, 1966; 1970; Розенфельдт, 1974; Фоломеев, 1975; 2017; Бобринский, 1978; 2006; Чернай, 1981, 1993; Патрушев, 1989а; 1993; 2016; Смирнов, 1974; 1991; Вишневский, 1991; Сулержицкий, Фоломеев, 1993; Манюхин, 1993; Косменко, 1996; Воронин, 1998; Гусаков, 2006; Гусаков, Кузьминых, 2008; Сыроватко, 2007; 2011; 2013; 2017; Кренке, 2011; Сидоров, 2017; Лопатина, 2002; 2009; 2015; 2017), но до сих пор остаются дискуссионные моменты, и полемика не прерывается.

Сетчатая керамика из поселений восточной части Верхневолжского бассейна имеет свою самостоятельную линию развития. Генетическая связь сетчатой посуды РЖВ из поселений данного региона с «текстильной» эпохи поздней бронзы проявляется отчетливо, при этом, конечно, наблюдаются и некоторые отличия. Отметим унификацию отдельных особенностей, выраженную, в первую

очередь, в обработке внешней поверхности мелкочаеистыми рябчатыми отпечатками (которые на памятниках этого региона значительно доминируют), несколько реже встречаются «нитчатые». Б.А. Фоломеев считал, что нитчатые отпечатки на сетчатой керамике из поселений Верхней Волги не получили развития, хотя и известны на таких памятниках как Шунга, Ватажка, Борань, стоянках оз. Сахтыш и др. (Фоломеев, 2017). Однозначно превалирование на всем протяжении финала бронзы – РЖВ в тесте посуды минеральных примесей (чаще всего – мелко и среднезернистого песка). Характерна слабая, едва выраженная, и плавная профилировка верхней части горшка (Сыроватко, 2007, рис. 5; Новиков 2018, рис. 108). Достаточно широко распространена посуда с плоским дном и выделенной закраиной при переходе в стенку (Гурина, 1963, рис. 67; Сыроватко, 2007, рис. 6; Новиков, 2018, рис. 106, 110), реже встречается керамика с округло-уплощенным округлым дном и плоским дном с четким углом перехода в стенку (Новиков, 2015а, рис. 13).

Наблюдается и ряд различий, связанных с некоторыми изменениями в профилировке посуды, появлением плавнопрофилированной и четко профилированной керамики в верхней части в РЖВ. В частности, появляются новые орнаментальные приемы, к примеру, шнуровые оттиски, однако при этом на большей части керамики РЖВ всё же наблюдается упрощение орнаментальных композиций и элементов орнамента в целом, которые могут быть сведены только к отдельным, различным по форме, ямочным вдавлениям, как правило, неглубоким, нанесенным по шейке посуды, в отличие от богато орнаментированной посуды финала бронзы. Бесспорно, существует необходимость в выделении критериев при классификации керамики РЖВ памятников восточной части бассейна Верхней Волги от Костромской низины на ЗСЗ до р. Унжи на ВЮВ. На особенности сетчатой керамики финала бронзы – РЖВ рассматриваемой территории (на примере отдельных памятников) обращают внимание В.С. Патрушев (Патрушев, 1989а), отмечающий близость комплексов сетчатой керамики Марийского и Костромского Поволжья и ее отличие от дьяковской и городецкой сетчатой посуды (Патрушев, 2017, с. 67), и А.С. Сыроватко, указывающий на значительную разнородность комплексов Сахтыш II

(Сыроватко, 2007). Представительная серия находок сетчатой и другой керамики РЖВ получена В.С. Патрушевым в результате раскопок Минского городища в 1989–1992 гг. (Патрушев, 1991; 1992). Сетчатая керамика РЖВ с таких памятников как Ватажка, Борань, Станок I–II, Шунга, Минское городище достаточно подробно рассмотрена Н.Н. Гуриной (Гурина, 1963), подчеркивающей ее смешанный характер (Гурина, 1963, с.187), а керамика РЖВ с Серюптинского городища – А.Д. Столяром и Л.П. Хлобыстиным, которые считают сетчатую и гладкостенную керамику разновременной, но связанной генетически, отмечая при этом и их стратиграфическую неразграниченность (Столяр, Хлобыстин, 1963).

О проблемах интерпретации смешанных керамических материалов на памятниках РЖВ этой округи говорилось неоднократно (Фосс, 1949; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Патрушев, 2017; Новиков, 2015а; 2015б; 2017; 2018). А.С. Сыроватко указывает на явные отличия сетчатой керамики поселения Сахтыш II с рябчатой структурой от керамики РЖВ Москворечья и Оки, при этом видит сходство с керамикой с нитчатым отпечатком, правда, это керамика финала бронзы – начала железа (Сыроватко, 2007, с. 75–77). Е.С. Азаров помещает при картографировании такие поселения как Сахтыш II, VII, Гоголи, Рыбино вместе с памятниками позднего периода эпохи бронзы с «текстильной керамикой» (Азаров, 2015, с. 205–207), что, в определённой мере, подтверждает сложность разграничения очень смешанной керамики с сетчатыми отпечатками на поселениях Верхневолжского региона.

Обращаясь к вопросу развития местной керамики РЖВ в восточной части бассейна Верхней Волги, следует учитывать постоянное влияние соседних культурных областей при её формировании, что вполне логично, и проявляется в орнаменте, в отдельных, но серьезных морфологических изменениях посуды, в определенной степени – в обработке поверхности. При этом практически неизменной остается структура обработки поверхности сетчатого горшка рябчатыми мелкочаеистыми отпечатками с хаотичным их расположением, которая превалирует начиная с эпохи поздней бронзы и, вероятно, в больший период РЖВ, вплоть до полного исчезновения традиции обработки горшка сетча-

тыми отпечатками. Отмечается значительное морфологическое своеобразие мелкочаеистых рябчатых отпечатков, при этом в разное время на поселениях появляется и керамика с крупночаеистыми рябчатыми отпечатками, хаотично или регулярно расположенными, а также нитчатая, штрихованная, рогожная, гребенчато-шнуровая и шнуровая, с гребенчатым орнаментом. Определить хронологические рамки появления и исчезновения такой различной керамики на отдельных поселениях так же важно.

Акцентируем внимание на некоторых различиях в культурной ситуации внутри двух рассматриваемых регионов. В Ивановском Поволжье (правобережье р. Волги) на поселениях с сетчатой керамикой, пусть и в небольшом количестве, но присутствует рогожная керамика (Пеньковское городище, поселение Сахтыш II) (рис. 2: 20–22), (Сыроватко, 2007, с. 75), которой на памятниках РЖВ Костромского Поволжья нет. Судя по ее количественному соотношению с сетчатой посудой рябчатой и нитчатой структуры, например Пеньковского городища, такая керамика может быть датирована в пределах VII–V вв. до н.э., когда на памятниках преобладают сетчатые отпечатки над рогожными (Миронов, 1995; Сарапулкина, 2010), правда, с одной оговоркой: если такие принципы распространяются на поселения РЖВ восточной части Верхневолжского бассейна, на которых культурный контекст заметно отличается от основной территории расселения носителей городецких керамических традиций.

На сегодняшний день в Ивановском Поволжье мы не фиксируем гребенчато-шнуровую и шнуровую керамику. На памятниках Волжского бассейна (Серюптинское, Пеньковское городища) присутствует только гибридная керамика с сетчатой и гребенчато-шнуровой основой, аналогичная имеющейся на поселениях Костромского Поволжья и датированной V–III вв. до н.э. (Новиков, 2017; 2018). Сходства и детальные отличия в материальной культуре внутри микрорегионов восточной части бассейна Верхней Волги также необходимо ещё исследовать. Многие комплексы керамики РЖВ из поселений Ивановского Поволжья не атрибутированы и не изучены. Вполне вероятно, что после детального исследования материалов наши представления о культурной ситуации здесь несколько поменяются. В настоя-

щее время достаточно хорошо представлена и изучена керамика с Сахтыша II, Сокольского II, Серюптинского и Пеньковско-го городищ, этими материалами мы и можем оперировать. Многие памятники Ивановского Поволжья, обследованные только разведками (ситуация аналогична Костромскому Поволжью), атрибутированы по местонахождению на них фрагментов сетчатой и заглаженной керамики РЖВ, определить культурный их статус в настоящее время достаточно проблематично, к тому же большая часть материалов остаётся неопубликованной.

Наряду с сетчатой керамикой на поселениях восточной части Верхней Волги, начиная с эпохи поздней бронзы, на протяжении всего раннего железного века неизменно присутствует и заглаженная керамика, которая хоть и имеется в меньшем количестве, но встречается повсеместно – практически на всех известных и хорошо изученных поселениях данного региона – орнаментированная, бедно орнаментированная и неорнаментированная керамика финала бронзы – РЖВ (Новиков, 2015а, рис. 2, 8; Новиков, 2018, рис. 107), (рис. 1: 1–15; 3; 6: 6–10; 7: 2–3, 8), в меньшем количестве присутствует штрихованная керамика (Новиков, 2015а, рис. 10), (рис. 1: 34–36), вопросы ее появления и распространения в этом регионе также крайне актуальны.

Кратко отметим, что обособленно выглядит керамика с гребенчатой орнаментацией, которая известна на таких памятниках как Минское городище, городище в Костроме, поселениях Ватажка, Шунга, Борань, Брюхово и др. – её место в системе культурных образований региона позднего периода эпохи бронзы и переходного времени еще предстоит определить. Элементы орнамента на такой посуде, составленные из гребенчатых оттисков (присутствует мелкий и крупный штамп), довольно часто дополняются различными вдавлениями, встречаются «жемчужины», поверхность посуды заглаженная или сетчатая (рис. 6; 7), (Гурина, 1963, рис. 13, 41, 53).

Стратифицировать и хронологизировать изменения в керамике из поселений восточной части Верхнего Поволжья – важнейшая задача. Необходимо установить время появления, изменения или прекращения отдельных традиций, определить их взаимосвязь, все это требуется для характеристики культурной ситуации в регионе в целом. Керамика очень

разнообразна, комплексы смешаны и неоднородны.

О проникновении отдельных традиций и их влиянии на развитие местных керамических комплексов РЖВ в регионе Костромского Поволжья говорили разные исследователи (Фосс, 1949; Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Новиков, 2015б; 2017; 2018). Кардинальные изменения в материальной культуре населения Костромского Поволжья происходят с VI в. до н.э. после появления здесь групп носителей ананьинских гребенчато-шнуровых керамических традиций, которые достаточно плотно интегрировались в местную среду с сетчатой керамикой, и их влияние ощущается на протяжении всей третьей четверти I тыс. до н.э.

Основу керамического набора поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги составляет сетчатая керамика рябчатой структуры с мелкоячеистыми, как правило, хаотично расположенными, отпечатками, заглаженная и реже нитчатая керамика с минеральными примесями (Гурина, 1963, рис. 14: 39, 48–52, 54, 69–71, 76; Столяр, Хлобыстин, 1963, рис. 4–6; Сыроватко, 2007, рис. 1–4; Новиков, 2018, рис. 102–104; Новиков, 2015а, рис. 7–8, 11–14), (рис.2). В основном, это керамика слабо и плавнопрофилированных форм с плоским дном. Развитие и изменение местных керамических традиций в значительной степени связано с посторонним влиянием других соседних культурных областей, в результате которого с V в. до н.э. распространяется гибридная керамика с сетчатой и гребенчато-шнуровой основой (Новиков, 2017, рис. 5–6), происходят некоторые изменения и при декорировании поверхности самой сетчатой посуды, появляется керамика рябчатой фактуры с крупноячеистыми отпечатками. Такого рода отпечатки присутствуют и на гибридной керамике. Другие керамические традиции, фиксируемые на поселениях РЖВ данных территорий, могут рассматриваться как привнесенные (штрихованная, гребенчато-шнуровая, шнуровая и рогожная). Превалирует посуда с минеральными примесями в тесте.

Таким образом, основные проблемы, вопросы и задачи исследования поселений РЖВ восточной части Верхневолжского бассейна сводятся к следующему.

Существует необходимость в четкой стратификации керамических комплексов.



Сложность работы в этом направлении прежде всего в том, что керамика позднего периода эпохи бронзы – РЖВ, как правило, оказывается сильно смешанной и фрагментированной, что характерно для многослойных поселений региона. Играет здесь роль и субъективный фактор, т.е. при нахождении фрагмента керамики он воспринимается зачастую только как фрагмент от сетчатой или заглаженной посуды, не всегда фиксируются отдельные детали и особенности. Так, у сетчатой керамики внешняя поверхность шейки, плечиков до наибольшего расширения по тулову, может и заглаживаться. Эта зона, как правило, и орнаментируется. Имеются примеры, когда вообще на одном фрагменте стенки горшка (поселение Ватажка) присутствуют участки поверхности с сетчатыми отпечатками, заглаженные и штрихованные (Новиков, 2015а, рис. 11). При таких обстоятельствах разделение керамики финала – бронзы – РЖВ на сетчатую или заглаженную может быть весьма условным.

Отметим и обобщенность хронологических рамок, когда керамика в основном датируется I тыс. до н.э. или I тыс. н.э., стратиграфическую неразделенность. Отсутствуют четкие критерии анализа керамики РЖВ из поселений данной округи.

В изучении сетчатой керамики Верхнего Поволжья еще много нерешенных вопросов. Отметим, например, изменение морфологических особенностей керамики, в частности, устоявшиеся еще с финала бронзы слабо и плавнопрофилированные верхние части сосудов нередко претерпевают изменения, и появляются четко профилированные формы с выраженным ребром на плечике горшка. Когда это происходит? При орнаментации сетчатой керамики в переходный от финала бронзы к РЖВ период наблюдается упрощение композиционных рядов и сокращение элементов орнамента, но, начиная с VI в. до н.э., орнаментальные мотивы опять усложняются, правда, связывается это с влиянием другой культурной традиции, а именно гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области.

Итак, для сетчатой керамики позднего периода эпохи бронзы и РЖВ рассматриваемых территорий характерна рябчатая мелкоячеистая структура отпечатков, расположенных, как правило, хаотично. Зачастую поверхность на месте нанесения отпечатков

подзатертая. В поздний период эпохи бронзы, переходное время и в РЖВ такая керамика для обозначенных территорий в определенной степени статична, и её трудно разграничить, о чем уже говорилось (Новиков, 2015а, с. 85). Разумеется, здесь нужно обратить внимание на орнаментацию и некоторые специфичные формы венчиков, общую морфологию сосуда. Распространяется и сетчатая керамика с «нитчатым» отпечатком. Подобная сетчатая керамика с рябчатой и реже «нитчатой» структурой имеется на таких поселениях восточной части Верхневолжского бассейна как Говядиново, Умиленье, Юг, Святица, Ватажка, Станок I–II, Быки (Пуп), Федоровское, Федоровское VII, Борань, Туровское, Сахтыш I–II, Сокольское II, Минское городище, городище в Костроме, городище Унорож, городище Брюхово, Пеньковское и Серюптинское городище и др. (Фосс, 1947, рис. 6; Фосс, 1948, рис. 28; Гурина, 1963, рис. 76; Сыроватко, 2007, рис. 1–4; Новиков, 2011, с. 113; Новиков, 2018, рис. 111–113), (рис. 1; 2; 4; 5). В эпоху раннего железа действительно наблюдаются некоторые изменения структуры сетчатых отпечатков. При преобладании мелкоячеистых рябчатых, как правило, хаотично расположенных, отпечатков на сетчатой керамике появляются и крупноячеистые отпечатки с хаотичным и регулярным их построением. Происходит это приблизительно в середине I тыс. до н.э. Явление нечастое, но всё же фиксируется на отдельных памятниках Костромского Поволжья, в число которых входят и поселения с гребенчато-шнуровой, шнуровой и гибридной керамикой ананьинского облика, развивающиеся в VI–III (II?) вв. до н.э. Как уже отмечалось, на поселениях правобережной части р. Волги (Сахтыш II, Пеньковское городище) в небольших количествах появляется и рогожная керамика.

На сегодняшний день сетчатая керамика из поселений восточной части Верхневолжского бассейна в силу недостаточной разработки проблемы не является узким хроноиндикатором, и время изменения технологических приемов при декорировании внешней поверхности сетчатыми отпечатками еще необходимо определить. Более серьезно на этом моменте можно будет остановиться только после изучения и сравнения керамических комплексов с поселениями рассматриваемого региона. В этой связи еще раз отметим проблему классификации керамики переходного пери-

ода, выделения традиций преемственности, разграничения керамики с памятников ПБВ и РЖВ – многослойность большинства поселений не способствует решению этих вопросов.

Не менее остро стоит вопрос изучения, интерпретации и выделения керамических комплексов конца I тыс. до н.э. (начиная со II в. до н.э.) – первой половины I тыс. н.э. Единственный критерий отнесения памятников к этому периоду, выделяемый в настоящее время – наличие заглаженной керамики, не даёт чёткого понимания материалов. Кроме того, такую керамику на анализируемых территориях отдельно не рассматривали, она всегда описывалась в совокупности со всей имеющейся на памятниках заглаженной керамикой РЖВ – всё, как правило, сводилось к общему определению, что заглаженная керамика датируется более поздним временем, I–V вв. н.э. Такая керамика фиксируется на многих памятниках региона (АКР ИО, 1994; АКР КО, 1999). В частности, гладкостенную керамику Минского городища Н.Н. Гурина датировала вплоть до III в. н.э. (Гурина, 1963, с. 182), при этом подтвердив ее более позднее происхождение данными стратиграфических наблюдений – нахождением преимущественно в верхних и средних слоях (Гурина, 1963, с. 174). Здесь следует отметить, что в коллекциях находок с Минского городища присутствует и заглаженная керамика раннего средневековья с бугристой поверхностью от выступающих примесей. Такие городища как Лукино, Давыдовское Малое и ряд др. также датируются в пределах I–V вв. н.э. Рапоновское городище, с которого мы знаем только заглаженную керамику, датировано в пределах второй половины I тыс. н.э. (Архипов, 1979), однако керамика с данного памятника еще требует изучения, после чего, вероятно, появятся уточнения: керамика с городища хоть и гладкостенная, но с разными примесями – дресвы и шамота. Возникает вполне закономерный вопрос: в рамках каких культурных образований, традиций развиваются поселения РЖВ Костромского и Ивановского Поволжья в I тыс. н.э. после исчезновения на них керамики с сетчатыми отпечатками? Безусловно, нужна систематизация заглаженной керамики РЖВ, необходимо проследить ее развитие и постараться определить более узкую хронологию. На протяжении РЖВ на такой керамике наблюдается уменьшение мотивов орнамента по сравнению с керамикой

позднего периода эпохи бронзы, происходит обеднение до редких ямочных вдавлений, вплоть до полного исчезновения элементов орнамента. Без сомнения, изучение поселений 2 в. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. по-прежнему остается крайне актуальным для территории Костромского и Ивановского Поволжья: необходимы систематизация и разграничение керамических комплексов, их детальная проработка, выделение типов керамики, определение культурных традиций и их развития в регионе.

Следующие вопросы касаются культурных связей. Необходимо выделить дьяковские и городецкие вещевые комплексы, при их наличии, на поселениях РЖВ Костромского и Ивановского Поволжья, установить пространственное распределение внутри микрорегионов, определить время таких контактов. Судя по всему, происходили только отдельные захождения небольших групп дьяковского и городецкого населения в восточную часть Верхневолжского бассейна и Волго-Окского междуречья – традиции материальной культуры в этой области отличаются от основных территорий дьяковского расселения, на данное обстоятельство указывает и И.Г. Розенфельдт (Розенфельдт, 1974, с. 191–195). Не относят памятники этих регионов к дьяковской культуре и И.В. Исланова, М.Г. Гусаков (Исланова, 2002; Гусаков, 2007), что, на наш взгляд, вполне закономерно, соотнесение сетчатой керамики из указных регионов с дьяковской культурой неоднозначно (Новиков, 2018). Близкой точки зрения придерживается В.С. Патрушев (Патрушев, 1989а, с. 59–61; Патрушев, 2017), согласно которому ни дьяковская, ни городецкая «сетчатая» посуда не могла быть основой для «текстильной» керамики Марийского Поволжья, которой гораздо ближе керамические комплексы именно поселений Костромского Поволжья (Патрушев, 2017, с. 67). Несомненно, вопросы развития и особенностей местной сетчатой керамики и её соотношения с керамикой дьяковской культуры требуют специальной глубокой проработки.

В Костромском Поволжье распространение отдельных дьяковских традиций, возможно, происходило уже в раннедьяковский период. Так В.И. Вишневский предполагает, что именно в первой половине I тыс. до н.э. дьяковские племена наиболее плотно расселились в т.ч. и на территории

Костромской низины, окрестностей Галичского озера (Вишневский, 1991, с. 18), при этом подчеркивает, что не выяснены причины быстрого появления и исчезновения их с данной территории (Вишневский, 1991, с. 1). Учитывая характер материальной культуры раннедьяковского населения, с данным предположением можно согласиться, так, на памятниках Костромского Поволжья превалирует сетчатая керамика, минимально количество железных изделий, но при этом встречается и мало костяных. Но, с другой стороны, региональная сетчатая керамика РЖВ генетически восходит к подобной керамике эпохи поздней бронзы и имеет свою линию развития, о чем говорилось выше. Вопрос времени посещения Костромского и Ивановского Поволжья носителями дьяковских и городецких традиций пока остается открытым. Возможно, отдельные локальные культурные контакты групп дьяковского и городецкого населения, соседствующих с местным, изготовлявшим сетчатую, а потом и гибридную (с сетчатой и ананьинской основой) керамику, могли происходить на всем протяжении I тыс. до н.э.

Активизация процессов культурогенеза на территории Костромского Поволжья начинается в VI в. до н.э. и связана с распространением на данных территориях ананьинской культурно-исторической области с традицией гребенчато-шнуровой керамики и появлением на поселениях в дальнейшем гибридной керамики. Ранее этот вопрос подробно рассматривался (Новиков, 2017; 2018). Отметим только, что в Ивановском Поволжье сейчас известна только гибридная керамика (Серюптинское и Пеньковское городища).

Несомненно, в контексте изучения западных территорий распространения ананьинской культурно-исторической области и ее влияния на местные культуры с сетчатой керамикой необходимо обратить внимание и на районы, расположенные к северу от Верхней Волги, в частности, Посухонья. Обращаясь к памятникам РЖВ сопредельной с Костромским Поволжьем территории Вологодского края, мы видим, что и там существует множество схожих проблем – с узким датированием, разграничением керамических комплексов РЖВ, смешанностью комплексов керамики. Можно говорить, что керамика ананьинского облика, найденная здесь, имеет значительные сходство с костромской ананьинской и гибридной керамикой, есть и некоторые отличия,

но это отдельный важный вопрос, требующий самостоятельного рассмотрения.

На сложную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в бассейне озер Белое, Лаче, Воже, в верховьях р. Сухоны, обращает внимание А.М. Жульников, указывающий на устойчивое сочетание здесь традиций, характерных для сетчатой и ананьинской керамики (Жульников, 2008, с. 41). А.Н. Башенькин отмечал отличие материальной культуры населения РЖВ западной (бассейны рек Мологи и Шексны) и восточной (бассейн р. Сухоны и Ваги) частей Вологодского края – в западных регионах он наблюдал связь с дьяковской средой, в восточных – влияние Урало-Камского региона (Башенькин, 2005).

На поселениях РЖВ Посухонья, в частности, таких как Векса I (расположено на берегу р. Вологды, бассейн р. Сухоны), Лиминское XIX–XX (приурочено к разрушающемуся берегу р. Вологды), как и на памятниках Костромского Поволжья, отмечается смешанный характер керамического набора. Поселение раннего железного века многослойного памятника Векса I датировано В.С. Патрушевым, И.Ф. Никитинским и Н.Г. Недомолкиной VIII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1989б; Никитинский, 1995; Недомолкина, 2000а; Недомолкина, 2000б). Поселение Лиминское XIX–XX, открытое Гуслистым Н.В. в 1980 г., датировано им I тыс. до н.э. – I тыс. н.э., в 1984 г. осмотрено Никитинским И.Ф., которым датировки сужены до 2-ой половины I тыс. до н.э. – первых вв. н.э. (Никитинский, 1985, с. 16–18). На поселениях Векса I (раскопки 2007–2008 гг. Недомолкиной Н.Г. // фонды ВГИАХМЗ) и Лиминское XIX–XX (разведки Н.В. Гуслистова и Н.Ф. Никитинского//фонды ВГИАХМЗ) встречаются сетчатая, заглаженная, гребенчато-шнуровая и шнуровая, гибридная, штрихованная керамика позднего периода эпохи бронзы и РЖВ (рис. 8). Керамика с минеральными примесями. Сетчатая керамика очень разнообразна, на поверхности превалируют рябчатые мелкочаеистые, хаотично расположенные, отпечатки. Керамика с заглаженной поверхностью орнаментирована гребенчатыми оттисками, встречается и бедно орнаментированная, лишь редкими ямочными вдавлениями, а также неорнаментированная вовсе. Интересна обнаруженная здесь керамика с «воротничком», присутствует и керамика с налечами, имитирующими «воротни-



чок» (рис. 9). Керамические комплексы также сильно смешаны и неоднородны, в связи с чем, безусловно, возникают проблемы при их разделении, типологическом определении и дальнейшей интерпретации, особенно это относится к сетчатой керамике. Сходные проблемы отмечаются и при изучении поселений Верхневолжского бассейна.

Верхние хронологические границы поселения раннего железного века Векса I, судя по керамическим комплексам, можно сдвинуть вплоть до III в. до н.э. Здесь наблюдается процесс гибридизации воротничковой ананьинской посуды, что не прослеживается в Костромском Поволжье и, видимо, на Верхней Волге в целом. Появляется воротничковая керамика с поверхностью, декорированной сетчатыми отпечатками – вероятно, здесь можно говорить о несколько иных культурных сценариях взаимодействия носителей ананьинских и сетчатых керамических традиций, чем в Верхневолжском регионе. Это сложный, но очень важный вопрос, высказанное предположение необходимо детально проработать в дальнейшем. Аналогии такой воротничковой посуде мы находим на Кривоборском и Пижемском, Скорняковском, Аргыжском городищах, соотносящихся в том числе с поздним периодом АКЮ (Архипов, 1962; Оруджов 2017; Новиков, 2018, рис. 120; Марков, 1988; 2007; Митряков, 2014; Чижевский, Черных и др., 2016), датирующимся рубежом V–IV – III вв. до н.э, возможно, часть поселений существует и во II в. до н.э. (Чижевский, 2017). В сравнении с керамикой этих городищ на Вексе I и Лиминском XIX–XX наблюдается больший процент ямок под воротничком, многие из них с неровными краями, встречаются ямки овальной и каплевидной форм, большинство неглубокие, имеются парные вдавления. Возможно, приходится говорить об изменении некоторых черт орнаментальной традиции ананьинской керамики, однако в целом керамика ананьинского облика Вексы I и Лиминского XIX–XX в большей степени схожа именно с вятской позднего ананьинского периода, наверное, это можно связывать со второй волной миграционных процессов ананьинского населения из бассейна р. Вятки и межкультурного взаимодействия с местным населением, изготовлявшем сетчатую керамику. Отметим, что на поселении присутствует и керамика гребенчато-шнуровой традиции, синхронная камено-

ложской стадии, которая схожа по основным признакам с подобной керамикой Костромского Поволжья. Разумеется, мы коснулись лишь отдельных сторон проблемы, общая культурная картина в регионе Посухонья в РЖВ очень сложна и еще не определена.

Безусловно, при продвижении носителей гребенчато-шнуровой керамической традиции ананьинской культурно-исторической области в западном и северо-западном направлениях, в районы распространения поселений с сетчатой керамикой, начиная с VI в. до н.э. происходит формирование новых культурных образов с керамикой синкретичного характера. На большей территории от Прибеломорья до Верхней Волги появляются поселения со смешанными комплексами ананьинской и сетчатой керамики (Фосс, 1952; Жульников, 2005; Манюхин, 2005; Новиков, 2017; 2018) – т.н. контактная зона. Об образовании смешанных текстильно-ананьинских культур с конца VI в. до н.э. уже говорил С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1993). Отметим только, что каждой отдельной территории присущи свои отличительные черты в керамике ананьинского облика – складываются отдельные новые культурные типы керамики со своей территориальной спецификой, среди них выделяется керамика типа Красная Гора, распространенная в VI–V вв. до н.э. в Беломорье, в бассейне озер Лаче, Воже, Кубенское (Фосс, 1952; Жульников 2008, с. 39–40), керамика типа Водоба (северное побережье Белого озера). Также отдельные ананьинские черты проявляются на керамике типа лууконсаари (Юго-Западное Беломорье и Западное Прионежье), причем здесь встречается и гибридная керамика (Жульников, 2005; 2008). Отчетливые ананьинские признаки видны и на позднекаргопольской посуде (Манюхин, 1991; 2005). И.С. Манюхин считает, что позднекаргопольская керамика представляет собой сплав двух культурных традиций, в котором отчетливо прослеживаются черты южного компонента (ананьинская и сетчатая керамика Поволжья) и северного компонента местной сетчатой керамики, а первая позднекаргопольская керамика имеет близкое сходство с посудой Посухонья и Верхней Волги VI–V вв. до н.э. (Манюхин, 2005, с. 25, 27), верно отмечая, что позднекаргопольская керамика является синтезом разных культурных традиций.

Относительно позднекаргопольских древностей хотелось бы отметить следующее.

Прежде всего, следует поставить вопрос о первоначальном облике позднекаргопольской керамики, выделить ее системные признаки, понять линию развития, вероятно, уходящую истоками в эпоху поздней бронзы. После выделения признаков позднекаргопольской керамики до ее смешения с ананьинской, можно попытаться понять, как произошло взаимодействие местного населения с пришлым ананьинским (гребенчато-шнуровой керамической традиции). Основная часть такой керамики действительно носит смешанный характер. На наш взгляд, процесс создания образа позднекаргопольской культуры более сложный, и на начальном этапе развития культуры должен представляться не только как складывание культурного пространства в результате взаимодействия разных культурных областей, которое происходит в VI в. до н.э. Эти вопросы требуют изучения. На Верхней Волге, в Костромском Поволжье в частности, в результате продвижения сюда в VI в. до н.э. групп ананьинского населения, носителей гребенчато-шнуровых керамических традиций, также

формируется новый вид керамики ананьинской сетчатой основой, появляется т.н. костромская гибридная керамика, распространение которой в Верхневолжском бассейне происходит в V–III вв. до н.э. (Новиков, 2017; Новиков, 2018).

Таким образом, поставленные вопросы касаются развития, культурной атрибуции, хронологической позиции, периодизации и взаимодействия культурных областей РЖВ на территории не только Костромского Поволжья и Ивановского Поволжья, с установлением их места и роли в системе культурных образований всего Верхневолжского региона, но и позволят рассмотреть проблему культурных связей с более северными, северо-западными территориями Посухонья, озера Белое, бассейна р. Шексны и районов, расположенных южнее, западнее и юго-западнее, где распространяются дяковские и городецкие культурные общности.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Азаров Е.С.* Карта археологических памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 204–212.
- Арзютов Н.К.* К вопросу о так называемой «рогожной» керамике // Тр. Нижневолжского науч. общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 79–84.
- Археологическая карта России. Ивановская область / Сост. К.И. Комаров; Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1993. 224 с.
- Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К.И. Комаров; Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: РАН: Восточная литература, 1999. 368 с.
- Археология Костромского края / Ред. А.Е. Леонтьева; Администрация Костром. обл., Департамент культуры, кино и ист. наследия, Гос. науч. произв. центр по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия. Кострома: ГНПЦ по сохранению, реставрации и использованию ист.-культур. наследия Костром. обл., 1997. 274 с.
- Архипов Г.А.* Отчет о раскопках на Рапоновском городище летом 1979 г.: отчет Марийской археологической экспедиции за 1979 г. / Научный фонд МАРНИИ. № 555. Йошкар-Ола.
- Архипов Г.А.* Ананьинские городища на р. Вятке // Труды МАЭ. Т. II / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 188–205.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 157 с.
- Бадер О.Н.* Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3. С. 36–44.
- Башенькин А.Н.* Вологодская область в древности и средневековье // Краткий историко-археологический очерк по истории Вологодской области. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 5–35
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.
- Бобринский А.А.* Данные технологии о происхождении гончарства // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Памяти И.Б. Васильева (1948–2004) / отв. Ред. И.Н. Васильева. Самара: НТЦ, 2006. С. 413–421.
- Брюсов А.А.* «Сетчатая» керамика // СА. 1950. Т. XIV. С. 287–305.

*Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н. э. – VII–VIII вв. н. э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 22 с.

*Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры сетчатой керамики бронзового века // Тверской археологический сборник. Вып. 3 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 1998. С. 308–323.

*Городцов В.А.* Бытовая археология: курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

*Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки в 1897 г. // Древности. М., 1900. Т. 17. С. 26.

*Горюнова Е.И.* Отчет о работах Костромского отряда Волжской экспедиции 1961 г. / КМЗ. Фонд археологии. Приложение к КМЗ КОК №18028 // ОГБУК Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. 30 с.

*Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Академия наук СССР, 1961. 265 с.

*Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) / МИА. № 110. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 85–203.

*Гусаков М.Г.* Дьяковская культура на Верхней Волге // Проблема хронологии. Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К.И. Комарова) / Ред. А. В. Кашкина. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 105–120.

*Гусаков М.Г.* Хронология дьяковской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 6. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 35–50.

*Гусаков М.Г., Кузьминых С.В.* К вопросу о роли носителей «сетчатой» и штрихованной керамики в формировании культур лесной полосы восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. Вып. 222. 2008. С. 105–117.

*Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

*Жульников А.М.* Западное Беломорье в эпоху раннего железа: динамика межкультурного взаимодействия // РА. 2008. №4. С.34–42.

*Исланова И.В.* О локальных группах дьяковских памятников // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2002. С. 451–460.

*Косменко М.Г.* Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН. 1996. С. 185–215.

*Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.* К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // РА. № 1. М., 2005. С. 188–190.

*Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С., Ерофеева Е.Н., Зимина М.П., Кольцов Л.В.* 2. Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях в 1966 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3385. 276 л.

*Кренке Н. А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

*Кузьминых С.В.* Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: Рязань НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Рязанской области, 1993. С. 61–109.

*Лопатина О.А.* К изучению приемов нанесения «текстильных» отпечатков на керамике дьяковской культуры // Самарский научный вестник. 2015. № 3 (12). С. 105–113.

*Лопатина О.А.* Опыт технологического изучения «текстильных» отпечатков // Археология Евразийских степей. Вып. 8. У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 204–212.

*Лопатина О.А.* Рельефное прокатывание поверхности как прием создания так называемых «текстильных» отпечатков на древней керамике // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 287–296.

*Манюхин И.С.* Поселение с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 82–112.



*Манюхин И.С.* Этногенез саамов (опыт комплексного исследования). Автореф. дисс... докт. ист. наук. Ижевск 2005 г. 38с.

*Манюхин И.С.* Позднекаргопольская культура (вопросы периодизации и хронологии) // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С. И. Кочкуркина. Петрозаводск. 1991. С. 168–195.

*Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИАН РТ, 2007. 136 с.

*Марков В.Н.* О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. / Отв.ред. Старостин П.Н. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. С. 92–113.

*Миронов В.Г.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995. С.68–89.

*Митряков А.Е.* Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

*Недомолкина Н.Г.* Многослойное поселение Векса // Тверской археологический сборник. Вып. 4. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: 2000а. С. 277–283.

*Недомолкина Н.Г.* Векса – предшественница Вологды // Краеведческий альманах. Старинные города Вологодской области. Вып. 3.Вологда: Легия, 2000б. С. 47–77.

*Никитинский И.Ф.* Поселение раннего железного века Векса I на реке Вологде // Послужить Северу. Историко-художественный и краеведческий сборник / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура. 1995. С. 27–42.

*Никитинский И.Ф.* Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1984 г. б/н. / Архив Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вологда 1985.

*Новиков А.В.* Археологические исследования Федоровского поселения в Чухломском районе Костромской области в 2005–2006 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 8. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 102–114.

*Новиков А.В.* Керамический комплекс поселения Ватажка (по материалам раскопок В.И. Смирнова 1925–1927 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: Триада, 2015 а. С. 69–86.

*Новиков А.В.* Памятники с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века в бассейне Галичского озера/ Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: Триада, 2015 б. С. 50–68.

*Новиков А.В.* Поселения РЖВ Костромского Поволжья: (к вопросу об ареале ананьинской культурно-исторической области) // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 49–69.

*Новиков А.В.* Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья// Археология Евразийских степей. 2018. №2. С. 6–288.

*Оруджов Э.И.* Керамический комплекс Кривоборского городища// Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 89–104.

Паспорт памятника археологии (Пеньковское городище – 2 – поселение «дьякова типа») / составитель Е.М. Молодцова; составлено 10.07.1975 г.

*Патрушев В.С.* «Текстильная керамика эпохи раннего железа на Ардинском городище // Вестник Пермского университета. 2017. Вып. 1 (36). С.63–73.

*Патрушев В.С.* Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. №3. С.194–224.

*Патрушев В.С.* Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 3–20.

*Патрушев В.С.* Отчет о раскопках Минского городища в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 16270. 1992.

*Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях Минского городища в 1990 г. / ИА РАН. Р-1. № 14398. 1991.

*Патрушев В.С.* У истоков Волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1989а. 122 с.

*Патрушев В.С.* Поселение Векса-I в Вологодской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар. 1989б. С.30–31.

*Розенфельдт И.Г.* Керамика Дьяковской культуры // Дьяковская культура. / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 90–197.

*Сарапулкина Т.В.* Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону: Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2010, 25 с.

*Семенов С.А.* К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. 1955. Вып. LVII. С. 137–144.

*Сидоров В.В.* Сетчатая керамика // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 304–315.

*Смирнов К.А.* Два района появления сетчатой керамики // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий / Отв. ред. В.В. Седов. Тверь: ТГУ, 1991, 152 с.

*Смирнов К.А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука, 1974. С. 7–89.

*Столяр А.Д., Хлобыстин Л.П.* Городище у дер. Серюпитино // МИА. № 110. М.; Л.: Академия наук СССР, 1963. С. 227–238.

*Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 42–55.

*Сыроватко А.С.* Дьяковские этнокультурные трансформации и керамика: возможности реконструкции // Тверской археологический сборник. Вып. 8 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 75–80.

*Сыроватко А.С.* О еловой шишке, сетчатой керамике и переменах климата // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. №4. Материалы III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: 2017. С. 316–318.

*Сыроватко А.С.* Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 360–373.

*Сыроватко А.С.* Сетчатая керамика стоянки Сахтыш II (по материалам раскопок Д.А. Крайнова) // Тверской археологический сборник. Вып. 6 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2007. С. 75–80.

*Третьяков П.Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. / МИА. № 5. М.; Л.: Академия наук СССР, 1941. 367 с.

*Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. 308 с.

*Трубникова Н.В.* О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 125–129.

*Фоломеев Б.А.* Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновики // Археология Евразийских степей. Эпоха бронзы и ранний железный век. №4. Материалы III международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: 2017. С. 319–335.

*Фоломеев Б.А.* Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

*Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР / МИА. № 29. М.: Академия наук СССР, 1952. 278 с.

*Фосс М.Е.* Итоги Галичской экспедиции // КСИИМК 1949. Вып. XXVI. С. 34–39.

*Фосс М.Е.* Новые памятники в районе Галичской культуры (раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК 1947. Вып. XVII. С. 63–69.

*Фосс М.Е.* Результаты Галичской экспедиции 1946 г. // КСИИМК 1948. Вып. XX. С. 58–66.

*Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

*Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды МАЭ. Т. II. / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

*Чернай И.Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого. городища) // СА. 1981. № 4. С. 70–86.

*Чернай И.Л.* Макро- и микроструктура слепков с фактуры текстильной керамики // Финно-угры России. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 36–48.

*Чижевский, А.А., Черных Е.М., Хисьяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С.* Скорняковское городище на Вятке / Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: ИД Казанская недвижимость; Институт Археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 156 с.

*Чижевский. А.А.* Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области// Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

### **Информация об авторе:**

**Новиков Александр Викторович**, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора ООО «Костромская археологическая экспедиция» (г. Кострома, Россия); kae44@mail.ru

## **CURRENT ISSUES OF STUDYING EARLY IRON AGE SETTLEMENTS IN EASTERN AREA OF THE UPPER VOLGA BASIN (KOSTROMA AND IVANOVO VOLGA REGIONS). PRESENTATION OF THE ISSUES**

**A.V. Novikov**

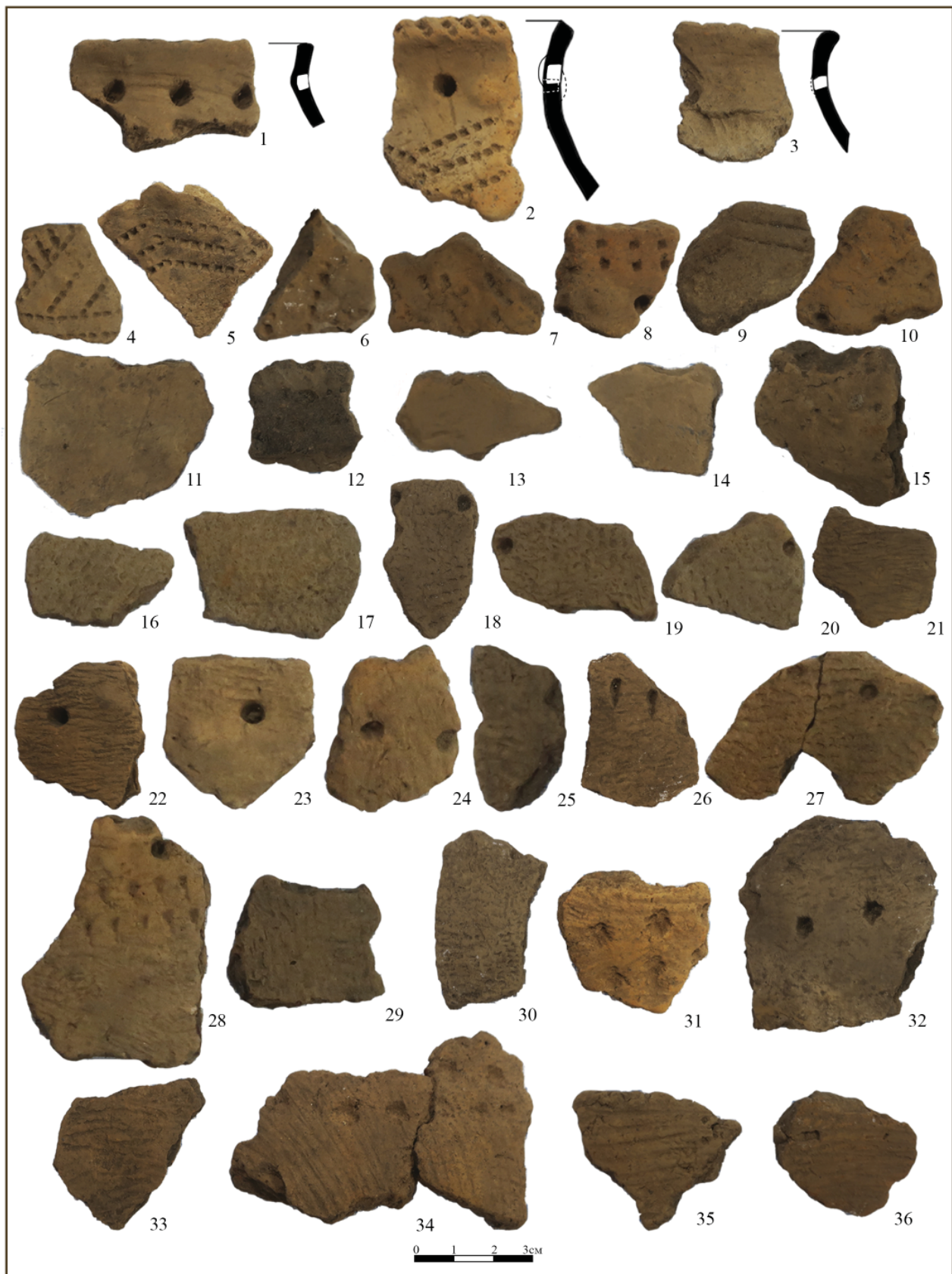
The article considers the current state of the issue, prospects for studying the Early Iron Age settlements in the eastern part of the Upper Volga basin. The authors emphasize the need to develop a stratification of the article complexes, systematization and differentiation, detailed study, identification of the types of ceramics, definition of cultural traditions and development of the region, address the issues of cultural relations, and identify their primary directions.

**Keywords:** Early Iron Age, Upper Volga basin, textile ceramics, Ananyino Cultural and Historical Area

### **About the Author:**

**Novikov Aleksandr V.** Candidate of Historical Sciences, Deputy General Director of LLC "Kostroma Archaeological Expedition" (Kostroma, Russian Federation); kae44@mail.ru





**Рис. 1.** Поселение Говядиново (исследования В.И. Смирнова, 1926, 1928 гг.). Заглаженная орнаментированная и неорнаментированная (№ 1-15), сетчатая с ничатыми и рябчатыми отпечатками (№ 16-33), штрихованная (№ 34-36) керамика позднего периода эпохи бронзы и переходного времени. Фонды КГИАХМЗ (КОК 15417, 15448).



**Рис. 2.** Пеньковское городище (раскопки П.Н. Травкина, 1989-1997 г.). Сетчатая с нитчатыми и рябчатыми отпечатками (№ 1-7, 9-19), гибридная (№8), рогожная (№ 20-22) керамика РЖВ. Фонды ПГИАХМЗ.



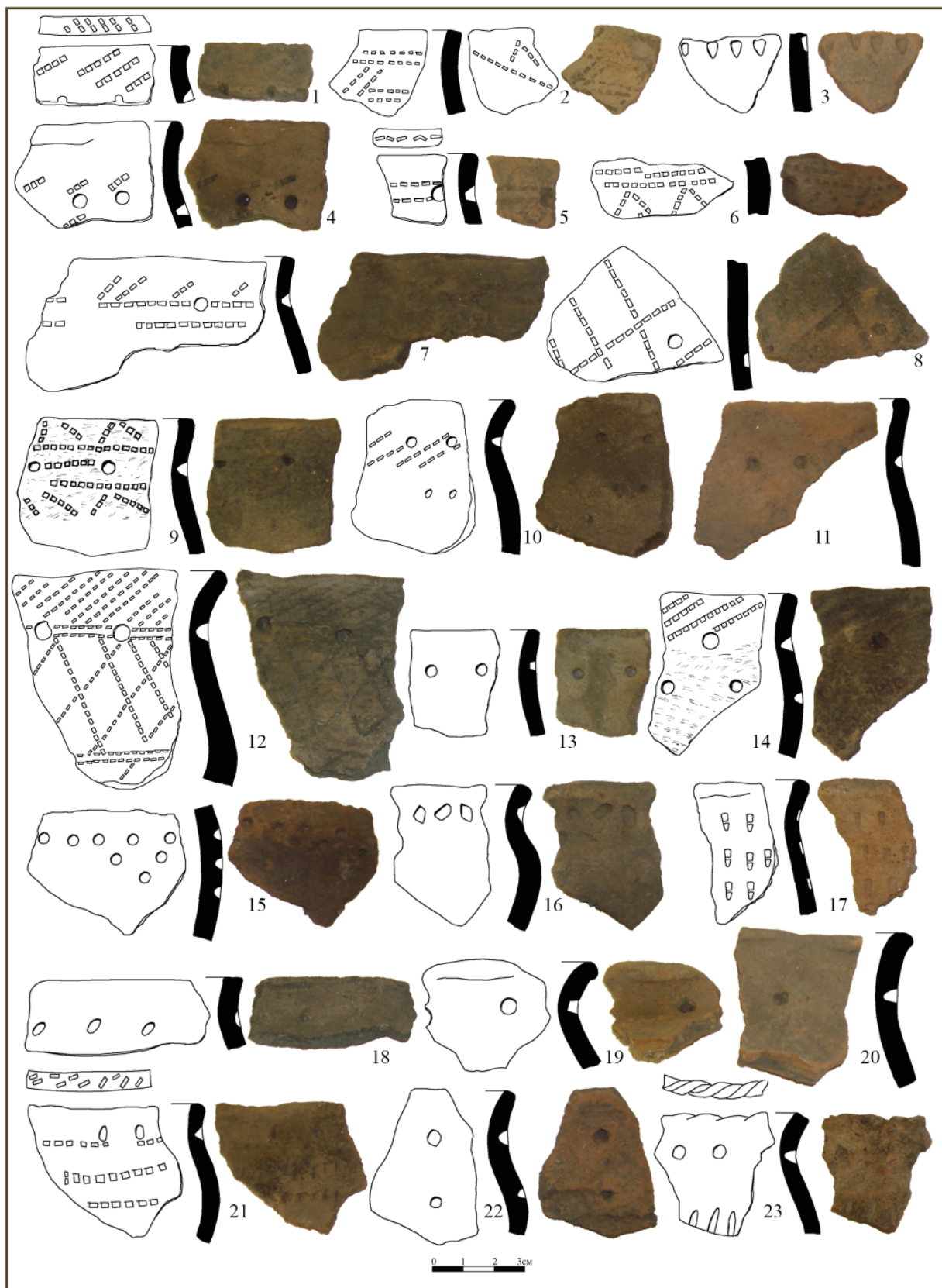


Рис. 3. Городище Брюхово (обследование О.В. Новиковой, 2016 г.). Загла-женная и сетчатая керамика финала бронзы – раннего железного века (№1-23).



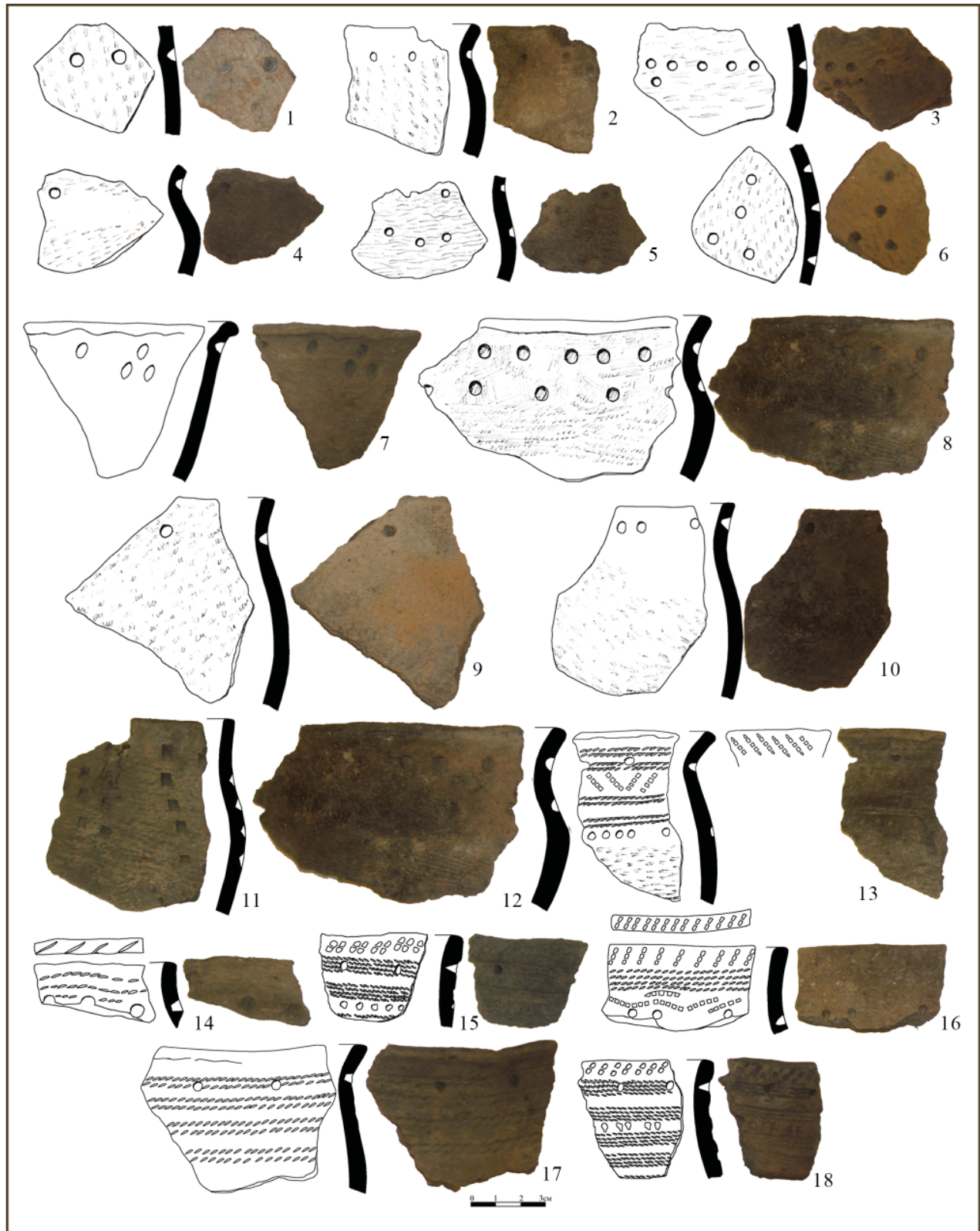
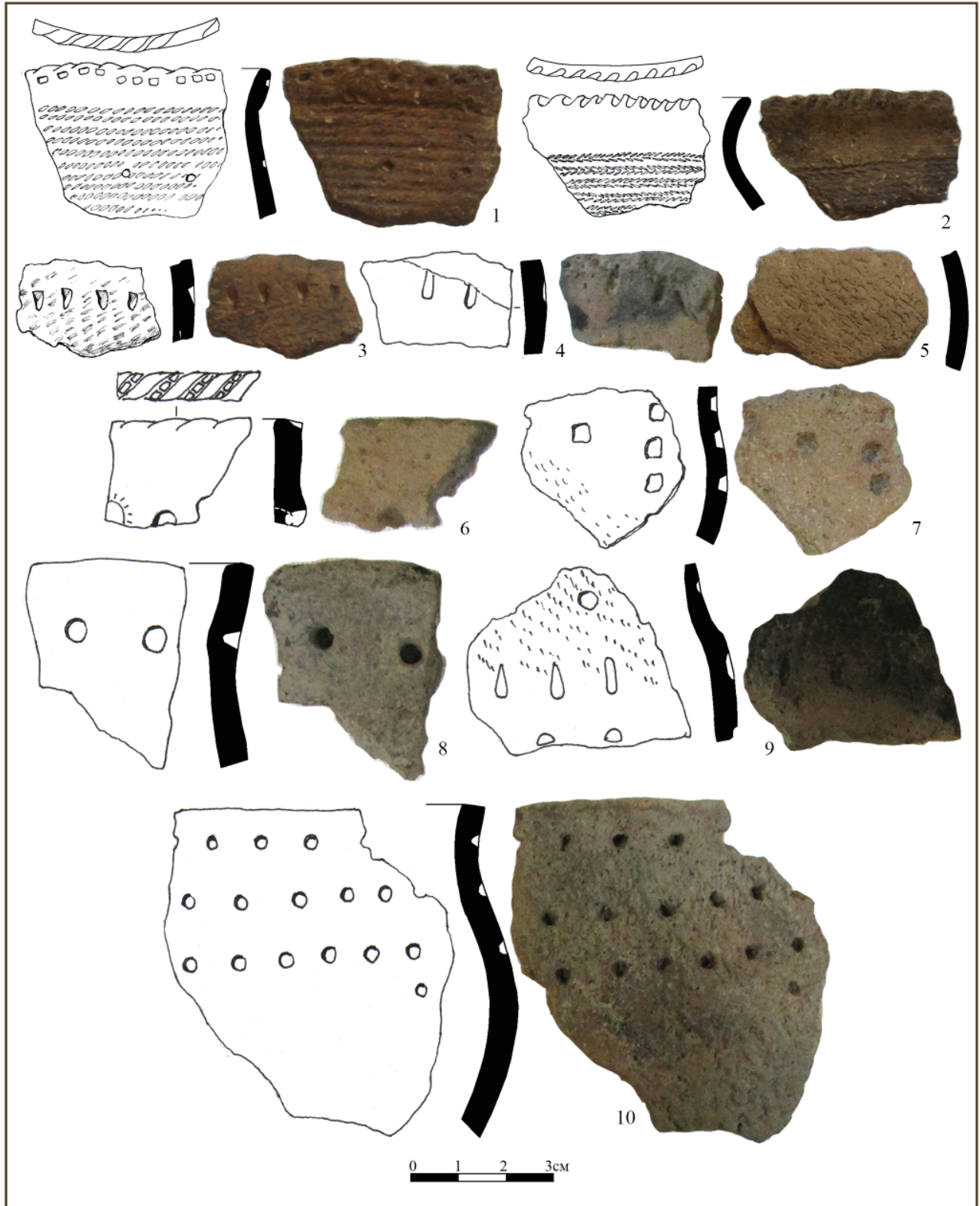


Рис. 4. Городище Брюхово (обследование О.В. Новиковой, 2016 г.). Сетчатая керамика РЖВ с нитчатыми и рябчатыми отпечатками (№ 1-12), керамика ананьинского облика (№13-18).



**Рис. 5.** Городище Унорож (раскопки А.В. Новикова, О.В. Новиковой, 2016-1018 г.). Керамика ананьинского облика (гибридная) (№ 1,2), сетчатая керамика с нитчатыми и рябчатыми отпечатками (№ 3-10).





Рис. 6. Керамика позднего периода эпохи бронзы, переходного к РЖВ времени с гребенчатой орнаментацией.  
№ 1-5 (Минское городище), № 6-10 (Городище в Костроме).



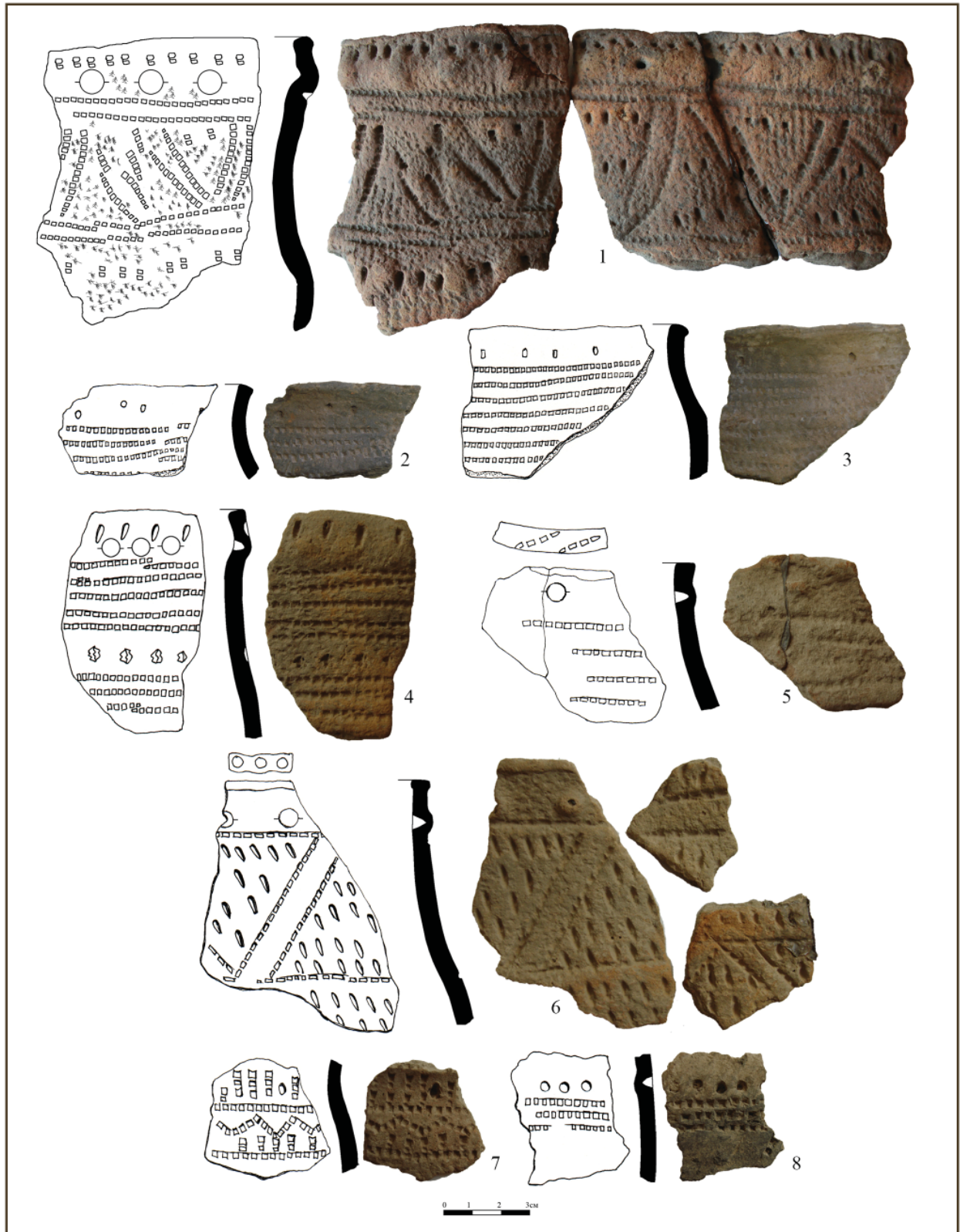


Рис. 7. Керамика позднего периода эпохи бронзы, переходного к РЖВ времени с гребенчатой орнаментацией. № 1-3 (Поселение Шунга), № 4-8 (Поселение Вагажка).



**Рис. 8.** Поселение Века I (раскопки Н.Г. Недомолкиной, 2007-2008 гг.). Сетчатая с нитчатыми и рябчатыми отпечатками (№ 1-14), гребенчато-шнуровая (№ 15-19), заглаженная (№ 20-23) керамика. Фонды ВГИАХМЗ





**Рис. 9.** Керамика с «воротничком». № 1-17 (Поселение Векса I; раскопки Н.Г. Недомолкиной, 2007-2008 гг.), № 18-22 (Поселение Лиминское XIX-XX, Н.В. Гуслистов 1980 г., Н.Ф. Никитинский 1984 г.).



УДК 902/904

## ВОИНСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ НА АКБЕРДИНСКОМ II ГОРОДИЩЕ

© 2019 г. В.В. Овсянников, Н.С. Савельев

В статье впервые публикуются материалы исследований 2017 года Акбердинского II городища кара-абызской культуры, расположенного на правом берегу р. Белой. В небольшом раскопе в культурном слое на площадке городища зафиксированы остатки святилища с предметами вооружения. В комплекс святилища входят две столбовые ямки, разрушенная каменная конструкция, два меча: савроматского и «ханьского» типа; железный чекан аржанского типа и бронзовая статуэтка птицы.

По характеру культурного слоя, в котором залежали остатки святилища и по наиболее позднему предмету («ханьскому» мечу) из состава святилища период его функционирования можно определить рубежом эр.

Святилище интерпретируется как воинское, использовавшееся недолгий период времени и уничтоженное намеренно в ритуальных целях. Данный ритуал находит близкие параллели в скифском обряде поклонения древнему мечу, описанному Геродотом.

**Ключевые слова:** Западное Приуралье, Прибелье, кара-абызская культура, воинское святилище, городище, чекан, меч.

Акбердинское II городище известно с 1985 года, однако полевые исследования были начаты лишь через 20 лет после его открытия (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 8–10). Уже первые работы на памятнике показали его исключительную значимость. Мощность и насыщенность культурного слоя позволяют ставить это поселение в один ряд с такими опорными памятниками кара-абызской культуры как Охлебининское II, Шиповское, Кара-Абызское и Биктимировское городища. Вероятно, Акбердинское II городище являлось одним из «родоплеменных» центров кара-абызской культуры, о чем свидетельствуют окружающие его некрополи (Акбердинские и Нагаевские курганы) и сезонные селища (не менее 15). Его специфика также и в том, что все известные некрополи, входящие в округу городища – курганные, что для кара-абызской культуры не характерно, если не брать во внимание курганно-грунтовой Шиповский могильник. Результаты исследований этого интересного памятника стали публиковаться сравнительно недавно (Пшеничнюк, Овсянников, 2007, с. 11–12; Савельев, Овсянников, Курманов, 2017). Данная работа посвящена публикации материалов исследований 2017 года.

### Общие сведения

Акбердинское II городище расположено в 20 км к юго-востоку от г. Уфа, на мысу коренной террасы правого берега р. Белая, высотой около 60 м. От террасы мыс отделен глубокими балками сезонных водотоков. Площадка городища и весь край террасы

покрыты лиственным лесом (клен, осина, кустарниковые). Под площадкой городища находится широкая пойма (около 10×4 км), образованная излучиной р. Белая, в 1,5 км от ее западного края. В пойме расположено несколько старичных озер, количество и размеры которых изменяются в зависимости от степени сезонной влажности. До сих пор довольно четко фиксируется тропа, которая идет с террасы, проходит через весь мыс и спускается в пойму. Вероятно, спуск к подножию городища существовал и в древности. С основного русла реки площадка городища не просматривается, так же, как и русло р. Белая с городища.

Фортификационные сооружения представлены остатками двух неглубоких (не более 0,2–0,3 м) рвов. Один из них, внутренний, пересекает мыс в 50 м от его стрелки. Его длина 80 м, ширина 4 м. На расстоянии 170 м от него расположен внешний ров (длина 90 м, ширина 3 м). Эти сооружения, вкуче со склонами мыса, ограничивают площадку размером 170×60–70 м (около 11000 м<sup>2</sup>), которая и является центром поселения. Здесь сосредоточен наиболее мощный и насыщенный культурный слой (рис. 1).

С напольной стороны к внешнему рву примыкает естественная вытянутая по оси мыса возвышенность. Это препятствие, преграждавшее путь на мыс, в древности с северо-восточной стороны было эскарпировано. Вероятно, здесь находился проход на городище в период его существования, здесь же идет и современная тропа.

Непосредственно к укрепленной части городища примыкают две площадки, где также фиксируется культурный слой. Первая из них расположена с напольной стороны от эскарпированной возвышенности. Здесь при осмотре памятника (2005 г.) фиксировались ямы, из которых садоводы ближайших дачных кооперативов добывали чернозем. В этих ямах была найдена керамика. Культурный слой, фиксируемый в ямах, не превышал 0,3 м. Точные размеры этой площадки пока не установлены (судя по топографии – не менее 130×100 м).

Вторая площадка (выявлена в 2017 г.) непосредственно примыкает к укрепленной части с северо-востока. Топографически эта часть поселения является своеобразной нижней ступенькой коренной террасы, примыкающей к основной части мыса. Она расположена на 2–3 м ниже укрепленной части поселения. Её размеры около 100×180 м, ограничена с востока глубоким оврагом с протекающим в нем ручьем. Прослеженная мощность культурного слоя по береговому обрыву – не более 0,2 м, находки встречаются по всей поверхности данной площадки.

#### **История исследования**

Городище выявлено Г.Н. Гарустовичем в 1985 году (Памятники археологии..., 1988. № 243, с. 61). Несмотря на то, что памятник находился в удовлетворительном состоянии, подъемный материал был получен весьма представительный (керамика кара-абызского и имендешевского типов). Данное обстоятельство объясняется тем, что у юго-западного склона мыса располагалась колония крупных животных – землероев, чьи выбросы из нор содержали значительное количество культурных остатков.

В 2005 г. разведочным отрядом ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством В.В. Овсянникова на городище в пределах укрепленной части поселения, в непосредственной близости от нор был заложен шурф размером 2×2 м. Также был собран значительный подъемный материал, состоящий, кроме керамики, из металлических и костяных изделий. Судя по выбросам из нор, последние были устроены в насыщенном золой грунте. Данное обстоятельство и определило выбор места шурфовки.

В шурфе 2005 года был зафиксирован культурный слой мощностью более 1,5 м, найдено 614 фрагментов керамики, а также

глиняные, костяные и металлические изделия. В керамическом комплексе выделено 4 основных культурные группы: кара-абызская, позднеананьинская (шнуровая), гафурийская и убаларская. Значительная часть полученной коллекции имела смешанные черты. На основании материалов 2005 года был сделан вывод, что поселение относится к кара-абызской культуре и возникло III–II вв. до н.э., на втором хронологическом этапе культуры по А.Х. Пшеничнюку (Пшеничнюк, 1993, с. 40).

В 2016 году шурф 2005 года был частично расконсервирован и из его северной стенки взяты образцы для палинологического анализа. Это позволило выделить пять этапов природно-климатической ситуации в период функционирования поселения (Савельев, Овсянников, Курманов, 2017).

Ко времени основания поселения относится существование смешанных хвойно-лиственных лесов, что соответствует умеренно-влажному климату. Этому периоду соответствует керамический материал классического кара-абызского типа (ямочная орнаментация, лощение поверхности сосудов и примесь раковины в глине (Пшеничнюк, 1973, с. 198).

Второй этап связан с увеличением открытых луговых пространств и увеличением антропогенной нагрузки на ландшафт. Эти данные говорят о постепенном усущении климата и возрастании населения. Количество культурных остатков на этом этапе значительно увеличивается. Совместно с кара-абызской керамикой встречаются образцы гафурийского типа с примесью талька в тесте. Это позволяет определять дату второго этапа в пределах IV–III вв. до н.э., что согласуется с наиболее ранними материалами, происходящими из Акбердинских курганов (Савельев, 2010). Этот период связан с проникновением в лесостепное Прибелье носителей раннесарматских традиций, что привело к формированию гафурийского культурного типа (Савельев, Яблонский, 2014). На этом же этапе прослеживается и довольно быстрое изживание значительной части гафурийских керамических традиций.

Третий этап жизни поселения связан с уменьшением доли древесной и увеличением синантропной растительности. Именно на этом этапе фиксируется слой каштановой супеси, связанный с пиком аридизации климата в лесостепной зоне. Керамический комплекс

в этот период также испытывает резкие изменения. Классическая кара-абызская керамика практически исчезает, её сменяют в основном неорнаментированные сосуды с примесью песка с раковиной или только с песком. Этот этап иллюстрирует появление в данном микрорайоне носителей убаларских керамических традиций и их постепенное доминирование в составе населения Акбердинского II городища. Появление в кара-абызских памятниках шиповско-охлебининской группы убаларской керамики относится ко II в. до н.э. (Пшеничнюк, 1973, с. 206) или немного более раннему времени. Таким образом, этот этап жизни поселения можно отнести к периоду III–II вв. до н.э. Он связан с динамичной сменой ведущей культурной традиции: от кара-абызской через гафурийскую к убаларской. Фиксируемый приток нового (убаларского) населения вызван резкими экологическими изменениями в регионе. Это привело к значительным этнокультурным трансформациям, изменению хозяйства и системы расселения кара-абызского населения среднего течения р. Белая (Бахшиев, Савельев, 2013).

Четвертый и пятый этапы иллюстрируются постоянном увеличением древесной и уменьшением травянистой растительности, что говорит о постепенном увлажнении климата. Количество культурных остатков снижается в три раза. Все они соотносятся с убаларской (или, точнее – с убаларско-кара-абызской) керамической традицией. Этот период связан с постепенным уменьшением населения и последующим забрасыванием площадки поселения. Нижнюю дату этого этапа можно отнести к I в. до н.э., верхняя дата пока точно не определена, но укладывается в первые века н.э.

Таким образом, данные шурфа 2005 года позволили прийти к следующим выводам. Городище было основано в пределах IV в. до н.э. – накануне появления в регионе оседающих кочевников – носителей гафурийского типа. Об этом в частности, говорит практически полное отсутствие керамики раннекара-абызского типа, которая датируется V–IV вв. до н.э. (Овсянников, 2014, с. 311). В IV–III вв. до н.э. на городище фиксируется появление инокультурного населения. С этим периодом, вероятно, связано возникновение рядом расположенных Акбердинских и Нагаевских курганов (Овсянников, 1995). В условиях ухудшения климатических условий и

притока нового населения происходит смена культурной парадигмы на памятнике. Последний период жизни этого городища связан с постепенным уменьшением населения и увлажнением климата.

В 2016 году в отдел археологических исследований ИИЯЛ УФИЦ РАН были переданы два железных меча, железный чекан и бронзовая фигурка птицы. Из объяснений находчика<sup>1</sup> стало ясно, что комплекс вещей происходит с площадки Акбердинского II городища, возле которого находится дачный кооператив. Вещи были найдены возле тропы, ведущей к подножью террасы. Помимо вещей, находчик передал фотографии находок в земле и указал авторам статьи точное место их нахождения. Также в качестве ориентира им был указан камень в выкопанной яме, который остался непо потревоженным (рис. 2).

#### Описание раскопа 2017 года

Летом следующего года на указанном месте был заложен раскоп размером 4×1,8 м, ориентированный длинными стенками по линии восток-запад. Раскоп располагался у северо-восточного склона мыса, на краю центральной укрепленной площадки городища, с противоположной стороны от шурфа 2005 года. Ниже места закладки раскопа 2017 года к основной мысовой площадке городища примыкает описанная выше площадка селища. Раскоп был разбит на два квадрата с бровкой между ними. Выявлена следующая стратиграфия: дерн отсутствовал, сверху залегал слой гумуса (0,3 м), далее – слой гумусированного суглинка (0,15 м), под ним – предматериковый темно-коричневый суглинок. В центральной части южной стенки на глубине 0,2 м (на границе гумуса и суглинка) зафиксирована линза золистой супеси мощностью 0,1 м. Эта линза также фиксировалась на противоположной стенке бровки, её размеры в раскопе 0,4×0,2 м (рис. 4).

В нижней части гумусного слоя, на границе с суглинком были зафиксированы крупные плиты известняка с рваными краями. Та из них, которая являлась ориентиром для определения места находок металлических предметов, была наиболее крупная. Её размеры 31×23 см, имеет подпрямоугольную форму, верх камня находится на глубине 17–20 см от современной поверхности. Подобную форму имеют еще два камня, их размеры значительно меньше (20×20 см). Два камня неправиль-

<sup>1</sup> Находчик пожелал остаться неизвестным.



ной формы, с рваными краями, размером 24×18 см, еще два – окатанные, также неправильной формы, размером 15×15 см. Все камни расположены компактно, без какой либо системы (рис. 3). Создается впечатление, что это остатки некой разрушенной конструкции – вымостки или обкладки столба (?).

При зачистке на уровне материка выявлены две столбовые (?) ямы. Яма 1 – овальной в плане формы, расположена на границе квадратов, под бровкой. Её размеры – 20×28 см, глубина от уровня материка 30 см, находки отсутствуют. Яма 2 находилась восточнее первой, в центре между камней. Она округлой формы, диаметром 20 см, также заглублена в материк на 30 см. При вскрытии ямы сделаны многочисленные находки, в т.ч. фрагменты керамики и каменные орудия, которые, вероятно, использовались в качестве забутовки.

#### **Индивидуальные находки из раскопа**

Из раскопа происходит два бронзовых наконечника стрел, найденных на горизонтах 2 и 3 (рис. 5: 6–7). Оба наконечника трехлопастные, с внутренней втулкой и вытянутой треугольной формой головки. Подобные экземпляры могут быть датированы как IV–II вв. до н.э., так и, учитывая их широкое распространение в кара-абызской среде, III–II вв. до н.э. Также найдено три железных наконечника стрел. Один – на поверхности рядом с раскопом (рис. 5: 9; 6: 3), второй – на третьем горизонте (рис. 5: 8), оба относятся к типу черешковых трехлопастных. Третий найден на поверхности «посада» городища, к востоку от раскопа (рис. 6: 2). Пирамидальная форма пера и небольшие размеры наконечников позволяют их отнести к самому началу периода появления подобных изделий (II–I вв. до н.э.), когда нередким было сочетание железных и бронзовых наконечников в одном колчанном наборе.

Этим датам не противоречит и находка фрагмента бронзовой пластины со спиралевидным орнаментом (рис. 5: 1; 6: 1). Подобное украшение происходит из погребения 39 Биктимировского I могильника, набор инвентаря которого можно датировать III–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964, рис. 3: 8).

Остальные металлические, костяные и каменные изделия, найденные в раскопе, бытуют весь период существования кара-абызской культуры. Среди них необходимо отметить сделанную из зеркала (?) крупную трапециевидную подвеску (рис. 5: 2; 6: 4), многочис-

ленные альчики, в том числе с просверленными отверстиями и различными нарезками (рис. 5: 14–16), а также орнаментированные пряслица (рис. 5: 10–12). Показательно, что как пряслица, так и альчики встречались в основном вокруг центральной площадки, где были найдены мечи и расчищены столбовые ямы (рис. 4). Еще более ярко эта закономерность прослеживается на различных каменных орудиях (терочники, ложила и пр.) и очажных камнях. Они встречаются только у восточного края раскопа, т.е. над краем склона городищенского мыса (3 экз.) и в заполнении ямы 2 (7 экз.). Это свидетельствует об избирательном характере нахождения отдельных вещей в центральной части раскопа 2017 г.

#### **Керамический комплекс (общие данные)**

Всего из раскопа 2017 г. происходит 998 фрагментов керамики, из них горизонт 1 – 535, горизонт 2 – 253, горизонт 3 – 126, под камнями – 32, из ямы 2 – 52. Вся керамика относится к различным типам и вариантам кара-абызской культуры (собственно кара-абызский, гафурийский, убаларский), однако в связи с высоким процентом смешанности (рис. 7: 3–8), проявляющимся как в орнаментах, так и в формах, подсчеты велись исключительно по хорошо различимым технологическим группам (сериям)<sup>2</sup>. Выделяются группы Т (талък, талък-раковина – гафурийские традиции), Р (раковина, раковина-органика, раковина-органика-шамот, раковина-шамот – кара-абызские традиции), П (песок, песок-шамот, песок-шамот-органика – убаларские традиции) и М/микс (раковина-песок, песок-шамот-раковина, раковина-песок-органика, песок-шамот-раковина-органика). В последней группе количество песка и раковины в каждом конкретном фрагменте может сильно варьировать, т.е. она является смешанной. Отношение групп в пределах горизонтов очень сильно различается (рис. 8).

На начальном этапе освоения данной площадки городища к группе Р отнесено 48,4% фрагментов, к группе П – 16,7%, к смешанной группе М – 34,9%. На втором горизонте группа Р снижается до 30,8%, группа П остается неизменной (15,4%), группа М увеличивается до 49,8%, появляется группа Т (4%). На первом горизонте немного увеличивается

<sup>2</sup> Определение примесей проводилось индивидуально для каждого фрагмента керамики при 12-кратном увеличении.

группа Р (до 37,8%), в два раза увеличивает-ся группа П (до 31,8%) резко падает группа М (до 29,9%), группа Т практически исчезает (0,6%). Таким образом, процент керамики убаларской традиции, присутствовавшей уже на начальном этапе освоения данной площадки, значительно (в 2 раза) возрос к финалу накопления культурных отложений и произошло это за счет незначительного снижения кара-абызской и смешанной традиций (соотв. – на 10 и 5%).

Анализ двух условно закрытых комплексов (яма 2 и керамика под камнями) показывает ряд очень важных для реконструкции выявленного святилища моментов. Во-первых, керамика под камнями полностью соответствует процентному соотношению керамического комплекса, происходящего с горизонта 3 (рис. 8: 7), т.е. камни были уложены на нетронутую поверхность, соответствующую границе горизонтов 2 и 3. Во-вторых, керамика из ямы 2 по показателям групп Т и Р близка горизонту 2, по группам П и М – горизонту 3 (рис. 8: 7, 8). Это может свидетельствовать о том, что яма 2 была выкопана с уровня второго горизонта (не выше границы горизонтов 2 и 1). Расположение камней вокруг ямы однозначно свидетельствует об их связанности. Поэтому залегание камней на 10–20 см ниже уровня, с которого была выкопана яма, может говорить только об удалении поверхностного слоя грунта на площадке святилища, во всяком случае – вокруг центрального столба (яма 2).

Последний важный момент, который хорошо виден при анализе керамического комплекса – эволюционность и внутренняя взаимосвязанность изменений как от горизонта 3 к горизонту 2, так и от горизонта 2 к горизонту 1. Какие-либо археологически фиксируемые смены населения или резкие изменения технологических традиций не фиксируются, т.е. после руинирования святилища данная площадка была постепенно перекрыта культурными отложениями.

В целом облик керамического материала 1–2 горизонтов раскопа 2017 г. соответствует концу третьего этапа жизни поселения, выделенного на материалах шурфа 2005 г. (см. выше).

#### **Комплекс предметов вооружения**

Судя по фотографии находчика, мечи лежали на одном уровне с камнями (около 25–30 см от современной поверхности), в

нижнем слое гумуса, параллельно друг другу (рис. 2). Рукояти находились возле наиболее крупной каменной плиты, к югу от столбовой ямы №2. Относительно сетки раскопа мечи лежали по диагонали, в юго-восточной части квадрата 1 и в западной части квадрата 2. Оба меча лежали ребром, вплотную друг к другу. Судя по изгибам лезвий, мечи были согнуты в нескольких местах вместе, «пучком» (рис. 9). На рукоятях обоих клинков сохранились приспособления для подвешивания. У биметаллического савроматского меча рукоять была обмотана тонкой бронзовой лентой. Железный меч с ромбовидным перекрестьем имел на черенке два отверстия. В одно из них был вставлен бронзовый крючок, сделанный из тонкой проволоки. Данное обстоятельство говорит о том, что при археологизации на штыре рукояти отсутствовала обкладка, т.е. использование меча по прямому назначению было невозможно.

Железный чекан располагался также вплотную к мечам, у окончаний их клинков. Обух чекана был обмотан проволокой из желтого металла (золота?). Проволока довольно длинная, это позволяет думать, что чекан в подвешенном состоянии занимал то же положение, что и в момент находки – на уровне последней трети клинков мечей.

По сообщению находчика, бронзовая фигурка птицы найдена около рукоятей мечей. Это подтверждается тем, что недостающий фрагмент фигурки (часть левой ноги) найдена при раскопках в указанном месте (отм. – 37, т.е. 27 см от современной поверхности).

#### **Описание металлических предметов из святилища**

**1. Железный цельнометаллический чекан** имеет открытую втулку, яйцевидной формы в профиле (рис. 10–12). Примерно по средней части втулки проходит валик, выше которого изображены две фигуры (по одной с каждой стороны) кошачьих хищников, лежащих или припавших к земле. Поверх этих фигур, по верхней кромке втулки, нанесен веревочный орнамент. Ниже валика нанесен орнамент в виде тонких спиралевидных рельефных линий. Боек стержневидный, округлый в сечении, с четырехгранным острием. У основания бойка видны следы резного орнамента, аналогичные орнаменту нижней части втулки. В нижней части бойка, в месте соединения с втулкой, расположена головка хищной птицы (грифона?). Обух выполнен в

виде фигуры припавшего к земле кошачьего хищника. В центре фигуры хищника, между передними и задними лапами – отверстие. В это отверстие продета проволока, за которую был подвешен чекан. В нижней части обуха – впадина подпрямоугольной формы.

Все детали зооморфных изображений и орнамент на чекане хорошо проработаны. Позы животных, части и элементы изображений хорошо читаются. На втулке хищники изображены с опущенной головой. Прекрасно видны округлые уши, миндалевидные глаза, открытая пасть с клыками. На лапах четко выражены когти. Рельефность тела подчеркнута несколькими линиями в области плеча, поясницы и задних лап. Длинный хвост закручен на конце в небольшую спираль.

Еще более выразительна скульптурная фигура хищника, являющаяся обухом чекана. Морда хищника вытянута вперед, округлые уши и глаза преданы рельефными завитками, небольшой складкой обозначен нос. Пасть широко разинута, в ней изображены мощные длинные клыки. Передние зубы хищника плакированы прямоугольной пластинкой металлической (золотой?) фольги. На лапах четко видны когти. Тело украшено тонкими спиралевидными рельефными линиями, аналогичными орнаменту на втулке. Хвост длинный, с завитком на конце. Головка птицы под бойком также хорошо проработана. Четко выделяется округлый глаз, изогнутый клюв, «уши» и небольшая «бородка».

Размеры чекана: общая длина 250 мм, длина бойка 132 мм, диаметр бойка у основания – 20 мм, диаметр бойка у конца – 15 мм; высота втулки 45 мм, верхний диаметр втулки (наибольший) – 27 мм, нижний диаметр втулки (наибольший) – 32 мм; длина обуха 83 мм, сечение обуха (наибольшее) – 33×20 мм.

Данное изделие уникально по своему оформлению, точных аналогий в современной литературе нам не известно. В первую очередь, это относится к серии прикамских чеканов, где встречены либо цельнолитые бронзовые, либо биметаллические изделия (железный чекан известен в одном экземпляре), а главное – отсутствуют богато орнаментированные образцы (Кузьминых, 1983, с. 135–138). Это обстоятельство не позволяет считать рассматриваемый чекан продуктом местного производства и заставляет обратиться к материалам из других регионов.

Ряд деталей акбердинского чекана позволяют встроить его в систему представлений современных исследователей о данном виде оружия. Наиболее часто встречаемой и характерной деталью является головка хищной птицы под бойком. Она стала основанием для выделения отдельного типа этого вида оружия (Курочкин, Субботин, 1993). «Первичным очагом зарождения и распространения» чеканов этого типа Г.Н. Курочкин и А.В. Субботин считают территории Хакассии (ареал тагарской культуры) и Тувы (Курочкин, Субботин, 1993, с. 59–60). Прикамье они, вслед за Н.Л. Членовой (Членова, 1981, с. 7), считают вторичным очагом распространения чеканов (Курочкин, Субботин, 1993, с. 60). Формирование прикамского очага данные авторы относят к VII–VI вв. до н.э. (Курочкин, Субботин, 1993, с. 61).

В центральноазиатском очаге распространения чеканов наиболее представительная их серия происходит из памятников тагарской культуры. Одна из последних сводок насчитывает 370 экземпляров (Субботин, 2014, с. 59). Такой объем выборки позволяет сделать довольно определенный вывод о том, что акбердинский экземпляр не связан своим происхождением с тагарскими чеканами. Подавляющая часть тагарского оружия изготавливалась из бронзы, железные чеканы были редкостью. По данным Н.Л. Членовой также следует, что вместе с железными чеканами в тагарскую среду проникает и традиция изображения на них хищников (Членова, 1967, с. 37). На собственно тагарском оружии если и имелись зооморфные мотивы, то они были представлены изображениями козлов и оленей (Субботин, 2014, с. 49).

Наиболее близкие по форме и материалу чеканы были встречены при раскопках кургана Аржан-2 в 2000–2004 гг. Из аржанского комплекса происходит три чекана, один из которых железный (Сугунов, Parzinger, Nagler, 2010, taf. 27,2) и два бронзовых (Там же, taf. 95, 1; taf. 101, 1). Железный чекан из Аржана-2 имеет ряд сходных черт с акбердинским, например, втулка имеет примерно те же размеры и форму сечения. Оба изделия объединяет также и то, что они полностью орнаментированы. Орнамент верхнего края втулки аржанского чекана напоминает орнаментальный мотив акбердинского образца. Совпадает также форма бойка и наличие под ним



головы птицы. Сближает их и техника плакировки железа золотой (?) фольгой. Также отметим, что плакированный золотом железный чекан происходит из наиболее богатой могилы кургана Аржан-2. Факт нахождения в богатой могиле царского кургана подчеркивает престижность подобного типа оружия для древнего населения. Причем понятие «престижности», видимо, связано не только с материалом отделки изделия (инкрустация золотом), но и наличием зооморфных или иных изображений на оружии. С этим, вероятно, связана редкая встречаемость зооморфных деталей на рассматриваемом типе оружия.

Для данного погребения получена серия радиоуглеродных дат, которая позволяет отнести захоронение к середине – концу VII в. до н.э. (Евразия..., 2005, с. 86). Вероятно, этим же временем можно датировать и акбердинский чекан. Как уже отмечалось, оба образца сближают такие черты как размеры и форма втулки, а также отсутствие отверстия на втулке для крепления к древку. Эти признаки, по мнению К.В. Чугунова, имеют хронологическое значение (Чугунов, 2001, с. 175). Такая деталь как наличие отверстия для подвешивания на обухе также говорит о ранней дате, так как этот признак характерен для чеканов раннетагарского периода (Шульга и др., 2009, с. 149).

Изображения кошачьих хищников на чеканах встречаются в памятниках Тувы и Алтая скифского времени. В частности, можно упомянуть бронзовый чекан с головой хищника на обухе из кургана 24 у горы Бош-Даг в Туве (Маннай-оол, 1970, рис. 8: 2), который датируется в пределах V–III вв. до н.э. (Богданов, 2006, с. 93). Манера передачи черт животного (глаза, уши и др.) на этом чекане близка акбердинскому образцу. Довольно близка фигура хищника на обухе чекана из могильника Уландрык-3 (Горный Алтай) (Кубарев, 1987, табл. LVIII: 7). Здесь, как и на акбердинском, изображен припавший к земле кошачий хищник с вытянутой вперед мордой и оскаленной пастью. Отличается материал изготовления – бронза, а также стилистические особенности в изображении животного. Комплекс, из которого происходит чекан, датирован с помощью радиоуглеродного метода IV в. до н.э. (Кубарев, 1987, с. 132). Примечательна также серия чеканов из Новотроицкого могильника (Алтай). Здесь на ряде изделий обух оформлен в виде зооморфных

и антропоморфных изображений. Наиболее близок к акбердинскому чекан из кургана 18 (Шульга и др., 2009, рис. 87). На новотроицком тоже железном образце обух оформлен в виде фигуры животного, тип которого трудно определить из-за неудовлетворительной сохранности. Однако есть характерная черта, сближающая его с акбердинским – наличие сквозных отверстий на обухе. Все указанные аналогии датируются в рамках VI–IV вв. до н.э., то есть по времени они позже аржанского чекана. Таким образом, украшение чеканов изображениями кошачьих хищников хоть и редко, но встречается в Туве и на Алтае. Эта традиция существовала здесь длительное время, а изображения развивались в целом в рамках и по канонам скифо-сибирского звериного стиля (Богданов, 2006, с. 91, 93; Черемисин, 2008).

Таким образом, по морфологическим особенностям акбердинский чекан можно датировать второй половиной VII в. до н.э. Зооморфное оформление чекана сближает его с образцами из Тувы и Алтая, что указывает на исходную территорию формирования подобного типа вооружения. Более того, акбердинский чекан, на наш взгляд, выступает одним из ранних предметов этого круга.

Близость акбердинского чекана с аржанским также позволяет поставить вопрос о способе его изготовления. Более чем удовлетворительная сохранность акбердинского экземпляра позволила увидеть тонкую проработку и изящество деталей орнамента втулки, а также скульптуры хищника на обухе. Подобную детализацию чрезвычайно трудно (если вообще возможно!) выполнить с помощью холодной механической обработки железа. На примере железного кинжала из Аржана-2 Р.С. Минасяном предложена версия о производстве железных кинжалов с рельефными зооморфными изображениями из Минусы, Тувы и Алтая с помощью техники литья (Минасян, 2014, с. 94–98). Возможно, аналогичным образом был изготовлен и акбердинский чекан.

**2. Биметаллический меч** савроматского типа (рис. 9: 2; 13). Общая длина меча 109 см, длина железного клинка 95,3 см, длина рукояти 7 см, ширина рукояти 26 мм, толщина рукояти 13 мм, ширина клинка 41 мм, с нижней трети плавно сужается, толщина клинка 6 мм у перекрестья, 5 мм на основной части и 3,5 мм – в нижней трети.

Лезвия клинка параллельные, в центре его прокованы широкие доли, дополнительной двусторонней проковке подвергнута кромка, конец клинка в сечении линзовидный. Клинок меча покрыт равномерным темно-малиновым налетом от его пребывания в огне<sup>3</sup>, также имеет 3 хорошо фиксируемых места изгибов, на нижнем из которых поверхностный слой металла разрушен и осыпается. Вся рукоять вместе с перекрестьем и навершием отлита из бронзы, поверхность ее бугристая, покрыта серо-зеленой патиной. Перекрестье бабочковидной формы, его размеры 80×27–32 мм, толщина 13–16 мм, сечение близкое вытянутому ромбу, через центр проходит ребро. Рукоять в сечении овальная, через центр с обеих сторон проходят два параллельных желобка, отчего рукоять может быть названа трехчастной. На одной из боковых сторон по рукояти проходит глубокая трещина, в которой видны железные окислы. Навершие от рукояти отделено рельефным валиком – колодкой. Размеры навершия 60×30 мм, выполнено в виде двух обращенных друг к другу голов грифонов с соединенными загнутыми клювами. Изображения очень грубые, как бы смазанные, однако прослеживается восковица над клювом, глаз и щека, выполненные полугорошинами. Сквозные отверстия в центре загнутого клюва сформованы при литье геометрически правильными цилиндрическими вставками.

Данный меч относится к наиболее западному варианту кочевнического клинкового оружия скифского времени с так называемыми грифовыми навершиями (Исмагилов, 1980; Денисов, Мышкин, 2008; Денисов, 2010). Всего их на Южном Урале и прилегающем участке Средней Волги известно около 15 экземпляров, половина из них – случайные находки. Все они железные. Для них характерны бабочковидные (различных вариантов) перекрестья, колодки под навершием, двутавровая или трехчастная рукоять и навершие в виде обращенных друг к другу голов грифонов с сильно загнутыми массивными клювами. Детализация изображений различна, на ряде экземпляров показаны выступающие уши, глаза, клювы бывают сведенными и т.д.

<sup>3</sup> Благодарим к.и.н. С.В. Рязанова за осмотр обоих акбердинских клинков и заключение об их пребывании в огне. Ранее данная особенность была установлена им для ряда случайных находок клинкового оружия скифо-сарматского времени Южного Приуралья (Рязанов, 2006).

Изображения на навершии акбердинского меча очень схематичны, но полностью укладываются в описанный выше тип. Присутствует и такая специфическая технологическая деталь как отделение конца клюва от его основания круглыми сквозными отверстиями, прослеженная Р.Б. Исмагиловым на кинжалах из Мукачево и Альян-Тау (Исмагилов, 1980, с. 221, рис. 1: 1, 3). Наиболее вероятная дата этого типа клинкового оружия – V в. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66; Денисов, 2010, с. 228). Единственная деталь, которая не характерна для мечей и кинжалов «савроматского» времени – шестигранное сечение клинка. На Южном Урале она появляется не ранее III–II вв. до н.э.

**3. Железный меч с узким ромбовидным перекрестием** и характерным вырезом в верхней части и клиновидным выступом в нижней (рис. 9: 1; 14). Общая длина меча 101 см, длина клинка 84,3 см, длина рукояти 15 см, ширина рукояти 16–19 мм, толщина рукояти 4 мм, ширина клинка 34 мм, к нижней трети сужается до 30 мм, толщина клинка от 5 до 4 мм. Лезвия клинка параллельные, в центре его прокованы широкие доли, дополнительной двусторонней проковке подвергнута кромка. Ширина навершия 49 мм, высота 15 мм, толщина 18 мм, сечение ромбическое. Клинок имеет 3 хорошо фиксируемых места изгибов. Все поверхности меча покрыты равномерным темно-малиновым налетом от его пребывания в огне.

В материалах кара-абызской культуры подобные образцы не встречены. Однако они хорошо известны в памятниках соседней пьяноборской культуры. Из погр. 306 Кушулевского III могильника в низовьях р. Белая (Дюртюлинский район РБ) происходит длинный двулезвийный меч с бронзовым ромбовидным перекрестьем. В комплексе с мечом найдены железный наконечник копья, однолезвийный боевой нож, бронзовая бляшка, и, что наиболее важно, колчаный набор в составе шести бронзовых и одного железного наконечника стрел (Агеев, Мажитов, 1985, С. 27). Длинный меч с бронзовым ромбовидным перекрестьем также происходит с территории Ново-Сасыкульского могильника (кв. 19/С) (Васюткин, Калинин, 1986, с. 115).

Уникальный меч с орнаментированным медным перекрестьем происходит из погребения 68 Камышлы-Тамакского могильника (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, рис. 8: 1; Зубов,

Саттаров, 2014, рис. 2: 3). К сожалению, несмотря на представительность комплекса, в нем отсутствует колчаный набор и другие хроноиндикаторы (Мажитов, Пшеничнюк, 1968, с. 57). Косвенно о синхронности этого погребения с комплексом из Кушулево III может свидетельствовать нахождение его в окружении погребений со смешанными колчанными наборами (железо–бронза–кость) (Агеев, 1993, с. 70).

Представительный комплекс с длинным мечом с бронзовым ромбическим перекрестьем происходит из Кипчаковского I кургано-грунтового могильника, где он встречен со смешанным колчанным набором (железо–бронза) (Зубов, Саттаров, 2014, рис. 2: 2).

Таким образом, в пьяноборских некрополях Нижней Белой мечи рассматриваемого типа откладывались в период сосуществования в колчаных наборах бронзовых и железных наконечников стрел. По раннесарматским материалам этот период датируется III–II вв. до н.э. (Смирнов, 1989, с. 173; Скрипкин, 1990, с. 139). С.Э. Зубов и Р.Р. Саттаров при анализе колчаных наборов Кипчаковского I могильника соглашаются с мнением ряда исследователей – сарматоведов о полном исчезновении бронзовых наконечников из сарматских колчанов на рубеже II–I вв. до н.э. (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214). Авторы приходят к выводу о более длительном использовании бронзовых наконечников в пьяноборских древностях. Полную смену бронзовых наконечников на железные в пьяноборских древностях они относят к середине – второй половине I в. до н.э., т.е. в среднем на 50 лет позже чем у сармат (Зубов, Саттаров, 2018).

Таким образом, появление мечей китайского (ханьского) облика в памятниках пьяноборской культуры можно отнести ко второй половине I в. до н.э. Эта дата не противоречит выводам А.С. Скрипкина о появлении данного вида оружия у сарматов не ранее II–I вв. до н.э. (Скрипкин, 2010, с. 202). Ему же принадлежит замечание о том, что перекрестья мечей из памятников Нижней Белой «абсолютно идентичны китайским» (Скрипкин, 2010, с. 199). По данным Ли Джи Ын, длинные мечи с фигурными нефритовыми и металлическими перекрестьями, в том числе орнаментированные, возникли в эпоху ранней Хань, возвышение которой относится ко II в. до н.э. (Ли Джи Ын, 2010, с. 64, 168).

Из всего этого можно сделать вывод, что мечи из нижнебельских памятников являются одной из ранних групп подобного оружия к западу от Уральских гор. Об этом также говорит ряд особенностей меча из Камышлы-Тамака. Первая особенность – бронзовое орнаментированное перекрестье (Зубов, 2007, рис. 1: 9; Зубов, Саттаров, 2014, рис. 2: 3). Нанесение орнамента на перекрестье продолжает китайскую традицию украшать мечи орнаментированными нефритовыми деталями, в том числе и перекрестья (Ли Джи Ын, 2010, табл. 32: 3, 11; 33: 14–15). Это является, в свою очередь, продолжением традиции циньского периода, когда цельнометаллические мечи из бронзы также имели орнаментированные перекрестья схожей формы (Ли Джи Ын, 2010, табл. 47–48). Другая особенность камышлы-тамакского меча – качество клинка. В отличие от синхронных сарматских и пьяноборских мечей он имеет исключительную упругость – при усилии на изгиб меч легко гнется и затем возвращается в исходное состояние. На этом основании можно с большой долей вероятности говорить о том, что он изготовлен непосредственно в Китае или китайскими мастерами за его пределами.

Факт более раннего появления «ханьских» мечей в пьяноборской среде относительно степных памятников подтверждается также выводами В.Н. Васильева. Им приведена территориально наиболее близкая подборка «китайских мечей» из Урало-Поволжья (Васильев, 2013). В отличие от пьяноборской, она не столь однотипна, и датируется, по мнению автора публикации, не ранее рубежа эр (Васильев, 2013, с. 65).

**2–3. Общими признаками для обоих мечей** является форма и профиль клинков, имеющих параллельные лезвия с тремя ребрами и двумя долами. Такая форма клинка получена путем особой обработки линзовидной в сечении заготовки (см. рис. 9: 1 – сечение 4; 9: 2 – сечение 5), при которой, кроме центрального ребра, полученного при ковке долов, образуются еще два при проковке лезвий. Для биметаллического экземпляра с рукоятью савроматского типа такое сочетание совершенно нехарактерно (если не сказать невозможно) – для савроматских клинков типичны клинки ромбовидного либо линзовидного сечения (см. напр. Исмагил, 2001, табл. 1–2). Для мечей же «ханьского» типа такая форма клинка не является редкостью, как и для



других типов клинкового оружия Китая (Ли Джи Ын, 2010, табл. 45: 1, 4; табл. 47: 1–6; 49: 1–6; Скрипкин, 2010, рис. 3: 1, 4, 10–11).

Апеллируя к более чем внушительному корпусу находок клинкового оружия ранних кочевников Урала и Поволжья, можно достаточно уверенно говорить о том, что целенаправленное создание двух широких долов и проковка лезвий появились только на части «классических» прохоровских клинков (Исмагил, 2001, табл. III: 22; IV: 32, 34–38; V: 39–48), т.е. не ранее III–II вв. до н.э. Эти данные позволяют предполагать (пока – без металлографического анализа), что на клинок, сделанный по китайскому образцу, был «налита» бронзовая рукоять савроматского облика. Данная технология изготовления биметаллических мечей на Южном Урале являлась широко распространенной (см. напр. Таиров, 2011, с. 163). То есть, несмотря на видимые различия в типологии и хронологии, «более ранний» меч мог быть создан по образцу «более позднего» экземпляра, вероятно – для ритуального использования. Также характерно, что на обоих клинках полностью отсутствуют следы заточки, а верхняя четверть клинков имеет совершенно тупое лезвие (см. рис. 9: 2 – сечение 1).

Преднамеренная порча зафиксирована более чем на 50% случайных находок мечей и кинжалов ранних кочевников Южного Урала, в том числе среди них известны экземпляры с сильно погнутым клинком (Савельев, 2016, с. 248–249, рис. 2: 2). Единично известен случай сварки ранее сломанного клинка, при котором также были обрублены выступающие края перекрестья, после чего данный экземпляр был использован в культовой деятельности (Терехова, 2011, с. 73–74, рис. 1: 17). Также известен длинный меч III–II вв. до н.э., у которого железные навершие и перекрестье были заменены на бронзовые (Измайлов, 2015, с. 326–327, рис. 1). Возможно, что клинок у него также был согнут. Приведенные данные свидетельствуют о не случайности повреждения акбердинских мечей, и в целом, о распространенности различных манипуляций с клинковым оружием в скифо-сарматское время. Это выражалось, в том числе, и в создании очень своеобразных «усовершенствованных» «конструктов», например, на скифском акинаке V века до н.э. из могильника Артющенко-2 (Тамань) железное навершие было заменено

на совершенно уникальное бронзовое (Ворошилов, Кашаев, 2011, рис. 2).

**4. Бронзовая фигурка птицы** (рис. 15, 16). Общая высота фигурки 98 мм, размах крыльев 36 мм, длина ног 49 мм. Относительно туловища статуэтка имеет довольно крупную голову. Клюв широкий, уплощенный с горбинкой. Крылья изображены в полусложенном виде, выступают по бокам, хвост короткий плоский, подпрямоугольной формы. Ноги длинные, более половины высоты фигурки. На середине длины ног выделены утолщения, которые, вероятно, передают коленные суставы, такие же утолщения в нижней части соответствуют суставам стоп. На каждой ноге показано по три пальца, перепонки между ними отсутствуют, чуть выше нижнего утолщения с задней стороны ног – еще один палец. По данному признаку птицу можно идентифицировать как большую выпь (лат. *Botaurus stellaris*), относящуюся к семейству цаплевых (*Ardeidae*). Фигурка полая. Широкое отверстие имеется в нижней части головы, другое отверстие, более узкое – над хвостом.

Аналогий данному изделию в Волго-Уральском регионе нами не встречено, хотя изображения птиц не являются редкостью в древностях Волго-Уральского региона (Чемякин, Кузьминых, 2011). От волго-уральских орнитоморфных изображений акбердинская фигурка птицы отличается как нехарактерной для региона позой (сложенные крылья, стоящая на длинных лапах), так и технологией изготовления. Фигурка фактически представляет собой полое скульптурное изображение, для изготовления которого требуется более сложная технология, нежели та, что использовалась в урало-поволжских культурах (Чемякин, Кузьминых, 2011, с. 45).

По нашему мнению, данная фигурка не могла быть изготовлена в Урало-Поволжье и, соответственно, аналогии нужно искать за его пределами. Похожие изображения происходят из памятников пазырыкской культуры. Здесь скульптурные изображения птиц служили украшениями женских и мужских головных уборов (Черемисин, 2008, табл. XXXII: 1–3). Часть из них автор интерпретирует как изображение журавлиных. Акбердинскую фигурку и пазырыкские изображения сближает объемность и поза – птицы, стоящие на вытянутых ногах, с выступающими по бокам (в т.ч. и расправленными) крыльями.

В целом, учитывая даты самой ранней (чекан) и самой поздней (меч ханьского типа) вещи, рассмотренный комплекс вещей «собирался» на протяжении VII–VI вв до н.э. – рубежа эр.

### Обсуждение результатов

Представленные материалы свидетельствуют о том, что комплекс металлических вещей (мечи, чекан, фигурка птицы), состав прочих находок, скопление каменных плит и две столбовые ямки являются остатками древнего ритуального сооружения. Последнее можно реконструировать следующим образом: центральным объектом являлся столб(ы) или идол(ы), на одном из них были подвешены предметы вооружения (два меча и чекан), вокруг него находилась каменная вымостка или пирамидка. Само святилище располагалось на краю площадки укрепленного поселка, у склона мыса. Реальные его размеры и состав нам не известны, так как раскопом 2017 года вскрыта только его часть.

Судя по находкам, святилище не могло возникнуть ранее рубежа II–I вв. до н.э. и существовало оно очень краткий промежуток времени. В какой-то момент святилище было разрушено. Мечи одномоментно и совместно были погнуты в нескольких местах и положены (вероятно, они были зарыты на глубину 5–10 см) в том же положении, что они находились и в подвешенном состоянии. Возможно, часть сооружения была сожжена, о чем может свидетельствовать наличие зольного пятна к югу от ямы 1. Каменная конструкция была также разрушена, камни хаотично разбросаны на уровне древней дневной поверхности. В последующий период, после разрушения святилища, жизнь на поселении продолжалась. Об этом говорят культурные отложения поверх руин святилища. При этом сами остатки ритуальной площадки более не подвергались никакому вмешательству.

Использование клинкового оружия в структуре святилища и последующее его ритуальное уничтожение (сожжение?) наводит на параллель с известным сюжетом Геродота о поклонении скифов древнему мечу (Алексеев, 2011, с. 61). Недавно одному из авторов удалось наметить связь обряда, описанного Геродотом, с конкретными археологическими реалиями. Речь идет о многочисленных случайных (происходящих не из погребальных памятников) находках мечей и

кинжалов, сосредоточенных в Южном Приуралье (Савельев, 2018). Автор связывает их с ритуальными действиями, проводившимися в окрестностях летних кочевков ранних кочевников Приуралья (Савельев, 2018, с. 29).

От известных в степи Акбердинское святилище имеет ряд существенных отличий: не один меч, а два, присутствие чекана и скульптурного изображения птицы. Само святилище расположено на городище оседлого населения. Однако места находок мечей и кинжалов никогда не подвергались полноценному археологическому обследованию. Поэтому мы не знаем, какие еще следы ритуальных действий можно было бы обнаружить на месте находок клинкового оружия. Так же нужно учитывать и тот факт, что население Акбердинского II городища было смешанным, часть его (носители гафурийского культурного типа) была связана своим происхождением с сарматами Южного Приуралья. Поэтому, вполне можно предположить, что какие-то степные культы проникли и закрепились в среде кара-абызского населения.

Кроме наличия «антикварного» оружия (железный чекан и подражание савроматскому мечу) и следов ритуального уничтожения святилища, еще ряд черт сближает этот объект с верованиями и ритуалами скифо-сарматского мира. У Геродота есть упоминания о гаданиях, которые совершались в момент проведения ритуальных действий (Алексеев, 2011, с. 64). Как упоминалось выше, на площадке святилища было найдено большое количество альчилов и бабок овцы, которые, как известно, в древности использовались для гаданий и игр. Целые наборы этих «игральных» костей известны как в погребениях кара-абызской культуры, так и в погребениях сарматов. Находка фигурки птицы на святилище напоминает о скифском обычае размещать изображения птиц на навершиях и ритуальных столбах (Переводчикова, Раевский, 1981).

Таким образом, Акбердинское святилище на данный момент является первым объектом, исследованным в соответствии с современной археологической методикой, где проявляются следы поклонения «древнему» оружию, аналогичные бытовавшему в скифо-сарматской среде. Также данные этого исследования свидетельствуют, что в среде кара-абызского населения практиковались культы и верования, заимствованные из кочевой среды.

В частности, можно с большой долей уверенности говорить о существовании в кара-абызском пантеоне некоего божества, связанного с культом оружия и войны.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. 139 с.
- Агеев Б.Б., Мажитов Н.А.* Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Препринт. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1985. 40 с.
- Алексеев А.Ю.* Гадания у алтарей скифского Ареса // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 61–66.
- Бахшиев И.И., Савельев Н.С.* Селище Зинино-1 – новый памятник эпохи раннего железа – раннего средневековья в среднем течении р. Белая // Уфимский археологический вестник. Вып. 13. 2013. С. 104–115.
- Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Васильев В.Н.* Китайские мечи Урало-Поволжья и Юго-Восточного Приаралья // УАВ. Вып. 13. 2013. С. 63–67.
- Васюткин С.М., Калинин В.К.* Ново-Саськульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95–122.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2 // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 54–62.
- Денисов А.В.* Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. 15 / Отв. ред. Л.В. Кузнецова. Самара: ООО «Офорт», 2010. С. 222–231.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н.* Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // НАВ. 2008. Вып. 9. С. 62–75.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / Ред. Г.И. Зайцева, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеев, К.В. Чугунов, Е.М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.
- Зубов С.Э.* Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI междунар. Конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 124–133.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Иско-Бельского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 13. С. 314–320.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р.* Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребальных комплексов Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвящ. 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГСПУ, 2018. С. 210–214.
- Измайлов И.Л.* Меч раннесарматского времени из Иско-Зайского междуречья // Поволжская археология. 2015. №2(12). С. 326–332.
- Исмагилов Р.Б.* Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219–227.
- Исмагил Р.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 117–147.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 301 с.
- Курочкин Г.Н., Субботин А.В.* Боевые чеканы (клевы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской и европейской частях скифского мира: к проблеме происхождения и распространения // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III-го археологического семинара. Часть II / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 1993. С. 59–64.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 258 с.



*Ли Джи Ын.* Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.). Дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 329 с.

*Маннай-оол М.Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970. 117 с.

*Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х.* Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Т. 3 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1968. С. 38–58.

*Минасян Р.С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: ГЭ, 2014. 472 с.

*Овсянников В.В.* Нагаевские курганы // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Министерство культуры РБ, 1995. С. 85–95.

*Овсянников В.В.* Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014.. С. 301–310.

Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981-1986 годы. Каталог / Отв. ред. Р.Г. Мухтаров. Уфа: Башкирское отделение ВООПИК, 1988. 94 с.

*Переводчикова Е.В., Раевский Д.С.* Еще раз о назначении скифских наверхий // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / Ред. Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 42–52.

*Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. 2 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1964. С. 215-231.

*Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. 5 / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 215–231.

*Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебенинского могильника // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

*Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В.* Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 62 с.

*Рязанов С.В.* Кузнечная техника савромато-сарматского клинкового оружия из Башкортостана // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. статей к 70-летию А.Х. Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 137–140.

*Савельев Н.С.* Научный отчет об итогах археологических исследований в Иглинском районе Республики Башкортостан и Октябрьском районе Оренбургской области в 2009 году по Открытым листам № 673 (форма № 1) и 674 (форма № 2) от 19.06.2009 г. Уфа, 2010 / Архив ИА РАН.

*Савельев Н.С.* Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 241–253.

*Савельев Н.С.* Находки мечей и кинжалов скифо-сарматского времени из юго-западных предгорий Южного Урала (к вопросу об освоении территории и особенностях расселения кочевников // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 38. Is. 4. С. 24–31.

*Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г.* Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино-II) // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АГУ, 2017. С. 900–901.

*Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

*Скрипкин А.С.* Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Избранные труды / Сост. Е.А. Коробкова, А.В. Белицкий. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 195–232.

*Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 165–176.

*Субботин А.В.* Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб., 2014. 154 с.

*Таиров А.Д.* К вопросу о распространении кинжалов в бронзовыми деталями рукояти раннескифского времени // Челябинский гуманитарий. 2011. №1(14). С. 162–169.

*Терехова Н.Н.* Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени // Европейская Сарматия. Сборник, посвященный М.Б. Щукину / Отв. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 67–92.

*Черемисин Д.В.* Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.

*Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: АГУ, 2009. 329 с.

*Челякин Ю.П., Кузьминых С.В.* Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зона) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011. С. 43–74.

*Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 299 с.

*Членова Н.Л.* Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.

*Чугунов К.В.* Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине 1 тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 173–178.

*Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva / Arhaologie in Euvrasien № 26 / Steppenvolker Euvrasien. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010.

#### **Информация об авторах:**

**Овсянников Владимир Владиславович**, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия). [atliural@yandex.ru](mailto:atliural@yandex.ru)

**Савельев Никита Сергеевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологических исследований Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Россия); [sns\\_1971@mail.ru](mailto:sns_1971@mail.ru)

## **MILITARY SANCTUARY IN AKBERDINO II SETTLEMENT**

**V.V. Ovsyannikov, N.S. Savelyev**

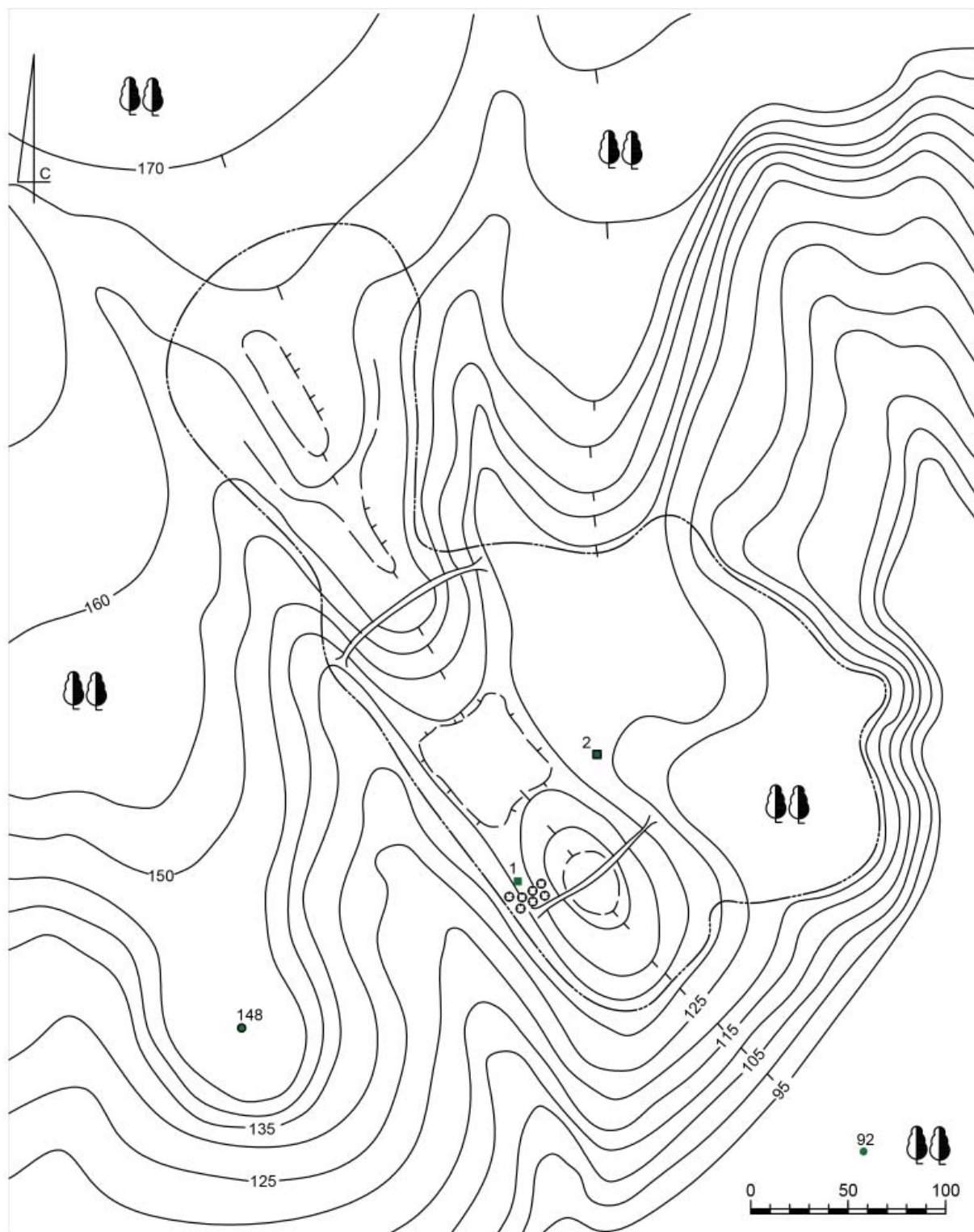
This article features the first publication of 2017 study materials on Akberdino II settlement of Kara-Abyz culture located on the right bank of the Belaya river. The remains of a sanctuary with armament items were discovered in a small excavation within the cultural layer of the settlement area. The sanctuary complex consists of two pillar pits, a ruined stone structure, two swords of the “savromat” and “han” types; an iron chisel of the “argan” type and a bronze bird figurine. The nature of the cultural layer in which the remains of the sanctuary are located and the most recent item (the “han” sword) discovered in the sanctuary suggest that the period of its operation corresponds to the turn of the historical periods. The sanctuary is interpreted as a military site used for a short period of time and deliberately destroyed for ritual purposes. This ritual closely resembles a Scythian rite of worshipping an ancient sword, described by Herodotus.

**Keywords:** Western Trans-Urals, Belaya region, Kara-Abyz culture, military sanctuary, settlement, chisel, sword.

#### **About the Authors:**

**Ovsyannikov Vladimir V.**, Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological Research Department, Institute of History, Language and Literature, Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center (Ufa, Russian Federation); [atliural@yandex.ru](mailto:atliural@yandex.ru)

**Savelev Nikita S.**, Candidate of Historical Sciences. Associate Professor. Institute for History, Language and Literature, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Oktyabrya Av., 71, Ufa, 450054, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; [sns\\_1971@mail.ru](mailto:sns_1971@mail.ru)



Сплошные горизонтали через 5 м.  
Инструментальный план 2005г. Дополнен в 2017г. ○ норы животных 2 ■ шурфы — граница культурного слоя

Рис. 1. План Акбердинского II городища.

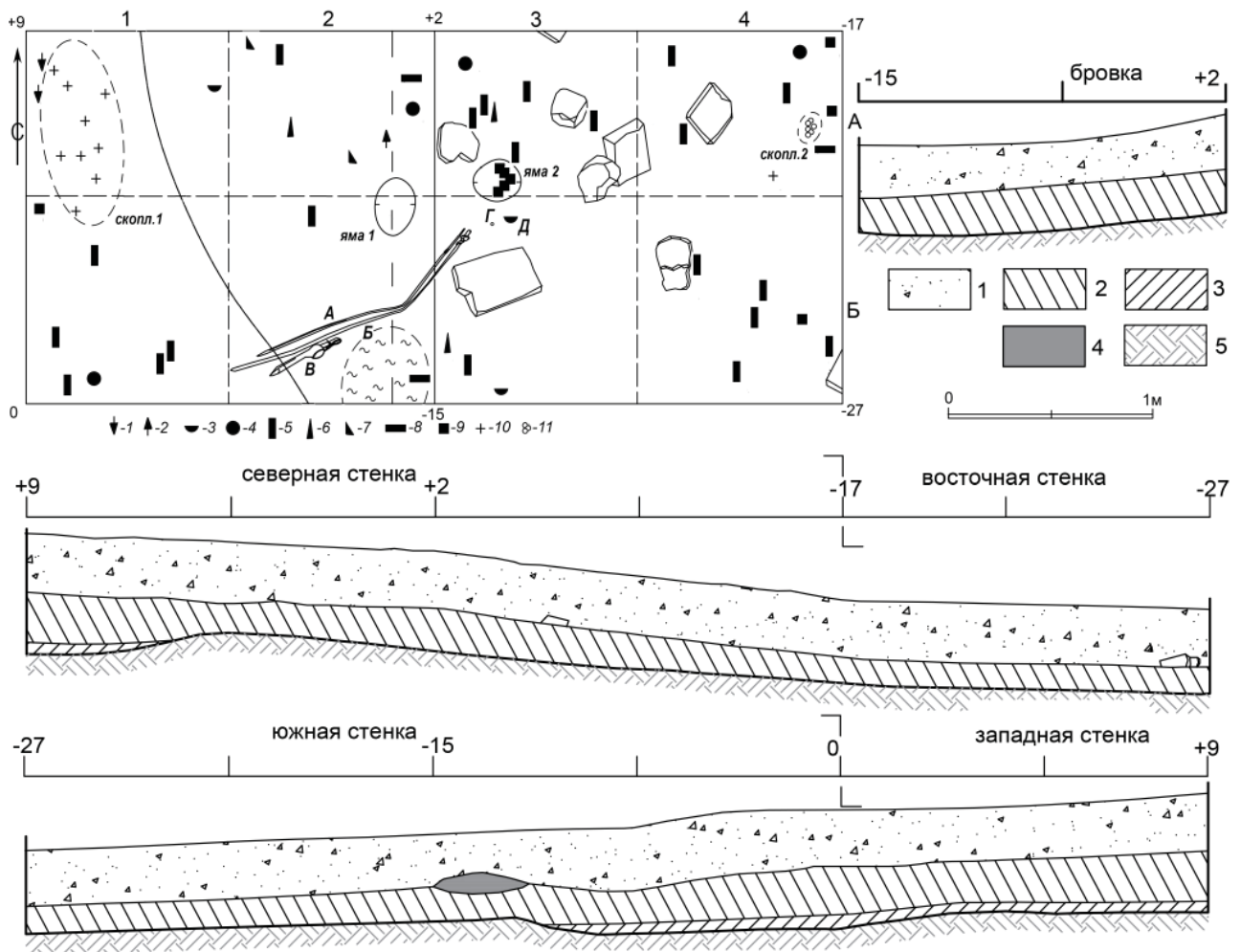




Рис. 2. Фото находок, сделанные находчиком.



Рис. 3. Акбердинское II городище. Вид на восточную часть раскопа 2017 года с юга. Фото В.В. Овсянникова.



**Рис. 4.** Акбердинское II городище. Раскоп 2017. План и стратиграфия.

А – меч 1; Б – меч 2; В – чекан; Г – место находки фигурки птицы (условно); Д – нога от фигурки птицы. Условные обозначения. План: 1 – бронзовые наконечники стрел; 2 – железные наконечники стрел; 3 – бронзовые изделия; 4 – пряслица; 5 – альчики; 6 – костяные изделия; 7 – железные изделия; 8 – ножи; 9 – каменные изделия; 10 – глиняная обмазка; 11 – скопления створок раковин. Стратиграфия: 1 – гумус; 2 – гумусированный суглинок; 3 – предматериковый суглинок; 4 – прокал; 5 – материк.



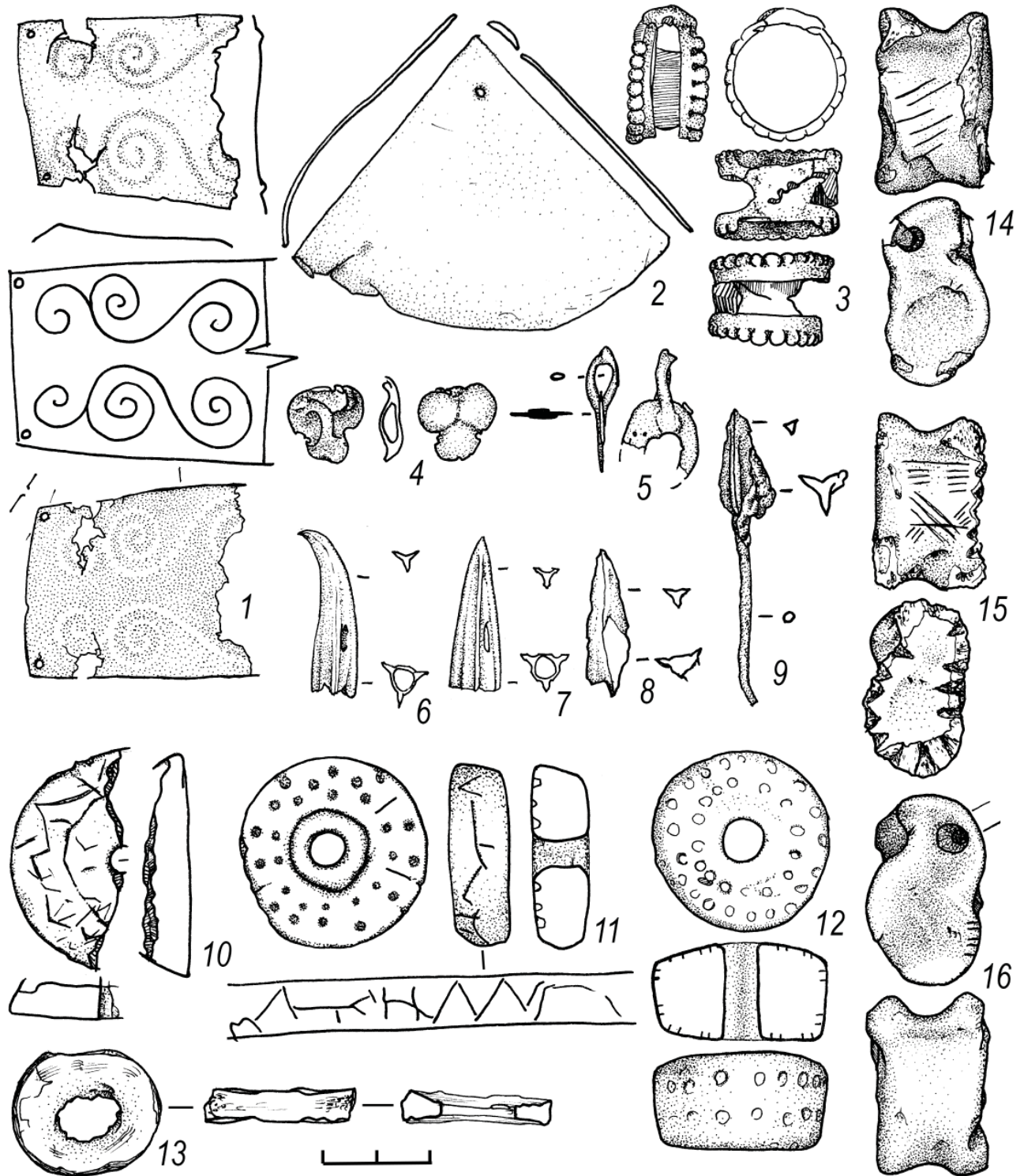


Рис. 5. Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Индивидуальные находки. 1 – нашивка; 2 – трапециевидная подвеска; 3 – перстень; 4 – бляшка; 5 – подвеска; 6-9 – наконечники стрел; 10-12 – пряслица; 13 – изделие; 14-16 – орнаментированные альчики (3-5, 9, 14 – подъемный материал; 13 – гор. 1; 1, 2, 7, 10-12, 15 – гор. 2; 6, 8, 16 – гор. 3). 1, 2, 4-7 – бронза; 3 – бронза, железо; 8, 9 – железо; 10-12 – глина; 13-16 – кость (13 – рыбий позвонок).

Рисунок У.О. Коршуновой, обработка Н.С. Савельева..

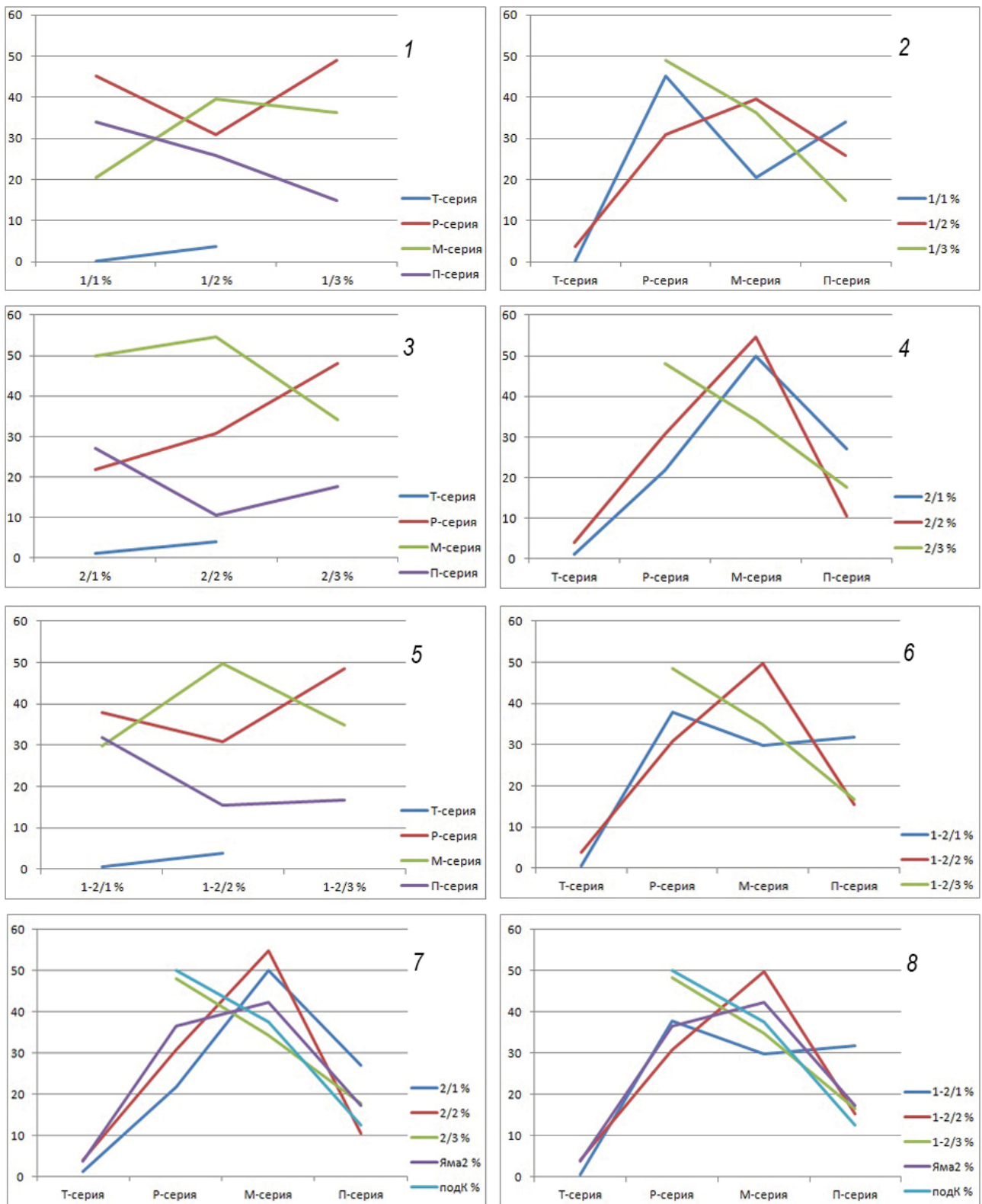




**Рис. 6.** Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Находки из металла. 1 – нашивка; 2-3, 6-7 – наконечники стрел; 4 – трапециевидная подвеска; 5 – перстень. (2-3,5 – подъемный материал; 1,4,7 – гор.2; 6 – гор. 3). 1, 4-7 – бронза; 2-3 – железо. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

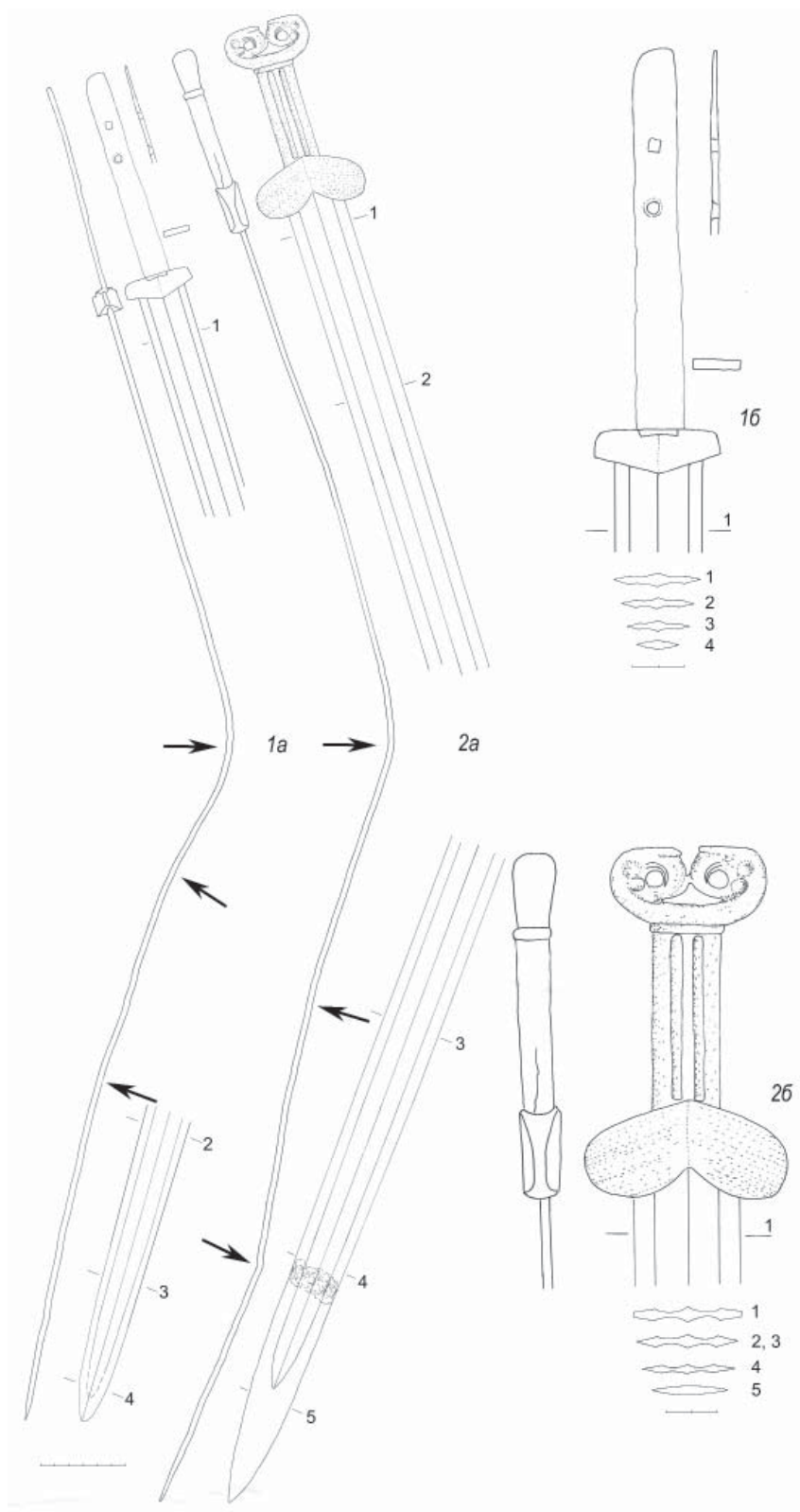


**Рис. 7.** Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Изделия из керамики.  
 1-2 – пряслица; 3-8 – фрагменты лепных сосудов. (1-2 – гор. 2; 3-5 – гор.1; 6,8 – гор. 2; 7 – подъемный материал).  
 Фото и обработка В.В. Овсянникова.



**Рис. 8.** Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Распределение керамического комплекса: 1-2 – кв. 1; 3-4, 7 – кв. 2; 5-6, 8 – шурф в целом. 7-8 – в т.ч. керамика из ямы 2 и из-под камней (1, 3, 5 – вертикальное распределение, «от комплекса»; 2, 4, 6-8 – горизонтальное распределение, «от горизонта»). Серии: Т – тальк; Р – раковина; М – смешанная (микс); П – песок.





**Рис. 9.** Акбердинское II городище. Раскоп 2017. Мечи. Общий вид, рукояти и сечения. Стрелками показаны места сгибов. Рисунок Н.С. Савельева.



Рис. 10. Акбердинское II городище. Железный чекан. Фото и обработка В.В. Овсянникова.



Рис. 11. Акбердинское II городище. Железный чекан. Детали. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

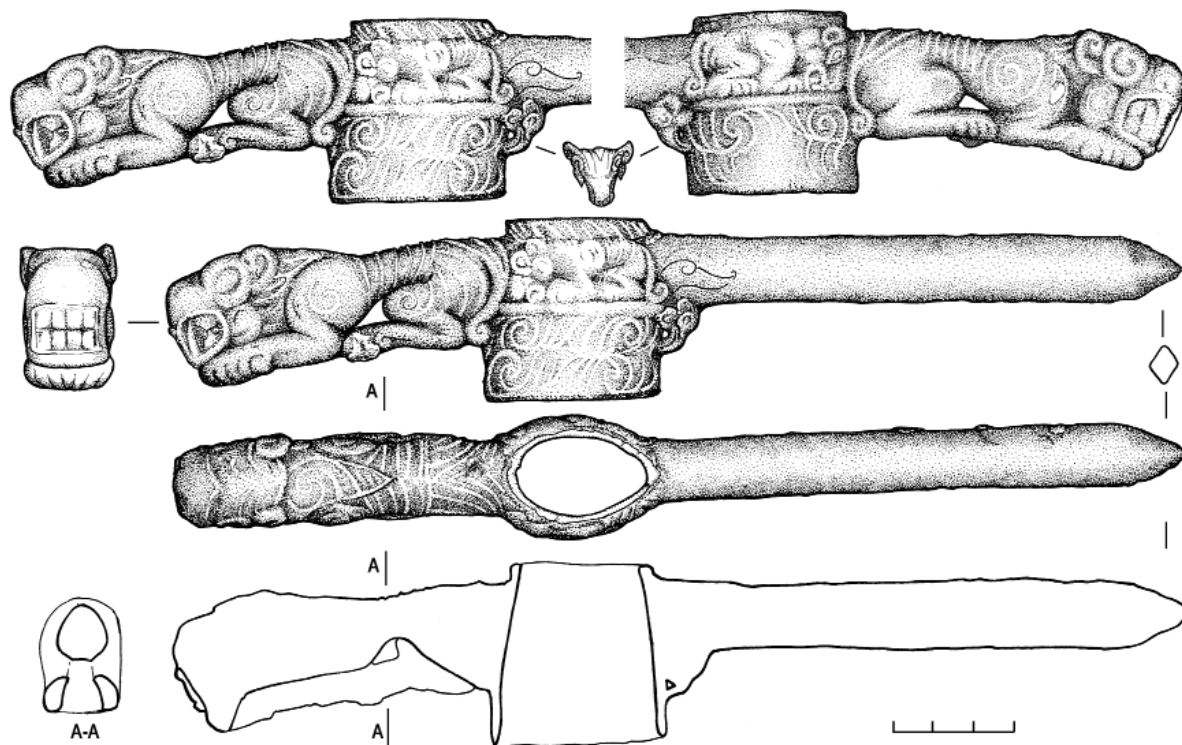


Рис. 12. Акбердинское II городище. Железный чекан. Рисунок У.О. Коршуновой, обработка Н.С. Савельева..

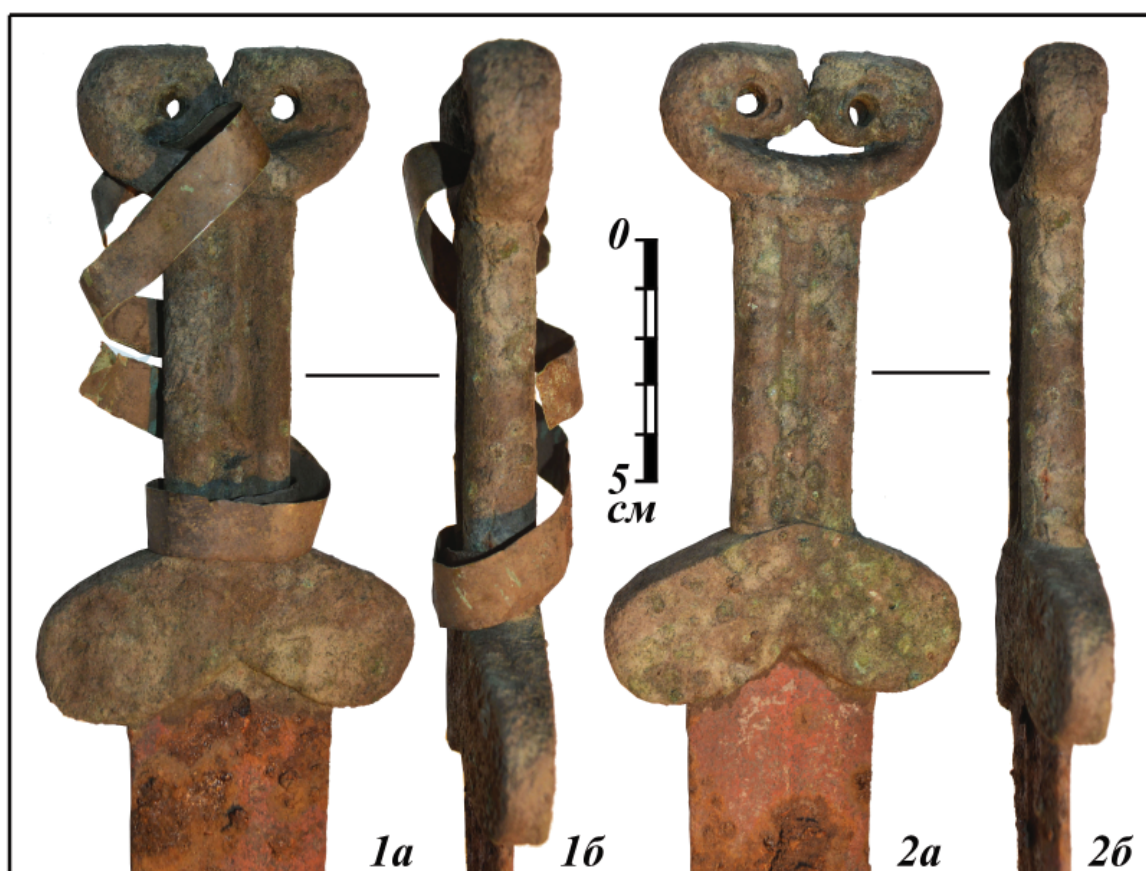


Рис. 13. Акбердинское II городище. Биметаллический меч савроматского облика. Фото и обработка В.В. Овсянникова.



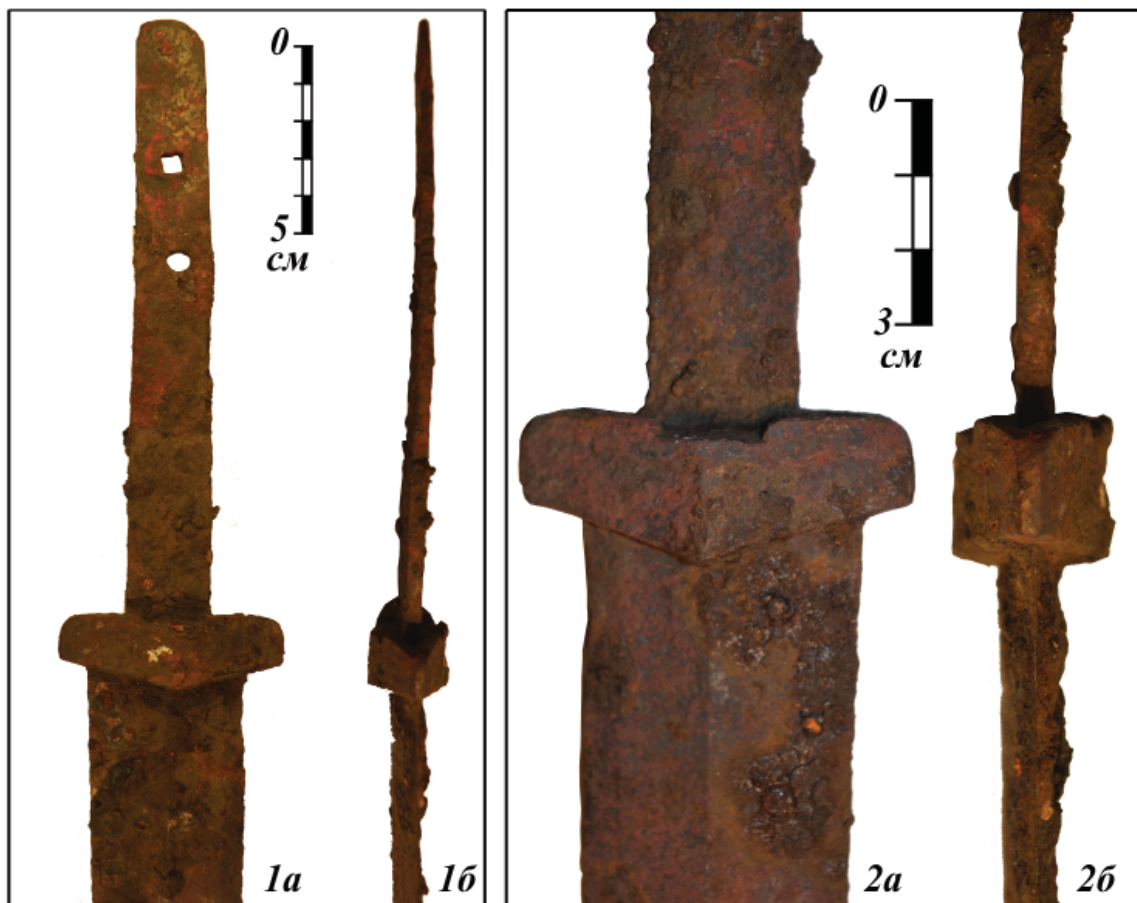


Рис. 14. Акбердинское II городище. Меч «ханьского» облика. Фото и обработка В.В. Овсянникова.



Рис. 15. Акбердинское II городище. Бронзовая статуэтка птицы. Фото и обработка В.В. Овсянникова.

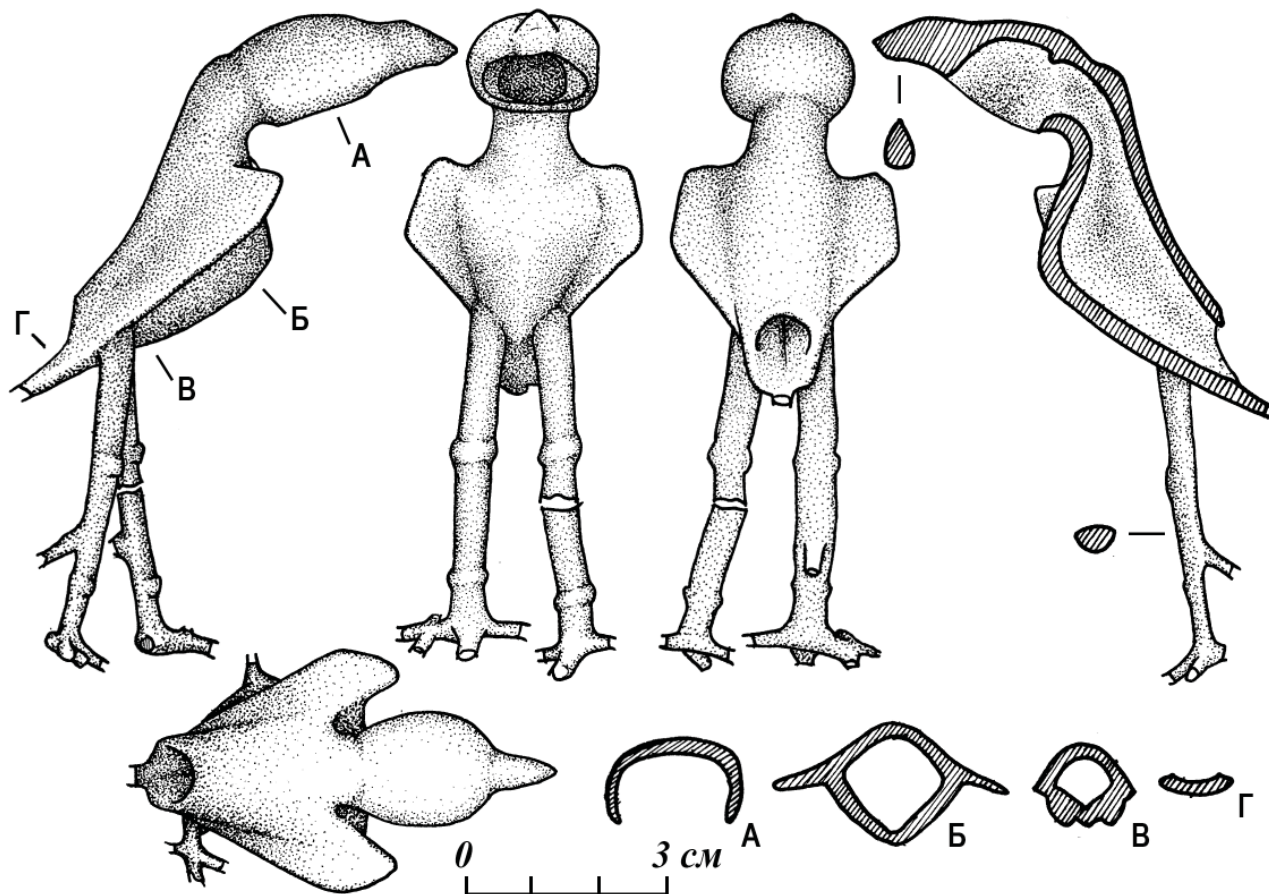


Рис. 16. Акбердинское II городище. Бронзовая статуэтка птицы. Рисунок У.О. Коршуновой, обработка Н.С. Савельева..

УДК 903.5 (470.51) (091) (045)

## К 120-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ИССЛЕДОВАНИЙ ЗУЕВСКОГО (ЗУЕВО-КЛЮЧЕВСКОГО I) МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. Е.М. Черных

В статье кратко рассматривается история изучения ананьинского Зуевского могильника в Удмуртском Прикамье, раскопанного в 1898 году А.А. Спицыным по поручению Императорской Археологической комиссии. Публикуются новые материалы исследований могильника в конце XX века. Анализируется динамика физической сохранности памятника археологии, место расположения которого испытало за 120 лет значительные, в основном, губительные для него трансформации. Отдельно автор обращается к характеристикам погребального обряда и инвентаря и анонсирует необходимость новой публикации материалов с учетом их значимости и современных возможностей науки.

**Ключевые слова:** ранний железный век, ананьинская КИО, Зуевский могильник, история изучения, погребальный обряд, инвентарь.

Зуевский могильник хорошо известен археологам, занимающимся проблемами раннего железного века. Материалы, полученные 120 лет назад А.А. Спицыным в результате раскопок у «Зуевского починка на Теплых Ключах» в Вятской губернии, с того времени многократно становились предметом специального исследовательского интереса. Но сам могильник, к сожалению, разделил судьбу многих раскопанных объектов, не получивших полной авторской публикации. А.А. Спицын опубликовал лишь краткий отчет о раскопках в Отчетах ИАК (1901, с. 43–46). Авторитетнейший финский ученый А.М. Тальгрэн, имевший возможность ознакомиться с рукописным отчетом Спицына и подготовленными им таблицами находок, опубликовал план раскопа (правда, небольшую его часть) и перечень некоторых предметов из погребений (Tallgren 1919, p. 38–45, fig. 43). В 1933 г. дневник раскопок, план раскопок и таблицы вещей из Зуевского могильника были изданы М.Г. Худяковым в выпуске 2 Материалов ГАИМК. Наиболее полный анализ погребального обряда и находок, безусловно, принадлежит А.В. Збруевой (Збруева, 1952, с. 111–125.).

К анализу элементов погребальной обрядности могильника обращались уфимские археологи В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов при публикации материалов раскопок В.В. Гольмстен на Уфимском могильнике (Овсянников, Яминов, 2003), неоднократно – В.А. Иванов (Иванов, 2017), казанский исследователь А.А. Чижевский (Чижевский, 2008),

пермский археолог С.Н. Коренюк (Коренюк, 2000б). Вещевой инвентарь, прежде всего, металлические предметы (кельты, наконечники копий и стрел), с наибольшей полнотой были проанализированы С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983).

Необходимо при этом заметить, что полная и непротиворечивая характеристика погребального обряда Зуевского могильника вряд ли когда-либо будет выполнена. Причина подобного пессимизма очевидна – она кроется в качестве раскопок и их документальной фиксации (см., например, описание погребений из полевого дневника А.А. Спицына – рис. 1). К тому же часть полевой документации была утрачена.

Да и в дальнейшем судьба оказалась на редкость неблагоприятной к этому единственному на территории Удмуртии изученному профессиональными археологами ананьинскому могильнику. Как и многим ананьинским могильникам, Зуевскому не повезло еще и потому, что его территория оказалась в черте деревни, расположенной на привлекательном речном берегу р. Камы. 120 лет назад Спицын писал о починке. В XX в. починок становится деревней, славившейся в округе своими садами (даже в 1960-е годы яблоки из колхозных садов складировали на речной пристани, большими партиями отправляя на судах для торговли в города Сарапул и Осу)<sup>1</sup>. В конце Советской эпохи деревня переживала тяже-

<sup>1</sup> По воспоминаниям жительниц д. Зуевы Ключи Пименовой Елизаветы Михайловны (в деревне с 1922 г.) и Дрожачих Лидии Сергеевны (в деревне с 1976 г.)



лые времена и, если бы не живописный ландшафт да особый благоприятный для садоводства и огородничества микроклимат, исчезла бы с карты Удмуртии, как сотни других малых и не очень населенных пунктов. Сегодня – это один из наиболее популярных дачных поселков в прикамской Удмуртии. Но это обстоятельство, увы, не способствовало сохранению памятника археологии. В конце 1990-х годов сотрудникам Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета еще удалось провести на территории могильника небольшие раскопки (Перевощиков, Широкова, 1996). Сегодня эти участки отведены под дачную застройку (рис. 2) и все наши попытки выполнить исследования территории могильника, прежде всего, те, что предусмотрены российским законодательством для включения в Единый государственный реестр объектов культурного наследия, оказались тщетными.

В 2013 г. автором была получена информация о новых разрушениях могильника и находках археологических предметов, собранных с его территории сарапульскими кладоискателями<sup>2</sup>. При этом со слов одного из хозяев дачного участка В. Андреяшкина, на его глазах был поднят бронзовый топорик.

Напомним о некоторых общих характеристиках Зуевского могильника и тех особенных чертах, которые стали достоянием археологической науки за прошедшее столетие. Прежде всего, следует сказать, что, не смотря на устойчивость названия памятника, закрепленную историографической традицией, в соответствии с современной научной номенклатурой его правильнее называть Зуевключевским (д. Зуевы Ключи). Учитывая, что в настоящее время в окрестностях деревни выявлены новые погребальные памятники, он получил нумерацию I-й<sup>3</sup> (внесен в Перечень

выявленных объектов культурного наследия УР Постановлением Президиума совета УО ВООПИиК от 25.10.2000 г. № 4).

Могильник занимал поверхность второй надпойменной террасы правого берега Камы, возвышавшейся над поймой реки на высоту до 6 м. В настоящее время, после строительства каскада камских водохранилищ, обширная пойма оказалась затоплена, отчего образовались многочисленные острова-гривы и заливы (рис. 3). Камская вода почти вплотную подошла к деревне и от терраски с памятником археологии (а точнее от дачных участков на ней) к реке перекинуты частные мостики-причалы (рис. 2).

Почти четверть века назад, в ходе мониторинга памятников Каракулинского района, проводившегося в рамках целевой общероссийской программы «Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации» был снят план памятника (рис. 4), который в наибольшей степени отражает топографическую ситуацию и в то же время позволяет убедиться, что лаконичный план, нарисованный самим А.А. Спицыным в 1898 г., отличается достаточной точностью (к сожалению, опубликован без масштаба). Сопоставление разновременных планов позволяет оценить динамику использования территории памятника (рис. 4, 6) и одновременно степень разрушений древнего культурного пространства.

Узкая и длинная надпойменная терраса на южной окраине починка вычленялась с юга и севера двумя небольшими оврагами с ручьями. В ее северной части размещалась усадьба, а остальная часть использовалась под крестьянские огороды, пашни и хозяйственные постройки. По словам местных жителей, эта часть деревни заселялась позднее всех и называлась «Пучканкой». Л.С. Дрожачих рассказывала: «...в давние времена путешественники, плывая по реке Каме, привозили с собой пучки дикого чеснока, успешно продаваемого на этой улице». В 1929 г., по свидетельству М.Г. Худякова, вся нижняя терраса уже была застроена улицей (1933, с. 3).

В 1950-е годы, до строительства Нижнекамского водохранилища, здесь еще сохранялись остатки строений (заплывшие овощные ямы), огороды и силосные ямы животноводческой колхозной фермы (рис. 7). При карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск, 2011. С. 86–87.

<sup>2</sup> Именно в результате этих работ в распоряжении кладоискателей оказалась еще одна бронзовая секира, опубликованная в сборнике материалов конференции, проходившей в Ижевске (Берлин, 2010, табл. 2). Попытка договориться тогда с собственником участка Второвым о проведении научных археологических работ по определению границ территории могильника закончилась ничем, но после проведенной МК УР проверки по нашему заявлению ему было выдано официальное предписание. Как можно видеть на снимке, сделанном весной 2018 г. (рис. 2), территория участка не застраивается.

<sup>3</sup> Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая

подготовке к затоплению все сооружения были снесены, что только ускорило разрушение поверхности. В 1980-е годы участок был заброшен и в большей части представлял собой пустырь, заросший бурьяном. Лишь на южном краю площадки нефтяниками был установлен понтон (камская вода подошла вплотную к деревне) и построен домик сторожа (рис. 5). Овраг и ручей с южной стороны террасы нефтяники постепенно засыпали и обустроили дорогу для удобства подъезда к понтону. А территория Зуевключевского II поселения (поздний бронзовый век; начало раннего железного века), открытого на правом берегу ручья и исследованного в 1980–90-х годах Н.Л. Решетниковым и С.Е. Перевощиковым, была полностью смыта Камой (Перевощиков, Ширококова, 1996; Перевощиков и др., 1997; Митряков, 2011; Голдина, Черных, 2011, с. 38–39). В начале XXI в. пустующие участки камского берега в черте деревни были проданы, и территория памятника оказалась размежевана между несколькими собственниками.

В рамках уже упомянутой выше программы «Сохранение ...» 1995–1996 годов, а также в 1998 г. на Зуевском (Зуевключевском I) могильнике, впервые после 1898 г., были проведены работы по его изучению (Черных и др., 1999). С.Е. Перевощиковым были заложены на юго-восточном краю террасы разведочная траншея, а к северу от огорода понтонщика, в центральной части террасы – раскоп. В траншее (рис. 8: 1) изучены 2 ананьинских погребения; в раскопе (рис. 8: 2) – еще 8 погребений раннего железного века и 7 погребений XVI–XVII вв., совершенных в соответствии с христианской традицией (Перевощиков, 1996; 1999; Макаров, Перевощиков, 2006; Голдина, Черных, 2011, с. 87). Эти раскопки продемонстрировали неисчерпанность Зуевского могильника. Но, если современные раскопы на топоплан нанести было несложно, то соотнести их с раскопами А.А. Спицына оказалось гораздо труднее. Учитывая, что в раскопе С.Е. Перевощикова следы раскопок столетней давности выявлены не были (зато обнаружена разведочная траншея, вероятно, времен Нижнекамской археологической экспедиции, отряд которой под руководством В.Ф. Генинга работал на памятниках у д. Зуевы Ключи в 1969–1972 гг.), можно с осторожностью допустить, что он оказался заложен между центральной частью погребений 1898 г. и той

частью могильника, которая А.А. Спицыным обозначена литерой В. Мощное «давление на землю» в течение следующего XX века, которое довелось пережить улице Пучканской, радикально изменило поверхность Зуевского могильника.

Траншея 1995 г. (площадь 16 кв. м). Стратиграфия раскопа простая: под слоем пахоты толщиной 25 см залегал слой серой супеси со строительными остатками толщиной до 30 см, отложившийся на материке – красной глине. Помимо поздних ям, в траншее изучены 2 погребения в грунтовых ямах прямоугольной формы, различавшиеся ориентацией.

Погребение 1 (рис. 9: 1) было обнаружено при зачистке обнажения края террасы (Перевощиков, 1996). Костяк мужской, 45–55 лет<sup>4</sup>, был уложен в прямоугольной яме шириной 50 см, на глубине 50 см (от современной поверхности), головой на ЮЗ, к реке. Череп не сохранился, т.к. именно эта часть ямы оказалась разрушена при строительстве дома. В ногах погребенного обнаружены три бронзовых наконечника стрел со сводчатым пером и выступающей втулкой (типов С-36 и С-50, по С.В. Кузьминых).

Погребение 2 (рис. 9: 2) прямоугольной в плане формы, размерами 198×82 см, зафиксировано на глубине 40 см, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Умерший (муж., 30–40 лет) лежал на спине, ногами к реке, головой на СЗ. Глубина ямы – 10 см. Инвентаря при умершем не было. Как можно убедиться, обратившись к дневнику А.А. Спицына, данное погребение вписывается в ряд типичных для Зуевского могильника.

Раскоп 1996, 1998 гг. (рис. 8: 2). Площадь 192 кв. м. Средняя мощность напластований в этой части террасы оказалась 2,3 м (рис. 11). В их стратиграфии выделены более десятка слоев и прослоек, различающихся составом, структурой, особенностями генезиса. Вторая надпойменная терраса в окрестностях Зуевых Ключей подвержена сильнейшим геоморфологическим трансформациям. Так, например, ложбины в северной и центральной частях могильника, упоминаемые в рукописи А.А. Спицына, вполне могли являться результатом суффозии – выноса (вымывания) мелких твердых частиц подземными водами, что вообще характерно для данных элементов камского

<sup>4</sup> Половозрастные определения выполнены И.Р. Газимзяновым (Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казань).

побережья<sup>5</sup>. В образовавшемся двухметровом чехле, перекрывшем древнюю дневную поверхность встречаются многочисленные находки как русской деревни, так и более ранних эпох (от поздней бронзы до нового времени). На поверхности материка небольшими линзами был зафиксирован и культурный слой – темно-коричневый суглинок с находками лепной керамики (рис. 10).

Погребение 3 зафиксировано на уровне –90 см. Яма прямоугольной в плане формы с округлым восточным торцом, размерами 187×56 см, ориентирована по линии З–В. Костяк средней сохранности был обнаружен на глубине 109 см. Принадлежал женщине 30–35 лет. Умершая была уложена вытянуто на спине, головой на З (ногами к реке), руки вдоль тела. Около правой кисти расчищены 6 бронзовых пронизок, около правой стопы – массивное каменное пряслице полусферическое в сечении.

Погребение 4 овальной в плане формы зафиксировано на уровне –50 см, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Костей в яме не обнаружено. В засыпке ямы найдены 2 бронзовых предмета – обоймица и пластинчатая бляшка трапециевидной формы, а также фрагменты керамики не менее чем от трех сосудов.

Погребение 5 зафиксировано на уровне –190 см. Могильная яма прямоугольной формы с сильно закругленными углами, размерами 185×77 см, ориентирована по линии С–Ю с небольшим отклонением к В. На уровне – 204 см расчищены остатки костяка плохой сохранности. Фрагменты черепа обнаружены в юго-западном углу ямы, в северной половине, ближе к западной стенке в нарушенном состоянии найдены кости конечностей. Вещей при костяке не было.

Погребение 6 зафиксировано на уровне – 190 см. Имело четырехугольную в плане форму с сильно закругленными углами, размеры 220×172 см. Ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Глубина ямы 22 см. На дне расчищены остатки четырех умерших. Кости умерших А и Б сложены двумя кучками в СЗ половине могилы, В и Г – в ЮВ, также двумя компактными скоплениями. Рядом с костяком Б найдена челюсть животного. Вещей в могиле не было.

<sup>5</sup> Предположение принадлежит геологу, к.г.н. А.В. Сергееву, с которым мы несколько сезонов отработали вместе на памятниках Зувеключевского археологического микрорайона.

Погребение 7 зафиксировано на уровне – 65 см. Имело прямоугольную в плане форму, размеры 186×60 см, максимальную глубину – 90 см. Яма ориентирована по линии С–Ю. Костей и вещей в яме не обнаружено.

Погребение 8 зафиксировано на уровне – 95 см, имело прямоугольную в плане форму, размеры 180×50 см. Могильная яма ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. Костяк хорошей сохранности был расчищен на дне ямы (уровень –110 см. Умерший был уложен вытянуто на спине со слегка подогнутыми ногами, руки вдоль тела, головой на ЗСЗ (ногами к реке). Вещей не обнаружено.

Погребение 9 зафиксировано на уровне – 190 см. Яма прямоугольной в плане формы, с несколько расширенным юго-восточным торцом, размерами 255×94 см, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Максимальная глубина – 204 см. На уровне фиксации могильной ямы, у СВ торцевой стенки, расчищен череп теменной частью вверх. Других находок в яме не было.

Погребение 10 зафиксировано на уровне – 220 см. Могильная яма круглой в плане формы, диаметром 35×34 см. В яме найдены фрагменты черепных костей и нижней челюсти человека.

Таким образом, можно заметить, что ананьинские погребения фиксировались на различной глубине от поверхности (в зависимости от занимаемого местоположения, 0,4–2,2 м), но все характеризовались небольшой заглубленностью в подстилающий (14–25 см). И тем не менее, при небольшой площади исследований, раскопки 1990-х годов, как видим, дали различные варианты ориентировки могил и способов погребения. В размещении погребений можно видеть то же направление рядов, что и на схеме А.А. Спицына – ССВ–ЮЮЗ и СВ–ЮЗ.

Помимо описанных погребений на площади раскопа расчищены еще 2 скопления человеческих костей (отдельно кости черепа и кости конечностей и ребер); без фиксируемых очертаний могильных ям. Разрозненные кости человека встречались и в ямах, оставшихся от построек деревни. Фрагменты керамики из культурного слоя принадлежали лепным сосудам с серым и серо-коричневым цветом поверхности, примесь раковины и иной органики в тесте. Сосуды украшены в резной и шнуровой технике, а также ямочными вдавлениями. По общему облику керамика



соответствует раннеананьинским традициям (рис. 10: 1–6). Но есть и сосуды, главным образом, встреченные в слое разрушения, характерные для эпохи поздней бронзы, как например сосуд баночной формы, морфологически соответствующий стереотипам срубной КИО (рис. 10: 7). То есть, до возникновения могильника этот участок террасы, как и противоположный берег ручья, были заняты более ранними поселками.

В 2008 г. нами была предпринята работа по фотографированию и зарисовке предметов из коллекции А.А. Спицына, хранящейся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа<sup>6</sup>. После сверки коллекции с инвентарной книгой музея и дневником раскопок 1898 года, мною вместе с художниками кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского университета Л.И. Липиной и И.Г. Соловьевой были скомпонованы таблицы сопровождающего инвентаря с учетом его размещения в погребениях (комплексы вещей), что рассматривается сегодня как необходимое условие презентации материалов некрополей и дальнейшей аналитической работы с ними. Необходимо отметить, что в процессе работы нам пришлось столкнуться с трудностями, хорошо известными всем музейным сотрудникам и археологам, обращающимся к дореволюционным коллекциям, среди них:

1) Предметы упоминаются в описании погребения, но отсутствуют в инвентарной книге и в коллекции;

2) Предметы есть в описании и в коллекции, но отсутствуют в инвентарной книге;

3) Предметы имеются в коллекции, но отсутствуют как в описании, так и в инвентарной книге.

Самым печальным «открытием», пожалуй, явилось для нас отсутствие в коллекции почти 40 сосудов, упоминаемых в рукописи А.А. Спицына.

<sup>6</sup> Хранителем коллекции (ГЭ, № 609) на тот момент являлась Е.И. Оятева, оказавшая нам всемерное содействие, как и другой сотрудник отдела М.Д. Кузнецова. Без их доброго участия эта работа вряд ли состоялась. К сожалению план нового издания материалов могильника до сих пор не реализован. Будем считать, что настоящей публикацией мы его несколько приблизим.

### Основные характеристики погребального обряда Зуевского (Зуевоключевского I) могильника<sup>7</sup>

Прежде чем характеризовать погребальный обряд могильника, повторимся, что, учитывая особенности полевой документации раскопок, качественные и количественные данные по признакам погребального обряда возможны лишь в отношении останков погребенных и зафиксированного с ними инвентаря. Вместе с тем, некоторые его признаки вполне верифицируются материалами раскопок С.Е. Перевощикова. При этом важно также то, что после обнаружения в 1996 г. на площади ананьинского некрополя позднерусских захоронений, количественные показатели не следует абсолютизировать, так как некоторые безинвентарные костяки из спицынских раскопок могли и не принадлежать ананьинцам.

На данный момент на могильнике изучено 228 захоронений<sup>8</sup>. Безусловно, общее количество погребений требует более тщательной корректировки, поскольку далеко не всем коллективным погребениям А.А. Спицыным присваивались отдельные номера. Во всех случаях способом захоронения являлись ингумации. Никаких признаков кремации зафиксировано не было. Захоронения совершались преимущественно в индивидуальных ямах. В 16 погребениях обнаружено по 2 костяка (пп. 13, 27, 34, 39, 53, 54–56<sup>9</sup>, 63–64, 73–74, 95–97, 110–111, 139–140, 164–165, 169–170, 171–172, 184–185, 208–209), в 3-х погребениях – по три (пп. 31–32, 104, 162–163), в 3-х – по четыре (пп. 33, 60–62, 61). В одном погребении изучены пять (п. 65–66) и в одном же погребении шесть (пп. 81–83, 85, 88, 91) костяков.

<sup>7</sup> Хотелось бы напомнить, что антропологический материал из раскопок А.А. Спицына нами не обнаружен. Перепроверить определенные автором пол и возраст не представляется возможным. Рисунки костяков (весьма схематичные) даны в дневнике исследователя очень избирательно (рис.1), но дают общее представление о характере и размещении сопровождающего инвентаря. Далеко не везде автором указывалась форма могильных ям и их размеры, наличие погребальных конструкций.

<sup>8</sup> Погребения, исследованные С.Е. Перевощиковым, имеют самостоятельную нумерацию. Во избежание путаницы они снабжены надстрочным знаком<sup>1</sup>.

<sup>9</sup> Двойные номера погребений соответствуют описаниям А.А. Спицына.

Умерших укладывали на спину в вытянутом положении. Несущественные отклонения от нормы зафиксированы, главным образом, в отношении рук (уложены на таз (п. 6), либо на живот (п. 195)). В трех случаях можно говорить о положении захороненных на боку с подогнутыми ногами (пп. 62, 63–64, 169–170).

Весьма проблематичным в описанных условиях выглядит и разделение труположений на могильнике на полные, вторичные, или частичные<sup>10</sup>. Под обрядом вторичного захоронения подразумевается погребение не трупа, а костей, очищенных от соединительных тканей. Своеобразие данного обряда заключалось в том, что кости умершего перед захоронением очищались, а затем уже укладывались в яму. Вероятней всего, практиковался обряд первоначального размещения трупа на специальном помосте до разложения мягких частей тела (соединительных тканей и сухожилий), а затем кости вместе с инвентарем укладывались в могилу. После чего кости помещались в могилу в нарушенном от анатомического порядка состоянии, а некоторые вообще не попадали, вследствие естественного разрушения от долгого пребывания на открытом воздухе, или их сознательно выбрасывали из могильной ямы. А.А. Чижевский выделил два типа вторичных погребений для погребальных памятников финала бронзового – начала раннего железного века в Волго-Камье (Чижевский, 2008, с. 15), но, к сожалению, применить данную типологию к зуевским погребениям нельзя. Как вторичные мы рассматривали погребения, где кости в могильной яме находились в нарушенном («расстроенном», как их характеризовал А.А. Спицын) состоянии. Но при этом, и кости и инвентарь должны были находиться на одном уровне.

Вторичные погребения для ананьинской культуры шнуровой керамики, к которой принято относить Зуевский могильник, в целом не характерны (Чижевский, 2008, с. 63). О вторичных захоронениях на могильнике можно говорить для 5 случаев (2,2 %). К этой группе отнесены 4 одиночных могилы и одно коллективное (п. 61). Два вторичных погребения инвентаря не содержали (пп. 25

и 61), в остальных набор сопровождающих вещей скорее характерен для женских погребений: бронзовые височные кольца (пп. 40, 43) и браслеты (п. 43), керамические сосуды (п. 43).

Еще 13 погребений (5,91%) можно отнести к типу частичных; это захоронения отдельных черепов (пп. 21, 34, 56, 62, 153, 91, 101 – всего 7), нижних конечностей (пп. 135, 152, 155, 156 – всего 4), костяков без черепов (пп. 13, 42 – всего 2). Из 7 черепов три атрибутированы как детские (пп. 21, 62, 153); о половой принадлежности остальных погребенных сведения отсутствуют. В раскопе 1998 г. С.Е. Перевощикова зафиксировано помещение черепа как в могильную яму обычных размеров (п. 9), так и в специально выкопанную небольшую ямку (п. 10). Большинство частичных захоронений (за исключением пп. 152, 91, 101) сопровождалось вещами, более характерными для мужских наборов: наконечники стрел (п. 155), медные бляшки, медные бусы (пп. 21, 42), железные ножи (пп. 13, 135), кельты (п. 155), керамические сосуды (пп. 21, 56, 62, 153), кости животных (пп. 155, 156). Доля частичных погребений в Зуевском могильнике близка показателю по могильникам АКШК в целом (ок. 5%; Чижевский, 2008, с. 70), но эта цифра, как замечает сам исследователь, получена без учета некрополей Пермского Прикамья<sup>11</sup>.

Ориентировка костяков восстанавливалась по дневниковым записям и черновым зарисовкам А.А. Спицына, а также с помощью схематического плана, опубликованного М.Г. Худяковым. За немногим исключением (в 38 случаях ориентировка не установлена), изученные костяки (156; 68,4%) лежали ногами к линии берега, головой на северо-запад, с отклонением к северу. Данный признак (ногами к реке) с некоторой осторожностью рассматривается в качестве хронологического. Если в наиболее ранних ананьинских могильниках число погребенных ногами к реке составляет от 30% на Новомордовском I и до 45% – на Залазинском, то на более позднем Аозинском их уже 88%, а на Оханском – 95,8% (Коренюк, 2000б, с. 114). В то же время А.А. Чижевский подчеркивает, что ориентация умерших ногами к реке составляет особенность культуры ананьинской шнуровой керамики (2008,

<sup>10</sup> Об этом пишет сам А.А. Спицын в дневнике, оговариваясь, что порой затруднительно сказать было ли зафиксированное положение костей изначально (1933, с.10).

<sup>11</sup> Доля частичных погребений в данных могильниках составляет 2% (Коренюк, 2000а, табл. 2, с. 71).

с. 70). 15 умерших лежали головой на ЮВ, к реке («обратная», у А.А. Спицына); еще 16 костяков имели «поперечную» (вдоль реки) ориентацию (12 – на СВ и 4 – на ЮЗ (п. 5, 136, 137, 11). У двух взрослых костяков зафиксирована необычная южная ориентация (п. 23 и 47); общим для обоих погребенных следует отметить глиняные сосуды в изголовье. Еще в 3-х случаях фиксировалась ориентация головой на З (пп. 28, 31, 81), но объективно она близка к основной схеме – ногами к реке.

Из прочих признаков погребального обряда обычно исследователи фокусируют внимание на следах ритуальных действий, как, например, кострища или отдельные угли, остатки поминальной пищи. А.А. Спицыным отмечены угли на дне могильной ямы или в засыпи (п. 35), обожженные камни (п. 13), следы обжига на костях (пп. 13, 40). Обращают внимание также на отдельные каменные плиты при некоторых костяках – в головах или ногах погребенных (№№18, 35, 73–74, 76, 88). А.А. Чижевский склонен рассматривать их как конструктивные элементы погребального сооружения (Чижевский, 2008, с. 63), тогда как М.Г. Худяков (вероятно, вслед за А.А. Спицыным) какой-либо закономерности в их расположении не замечал: «Отдельные камни, почти всегда со следами пребывания на огне, попадались изредка в разных местах могильных ям, но правильных кладок из камней вообще не замечено» (Худяков, 1933, с. 6). Особо отметить необходимо разве что погребение 35, где в ногах умершего найден камень вместе с разбитым глиняным сосудом и остатками зубов коня или коровы. Рядом с камнем – следы угля и пепла. Этот комплекс имеет больше оснований для интерпретации его как особого ритуала прощания с умершим – тризны.

В межмогильном пространстве (на участке между пп. 14, 15 и 34, 35) расчищено любопытное скопление камней, своеобразная каменная гряда, напоминающая выкладки на Луговском и Ананьинском могильниках. А.А. Чижевский, заново проанализировавший погребальные памятники АКИО, высказал предположение о сибирском (раннекочевническом) происхождении данной традиции в некрополях «шнурового ананьино», связав ее с поминальными обрядами (Чижевский, 2008, с. 69). Но, как следует из материалов раскопок 1996 и 1998 годов, велика вероятность связи этих камней и с особенностями формирова-

ния намывных слоев (слои № 8 и 11), перекрывавших горизонт погребений раннего железного века. С.Е. Перевошиков отмечает, что эти слои (красная глина) в раскопе характеризовались содержанием мергеля, как крупного, так и мелких конкреций (Перевошиков, 1999, с. 5).

### Погребальный инвентарь

Инвентарь встречен в 179 погребениях Зуевского могильника (78,51%) и представлен пятью функциональными группами предметов: 1) предметы вооружения; 2) снаряжение коня; 3) украшения одежды; 4) совокупная группа орудий труда, предметов быта, туалета и культа; 5) керамика. Более 60% могил содержали в своем составе 1–2 предмета. В 45 погребениях (27,1%) находилось от 4-х до 8 предметов. 49 погребений (21,49%) отнесены к безинвентарным.

Комплекс вооружения составляют категории наступательного оружия ближнего и дальнего боя (наконечники стрел и копий, мечи, топоры, кельты) и военного снаряжения (ножны, втоки, колчаные крюки). Обнаружены в 82 погребениях (45,8% от всех погребений с инвентарем). Среди наконечников копий 13 бронзовых, 19 – железные; среди наконечников стрел – абсолютно преобладают бронзовые (91 экз.) и только 3 железных. Но также есть 23 костяных наконечника и 2 кремневых. Особенную категорию предметов вооружения составляют железный топор-секира (погр. 30) и бронзовый чекан (погр. 22), а также короткие мечи (5 экз.). Кельты (всего 61 экз.) происходят из 46 погребений, а также из числа купленных АА. Спицыным у местных крестьян. Самые многочисленные кельты типов КАН-64, КАН-74, КАН-80 и КАН-84. Наконечники стрел и копий, а также кельты можно отнести к самым массовым категориям инвентаря (после сосудов) в погребениях. Практически все предметы данной группы исследованы С.В. Кузьминых спектрально-аналитическим методом (Кузьминых, 1983).

Предметы конского снаряжения представлены как функциональными, так и декоративными деталями сбруи – удила, псалии, распределители ремней, бляшки и пронизи узды, ворворки. Происходят из 17 погребений (9,5% от всех могил с инвентарем), еще 9 предметов данного класса – это находки вне могил (Черных, 2019).

Орудия труда встречены в 37 погребениях (20,7%) – это ножи, шилья, иглы, осел-



ки, пряслица. Предметы быта, культового и иного назначения содержали 13 погребенных (7,3%), но при этом оговоримся, что в данную группу не включены некоторые кости животных, например, клыки, которые вполне могли использоваться как амулеты. Отдельно учитывались и находки глиняной посуды, зафиксированные в 66 погребениях (36,9%). Но этот показатель представляется завышенным. Как показали раскопки 1990-х годов, могильник был устроен на месте более раннего поселения и часть черепков, упоминаемых Спицыным, вполне могла попасть в могилы из культурного слоя.

К сожалению, не все сосуды сохранились в фондах ГЭ<sup>12</sup>, что не позволяет дать полную характеристику зуевской коллекции. Сосуды все характеризуются чашевидной формой: 1) с вертикальной, относительно высокой шейкой; 2) со слабо отогнутой наружу шейкой; 3) с шейкой, вогнутой внутрь и 4) сосуды без шеек. Чаще всего погребенные сопровождалась одним сосудом (49 случаев), поставленным в изголовье, но в некоторой части могил отмечены два (8 случаев) и даже три сосуда (3 случая).

Украшения тела и одежды встречены в 66 погребениях (36,9% от всех могил с инвентарем). Украшения распределяются между следующими категориями: бусы, височные кольца, перстни, браслеты, пронизки, подвески, гривны, бляшки и накладки, наконечники ремней. Самыми многочисленными среди украшений, безусловно, являлись различные типы бляшек, пронизок и бусы.

Установить какие-либо половозрастные предпочтения в помещении тех или иных категорий украшений в могилы не удастся. Напротив, только мужские захоронения сопровождали предметы вооружения, сложный наборный пояс (пп. 94 и 168), точильные камни и гальки. Присутствие галек рядом с костяками отмечается нередко. Четкая закономерность в их количестве отсутствует – от 1 до 5 в одном погребении. В основном, они зафиксированы в изголовье умершего (19 случаев), слева от головы (2 случая), у правого (1 случай) или левого предплечья (1 случай), но встречены

также у колена (3 случая) и на тазовых костях (2 случая).

Совершенно очевидными в связи с этим выглядят многочисленные обращения, начиная с М.Г. Худякова, к мужским погребениям Зуевского могильника как к источнику для реконструкции социальных структур ананьинской эпохи. В авторском введении к публикации материалов А.А. Спицына М.Г. Худяков, отдавая дань советской социархеологии 1920–30-х годов, сделал ряд важных замечаний по этому поводу. Прежде всего, что наличие большого числа коллективных погребений в Зуевском могильнике служит ярким свидетельством рода как основы общественного устройства ананьинской эпохи (1933, с. 9). Признаком статуса мужчины в ананьинском обществе являлся бронзовый топор (секира, клевец). А выразительные предметы с зоо- и орнитоморфными мотивами в погребальном инвентаре открывают возможности для характеристики религиозных представлений ананьинцев (магия, тотемизм и др.).

А.В. Шмидт согласился с М.Г. Худяковым в определении Зуевского могильника как рядового места захоронения одной (средне-статистической) родовой общины, в которой уже налицо социальное расслоение. Он выделил среди мужских захоронений три группы: с необычно богатым инвентарем, безинвентарных и переходную между этими двумя (Шмидт, 1934, с. 89–90). К последней группе принадлежало большинство членов родовой общины – мужчин, занятых в производстве и в случае необходимости с оружием выступавших на защиту своего коллектива.

А.В. Збруева, после раскопок Луговского могильника, послужившего основой более надежных наблюдений за составом погребений, предложила свое видение характера распределения инвентаря в погребениях, выделив среди мужских семь групп, отличающихся наборами оружия и орудий, а среди женских – четыре группы. Эти различия А.В. Збруева считала возможным объяснять имущественной дифференциацией внутри патриархального рода, вплоть до патриархального рабства (1952, с. 148–163). Более того, увеличение почти вдвое доли безинвентарных погребений в Зуевском могильнике по сравнению с Луговским, по ее мнению, являлось хорошим подтверждением роста милитаризации ананьинского общества и, соответственно, роста численности пленных рабов,

<sup>12</sup> По-видимому, не все сосуды были А.А. Спицыным доставлены в Археологическую Комиссию. А.В. Збруева, работавшая с коллекцией еще в довоенный период, указывала лишь 11 орнаментированных сосудов, что для ананьинской керамики выглядит довольно странным (1952, с. 73).

использовавшихся в патриархальном хозяйстве.

Столь прямолинейный социологизм, вряд ли приемлем сегодня, но методология археологии находится в активной фазе развития и это внушает надежду, что и эвристический потенциал Зуевского могильника также далеко не исчерпан<sup>13</sup>. Как представляется, одной из наиболее насущных задач исследований является в настоящий момент уточнение хронологии некрополя. В рамках подготовки нового издания Зуевского могильника авторы постараются решить задачи как класси-

фикации погребального инвентаря (материал погребений уже скомпонован в более чем 50 таблиц<sup>14</sup>), так и определения его места в актуальной хронологии ананьинских древностей. Одновременно С.В. Кузьминых продолжено спектрально-аналитическое исследование предметов из цветного металла (украшения), что, без сомнения, значительно расширяет познавательные возможности источника и открывает прежде неочевидные пути решения старых проблем (Королькова, 2010; Трейстер, 2012; Ольговский, 2017).

### ЛИТЕРАТУРА

*Берлин А.В.* Ритуальные топоры раннего железного века из Приуралья // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск, 2010. С. 150–162.

*Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 220 с.

*Иванов В.А.* О локальных вариантах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?) // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 175–182.

*Карпова Г.И.* Отчет о разведке в районе с. Красный Бор – с. Ныргында // Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 963.

*Королькова Е.Ф.* Браслеты со звериными головками из погребений Гумаровского и Зуевского могильников // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 300–305.

*Коренюк С.Н.* Некоторые проблемы изучения ананьинской культуры // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конф., посвященной 75-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Ижевск, 28–30 марта 2000 г.) / Отв. ред. И.Г. Шапран. Ижевск, 2000а. С. 113–116.

*Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Матер. науч. конф. / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2000б. С. 68–79.

*Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983.

*Макаров Л.Д., Перевоицков С.Е.* Новый христианский могильник периода русской колонизации Удмуртского Прикамья // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск, 2006. Т. 9. С. 169–177.

*Митряков А.Е.* Проблемы функционирования поселений эпохи бронзы Удмуртского Прикамья (по материалам керамического комплекса Зуевключевского II поселения) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 1. С. 50–54.

*Овсянников В.В., Яминов А.Ф.* Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16–57.

*Ольговский С.Я.* О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Археология евразийских степей. 2017. № 3. С. 209–223.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 год. СПб, 1901. С. 41–46.

<sup>13</sup> Здесь можно сослаться на столь же давнюю работу венгерского исследователя Д. Ласло, предложившего свою разбивку зуевских погребений по принципу их размещения в рядах и сопровождающему материалу (1954).

<sup>14</sup> Для наглядности привожу одну из таких таблиц, иллюстрирующую комплекс погр. 173 с условно-схематическим изображением останков погребенного, как они зафиксированы в дневнике А.А. Спицына.

*Перевощиков С.Е.* Отчет об охранных археологических раскопках Зуевоключевских поселений и могильников, выполненный согласно договора № П-18/3 с Институтом археологии АН России. Ижевск, 1996 / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 341.

*Перевощиков С.Е.* Отчет об охранных археологических раскопках Зуевоключевских поселений и могильников, проведенных в 1998 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики. Ижевск, 1999 / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 372.

*Перевощиков С.Е., Широбокова Н.Ф.* Исследования Зуево-Ключевских II поселения и могильника // АО 1995 года. М.: Наука, 1996. С. 273–274.

*Перевощиков С.Е., Широбокова Н.Ф., Салангин Д.А.* Исследования Зуево-Ключевских могильников и стоянки // АО 1996 года / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1997. С. 273–274.

*Трейстер М.Ю.* Медно-никелевые браслеты с окончаниями в виде головок животных из Гумарово // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Приложение. М.: ТАУС, 2012. С. 166–167.

*Худяков М.Г.* Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / Материалы ГАИМК. Вып. 2. Л., 1933. С. 5–14.

*Черных Е.М.* Предметы конского снаряжения из Зуевского могильника ананьинской культуры шнуrowой керамики в Удмуртии // Поволжская археология. 2019. №1. С. 136–149.

*Черных Е.М., Перевощиков С.Е., Лантева Т.А.* К 100-летию исследования Зуевского могильника: возобновление раскопок комплекса памятников у д. Зуевы Ключи // XIV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. науч. конф. (Челябинск, 21–24 апреля 1999 г.). Челябинск: Рифей, 1999. С. 125–127.

*Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 172 с.

*Шмидт А.В.* Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества // Известия ГАИМК. Вып. 106. М.-Л., 1934. С. 13–96.

Lazslo Gy. Das Gräberfeld von Zuevo // Dissertationes archaeologicae ex instituto archaeologico universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Budapest, 1961. № 3. P. 465–478.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie Orientale / SMYA. T. XXXI: 1. Helsinki, 1919. 203 p.

#### **Информация об авторе:**

**Черных Елизавета Михайловна**, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); emch59@mail.ru

### **120TH ANNIVERSARY OF THE STUDY OF ZUEVSKY (ZUEVOKLYUCHEVSKY I) BURIAL GROUND**

**E.M. Chernykh**

The article features a summary of the history of studying Ananyino Zuevsky burial ground in the Udmurt Kama region excavated in 1898 by A.A. Spitsyn by an assignment of the Emperor's Archaeological Commission. New materials of burial ground studies of the late 20<sup>th</sup> century are published in the article. The author analyzes the dynamics of the physical preservation of the archaeological site, which has experienced significant and mainly destructive transformations over the 120 years. The author also refers to the characteristics of the funeral rite and inventory, and announces the need for a new publication of material with due account of their significance and the modern capabilities of science.

**Keywords:** Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Area, Zuevsky burial ground, history of studying, burial rite, inventory

#### **About the Author:**

**Chernykh Elizaveta M.** Candidate of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1 building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; arch@uni.udm.ru







**Рис. 2.** Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Вид на д. Зуевы Ключи с участком, на котором расположен памятник (съемка А.Е. Митрякова, 9.05.2018 г.).



**Рис. 3.** Вид Нижнекамского водохранилища в окрестностях д. Зуевы Ключи (фото С.А. Первозчиковой 2018 г.).



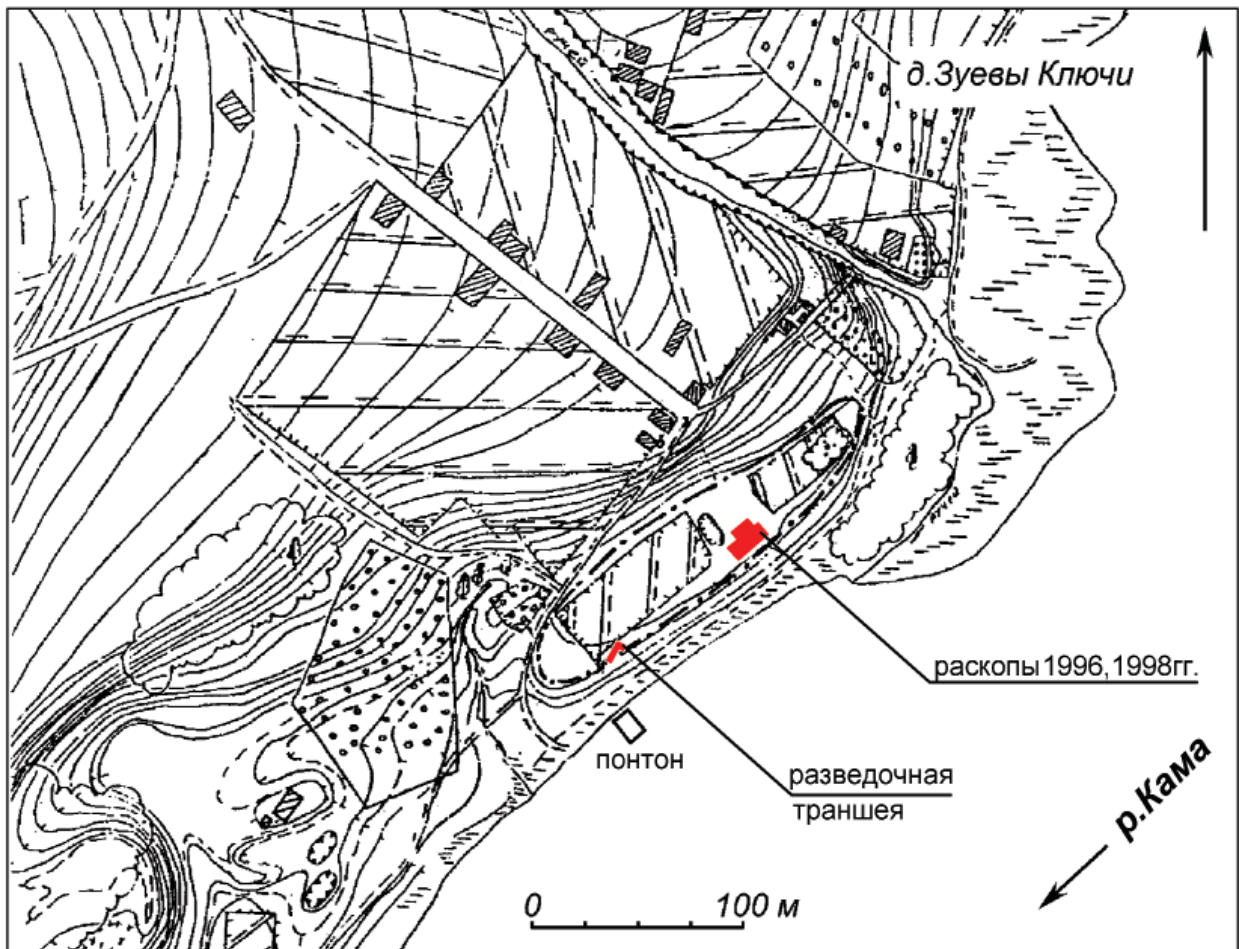


Рис. 4. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Топографический план (съемка Л.Д. Макарова, 1995 г.).



Рис. 5. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Вид с СЗ на площадку могильника в 1995 г. (фото Л.Д. Макарова).



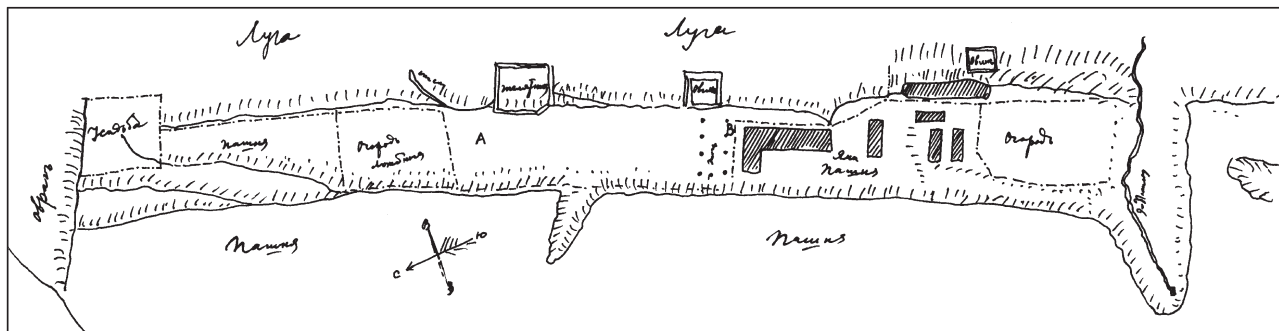


Рис. 6. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. План А.А. Спицына 1898 г.

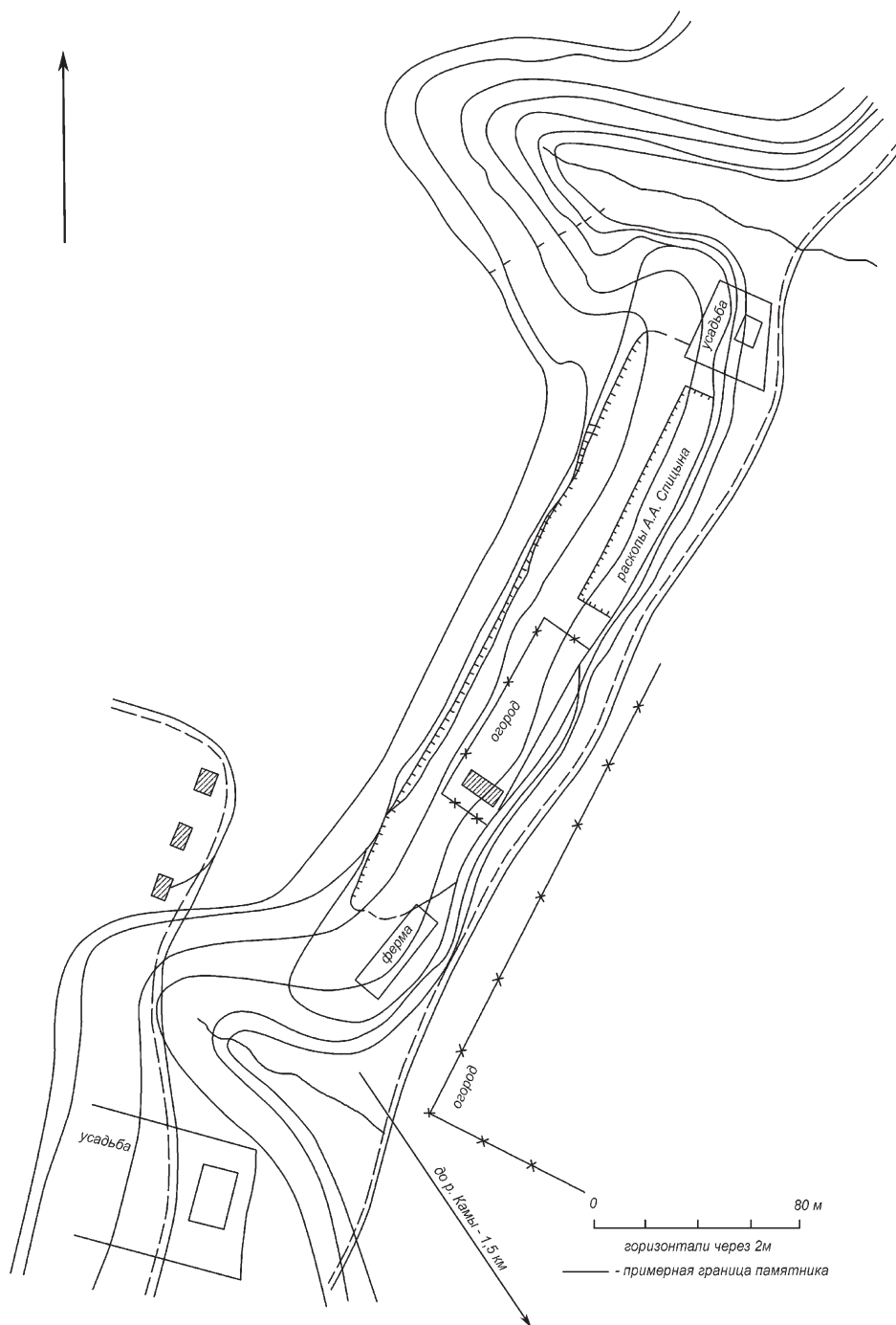


Рис. 7. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. План 1954 г. (Карпова, отчет за 1954 г., с. 47).

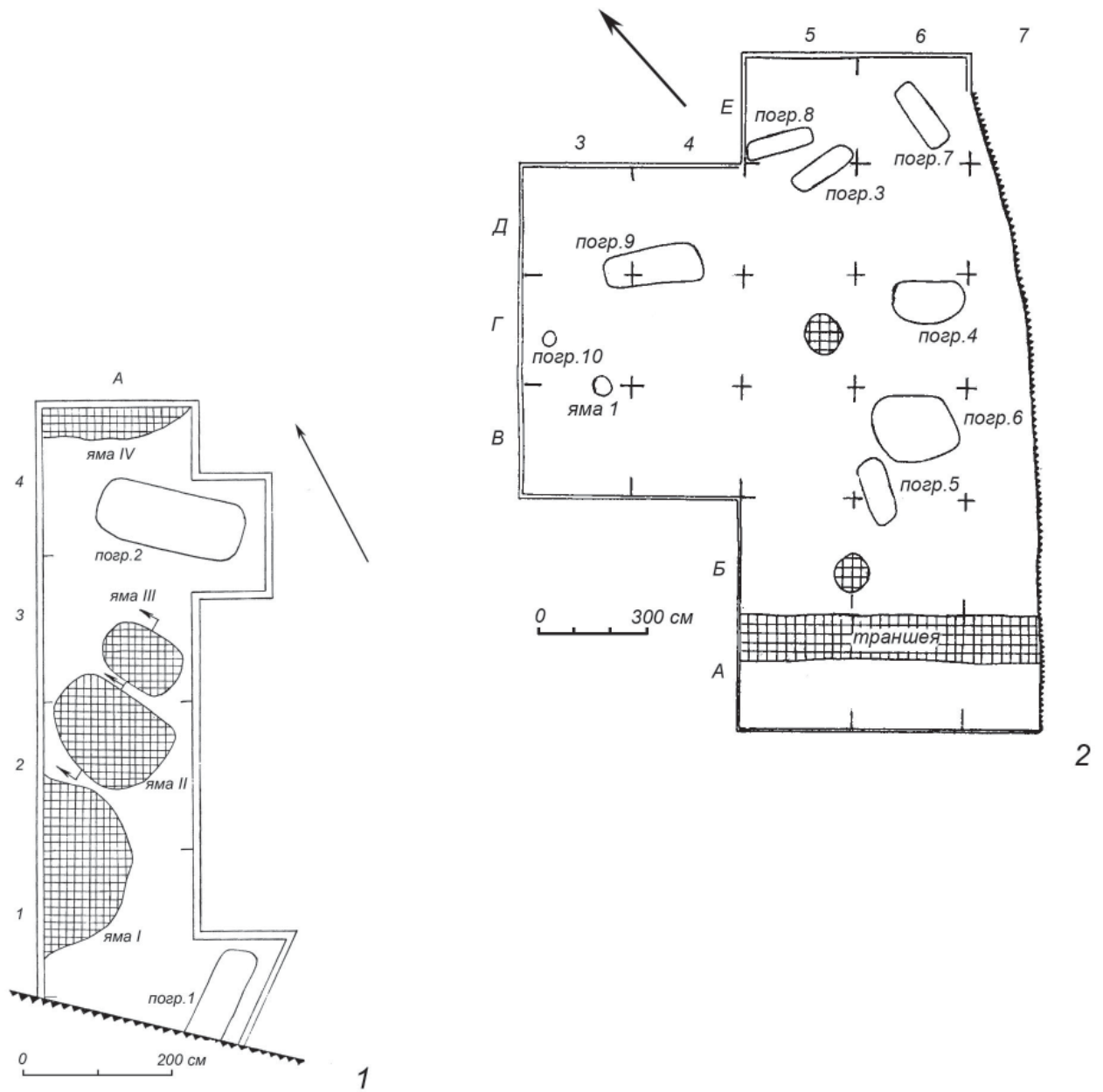


Рис. 8. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Планы раскопов С.Е. Перовщикова (1 – траншея 1995 г.; 2 – раскоп 1996, 1998 гг.).

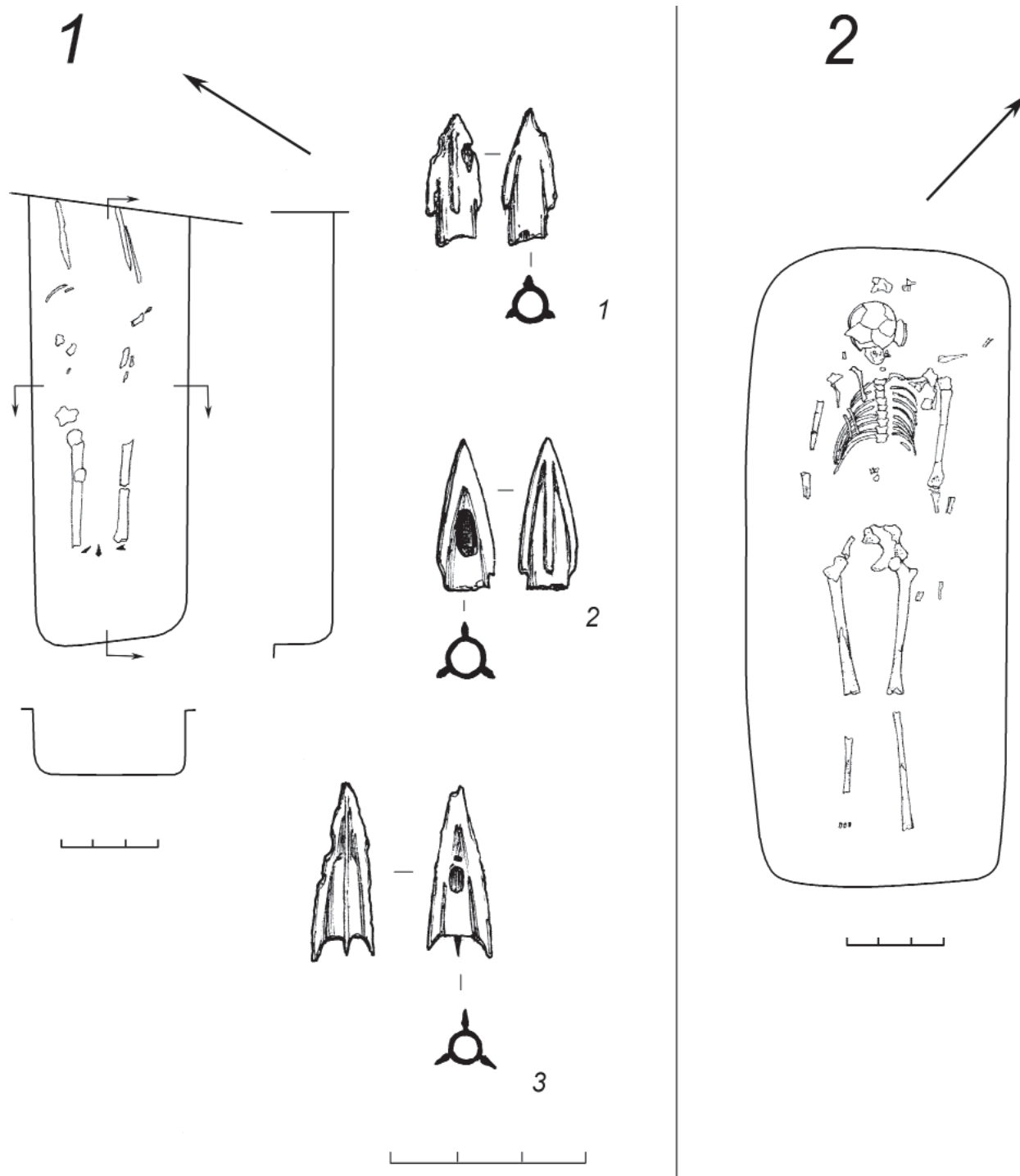


Рис. 9. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Планы погребений 1 и 2 (раскопки С.Е. Перовщикова, 1995 г.)



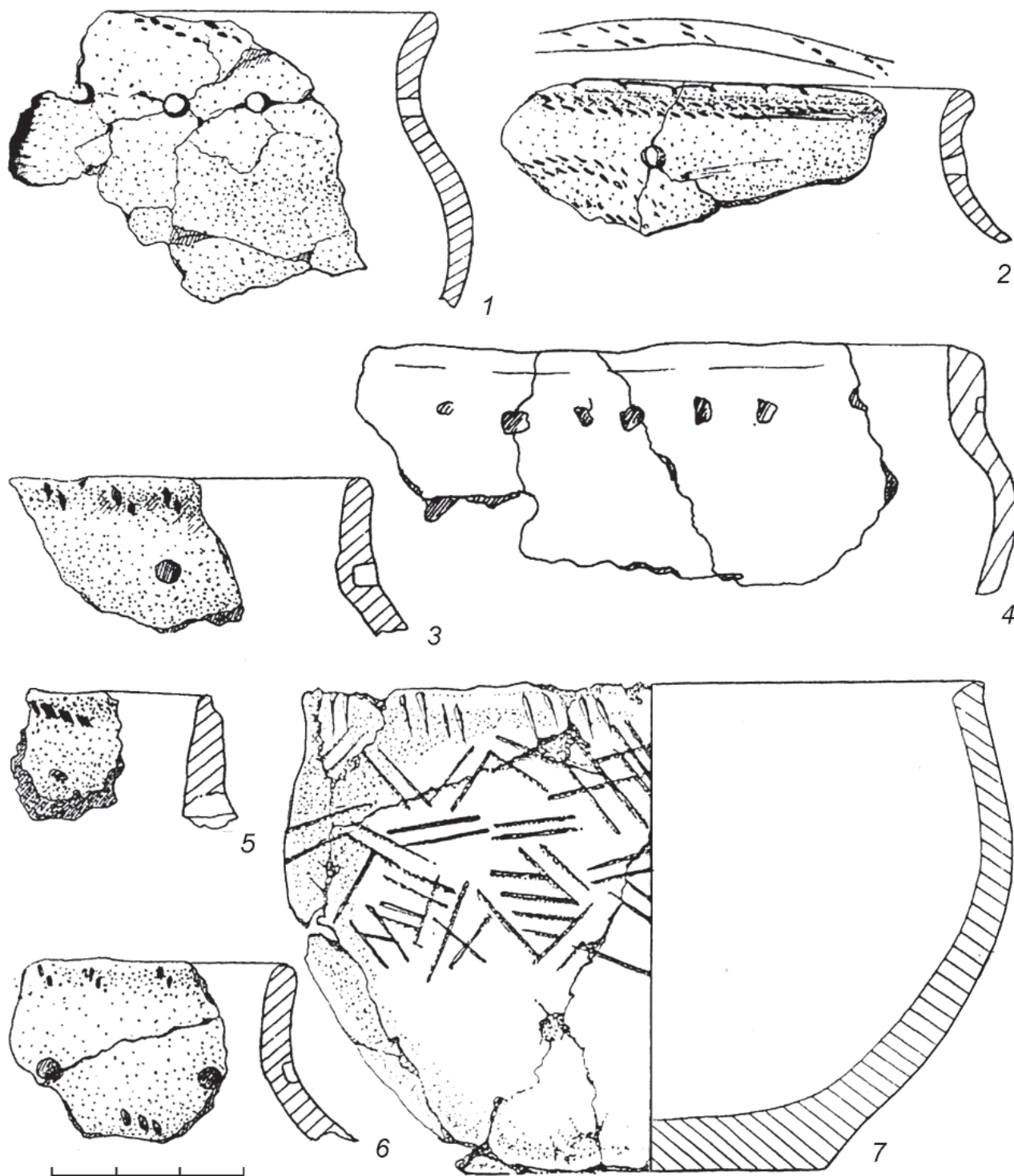


Рис. 10. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Керамика из разрушенных слоев Зуевоключевской III стоянки (поселения).



Рис. 11. Зуевский (Зуевоключевской I) могильник. Раскоп 1998 г. (рабочий момент).

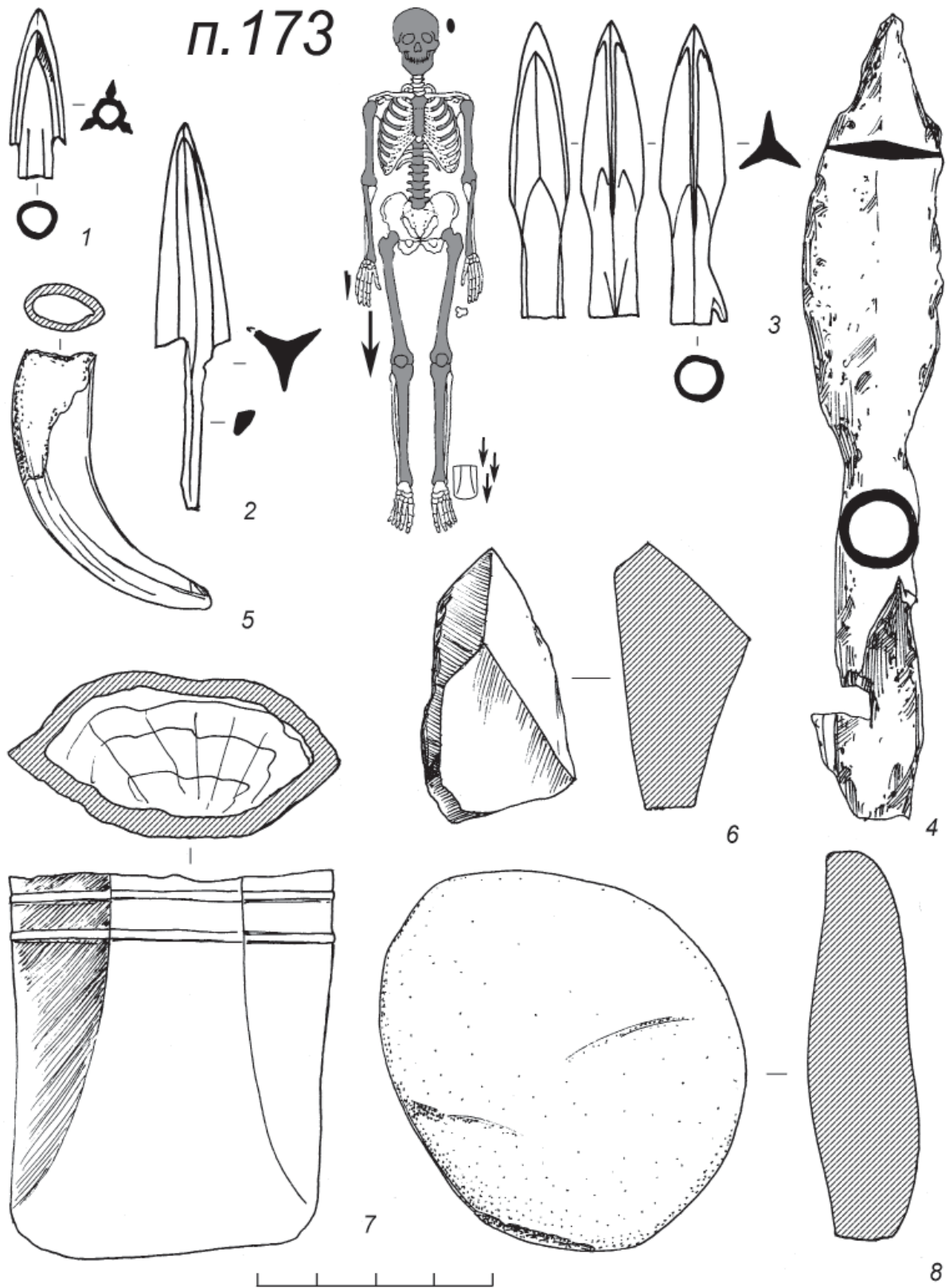


Рис. 12. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Комплекс инвентаря из погребения 173.



УДК 902/904

**ЧИЖЕВСКОЕ (МАРЬИН КОКОШНИК) ГОРОДИЩЕ. ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА 2017-2018 ГГ.**

© 2019 г. Э.И. Оруджов, К.Н Глушков

В статье описаны основные этапы археологического изучения Чижевского городища (VI–III вв. до н. э., XVIII–XIX вв.). Представлены результаты археологических исследований на Чижевском городище с 2017–2018 г. Определена мощность культурных напластований. Выделены хронологические горизонты. Вводится в научный оборот керамический комплекс памятника из коллекции Кировского областного краеведческого музея. Керамика проанализирована и распределена по группам. Согласно проведенному сравнительно-типологическому анализу прослеживаются сходные черты с керамикой бассейна р. Вятки, Средней, Нижней Камы и Поветлужья. При детальном анализе комплекса определено время возникновения – VI в. до н.э.

**Ключевые слова:** АКИО, Чижевское городище, керамический комплекс. Кировский областной краеведческий музей.

Чижевское городище является объектом культурного наследия федерального значения. Располагается на округлом мысу высотой 26–30 м, образованном коренным левым берегом р. Вятки и берегом оврага, в районе бывшей д. Чижи, данная на сегодняшний день входит в состав Ленинского района г. Кирова (рис. 1, 2).

Памятник принадлежит к типу мысовых одноплощадных городищ, укрепленных с напольной стороны одним валом и рвом, его площадь составляет около 10500 кв. м. К сожалению, в настоящее время вал и особенно ров практически не фиксируются (рис. 4, 5).

Судя по описанию предыдущих исследователей, насыпь вала имела в плане дугообразную форму, находилась на площадке поселения перед рвом и защищала городище с южной и западной стороны (Ванчиков, 1992, с. 77–85). С формой линии укреплений, напоминающей старинный женский головной убор, связано другое наименование данного городища – Марьин Кокошник.

Впервые Чижевское городище описал капитан Пензенского пехотного полка Н.П. Рычков, который в 1769–1770 гг. в составе экспедиции П.С. Палласа объехал несколько приуральских губерний, в том числе и Вятский край. Из-за небольшой площади городища он считал его «замком» какого-либо селения или местом, в котором не было жилищ и в котором скрывалось окрестное население во время нашествия неприятеля (рис. 3). По его мнению, оно было создано чудскими наро-

дами, жившими здесь еще «до пришествия новгородцев» (Рычков, 1772, с. 55–56).

В 1865 г. памятник обследовал и описал П.В. Алабин. Им здесь были обнаружены уголь и фрагменты керамики. При этом он обратил внимание на прекрасную сохранность вала (его высота достигала около 3 м), постепенно разрушаемого эрозией только с юго-восточной стороны памятника. Внутренняя же площадка городища, а также ров были распаханы. П.В. Алабин считал данное городище местом первоначального поселения новгородцев, пришедших на Вятку в XII в., однако фактическое обоснование этой версии в настоящее время отсутствует, и ученые ее всерьез не рассматривают. При этом он же отмечал, что до появления здесь новгородцев поселение принадлежало более древнему населению края (Алабин, 1865, с. 294–295.).

А.А. Спицын в 1880-е гг. (работы проведены до 1881 г. и в 1887 г.) нашел на городище керамику, кости, угли и несколько поздних железных обломков, а в валу – медвежий клык (Спицын, 1881, с. 47–48). По его словам, ранее площадка памятника распахивалась, но к моменту обследования пашня уже была заброшена. При этом работы А.А. Спицына показали практически полное отсутствие культурного слоя на памятнике, имелось лишь едва заметное его присутствие на склонах мыса. В своем труде «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии» Спицын достаточно подробно описал внешний вид и размеры Чижевского городища, в том числе перечислил и предания местных крестьян,

связанные с этим объектом. Он отнес памятник к числу средневековых удмуртских средневежских городищ, существовавших до появления в Вятском крае русского населения, то есть до XIV в. (Спицын, 1893, с. 177–178).

В 1938 г. городище обследовал Н.А. Прокошев. Им было установлено, что вал и часть площади памятника почти полностью скрыты в ходе проведения земляных работ. У подножия городища и в одном из обнажений оврага ему удалось найти остатки культурного слоя и несколько фрагментов керамики. (Прокошев, 1939, с. 21–22).

В 1957 г. памятник осмотрела Л.М. Еговкина, а в 1961 г. – И.И. Стефанова (Ванчиков, 1992, с. 81).

Самые поздние исследования здесь проводила разведгруппа КВАЭ под руководством Н.А. Ярославцевой (Лещинской) в 1977 г. При этом обнаружены сырые и обожженные кости животных, обломки железных предметов, фрагменты лепной керамики с примесью толченой раковины и растительности, фрагменты гончарной керамики и шлак (Ярославцева, 1978, с. 10–11).

В итоге, мы видим, что исследование памятника проводилось периодически, методом осмотра и сбора подъемного материала. Стационарных исследований, методом археологических раскопок не осуществлялось. Что отрицательно сказалось на степени его исследованности.

По остаткам культурного слоя и обнаруженным находкам ими были определены временные отрезки существования городища, относящиеся к позднему этапу вятского варианта ананьинской КИО (VIII–III вв. до н. э.), к кочергинской культуре (VI–IX вв.), а также к древнерусскому времени (с XIII в.) (Ванчиков, 1992, с. 81–85).

С учетом развития современной методики археологических исследований и полученных новых данных, связанных с изучением аналогичных памятников как бассейна р. Вятки, так и сопредельных территорий. Для получения дополнительной информации о характере культурных напластований и материальной культуре Чижевского городища, в 2017–2018 гг. были проведены археологические исследования памятника.

Исследования проходили в два этапа:

1) первый этап представлен полевыми исследованиями, цель – определение границ и получения стратиграфической

колонки культурных напластований данного объекта.

2) на втором этапе (лабораторные исследования) – проведен анализ керамического комплекса, из фондов Кировского областного краеведческого музея, керамика представлена в качестве подъемного материала.

В ходе производства работ на первом этапе произведен детальный визуальный осмотр территории и локальные земляные работы (шурфовка).

На исследуемом участке заложено 8 шурфов (семь из которых размерами 1×1 м, а шурф № 5 – размером 2×1 м), произведена их фото- и графическая фиксация.

Культурный слой представлен в основном коричневой-серо-коричневой супесью, изредка встречается, в качестве тонкой прослойки, не превышающей 0,03 м, темно-коричневая углистая супесь. Мощность культурного слоя варьируется в пределах 0,2–0,6 м. Наряду с гончарной керамикой в слое серо-коричневой супеси удалось обнаружить фрагмент стенки лепного сосуда с включением в состав теста ракушки (рис. 6), что характерно для ананьинских сосудов.

Таким образом, при шурфовке, в рамках определения границ памятника, удалось выявить два хронологических горизонта: АКГШК АКИО (I тыс. до н.э.) и XVIII–XIX вв.

На следующем этапе исследований проведена обработка и сравнительно-типологический анализ керамического комплекса Чижевского городища из коллекции Кировского областного краеведческого музея.

Всего было обработано 208 фрагментов керамики. Данная керамика является подъемным материалом и не имеет стратиграфической привязки. В связи с этим обстоятельством данное исследование ограничивалось сравнительно-типологическим анализом и аналогиями с керамикой других археологических памятников, находящихся как в бассейне р. Вятка, так и за его пределами.

Для анализа был определен ряд критериев: состав теста, способ налеса, а также форма и орнаментация сосудов.

В результате, по первым двум критериям мы наблюдаем общие черты характерные для всего, исследуемого нами, керамического комплекса Чижевского городища. Это способ изготовления, спирально-ленточный налеса,

все фрагменты представляют сосуды горшковидной формы. В составе теста, в качестве примеси, фиксируется большое количество толченой ракушки.

Различия проявляются в орнаментальных композициях и в рельефном оформлении венчиков сосудов.

По форме верхней части сосудов выделяется несколько групп:

1. по высоте венчика сосуда, включает две подгруппы:

1.1 воротничково-валиковые сосуды с прямыми, либо слегка отогнутыми венчиками, высотой 2.6-2.8 см, и средне выпуклыми плечиками

1.2 воротничково-валиковые сосуды с прямыми, либо слегка отогнутыми венчиками, высотой 4 см, и средне выпуклыми плечиками.

Если вести речь о понижении шейки венчика от ранних этапов к поздним (Ашихмина, 2014, с. 72; Марков, 2007, с. 31), то определенно можно говорить о существовании двух этапов развития АКИО на территории городища, это далее подтверждается развитием воротничково-валиковой посуды:

2. по расположению воротничка (валика), выделяется три подгруппы

2.1 в верхней части шейки сосуда, данное размещение более характерно для валика, но встречаются и воротнички (валик-бортик, по определению В.В. Ванчикова (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 31) (рис. 7: 1-5, 11-13, 25, 29; 8: 10, 25; 9: 5, 15, 21, 26-27, 30; 10: 3),

2.2 в центральной части шейки сосуда (рис. 7: 6, 8, 10, 14-19; 8: 1-5, 12-20, 22-24, 26-28, 30, 31; 9: 1-14, 16-20, 22-26, 25-29, 31; 10: 1, 2, 4-17; 19).

2.3 отсутствие воротничка (валика) (рис. 7: 7; 8: 6, 8, 9, 11, 21; 9: 18).

Появление валика, по результатам анализа керамики на Аргыжском городище, хронологически предшествует воротничку и наиболее поздним керамическим традициям раннеананьинского горизонта. По мнению В.В. Ваничикова «отражает этап взаимодействия ранней и относительно поздней керамических традиций» (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002, с. 3), что вполне соответствует существованию данной группы керамики на среднем этапе развития АКИО (вторая половина VII-V вв. до н.э.) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102).

Сохранение богатых орнаментальных композиций, в виде сочетания различных видов штампа (шнура, гребенки и ямки) наряду с распространением валико-воротничкового оформления шейки сосуда, а также средних по высоте венчиков и степени отогнутости тулова сосудов подтверждают существование данной керамики на среднем этапе развития АКИО (вторая половина VII-V вв. до н.э.).

По видам орнаментальных композиций расположенных в верхней части сосудов, также удалось провести типологический анализ и выделить ряд групп:

1. с ямочно-гребенчато-шнуровой орнаментацией, для данного типа характерно наличие мотива многорядного шнура, зубчатый штамп и сгруппированных ямочных мотивов (рис. 7: 1-7, 11, 13, 16; 8: 10) данная группа керамики наиболее распространена в бассейне рр. Вятка и Ветлуга в раннем и среднем периоде развития АКИО, наряду с валико-воротничковым оформлением шейки венчика, позволяет вести речь о существовании данного типа сосудов в среднем периоде АКИО, на раннем его этапе в VI в. до н.э., когда происходят некоторые изменения в форме сосудов (появляется валик, либо воротничок), а богатые орнаментальные композиции еще сохраняют свои позиции. Наличие богатых орнаментальных традиций в сочетании с валиком (либо воротничком), возможно, отражает процесс взаимодействия ранних и более поздних керамических традиций. Подобные орнаментальные композиции встречаются на значительной части АКИО (Нижняя Кама, вблизи устья р. Вятки), бассейн рр. Вятки и Ветлуги).

Следующие группы уже больше связаны с процессом «обеднения» орнамента на шейках сосудов при сохранении и утверждении форм определившихся на первом этапе «среднего ананьино», они проходят через второй этап на поздний период развития АКИО.

2. с гребенчатой орнаментацией, здесь выделяются сосуды со сложными и простыми мотивами, состоящими из элементов зубчатого штампа (рис. 7: 8-10, 14, 15; 8: 4, 8-9, 13-16, 19, 22, 23, 25-30; 9: 2-3, 5, 6, 9, 11-12, 14-15, 17, 21, 23, 24, 26, 28, 29; 10: 10), опять же для большинства сосудов характерно наличие валика, либо воротничка. Довольно часто зубчатый штамп у данной группы сосудов соседствует с ямочными вдавлениями.



3. с шнуровой орнаментацией, для данной группы характерен штамп, состоящий из элементов наклонного горизонтального шнура, как левостороннего, так и правостороннего (рис. 7: 14, 15, 17–19; 8: 1, 2, 18, 20, 24, 31), также как и у группы с гребенчатой орнаментацией, для большинства сосудов характерно наличие валика (либо воротничка) и ямочных вдавлений. Шнур здесь представлен в основном в виде горизонтальных линий, но также встречаются и другие мотивы.

4. с орнаментацией, состоящей из ряда вдавлений, а также прочерченных кругов по шейке венчика (рис. 8: 3, 5–6). Данные орнаментальные композиции характерны для постмаклашеевской керамики. По определению А.А. Чижевского, данную группу керамики следует относить к V в. до н.э. (Чижевский, 2014, с. 215, 217, 222).

5. в отдельную группу можно выделить фрагмент керамики, аналогу которому встречаются на белогорских поселениях постмаклашеевской культуры Самарской Луки. Характеризуются поясками подтреугольных вдавлений (рис. 8: 7), хронологически соотносятся с периодом VI–III век до н.э. (Чижевский, 2014, с. 215, 216, 222).

Оставшиеся группы следует отнести к позднему этапу развития АКЮ (IV–III вв. до н.э.), в декоре присутствуют композиции из однородных элементов, либо совсем отсутствует орнаментация.

6. с мелко-ямочным орнаментом, это воротничковые и безворотничковые сосуды, объединяющим элементом в данной группе является наличие глубоких ямочных вдавле-

ний 0,1–0,2 см (рис. 8: 11; 9: 4, 7, 8, 10, 18, 19, 20, 22, 25, 27, 28, 30, 31; 10: 8, 11–13, 15, 16).

7. воротничковой и безворотничковой неорнаментированной керамики (рис. 10: 1–3, 6, 7, 9, 14, 16–19).

Анализ процентного соотношения выше представленных орнаментальных групп в керамическом комплексе Чижевского городища, выявил преобладание сосудов второй группы (37%), затем в равных долях следуют 1, 2, 4 группы (16–17%), содержание 4, 5, 7 групп не превышает 9% от всего исследуемого комплекса керамики (рис. 11).

В итоге, мы видим, что выделенные нами орнаментальные группы керамики характерны для среднего (VI–V вв. до н.э.) и позднего (IV–III вв. до н.э.) периодов развития АКЮ. А время заселения данного памятника связано с VI в. до н.э.

Таким образом, в результате проведенных в 2017 г. археологических исследований на Чижевском городище удалось подтвердить наличие культурных напластований АКЮ (VI–III вв. до н.э.), XVII–XIX вв. Анализ керамического комплекса городища позволил скорректировать дату его возникновения VI в. до н.э. и установить, что время существования городища в раннем железном веке укладывается в рамках двух периодов АКЮ: средний (VI–V вв. до н.э.) и поздний (IV–III вв. до н.э.).

*Благодарности.* Авторы выражают благодарность заведующей отделом истории КОКМ, к.и.н. Л.А. Сенниковой за оказанную помощь при обработке коллекции керамики Чижевского городища.

## ЛИТЕРАТУРА

- Алабин П. В. «Марьян кокошник» // Вятские губернские ведомости. 1865. № 72.
- Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Отечество, 2014. 300 с.
- Ванчиков В.В. Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: УдмГУ, 1992. С. 72–94.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–124.
- Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология Евразийских степей. Вып. 4. Казань: Отечество, 2007. 136 с.
- Прокошев Н.А. Новые данные о городищах близ г. Кирова // КСИИМК. Вып. II. М. - Л. 1939. С. 21–22.
- Рычков Н.П. Продолжение Журнала или Дневных записок путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1770 году. СПб. 1772. 133 с.
- Спицын А.А. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М.: 1893. 192 с.

*Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002. 188 с.

*Чижевский А.А.* Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

*Ярославцева Н.А.* Отчет о разведке на территории Кировского горсовета и в Слободском районе Кировской области, проведенной летом 1977 г. / Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. 1978. Ф. 2. Д. 63.

### **Информация об авторах:**

**Оруджов Эдуард Игоревич**, младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Казань, Россия); orudzhov.eduard@mail.ru

**Глушков Кирилл Николаевич**, младший научный сотрудник отдела археологии КОГАУ «Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области» (г. Киров, Россия); stiggyoldman@mail.ru

## **“CHIZHEVSKOYE (MARYIN KOKOSHNIK) SETTLEMENT”. RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES IN 2017-2018**

**E.I. Orudzhov, K.N. Glushkov**

The article features the main stages of the archaeological study of Chizhevskoye settlement (6<sup>th</sup>-3<sup>rd</sup> centuries B.C., 18<sup>th</sup>-19<sup>th</sup> centuries). It features the results of archaeological studies at Chizhevskoye settlement since 2017-2018. The authors determined the thickness of the cultural layers. The chronological horizons were identified. The ceramic complex of the site from the collection of Kirov Regional Museum of Local Lore is introduced into scientific discourse. The ceramics was analyzed and classified into groups. According to a conducted comparative typological analysis, similar features have been traced with the ceramics from the Vyatka, Middle Kama, Lower Kama and Vetluga regions. A detailed analysis of the complex allowed to identify the occurrence period as the 6<sup>th</sup> century B.C.

**Keywords:** Ananyino Cultural and Historical Area, Chizhevskoye settlement, ceramic complex, Kirov Regional Museum of Local Lore.

### **About the Authors:**

**Orudzhov Eduard I.** Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; orudzhov.eduard@mail.ru

**Glushkov Kirill N.**, KOGAU Research and Production Center for Protection of Cultural Heritage Sites of the Kirov Region. Gertsen St., 64, 610017, the Kirov Region, Kirov, Russian Federation; stiggyoldman@mail.ru



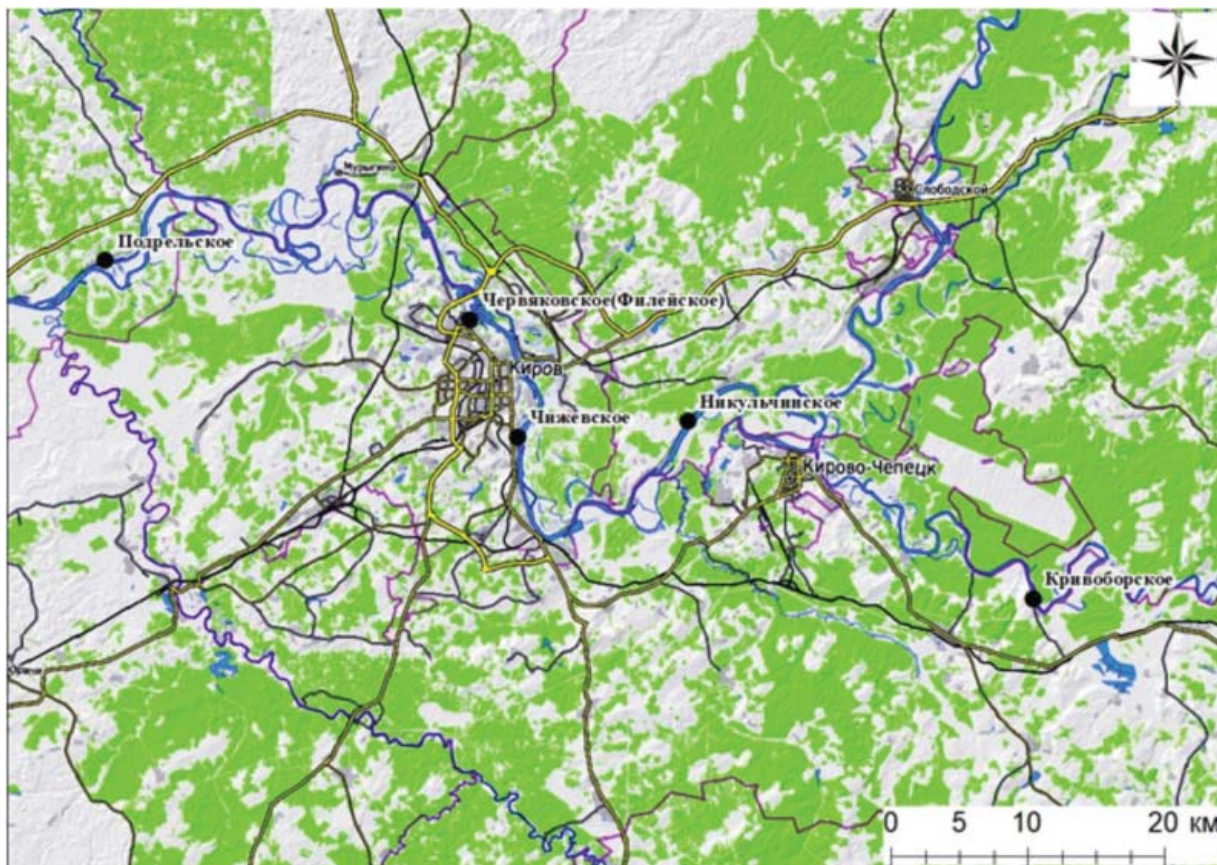


Рис. 1. Карта. Кировская область. г. Киров. Месторасположение. Чижевское городище.



Рис. 2. Ситуационный план. Кировская область. г. Киров. Чижевское городище.



Возвращаясь съ вышеописанныхъ мѣстѣ, цѣ-  
 лой день препроводилъ я осматривая запус-  
 тья городища, въ которыхъ до-пришествія Но-  
 вгородцовъ

36.      ІЮЛѢ 29 и 30 ДНЯ, 1770 ГОДА.

О старин-  
 ныхъ горо-  
 дищахъ.  
 Новгородцовъ обижали Чюдскіе народы. Первое  
 изъ нихъ находится въ четырехъ верстахъ  
 отъ города Хлынова на западномъ берегу рѣ-  
 ки Вяшки у деревни Лосевой. Въ немъ кромѣ  
 валовъ, сдѣланныхъ на подобіе полукружія, нѣтъ  
 ничего достопамятнаго. Малое его простран-  
 ство даетъ случай думать, что валы служи-  
 ли или замкомъ какого ни будь селенія, или  
 въ немъ со всѣмъ не было никакого жилища ;  
 развѣ только, что древніе жители сея земли  
 искали тамъ безопаснаго убѣжища во время  
 нашествія своихъ непріятелей.



*Н. П. Рычковъ*

Рис. 3. Фото. Рычков Н.П. о Чижевском городище.



Рис. 4. Фото. Кировская область. г. Киров. Площадка Чижевского городища. Вид с юго-запада.



Рис. 5. Фото. Кировская область. г. Киров. Чижевское городище. Вид с севера.



Рис. 6. Чижевское городище. 1 – фрагмент стенки лепной керамики, с включением ракушки, 2 – венчик лепного сосуда.



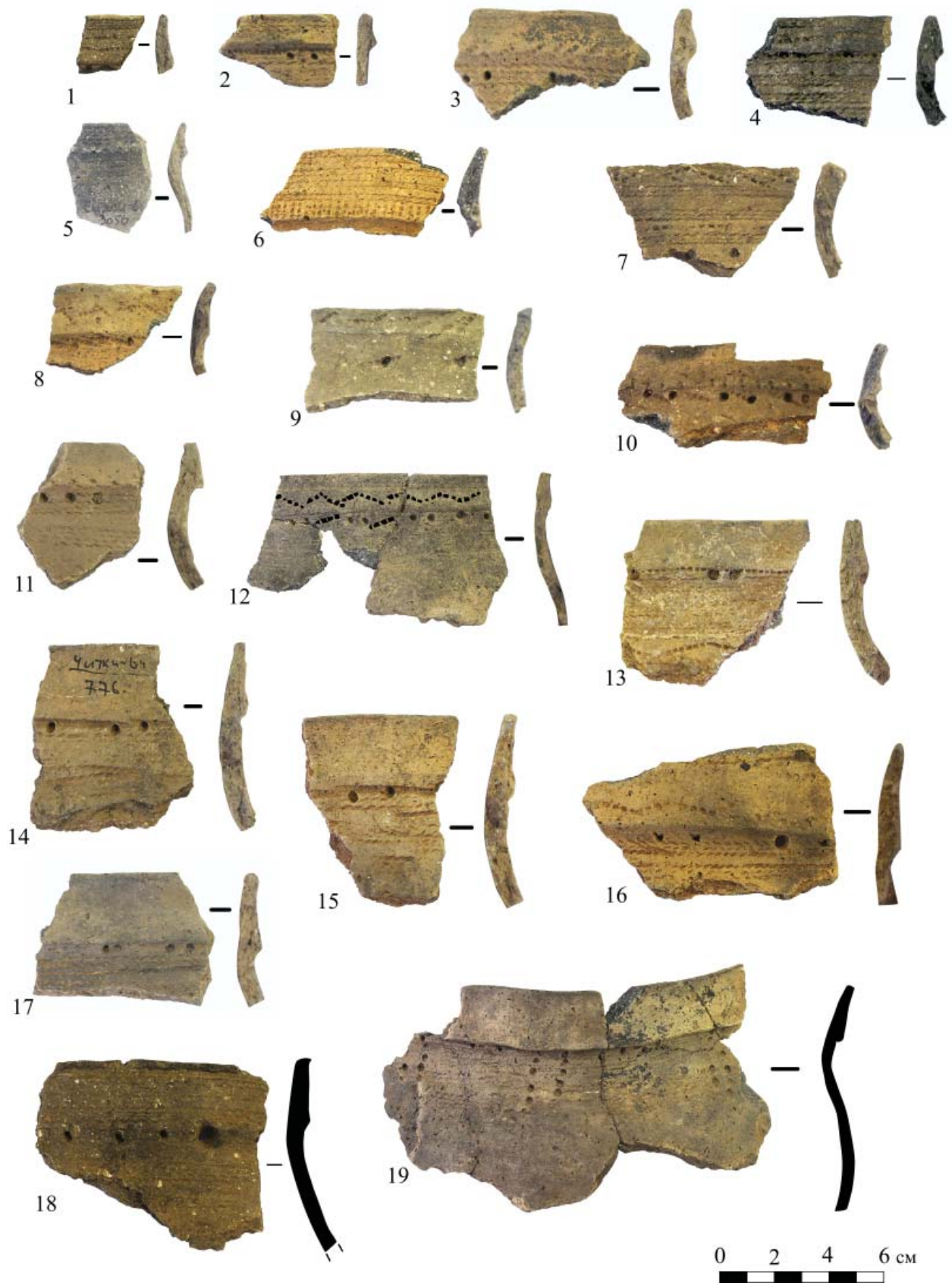


Рис. 7. Чижевское городище. Керамика АКЮ.



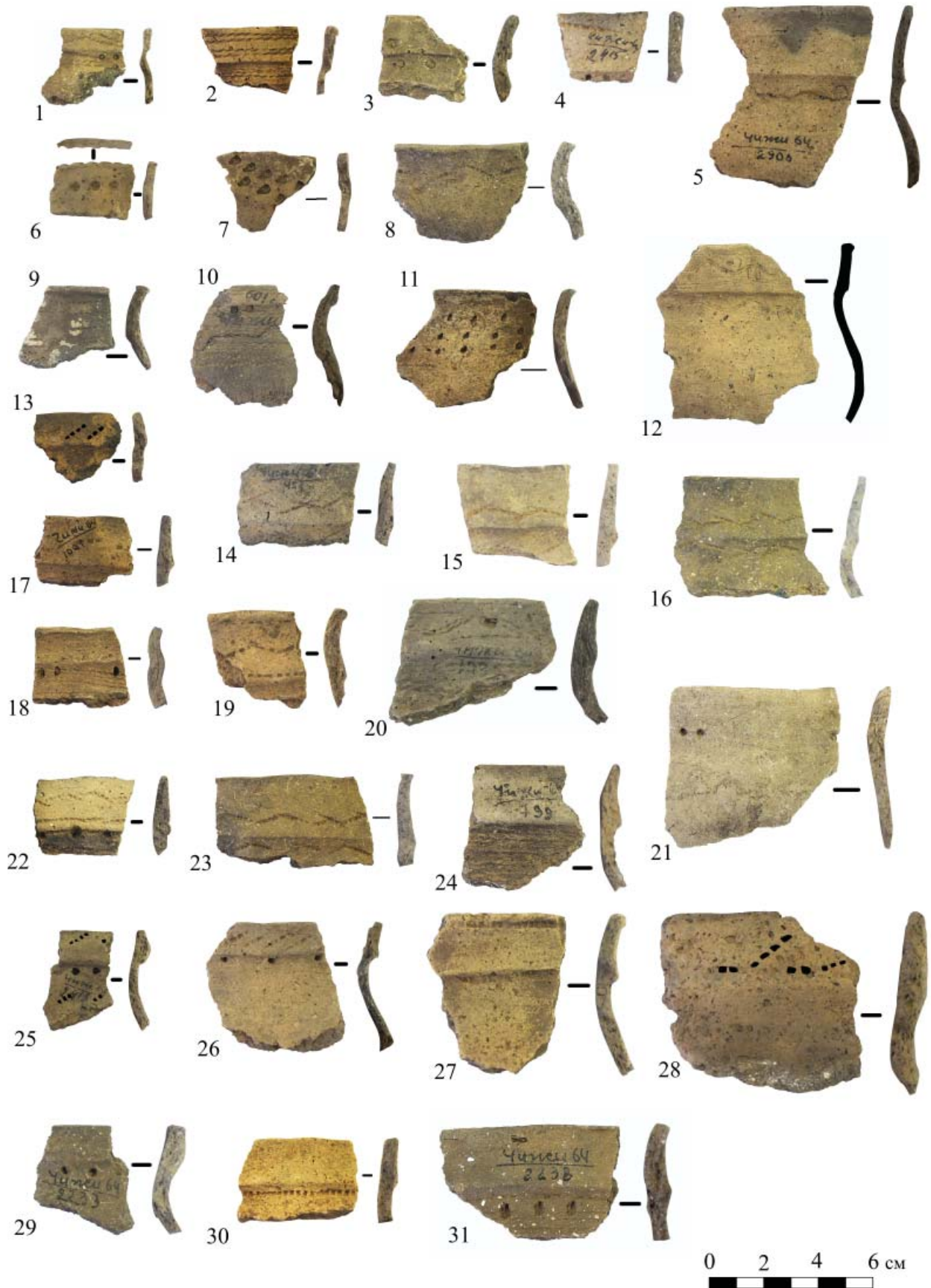


Рис. 8. Чижевское городище. Керамика АКЮ.

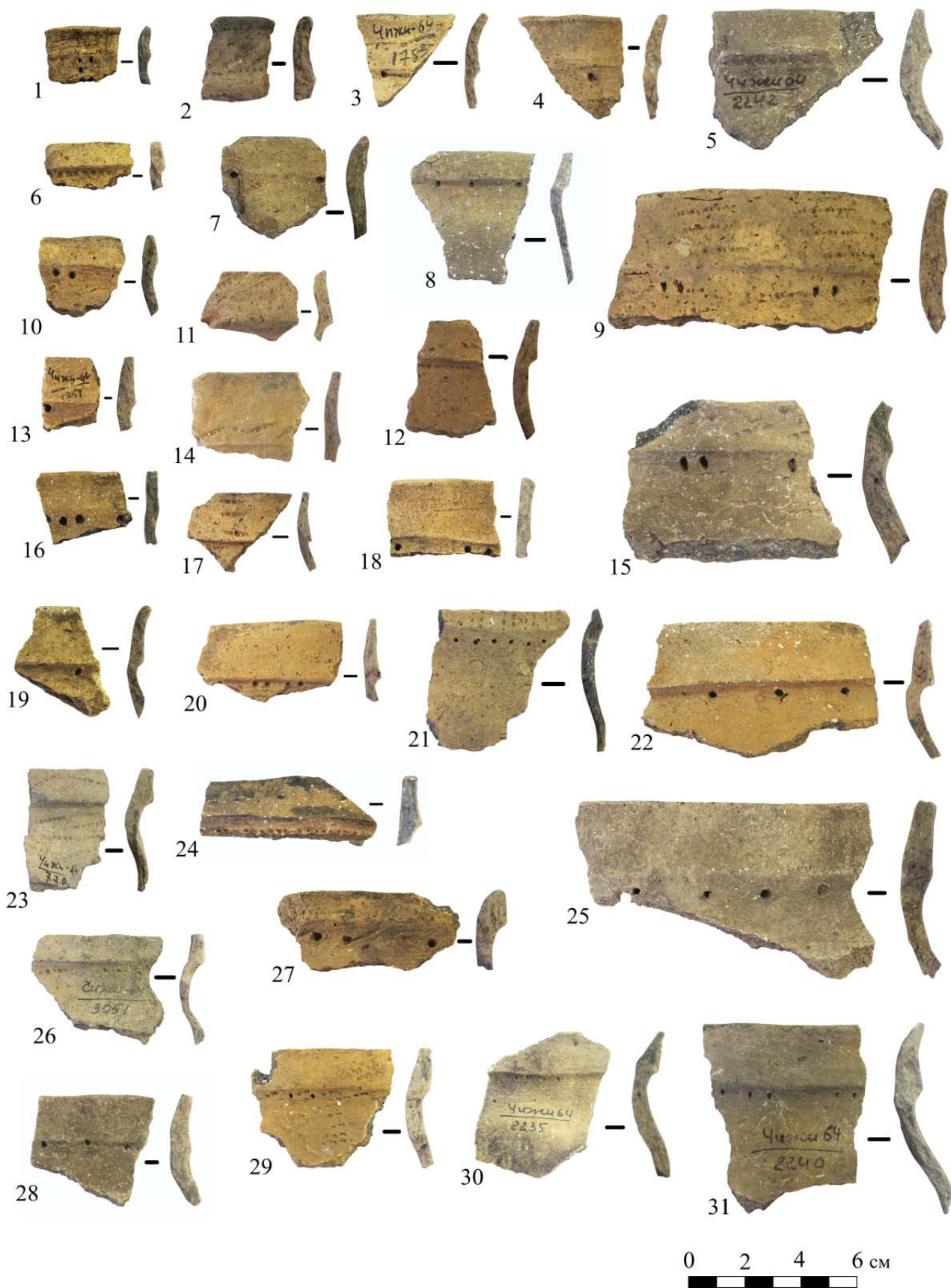


Рис. 9. Чижевское городище. Керамика АКЮ.



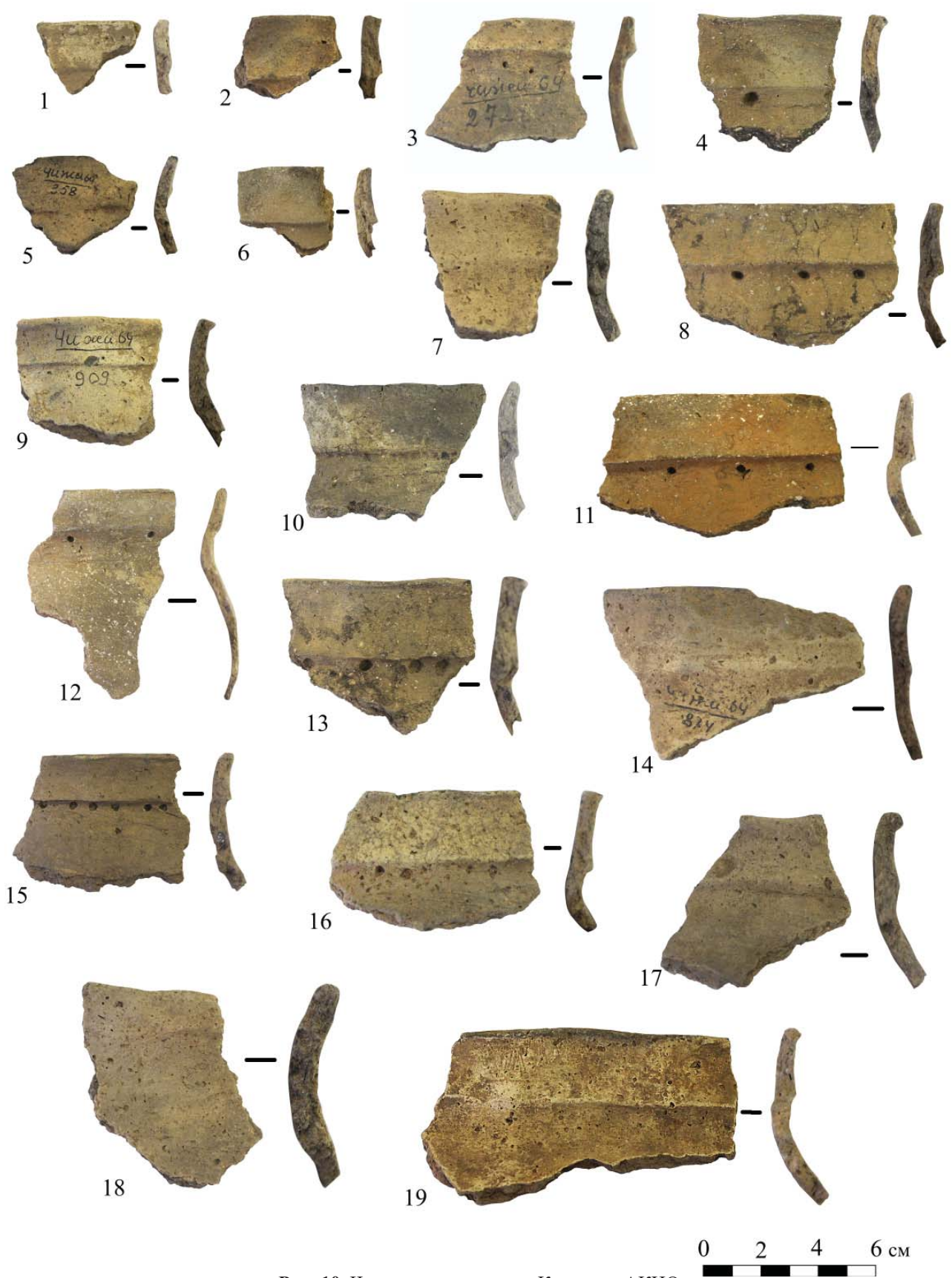


Рис. 10. Чижевское городище. Керамика АКЮ.



Керамический комплекс Чижевского городища. Орнаментальные группы.

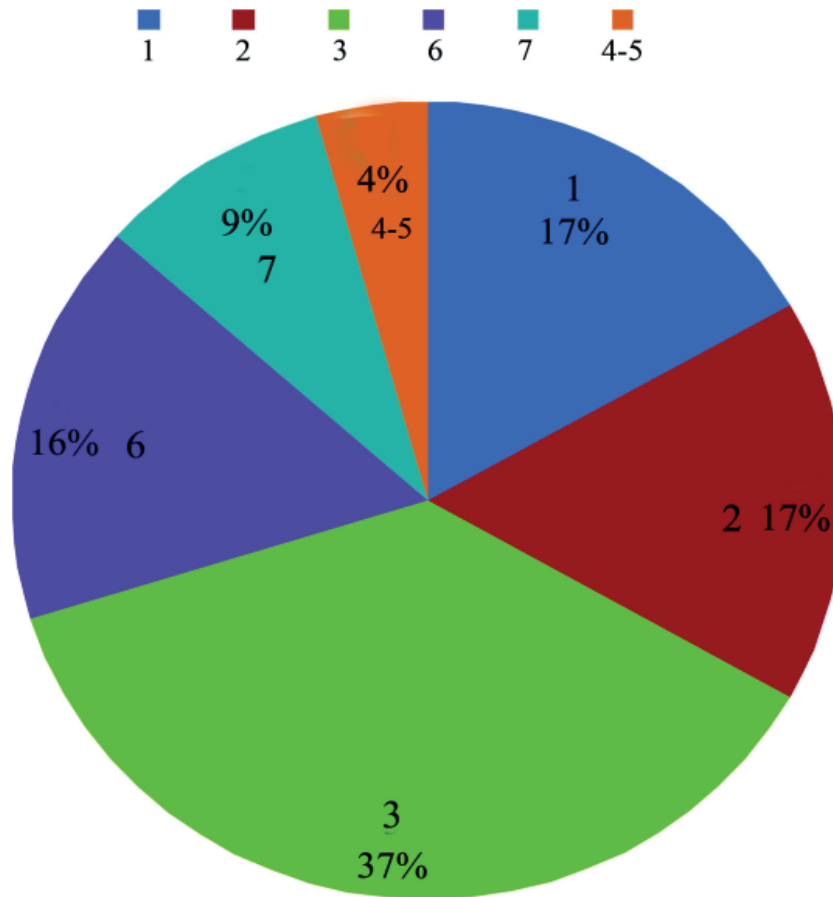


Рис. 11. Диаграмма. Керамический комплекс Чижевского городища. Орнаментальные группы.

УДК 902/904

## АНАНЬИНСКИЙ КОМПЛЕКС МОКИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ-МОГИЛЬНИКА

© 2019 г. М.Л. Перескоков

В данной статье производится анализ материалов ананьинского времени Мокинского поселения-могильника. Археологические объекты, достоверно относящиеся к ананьинскому времени, на памятнике не зафиксированы, так как верхний горизонт сильно разрушен пахотой, гляденовским поселением и могильником. Выявленный комплекс вещей включает предметы из металла и керамику. Выделяются два хронологических горизонта функционирования ананьинского поселения на данном памятнике. Раннеананьинский горизонт можно датировать VIII–VII вв. до н.э., позднеананьинский – V–IV вв. до н.э.

**Ключевые слова:** ранний железный век, ананьинская культура, Пермское Прикамье, хронологический горизонт, поселение.

### Вводные замечания

Мокино I поселение-могильник расположен в 0,3 км к югу от деревни Мокино Пермского района Пермского края и занимает обширный мыс подпрямоугольной формы левого берега реки Нижняя Мулянка, левого притока р. Кама. Высота мыса над уровнем реки составляет 8–10 м. Его площадь около 20000 кв.м. В центральной части мыса находится старый глубокий карьер, сооруженный для насыпи дамбы пруда, в настоящее время не существующего, который уничтожил памятник на площади около 3000 кв.м. Западная часть памятника была частично потревожена при строительстве дороги с. Култаево-Башкултаево. Подъемный материал распространяется по всей площади мыса, уходя даже за полотно дороги.

Памятник, как место нахождения железного века, известен с 1924 г. и был выявлен А.В. Шмидтом. Им были найдены фрагменты ананьинской и «харинско-ломоватовской» керамики, кости животных и фрагменты человеческого черепа. Однако, раскопки памятника не проводились (Шмидт, 1925). В 1950 г. памятник осматривался В.Ф. Генингом и был определен как Мокинское селище ананьинской и ломоватовской культур. Ю.А. Поляков относил Мокинское селище к ананьинско-гляденовскому времени. В 1986 г. памятник был обследован сотрудником Камской археологической экспедиции В.П. Мокрушиным. Им был собран представительный керамический материал ананьинской и гляденовской культур. В связи с мелиоративными работами памятник повторно был осмотрен В.П. Мокрушиным и А.Ф. Мельничуком в 1987 г.

В ходе визуального осмотра на пашне помимо керамического материала были найдены фрагменты человеческого черепа. Летом 1987 г. на памятнике были проведены значительные раскопки отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством В.А. Оборина, в ходе которых был открыт могильник IV–V вв. н.э. Всего в ходе исследований было изучено 62 погребения (Мельничук, Оборин, Соболева, 1989). Могильник был отнесен к кругу раннехаринских памятников и датирован IV–V вв. н.э. В 1990–1992, 1998 гг. исследование могильника продолжались отрядом Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета под руководством Н.В. Соболевой. Исследовались прибрежные участки могильника, где были изучены самые ранние погребения, датируемые исследователем не позднее IV в. н.э. Погребения были отнесены к гляденовской культуре (Соболева, 1991). В связи с опасностью застройки могильника в ходе расширения деревни Башкултаево в 1994 г. исследования были продолжены С.Н. Коренюком и А.Ф. Мельничуком. Раскоп прилегал с запада к раскопу 1987 г. и дал самые поздние материалы, датирующиеся концом V–VI вв. н.э. (Коренюк, Мельничук, Перескоков, 2011). Всего на могильнике в ходе работ 1987, 1990–1992, 1994, 1998 гг. изучено 254 погребения и различные сооружения в виде рвов и жертвенников.

В 2013–2017 г. исследования памятника были продолжены М.Л. Перескоковым и А.В. Васильевой при участии В.В. Мингалевы. Раскопы IX–X были разбиты в центральной

части памятника, с запада примыкали к раскопу 1991 г. и с юга к раскопу 1990 г. Раскопы 2013–2014 гг. имели общую площадь 240 кв. м. Было изучено 26 погребений, одна курганная канавка.

Раскоп XI (2015 г.), площадью 128 кв.м. был разбит в центральной части памятника, с юга примыкал к раскопу 1990 г. и с запада к раскопу 2013 г. Было изучено 12 погребений, курганные канавки и кремационный комплекс.

Раскоп XII 2016 г., площадью 156 кв.м. был разбит в центральной части памятника, с юга и запада примыкает к раскопу 2015 г. Было изучено 13 погребений и канавки.

В 2017 г., раскоп XIII, площадь которого составила 84 кв.м. был разбит в северной части площадки и примыкал с запада к раскопу 1987 г. и с севера 1994 г. Был изучен комплекс канавок погребений в раскопе не было.

Исследования канавок в раскопах 2015–2017 гг. дали возможность интерпретировать канавки как остатки долговременных жилищ, которые были датированы первыми веками н.э., но не позднее III в. н.э., так как с этого периода поселение было заброшено (сожжено) и начал функционировать могильник (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018). Таким образом, была уточнена периодизация функционирования памятника, предложенная ранее (Мингалев, Перескоков, 2014), которая сейчас выглядит следующим образом:

1. *Раннеананьинский хронологический горизонт* (IX–VI вв. до н.э.). Уже в раскопе 1987 г. было зафиксировано несколько фрагментов от бомбовидных керамических сосудов с уплощенным или заостренным дном и интенсивно орнаментированной шейкой (Оборин, 1987, с. 39–40). В раннеананьинский период площадка памятника использовалась как поселение.

2. *Позднеананьинский хронологический горизонт* (IV–III вв. до н.э.). В данный период на мысу также существовало селище. Материалы данного периода маркируются воротничковой керамикой.

3. *Среднегляденовский горизонт* (I–III вв. н.э.). Характеризуется существованием долговременного круглогодичного поселения. Фиксируется не менее двух строительных ярусов построек со сменой ориентировки. Поздние постройки имеют следы сожжения в виде многочисленных углистых прослоек.

Поселение было сожжено в III в., что может быть связано с приходом групп вооруженных воинов на территорию гляденовской культуры (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018).

4. *Позднегляденовский хронологический горизонт* (середина III – первая половина IV в. н.э.). В III в. н.э. территория заброшенного гляденовского селища стала использоваться в качестве могильника. При этом окрестности некрополя в период позднего железа были плотно заселены. Об этом свидетельствуют открытые здесь селища, в том числе Баш-Култаевское I и II, Мокинские II и III. Мокинский могильник начинает расширяться с восточной стороны – от стрелки к основанию мыса. Именно на данном выступе обнаружены самые ранние погребения.

5. *Тураево-кудашевский хронологический горизонт* (третья четверть IV – начало V в.).

Ко второй половине IV в. вся территория мыса была уже заполнена погребениями. Некрополь выходит на коренной берег и начинает расти в южном и юго-западном направлениях – вдоль края и вглубь террасы. Ориентация могил также меняется. Ранее они выкапывались по оси СЗ – ЮВ, сейчас – в направлении, близком к широтному. Для погребений этого времени характерна «полиобрядность». Встречаются захоронения, совершенные по обряду как ингумации, так и кремации. Фиксируются остатки курганных насыпей.

6. *Раннехаринский хронологический горизонт* (V – начало VI в.). Могилы данного периода расположены в глубине террасы. Погребальный обряд этого периода во многом является развитием традиций предыдущего культурно-хронологического горизонта. Сохраняется биобрядность. Канавки от заброшенных и руинированных построек гляденовского времени используются как основа курганных насыпей (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018, с. 57).

Таким образом, Мокинское I поселение-могильник является сложным многослойным археологическим объектом, где так же фиксируется вторичное использование объектов более ранних археологических эпох. Целью данной работы является анализ комплексов ананьинского времени обнаруженных на площадке памятника. Комплексы ранних горизонтов: раннеананьинского и позднеананьинского наиболее сильно были



подвержены разрушению более поздними постройками, могилами, культовыми и грабительскими перекопами. Усложняет изучение ранних комплексов тот факт, что ананьинские постройки не углублены или слабо углублены. На памятнике же помимо указанных выше разрушений поздними объектами, которые зачастую имеют значительную глубину, верхний слой разрушен пахотой, которая уничтожила в том числе и курганные насыпи могильника. В результате, вещи ранних периодов происходят из пахоты или переотложенных слоев позднего поселения и могильника, и не имеют четкой стратиграфической привязки.

#### ***Раннеананьинский хронологический горизонт.***

Как отмечалось, уже в раскопе 1987 г. было зафиксировано несколько фрагментов от бомбовидных керамических сосудов с уплощенным или заостренным дном и интенсивно орнаментированной шейкой (Оборин, 1987, с. 39–40), хотя комплекс раннеананьинской керамики достаточно невелик и представлен всего несколькими сосудами (рис. 2). Сосуды имеют гладкий венчик без воротничкового расширения. Шейка орнаментирована многорядным шнуровым орнаментом. По середине шейки идет поясок глубоких ямок, имеющих на обратной стороне выпуклые выступы – «жемчужины». Каждую ямку пересекает резной орнамент. Керамика такого типа может быть датирована самым началом ананьинской культуры – IX–VII вв. до н.э. Интересен набор вещей, происходящих с Мокинского I поселения-могильника, синхронизирующийся с данным керамическим комплексом, опубликованный В.П. Денисовым и С.Н. Коренюком (Денисов, Коренюк, 2001). Это, помимо железного ножа, бронзовая каплевидная пронизь, и обломок У-образного псаля, характерных для сакского мира (рис. 2: 3–5). Так каплевидные обоймы встречены в кургане 41 могильника Уйгарак (Вишневецкая, 1973, с. 104–105, табл. XIV: 1), датирующемся по наконечникам стрел не позднее VII в. до н.э. (Медведская, 1992, с. 84–89). У-образные псалии найдены в могильнике Солнечный Белок на Алтае (Грязнов, 1992, табл. 61: 16), датирующемся концом VIII–VII вв. до н.э. (Марсаолов, 1985, с. 11), могильниках Алды-Бель I и Хемчик-Бом III в Туве (Мандельштам, 1992, табл. 72: 59–60), относящихся к VII в. до н.э. (Марсаолов, 1985, с. 12). Исходя из приведенных

аналогий, В.П. Денисов и С.Н. Коренюк датируют раннеананьинский комплекс вещей VII в. до н.э. (Денисов, Коренюк, 2001, с. 142). Учитывая керамический комплекс, датировать раннеананьинский хронологический горизонт Мокинского I поселения-могильника можно более широко, в пределах IX–VII вв. до н.э. Несмотря на отсутствие в раскопах сохранившихся объектов раннеананьинского времени, наличие указанных вещей может все же указывать на существование в раннеананьинский период на площадке памятника полноценного поселения, а не места эпизодического посещения, как предполагалось нами ранее (Мингалев, Перескоков, 2014, с. 255).

Материалов, достоверно относящихся к среднему этапу ананьинской культуры (VI–V вв. до н.э.) в настоящее время не известно, что при исследованной площади памятника может говорить о забрасывании площадки памятника в этот период.

#### ***Позднеананьинский хронологический горизонт.***

Материалы позднеананьинского горизонта представлены шире, несколькими категориями вещей.

Керамический комплекс насчитывает 35 сосудов. Большинство имеет воротничок. В ряде случаев, он уже сильно деградированный и слабо выраженный. Орнаментация посуды характерна для позднеананьинских памятников Мулянского бассейна. Наиболее распространенными элементами орнамента являются гребенчатый штамп, особенно двузубый и трехзубый, многорядный шнуровой орнамент, пояски ямок, вдавлений и наколов. Характерным набором орнаментации является чередование рядов шнура или прочерченных линий с пояском сгруппированных по три наколов или трехзубого штампа. Такой тип орнамента имеет четкую преемственность в раннегладеновское время и в большом количестве встречается на Гладеновском костыще. Интересен орнамент из шнуровых подковок или колец (рис. 3: 12–13). Аналогичный орнамент встречается на близлежащих синхронных памятниках, таких как селище Болгары IX (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2018, с. 6, рис. 1: 7, 12), могильник Протасы (Коренюк, 2012), городище Кала-Урын (Доткин, Перескоков, 2018, с. 10, рис. 1: 1–3). Орнамент в виде подковки из шнура имеет четкую преемственность как в гладеновской керамике, особенно на позднем этапе, так и в раннесредневековой

ломоватовской посуде. В целом же керамический комплекс характерен для позднеананьинских памятников Мулянской группы, и, помимо указанных аналогий имеет существенное сходство с керамикой городища Ермаша и Гляденовского костыща.

Интересен комплекс предметов, относящихся к позднеананьинскому горизонту памятника. К нему относятся глиняные фигурки и бронзовые наконечники стрел.

Глиняные фигурки являются хорошим датирующим маркером позднего этапа культуры (Чижевский, 2017, с. 210). В ходе исследований памятника найдено 6 глиняных фигурок. В основном это аморфные конические или цилиндрические обломки. Глиняные фигурки принято считать принадлежностью культовых комплексов, что подтверждается их находками в таких памятниках как Гляденовское костыще и Болгарское IX селище (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015). К категории вещей, связанных с культом, можно отнести миниатюрные сосудики, аналогичные найденным на указанных памятниках, а также глиняную пронизку в виде идущего медведя с опущенной головой – «медведь в жертвенной позе». Данная пронизь имеет более грубую аналогию на синхронном Тарасовском святилище на Средней Каме (Голдина и др., 2013, табл. 27: 1).

В коллекции присутствуют три бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрелы. Два из них трехлопастные типа С-50, по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983, с. 110) с треугольным пером с шипами, опущенными ниже среза втулки. Оба наконечника узкие, вытянутые, лопасти слабо намеченные. Такие наконечники характерны для позднеананьинских памятников Прикамья (Чижевский, 2017, с. 201–205). Близкие по форме наконечники происходят из Охлебнинского и Шиповского могильников (Кузьминых, 1983, табл. XLVII, 14–15). В VI–V вв. до н.э. фиксируется появление наконечников С-50 у ананьинцев. На V век приходится их пик бытования на Каме, причем употребляются исключительно экземпляры со сводчатым пером. В IV в. до н.э. наряду со сводчатыми появляются наконечники с треугольным пером. Наборы, состоящие только из таких наконечников, встречаются в сарматских погребениях могильника Старые Кишки (кург. 10, погр. 8; кург.15, погр.1, 3, 6, 8; кург. 18, погр. 16, 35); они датируются III – началом II вв. до н.э. (Садыкова, Васи-

льев, 2001, рис. 2: 5–8, 10–12). О.И. Куринских относит такие наконечники к отделу III (трехлопастные), типу 6 (со скрытой втулкой и треугольной головкой), варианту б (19) (с опущенными ниже основания головки концами лопасти и оформлением основания бойка в виде треугольника или арки) своей классификации (Куринских, 2011, с. 46). Максимальное распространение таких наконечников соответствует хронологической группе IV в пределах начала III – рубежа III–II вв. до н.э. (Куринских, 2011, с. 53). Аналогичные наконечники найдены на Болгарском IX селище (Васильева, Коренюк, Перескоков, 2015), на Гляденовском костыще (Лепихин, 2007, с. 86) и в заполнении перекопа погребения 2 могильника Кала-Урын<sup>1</sup>, на площадке которого в позднеананьинское время было селище, связанное с городищем Кала-Урын.

Таким образом, представленный комплекс находок можно датировать широкими рамками IV–III вв. до н.э. Так же, как и в случае с ранним хронологическим горизонтом, нет основания достоверно связывать с ним ни один из исследованных на памятнике объектов. Высказанная нами мысль что исследованное в раскопе 1987 г. сооружение является позднеананьинским жилищем (Мингалев, Перескоков, 2014, с. 255), при детальном анализе стратиграфии и керамического материала не подтвердилась, а при обнаружении жилищ гляденовского времени стало очевидным, что это сооружение входит в их комплекс и является производственной площадкой (Васильева, Мингалев, Перескоков, 2018)

#### **Выводы**

Площадка Мокинского I поселения-могильника была привлекательным местом для обитания в течение всего раннего железного века. Река Нижняя Мулянка имеет широкую долину, которая была удобным местом для ведения скотоводческого хозяйства – основного занятия населения Прикамья в раннем железном веке и раннем Средневековье. В IX–VII вв. до н.э. на площадке памятника появляется первое стационарное поселение. На среднем этапе ананьинской культуры, в VI–V вв. до н.э. поселение было заброшено, что может быть связано с увлажнением и ухудшением климата на границе суббореального и субатлантического периодов, что могло привести к непригодности части пойменных территорий в районе памятника и стало

<sup>1</sup> Раскопки автора 2014 г.

причиной их запустения. В поздеананьинский период условия постепенно стабилизируются, а потом и совсем улучшаются с началом римского климатического оптимума, который соответствует глядендовской эпохе. Площадка памятника снова заселяется и поселение существует (возможно с перерывами) в ранне-

гляденовское время, до его уничтожения в III в. н.э. и организации на его площадке погребального комплекса. Сооружение могильников на площадках поздеананьинских селищ так же является глядендовской традицией (примеры этому: Заосиново, Верхний Ирьяк, Кала-Урын, Мокино).

#### ЛИТЕРАТУРА

*Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Поволжская археология. 2015. №2 (12). С. 136–159.

*Васильева А.В., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Керамические комплексы памятников поздеананьинского времени в районе д. Болгары // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч.3. С.3–7.

*Васильева А.В., Мингалев В.В., Перескоков М.Л.* Комплекс построек глядендовского времени на Мокинском I поселении-могильнике в контексте развития прикамского домостроительства // Вестник Пермского университета. История. 2018. Вып.1 (40). С. 44–61.

*Вишневецкая О.А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М, 1973. 160 с.

*Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А.* Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск: УдМГУ, 2013. 184 с.

*Грязнов М.П.* Алтай и приалтайская степь Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М: Наука, 1992. С. 161–178, табл. 60–70.

*Денисов В.П., Коренюк С.Н.* Чекан с р. Сарабаихи // Археология и этнография Среднего Приуралья / Глав. ред. А.Ф. Мельничук. Березники: ПГУ, 2001. Вып.1. С. 173–142.

*Доткин К.В., Перескоков М.Л.* Керамика археологического комплекса Кала-Урын (по материалам исследований 2013 г.) // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Материалы I съезда историков Республики Коми (31 марта – 4 апреля 2015 г.) / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2018. Ч.3. С. 8–11.

*Коренюк С.Н.* Могильник «Протасы» // Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации. Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. VIII. Пермь: Пермский университет, 2012. С. 143–155.

*Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. Вып.1 (15). С.65-80

*Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

*Куринских О.И.* Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3. С. 42–54.

*Летихин А.Н.* Костица глядендовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. Березники: ООО ИД Типография купца Тарасова, 2007. 224 с.

*Мандельштам А.М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы / Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М: Наука, 1992. С. 178–196, табл. 71–79.

*Марсадалов Л.С.* Хронология курганов Алтая. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л, 1985. 16 с.

*Медведская И.Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. №3. С. 86–108.

*Мельничук А.Ф., Оборин В.А., Соболева Н.В.* Исследование Мокинского могильника близ Перми // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв.ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО АН СССР, 1989.

*Мингалев В.В., Перескоков М.Л.* Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. в Пермском Прикамье // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа



– Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.) / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Изд-во Горбуновой, 2014. С. 255–261.

*Соболева Н.В.* Раскопки Мокинского могильника // Археологические открытия Урала и Поволжья / Отв.ред. Наговицин Л.А. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991.

*Садыкова М.Х., Васильев В.Н.* Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. №3. 2001. С. 55–80.

*Чижевский А.А.* Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

*Шмидт А.В.* Отчёт о командировке в 1925г. / Сборник МАЭ. Т. VII. Л. 1928. 16 с.

### **Информация об авторе:**

**Перескоков Михаил Львович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры древней и новой истории России, Пермский государственный национальный исследовательский университет (г. Пермь, Россия); pereskokoff@yandex.ru

## **ANANYINO COMPLEX OF MOKINSKY SETTLEMENT AND BURIAL GROUND**

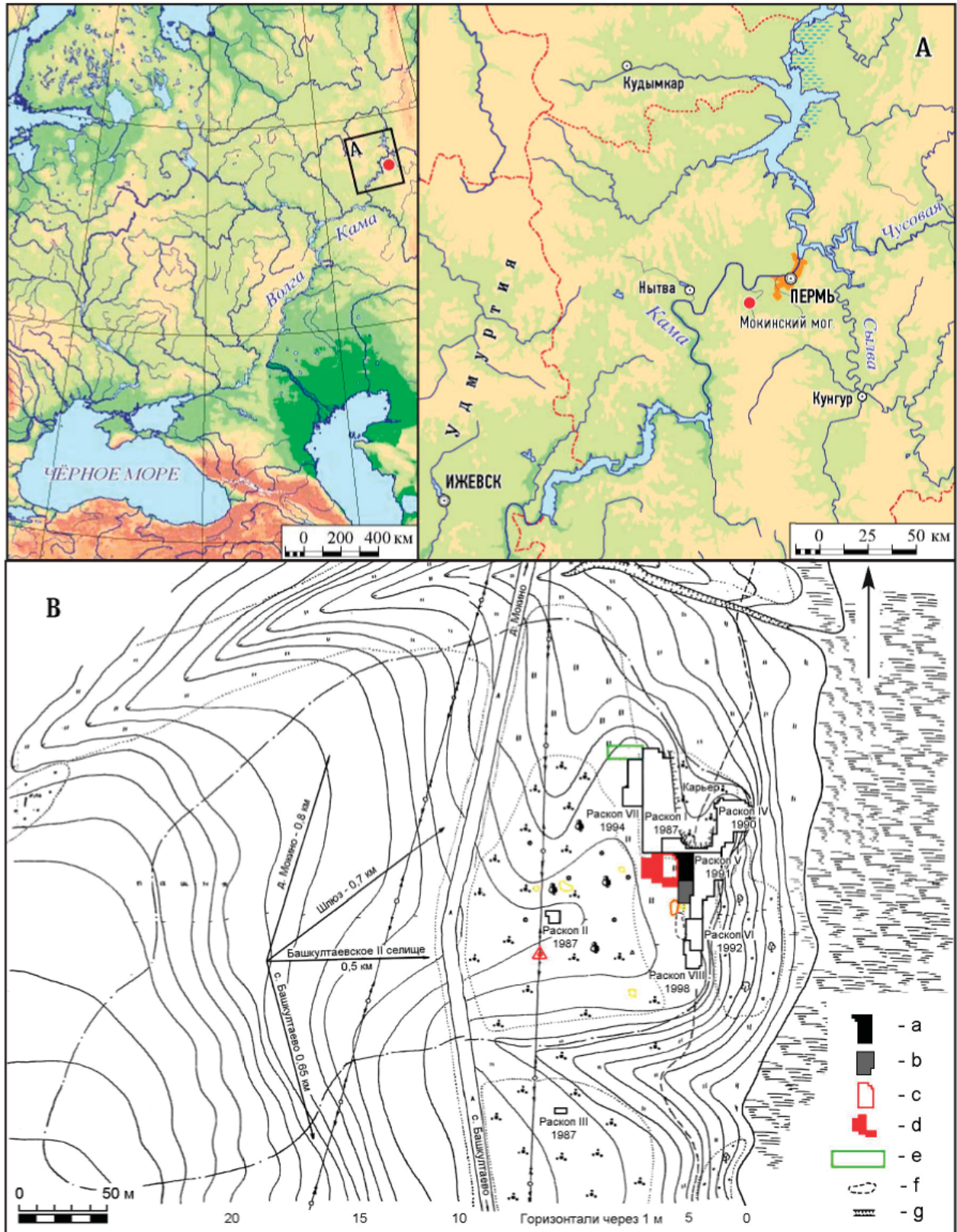
**M.L. Pereskokov**

The article features an analysis of materials dating back to the Ananyino period of Mokinsky settlement and burial ground. Archaeological structures accurately classified as monuments of Ananyino period have not been observed at the site, as the upper horizon has significantly deteriorated as a result of plowing and the activities of Glyadenovo settlement and burial ground. A discovered complex of findings includes metal articles and ceramics. Two chronological horizons of the operation of Anayino settlement have been traced at the site. The Early Ananyino horizon can be dated the 8<sup>th</sup>-7<sup>th</sup> centuries B.C., and the Late Ananyino horizon - the 5<sup>th</sup>-4<sup>th</sup> centuries B.C.

**Keywords:** Early Iron Age, Ananyino culture, Perm Kama region, chronological horizon, settlement.

### **About the Author:**

**Pereskokov Mikhail L.** Candidate of Historical Sciences. Perm State University, Bukireva str., 15, Perm, 614990, Russian Federation; pereskokoff@yandex.ru



**Рис. 1.** Можино I поселение-могильник. А – географическое положение, В – топографический план памятника (съемка Н.В. Соболевой, 1990 г. Уточнено и дополнено М.Л. Перескоковым). Условные обозначения: а – раскоп 2013 г.; б – раскоп 2014 г.; с – раскоп 2015 г.; д – раскоп 2016 г.; е – раскоп 2017 г.; ф – участок разрушенный грабительскими раскопками; г – мелиоративная канава.



**Рис. 2.** Мокино I поселение-могильник. Раннеананьинский комплекс. 1-2. Керамика. 3. У-образный псалий; 4. Железный нож; 5. Бронзовая каплевидная пронизь; Позднеананьинский комплекс: 6-8. Бронзовые наконечники стрел; 9-12, 15-16. Глиняные фигурки; 13-14. Фрагменты миниатюрных сосудов; 17. Глиняная пронизка-медведь.



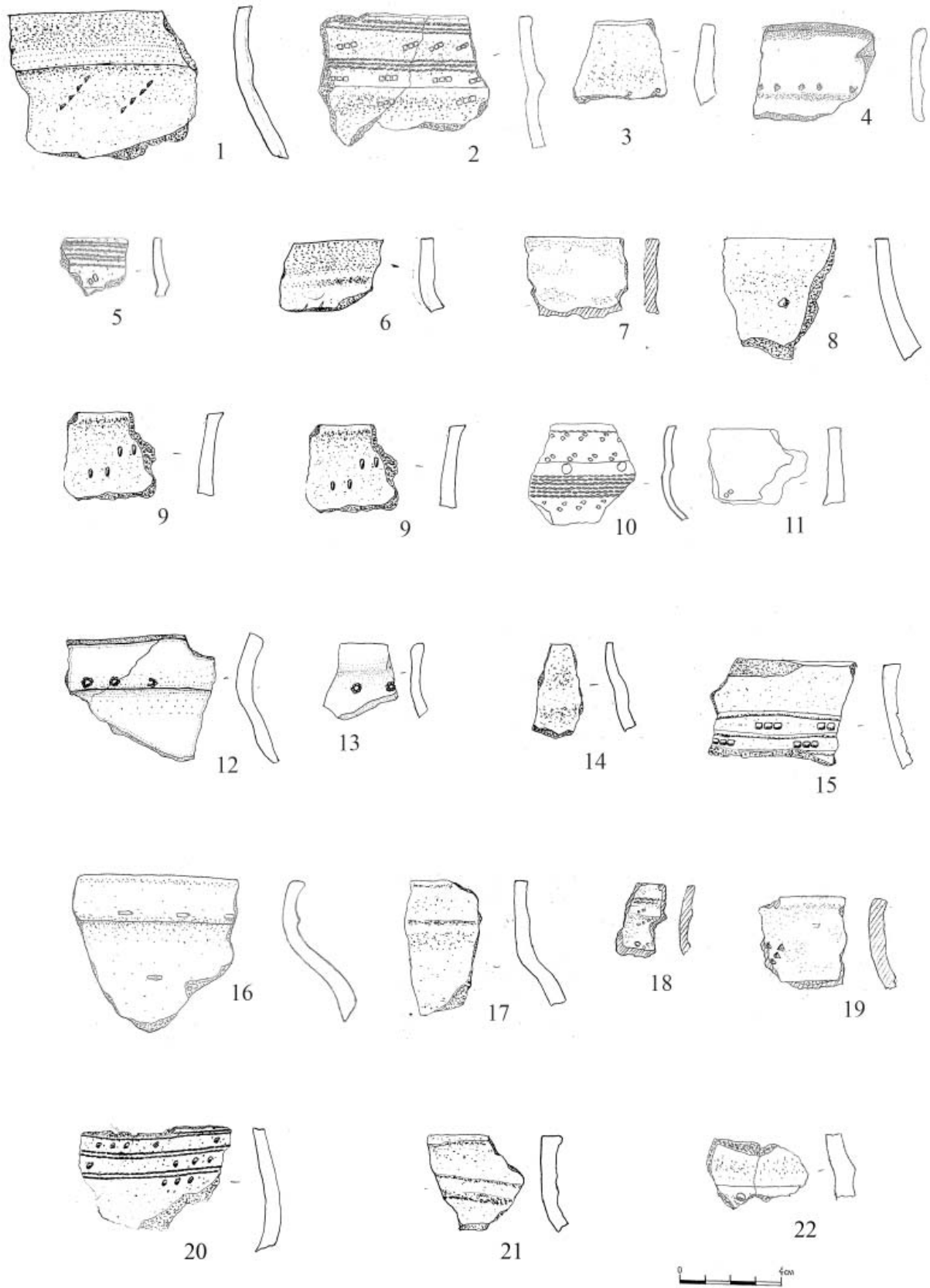


Рис. 3. Можино I поселение-могильник. Позднеананьинский комплекс. Керамика.

## ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/904

### ЛЕСОСТЕПНАЯ ЧАСТЬ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2019 г. С.Л. Воробьева

В статье рассмотрена история изучения кара-абызской культуры эпохи раннего железа лесостепной части Южного Приуралья. В I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. археологи на данной территории выделяют ананьинскую эпоху или «ананьинскую историко-культурную общность», культуру курмантау, кара-абызскую культуру, пьяноборскую культуру, гафурийский и убаларский типы. Вопросы формирования и развития кара-абызской культуры рассмотрены в работах В.В. Гольмстен, А.В. Збруевой, Т.Н. Троицкой, А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, В.В. Овсянникова, Н.С. Савельева и др. С момента выделения кара-абызской культуры в 60-е гг. XX в. не решены ключевые вопросы в данной проблематике: выделение кара-абызской культуры в отдельную (А.В. Шмидт, К.Ф. Лагодовская, А.Х. Пшеничнюк, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева), или как часть ананьинской (А.В. Збруева) или пьяноборской общности (Н.А. Мажитов, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина); выделение хронологических периодов, вопрос о происхождении гафурийского комплекса в составе кара-абызской культуры. Основные причины разнообразия концепций по данному вопросу: большая часть археологического материала не опубликована, антропологический материал мало изучен.

**Ключевые слова:** кара-абызская культура, культура курмантау, пьяноборская культура, гафурийский тип, убаларский тип, ананьинская культура, имендешевский тип, история изучения, Приуралье, эпоха раннего железа.

С географической точки зрения к лесостепной части «Южного Приуралья» (или как в некоторых работах можно встретить Предуралье) относится территорию ограниченную с востока Уральскими горами, с запада граница проходит по левобережью р. Белая. С историко-географической точки зрения в эту территорию включают более широкое понятие – от о.Челкар на юге, до устья р. Белая на севере. Это территория современной Республики Башкортостан, Оренбургской области, Казахстана и захватывается часть Татарстана, Пермской области и Удмуртии. К лесостепи относится клин, вытянутый вдоль западного склона края горно-лесной зоны и относящийся на всем протяжении к бассейну р. Белая.

В последнее время исследователи все чаще обращаются к вопросам истории изучения эпохи раннего железа данной территории. Это обусловлено, прежде всего, тем, что процесс накопления массового археологического материала естественным образом сменился процессом анализа и осмысления. При множестве теорий и гипотез на этнокультурные процессы, происходящие в регионе, появляется необходимость задуматься

над вопросом «а что же на данный момент мы имеем» и что можно сделать для решения вопросов происхождения и развития тех или иных культур.

В лесостепной части Южного Приуралья исследователи I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. исследователи выделяют ананьинскую эпоху или «ананьинскую историко-культурную общность», культуру курмантау, кара-абызскую культуру, пьяноборскую культуру, гафурийский тип, убаларский тип. Кара-абызская и пьяноборская культуры рядом исследователей отнесены к памятникам ананьинской историко-культурной общности.

Наиболее остро в последнее время стоит вопрос сложения и развития кара-абызской культуры, выделенной в 60-е гг. XX в. (Лагодовская, 1943, с. 80–83; Пшеничнюк, 1964, 1968). Кара-абызская культура возникла, с одной стороны, на основе местного, лесного населения, с другой – на основе пришлого, кочевнического, компонента (т. н. «гафурийский тип» или «гафурийский культурный комплекс» (Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2007, с. 134; 2011а, с. 56).

Материальная культура населения, оставившего памятники кара-абызской культуры, гафурийского и убларского типов, рассматривалась в работах В.В. Гольмстен, А.В. Збруевой, Т.Н. Троицкой, А.Х. Пшеничнюка, В.Ф. Генинга, В.А. Иванова, В.В. Овсянникова, Н.С. Савельева и др. Историографический обзор проблемы формирования кара-абызской культуры частично был рассмотрен в первой главе кандидатской диссертации В.А. Иванова (Иванов В.А., 1978, с. 8–49) и в последующем опубликован в 2010 г. (Иванов, 2010б), освящен в работах Е.В. Волковой (Волкова, 2011), А.С. Проценко (Проценко, 2015а, 2015б), В.В. Овсянникова (Овсянников, 2017).

Начало изучения памятников кара-абызской культуры связано с XIX – началом XX вв. Сведения о них встречаются в путевых записках Н.П. Рычкова. Он описал городища Кара-Абыз близ г. Благовещенска, Уфимское (Чертово), Бирское (Овсянников, 2009б, с. 223). Первые раскопки на городищах были предприняты Ф.Д. Нефедовым в 1894 г., который заложил несколько шурфов и траншей на площадках памятников (Пшеничнюк, 1973, с. 163).

В начале XX в. В.В. Гольмстен совместно с Д.Н. фон Эдингом предпринимает первые раскопки могильника вблизи Чертова городища, названного Уфимским (Гольмстен, 1912, Гольмстен, 1913). Мало кому известно, но В.В. Гольмстен приехала в Уфу для изучения могильника после того, как он был открыт местным краеведом, историком края, П.Ф. Ищериковым, одним из активных деятелей действовавшего в дореволюционное время семейно-педагогического общества. Осенью 1909 г. он на секции изучения местного края сделал сообщение о собранных при рытье траншеи на даче Верецковского (дача располагалась на территории Уфимского могильника) черепа от не взятого костяка, медных и костяных наконечников стрел и ржавого наконечника копья, которые потом хранились на диванной полке в кабинете Верецковского. Об этих находках было помещено сообщение в «Уфимский вестник». В 1910 г. эту информацию сообщили приехавшей в Уфу В.В. Гольмстен. Состоялось знакомство П.Ф. Ищерикова с ней. Она на средства семейно-педагогического общества на территории дачи Верецковского, в ее районе и на прилегающей территории Чертова городища (вклю-

чая его вал и ров), провела раскопки летом 1910–1912 гг. П.Ф. Ищериков был участником раскопок и первым хранителем коллекции<sup>1</sup>.

За два года работ на могильнике обнаружено 28 погребений, содержащих как женские, так и мужские наборы инвентаря. Исследователь опубликовала результаты раскопок одного года (Гольмстен, 1913), остальные же материалы были опубликованы только в 2003 г. (Овсянников, 2003). В.В. Гольмстен попыталась интерпретировать полученные материалы. Она отмечает общее сходство Уфимского могильника как с могильниками Приуралья – Ананьинским, Котловским и др., так и с такими могильниками, как Кошибе-евский, Лядинский, Томниковский, а также с Пьяноборским. Но, несмотря на сходство, «Уфимский могильник должен принадлежать культуре, если не совершенно новой, то, по меньшей мере, малоизвестной» (Гольмстен, 1913, с. 13). Автор обратила внимание и на бляхи с изображением животных, аналогии которым найдены в восточных губерниях России (Гольмстен, 1913 с. 9). Исследователь попыталась определить датировку могильника относительно Ананьинского, который, по ее мнению, функционировал в IV–III вв. до н. э. В целом, Уфимский могильник датируется В.В. Гольмстен I–III в. н. э. (Гольмстен, 1913).

Научными изысканиями В.В. Гольмстен заканчивается этап простого собирания кара-абызских и гафурийских древностей, когда была выдвинута гипотеза о существовании на правом берегу р. Белой новой культуры, отличной от ананьинско-пьяноборской.

Первые археологические раскопки в послереволюционный период в лесостепной зоне Южного Урала, были организованы Стерлитамакским народным музеем (СНМ) (сейчас – Стерлитамакский историко-краеведческий музей), под руководством заведующего историко-археологическим отделом музея М.С. Смирнова в 1920 г. Уже в 1920–1921 гг. в экспедиционных выездах М.С. Смирнова участие принимал сотрудник Уфимского музея (сейчас – Национальный музей Республики Башкортостан) М.И. Касьянов, с именем которого связана вся археологическая работа довоенного времени, так в 1921 г. он обследовал селище Воронки кара-абызской культуры в окрестностях Уфы. После

<sup>1</sup> Данные получены в результате изучения документального фонда Национального музея РБ (НМ РБ, НВ 23319/108, л. 4; Ищериков, 1929а, 1929 б).



отъезда М.С. Смирнова из Башкортостана, вся археологическая работа концентрируется в г. Уфе. С именем М.И. Касьянова связаны первые исследования в Гафурийском районе кара-абызской культуры. Он был уроженцем дер. Михайловка (существовала до 70-х гг. XX в. у подножья горы Курман-Тау), поэтому в округе своей родной деревни открыл три поселенческих объекта на горе Курман-тау: «Курмантау Нижнее» (Курмантау-2 или стоянка им. М.И. Касьянова), «Курмантау Среднее» (Курмантау-6 или Касьяновское городище) и «Курмантау Верхнее» (Курмантау-5 или Курмантаевское селище) (АКБ, 1976, №1249–1255, с. 146–147; АПБ, 1996, 204–206, с. 163–164), на горе Белая (Воскресенка) обнаружил Воскресенское городище (Табынск-2) (АКБ, 1976. №1258, с. 147; АПБ, 1996. №. 207, с. 164–164). Б.А. Коишевский отмечал: «за долгие годы полевых работ М.И. Касьянов собрал большое количество вещественного материала, весьма значительно пополнившего археологические коллекции музея... (он составил несколько списков археологических памятников, главным образом на основе своих работ)» (Коишевский, 1948, с. 163–164).

Важным событием довоенной истории региона стало проведение полевых работ Уральской археологической экспедицией совместно с Башкирской экспедицией АН СССР в северной и центральной Башкирии. Отряд возглавлял профессиональный археолог А.В. Шмидт (Ленинград), а М.И. Касьянов принимал активное участие в его работе. Были открыты новые памятники эпохи раннего железа на горе Курмантау и селище Воронки в г. Уфе. Изучение этих объектов позволило А.В. Шмидту отнести их к «уфимской культуре»: он отметил культурные и этнические связи ее носителей с кочевниками степного юга. А.В. Шмидт предположил, что в эпоху бронзы и начала железа существовала одна большая камская культурная область, куда входит Кама, Вятка, Белая, и Волга. Характерными культурными признаками этой области являются металлический инвентарь ананьинских типов и круглодонная посуда, в области выделяются отдельные культурные провинции, отличающиеся значительным своеобразием, в частности – в отношении керамики (Шмидт, 1929, с. 15). К.Ф. Лагодовская же предложила называть «уфимскую культуру» «кара-абызской» по названию

наиболее полно изученного памятника (Лагодовская, 1943, с. 80–83).

В 1945 г. Б.А. Коишевский, сотрудник Башкирского краеведческого музея составил картотеку археологических памятников и учел все известные объекты и случайные находки, а также написал статью об итогах изучения территории Башкирии, где он касается и кара-абызской культуры, ссылаясь на диссертацию Е.Ф. Лагодовской (Коишевский, 1948).

Таким образом, послевоенный этап исследований памятников и предметного комплекса кара-абызской культуры связан с дискуссиями по поводу ее этнической интерпретации и выделения в самостоятельную культуру. Как правило, археологи находили аналогии предметному комплексу в степных (савроматских и сарматских) памятниках.

В 1952 г. появляется монографическое исследование по ананьинской культуре А.В. Збруевой, которая не поддержала точку зрения о выделении памятников правобережья р. Белой в особую культуру. Уфимский могильник, единственный на тот момент изученный погребальный комплекс кара-абызского населения, был отнесен исследователем к позднему этапу ананьинской культуры (Збруева, 1952). При этом в работе постоянно подчеркивается отличие инвентаря упомянутого могильника от других погребений ананьинской культуры. В работе А.В. Збруевой впервые анализируется костюм носителей ананьинской культуры, в том числе и населения, оставившего Уфимский могильник. Автор выделяет мужские и женские комплексы, подчеркивая единичность поясного набора и уникальность изделий в зверином стиле. Она отмечает сходство звериного стиля ананьинской культуры со скифо-сибирским звериным стилем (Збруева, 1952 с. 175). Несомненной заслугой А.В. Збруевой является датирование Уфимского могильника IV–III вв. до н. э., что до сих пор не потеряло актуальности.

Совершенно другой точки зрения на проблему культурной принадлежности памятников правобережья р. Белой придерживался А.П. Смирнов. Первоначально исследователь говорит об отличии керамики городищ правобережья р. Белой и инвентаря Уфимского могильника от инвентаря и керамики в погребениях ананьинской культуры (Иванов В.А., 1978, с. 19). Позже А.П. Смирнов хоть и говорит о существовании кара-абызской, или уфимской, культуры, но представляет ее

локальным вариантом ананьинской культуры (Смирнов А.П., 1957, с. 29).

Точку зрения А.П. Смирнова поддержал и Р.Б. Ахмеров, которым в 1952–1956 гг. были раскопаны часть погребений Ново-Уфимского могильника<sup>2</sup> и Уфимское городище (Ахмеров, 1959). Материалы опубликованы исследователем в обобщающей статье, где он дает краткую характеристику предметам материальной культуры кара-абызского населения (Ахмеров, 1959)<sup>3</sup>. Р.Б. Ахмеров отмечает генетическую связь памятников правобережья р. Белой и ананьинских памятников Прикамья, но считает, что первые можно выделить в самостоятельную, бельско-уфимскую, культуру. Население эпохи раннего железа, проживающее на территории Башкирии, по мнению автора, было смешанным и в его сложении участвовали как местные, угро-финские и сармато-аланские, племена, так и, пришлые племена тюрского происхождения (Ахмеров, 1959, с. 167). Р.Б. Ахмеров впервые попытался определить этническую принадлежность населения, оставившего памятники кара-абызской культуры.

В 1953–1955 гг. была организована башкирская археологическая экспедиция АН СССР под руководством Т.Н. Троицкой и Г.В. Юсупова, в ходе которой найдены и изучены новые поселенческие памятники, расположенные на территории Гафурийского района на горе Курмантау (Курмантаевское и Михайловское городища), раскопаны Воскресенское и Табынское городища. На всех известных объектах в это время были организованы археологические раскопки (Юсупов, 1953; 1954; 1955). Работы Г.В. Юсупова и Т.Н. Троицкой на поселениях в Гафурийском районе позволили исследователям отнести их к уфимской культуре (Юсупов, 1959, с. 84) или «культуре Курман-Тау» (Троицкая, 1959, с. 96), датированной IV–III вв. до н. э. Г.В. Юсупов высказался впервые об угорском характере гафурийских племен (Юсупов, 1957, с. 83–89).

В 1955 г. А.П. Шокуровым был открыт Биктимировский могильник (Шокуров, 1955, с. 1–2), а в 1962 г. первые раскопки на памятнике провел К.В. Сальников (Сальников, 1962). Исследователь попытался найти анало-

<sup>2</sup> Могильник, расположенный в юго-западной части города, исследовался в 1950–170-е годы во время застройки г. Уфы.

<sup>3</sup> Работа является единственным источником по раскопкам данного памятника.

гии полученным материалам в сарматских древностях, которые позволили ему датировать могильник IV–II вв. до н. э. (Сальников, 1962, с. 42).

Возможно, еще один могильник кара-абызской культуры был найден А.П. Шокуровым рядом с Воскресенским городищем. По описанию А.П. Шокурова на трех погребениях древнего могильника еще сохранилась каменная кладка, в виде овальных колец. Кольца выложены из ромбических камней, остриями вверх, что придает кладке красивый зубчатый бортик. «Наряду с тремя описанными погребениями угадываются еще около десятка погребений. Близость могильника от городища заставляет предполагать, что здесь жители городища Воскресенская гора погребали своих сородичей» (Шокуров, 1955а, с. 16). Этот могильник в последующем не был обнаружен археологами.

В 1957 г. археологической экспедицией ИИЛЯ БФАН СССР под руководством М.Х. Садыковой было изучено селище Убалар, расположенное в Гафурийском районе. По материалам этого памятника, исследователь относит его к уфимской культуре VI–IV вв. до н.э., отмечая сходство селища с селищем Курман-Тау. Некоторое сходство с элементами сарматской культуры, проявляющееся в орнаментации сосудов, по ее мнению, «свидетельствует о взаимодействии племен уфимской культуры с раннесарматскими племенами, которое могло иметь место в начале IV в. до н.э., когда на территории Башкирии, в частности, в Кармаскалинском районе, появились раннесарматские племена и территориальная близость могла способствовать проникновению сарматского влияния в среду племен уфимской культуры» (Садыкова, 1962, с. 129).

Следующий этап в изучении кара-абызской культуры связан с научной деятельностью А.Х. Пшеничнюка, который не только исследовал основные погребальные памятники кара-абызской культуры и опубликовал материалы по ним, но и обосновал ее выделение в особую культуру, определил ее хронологические и территориальные рамки.

А.Х. Пшеничнюк начал заниматься изучением кара-абызской культуры, работая с К.В. Сальниковым на раскопках Биктимировского могильника в 1962 г. (Сальников, 1962). На следующий же год изучение памятника проходило уже под его руководством (Пшеничнюк, 1963). Материалы Биктимиров-

ского могильника позволили исследователю датировать его III–II вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1964, с. 226). А.Х. Пшеничнюк в публикации могильника подробно описал женские и мужские украшения, а также привел примеры аналогичных украшений, найденных на Ново-Уфимском могильнике и на поселениях типа Кара-Абыз, сравнил материалы Биктимировского могильника с материалами пьяноборских памятников Прикамья, выявив весьма существенные различия между ними. Это дало автору основания для выделения кара-абызских памятников в самостоятельную культуру (Пшеничнюк, 1964). Впервые он попытался выделить три этапа в развитии кара-абызской культуры: V–IV вв. до н. э., IV–II вв. до н. э., II в. до н. э. – I в. н. э. (Пшеничнюк, 1964, с. 158; Пшеничнюк, 1967а, с. 158). При этом к первому периоду, по мнению А.Х. Пшеничнюка, относится могильник по ул. Тракторной, который хронологически соответствует ананьинскому периоду, часть погребений Ново-Уфимского могильника с бронзовыми кельтами. По мнению исследователя это вариант большой единой ананьинской культуры. К ананьинской керамике он относил круглодонные низкие сосуды с примесью раковины, орнаментированные горизонтальными оттисками шнура и одним рядом ямок по шейке (Пшеничнюк, 1967а, с. 164). По поселениям этот этап исследователь начинает датировать VIII–IV вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1967а, с. 170).

Второй и третий этапы А.Х. Пшеничнюк выделяет в самостоятельную кара-абызскую культуру, считая ее отличной от пьяноборской. Ко второму этапу отнесено подавляющее большинство известных на тот момент погребений Уфимского и I, II, III Биктимировских могильников, к третьему этапу – часть погребений из могильников второго этапа. С этими этапами связана кара-абызская керамика (круглодонные сосуды в виде чаш с широким низким горлом, с примесью раковины, крупнозернистого песка или мелких дробленных камешков в тесте) и сарматоидная (в последствии- гафурийская – круглодонные и плоскодонные сосуды с утолщенным венчиком, с примесью талька, раковины или дресвы в тесте, горковидной и чашевидной формы, орнаментированы горизонтальными желобками, резными зигзагами, насечками, гириандами). А.Х. Пшеничнюк писал, что наличие сарматоидной и ананьинской кера-

мики на кара-абызских населенных пунктах – результат влияния и связей с соседними племенами – нижнекамского варианта ананьинской и сарматской культур, что чем южнее памятник, тем больше сарматской керамики, к северу количество ананьинской керамики увеличивается, а сарматской сокращается (Пшеничнюк, 1964, с. 100).

Кара-абызскую культуру А.Х. Пшеничнюк включал в единую Прикамскую культуру эпохи раннего железа, куда, возможно, кроме пьяноборской и кара-абызской, следует включить и гляденовскую культуру. Эта общность начала формироваться, видимо, еще в эпоху поздней бронзы, что хорошо прослеживается на материалах культуры курмантау, приказанской и ерзовской, имеющих ряд общих моментов (Пшеничнюк, 1967а, с. 170). Позже, по мере накопления источниковой базы, исследователь поменяет свою точку зрения на периодизацию кара-абызской культуры.

Анализ Уфимского, Охлебининского и Биктимировского могильников на первоначальном этапе исследований позволили А.Х. Пшеничнюку говорить о смешении «сарматоидного» населения с местными потомками ананьинцев, в результате которого сложилась кара-абызская культура (Пшеничнюк, 1967б, с. 52).

После доклада А.Х. Пшеничнюка на IV Уральском археологическом совещании в 1967 г. о периодизации кара-абызских памятников, свое мнение в пользу прочитанного доклада высказали М.Г. Мошкова, В.А. Оборин. М.Г. Мошкова подчеркнула, что периодизация кара-абызской культуры совпадает с периодизацией сарматской культуры (Оборин, 1967, с. 220). В.Ф. Генинг считал, что сарматское влияние на кара-абызские племена было незначительным, сарматоидная керамика на этих памятниках составляет лишь 8% (Оборин, 1967 с. 222). В.А. Оборин до этого отнес памятники Еловского района Пермской края (Калиновское городище и селище, Еловское селище) к кара-абызским поселениям, которое связано с межплеменным обменом и передвижением отдельных групп населения из Южного Приуралья через территорию Башкирии в Верхнее Прикамье (Оборин, 1964, с. 129–131). А.Д. Вечтомов на этом же совещании развил тезис В.А. Оборина о перемещении части кара-абызских племен в Среднее Прикамье в V–IV вв. до н.э. под натиском



савроматов, с чем связывал вытеснение местной ранней ананьинской керамики кара-абызской (Вечтомов, 1967, с. 148).

Результатом исследований А.Х. Пшеничнюка стала диссертационная работа, где автор делает вывод о существовании особого, бельского, варианта ананьинской культуры, на основе которого сформировалась самостоятельная кара-абызская культура (Пшеничнюк, 1968а, с. 17). Свои выводы он опубликовал в отдельной работе (Пшеничнюк, 1973).

В 1971 г. А.Х. Пшеничнюк высказывает свое мнение о происхождении носителей гафурийской и генетически связанных с ними носителей убаларской керамики, проживавших по правому берегу р. Белой от Уфы до г. Стерлитамака. Он считает, что гафурийские племена обитали ранее в Зауралье, поддерживая точку зрения К.Ф. Смирнова и М.Г. Мошковой, а также были угрозными и приняли участие в сложении кара-абызской культуры. Гафурийцы вели оседлый образ жизни и занимались главным образом пастушеским скотоводством и земледелием (Пшеничнюк, 1971, с. 91). Кара-абызские племена легли в основу раннебахмутинского (мазунинского) населения, а убаларские племена стали одним из основных компонентов при сложении культуры типа Имендяшевского городища (Пшеничнюк, 1971, с. 92).

Г.И. Матвеева, так же в свою очередь, придерживалась точки зрения, что раннебахмутинское или мазунинское население сложилось в результате интеграции родственных культур: пьяноборской и кара-абызской, при ведущей роли последней. Она отмечает, что керамика имендяшевского типа имеет сходство с убаларской, что свидетельствует о генетических связях носителей этих типов посуды. Г.И. Матвеева делает предположение, что памятники имендяшевского типа принадлежат к мазунинской (раннебахмутинской) культуре (Матвеева, 1971, с. 129).

И.Г. Ширококов и Е.М. Черных в качестве аргумента в пользу гипотезы о происхождении части мазунинцев (бахмутинцев) от кара-абызцев рассматривают лишь большее сближение данных групп между собой, чем любой из них и чегандинцев (пьяноборцев) (Ширококов, Черных, 2016, с. 31). Наибольшую близость показали мужские серии, в то время, как женские серии кара-абызцев показывают обособленность от мазунинских (бахмутинских) и наибольшую близость с

чегандинскими (пьяноборскими). Мужские серии Охлебининского (I в. до н.э. – II в. н.э.) и Шиповского (IV–III вв. до н.э.) могильников также близки к серии из позднесарматского Покровского могильника (IV–V вв. н.э.) (Ширококов, Черных, 2016, рис. 1, с. 30). Несмотря на эти данные, И.Г. Ширококов отмечает, что «при строгом подходе антропологические данные не могут использоваться в качестве хороших аргументов в пользу заключения о прямой генетической преемственности населения Прикамья в первой половине I – конце II тысячелетия н.э.» (Ширококов, 2016, с. 273).

В.А. Могильников отмечает контакты кара-абызского населения с Зауральским населением конца I тыс. до н.э., которое проявилось в зверином стиле украшений костюма носителей кара-абызской культуры (Могильников, 1971, с. 151).

Проблему происхождения кара-абызского населения попыталась решить антрополог М.С. Акимова, проанализировав черепа из 14 захоронений Биктимировского могильника. По большинству признаков этот материал не выходит за пределы вариаций признаков у европеоидных групп, но слабое выступание носа, особенно на женских черепках, позволяет думать о наличии монголоидной примеси. Однако она отметила, что ни на одном черепе нет комплекса монголоидных черт, отдельные признаки монголоидного характера разбросаны по всей серии (Акимова, 1968, с. 26). Исследователь сравнила выборки с черепками из Луговского могильника ананьинской культуры и с материалами Зауральских памятников (Прыговский, Шадринский, Шмаковский и Воробьевский могильники). Этот анализ дал основание говорить о том, что изучаемое население было местным по антропологическому типу (Акимова, 1968, с. 29). Сравнение кара-абызских черепков с пьяноборскими из Чегандинского, I и II Нырғындынского и Камышлы-Тамакского могильников показало связь между ними и существование двух вариантов, долихокранного и мезокранного, единого типа. По мнению М.С. Акимовой, в конце первого тысячелетия до н.э. происходит формирование единого антропологического типа с различными вариантами. На черепках кара-абызской и пьяноборской культур отмечается преобладание европеоидных черт. Монголоидные особенности проявляются только в умеренном или слабо выступа-

ющем носе. Этот тип, как предполагает М.С. Акимова, имел широкое распространение и послужил основой для формирования последующего населения этой области (Акимова, 1968, с. 35–36).

В.Ф. Генинг впервые поднимает вопрос о кара-абызской культуре в 1961 г., считая, что «пока рано говорить о какой-то «уфимской культуре» (Генинг, 1961, с. 28), а керамику с кара-абызских памятников он называет пьяноборской (Генинг, 1961, с. 27). Затем исследователь придерживался мнения, что в IV в. до н.э. среди немногочисленного ананьинского населения правобережья среднего течения р. Белой в Гафурийском районе поселилась группа пришлых племен (гафурийский археолого-этнический тип), а слияние гафурийского и ананьинского населения приводит к формированию культуры убаларского типа, относящихся к угорской группе (Генинг, 1971, с. 44–45). Причем убаларскими могильниками он считал Охлебининский и Шиповский. Северо-западные районы Башкирии по его мнению входили в состав чегандинской культуры, а правобережье р.Белая занимали племена кара-абызской культуры (Генинг, 1971, с. 46). Таким образом, на начальном этапе своих исследований В.Ф. Генинг не отрицал возможность выделения кара-абызской культуры.

На кандидатской диссертации не закончилось изучение А.Х. Пшеничнюком памятников правобережья р. Белой. В 1960-е гг. он исследовал памятник Гафурийского района (селище Курман-Тау, Касьяновское, Михайловское, Табынское городища (Пшеничнюк, 1983а). В 60–80-г гг. он провел раскопки на одном из самых больших по площади погребальных памятников кара-абызской культуры – Охлебининском могильнике. Подробному описанию инвентаря Охлебининского могильника из раскопок 1965 г. с первой типологией вещевого комплекса посвящена еще одна работа исследователя. Все погребения он делит уже на ранние (IV–III вв. до н. э.) и поздние (конец II в. до н. э. – II в. н. э.) (Пшеничнюк, 1968). С этого времени исследователь начинает датировать кара-абызскую культуру с IV в. до н. э.

Позже, в обобщающей работе А.Х. Пшеничнюк, анализируя материалы 7 могильников и 24 поселений кара-абызской культуры, выделяет следующие этапы ее развития: 1 – IV–III вв. до н. э., 2 – III–II вв. до н. э.,

3 – II в. до н. э. – II в. н. э. Им была предложена и типология элементов убранства костюма, основанная на принципах морфологического различия предметов (Пшеничнюк, 1973). В работе автор сравнивает женские костюмы носителей кара-абызской культуры и населения пьяноборской общности, выделяя как общие элементы убранства (например, дисковидные бляхи), так и украшения, присутствующие только в погребениях одной из культур. При составлении типологии, А.Х. Пшеничнюк постоянно пытается привести аналогии предметам, которые имеются в кочевнических памятниках. В керамическом материале автор выделяет собственно кара-абызскую керамику, шнуровую, гафурийскую и убаларскую, отмечая, что кара-абызская керамика, орнаментированная пояском ямок по шейке сочеталась на ранних этапах (IV–II вв. до н.э.) с гафурийским, а затем (II в. до н.э. – II в. н.э.) с убаларским типом (Пшеничнюк, 1973, с. 210). В этой же работе А.Х. Пшеничнюк пишет о том, что носители кара-абызской культуры вели комплексное хозяйство, включающее скотоводство и земледелие. Так же он описывает металлургию и домашние промыслы. Формирование кара-абызской культуры исследователь связывает с Бельским вариантом ананьинской культуры, считая в след за К.В. Сальниковым (Сальников, 1967, с. 386), что в ее сложении принимали участие племена культуры курмантау (Пшеничнюк, 1973, с. 225). В процессе формирования кара-абызской культуры приняли участие и пришлые в IV в. до н.э. в Приуралье гафурийские племена из района Зауралья или Северного Кавказа, часть из которых вошла в состав прохоровской культуры, а другая осела по правобережью р. Белая, где в этот период обитали ананьинские племена (Пшеничнюк, 1973, с. 232). Именно в этой работе А.Х. Пшеничнюк указывает, что расхождения по вопросу выделения кара-абызской культуры в самостоятельную культуру в значительной мере обусловлены дискуссионным характером понятия археологическая культура. Но в общем он соглашается, что кара-абызские памятники можно вместе с пьяноборскими и гляденовскими объединить в единую культурную общность (Пшеничнюк, 1973, с. 238).

В вопросе последующего развития кара-абызской культуры, А.Х. Пшеничнюк поддерживает точку зрения, что племена пьяноборской и кара-абызской культур составили

основу раннебахмутинской (мазунинской) культуры, а убаларские племена приняли участие в формировании культуры типа имендяш (Пшеничнюк, 1973, с. 242–243).

Эта работа А.Х. Пшеничнюка является единственным на данный момент обобщающим цельным исследованием по кара-абызской культуре.

Г.И. Матвеева, изучив материалы убаларских поселений пришла к выводу, что они соответствуют поздними погребениям кара-абызских могильников, а комплексы, где встречается убаларская керамика, ничем не отличаются от более ранних кара-абызских погребений. Но убаларский вариант кара-абызской культуры сложился не ранее конца II в. до н.э. на южных памятниках и прекратил свое существование со всей кара-абызской культурой в конце II в. н.э. Истоки убаларской керамики она видела в результате взаимодействия культуры кара-абызских и гафурийских племен в южной части кара-абызской территории. С III в. н.э. появляются племена имендяшевского типа, которые сложились в основном на базе «убаларского варианта кара-абызской культуры» (Матвеева, 1973, с. 249, 252).

Сравнение курганной и грунтовой частей Шиповского могильника, раскопанного в 1970-е гг., позволило А.Х. Пшеничнюку определить его конечную дату – не ранее конца III в. н. э. Он сравнил материалы Охлебининского могильника и Шиповских грунтовых погребений. Оказалось, что в Шипово совершенно нет кольцевых и рамчатых бронзовых пряжек с неподвижным крючком, характерных для ранних погребений II группы Охлебининского могильника, датирующихся примерно концом II–I вв. до н. э. Поясные дисковидные бляхи из Шипово, как правило, небольших размеров, почти все имеют отверстия в центре, что характерно для поздних комплексов Охлебининского могильника. В мужских погребениях Шиповского могильника ни в одном случае не встречены пластинчатые прямоугольные поясные пряжки, характерные для ранних погребений из Охлебининского могильника. Исходя из этого, начальной датой появления Шиповских грунтовых погребений автор стал считать конец I в. до н. э. – I в. н. э., всю грунтовую часть могильника он датирует I–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1976).

Таким образом, А.Х. Пшеничнюк в 1960–1980-е гг. был единственным исследо-

вателем погребальных памятников кара-абызского населения, анализируя которые автор приходит к выводу о существовании на правом берегу р. Белой в эпоху раннего железа самостоятельной кара-абызской культуры, сформировавшейся на основе местного, ананьинского, компонента и пришлого, гафурийского («сарматоидного»).

Полноценное и систематическое исследование археологических памятников Уфимского района началось только в 1959 г. В это время сразу два разведочных отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.П. Шокурова и Г.Н. Матюшина проводили обследование левого берега р. Белой и правобережья р. Дема. Отряд Г.Н. Матюшина работал в левобережье р. Белой, между населенными пунктами Романовка и Миловка.

В результате археологических работ разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством Г.Н. Матюшина в окрестностях д. Романовки в окрестностях д. Миловка выявлено 4 поселения кара-абызской культуры (Матюшин, 1962, с. 63).

Противником теории А.Х. Пшеничнюка выступил Н.А. Мажитов, рассматривающий кара-абызскую культуру как вариант пьяноборской (Мажитов, 1968, с. 59). Погребения Ново-Уфимского могильника<sup>4</sup>, исследованные им в 1961–1962 гг., отнесены также к пьяноборской культуре (Мажитов, 1968, табл. 35, с. 156). Он связывал керамику гафурийского типа (сарматскую) с абашеевской керамикой эпохи бронзы (Мажитов, 1968, с. 58). М.А. Мажитов, как и В.Ф. Генинг, высказывался о существовании некоторых кара-абызских поселений и в постананьинское время (Мажитов, 1968, с. 59; Генинг, 1961, с. 27).

А.Х. Халиков придерживался своей теории о последующем развитии кара-абызской культуры: он считал, что в результате движения сарматских и зауральских племен население «бельских районов пьяноборской культуры» (кара-абызская культура) в конце II – начале III в. до н.э. «было вынуждено покинуть свою родину и уйти далеко на Запад в Сурско-Окское междуречье правобережья

<sup>4</sup> В отчете Н.А. Мажитова эти погребения объединены в Галановский могильник, который является частью Ново-Уфимского могильника (Мажитов, 1961).



Средней Белой» (Халиков, 1962, с. 20, 136). Данный вывод пока никак не подтвержден.

В 1980-е гг. В.Ф. Генинг меняет свое мнение по вопросу этногенеза кара-абызских памятников. Им была предпринята попытка комплексного анализа памятников Западного Приуралья, среди которых исследователем выделены гафурийско-убаларская и кара-абызская культуры. Автор, считая гафурийско-убаларскую культуру отдельной археологической культурой, отделяет на основе статистического анализа погребения из Охлебининского и Шиповского могильников, рассматривая их отдельно (Генинг, 1988). Несомненной заслугой В.Ф. Генинга является указание на различие погребального обряда и инвентаря комплексов как в отдельных могильниках, так и между могильниками изучаемого населения.

Подтвердили эту точку зрения и антропологические исследования С.Г. Ефимовой, которая сравнила краниологические серии черепов из кара-абызских (Биктимировский, Охлебининский и Шиповский), раннеананьинских (Маклашеевский, II Полянский) и ананьинских (Луговской, Гулькинский и Тетюшский) могильников. Исследователь пришла к очень интересным выводам: выборки черепов из Биктимировского могильника отличаются от черепов из Охлебининского и Шиповского могильников. Общее же сравнение краниологических серий пьяноборской и кара-абызской культур показывает, что они генетически связаны друг с другом и с предшествующей им ананьинской культурой. Ядро же ананьинской культуры составило местное население европеоидного типа (Ефимова, 1991, с. 16).

Кости животных из Охлебининского могильника были проанализированы А.Г. Петренко, которые по мнению исследователя представлены остатками мелкого рогатого скота (овцы и свиней) и зайца. В основном в погребениях найдены задняя конечность барана и свиньи, либо только барана. В трех погребениях встречены интересные сочетания: один астрагал барана и большеберцовая кость зайца, либо один астрагал свиньи и кость зайца (Петренко, 1971, с. 114–115). При этом, в более поздней своей работе, автор отмечает, что для погребений IV–II вв. до н.э. характерно положение берцовых костей овцы и зайца, для I–II вв. до н.э. – свиней и костей овец (с преобладанием последних),

для II–III вв. н.э. – свиней и овец (с преобладанием первых). В двух погребениях найдены кости лошади. Сочетание наличия костей свиньи и овцы А.Г. Петренко объясняет процесс слияния различных групп населения – населения ведущего подвижный образ жизни и более оседлый (Петренко, 1988, с. 12).

Новым веянием в вопросе происхождения кара-абызской культуры стала работа В.А. Иванова, в которой впервые отмечается усиление связей населения кара-абызской культуры с востоком (Западная и Южная Сибирь) в IV–III вв. до н. э., проявившееся в появлении набора отдельных украшений костюма (подвески в виде скифского лука, подвески в виде котла, поясные зооморфные бляхи и пряжки) (Иванов В.А., 1980, с. 79). Но еще ранее В.А. Иванов в своей диссертации пишет, что приход в IV в. до н.э. на правобережье Средней Белой «племен с керамикой «гафурийского» типа повлек за собой полное прекращение функционирования поселений ранних кара-абызцев (потомков пришлого нижнекамского населения), но, и, возможно, явился причиной сдвига части кара-абызцев вниз по р. Белая. В результате чего к северо-западу от устья р. Сим формируется группа памятников северного или позднего варианта кара-абызской культуры (Дудкино, Кара-Абыз, Биктимирово и др.), а также юго-восточная часть территории оказывается занятой носителями керамики «гафурийского» типа, на базе которой в конце I тыс. н.э. складываются памятники так называемого «убаларского» типа» (Иванов, 1978б, с. 140). Таким образом, автор, как и В.Ф. Генинг разделяет памятники гафурийского типа и собственно кара-абызской культуры.

В 1990-е гг. А.Х. Пшеничнюк пересматривает выделенные им ранее хронологические периоды развития кара-абызской культуры. Он обращает внимание на IV этап, датируемый II–III вв. н. э. Анализируя материалы Охлебининского могильника из раскопок 1980–1982 гг., автор подробно распределяет погребальный инвентарь по четырем хронологическим группам (Пшеничнюк, 1993). Анализ глиняной посуды Охлебининского могильника подтвердил мнение А.Х. Пшеничнюка о том, что в сложении кара-абызской культуры на раннем этапе развития доминирующими были пришлые гафурийские племена, связываемые им с кочевниками Южного Урала (Пшеничнюк, 2004, с. 191).

Т.И. Останина отмечает, что население кара-абызской культуры, вследствие демографического фактора (перенаселение), несколько раз продвигалось к северу, в низовье р. Беля, туда, где в более раннее время проживало пьяноборское население, а затем будет проживать мзунинское – их потомки, т.е. при вторичном передвижении кара-абызцы встретили родственное себе население, ранее пришедшее сюда и ассимилировавшееся с пьяноборским (Останина, 1997, с. 167).

По мнению Б.Б. Агеева, одним из компонентов в сложении пьяноборской культуры явилось раннекара-абызское население центральной Башкирии (Генинг, 1992, с. 104).

В последние двадцать лет в научной среде возрос интерес к памятникам кара-абызской культуры в связи с накоплением источниковой базы, начинается новый этап в развитии историографии – осмысление массива накопленных источников. В 2003 г. В.В. Овсянников и А.Ф. Яминов опубликовали результаты раскопок Уфимского могильника, проводившихся В.В. Гольмстен в 1911–12 гг., с подробным описанием инвентаря. Авторы сравнили материалы погребальных комплексов с материалами самого позднего ананьинского (Зуевский), самого раннего пьяноборского (Уяндыкский I) и кара-абызского (Биктимировский I) могильников. Они выяснили, что погребальный обряд и инвентарь Уфимского могильника более близок обряду, прослеживаемому в памятниках пьяноборской и кара-абызской культурах, и отнесли его к начальной стадии кара-абызской культуры (Овсянников, 2003).

В.А. Иванов, изучая наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железа, приходит к выводу, что они для оседлого населения Волго-Камья (в том числе и для кара-абызцев) не являются исконными, а выступают как результат культурного влияния извне, со стороны скифо-кавказского и скифо-сибирского мира (Иванов, 2000). В.А. Иванов также считал, что в VI в. до н.э. в бассейн р. Белая передвинулись нижекамские племена, образовавшие «бельский» вариант ананьинской культуры, где они находились в условиях относительной изоляции (Иванов, 1982, с. 74).

В.Н. Марков в свою очередь указывает, что памятники, являющиеся промежуточным звеном между курмантаусскими и кара-абызскими, нет необходимости выделять в особый «бельский» вариант ананьинской культуры и

следует рассматривать как раннекара-абызские, к которым относятся Старший Шиповский могильник и могильник по ул. Тракторной, где еще сохраняются бронзовые кельты с линзовидным сечением втулки, свойственные для круга памятников Волго-Камья, предшествовавших по возрасту шнуrowой керамике (Марков, 2007, с. 61; 1994, с. 82).

В.А. Иванов с соавторами в обобщающей работе, посвященной уграм Предуралья, и в более поздних работах «бельский» вариант ананьинской керамики отождествляет с раннекара-абызской и определяет время ее появления на Средней Белой V–IV в. до н.э. из низовьев Камы. Он считает, что нижекамские комплексы как и раннекара-абызская керамика не имеют генетических корней ни в предыдущей курмантаусской, ни в ямочно-шнуrowой раннеананьинской (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 53). В этнокультурном контексте соавторы так видят ситуацию: на рубеже V–IV в. до н.э. в бассейн р. Белая, «спорадически заселенный тогда немногочисленными группами курмантаусского населения», аозинские и постмаклашеевские племена, а в IV в. до н.э. в их этнокультурную среду вторгаются инородные племена – носители керамики гафурийского типа. Гафурийцы связаны с племенами саргатско-гороховского этнокультурного круга лесостепного Зауралья и юга Западной Сибири (угры или сармато-угры) (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 54). Под нажимом «гафурийцев» ранние «кара-абызцы» (волжско-финская группа) (Иванов, 2010а, с. 215) перемещаются вниз по течению р. Белая. При этом, явной генетической связи между «кара-абызцами» и «гафурийцами» не прослеживается и считать последних генетической основой для кара-абызской культуры нет оснований (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 60). «Охлебининский могильник по мнению автора, демонстрирует процесс этнической метисации волжско-финского (раннекара-абызского) населения с пришлым, очевидно, сармато-угорским» (Иванов, 2010а, с. 216). Но в целом, В.А. Иванов придерживается мнения о единой кара-абызской культуре, где разнородность материала отражает разные этапы ее развития (Иванов, 2010а, с. 214).

В одной из своих фундаментальных работ, автор указывает, что на территории среднего течения р. Белой с большей долей вероятности можно говорить о наличии в Приуралье одного союза, состоявших из

довольно крупных пьяноборских и кара-абызских племен (Иванов, 1984, с. 75).

По мнению В.А. Иванова, роль ранних кочевников (савроматов, сарматов) в этно- и культурогенезе лесостепного населения предшественниками была явно преувеличена. Археологические источники указывают на то, что в этих процессах решающую роль играли угорские племена Зауралья и Западной Сибири. «Гафурийско-кара-абызская ксеня», вероятнее всего, формировалась при самом минимальном участии сарматов. Скорее всего, они вообще в этом процессе не участвовали, подобно тому как в Зауральской лесостепи савроматы-сарматы, хотя и контактировали с носителями иткульской культуры, но на таком уровне, что их взаимоотношения «не затрагивая сферу духовной культуры, ограничивались лишь постоянными хозяйственными контактами, в которые вступали отдельные, прежде всего, элитарные, группы населения» (Иванов, 2017, с. 51). При всей красоте предлагаемых исследователями схем контактов между оседлым и кочевым населением Южного Приуралья в раннем железном веке у них есть один недостаток – отсутствие эмпирической статистики. В качестве иллюстраций подобных контактов приводятся «эксклюзивные» для памятников лесостепной полосы вещи, имеющие аналоги или прототипы в кочевнических древностях (Там же).

А.А. Чижевский предлагает включать ранние памятники кара-абызской культуры в состав постмаклашеевской культуры на позднем этапе ее развития, объясняя это тем, что на них керамика постмаклашеевского облика преобладает над гафурийской (раннесарматской) (Чижевский, 2013, с. 81).

В коллективной монографии, посвященной Шиповскому могильнику, были опубликованы материалы раскопок 1989–1994 гг. (Овсянников и др., 2007). В работе представлен анализ инвентаря, типологизированы принадлежности костюма и украшения. Авторы предлагают свою версию формирования и развития кара-абызской культуры. Они отмечают присутствие не только гафурийского и ананьинского компонентов в материалах Шиповского могильника, но и пришлых, интегрированных в ананьинскую среду компонентов (иткульский и кочевнический раннесакский) (Овсянников и др., 2007, с. 80–81). Кроме всего прочего, исследователи обращают внимание на присутствие в поздних

погребениях Шиповского могильника раннемазунических элементов убранства (в первую очередь височные подвески) (Овсянников и др., 2007, с. 84).

После работы В.А. Иванова (Иванов, 1980) только в последние несколько лет исследователи обратили свое внимание на своеобразии предметов кара-абызской культуры, выполненных в зверином стиле. Семантика некоторых украшений Шиповского могильника была рассмотрена К.И. Корепановым и М.Ф. Обыденновым (Корепанов и др., 2003), а анализ отдельных образов звериного стиля был сделан В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым (Овсянников, 2006а; Савельев, 2008б), зооморфные металлические крючки и другая металлопластика рассмотрены в работах В.И. Гуляева (Гуляев, 1969, 2010; 2016, с. 55–57).

Н.С. Савельев, изучая отдельные образы звериного стиля в лесостепи Южного Приуралья (Савельев, 2008а; 2008б), приходит к выводу, что гафурийский компонент сформировался на основе носителей прохоровской культуры, осевших в лесостепи Приуралья (продвижение шло по так называемому «трансуральскому пути» напрямую из Зауралья, через горные долины, соединяющие в единую территориальную систему верховья Миасса, островную Месягутовскую лесостепь и районы около устья р. Сим (Савельев, 2001; Савельев, 2007а), а также оставляет открытым вопрос присутствия в кара-абызской среде иных (южно-западно-сибирских и др.) этнокультурных компонентов (Савельев, 2008б, с. 134). В данном случае важна сама постановка существующей проблемы, т.к. зооморфные элементы убранства костюма, как отмечал еще В.А. Иванов (Иванов, 1980), не имеют аналогий в прохоровской культуре. Кроме того, Н.С. Савельев проанализировал материал гафурийского комплекса Шиповского могильника и керамику Биктимировского городища (Савельев, 2010; Савельев, 2011а) и отметил наличие брачных связей между кара-абызским населением и кочевниками прохоровской культуры в IV–III вв. до н. э. (Савельев, 2010б, с. 319). Биктимировское городище является самой дальней периферией того ареала, где фиксируется прямое гафурийское влияние. Прямой перенос кочевнических традиций (в виде оседания группы кочевников раннего этапа прохоровской культуры) в лесостепь произошел около середины IV в. до н.э., что привело к формированию



смешанного культурного образования – кара-абызской культуры (Савельев, 2011а, с. 65). При анализе материалов Шиповского могильника автор указывает, что на материалах этого памятника фиксируются значительные различия в особенностях расселения «раннего» (кара-абызско-гафурийского) и «позднего» (кара-абызско-убаларского-имендяшевского) населения (Савельев, 2009б, с. 140).

Изучение импортной керамики кара-абызской культуры из Шиповского могильника позволило Н.С. Савельеву прийти к выводу, что появление этого типа керамики связано с кочевниками, оставившими Старо-Кишкинский и Бишунгаровский курганные могильники в III в. до н.э., характер этих связей определен как брачные и торговые отношения (Савельев, 2009а, с. 120). Раннекара-абызская керамика определена автором как ямочно-насечковая гребенчатая керамика, именно она стала впоследствии основой сложения кара-абызских комплексов (Савельев, 2011а; 2014а, с. 197).

Материалы летника кара-абызской культуры в приустьевой части р. Уфа Зинино-1, дали авторам работ возможность утверждать, что убалар – это вариант кара-абызской культуры, сформировавшийся на ее южной периферии не позже рубежа IV–III вв. до н.э. под воздействием пришлых кочевников и постепенно распространившийся на более северные территории. Смещение «чистых» кара-абызских, гафурийских и убаларских керамических комплексов свидетельствует об идущем процессе постепенной ассимиляции (Бахшиев, Савельев, 2013, с. 112–113).

В.В. Овсянников в одной из своих работ предположил, что IV этап развития кара-абызской культуры, выделенный ранее А.Х. Пшеничноком, датируется II – началом IV вв. н. э. (Овсянников, 2006б), а позже разделил его на два периода – II–III вв. н. э., III – начало IV вв. н. э., подчеркивая, что наиболее резкие различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника наблюдаются с III в. н. э. и продолжают вплоть до IV в. н. э. (Овсянников, 2006в). Анализируя Шиповскую III группу курганов, он выделяет в зооморфной кара-абызской пластике 5 групп, объединенных по степени близости стиливых, хронологических и культурных особенностей (Овсянников, 2006а). Автор связывает появление зооморфных образов

с гафурийским компонентом кара-абызской культуры (Овсянников, 2006а, с. 178).

Проанализировав керамику с селища Воронки, В.В. Овсянников пишет, что раннекара-абызская керамика окончательно оформилась в результате контактов постмаклашевского населения, продвигавшегося вверх по Белой во второй половине V – середине V в. до н.э. и более ранних миграционных волн (носители культуры курмантау и сложношнуровой, или, раннеананьинской, керамики) (Овсянников, 2014а, с. 311).

В 2018 г. В.В. Овсянниковым, Н.С. Савельевым, Р.Р. Сулеймановым и Р.Г. Курмановым опубликованы серии статей, посвященные экологической ситуации в Южном Приуралье в эпоху раннего железа (Савельев и др., 20018; Овсянников, 2018а; 2018б).

В многотомном труде «История Башкирского народа» вопрос этногенеза кара-абызской культуры решен следующим образом: в результате взаимодействия различных по происхождению, уровню хозяйственного и социального развития групп населения в Центральном Башкортостане складывается уникальная культура, впитавшая как традиции лесного оседлого населения, так и южного полукочевого и кочевого. В первую очередь это отразилось в разнообразии керамического материала на кара-абызских памятниках, обилии южных импортов и подражаний, различии топографии памятников и в погребальном обряде (Овсянников, 2009б, с. 245). Кроме того, носители кара-абызской культуры, по мнению автора, с большей долей вероятности могут являться одним из компонентов, на основе которого сформировался башкирский этнос, отрицая при этом поддерживаемый многими исследователями тезис о формировании мазунинских древностей на основе пьяноборской и кара-абызской культур (Овсянников, 2009б).

В материалах IV(XX) Всероссийского археологического съезда В.В. Овсянников приводит свою периодизацию культурно-исторических процессов, связанных с образованием, развитием и распадом кара-абызской культуры. им выделено шесть этапов: предкара-абызский (VI–V вв. до н.э.); раннекара-абызский (V–IV вв. до н.э.); кара-абызский А (IV–III вв. до н.э.); кара-абызский В (III–II вв. до н.э.); кара-абызский С (II в. до н.э. – II в. н.э.) и позднекара-абызский (III–IV вв. н.э.) (Овсянников, 2014б).

Р.Д. Голдина, как и В.Ф. Генин, относит кара-абызскую культуру к пьяноборской общности – древнеудмуртскому объединению III в. до н.э. – V в. н.э., ссылаясь в своей работе на хронологию, предложенную А.Х. Пшеничнюком, который датировал памятники кара-абызской культуры с IV в. до н.э. (Голдина, 2004, с. 230, 236). В продолжение ижевской археологической школы, А.А. Красноперов, пересматривает датировку погребений из Уфимского могильника с височными восьмерковидными подвесками и значительно омолаживает начало функционирования пьяноборской культуры, а в след за этим и памятников кара-абызской культуры (Красноперов, 2014, с. 344). Но, на наш взгляд, если и для пьяноборской культуры, эта датировка применима, то для кара-абызской нет, так как о «запаздывании» оружия и других вещей, которые имеют аналогии в кочевнических древностях, не может идти и речи в виду тесных контактов соседствующих с ними носителей кара-абызской культуры.

Автор также внесла свой вклад в проблему формирования кара-абызской культуры. Проанализировав элементы убранства костюма рассматриваемого населения, С.Л. Воробьева пришла к выводу, что убранство костюма кара-абызского населения сформировалось на основе трех компонентов: ананьинского, гафурийского и восточного. К гафурийскому компоненту относятся: гривны в полтора оборота, височные восьмерковидные подвески, поясные бронзовые крючки с изображением зверя, пряжки с изображением оленей, лировидные подвески и котловидные подвески. Ананьинский компонент: колоколовидные подвески, нашивные и умбоновидные бляшки, трапециевидные подвески. Восточный компонент: пряжки со «сценами терзания» и с треугольниками, поясной набор, состоящий из дисковидных блях и накладок в виде голов грифонов, обоймы с вырезом на обороте. Элементы убранства, присущие ананьинскому, гафурийскому и восточному компонентам появляются в костюме кара-абызского населения в IV–II вв. до н.э. При этом, восточный компонент связан с кочевниками, оставившими памятники круга Филипповских курганов, с одной стороны, и центральноазиатских некрополей (курганы Иссык, Почта-3), с другой (Воробьева, 2012а; Воробьева, 2011г; 2011д). Тезис о «восточном

импульсе» был поддержан В.Н.Васильевым (Васильев, 2014).

Кроме того, был проанализирован видовой состав животных по данным остеологического материала поселений кара-абызской культуры и введены в оборот материалы раскопок Курмантаевского городища 2013 г. На основе этих данных показана неоднородность хозяйства носителей кара-абызской культуры: на памятниках, где преобладает гафурийская керамика, население занималось скотоводством, а на памятниках с преобладанием кара-абызской керамики, население вело более оседлый образ жизни (Воробьева, 2017б).

Таким образом, в 1990–2000-е гг. исследователи не утратили интерес к вопросу происхождения кара-абызской культуры. В ходе неоднократных разведочных выездов открыт ряд новых поселений и проведены раскопки как новых, так и ранее известных памятников. В.В. Овсянниковым проводилось обследование и мониторинг состояния ранее выявленных памятников кара-абызской культуры на территории Уфимского, Иглинского и Гафурийского районов в 1988, 1991 и 2005, 2011 гг. А обследование и изучение памятников, расположенных у дер. Романовка, Миловка и Ветошниково в 2010 г. Провела Я.В. Рафикова. В.В. Овсянниковым исследовались Нагаевский, Ново-Уфимский, Охлебининский, Шиповский, и Биктимировский могильники (Овсянников, 1995а; 2004а; 2005; 2006б; 2008; 2009г), а Н.С. Савельевым открыт и частично раскопан могильник Кара-Абыз-2 (Савельев, 2010, 2011), а также могильник Акбердино. Памятники Гафурийского района изучаются С.Л. Воробьевой, открывшей около стоянки им. М.И. Касьянова металлургическую площадку «Курмантау-8/9». Каждый год источниковая база пополняется новыми открытыми селищами кара-абызской культуры.

Антрополог А.И. Нечвалода сравнил полученные материалы из раскопок могильника Кара-Абыз-2 с сериями черепов из Шипово, Охлебинино и Биктимирово, что показало своеобразие Биктимировской и Кара-Абыз II серий, но он также приходит к выводу, что это речь не идет о формировании различных антропологических массивов (Нечвалода, 2012, с. 250; 2016).

В.В. Кондрашин провел единственный металлографический анализ железных изде-

лий кара-абызской культуры из Охлебнинского могильника. Его результаты показали, что исследуемые кинжалы и мечи (а возможно и другие предметы вооружения) были не местного происхождения, в отличии от ножа, изготовленного достаточно простым способом (Кондрашин, 2009, с. 107). Но так как исследование не было продолжено, то сложно говорить об объективности данного вывода.

Морфологический анализ керамического материала из раскопок И.М. Акбулатова на Биктимировском городище (100 сосудов) был проведен С.Н. Садовниковым, который показал, что вся керамика распадется на 4 типа (Садовников, 2006, с. 117).

М.Г. Атаманов-Эграпи считает, что кара-абызские племена стали предками древнеудмуртского населения племенного объединения калмез (Атаманов-Эграпи, 2010, с. 442–443)

В связи с неоднородностью населения, оставившего памятники кара-абызской культуры на раннем этапе ее развития, возникают вопросы, связанные с определением основного типа хозяйства этого населения. Так, в недавно вышедшей работе А.С. Проценко и Р.М. Сатаева обсуждается вопрос об особенностях хозяйства носителей, оставивших памятники кара-абызской культуры, где обосновывается наличие скотоводства у населения, жившего на городище Кара-Абыз в эпоху раннего железа (на анализе материала работ 2015 г.) (Проценко, Сатаев, 2016). В то же время, А.С. Проценко и Р.М. Сатаев пишут о том, что «о реальном преобладании в рационе масса мелкого рогатого скота над крупным можно говорить лишь тогда, когда количество первого больше чем второго, не менее, чем в 5–6 раз (чего в обсуждаемых остеологических коллекциях не наблюдается)» (Проценко, Сатаев, 2016, с. 128). Еще в работе 1959 г. Г.В. Юсупова по материалам раскопок поселений Гафурийского района Республики Башкортостан говорится о том, что «характер хозяйства обитателей городищ (кара-абызской культуры – авт.) (преобладание скотоводства) существенно отличает эти поселения от ананьинских» (Юсупов, 1959, с. 87). В 1973 г. А.Х. Пшеничнюк также выделил скотоводство как один из видов занятий кара-абызцев (Пшеничнюк, 1973, с. 210–213). При этом, наличие земледелия у кара-абызского населения никак не подтверждается – нет четко определенных орудий труда, нет резуль-

татов споро-пыльцевого анализа, подтверждающего выращивание тех или иных культур.

С пополнением источниковой базы отдельные проблемы, связанные с изучением кара-абызской культуры, приобрели более острый характер. Около 50% материалов на данный момент не опубликовано (Ново-Уфимский/Галановский, Кара-Абыз-2, 83% погр. Охлебнинского и 10% погр. Шиповского могильников). Кроме того, основной массив антропологического материала до сих пор остается не изученным<sup>5</sup>.

Не решенным остался вопрос и происхождения культуры. Исследователи расходятся как в правописании названия («кара-абызская» или «караабызская»<sup>6</sup>), так и в том, стоит ли выделять эту культуру в отдельную (А.В. Шмидт, К.Ф. Лагодовская, А.Х. Пшеничнюк, Н.С. Савельев, В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева), или это часть ананьинской (А.В. Збруева) или пьяноборской общности (Н.А. Мажитов, В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина). По мнению ряда исследователей, она, с одной стороны, сложилась на основе местного лесостепного населения (ананьинская культура), с другой – подвергалась воздействию со стороны кочевнического населения – носителей гафурийского комплекса материальной культуры (Пшеничнюк, 1976, с. 126; Савельев, 2008, с. 69).

Но вопрос о происхождении гафурийского комплекса решается по-разному: К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, М.Х. Садыкова, Н.С. Савельев связывают появление гафурийской керамики с проникновением на правобережье Средней Белой носителей раннепрохоровской культуры (Смирнов, 1964, с. 272; Мошкова, 1963, с. 17, рис. 1; Садыкова, 1965, с. 18). Первоначально эта точка зрения поддерживалась А.Х. Пшеничнюком (Пшеничнюк, 1964). Позже им была высказано предположение о «зауральской» (иткульская культура, воробьевский и гороховский типы) прародине гафурийской керамики (Пшенич-

<sup>5</sup> Антропологом А.А. Вильдановым был проведен только половозрастной анализ части черепов, происходящих из Шиповского могильника (Овсянников и др., 2007, с. 20).

<sup>6</sup> Правильным с точки зрения филологии является название «кара-абызская» культура, так как она берет название от одноименного памятника «городище Кара-Абыз», а то в свою очередь названо так по топографическому наименованию.



нюк, 1976, с. 130). Г.И. Матвеева и А.Х. Пшеничнюк причисли убаларские памятники к кара-абызской культуре (Матвеева, 1973, с. 249; Пшеничнюк, 1976, с. 126), в то время как В.Ф. Генинг и В.А. Иванов отделили от кара-абызской культуры памятники гафурийско-убаларского типа (Генинг, 1988, с. 71). Разнообразие точек зрения на вопрос о происхождении кара-абызской культуры говорит о том, что он до сих пор остается открытым.

Дискуссионной является и проблема хронологического деления кара-абызской культуры. Первоначально А.Х. Пшеничнюк выделил всего четыре этапа в историческом развитии изучаемого населения: IV–III вв. до н. э., III–II вв. до н. э., II в. до н. э. – II в. н. э., II–III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1993, с. 32–61). В.В. Овсянников же, анализируя материалы Шиповского грунтового могильника, предположил, что IV этап датируется II–IV вв. н. э. (Овсянников, 2006б, с. 81–87), который впоследствии он разделил на IV и V периоды, подчеркнув, что наиболее резкие различия в инвентаре грунтовой части Шиповского могильника наблюдаются с III в. н. э. и продолжаются вплоть до IV в. н. э. (Овсянников, 2006в, с. 88–93). В 2009 г. В.В. Овсянников предложил рассматривать кара-абызскую культуру с V в. до н. э., т. е. с момента миграции в Приуралье разнородных групп ананьинцев из Среднего Поволжья и Нижнего Приуралья (Овсянников, 2009, с. 224).

Эти дискуссии связаны, прежде всего, с тем, что собственно «раннекара-абызская»

(носители ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики) и «кара-абызская» керамика в погребениях отсутствуют, а имеется лишь керамика гафурийского (в Шиповском могильнике преимущественно) и убаларского типа (в Охлебининском могильнике). На данный момент в Гафурийском районе не найден ни один погребальный памятник. Ни один погребальный памятник кара-абызской культуры не раскопан полностью, а большая часть погребального материала не опубликована. Кроме того отсутствует анализ массового антропологического материала.

Что касается вопроса выделения самостоятельной кара-абызской культуры, то тут необходимо определиться с понятием «археологическая культура». В классическом ее варианте («Археологическая культура – совокупность материальных памятников, которые относятся к одной территории и эпохе и имеют общие черты») памятники правобережья р. Белой (V в. до н.э. – IV в. н.э.) относятся к кара-абызской археологической культуре, где на ранней стадии ее развития доминирующим компонентом были носители ямочно-насечково-гребенчатой керамики (раннекара-абызская), при постоянных контактах этой группы населения с кочевниками (носителями керамики гафурийского типа) происходит достаточно быстрая трансформация материальной культуры. При этом, на разных памятниках и на разных стадиях развития население взаимодействовало со своими ближайшими соседями, что выразилось в кажущейся неоднородности материального комплекса.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БФАН СССР, 1992. 140 с.
- Археологическая карта Башкирии / Отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. 263 с.
- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968. 119 с.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство кочевников Азии. М.: Искусство, 1978. 131 с.
- Атаманов-Эгати М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 576 с.
- Ахмеров Р. Б. Древние погребения в г. Уфе // КСИИМК. М., 1949. Вып. 25. С. 113–117.
- Ахмеров Р.Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. Вып. XLVIII. 1952. С. 25–35.
- Ахмеров Р.Б. Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени (по данным исследований 1952–1956 годы) // СА. 1959. № 1. С. 156–157.
- Бахшиев И.И., Савельев Н.С. К изучению некоторых вопросов этнокультурной динамики и хозяйства населения лесостепи Южного Приуралья эпохи раннего железа (по материалам селища Зинино-1) // УАВ. 2013. №13. С. 104–115.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние век. Монография. Уфа: БГПУ, 2009. 278 с.

*Васильев В.Н.* К вопросу об археологическом содержании понятия «восточный импульс» в материальной культуре кара-абыза // Сарматы и внешний мир: материалы VIII всерос. (с междунар. участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН: Наследие, 2014. С. 40–47.

*Васюткин С.М.* Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 125–144.

*Вечтомов А.В.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь. 1967, № 148, с. 133–155.

*Волкова Е.В.* Место кара-абызских материалов среди культур раннего железного века Приуралья: историографический обзор // Вестник ТГПУ. 2011. № 4(26). С. 121–125.

*Воробьева С.Л.* Типология поясных накладок с изображением грифона эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2009. С. 84–90.

*Воробьева С.Л.* Происхождение и время появления в лесостепи Приуралья поясных накладок с изображением голов грифонов // Проблемы истории, филологии и культуры. 2010а. № 2 (28). С. 52–60.

*Воробьева С.Л.* Использование статистических методов для разработки типологии предметов (на примере изучения поясных дисковидных блях костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология. Уфа: БГПУ, 2010б. С. 194–198.

*Воробьева С.Л.* Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // УАВ. 2010в. Вып. 10. С. 56–63.

*Воробьева С.Л.* К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010г. С. 48–51.

*Воробьева С.Л.* К вопросу о происхождении колоколовидных и котловидных подвесок кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2011а. С. 44–49.

*Воробьева С.Л.* К вопросу о типологии и происхождении браслетов кара-абызской культуры // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011б. Вып. 46. №22(237). С. 5–9.

*Воробьева С.Л.* Гривны кара-абызского населения эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011в. №2. С. 108–115.

*Воробьева С.Л.* «Восточный импульс» в кара-абызской культуре // Материалы региональной научной конференции «Археология в БашГУ: итоги и перспективы», посвященной 50-летию археологической экспедиции БГУ. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011г. С. 53–60.

*Воробьева С.Л.* «Восточный импульс» в кара-абызской культуре // Материалы региональной научной конференции, посвященной 50-летию археологической экспедиции БашГУ. (г. Уфа, 25 ноября 2011 г.) / Отв. ред. А.Н. Султанова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011д. С.40–48.

*Воробьева С.Л.* Типология элементов убранства костюма кара-абызской культуры эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2012а. 24 с.

*Воробьева С.Л.* Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2012б. С. 26–30.

*Воробьева С.Л.* Височные подвески кара-абызской культуры эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // УАВ. 2013а. Вып. 13. С. 91–103.

*Воробьева С.Л.* Историко-культурный потенциал археологического микрорайона горы Курмантау (по итогам работ 2012 и 2013 гг.) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2013б. С. 52–60.

*Воробьева С.Л.* Селище Курмантау – металлургический комплекс эпох раннего железа // Международная полевая школа в Болгаре. Вып.1 / Отв. ред. А.Г. Ситдииков. Казань; Болгар: ИА АН РТ, 2014. С. 26–33.

*Воробьева С.Л.* Клинковое оружие эпохи раннего железа из фондов Национального музея Республики Башкортостан (случайные находки) // Черные металлы. Апрель. 2014а. С. 118–124.

*Воробьева С.Л.* Взаимоотношения населения кара-абызской культуры с кочевниками Южного Урала в IV–III вв. до н.э. // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12–15 мая 2014 г. / УАВ. Вып. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014б. С. 54–65.

*Воробьева С.Л.* Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 314–330.

*Воробьева С.Л.* Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в Гафурийском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 995 от 01.08.2013 г. / Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа, 2014д. 237 с.

*Воробьева С.Л.* К вопросу о хронологии кара-абызской культуры (по материалам Охлебининского грунтового могильника) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск, 2015а. С. 208–221.

*Воробьева С.Л.* Памятники Гафурийского района Республики Башкортостан: кто виноват и что делать // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. 2015б. Вып. 1(2). С. 23.

*Воробьева С.Л.* Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Тезисы Международной научной конференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики». 2017а. URL: <http://scythia-sarmatia.ru/воробьева-тезисы-иа-2017/>. Дата обращения 20.04.2019.

*Воробьева С.Л.* Хозяйство носителей кара-абызской археологической культуры эпохи раннего железа (по материалам поселенческих памятников IV–I вв. до н.э.) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017б. С. 31–37.

*Воробьева С.Л.* Результаты археологических исследований 2013 года на Курматовском городище эпохи раннего железа // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017в. № 4 (49). С. 101–113.

*Воробьева С.Л.* Металлургический комплекс горы Курмантау эпохи раннего железа: результаты исследования 2012–2014 гг. // Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики»: тезисы докладов / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: МАКС Пресс, 2018а. С. 37–39.

*Воробьева С.Л.* Палинологическое исследование металлургической площадки эпохи поздней бронзы – раннего железа Курмантау-8/9 // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. Э.В. Камалеев. Уфа: ИЭИ УФИЦ РАН, 2018б. С. 34–38.

*Воробьева С.Л., Савельев Н.С.* Разведочные работы в Гафурийском районе Башкортостана в 2012–2013 гг. // АО 2010–2013 гг. / Ред. Н.В. Лопатин, А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2015. С. 468–471.

*Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970. 224 с.

*Генинг В.Ф.* Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1961. С. 23–47.

*Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычкова Н.А.* Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / Отв. ред. С.П. Пачкова. Киев.: Наук. думка, 1990. 304 с.

*Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М.: Наука, 1988. 240 с.

*Генинг В.Ф.* Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) // Археология и этнография Башкирии Т. IV / Отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузев. Уфа, 1971. С. 44–54.

*Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 422 с.

*Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 1999. 464 с.

*Гольмстен В.В.* Могильник близ г. Уфы. Уфа, 1913. 30 с.



*Гольмстен В.В.* Отчет о раскопках Чертова городища в г. Уфе в 1910–1912 годы / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.

*Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время / МИА №151. М.: Наука, 1969. С. 109–127.

*Гуляев В.И.* Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: Каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.

*Гуляев В.И.* Культ медведя у населения Среднего Дона в скифскую эпоху В.И. Гуляев // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 198–199.

*Ефимова С.Г.* К краниологии раннего железного века Волго-Камья // ВА. Вып. 67. 1991. С. 64–73.

*Ефимова С.Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: МГУ, 1991. 95 с.

*Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА. 1952. № 30. М.: Наука, 326 с.

*Иванов В.А.* Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Уфа, 1978, 20 с.

*Иванов В.А.* Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху. Дисс... канд. ист. н-к. Уфа, 1978. 148 с.

*Иванов В.А.* Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Материалы Всесоюзной археологической конференции / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 74–84.

*Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Под ред. В. А. Иванова, А. Х. Пшеничнюка. Уфа: БФАН СССР, 1982. С. 52–57.

*Иванов В.А.* Вооружение о военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М.: Наука, 1984. 88 с.

*Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1995. С. 52–77.

*Иванов В.А.* Наборные пояса оседлого населения Урало-Поволжья эпохи раннего железного века (к проблеме происхождения и семантики) // УАВ. Вып. 2. Уфа, 2000. С. 94–97.

*Иванов В.А.* Этнокультурная специфика населения Среднего течения р. Белой во второй половине I тыс. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв.ред. М. М. Герасимова, В. Ю. Малашев, М. Г. Мошкова. М.: Таус, 2010а. С. 207–217.

*Иванов В.А.* Очерк истории изучения памятников ананьинской эпохи в бассейне реки Белой // УАВ. 2010б. № 10. С. 12–21.

*Иванов В.А.* Археология сарматского влияния на культуру лесных племен Южного Урала: источники и их интерпретация // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017б. С. 50–55.

*Иванов В.А., Заикина Н.А., Проценко А.С.* Таш-Елгинский могильник // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди. Сборник научных статей. Вып. 3 / Отв. ред. Р.Р. Русланова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 58–68.

*Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь: ПГПУ, 2006. 162 с.

*Ищеригов П.Ф.* На «Чертовом городище». Вниманию общества по изучению Башкирии // Красная Башкирия. 1929б. №220. С. 4.

*Ищеригов П.Ф.* Уфа в седой старине. Чертово городище // Красная Башкирия. 1929а. №182. С. 4.

*Канторович А.Р.* Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абызской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология Евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 245–260.

*Каюмов И.Х.* Научный отчет о результатах инвентаризации памятников археологии в Гафурийском районе Республики Башкортостан в 2011 г. В 2 томах. Уфа, 2011. 43 с. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

*Кошневский Б.А.* Итоги археологического изучения Башкирской АССР // Историко-археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов. Казань: НИИ КИМР, 1948. С. 161–170.

*Кондрашин В.В.* Предварительные результаты металлографического исследования кузнечного инвентря Охлебнинского могильника // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009. С. 106–107.

*Корепанов К.И., Обьденнов М.Ф., Овсянников В.В.* Новые находки предметов древнего искусства в исследованиях археологов Башкортостана: кара-абызская культура. Уфа: Юрид. колледж, 2003. 30 с.

*Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 272 с.

*Котов В.Г.* Каменные изделия с Шиповского городища кара-абызской культуры // УАВ. Вып. 9. 2009. С. 141–143.

*Котов В.Г., Савельев Н.С.* Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 124–147.

*Лагадоская Е.Ф.* Археологические памятники Башкирии от древнейших времен до наших дней // НА УНЦ РАН. 1943Ф. 3. оп. 3, 39. Д. 1.

*Мажитов Н.А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 166 с.

*Матвеева Г.И.* Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н.э. // АЭБ. Т. IV. Уфа, 1971. С. 129–134.

*Матвеева Г.И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. Т. V. Уфа, 1973. С. 244–252.

*Матюшин Г.Н.* Археологические исследования в окрестностях города Уфы // ВАУ. Вып.2. 1962. С. 58–64.

*Могильников В.А.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. // АЭБ. Уфа, 1971. Т. IV. С. 151–157

*Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н. э. В. А. Могильников. М.: Наука, 1997. 195 с.

*Морозов Ю.А.* Исследования Уфимского городища // УАВ. Вып. 2. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 145–157.

*Морозов Ю.А., Котов В.Г.* Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища / Отв. ред. Э.З. Гареев, С.В. Куршаков. Уфа: Гилем, 2002. С. 14–18.

*Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д. 1-10. М., 1963. 32 с.

*Нечвалода А.И.* Новые краниологические материалы кара-абызской культуры из могильника Караббыз II // Этнос. Общество. Цивилизация: III Кузеевские чтения Сборник материалов Всероссийской научной конференции ФГБУН «Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра Российской академии наук, (г. Уфа, 28 сентября 2012 г.) / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2012. С. 249–251.

*Нечвалода А.И.* Палеоантропология кара-абызской культуры южного Приуралья // Тезисы XVII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий». 20–22 апреля 2016 г. Томск, Россия. URL: [http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B\\_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA\\_%D0%90\\_%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf](http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%A2%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B_%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA_%D0%90_%D0%9D%D0%B5%D1%87%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B0.pdf). Дата обращения 20.04.2019.

*Нечвалода А.И.* Череп ранних кочевников Южного Урала и Переволочанского курганного некрополя // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (г. Уфа 12–15 мая 2014 г.) / УАВ. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014б. С. 157–167.

*Нечвалода А.И., Воробьёва С.Л.* Мужские и женские погребения носителей кара-абызской культуры по материалам Охлебнинского могильника: Антропологические данные и погребальный костюм // Мужской и женский мир в отражении археологии: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции (г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Я.В. Рафикова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2018. С. 152–170.

*Оборин В.А.* Обсуждение докладов и сообщений по проблеме происхождения ананьинской культурной области и ее локальных вариантов // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С 216–223.

*Овсянников В.В.* Нагаевские курганы В. В. Овсянников // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Вып. 1. Уфа: МК РБ, 1995. С. 85–94.

*Овсянников В.В.* Научный отчет о раскопках Шиповского могильника и городища в 1994 г. Уфа, 1995а / Научный отчет УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 56. 49 л.

*Овсянников В.В.* Стилистические группы зооморфной пластики кара-абызской культуры В. В. Овсянников // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб: Ист. факультет СПбГУ, 2004. С. 142–145.

*Овсянников В.В.* Альбом иллюстраций к научному отчету о полевых исследованиях, проведенных в Иглинском районе в 2003 г. Уфа, 2004а / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1031. 51 л.

*Овсянников В.В.* Научный отчет об археологических работах в районах Иглинском районе и на территории г. Уфы РБ в 2005 году. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005 / Научный архив ИИЯЛ УНЦ РАН. Ф.3, оп. 2, д.1037. 88 л.

*Овсянников В.В.* Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию А.Х. Пшеничука / Под. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006а. С. 171–179.

*Овсянников В.В.* Этнокультурная ситуация в Среднем Прибелье в гунно-сарматский период (по материалам Шиповского могильника) В. В. Овсянников // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2006б. С. 81–93.

*Овсянников В.В.* Научный отчет об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы в 2005 г. Уфа, 2006в / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1037. 88 л.

*Овсянников В.В.* Характер взаимодействия носителей кара-абызской культуры с соседним населением во II–IV вв. н. э. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. Мат-лы науч. симпозиума. Ижевск: УдГУ, 2006в. С. 88–93.

*Овсянников В.В.* Динамика взаимодействия кочевого и оседлого населения Приуралья во 2-й половине I тыс. до н.э. – 1-й половине I тыс. н.э. // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы III региональной (с международным участием) научно-практической конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб.гос. ун-т, 2006г. С. 74–76.

*Овсянников В.В.* Новые исследования Шиповского могильника на Средней Белой (II в. до н. э. – III в. н. э.) // XVII УАС. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2007. С. 204–206.

*Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2006 году. Уфа, 2008 / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

*Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху В. В. Овсянников // УАВ. Вып. 9. 2009а. С. 144–156.

*Овсянников В.В.* Кара-абызская культура (V в. до н. э. – IV в. н. э.) // История Башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009б. С. 223–245.

*Овсянников В.В.* Отчет об археологических разведках в Гафурийском и Архангельском районах республики Башкортостан в 2008 году. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009в. 48 с. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

*Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2008 году. Уфа, 2009 г. / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

*Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Охлебининского II городища в Иглинском районе республики Башкортостан в 2009 году. Уфа, 2010 / Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

*Овсянников В.В.* Структура курганных насыпей Шиповского могильника // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, археологические культуры, хронология. Уфа: БГПУ, 2010. С. 229–230.

*Овсянников В.В.* Общие элементы в погребальном инвентаре населения кара-абызской культуры и сармат лесостепи Южного Предуралья (по материалам Шиповских, Старо-Кишкинских и Бишунгаровских курганов) // УАВ. 2014а. № 14. С. 168–177.



*Овсянников В.В.* Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т.1 / Ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 375–377.

*Овсянников В.В.* Селище Воронки — ранний памятник кара-абызской культуры // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

*Овсянников В.В.* Предкараабызские памятники Прибелья (некоторые историографические и источниковедческие аспекты) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 70–88.

*Овсянников В.В.* Естественно-научные исследования культурного слоя поселений Прибелья эпохи раннего железа // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Всылева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГПУ; ООО «Порто-принт», 2018а. С. 240–242.

*Овсянников В.В., Курманов Р.Г.* Палинологические исследования культурного слоя Бирского поселения // Поволжская археология. 2018. №3. С. 88–102.

*Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

*Овсянников В.В., Яминов А.Ф.* Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16–46.

*Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 336 с.

*Петренко А.Г.* Остеологические комплексы из археологических раскопок памятников эпохи железа на территории Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. IV / Ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 113–116.

*Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. 174 с.

*Петренко А.Г.* Ритуальные остатки животных в погребениях Охлебининского могильника // Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 10–19.

*Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) / Археология евразийских степей. Вып. 3. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 114 с.

*Проценко А.С.* История изучения кара-абызских древностей в XX веке (начальный этап изучения археологической культуры) // Известия Самарского научного центра РАН. 2015а. Т. 17, №3(2). С. 559–566.

*Проценко А.С.* Культура эпохи раннего железа на Южном Урале в этногенетической концепции происхождения башкир // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвертые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). Уфа: Полиграфдизайн, 2015б. С. 38–39.

*Проценко А.С.* Погребальный обряд детских погребений кара-абызской культуры (по материалам грунтовых могильников) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. ист. музей Южного Урала, 2017. С. 123–125.

*Проценко А.С.* Кара-Абызское городище в лесостепи Предуралья: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Всылева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 240–242.

*Проценко А.С., Сатаев Р.М.* К вопросу об основах жизнеобеспечения носителей кара-абызской археологической культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №6 (44). С. 125–133.

*Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. Т. II. Уфа: БФАН СССР, 1964. С. 215–231.

*Пшеничнюк А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений А. Х. Пшеничнюк // АЭБ. Т. II. Уфа: БФАН СССР, 1964б. С. 97–99.

*Пшеничнюк А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ. 1967а. № 148. С. 156–170.

*Пшеничнюк А.Х.* Формирование кара-абызской культуры А // V УАС (тез. докладов). Сыктывкар, 1967б. С. 50–53.

*Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ: БФАН СССР. Т. III / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1968. С. 59–104.

*Пшеничнюк А.Х.* Население центральной Башкирии на рубеже нашей эры (кара-абызская культура). Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1968а. 24 с.

*Пшеничнюк А.Х.* Племена раннего железного века в Башкирии // АЭБ. Т. IV / Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1971. С. 89–92.

*Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ Т. V / ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

*Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников // Древности южного Урала / Отв.ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–149.

*Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / Ред. А. Х. Пшеничнюка, В. А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983а. С. 77–103.

*Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983б. 199 с.

*Пшеничнюк А.Х.* Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху Бронзы и раннего железа / Ред. А. Х. Пшеничнюка, В. А. Иванова. Уфа: БФАН СССР, 1983в. С. 94–105.

*Пшеничнюк А.Х.* Юлдашевский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв.ред. А. Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 45–74.

*Пшеничнюк А.Х.* Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале: Сборник статей. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 4–9.

*Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сб. ст. Уфа, 1993: ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 32–61.

*Пшеничнюк А.Х.* Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // УАВ. 2004. № 5. С. 189–191.

*Пшеничнюк А.Х.* Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: Сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 26–37.

*Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В.* Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007.

*Равдоникас Т.Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н. э. – конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 138 с.

*Савельев Н.С.* К вопросу о поселенческих памятниках ранних кочевников Южного Урала // УАВ. Вып. 1. Уфа: НМ РБ, 1998. С. 53–58.

*Савельев Н.С.* «Трансуральский путь» и формирование этнокультурной карты лесостепи Южного Урала в эпоху раннего железа // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. С. 140–141.

*Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007а. 260 с.

*Савельев Н.С.* Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов и лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография археологическая конференция. Уфа: Китап, 2007б. С. 330–339.

*Савельев Н.С.* Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация Н. С. Савельев // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макарова. М.: ИА РАН, 2008а. С. 69–72.

*Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» / Ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ 2008б. С. 116–135.

*Савельев Н.С.* Новые исследования Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // УАВ. 2009. №9. С. 127–140.

*Савельев Н.С.* Гончарная и ремесленная керамика Шиповского комплекса памятников кара-абызской культуры // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-

практической конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева / Ред. А.Б. Юнусовой. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2009а С. 118–120.

*Савельев Н.С.* Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры (по материалам поселения Акбердино-3) // XVIII Уральское археологическое совещание. Культурные области, археологические культуры, хронология. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 11-16 октября 2010 г.) / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010а. С. 235–240.

*Савельев Н.С.* Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. № 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010б. С. 299–322.

*Савельев Н.С.* Научный отчет о проведении разведочных археологических исследований в г. Уфе, Благовещенском и Уфимском районах Республики Башкортостан по Открытому листу № 904 от 02.09.2010 г. // ООО Научно-исследовательский центр «Наследие». Уфа, 2011. 222 с. / Архив НИЦ «Наследие».

*Савельев Н.С.* Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. № 2. 2011а. С. 56–66.

*Савельев Н.С.* Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 годы) // Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / Наследие веков. Вып. 2. Уфа, 2011б. С. 42–70.

*Савельев Н.С.* На границе Европы и Азии: основные факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир / Отв. ред.: Н. Х. Спицына, Н. А. Лейбова (Суворова). СПб, Алетей, 2011в. С.11–24.

*Савельев Н.С.* Полевые материалы к научному отчету об археологических раскопках в Благовещенском районе РБ в 2011 г. (могильник Кара-Абыз-2) / Архив НИЦ «Наследие».

*Савельев Н.С.* Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // УАВ. 2014а. № 14. С. 191–206.

*Савельев Н.С., Яблонский Л.Т.* Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

*Савельев Н.С.* Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // УАВ. 2015 №15. С. 62–84.

*Савельев Н.С., Курманов Р.Г., Сулейманов Р.Р.* Первые результаты комплексных исследований Шиповского городища в лесостепи Южного Приуралья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Всильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СГПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 242–244.

*Савельев Н.С., Овсянников В.В., Курманов Р.Г.* Природные и этнокультурные трансформации на рубеже эр в лесостепи Южного Приуралья (по данным городища Акбердино II) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов [Электронный ресурс] / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. 2017. С. 900–901.

*Садовников С.Н.* К вопросу о типологии керамики кара-абызской культуры // Материалы XXXVIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции / отв. ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. Астрахань: ИД Астраханский университет, 2006. С. 116–117.

*Садыкова М.Х.* Новые памятники железного века Башкирии (исследования 1957 г.). АЭБ. Т.1 / Ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа, 1962. С. 123–131.

*Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

*Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952. С. 5–113.

*Смирнов А. П.* Железный век Башкирии // МИА. № 58. М., 1957. С. 5–113.

*Талицкая И.А.* Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // МИА. № 27. 1952. С. 74.

*Троицкая Т.Н.* Раскопки Михайловского городища в Башкирии // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: БФАН СССР, 1959. С. 88–96.



*Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа / Железный век Марийского края Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962 с. 71–87

*Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1962. С. 7–187.

*Чижевский А.А.* Проблема распада ананьинской культурно-исторической области // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ Уро РАН, 2013. С. 80–82.

*Широбоков И.Г., Черных Е.М.* Данные физической антропологии и проблема формирования населения Прикамья середины I тысячелетия н.э. (по материалам Боярского «Арай» могильника) // Вестник Удмуртского университета. Т. 26. История и филология. Вып. 1. 2016. С. 25–34.

*Шмидт А.В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 1–28.

*Шокуров А.П.* Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе Башкирской АССР. В 2 ч. Ч. 1. 1955 / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 316. 43 л.

*Шокуров А.П.* Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском районе БАССР. В 2 ч. Ч. II. 1955а / НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 317. 108 л.

*Юсунов Г.В.* Археологические разведки в Башкирии // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 85–92.

*Юсунов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района. Рукопись. 1957 / Научный архив УФИЦ РАН. Оп.3, Д. 15. 89 с.

*Юсунов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник / Ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа, 1959. С. 58–87.

*Юсунов Р.М.* Об уралоидном компоненте в антропологическом типе башкир // Материалы к антропологии уральской расы: Сборник статей БНЦ УрО РАН. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. С. 54.

#### **Информация об авторе:**

**Воробьева Светлана Леонидовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta\_legion@mail.ru

## **FOREST-STEPPE PART OF SOUTHERN URALS IN EARLY IRON PERIOD: HISTORY OF STUDYING THE ISSUE AND RESEARCH PROSPECTS**

**S.L. Vorobyeva**

The article considers the history of studying Kara-Abyz culture of the Early Iron Age in the forest-steppe area of the Southern Cis-Urals. Archaeologists have determined that in the 1st millennium B.C. - 1st millennium A.D. this area corresponded to the Ananyino period or Ananyino Cultural and Historical Area, Kurmantau culture, Kara-Abyz culture, Pyanobor culture, Gafurian and Ubalar types. The issues of establishment and development of Kara-Abyz culture are considered in the works by V.V. Golmsten, A.V. Zbrueva, T.N. Troitskaya, A.Kh. Pshenichnyuk, V.F. Gening, V.A. Ivanov, V.V. Ovsyannikov, N.S. Saveliev, and others. Since the identification of Kara-Abyz culture in the 1960s, the following key issues in this field have remained unresolved: the identification of Kara-Abyz as a separate culture (A.V. Schmidt, K.F. Lagodovskaya, A.Kh. Pshenichnyuk, N.S. Savelyev, V.V. Ovsyannikov, S.L. Vorobyov), or as a part of Ananyino culture (A.V. Zbruyev) or Pyanobor community (N.A. Mazhitov, V.F. Gening, R.D. Goldina); the determination of chronological periods, the issue of the origin of the Gafurian complex within the framework of Kara-Abyz culture. The main reasons for the diversity of concepts related to this issue are as follows: most of the archaeological material has not been published, and the anthropological material has been scarcely researched.

**Keywords:** Kara-Abyz culture, Kurmantau culture, Pyanobor culture, Gafurian type, Ubalar type, Ananyino culture, Imendyashevo type, history of studying, Cis-Urals, Early Iron Age.

#### **About the Author:**

**Vorobyeva Svetlana L.** Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta\_legion@mail.ru

УДК 902/904

**М.Г. ХУДЯКОВ: ИЗ НЕИЗДАННОГО ПРИ ЖИЗНИ**

© 2019 г. С.В. Кузьминых

В 2019 г. исполняется 125 лет со дня рождения видного российского археолога и историка Михаила Георгиевича Худякова (1894–1936). В статье дан обзор огромного и многопланового творческого наследия ученого. После ареста и расстрела в 1936 г. многие его работы остались неопубликованными и оказались в разных архивах страны и зарубежья. Статья вводит читателей в мир рукописей Худякова по истории и этнографии удмуртов, мари и казанских татар, археологии Волжско-Камского края от древности до Средневековья. Многие из работ М.Г. Худякова, безусловно, ждут возвращения из небытия и должны быть опубликованы.

**Ключевые слова:** археология, этнография, история, М.Г. Худяков, неизданные работы.

Огромное и разноплановое творческое наследие М.Г. Худякова после его расстрела в 1936 г. было предано забвению, многие работы остались неопубликованными и разбросаны по разным архивам страны и зарубежья. Основная часть изъятого при аресте рукописного архива ученого, связанная, прежде всего, с исследованиями в области истории и этнографии удмуртов и мари, была возвращена в 1939 г. из Петропавловской крепости в Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ныне Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге). Другие рукописи, подготовленные в годы работы в Государственной Академии истории материальной культуры, вернулись тогда же в Рукописный архив Института истории материальной культуры АН СССР. Часть рукописей, преимущественно студенческой поры, оказалась в Государственном архиве Кировской области, в фонде Вятской ученой архивной комиссии. Некоторые рукописи хранятся на родине Михаила Георгиевича, в районном краеведческом музее г. Малмыжа. Рукописи ряда крупных трудов ученого находятся также в рабочем архиве А.М. Тальгрена в Музейном ведомстве Финляндии. Статьи М.Г. Худякова, сданные в печать в середине 1930-х гг. и не успевшие выйти до ареста, вероятно, остались в редакциях академических журналов и сборников. Если они не утилизированы в 1936 г. или не пропали в блокаду Ленинграда, есть шанс отыскать их в питерских архивах.

Описание неизданных при жизни трудов М.Г. Худякова начнем с Рукописного отдела Научного архива (РО НА) ИИМК РАН. Здесь хранятся следующие работы ученого.

**«Древнее Поволжье (до V в. н.э.). Средневековое Поволжье (после V в. н.э.)»** (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1696. 98 л.). Рукопись представляет собой популярные очерки; по своему жанру это учебник или учебное пособие. В целом очерки оставляют впечатление незавершенного сочинения. Они состоят из трех частей (их трудно назвать главами): 1) «Древнее Поволжье», но в оглавлении к рукописи такого названия нет; 2) «Конспект по истории народов Поволжья»; часть 2 этого раздела датирована 27 марта 1936 г.; 3) «О Булгарском государстве»; 4) «Мари, удмурты»; 5) «История Казанского ханства». Эти части неравноценны по своей готовности. В конце рукописи автором отмечено, что желательно сопроводить ее рисунками, картами, этнографическими изображениями.

Судя по всему, эти очерки создавались М.Г. Худяковым с начала 1920-х годов. Из жизнеописаний и его переписки с В.А. Городцовым и А.М. Тальгреном известно, что в казанском Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте (с 1921 г. Восточная академия) по кафедре археологии Худяков читал общий курс по археологии Поволжья и Приуралья и специальные – «Археология бронзового века Волжско-Камского края» и «История археологии» (Кузьминых, 2004, с. 36; Кузьминых, Смирнов, 2015, с. 222–226); кроме того, в 1921 г. он был заведующим учебной частью Восточной академии (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 716. Л. 136). С этих его первых лекционных курсов, вероятно, и начали складываться настоящие очерки.

Части 3–5 рукописи явно созданы ученым на базе работ, написанных еще в казанские годы (Виноградов, Худяков, 1920;

Худяков, 1917; 1920а; 1920б; 1921а; 1921б; 1922а; 1922б; 1924). В первой половине 1930-х гг. М.Г. Худяков состоял преподавателем кафедр истории народов СССР ЛИЛИ и истории доклассового общества истфака ЛИФЛИ (Тихонов, 2003, с. 159, 282, 283). На эти очерки, судя по всему, он опирался при чтении лекционных курсов в этих институтах. В те же годы, как и в предшествующие аспирантские (1926–1929), Михаил Георгиевич продолжил разработку тем, которые нашли отражение в данной рукописи, ряде публикаций (Худяков, 1926; 1927; 1930а; 1930б; 1932а; 1932б; 1935а), а также в докладах и диспутах в ГАИМК. В 1933 г. в бригаде по изучению феодализма на востоке СССР состоялся его доклад «Феодализм у народов Поволжья в эпоху Казанского царства» (Хроника... 1933). Годом позже он выступил в прениях в дискуссии по докладу М.М. Цвибака «Основные вопросы истории возникновения феодализма в России» (Худяков, 1934б), заострив внимание на проблемах возникновения феодализма у народов Среднего Поволжья. Но с гораздо большей полнотой археологические, этнографические и фольклорные материалы, на которые исследователь опирался в очерках «Древнее Поволжье» и «Средневековое Поволжье», использовались им в книге о древней и средневековой истории Среднего Поволжья (Худяков, 1935а)<sup>1</sup>.

**«Культ деревьев у народа мари»** (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1362. 156 с., 16 фото). Машинопись, сопровождается отзывом И.И. Мещанинова<sup>2</sup>, с примечаниями

<sup>1</sup> Сама эта монография носит более узкое название «Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области: (Введение в историю народа мари)», ее структура и содержание «грешат» псевдосоциологическими построениями в стиле «нового учения о языке» Н.Я. Марра и его адептов. В то же время широта и полнота привлекаемого археологического и этнографического материала сделала эту книгу важным источником для всех исследователей, обращавших позднее к археологии Марийского края. В частности, изданная после войны книга А.П. Смирнова (1949) базируется на археологических материалах, собранных М.Г. Худяковым, но изложены они уже не по этапам родового общества, а в рамках традиционных археологических эпох.

<sup>2</sup> В 1934 г. И.И. Мещанинов – директор Института доклассового общества и член Президиума ГАИМК, в 1933–1937 гг. директор Института антропологии и этнографии / Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

главного редактора А.Г. Пригожина<sup>3</sup>. Рукопись имеет дату перепечатки – 17 февраля 1934 г., а это означает, что она была завершена в конце 1933 г. или самом начале 1934 г. Рукою М.Г. Худякова в конце текста сделано примечание – «Рукопись готова к печати». Структура ее такова: введение и две главы (1. Две формы культа священных рощ у мари, с. 2–29; 2. Конкретные проявления культа деревьев у мари, с. 29–148).

Проблематика, связанная с изучением культов и обрядов у древних и средневековых народов Волго-Камья, разрабатывалась М.Г. Худяковым, начиная с гимназических и студенческих лет, но особенно активно в годы работы в Институте по изучению народов СССР (с 1929 г.) и Государственной Академии истории материальной культуры (с 1931 г.). Помимо данной рукописи, его разыскания нашли отражение в ряде опубликованных трудов (Худяков, 1933а; 1933б; 1934а; 1934б). Они созданы на методологической базе «яфетической теории» Н.Я. Марра, но при этом опираются на большой корпус археологических, этнографических и фольклорных источников. Эта проблематика нашла также отражение в ряде выступлений М.Г. Худякова. В группе по изучению культов ГАИМК состоялись его доклады о культово-космических представлениях в памятниках материальной культуры Волжско-Камского края (см. статьи: Худяков, 1933а; 1934а), культе растительности у мари (по-видимому, по материалам готовящейся рукописи «Культ деревьев у народа мари»), культе заложных покойников в русском бытовом православии (Невский, 1931).

Собранный в книге археологический, этнографический и фольклорный материал не потерял своей актуальности и в наши дни, когда классических этнографических работ издается все меньше и меньше. Рукопись, безусловно, заслуживает скорейшей публикации. В столь полном объеме подобная работа не предпринималась современными марийскими этнографами. Отчасти рукопись Михаила Георгиевича перекликается с книгой известного финского этнографа Уно Харвы «Религия народа мари» (Harva, 1926), с

<sup>3</sup> В 1932–1934 гг. А.Г. Пригожин – член Президиума, заместитель председателя ГАИМК, в 1934–1935 гг. директор Московского института философии, литературы и истории.



которой Худяков познакомился в 1936 г. – эту книгу ему подарил А.М. Тальгрэн.

**«Религиозные верования в Поволжье в эпоху родового общества»** (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1369. 192 л.). В рукописи нет пометки о дате ее окончания, но об этом можно судить по отзыву И.И. Мещанинова, который датирован 22 декабря 1933 г. Книга имеет следующую структуру. Глава 1. Родовая организация культа, с. 1–30. Глава 2. Пережитки материнского рода, с. 30–55. Глава 3. Следы тотемизма, с. 55–124. Глава 4. Оформление родовых культов, с. 124–192.

Эта рукопись, как и предыдущая, создавалась М.Г. Худяковым в годы работы в ИПИН и ГАИМК, хотя материалы для нее, конечно же, собирались им на протяжении всей научной деятельности. Вопросы, обсуждаемые в книге, нашли отражение в ряде опубликованных (Худяков, 1933а; 1934а; 1935а; 1935б; 1936) и рукописных трудов ученого (Худяков, 1937)<sup>4</sup>. В настоящей рукописи они освещены в наиболее полном и завершенном виде. Обращает на себя внимание, что Михаил Георгиевич продолжил в ней работу над составлением карты расселения удмуртских родов. Первый опыт был сделан им еще в 1914 г. (Худяков, 1920а; 1920б). С накоплением новых материалов задача, безусловно, усложнилась. К их обработке был привлечен студент ЛИЛИ И.М. Лекомцев<sup>5</sup>, который по заданию Худякова взял на себя труд составления карты расселения удмуртских родов. Эта задача, как отмечает автор (с. 21), была успешно решена, и Лекомцев «впервые составил такую карту, представляющую, несомненно, большой исторический интерес». Любопытно, что на с. 59 Худяков зачеркнул в рукописи пассаж, в котором «обрушился» с критикой теории заимствований в трудах А.М. Тальгрена и финских археологов в целом. В начале 1930-х гг. подобного рода критика была по сути ритуальной в его работах (Худяков, 1931б; 1934в; Пальвадре, Худяков, 1934).

Остается сожалеть, что рукопись «Религиозные верования в Поволжье в эпоху родового общества» так и не увидела свет. Как и другой труд Худякова («Культ дере-

вьев у народа мари»), она также базируется на богатом археологическом, этнографическом и фольклорном материале, но вместе с тем, как и многие работы ученого 1930-х гг., грешит псевдомарксистским «новаторством» в духе теории стадильности («яфетическая теория») Н.Я. Марра.

**«Волхвы в древней Руси»** (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1354. 53 л.). В 1934 г. в Институте истории феодального общества ГАИМК М.Г. Худяков сделал доклад «Волхвы в древней Руси». Выступление было посвящено характеристике жреческой организации волхвов и ее роли в раннефеодальных крестьянских движениях. Судя по откликам (Хроника... 1934, с. 121), вокруг доклада развернулась большая полемика. Михаил Георгиевич, вероятнее всего, по итогам этого обсуждения подготовил текст брошюры для публикации в серии «Известия» ГАИМК, но до издания, увы, дело не дошло...

В Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся несколько рукописей М.Г. Худякова, связанных с его исследованиями в области истории и этнографии удмуртов и мари. Некоторые из этих работ, касающиеся прежде всего территории Удмуртии и истории удмуртского народа, более 10 лет тому назад были подготовлены к изданию (Гришкина, Кузьминых, 2008). Центральное место в книге «История Камско-Вятского края» занимает работа «История вотского народа» (Худяков, 2008, с. 129–214).

**«История вотского народа»** (ОРРК РНБ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 6. 179 л.), без даты в конце рукописи, но есть дата в одной из тетрадей – 13 ноября 1925 г. Написана в обычных ученических тетрадях, листы которых пронумерованы позже. Некоторые листы имеют двойную нумерацию – сверху и внизу страницы. Это рабочий вариант авторской рукописи с многочисленными поправками, зачеркнутыми фрагментами, дополнительными вставками, повторами, рабочими схемами. Рукопись явно не завершена. Ранее в научный оборот не вводилась. Можно лишь упомянуть краткое сообщение о наличии данной работы и лапидарный анализ ее содержания в выступлении А.Г. Шкляева и Т.А. Красновой на Международном конгрессе финно-угроведов в г. Оулу в 1993 г. (Krasnowa, Shklyaw, 1996). Главе 1 предшествует текст, никак не озаглавленный, и только по последовательности страниц можно

<sup>4</sup> Статья М.Г. Худякова была анонсирована в сборнике, но была изъята после его ареста и расстрела.

<sup>5</sup> Иван Михайлович Лекомцев, уроженец Глазовского уезда Вятской губернии, в 1930–1933 гг. был студентом этнографического отделения ЛИЛИ; см. подробнее о нем: (Христолюбова, 1997, с. 71, 72).

догадаться, что это предполагаемое введение, посвященное народам финно-угорской языковой семьи, их предыстории и расселению. Материал введения нередко повторяет текст Главы 1 и содержит лингвистические штудии, выдержанные в духе яфетической теории Н.Я. Марра. Последнее обстоятельство явно свидетельствует о том, что введение было написано позже, чем основной текст, в первые ленинградские годы, скорее всего, в 1925–1926 гг., когда М.Г. Худяков посещал лекции и семинары Н.Я. Марра и В.В. Бартольда.

Глава 1 начинается с листа 12 и содержит вначале краткий перечень намечаемых к раскрытию вопросов, который фактически реализуется на протяжении всей рукописи. На листе 34 автор дает новую структуру работы. Она включает 12 разделов, в соответствии с которыми в основном и излагается материал. Глава 2 не имеет подзаголовков и целиком строится на археологических данных, уже введенных в оборот предшественниками автора. По содержанию она охватывает пункты 4–6 программы («Продвижение вотяков с Волги на Вятку»; «Следы вотских поселений в Поволжье»; «Движение черемис на восток»). С листа 72 начинается глава 3, озаглавленная «Эпоха подчинения вотяков чужеземному капиталу». Здесь выделены подзаголовки: «Начало русской колонизации в Вотском крае»; «Соперничество русского и татарского капитала». Далее подзаголовки не вычлениваются, несмотря на то, что материал главы доведен до 1924 года. В целом текст работы и в хронологическом, и в тематическом отношении шире предполагаемого первоначально плана и структуры. Повествование доводится до событий создания Вотской автономной области. Заключительный раздел посвящен явлениям культурного строительства в области, которые автор воспринимал с огромным энтузиазмом и надеждой на будущее возрождение удмуртского народа. Рукопись завершается рекомендательным списком литературы. Последняя по времени издания упомянутая в нем работа относится к 1925 году.

Рукопись не датирована, но по некоторым косвенным признакам ее можно отнести к казанскому периоду творчества ученого. Вряд ли М.Г. Худяков возвращался к основному тексту после переезда в Ленинград и поступления в аспирантуру ГАИМК (1926 г.), когда область его научных интересов хотя и коренным образом не изменилась, но корректирова-

лась аспирантским планом. Автор не пытался довести «Историю...» до издательства, не предлагал ее – в отличие от ряда других работ – А.М. Тальгрену для публикации за рубежом. До завершения рукописи даже в авторском варианте было – и это очевидно – еще далеко. Данное обстоятельство создало огромные трудности при подготовке ее к изданию.

Еще одно обстоятельство, которое с неизбежностью возникает, когда написание и издание работы отделены друг от друга временным разрывом почти в 80 лет. Историческая наука, этнография и археология со времени создания рукописи продвинулись далеко вперед, возникло множество новых точек зрения, иногда совершенно опровергающих гипотезы и воззрения автора. К тому же на этом труде М.Г. Худякова лежит отчетливая печать очень популярных и распространенных теорий, характерных для 20–30-х годов прошлого столетия и отвергнутых современной наукой. В частности, это касается чрезвычайно модной теории торгового капитализма, выдвинутой академиком М.Н. Покровским.

Под углом зрения этой теории М.Г. Худяков рассматривает всю историю удмуртов в средневековье и даже в древности. Удмуртские городища уже в ананьинскую эпоху являлись для него прежде всего местом концентрации драгоценной пушнины, а родоплеменная верхушка – агентом по торговле с иностранцами, получавшей предметы ввоза и распределявшей их среди окрестного населения, не без выгоды для себя. Именно торговый обмен автор считал способом накопления значительных средств в руках социальных верхов, способствовавшим росту их власти над остальным населением. Эпоху колонизации территории расселения удмуртов булгарами, татарами, а затем и русскими он также рассматривал, прежде всего, как эпоху соперничества татарского и русского капитала.

Другая теория, оказавшая явное и сильное влияние на ученого, – это яфетическая теория или «теория стадийного развития» академика Н.Я. Марра (Худяков, 1931). Налет яфетидологии, очень популярной в СССР вплоть до 1953 г., ощущается на всем творчестве М.Г. Худякова ленинградских лет, в том числе и на объяснении многих явлений древней истории удмуртов.

«Историю вотского народа» объединяет с «Очерками по истории Казанского ханства» (Худяков, 1923) стремление автора доказать,

что удмурты, как и другие финно-угорские народы, являлись субъектом истории, а не «коснели в дикости», как изображало их большинство историков, вплоть до А.Д. Иловайского и С.Ф. Платонова. Одержимость в решении поставленной задачи приводит его к чрезмерному расширению ареала расселения удмуртов, которые, по его убеждению, занимали до великого переселения народов местности по обоим берегам Волги и по нижнему течению Камы и Вятки. Складывается впечатление, что М.Г. Худяков относит к предкам удмуртов все выявленные на этой территории археологические памятники от энеолита до железного века. Оттеснение удмуртов к северо-востоку он связывает с притоком чуваш, которых рассматривает как самостоятельную народность, не имеющую отношения к булгарам. Миграция на северо-восток усилилась «с вторжением булгар – предков современных казанских татар». На более реальную почву М.Г. Худяков опирается, начиная с эпохи чепецкой культуры. При анализе материальной и духовной культуры обитателей чепецких городищ исследователь широко использовал удмуртский героический эпос, воссозданию которого он отдал много сил<sup>6</sup>.

Часть вторая рукописи «Эпоха господства чужеземного капитала» повествует о периоде русской колонизации края. Любопытно, что в оценке этого процесса автор очень близок к теории «пассионарности» Л.Н. Гумилева. «... русские прочно утвердились в Верхнем Поволжье. Необычайно быстрый прирост населения, свойственный молодой расе, оставлял далеко за собой медленный прирост жителей в таких областях, которые были населены финскими народами с незапамятных времен в течение нескольких тысячелетий. Баланс энергии, запаса жизненных сил и приспособляемости складывался неблагоприятно для одряхлевшей финской расы», – отмечает он, объясняя темпы колонизации удмуртских земель. Картину взаимоотношений коренных жителей и пришлого населения он восстанавливает на основе

6 См. подробнее об истории создания эпоса, его судьбе, литературоведческом анализе в трудах Ф.К. Ермакова (1970), Д.А. Яшина (1986; 1987), П. Домокоша (1993, с. 118, 124–130), В.М. Ванюшева (2004), В.В. Напольских (Napol'skikh, 2003). Сам эпос был издан в оригинале на русском языке (Худяков, 1986; 2008) и в переводе В.М. Ванюшева – на удмуртском (Худяков, 2004).

самых разнообразных источников и при этом не оставляет в стороне глубокие изменения в психологии удмуртского народа, оказавшегося под двойным гнетом. Совершенно другой тон приобретает повествование М.Г. Худякова, когда он говорит о начавшемся возрождении удмуртского этноса, которое получило новые импульсы с созданием автономной области удмуртского народа.

**«Общественный строй вотяков в VII–XIV столетиях»** (ОРРК РНБ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 7. 26 л.). По сравнению с «Историей вотского народа» рукопись оставляет впечатление гораздо более зрелого и завершеного этюда. Автор подчеркивает, что появление данной темы не было случайностью: он пришел к ней «после продолжительной работы над изучением экономической истории Среднего Поволжья с древнейших времен до русской колонизации». Импульсом к созданию статьи, по признанию самого ученого, стал аспирантский семинар по марксистской теории истории, который действовал в ГАИМК под руководством профессора И.С. Плотникова. М.Г. Худяков являлся активным участником этого семинара. Данная работа является достаточно смелой попыткой социологической интерпретации уже известного археологического, этнографического и фольклорного материала с позиций того же международного товарообмена как главной движущей силы экономического и социального прогресса.

В статье в более завершенной логически форме излагаются наблюдения и выводы, которые были намечены в форме гипотез в предшествующем труде. Историю удмуртов и в этой работе М.Г. Худяков рассматривает с точки зрения развития торгового обмена с соседними и отдаленными народами. Выделяемые им периоды отличаются друг от друга главным образом сменой торговых партнеров. Более детально анализируется автором период, предшествовавший русской колонизации. «Предметы, найденные на городищах и селищах Чепецкого края, дают достаточный материал для характеристики как экономического быта, так и общественного строя вотяков в эпоху, предшествовавшую русской колонизации», – отмечает Михаил Георгиевич, подчеркивая, что прежде всего в этот период в глаза бросается классовое расслоение этноса.

М.Г. Худяков приходит к справедливому выводу о натуральном характере крестьянско-



го хозяйства в изучаемый им период. Однако при этом к разряду покупных он относит все «железные изделия: ножи, топоры, сошники, наконечники стрел, не говоря уже о разных женских украшениях – перстнях, браслетах, ожерельях, серьгах, подвесках – необходимо было покупать на стороне, у богатых владельцев городищ». Таким образом, автор совершенно отрицает какое-либо развитие металлургического, кузнечного и уж тем более ювелирного производства у удмуртов. Все изделия этих промыслов представлялись ему привозными, полученными в результате обменных операций. Нет необходимости говорить о том, насколько серьезную корректировку этих выводов дали материалы последующих археологических разысканий, убедительно продемонстрировавшие достаточно высокое развитие у удмуртов развитого кузнечного и ювелирного ремесел.

Среди жителей удмуртских городищ М.Г. Худяков не видел ремесленников и рядовых жителей. Здесь, по его мнению, «обитал правящий слой, торговая знать, сосредотачивавшая в своих руках все богатства». Социальная дифференциация, по представлениям автора, происходила на основе эксплуатации родовыми вождями рядовых удмуртов-охотников, которые доставляли на городища в обязательном порядке продукты охоты в виде дани. Пушнина служила товаром для обмена с иноземными купцами, от которых «князья-продавцы» получали предметы роскоши и моды, излишки от которых, в свою очередь, опять распределяли среди окрестного населения не без выгоды для себя».

Все это – несомненная дань теории «торгового капитализма». В то же время в статье немало тонких наблюдений и выводов. Наверное, и для современных исследователей представляет несомненный интерес вывод М.Г. Худякова о том, что удмурты были объединены в целый ряд отдельных родовых княжеств, не связанных единой политической властью, но наметилась тенденция к формированию таких более крупных политических объединений. «Несомненно, что сознание национального единства поддерживалось во всех вотях общностью их экономической жизни, быта, языка, обычаев, преданий и культа. У вотяков существовало даже понятие об общенациональном объединении, обозначавшееся термином «эксей улос», – заключает Худяков повествование об эпохе, предшествующей

русской колонизации. «Однако, – справедливо отмечает он, – классовое расслоение вотяков не успело дойти до конца. Феодализм, характерный для болгаро-татар того времени, не успел распространиться среди вотяков... Предел дальнейшей дифференциации населения положила русская колонизация, нарушившая естественное развитие хозяйственных и общественных процессов. Произошло обратное уравнивание классовых различий, и начавшаяся дифференциация вновь сменилась возвратом к натуральному хозяйству». Так выглядит социальный строй удмуртского общества и его дальнейшая эволюция под влиянием внешних обстоятельств. Эти выводы автора были во многом подтверждены в работах современных исследователей истории удмуртского этноса.

Эта работа, как и предыдущая, не датирована, но, вне всякого сомнения, она написана М.Г. Худяковым в аспирантские годы. В последних разделах рукописи мы сталкиваемся с полемикой с А.П. Смирновым – автором статьи «Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIII веков нашей эры», опубликованной в 1928 г. (Смирнов, 1928). Последнее обстоятельство дает возможность отнести завершение работы над данной рукописью к периоду не позднее 1928–1929 гг., когда в рамках аспирантского семинара по марксистской теории истории Худяков подготовил доклад и статью «Общественный строй вотяков в VII–XIV столетиях», которая в итоге была опубликована спустя 80 лет после ее написания (Худяков, 2008, с. 215–232).

«Новое о Мултанском деле» (ОРРК РНБ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 10. 21 л.). В книге «История Камско-Вятского края» опубликованы две работы М.Г. Худякова, связанные с известным Мултанским процессом. «Новое о Мултанском деле» является более пространной рукописью, ставшей базой для другой – более сжатой и гораздо более четко выстроенной статьи, предназначенной для публикации (Худяков, 1932б). Судя по концовке, статья «Политическое значение Мултанского дела и его отголосков в настоящее время» была завершена после работы в Удмуртии в 1931 г. Удмуртского отряда Нижегородской антирелигиозной экспедиции ИПИИ во главе с М.Г. Худяковым. В плане работ Средневожского сектора этого института на 1931 г. под пунктом 7 значится «Подбор библиографии и иллюстративного материала по Мултанско-

му делу» (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Д. 232. Л. 30).

В отличие от других ученых, занимавшихся Мултанским процессом, М.Г. Худяков значительно шире взглянул на политическую и идейную подоплеку этого дела и его разбирательства, связав его с еврейским вопросом в России. В рукописи сохранилось свидетельство автора о том, что на непосредственную связь процесса с самым большим для второй половины XIX в. еврейским вопросом указал ему А.Ф. Кони при личной встрече, состоявшейся 4 апреля 1925 года. Для А.Ф. Кони, В.Г. Короленко и Л.Н. Толстого – людей, совершенно разных по своим политическим убеждениям, – защита удмуртов стала «защитой гуманности, веротерпимости от человеконенавистничества и шовинизма, насилия и несправедливости». Гораздо сильнее, нежели в опубликованной статье, звучит в рукописи мотив заинтересованности служителей церкви в обвинении мултанских удмуртов: «Победоносцев (обер-прокурор Синода) и Плеве (министр внутренних дел) стояли всецело за обвинение». Автор приводит воспоминания Кони, как после второй кассации Мултанского дела Плеве встретился с ним и заявил, что отменой обвинительного приговора тот компрометирует православную церковь.

В опубликованном варианте (Худяков, 2008, с. 233–247) более тщательно разработана политическая подоплека и история подготовки Мултанского процесса. М.Г. Худяков продемонстрировал, что корни этого дела уходят еще в период правления Николая I, «когда легенда о ритуальных убийствах была вынесена за пределы черты еврейской оседлости и стала блуждать повсеместно». В 1853 г. возникло ритуальное дело в Саратове, когда к следствию были привлечены не только евреи, но украинцы и немцы-колонисты, которым также приписывались обвинения в человеческих жертвоприношениях. Крайне возбужденная атмосфера вокруг Саратовского дела вызвала появление молвы о человеческих жертвоприношениях у марийцев, чуваш и удмуртов. Таким образом, исследователь убедительно доказывает, что возникновение дела о ритуальном убийстве, в котором обвиняемой стороной стали удмурты, было делом случая и совпадения обстоятельств, среди которых немаловажное значение имели напряженные взаимоотношения между русскими жителями деревень Чульи и Анык и мултан-

скими удмуртами, а также карьерные устремления энергичного и честолюбивого товарища прокурора Малмыжского окружного суда Н.И. Раевского, «который решил оказать услугу правительству проведением обвинительного ритуального дела против инородцев». То, что казалось невозможным по отношению к евреям, оказалось значительно более легким по отношению к другим «инородцам».

М.Г. Худяков вскрывает и неблагоприятную роль местного духовенства, представители которого распространяли слухи о человеческих жертвоприношениях, «которые имели задачей отвратить удмуртов от язычества к христианству, а среди русского населения усилить стремление к скорейшей ассимиляции удмуртов». Неоднократные попытки возбудить ритуальный процесс, подобный Мултанскому, оканчивались провалом, пока за подвернувшийся удобный случай не ухватился Раевский, который превосходно учел политическое значение созданного им дела. Михаил Георгиевич приводит свидетельство А.Н. Баранова о том, как уездные чиновники объясняли действия Раевского: «Создать и провести такое дело – ведь это прямо карьера. После такого дела шагнуть можно – ого-го-го! Виновных-то всякий упечет, а ты вот невиновных закатай, да еще по такому преступлению какого не бывает».

В опубликованном варианте статьи М.Г. Худяков подверг анализу и последующие выступления представителей обвинения и их сторонников с наветами на удмуртов, поддержанные черносотенной печатью. Кроме того, он обратил внимание на распространенность подобных слухов в Удмуртии во время экспедиционной поездки 1931 г. «Слухи эти разжигают национальную рознь и уводят прочь от правильного проведения ленинской национальной политики», – обеспокоенно писал автор в 1932 г. Худяков полагал, что «контрреволюционные» слухи разжигаются классовыми врагами: кулацкими элементами и несознательной частью беспартийных советских служащих». Предполагалось, что ликвидация кулацких элементов и перевоспитание несознательных служащих в корне изменят ситуацию, но все оказалось куда сложнее: слух, однажды запущенный и поддержанный официальным разбирательством, имеет способность возрождаться вновь и вновь в переломные моменты истории.

В Государственном архиве Кировской области хранятся две рукописи М.Г. Худякова. Первая – «**Путешествие Отара в Биармию**» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 382. 11 л.) – является докладом «Путешествие Отара в Биармию», прочитанным Михаилом Худяковым на заседании студенческого научно-исторического общества при Казанском университете 8 февраля 1916 г. Рукопись, вероятнее всего, предназначалась для публикации в «Трудах» Вятской ученой архивной комиссии, где в предшествующие годы был опубликован ряд других исторических сочинений студента Худякова, но в силу не вполне ясных причин работа не пошла в печать – опубликовать ее удалось лишь в начале XXI века (Худяков, 2008, с. 51–56).

Поражает зрелость мысли студента-третьекурсника, который провел обстоятельный анализ скандинавской «Саги об Отаре» и выдвинул глубокие и обоснованные аргументы против теории его земляка, профессора Московского археологического института С.К. Кузнецова о местоположении легендарной Биармии на Мурманском берегу Кольского полуострова. Анализ маршрута путешествия Отара привел начинающего исследователя к отождествлению Биармии с древней Пермью Великой, т.е. с местностью, занимавшей часть Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний.

Вторая рукопись из того же архива – «**Исторический очерк города Малмыжа**» (Ф. 170. Оп. 1. Д. 86. 19 л.) – является черновым вариантом глав VIII и IX, не вошедших в очерк М.Г. Худякова «Исторический очерк города Малмыжа» (Худяков, 1916). Последняя часть, озаглавленная автором «Состояние Малмыжа в конце XVIII и начале XIX века (в эпоху преобразований)», в печать не попала и сохранилась в фонде ВУАК. Эта работа имеет обширное приложение, включающее постраничные комментарии и отрывки из подлинных исторических актов, а также рукописные планы и схемы, сопровождающие текст. Среди приложений к «Историческому очерку...» – отрывки из указов, переписных и городских книг, обывательских книг, а также список наиболее примечательных населенных мест Малмыжского уезда Вятской губернии.

В полном варианте «Исторический очерк города Малмыжа» опубликован в томе избранных исторических трудов М.Г. Худякова (2008, с. 56–105).

К циклу работ М.Г. Худякова об истории Вятского края относится еще ряд исторических сочинений ученого. Два из них издаются в книге «Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / Ред., сост. В.Н. Козлов. Йошкар-Ола, 2003».

«**История покорения Малмыжского края**» (с приложением текста былины, записанной К.П. Чайниковым в Малмыжском уезде). Эта рукопись опубликована (Худяков, 2003а, с. 31–86) по машинописи «Прошлое Малмыжского края (князь Полтыш) (с приложением былины, записанной К.П. Чайниковым в Малмыжском уезде)», хранящейся в библиотеке Марийского научно-исследовательского института (Оп. 1. Д. 122. 39 л.). В левом верхнем углу первой страницы сделана пометка рукой М.Г. Худякова «4 экз.». В Йошкар-Олу рукопись попала, судя по всему, из Малмыжа, но более точная легенда о ее происхождении отсутствует. В этом я мог лично удостовериться при ознакомлении с рукописью в МарНИИ еще до ее публикации.

М.Г. Худяков уже обращался к теме покорения Малмыжского края и легендам о марийском князе Болтуше/Полтуше в работе «Исторический очерк города Малмыжа» (Худяков, 1916; 2008, с. 56–105). Рукопись «Прошлое Малмыжского края (князь Полтыш)», судя по всему, была создана после 1918 г., когда К.П. Чайников (Кузубай Герд) записал в Малмыжском уезде текст былины о князе Полтыше. Былина позволила Худякову дать более развернутую характеристику истории покорения Малмыжского края, войны Полтыша с русскими войсками и его гибели; подробнее рассмотрен им весь цикл преданий о могиле марийского князя. Эта рукопись позднее легла в основу статьи «Из фольклора Нижегородского края: (Легенды о могиле марийского князя Болтуша)» (Худяков, 1931в).

«**Из истории взаимоотношения татарских и марийских феодалов в XVI веке**» (СПФ АРАН. Ф. 247. Оп. 2. Д. 7. 85 л.). Судя по окончанию текста, в рукописи недостает последней страницы. Статья была анонсирована в издании АН СССР «Исторический сборник. Вып. 6. Л., 1936», но после того как М.Г. Худяков был репрессирован осенью того года, его работа «выпала» из набора сборника. К счастью, она сохранилась в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и спустя несколько десятилетий была опубликована В.Н. Козловым в упомянутой выше книге



«Полтыш – князь черемисский» (Худяков, 2003б, с. 89–138). Эта довольно объемная рукопись закономерно вписывается в круг исследования проблем феодализма у народов Среднего Поволжья (особенно исторической географии эпохи Казанского ханства), которые велись ученым в 1930-е годы (Худяков, 1932а; 1934б; 1935а; см. также рукопись «Древнее Поволжье (до V в. н.э.). Средневековое Поволжье (после V в. н.э.)»). А начало разысканий по данной проблематике, безусловно, восходит к его «Очеркам по истории Казанского ханства» (Худяков, 1923), особенно к главе V этой книги – «Внутренний строй Казанского ханства».

Рукописи ряда крупных трудов М.Г. Худякова находятся также в рабочем архиве А.М. Тальгрена в Музейном ведомстве Финляндии и в его эпистолярном архиве в Отделе рукописей Национальной библиотеки этой страны.

**«Культуры позднего бронзового века в Казанском крае».** С 20 ноября 1919 г. по 20 мая 1922 г. М.Г. Худяков состоял преподавателем Северо-Восточного археологического и этнографического института (с 1921 г. Восточная академия) по кафедре археологии (Кузьминых, Смирнов, 2015). Здесь он наряду с общим курсом «Археология Поволжья и Приуралья» читал два специальных курса – «Археология бронзового века Волжско-Камского края» и «История археологии». В письмах В.А. Городцову (15.06.1920) и А.М. Тальгрена (8.03.1923) Худяков сообщает, что лекции по археологии бронзового века основаны им преимущественно на трудах этих ученых.

В сентябре 1920 г. состоялось знакомство М.Г. Худякова с В.А. Городцовым, в то время не только профессором 1-го МГУ, но и руководителем археологического подотдела Музейного отдела НКП РСФСР (Кузьминых, Белозерова, 2014). Визит Городцова в Казанский губернский музей придал заметный импульс научным занятиям Худякова, стимулировал его обращение к изучению старых коллекций Н.П. Лихачева и П.А. Пономарева из Полянок и Маклашеевки (Худяков, 1920в). Городцов предоставил в 1921 г. в распоряжение казанского археолога новую и давно ожидаемую книгу Тальгрена (с которым познакомился еще студентом, в 1915 г.) об ананьинской эпохе, на которую вскоре откликнулся компетентной и критической рецензией (Худяков,

1922г). Под влиянием В.А. Городцова и А.М. Тальгрена – наиболее авторитетных в те годы специалистов по археологии эпохи раннего металла Восточной Европы М.Г. Худяков в начале 1920-х гг. всерьез обратился к изучению бронзового века Волжско-Камского края. В 1923 г. им создан первый вариант рукописи книги «Маклашеевская культура» (отправленной Тальгрена в Хельсинки), которая рассматривалась им как переходная от камня к металлу и одновременная фатьяновской культуре Средней России.

Переехав в Ленинград и поступив в 1926 г. в только что открывшуюся аспирантуру ГАИМК, Михаил Георгиевич, видимо, в силу черт своего характера, не мог сконцентрироваться только на одной теме и долго колебался в выборе темы диссертационного исследования. Первоначально он склонялся к теме «Бронзовый век Среднего Поволжья», и в этом его поддерживал А.М. Тальгрэн, при помощи которого М.Г. Худяков опубликовал в Хельсинки ряд важных работ (Chudjakov, 1927a; 1927b; 1927c). Но в итоге, столкнувшись с критикой финского коллеги культурно-хронологической схемы культур бронзового века Волго-Камья, которую Худяков отставивал в присланных Тальгрена рукописях и в переписке, он сконцентрировался на монографическом изучении пьяноборской культуры, тем более что эта тема перекликалась с аналогичным исследованием его руководителя П.П. Ефименко в области культуры окских финнов.

В рукописях, отправленных А.М. Тальгрена описываются, прежде всего, материалы из курганных погребений близ Маклашеевки и Полянок, раскопанных Н.П. Лихачевым и П.А. Пономаревым в 1880–1882 гг. М.Г. Худяков впервые проанализировал средневожские погребальные древности (обряд, керамика, инвентарь, антропология) более ранней поры, чем известные могильники ананьинского типа. Материалы из Полянок и Маклашеевки Худяков отнес к стадии культуры каменного и бронзового века на Средней Волге, которую назвал «маклашеевской». Михаил Георгиевич рассматривает маклашеевскую культуру как энеолитическую, отличную от фатьяновской, сходную с ней, но более позднюю (в отличие от своих более ранних работ), и в связи с более южной хвалынской культурной группой на Волге. В реальности все те памятники, которые в 1950-е годы А.Х. Халиков объеди-

нил в приказанскую культуру, а А.П. Смирнов назвал культурой приволжских стоянок, в 1920-е годы рассматривались М.Г. Худяковым в рамках маклашеевской культуры. Правда, к числу ее древностей были отнесены и некоторые стоянки каменного века плюс памятники, которые позднее будут отнесены к срубной культуре.

**«Каменные сверленные топоры».** Это еще одна рукопись, переправленная М.Г. Худяковым в Хельсинки. Послана она А.М. Тальгрону, как и первый вариант книги о маклашеевской культуре, еще из Казани. Интерес к данной категории орудий был у казанского археолога, конечно, не случайным. Он видел, с каким вниманием и интересом отнеслись к этим предметам в собраниях губернского музея и музея Общества археологии, истории и этнографии Тальгрена и Городцов. Для них данные находки были связующей нитью Казанского Поволжья с древностями верхневолжской фатьяновской культуры. С учетом топоров из коллекции В.И. Заусайлова связь эта реконструировалась как весьма прочная. Дело оставалось за выявлением непосредственно могильников фатьяновского типа на Средней Волге.

Худяков, понимая значение каменных сверленных топоров, хранящихся в казанских собраниях, для изучения фатьяновской проблематики верно определил направление их изучения. Он пошел по пути классификации и создания каталога орудий из коллекции Центрального музея Татарской Республики. При этом особое внимание уделялось параметрическим промерам деталей топоров. Кабинетная работа с топорами стала предметом его практических занятий со студентами Восточной академии, как явствует из письма В.А. Городцову (11.03.1922). Причем Михаил Георгиевич отмечает усердную работу своих студентов: «Вместо 2 часов в неделю (по расписанию) по желанию студентов мы работаем над топорами по 6–8 часов в неделю».

Худяков надеялся, что результаты этой работы Тальгрена оценит по достоинству и найдет возможность опубликовать этот труд. Но финский ученый забраковал присланную рукопись. Он не был поклонником такого рода классификаций. К тому же Михаил Маркович, обладая в Хельсинки собранием каменных сверленных топоров В.И. Заусайлова, владел гораздо более обширной информацией и видел все недочеты работы молодого

казанского археолога. В его собственных планах была подготовка 3 тома «Collection Zaoussaïlov», в котором он как раз намеревался опубликовать каменные топоры (в том числе и сверленные) этого выдающегося собрания древностей. Но в итоге Тальгрону в силу огромной занятости не удалось осуществить свою задумку. Позднее исследование о каменных сверленных топорах стало частью монографического труда А. Европеуса (Эйряпя) о культуре боевых топоров в России (Åugärää, 1933). Тем не менее важно помнить об опыте М.Г. Худякова – первым при работе с топорами балановской культуры. К сожалению, он не нашел никакого отражения в трудах, связанных с изучением этой культуры, в том числе и совсем недавних (Соловьев и др., 2012; 2015).

**«Очерки по экономической истории Среднего Поволжья».** Эта рукопись, оказавшаяся в рабочем архиве А.М. Тальгрена, принадлежит к числу наименее удачных опытов М.Г. Худякова. Созданная в середине – второй половине 1920-х гг., далекая от традиционных археологических работ, она не могла заинтересовать Тальгрена ни как исследователя, ни как прагматичного редактора журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua». Эта рукопись в большей степени является историческим сочинением, в котором основное внимание уделено периодам Средневековья у народов Среднего Поволжья и Приуралья через призму социально-экономических отношений. Значительную часть главы 4 «Раннеболгарский и среднеболгарский периоды» Худяков посвятил развенчанию теории булгаро-чувашского родства.

Работа над рукописью была начата им еще в начале 1920-х гг. В документах историко-археологического отдела Центрального музея Татарской республики сохранилась запись о том, что в 1923 г. Михаил Георгиевич соглашается на предстоящем съезде по краеведению в Казани прочесть доклады «Экономическая история Поволжья» и «Первобытная культура Волжско-Камского края» (НМРТ, фонды, арх. № 12, д. 81/27а, л. 49 об.). Судя по всему, Худяков не надеялся на издание этой книги в России, поэтому и не стал ее востребовать ее обратно из Хельсинки. Так она и «осела» в тальгреновском архиве, как, впрочем, и другие его рукописи.

Перечисленными работами не исчерпываются перечень неизданных трудов М.Г. Худякова (см. ниже их неполный список).

В архивах учреждений, в которых он служил, отложились документы, связанные с его текущей профессиональной деятельностью – музейной, педагогической, научной. Они еще не в полной мере выявлены, таят немало сюрпризов и находок для исследователей жизненного и научного пути ученого. В год 125-летия со дня рождения Михаила Георгиевича Худякова мы должны признать, что все еще остаемся в неоплатном долгу перед его памятью – нам предстоит вернуть из небытия лучшее из творческого наследия ученого. Работа эта ведется, но крайне медленно – вести ее необходимо гораздо активнее.

**Работы, сданные в печать, но не вышедшие. Рукописи.**

**«Археологическая карта ТАССР».** М.Г. Худяков в 1920-е годы был лучшим знатоком древностей Казанской губернии, а затем и Татарской республики. Не случайно Научное общество татароведения поручило ему в 1923 г. составление археологической карты республики в продолжение дореволюционных опытов (Шпилевский, 1877). Карта была составлена (Хроника... 1925), но, к сожалению, осталась не изданной. Следы ее пока не обнаружены. Сбор информации к карте не ограничивался изучением музейных коллекций: для описания и учета курганов на территории республики публикуется специальная программа-вопросник (Худяков, 1921в).

**«Усадьбы Малмыжского уезда»** (журнал «Среди коллекционеров». 1925).

**«Культ зверя и праздник пасхи в Восточной Европе»** (эта статья предназначалась и уже была анонсирована в сборнике «Памяти В.Г. Богораза (1865–1936) / Отв.

ред. И.И. Мещанинов. М.–Л.: АН СССР, 1937. XVIII+382 с.», но в изданном сборнике статьи репрессированного М.Г. Худякова уже не оказалось).

**«Космогонические представления удмуртов по заговору в дер. Юртошур-Каксей»** (ОРРК РНБ, 8 л.), без даты, но, вероятно, после 1931 г. Текст заговора был записан в ходе работ Удмуртского отряда Нижегородской антирелигиозной экспедиции ИПИН. Автор приводит сам текст заговора и его семантические объяснения; рукопись сопровождается подготовительными материалами.

**«Портретные изображения во фресковой росписи Свяжского Успенского монастыря»** (статья предназначалась для одного из номеров журнала «Казанский музейный вестник» 1922 г., но в итоге не вышла).

**«Доклад о деятельности Малмыжского Исторического общества»** (ОПИ ГИМ. Ф. 431). Текст на пяти большеформатных листах М.Г. Худяков адресовал для ознакомления В.А. Городцову. Рукопись датирована 6 марта 1919 г. Подпись – Михаил Худяков, хранитель археолого-исторического отдела Казанского губернского музея. Позднее сведения, изложенные в этом докладе, вошли в статью «Музеи Малмыжского края» (Худяков, 1922в).

**«О 1-й экскурсии Исторического общества 22–24 июня 1918 г.»** (РЖ ТМММК. 1925. Январь–март).

**«К истории географии Малмыжского края»** (РЖ ТМММК. 1925. Июнь–сентябрь).

**«Покорение Малмыжа»** (РЖ ТМММК. 1923–1924).

**«Отрывки из рукописной истории очерков о г. Малмыже»** (РЖ ТМММК. 1926).

## ЛИТЕРАТУРА

*Ванюшев В.М.* Михаил Георгиевич Худяков и удмуртский героический эпос // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов и др. Казань: Школа, 2004. С. 470–479.

*Виноградов З.З., Худяков М.Г.* Болгары // Выставка культуры народов Востока: (Путеводитель по выставке) / Ред. Б.Ф. Адлер и др. Казань: Первая гос. тип., 1920. С. 10–22.

*Гришкина М.В., Кузьминых С.В.* Михаил Георгиевич Худяков как историк (вместо предисловия) // М.Г. Худяков. История Камско-Вятского края: Избранные труды. М.; Ижевск: ИА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2008. С. 5–49.

*Домокош П.* История удмуртской литературы. Пер. с венг. Ижевск: Удмуртия, 1993. 446 с.

*Ермаков Ф.К.* Об удмуртском эпосе // Записки УдНИИ. Филология. Ижевск: УдНИИ, 1970. Вып. 21. С. 239–247.

*Кузьминых С.В.* Казанские годы в жизненном и творческом пути М.Г. Худякова // Краеведческие чтения, посвященные 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ и 110-летию М.Г. Худякова / Ред. Г.С. Муханов и др. Казань: Школа, 2004. С. 25–46.



*Кузьминых С.В., Белозёрова И.В.* Василий Алексеевич Городцов и Казань: поездка 1920 года // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 186–202.

*Кузьминых С.В., Смирнов А.С.* Археология в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте // Поволжская археология. 2015. № 1. С. 214–240.

*Невский А.А.* Хроника: Работы группы по изучению культов Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) // СЭ. 1931. № 1–2. С. 169–171).

*Пальвадре М.Ю., Худяков М.Г.* Рец.: Д.В. Бубрих. Из истории “Калевалы” / Калевала. Пер. Л.П. Бельского под ред. Д.В. Бубриха. М.–Л.: Academia, 1933 // СЭ. 1934. № 3. С. 138–143.

*Смирнов А.П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX–XIV вв. н.э. // Труды секции теории и методологии РАНИОН. Т. 2. М.: РАНИОН, 1928. С. 69–89.

*Смирнов А.П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Горномар. филиал Мар. кн. изд-ва, 1949. 136 с.

*Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В.* Каменные сверленные топоры Марийского Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2012. С. 62–91.

*Соловьев Б.С., Карпелан К., Кузьминых С.В., Михайлов Е.П.* Каменные орудия балановской культуры (Чувашская Республика): Монография // Чувашская археология. Вып. 2 / Науч. ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 255–351.

*Тихонов И.Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: СПбГУ, 2003. 332 с.

Хроника: В ГАИМК // ПИМК. 1933. № 9–10. С. 73–80.

Хроника: В Институте истории феодального общества ГАИМК // ПИДО. 1934. № 6. С. 121.

Хроника: Деятельность Общества татароведения (1923–1925 гг.) // ВНОТ. 1925. № 1–2. С. 57–60.

*Христолюбова Л.С.* Ученые – удмурты: Биобиблиографический справочник. Ижевск: Удмуртия, 1997. 860 с.

*Худяков М.Г.* Исторический очерк города Малмыжа (переработ. и дополн.) // ТВУАК. 1916. Вып. 1–2, отд. 3. С. I–VI, 1–52.

*Худяков М.Г.* Древности Малмыжского уезда // ТВУАК. 1917. Вып. 1–2, отд. 3. С. 1–59.

*Худяков М.Г.* Вотские родовые деления // ИОАИЭ. 1920а. Т. 30, вып. 3. С. 339–356.

*Худяков М.Г.* Вотские родовые деления (продолжение) // ИОАИЭ. 1920б. Т. 31, вып. 1. С. 1–16.

*Худяков М.Г.* К посещению Казани В.А. Городцовым [в 1920 г.] // КМВ. 1920в. С. 117–118.

*Худяков М.Г.* Развалины Великого Города // КМВ. 1921а. № 1–2. С. 78–83.

*Худяков М.Г.* Рец.: Н.В.Никольский. История мари (черемис). Вып. 1. Казань: Изд. Отдела мари при Отделе по делам национальностей, 1920. 180 с. // ВП. 1921б. № 2. Стлб. 50–52.

*Худяков М.Г.* Программа для описания курганов Татарской Республики // ВП. 1921в. № 2. Стлб. 40–41.

*Худяков М.Г.* Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань: Гос. изд-во ТАССР, 1922а. 21 с.

*Худяков М.Г.* 1000-летие мусульманской культуры в Поволжье // ВП. 1922б. № 1–2. Стлб. 1–12.

*Худяков М.Г.* Музеи Малмыжского края // КМВ. 1922в. № 1. С. 122–142.

*Худяков М.Г.* Рец.: А.М. Tallgren. L'eroque dite d'Ananino dans la Russie Orientale / SMYA. 1919. Т. 31: 2 // КМВ. 1922г. № 1. С. 205–211.

*Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Комитет по издательству и печати ТАССР, 1923. 302 с.

*Худяков М.Г.* Рец.: Ф.В. Баллод. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды: (По результатам археологических работ летом 1922 года). Казань: Комбинат изд-ва и печати ТАССР, 1923. 62 с. // КМВ. 1924. № 1. С. 119–120.

*Худяков М.Г.* Татарское искусство // Вестник знания. 1926. № 2. С. 125–130.

*Худяков М.Г.* К вопросу о происхождении чуваш // ИООИА. 1927. № 4. С. 135–146.

*Худяков М.Г.* К вопросу о датировке болгарских зданий // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. 4. Казань, 1930а. С. 36–48.

*Худяков М.Г.* Татарская Казань в рисунках XVI столетия // ВНОТ. 1930б. № 9–10. С. 45–60.

Худяков М.Г. Сущность и значение яфетидологии. Л.: ГАИМК, 1931а. 56 с. (Образовательная библиотека ГАИМК; №1)

Худяков М.Г. Финская экспансия в археологической науке // СГАИМК. 1931б. № 11–12. С. 25–29.

Худяков М.Г. Из фольклора Нижегородского края: (Легенды о могиле марийского князя Болтуша) // СЭ. 1931в. № 3–4. С. 171–180.

Худяков М.Г. Казань в XV–XVI столетиях // Материалы по истории Татарской АССР: (Писцовые книги города Казани 1565–68 гг. и 1646 г.) / Ред. С.Г. Томсинский. Л.: АН СССР, 1932а. С. VII–XXV.

Худяков М.Г. Политическое значение Мултанского дела и его отголосков в наше время // СЭ. 1932б. № 1. С. 43–62.

Худяков М.Г. Культ коня в Прикамье // ИГАИМК. 1933а. Вып. 100. С. 251–279.

Худяков М.Г. Металлическое производство в Среднем Поволжье в эпоху разложения родового строя // ПИМК. 1933б. № 7–8. С. 29–34.

Худяков М.Г. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового строя: (Солнце и его разновидности) // ПИДО. 1934а. № 11–12. С. 76–97.

Худяков М.Г. [Выступление по докладу М.М. Цвибака «Основные вопросы истории возникновения феодализма в России»] // ИГАИМК. 1934б. Вып. 103. С. 263–267.

Худяков М.Г. К истории начального периода финляндской археологии // ПИДО. 1934в. № 6. С. 88–93.

Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области: (Введение в историю народа мари) / ИГАИМК. Вып. 141. М.-Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1935а. 132 с.

Худяков М.Г. Пережитки материнского рода в «Калевале» // ПИДО. 1935б. № 7–8. С. 63–86.

Худяков М.Г. Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов) // Вопросы истории доклассового общества: Сборник статей к 50-летию книги Фр. Энгельса. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» / ТИААЭ. Т. IV / Ред. А.М. Деборин и др. М.-Л.: АН СССР, 1936. С. 391–414.

Худяков М.Г. Песнь об удмуртских батырах: (Из народного эпоса удмуртов. Песни, сказания...) // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы / Отв. ред. Т.В. Перевозчикова. Устинов: УдНИИ, 1986. С. 97–132.

Худяков М.Г. История покорения Малмыжского края (с приложением текста былины, записанной К.П. Чайниковым в Малмыжском уезде) // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / Ред., сост. В.Н. Козлов. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2003а. С. 35–86.

Худяков М.Г. Из истории взаимоотношения татарских и марийских феодалов в XVI веке // Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / Ред., сост. В.Н. Козлов. Йошкар-Ола: Центр-музей им. Валентина Колумба, 2003б. С. 87–138.

Худяков М.Г. Дорвыжы: Удмурт батырлыко эпос / Зуч кылысь берыктүз Ворьявай Василей (В.М. Ванюшев). Ижевск: УИИЯЛ, 2004. 139 с.

Худяков М.Г. Дорвыжы: Удмуртский героический эпос / Ред. В.М. Ванюшев, Д.А. Яшин. Ижевск: Удмуртия, 2008. 139 с.

Худяков М.Г. История Камско-Вятского края: Избранные труды / Науч. ред., состав. М.В. Гришкина, С.В. Кузьминых. М. – Ижевск: ИА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 416 с.

Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Университет. тип., 1877. 585 с.

Яшин Д.А. Опыт создания удмуртского эпоса: (О рукописи М.Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков...») // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы / Отв. ред. Т.В. Перевозчикова. Устинов: УдНИИ, 1986. С. 82–96.

Яшин Д.А. Соотношение фольклорного и авторского в эпосе М.Г. Худякова "Песнь об удмуртских батырах" // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Археология, антропология и генетика, этнография, фольклористика, литературоведение (тез. докл.). Устинов: УдГУ, 1987. Вып. 2. С. 290–292.

Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Russland // ESA. 1933. T. VIII. S. 1–160.

Harva Uno. Die Religion der Tscheremissen. Porvoo, 1926. 208 s. (Folklore Fellow's Communications; T. 61)

Chudjakov M. Hockerbestattungen im Kasanschen Gebiet // ESA. 1927a. Vol. I. S. 95–98.

*Chudjakov M.* Die Ausgrabungen von P.A.Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882 // FUF. 1927b. Bd. 18. S. 14–26.

*Chudjakov M.* Die Keramik des Begrabnisplatzes im Dorf Poljanki // FUF. 1927c. Bd. 18. S. 26–35.

Krasnowa T., Shklyaeu A. The History of the udmurts in the unpublished manuscripts of M.G. Khudykov // *Historia fenno-ugrika II. Congressus primus historiae fenno-ugrikae.* Oulu: Gummerus, 1996. Pp. 621–622

*Napolskikh V.V.* On the literary sources of M.G. Khudiyakov's Song of Udmurt Heroes // *Dynamics of Tradition: Perspectives on oral poetry and folk belief. Essays in honour of Anna-Leena Siikala on her 60<sup>th</sup> Birthday is January 2003 / Ed. by L. Tarkka.* Helsinki: Finnish Literature Society, 2003. Pp. 280–288. (*Studia Fennica Folkloristica*; №13)

#### **Информация об авторе:**

**Кузьминых Сергей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), чл.-корр. Германского археологического института (г. Берлин, Германия), зарубежный член Финского общества древностей (г. Хельсинки, Финляндия); kuzminykhsv@yandex.ru

## **M.G. HUDYAKOV: FROM UNPUBLISHED DURING LIFETIME**

### **S.V. Kuzminykh**

The huge and multifaceted creative heritage of M.G. Hudyakov, after his shooting in 1936 was consigned to oblivion, many works remained unpublished and turned up in various archives of the country and abroad. The main part of the requisitioned archive of the scientist, associated primarily with research in the field of history and ethnography of Udmurts and Mari, was returned in 1939 from the Peter and Paul Fortress to the Manuscripts and Rare Books Department of the State Public Library. M.E. Saltykov-Shchedrin in Leningrad (now the National Library of St. Petersburg). Other manuscripts prepared during the years of work at the State Academy of the History of Material Culture were transferred at the same time to the Manuscript archive of the Institute of the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences. Part of the manuscripts, mainly of student time, was in the State Archive of the Kirov region, in the fund of the Vyatka Scientific Archival Commission. Some manuscripts are stored in the homeland of Mikhail Georgievich, in the regional museum of local lore in the town of Malmyzh. Manuscripts of a number of major works of the scientist are also in the working archive of A.M. Thalgren in the Museum Office of Finland. Articles by MG Khudyakov, put into print in the mid-1930s, after he was repressed, probably remained for some time in the editorial offices of academic journals and collections. They could be disposed of in 1936 or disappeared into the blockade of Leningrad, but still there is a chance to find them in the St. Petersburg archives.

**Keywords:** archeology, ethnography, history, M.G. Hudyakov, unpublished work.

#### **About the Author:**

**Kuzminykh Sergei V.** Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru



**РЕЗОЛЮЦИЯ  
ПО ИТОГАМ ЗАСЕДАНИЯ КРУГЛОГО СТОЛА  
«ДРЕВНОСТИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ И 160 ЛЕТ АРХЕОЛОГИИ  
АНАНЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА»  
Г. ЕЛАБУГА, 23-25 МАЯ 2018 Г.**

В работе круглого стола приняли участие исследователи, занимающиеся широким кругом проблем от энеолита до раннего железного века, представители высших учебных, музейных и научно-исследовательских учреждений Донецка, Елабуги, Ижевска, Казани, Костромы, Москвы, Перми, Уфы, Хельсинки.

По итогам заседания круглого стола, были предложены направления совместной деятельности и обозначены следующие решения и пути взаимодействия:

1) Рекомендовать Елабужскому государственному историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику обратиться в адрес Министерства культуры Республики Татарстан и администрации Елабужского муниципального района с предложением рассмотреть возможность закрепления территории Ананьинского могильника, объекта культурного наследия федерального значения, за Государственным бюджетным учреждением культуры Республики Татарстан «Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

2) Рекомендовать проведение в 2023 г. в г. Елабуга конференции, посвященной 165-летию археологии Ананьинского могильника, с участием ведущих археологов Российской Федерации и стран ближнего и дальнего зарубежья.

3) Организовать подготовку публикаций, характеризующих базовые памятники ананьинской культурно-исторической области, в виде каталогов коллекции и отчетов полевых исследований в изданиях АН РТ Института археологии им. А.Х. Халикова и Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

4) Организовать подготовку полной публикации коллекции Ананьинского могильника, крупнейшие части которой в настоящее время хранятся в музеях Российской Федерации и Финляндской Республики.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК АКИО – аказинская культура ананьинской культурно-исторической области  
АКИО – ананьинская культурно-историческая область  
АЛ БГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета  
АН СССР – Академия наук СССР  
АО – Археологические открытия. М.  
АПО – Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург  
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика  
Атаб – ранний (атабаевский) этап маклашеевской культуры  
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа  
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола  
БЭК – Башкирский экономический колледж  
ВА – Вопросы антропологии. М.  
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск-Екатеринбург  
ВДИ – Вестник древней истории. М.  
ВЗ – Вестник Знания. Л.  
ВНОТ – Вестник Научного Общества Татароведения. Казань.  
ВП – Вестник просвещения ТАССР. Казань.  
ВРГО – Вестник Императорского Русского географического общества. М.  
ВУАК – Вятская ученая архивная комиссия  
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры  
ГИМ – Государственный исторический музей  
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина  
ГЭ – Государственный Эрмитаж  
д. – дело  
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук  
ИГАИМК – Известия ГАИМК. Л.  
ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук РТ  
ИИЯЛ – Институт истории языка и литературы  
ИИЯЛ БФАН СССР/УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала  
АН СССР / Уральского научного центра РАН  
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН  
ИКН АНМ – Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова  
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете  
ИООИА – Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку  
ИПИН – Институт по изучению народов СССР АН СССР  
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР  
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства  
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева  
КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина  
КМВ – Казанский музейный вестник. Казань.  
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.  
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л.  
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР  
ЛГУ – Ленинградский государственный университет  
ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт  
ЛИФЛИ – Ленинградский институт истории, философии и лингвистики  
Мак – поздний (маклашеевский) этап маклашеевской культуры  
МарГУ – Марийский государственный университет

МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева  
МАЭ – Музей археологии и этнографии УНЦ РАН  
МВК им. И.С. Шемановского – Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского  
МГУ – Московский государственный университет  
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.  
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.  
НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН  
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград  
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник  
НИИ КИМР – Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы  
НИИГНПРМ – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия  
НКП – Народный комиссариат просвещения РСФСР  
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан (Фонд Археологии)  
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан.  
НЦАИ АН РТ – Национальный центр археологических исследований ИИ АН РТ  
ОАК – Отчеты археологической комиссии. СПб., Пг.  
ОНКАЭ – Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции  
оп. – опись  
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ  
ОРРК РНБ – Отдел рукописей и редких книг РНБ  
ПБВ – поздний бронзовый век  
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. М.-Л.  
ПИМК – Проблемы истории материальной культуры. Л.  
ПМК АКЮ – постмаклашевская культура ананьинской культурно-исторической области  
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб, Л., М.  
РА – Российская археология. М.  
РАН – Российская академия наук  
РАНИОН – Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук  
РАО – Российское археологическое общество  
РЖ ТММК – Рукописный журнал «Труды Малмыжского музея местного края»  
РНБ – Российская национальная библиотека (Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)  
РО НА ИИМК – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН  
СА – Советская археология. М.  
САИ – Свод археологических источников. М.  
СТАИМК – Сообщения ГАИМК. Л.  
СКТК – средневолжская культура текстильной керамики  
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук  
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет  
СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН  
СССР – Союз Советских Социалистических Республик  
СЭ – Советская этнография. М.-Л.  
ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка.  
ТГУ – Томский государственный университет  
ТД – Тезисы докладов  
ТИААЭ – Труды Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Л.  
ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола.  
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа  
УдГУ – Удмуртский государственный университет  
УдНИИ – Удмуртский институт истории, языка и литературы  
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь



УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

УрО РАН – Уральское отделение РАН

Ф. – фонд

ФМ – Фонд Марджани

ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований (Казань)

ЧАССР – Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

ВСН – Bulletin de correspondance hellénique

ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.

FUF – Finno-Ugrischen Forschungen. Helsinki.

Журнал основан в мае 2017 г.  
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–69645  
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором  
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*  
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203  
Подписано в печать 30.04.2019 г. Формат 60×84 1/8  
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 36,04  
Тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №  
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"  
г. Казань, ул. Галактионова, 14

